

Вятский государственный гуманитарный университет

В Е С Т Н И К
ВЯТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ГУМАНИТАРНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Н а у ч н ы й ж у р н а л

№ 11

Киров
2014

Главный редактор

В. Т. Юнгблюд, доктор исторических наук, профессор, ректор ВятГГУ

Заместитель главного редактора

Е. М. Вечтомов, доктор физико-математических наук, профессор, заведующий кафедрой, ВятГГУ

Заместитель главного редактора

М. С. Судовиков, доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой, ВятГГУ

Ответственный секретарь

О. В. Байкова, доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой, ВятГГУ

Состав редакционного совета:

В. В. Блажеев, кандидат юридических наук, профессор, председатель Совета УМО по юридическому образованию, ректор Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (г. Москва);

И. Р. Гафуров, доктор экономических наук, профессор, ректор Казанского (Приволжского) федерального университета (г. Казань);

Н. И. Егорова, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, руководитель Центра по изучению холодной войны, Институт всеобщей истории РАН (г. Москва);

В. В. Лаптев, доктор педагогических наук, профессор, действительный член (академик) РАО, проректор по научной работе, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (г. Санкт-Петербург);

А. А. Махнев, доктор физико-математических наук, профессор, член-корреспондент РАН, заведующий отделом, Институт математики и механики УрО РАН (г. Екатеринбург);

Ю. А. Петров, доктор исторических наук, директор Института российской истории РАН (г. Москва);

Е. И. Пивовар, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН, ректор Российского государственного гуманитарного университета (г. Москва);

Н. Д. Светозарова, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник, Санкт-Петербургский государственный университет (г. Санкт-Петербург);

Е. Protassova, доктор педагогических наук, профессор-адъюнкт, отделение современных языков, Хельсинкский университет (г. Хельсинки, Финляндия);

Н. W. Retterath, доктор филологии, Институт этнографии немцев в Восточной Европе (г. Фрайбург, Германия);

D. Stellmacher, доктор филологии, профессор, Университет имени Георга-Августа (г. Геттинген, Германия)

Состав редакционной коллегии:

Н. М. Валеев, доктор филологических наук, профессор, академик Академии наук Республики Татарстан (г. Казань);

П. И. Кононов, доктор юридических наук, профессор, ВятГГУ (г. Киров);

В. М. Лавров, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт российской истории РАН (г. Москва);

М. И. Ненашев, доктор философских наук, профессор, ВятГГУ (г. Киров);

Н. О. Осипова, доктор филологических наук, профессор, ВятГГУ (г. Киров);

О. А. Останина, доктор философских наук, профессор, ВятГГУ (г. Киров);

В. Я. Перминов, доктор философских наук, профессор, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (г. Москва);

В. А. Поздеев, доктор филологических наук, профессор, ВятГГУ (г. Киров);

О. Ю. Поляков, доктор филологических наук, профессор, ВятГГУ (г. Киров);

Ю. А. Сауров, доктор педагогических наук, профессор, член-корреспондент РАО, ВятГГУ (г. Киров);

Г. И. Симонова, доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой, ВятГГУ (г. Киров);

С. В. Чернова, доктор филологических наук, профессор, ВятГГУ (г. Киров);

Т. Н. Чугаева, доктор филологических наук, заведующая кафедрой, Пермский научный центр УрО РАН (г. Пермь)

Адрес редакции: 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26,
тел. (8332) 673-674 (Издательство ВятГГУ)

Редактор **О. И. Коробкова**

Компьютерная верстка: **Ю. В. Данг**

Дизайн обложки: **А. Ю. Чепурных**

Ответственный за выпуск **А. А. Харунжев** (кандидат педагогических наук, доцент)

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
(Министерство по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций)
ПИ № 77-14376 от 17 января 2003 г.

Цена свободная

*Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук*

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ, КУЛЬТУРОЛОГИЯ

<i>Окулов С. М.</i> А есть ли кризис университета?	7
<i>Калашникова Е. М.</i> «Кризис идентичности» и исследование культуры самосознания современного человека	14
<i>Аликин В. А.</i> Идеи игры в философии постмодернизма	19
<i>Демидова М. В.</i> «Символический капитал» П. Бурдьё и «капитал» К. Маркса	27
<i>Богаткина М. С., Толкачева И. Н.</i> Управленческая этика в странах Европы (Австрия, Италия) и России	33
<i>Дудолодова М. М.</i> Эвристические возможности концепции фоновых практик	41
<i>Михайленко Е. Н.</i> Игра в метаромане Джонатана С. Фоера «Полная иллюминация»	47
<i>Быховская И. М.</i> Спорт: социокультурная экспансия в современном мире	51

ИСТОРИЯ

<i>Печенкин А. А.</i> Разгром Военного совета (1937 г.)	59
<i>Волокитина Н. А., Иванов Ф. Н.</i> Отражение реалий военной службы в песенном фольклоре населения Европейского Севера России конца XVIII–XIX в.	72
<i>Кузьмин А. Ю.</i> Некоторые особенности выстраивания региональных внешнеполитических ориентиров Королевства Саудовская Аравия в начале XXI в.	83

К 100-летию начала Первой мировой войны

<i>Макутчев А. В.</i> Раздел сфер влияния между Россией и Англией в Персии в 1907 г. как часть дипломатической подготовки к Первой мировой войне	88
<i>Тарасов А. В.</i> Вятская губерния в 1914–1917 гг.: власть и общество в условиях Первой мировой войны	93
<i>Соза Л. Н.</i> Документы ЦГА Москвы о положении военнопленных центральных держав на территории Коломенского уезда Московской губернии (1916–1917 гг.)	100

ПРАВО

<i>Редикульцева Е. Н.</i> К вопросу о правовом регулировании отпусков	106
<i>Домрачев Д. Г., Гвоздева Е. В.</i> Контрольно-надзорная деятельность органов исполнительной власти Кировской области	110
<i>Таева Н. Е.</i> Ценностное содержание и прямое действие конституционных норм	112
<i>Плотникова Г. Н., Матанцева Н. В.</i> К вопросу о проблемах обращения граждан Российской Федерации за защитой прав и свобод в Европейский суд по правам человека	119

<i>Сучков А. В.</i> К вопросу о дублировании проверочных мероприятий, проводимых на стадии возбуждения уголовного дела в современном российском уголовном процессе	124
<i>Стародубцева Ю. В.</i> Правовые аспекты медицинского обследования лиц, вступающих в брак	130
<i>Чапайкина И. Г.</i> Эволюция институтов местного самоуправления России во второй половине XIX в.	133

ФИЛОЛОГИЯ

<i>Меркель Е. В.</i> Райские локусы в лирике Анны Ахматовой	140
<i>Аверьянова А. В., Маслова М. А.</i> Образ творческой личности в романе Э. Гонкура «Актриса Фостен»	146
<i>Макарова О. А.</i> Особенности анализа художественного образа в филологии и искусствоведении	151
<i>Рысева У. А.</i> Брачные объявления начала XXI в. и их лингвостилистические особенности	155
<i>Минемуллина А. Р.</i> Оценочные прилагательные как языковой инструмент информационной борьбы (на примере информационного противостояния украинских и российских СМИ периода 2013–2014 гг.)	160

Этнические маркеры вятских северных и южных этноконтактных зон

<i>Поздеев В. А., Козлов Е. В.</i> Похоронно-поминальный комплекс обрядов в исследованиях XIX – начала XX в. как маркер марийской этнической идентичности	168
<i>Золотова Т. А.</i> «Путешествие в мир иной...» (эволюция этнических маркеров в свадебных обрядах русских и марийцев Волго-Вятского региона. Конец XVIII – первая треть XX в.)	175
<i>Крашенинникова Ю. А.</i> Локальные традиции как этнические маркеры (ритуалы и поэзия Великого четверга с. Лойма на материалах XXI в.)	181
<i>Лобанова Л. С.</i> Некоторые мотивы Великого четверга в Прилузской и Верхневычегодской традициях коми	190
<i>Наговицына М. П.</i> Образ «ходячего» покойника в быличках жителей старообрядческих поселений Кильмезского района Кировской области	197

ПЕДАГОГИКА И ПСИХОЛОГИЯ

<i>Сауров Ю. А., Коханов К. А.</i> О целях, ценностях и инструментах деятельности вятских методистов-физиков	202
<i>Шешунов И. В., Муратова Н. Г.</i> Интегративная модель повышения качества медицинского образования на послевузовском этапе в условиях модернизации системы здравоохранения	212
<i>Бажин К. С., Симонова Г. И., Ходырева Е. А.</i> Искусство и техническое творчество глазами молодых ученых: анализ результатов исследования	218
<i>Михайлов В. М.</i> О необходимости и методических возможностях обеспечения результативности восприятия учебного материала	222
<i>Поваляева О. Н. В. В. Розанов</i> о воспитательном потенциале русской художественной литературы	234
<i>Здоровенко М. Ю., Зеленина Н. А., Крутихина М. В.</i> Решение задач темы «Неравенства» школьниками Кировской области на ЕГЭ по математике в 2014 г.: от анализа ошибок к их предупреждению	237
<i>Позолотина М. П.</i> Проблема задания норм физического мышления при дистанционном обучении физике	246
<i>Кузьмина В. П.</i> Развитие эмпатии у младших школьников с ограниченными возможностями здоровья через оптимизацию детско-родительских отношений	250
<i>Матанцева Т. Н.</i> Личностная саморегуляция как фактор саморазвития подростков с задержкой психического развития	255
Сведения об авторах	261
Information about authors	266

CONTENTS

- Okulov S. M.* Is there a crisis of the university?
- Kalashnikova E. M.* "Crisis of identity" and the study of culture of modern human's self-conscience
- Alikin V. A.* Ideas of a game in the philosophy of Postmodernism
- Demidova M. V.* Pierre Bourdieu's "Symbolic Capital" and Karl Marx's "Capital"
- Bogatkina M. S., Tolkacheva I. N.* Managerial ethics in Europe (Austria, Italy) and Russia
- Dudoladova M. M.* Heuristic capability of the concept background practices
- Mikhaylenko E. N.* Play in Jonathan Safran Foer's metafictional work titled *Everything is illuminated*
- Bykhovskaya I. M.* Sports: sociocultural expansion in the modern world
- Pechenkin A. A.* Defeat of military council (1937)
- Volokitina N. A., Ivanov F. N.* Reflection of realia of military service in song folklore of the population of the European North of Russia at the end of the XVIII–XIX century
- Kuzmin A. Yu.* Some features of Saudi Arabia foreign policy checkpoints orientation at the beginning of XXI century
- Makutchev A. V.* The partition of influence spheres between Russia and Great Britain in Persia on 1907 in the preparation of Great War
- Tarasov A. V.* The Vyatka province in 1914–1917: the governance and society in the conditions of World War I
- Soza L. N.* Documents of the Moscow CSA about the situation of military prisoners on the territory of the Kolomna Central County, the district of Moscow province (1916–1917 yy.)
- Redikultseva E. N.* To a question of legal regulation of holidays
- Domrachev D. G., Gvozdeva E. V.* Regulatory activity Executive bodies of the Kirov region
- Taeva N. E.* Value content and straight impact of constitutional regulations
- Matantsena N. V., Plotnikova G. N.* To the question about the problems of citizens of the Russian Federation for the protection of human rights and freedoms in the European Court of human rights
- Suchkov A. V.* To a question of duplication of the test events held at a stage of initiation of legal proceedings in modern Russian criminal trial
- Starodubtseva J. V.* Legal aspects of the medical examination of persons entering into marriage
- Chapaykina I. G.* Evolution of the local government institutes in Russia during the second half of the XIX century
- Merkel E. V.* Paradisal locuses in Anna Akhmatova's lyrics
- Averyanova A. V., Maslova M. A.* The image of a creative personality in the novel E. de Goncourt "Actress Faustin"
- Makarova O. A.* On Image Analysis in Linguistics and Art History
- Ryseva U. A.* Marriage advertisements of the beginning of the XXI century and their linguistic stylistic features
- Minemullina A. R.* Evaluative adjectives as language instrument of informational struggle (opposition of Ukrainian and Russian Mass media 2013–2014).
- Pozdeev V. A., Kozlov E. V.* Funeral and memorial complex rituals in research XIX – early XX centuries Mari as a marker of ethnic identity
- Zolotova T. A.* Travelling to Another World: Evolution of Ethnic Markers in Russian and Mari Wedding Rites (the Volga-Vyatka Region, 1790-s – 1920-s)
- Krashenninnikova Yu. A.* Local tradition as ethnic marker (rituals and poetry with Holy Thursday. Loyma on materials of XXI century)
- Lobanova L. S.* Some reasons Maundy Thursday in Priluzsky and traditions Verhnevychevodskoy Komi
- Nagovitsyna M. P.* Image of the «walking» dead man in the memorates of Old believers settlements of the Kilmesky district in the Kirov region
- Saurov Yu. A., Kokhanov K. A.* On the goals, values and tools activities Vyatskie Methodist physicists
- Sheshunov I. V., Muratova N. G.* Integrative model of medical education quality improvement at after-higher educational stage in conditions of health care service modernization
- Bazhin K. S., Simonova G. I., Khodyreva E. A.* Art and technical creativity through the eyes of young scientists: an analysis of survey results
- Mikhailov V. M.* The need and possibilities for effective perception of teaching learning material
- Povalyaeva O. N. V. V.* Rozanov way about the educational potential of Russian fiction
- Zdorovenko M. Yu., Zelenina N. A., Krutikhina M. V.* The solution of tasks of the subject "Inequalities" by school students of the Kirov region on Unified State Examination on mathematics in 2014: from the analysis of mistakes to their prevention
- Pozolotina M. P.* The problem of setting norms for physical thinking in distance education physics
- Kuzmina V. P.* The development of empathy in primary school children with disabilities through the optimization of the parent-child relationship
- Matantseva T. N.* Personal self-regulation as a factor of self-development adolescents with mental retardation

ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ, КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 378

С. М. Окулов

А есть ли кризис университета?

Университет (речь идет не о конкретном Университете) рассматривается как система, на которую оказываются внешние воздействия различного типа (из среды). Определяется состояние кризиса. Показывается, что в том случае, если система работает по принципу гомеостаза, то под совокупностью этих воздействий она может оказаться в состоянии покоя. Если же система является сложной, способной к переходу на качественно новый уровень организации, то, несмотря на кризис, в который её переводят внешние воздействия, возможен конструктивный выход из него. Для этого система, как минимум, должна обладать избыточным разнообразием. В заключение рассматриваются возможные варианты объяснения причин возникновения определенных внешних воздействий.

University (it is not a particular university) is considered as a system, which is impacted with external effects of different types (from the environment). The state of the crisis is determined. It is shown that if the system works on the principle of homeostasis, then with the totality of these impacts it may go in a state of a rest. If the system is complex, able to a transition to a qualitatively new level of organization, then despite the crisis, in which it is transferred with the outside influences, the constructive way out of it is possible. For this a system must have excess diversity as minimum. In conclusion the possible variants of explanations of the causes of certain external influences are discussed.

Ключевые слова: Университет, кризис, система, кибернетика, синергетика, сложность, разнообразие, работа.

Keywords: University, crisis, system, cybernetics, synergetics, complexity, diversity, work.

Определим Университет [1] как систему, то есть функционально организованную совокупность элементов, решающую определенную задачу. Кризис, в традиционном понимании, это так или иначе переходное состояние системы, связанное с изменившимися условиями её существования. Кризис может быть вызван как внешними, так и внутренними условиями. В данной работе речь в основном идет о внешних условиях (определим их как среду), внутренние – практически не затрагиваются. В любом случае, кризис системы характеризуется её неустойчивым состоянием, в котором ранее наработанные схемы деятельности (функционирования) дают не те результаты или решают поставленную перед системой цель не на должном уровне. Выходов из кризиса немного, обычно два. Или катастрофа, означающая гибель системы, или переход в другое состояние. Второй переход возможен только для определенных систем. В системе есть некая активность, а для этого она должна быть, как минимум, сложная, то есть содержащая в себе потенцию к самоорганизации. Другими словами, выход из кризиса может быть и конструктивным.

Примечание. Кризис – это вполне естественное состояние практически любой сложной системы. Он в соответствии с одним из положений синергетики – законом отсроченной дисфункции – наступает обязательно, и только от системы зависит, насколько она готова к изменениям. Закон отсроченной дисфункции: «линейное наращивание антиэнтропийной активности системы накапливает разрушительные эффекты в среде, и со временем прежние механизмы жизнеобеспечения становятся настолько затратными, что угрожают прямой дисфункцией – катастрофическим ростом энтропии в самой системе. С наступлением кризи-

са дальнейшая судьба системы может зависеть от **разнообразия**, накопленного в период спокойного развития» [2]. Понятие «разнообразие» выделено авторами.

О цели (или решаемой задаче) системы. Цель (в упрощенном варианте) функционирования системы предельно проста – подготовка специалистов по отдельным отраслям знаний. При этом программа подготовки в виде стандартов задается извне (внешний параметр), и для бюджетных учебных заведений рассчитываются и выделяются определенные финансовые средства (внешний параметр), необходимые (так считается) для обеспечения деятельности системы по решению поставленной задачи. Следует отметить, что процесс деятельности системы (как правило, все его аспекты) регламентируется еще определенным количеством различного рода ограничений и указаний. Так как они идут извне, то определим их как внешние воздействия и их количество обозначим как F . Естественно, предполагается, что все внешние воздействия носят позитивный характер, то есть улучшают, делают качественнее процесс функционирования системы. Достижение цели системой оценивается средой по определенным критериям. Заметим, что у системы могут быть и свои цели (внутренние), и они могут скрытыми и не всегда совпадать с внешними целями. Но в данном случае для простоты изложения будем считать, что цели совпадают (примеров того, как системами «под прикрытием» внешних целей, точнее, их формальным исполнением, могут решаться другие задачи, достаточно, но их анализ – предмет отдельного исследования).

Примечание о параметре F . В конечном итоге он проявляется в количестве бумаг различного толка, сопровождающем деятельность на любом уровне системы. Из собственного опыта можно сказать однозначно, что даже на уровне заведующего кафедрой (элемент системы) это количество возросло в лучшем случае в десятки раз. Уровень безумия системы можно было бы оценить количеством потребляемой бумаги. Очень точный и измеряемый критерий.

Системный анализ, в его кибернетической трактовке, основан на идее гомеостаза (динамического поддержания равновесия системы со средой). Он применим и к социальным «человейникам» [3]. В случае гомеостаза система просто адаптируется к внешней среде и, образно выражаясь, идет в то состояние, в которое её «толкает» среда. Какое? Системе это безразлично, даже если оно есть состояние полного покоя (смерти). В таком случае понятие кризиса для характеристики системы применять неправомерно и, если есть кризис системы, то это кризис другого уровня.

Отметим еще одну характерную особенность систем этого типа. Они обладают свойством аддитивности. Итоговый результат деятельности системы есть сумма итогов её составных элементов. И, аналогично, с точки зрения отработки внешних воздействий. Есть воздействие – есть его отработка. Сколько воздействий – столько отработок. Что из системы выйдет в результате таких отработок? А это не «головная боль» системы. Если даже уродец, но такого ведь заказывали. Конкретный пример. Ввели в образовании подушевое финансирование, как в школах, так и в вузах. Отработка системой – правдами и неправдами не отчислять неуспевающих студентов. Каково воздействие – такова и отработка.

В синергетической [4] же парадигме осуществляется анализ систем другого типа, а именно, систем, способных осуществлять переходы в качественно новые состояния в основном в процессах преодоления кризиса. Эта способность фиксируется в ряде характеристик (свойств) системы.

Обратимся к классике системно-синергетического анализа. Первоначально раскроем понятия «состояние», а только затем сформулируем ряд свойств систем, в которых есть способность к переходам в другие состояния.

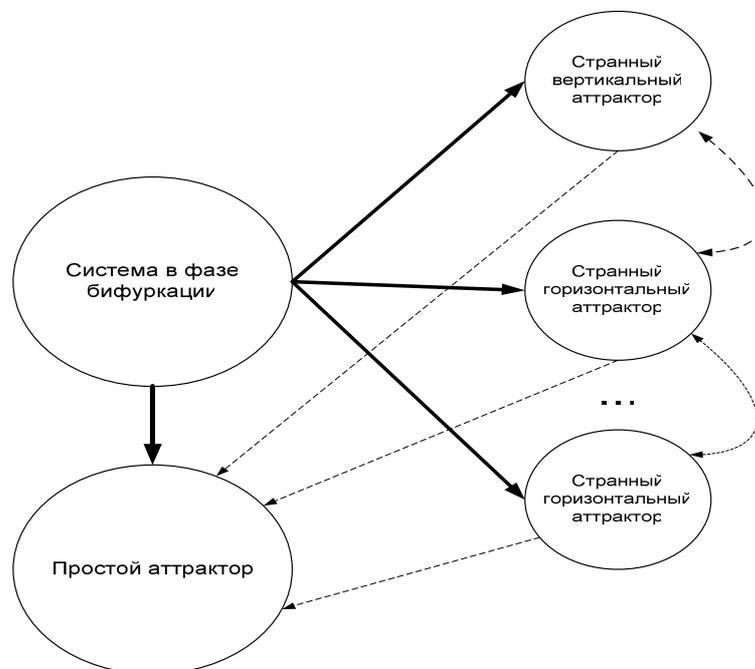
Система как таковая может находиться в состоянии устойчивости или неустойчивости. Устойчивость характеризуется тем, что отдельные флуктуации не приводят к изменению системы – она стабильно функционирует и выполняет свое назначение. В зависимости от типа флуктуаций – внешние или внутренние – говорят о соответствующей устойчивости. Состояние неравновесия (параметры системы не соответствуют среде) системы – это фаза неустойчивости, её называют бифуркацией. Неравновесия разделяют на устойчивые и неустойчивые. Например, человек как система постоянно находится в устойчивом неравновесии со средой. Он, человек, на любом уровне (физиологии, сознания и т. д.) постоянно **работает**, противодействуя среде и черпая для этого ресурсы (энергию) из этой среды. Если ресурсов не будет или система «сломается» (перестает **работать**), то человек приходит в состояние

равновесия со средой (максимум энтропии), становясь органическими отложениями. Другими словами, в устойчивом неравновесии сложная система самоорганизуется (некоторое «забегание» вперед по тексту, ибо речь уже о свойствах системы), в ней есть некая **активность** к антиэнтропийной деятельности. А неустойчивое неравновесие именно и характеризуется отсутствием этой активности. Система в этом случае изменяется, обычно линейно, в сторону равновесия со средой (энтропия возрастает).

При нахождении в фазе бифуркаций у системы, как правило, выбор небольшой – она переходит в одно из возможных устойчивых состояний (их немного), называемых аттракторами. Здесь надо выделить главное. Если начался переход системы к одному из аттракторов, то он необратим, в том смысле, что «развернуть» систему и «заставить» перейти её к другому аттрактору за счет ресурсов самой системы, как правило, невозможно.

В синергетике аттракторы разделяют на простые и странные. Первые характеризуются тем, что система находится в состоянии полного равновесия со средой. Для человека, как физиологической системы, состояние простого аттрактора означает смерть, для какого-либо «человейника» – его полное разрушение. Странные аттракторы в свою очередь разделяют на горизонтальные и вертикальные. Горизонтальный аттрактор отличается от простого только тем, что система чем-то пожертвовала, что-то отдала, как-то перестроилась, но, в результате, функционирует так, как требует среда, то есть остается на близком уровне неравновесия. Вертикальный странный аттрактор – это новое устойчивое состояние системы, характеризующееся более высоким уровнем неравновесия со средой. Прилагательные, как обычно, «затуманивают» смысл, который предельно прост: если в системе есть ресурс к самоорганизации и перестройке в сторону усложнения, то она переходит в обозначенное состояние. По отношению к предыдущему оно и носит такое название.

На рисунке представлены возможные состояния системы. Странный вертикальный аттрактор приведен один, но их «цепочка» может быть продолжена. Горизонтальный странный аттрактор приведен не один. Следующие, через многоточие, приведены аттракторы несколько ниже горизонтального уровня, подчеркивая тем самым мысль о том, что переходы в горизонтальные странные аттракторы приближают окончательный переход к простому аттрактору. Пунктиром обозначены дальнейшие возможные переходы.

Переход системы в странный вертикальный аттрактор обладает рядом специфических особенностей. Приведем пример для вычленения сути. Рассмотрим человека на физиологическом уровне как систему. Что бы мы ни делали, перехода вверх не будет, если рассматривать это состояние как бессмертие. На уровне сознания – да, такой переход возможен, но не на физиологическом уровне. Эта система «вращается» на уровне горизонтальных аттракторов, и заканчивается её существование в одной точке, в простом аттракторе.

Какими свойствами должна обладать система? Система должна быть сложной, она должна обладать способностью к самоорганизации. Понятие «сложности» трудноопределимо. Это не только и не столько количественная характеристика системы, измеряемая числом элементов и связей между ними, это скорее качественная характеристика – как некая потенция системы к изменению за счет привлечения внешней энергии (что естественно), но без управления извне или вопреки ему. Очевидно, что сложная система обладает и такой характеристикой, как неаддитивность. Сложность – это не только интегративное свойство системы. Как правило, без сложности её основных элементов, особенно ключевых, не бывает и истинной сложности системы в целом. Точнее, бывает, но это другая сложность, сложность по первому закону С. Н. Паркинсона: «...чиновник стремится множить подчиненных..., и чиновники создают друг другу работу...» – множество структур с переплетенными взаимосвязями.

Примечание. В Советское время говорили про сельское хозяйство проще, примерно так: пока на одну корову приходится десять начальников – надоев ждать бесполезно. А если еще от коровы с дояркой требуют десять разных отчетов о деятельности, то дело совсем «труба».

Сложность не возникает «на ровном месте». Без *разнообразия* в системе она не может быть сложной и переход её в вертикальный странный аттрактор практически невозможен. Заметим, что еще в 50-х гг. прошлого века У. Р. Эшби сформулировал фундаментальное положение кибернетики – *закон необходимого разнообразия*, выражающего пропорциональную зависимость между внутренним разнообразием системы и её потенциалом в качестве субъекта и (или) объекта управления. В синергетике же сформулировано *правило избыточного разнообразия*, выведенное и подтвержденное анализом кризисных ситуаций как биологических, так и социальных систем на разных стадиях эволюции. Правило гласит: «При обострении кризиса вероятность сохранения сложной системы пропорциональна накопленному в ней *разнообразию*, причем решающее значение приобретают те элементы, которые на прежнем этапе существования системы оставались функционально бесполезными» [5].

Примечание. Приводя эти положения, вспоминаем мысль из памятника ораторского искусства древнего (до нашей эры) Китая [6] о том, что «...единообразие не приносит потомства...».

Сделаем предположение о сложности рассматриваемой системы (Университета) и попытаемся «отследить» её разнообразие за последние лет тридцать. Этот период охватывает существенные изменения среды. Интегрированное разнообразие (в целом) достижимо только при разнообразии ключевых элементов системы, которыми являются Преподаватель и Студент. Идеальный образ Преподавателя: ведет учебный процесс на высоком профессиональном уровне (*работает*); интенсивно занимается научной деятельностью, ибо априори считается, что только в этом случае первая задача решается достойно. Идеальный образ Студента: *работает* с целью освоения тех знаний, которые позволяют ему стать специалистом в выбранной области деятельности. Вычленено главное – например, воспитательная работа не рассматривается. Целевая установка деятельности всех остальных структурных элементов системы (университета) очевидна – обеспечение успешного решения ключевыми игроками возложенных на них задач, что ведет в целом к успешному решению задачи, возложенной на систему.

Возьмем первый этап анализа, 80-е гг. прошлого века. Система уже длительное время находилась в устойчивости, спокойном развитии. Конечно, финансирование по меркам международной практики было недостаточно, но оно было стабильным. Как достигалось разнообразие, и было ли оно? Да. Стандарты подготовки (внешний параметр) допускали вариации за счет дисциплин специализации, курсов по выбору и регионального компонента (элементы учебных планов). Это позволяло в рамках конкретного направления подготовки не только осуществлять ориентацию на запросы той же промышленности региона, но и создавать разнообразие на уровне ключевых элементов системы. Так, Преподаватель, занимавшийся наукой, мог в рамках этих курсов (а так это и было) «говорить» со Студентом именно об этом. А у преподавателя была возможность заниматься наукой. Во-первых, нагрузки, хотя и были большими, опять же при сравнении с международной практикой, но не предельными. Во-вторых, работа на одну ставку оплачивалась на уровне, достаточном не только для физиологического выживания семьи, но и чуть больше. При скромных запросах, а именно они культивировались идеологией среды, молоха потребительства в явном виде не возникало.

Итак, было разнообразие, и был определенный синтез ключевых элементов системы. Это синтез достигался не формально, а в результате совместной деятельности (*работы*). Трудно представить студента, который бы без работы получал то, что называется дипломом. И, далее, на университет как систему не возлагались дополнительные функции. Так, например, трудоустройство выпускников было обязательным, оно решалось на уровне внешней среды, а не являлось одним из критериев оценки деятельности системы. Кроме того, параметр *F* для университета было минимальным и не требовал от университета как системы создавать в себе элементы, которые бы обеспечивали отработку этого внешнего параметра. Таким образом, создавать *разнообразие* на уровне управляющих элементов (или псевдоуправляющих) в самой системе не было необходимости, точнее, оно не требовалось исходя из условий адаптации к внешней среде.

В 90-е гг. прошлого века внешняя среда по отношению к системе резко изменилась, происходили быстрые социальные изменения. Чем они характеризуются для нашей системы? Во-первых, университеты были «отпущены на свободу». Можно было открывать новые направления подготовки, делать свои планы подготовки и т. д. Следует отметить, что в это время создавалось многое такое, действительно достойное, которому не было места в предыдущий период развития. Во-вторых, финансирование системы осуществлялось на самом минимальном уровне. Последствия этого факта выражались, например, в том, что Преподаватель не мог существовать на то, что называлось заработной платой, ему приходилось (и приходится) осуществлять свою деятельность во многих местах. Аналогично и со Студентом. Времена, когда можно было жить на стипендию, канули в лету. В-третьих, и самое главное, произошла коммерциализация системы. Говоря просто, системе было сказано: мы не можем, не хотим и не будем тебя финансировать на должном уровне, но ты сама можешь зарабатывать и пользоваться то, что зарабатываешь.

Главным «печальным» последствием факта коммерциализации для системы явилось то, что в ней появился элемент (студент), который *без работы* (с минимальной затратой умственных сил) мог достичь результата – получать диплом (но не высшее образование). Перечень печальных последствий по адаптации системы к внешней среде можно продолжить, он длинный. Разнообразие как таковое на уровне ключевых элементов системы как бы сохранилось, его даже стало больше, но оно стало другим. Со стороны Преподавателя оно сводилось к поиску способов выживания. В одних случаях это приводило к уходу из системы, в других – к увеличению нагрузки, например, за счет работы в нескольких университетах – другое разнообразие. Со стороны Студента – учебный процесс перестал быть первоочередной задачей. Безусловно, оставались и остаются «островки», направленные на деятельность в старом понимании (как Преподавателя, так и Студента), но обреченность их на «вымирание» очевидна.

Примечание. О последствиях коммерциализации. Замкнутый регион, заселенный племенами, технология убийства в которых на уровне топора и лука. Несколько племен снабдили ружьем и научили пользоваться. Результат – соседи были истреблены. Вывод. Каждой возможности, что по убийству, что по удовлетворению каких-то других «наклонностей» человека, должны соответствовать некие противовесы в виде нравственных, юридических и других норм. Должен быть баланс, соответствие, в противном случае переход системы в простой аттрактор – дело времени. Для возможности удовлетворения определенных потребностей (что для человека, что для любого «человейника») правдами и неправдами должно быть выработано противодействие, в частности, в виде неких (нравственных, юридических, правовых и т. д.) норм, когда возможность удовлетворения остается только за правдой. Если их нет, нет противодействия, нет баланса, то есть «дикий разгул» удовлетворения. Впрочем, деградация систем вследствие быстрых социальных изменений (противовесы не успели выработать) – обычные явления человеческой истории.

В целом, если предположение о сложности системы истинно, то в этот период своего существования она перешла в странный горизонтальный аттрактор с явным уменьшением истинного разнообразия на уровне своих ключевых элементов.

Следующий этап существования системы – его началом можно считать переход университетов на уровневую подготовку (бакалавр, магистр) по новым вариантам федеральных государственных образовательных стандартов и с другими критериями оценки в виде компетенций. В нашу текущую задачу не входит их анализ (он дан в [7]), а только общее пони-

мание того, куда и в какое состояние «гонят» систему эти внешние воздействия, а также способствуют ли эти воздействия возникновению (или сохранению) разнообразия на уровне ключевых элементов системы как необходимой компоненты подтверждения предположения о сложности системы.

Примечание об «эффекте бабочки». В синергетике есть такое образное сравнение о малых, незначительных воздействиях на систему, приводящих к значительным её изменениям, если не к разрушению. Бабочка взмахнула крыльями в Бразилии, чем вызвала разрушительный тайфун, например, в Японии. В данном случае все благие лозунги о позитивности перехода в новое состояние могут быть разрушены одним небольшим (без лозунгов) управляющим воздействием. Есть такой норматив, как количество бюджетных студентов на одну ставку преподавателя. Пусть эта цифра равна 10. То есть на 10 бюджетных студентов дается одна бюджетная ставка преподавателя. Так, если есть 600 студентов, то полагается 60 ставок (а это финансирование и т. д.). Предположим, что норматив увеличили вдвое. В этом случае останется только 30 ставок. Надо ли продолжать? Еще один пример, очень наглядно демонстрирующий возможности среды по переводу систем в состояние, близкое к простому аттрактору. Так, в настоящее время зачисление в вузы ведется по пресловутым баллам единого государственного экзамена в школе (одно из решений среды, приводящее к принципиальному упрощению школьного образования в целом со всеми вытекающими из этого последствиями). Предположим, что установлен балл по предмету, равный 30 (это где-то между 2 и 3 в старом исчислении). Небольшим управляющим воздействием устанавливается балл, равный 60. И сигнал к этому уже дан (президентом) – «не принимать неучей даже на платное образование». Надо ли продолжать? Стоит только вспомнить о подушевом финансировании, но «картинка» получается уж очень мрачная – светлых пятен практически не просматривается.

Это внешнее управляющее воздействие двулико. В явном виде оно не создает предпосылок к упрощению системы, к уменьшению разнообразия системы на уровне ключевых элементов, но это только в явном виде. Заложенное уменьшение времени на изучение дисциплин в стандартах, размытость критериев оценки и ряд других параметров [8] однозначно говорят о навязываемой жесткой регламентации деятельности системы в целом и Преподавателя со Студентом в частности. **Работа** от того и другого не требуется, да и условий для **работы** меньше, но требуется безукоснительное соблюдение регламента (образно выражаясь, оформления десяти отчетов для начальства). Внешняя среда по отношению к системе «качнулась» от почти полного отсутствия управляющих воздействий к управлению (или псевдоуправлению) всеми аспектами деятельности системы. Если к этим внешним воздействиям добавить, если они есть, внутренние (в самой системе), энтузиазм которых по регламентации может превзойти любые ожидания, то мы получаем условия, при которых разнообразие становится в принципе недопустимым. А с учетом того что финансирование осталось практически на том же уровне, если не меньшем, получаем еще более безрадостную «картинку» не только по развитию разнообразия системы, но и по сохранению его на прежнем уровне.

Примечание о финансировании. Слабое внешнее финансирование приводит в некоторых случаях к специфическим решениям в рамках самой системы. Их суть можно выразить кратко так. Понимая, что всех «накормить» нет возможности, с помощью различных схем, окрашенных бодрыми лозунгами, «подкормить» хотя бы избранных. Принципы причисления к разряду избранных могут быть различны, но, как правило, они основаны на авторитарных решениях.

Подводя итог этому периоду существования системы, а он продолжается, можно сказать о том, что внешняя среда делает максимальные усилия по её упрощению. Исключается разнообразие во всем, а значит и сложность, а значит и потенция к переходам на более высокий уровень организации (развития). Система начинает функционировать просто, на уровне обычного гомеостаза, то есть быть системой кибернетического толка. И если внешняя среда «толкает» её в сторону простого аттрактора, то она перейдет, это заложено в логике её функционирования. От паровой машины она, конечно, будет отличаться, но только количеством составляющих элементов и связями между ними.

Если вывод об упрощении систем рассматриваемого типа под воздействиями внешней среды верен, то попытаемся оценить с логической точки зрения эти воздействия.

Вариант о непрофессиональности внешней среды не рассматривается, ибо он слишком прост и вряд ли соответствует действительности.

Примечание. Полностью исключать его тоже нельзя, когда слышишь по телевидению заявления, сделанные с мудрым видом, типа: «...я дал поручение организации (например, правительству), которую я возглавляю, сделать то-то и то». С точки зрения управления это нонсенс. Я дал поручение сам себе. Если бы речь шла о самообразовании или самовоспитании, то тогда это допустимо, но в данном случае...

Второй вариант. Возможности моделирования в настоящее время возросли на несколько порядков. Математический аппарат, потенциал информатики позволяет это делать. Рассмотрим мегасистему по отношению к системе под названием государство. Тогда образование в целом и Университет в частности являются просто соответствующими элементами. Ставится задача о переводе мегасистемы в определенное состояние. Рассчитывается, строится модель этого перевода и оказывается, что составной элемент этой системы должен быть таким-то и таким, а для этого следует сделать то-то и то.

Примечание. Один гоминид бил другого, чтобы забрать его добычу и чтобы не бегать за ней самому. Одно племя воевало с другим, чтобы забрать у него что-то и воспользоваться этим. Одно государство воевало с другим государством за то, чтобы что-то присвоить. Человейники любого уровня в принципе занимались одним и тем же делом. Просто в настоящее время методы стали более изощренными, но суть, вероятно, та же. Человейники с более высокой организацией, уровнем развития становятся центрами по оттягиванию энергии из окружающих человеичков. Изощренное оттягивание – это нормальное явление. Но оно не может для любого конкретного человеичка продолжаться до бесконечности – сработает закон отсроченной дисфункции.

Третий вариант. Он созвучен со вторым, но меньшего масштаба. Например, принято решение о том, что высшего образования «слишком много» и его надо реформировать – вполне естественное решение. Возникает вопрос «как?». Простые авторитарные решения типа закрытия, при всех рассуждениях о человеческом потенциале государства, чреватые непредсказуемыми последствиями. Да очень просто. Следует перевести систему (имеется в виду все образование) в условия кризиса (может быть точнее, создать деструктивные условия его существования), ибо выход из кризиса, согласно науке синергетике, может быть и конструктивным. Итак, кто найдет и сумеет выйти из кризиса, тот и остается. И в этом случае решающим становятся действия самой системы, но данный анализ выходит за рамки сего повествования.

Примечание. «Слишком много» проявляется, например, и в том, какая доля внутреннего валового продукта тратится на образование. Цифрами подтвердить не будем, они известны, но ясно, что эта доля уменьшается.

Возможны ли еще варианты? Допустимы. Математики же додумались до многозначной логики.

Примечания

1. Речь идет не о конкретном Университете, а о среднем по функциональным возможностям высшем учебном заведении России.

2. Назаретян А. П. Нелинейное будущее. Мегаистория, синергетика, культурная антропология и психология в глобальном прогнозировании: монография. М.: АРГАМАК-МЕДИА, 2014. С. 234.

3. Термин Александра Александровича Зиновьева (1922–2006), российского, советского логика, философа, писателя. Означает некое (любое, в смысле количества) объединение людей, связанных между собой функционально.

4. Синергетика. Синонимы понятия (в зависимости от области знаний): теория самоорганизации, теория диссипативных структур, теория хаоса или теория сложности. Синергетика изучает образование и сохранение систем в состояниях, далеких от равновесия. При этом выявленные положения (законы) являются едиными для систем в природе, обществе и т. д.

5. Назаретян А. П. Указ. соч. С. 234.

6. Го Юй «Речи царств». М., 1987.

7. Окулов С. М., Разова Е. В. Знания или компетенции? («Ложится мгла на старые ступени») // Вестник ВятГГУ. Философия и социология; культурология. 2014. № 4.

8. Там же.

Notes

1. This is not about a particular University, but about average-functionality higher educational institution in Russia.
2. Nazaretyan A. P. *Nelinejnoe budushchee. Megaistoriya, sinergetika, kul'turnaya antropologiya i psihologiya v global'nom prognozirovanii: monografiya* [Nonlinear future. Megahistory, synergetics, cultural anthropology and psychology in the global forecasting: a monograph]. Moscow. ARGAMAK-MEDIA. 2014. P. 234.
3. The term of Aleksander Alexandrovich Zinoviev (1922-2006), Russian, Soviet logistic, philosopher, writer. It refers to some (any, in terms of quantity) association of people functionally connected.
4. Synergetics. Synonyms of concept (depending on area of knowledge): theory of self-organization, the theory of dissipative structures, chaos theory or complexity theory. Synergetics studies the formation and preservation of systems in states that are far from equilibrium. Identified provisions (laws) here are the same for systems in nature, society, etc.
5. Nazaretyan A. P. Op. cit. P. 234.
6. Guo Yu «*Rechi carstv*» [Kingdoms' Speeches]. Moscow. 1987.
7. Okulov S. M., Razova E. V. *Znaniya ili kompetencii? («Lozhitsya mгла na starye stupeni»)* [Knowledge or competence? ("Darkness falls on the old steps")] // *Vestnik VyatGGU. Filosofiya i sociologiya; kul'turologiya* - Herald of VyatSHU. Philosophy and sociology; cultural studies. 2014, No. 4.
8. Ibid.

УДК 165

Е. М. Калашникова

«Кризис идентичности» и исследование культуры самосознания современного человека*

В настоящей статье уточняется понятие «кризис идентичности», указывается на ограниченность его применения в изучении становления и функционирования самосознания, предлагаются способы минимизации спутанности сознания. Исследуется, каким образом отчужденное общество не только создает преграды в удовлетворении глубинных потребностей людей и возможностей самореализации, но и порождает кризисное сознание, которое в XX в. подробно изучается в экзистенциально ориентированной философии и социологии. В статье при понимании специфики современного индивидуального и массового сознания акцент переносится на установки представителей креативной, рефлексивной социологии XXI в., предлагающей переосмысление меняющегося мира, в котором неопределенность будущего не должна мешать в решении поставленных задач в настоящем. Исследуется понятие неопределенности ее форм и главная особенность любой формы – недостаток информации. Рекомендации, представленные в статье, состоят в следующем: чем неопределеннее будущее, тем определеннее и компетентнее должны быть решения, а для этого необходимо быстро определять вектор ближнего будущего и искать новые концептуальные инструменты: категории, методы, подходы, принципы. И несмотря на то что в современном обществе в условиях компьютеризации возможности для мнимых идентификаций бесконечно увеличиваются, адекватные и понятийные формы идентичности, формирующиеся в процессе коммуникативных связей людей, определяют культуру самосознания современного человека.

The given paper specifies the concept "crisis of identity", points out that the concept is rather limited when used in a research of the formation and functioning of self-conscience and proposes ways to minimize confusion of conscience. It investigates the ways the alienated society creates obstacles to satisfying individuals' profound needs and capacity of self-realization and generates conscience in crisis, which is actively studied in the existentialist philosophy and sociology in the 20th century. Along with understanding the specificity of the contemporary individual and collective forms of consciousness, there is an accent in the paper laid on the standpoints of the representatives of the 21th century creative and reflexive sociology, who propose to reconsider the changing world and realize that the uncertainty of the future can not prevent problem solving in the present. The author studies the concept of uncertainty, forms of uncertainty and information gaps, which any form is characterized by. The paper gives the following suggestions: the more uncertain the future is, the more definite and competent the present decisions must be, and for that, it is urgent to clearly see

* Материал подготовлен в рамках Проекта № 023–Ф Программы стратегического развития ПГПУ.

the vector of the future and search for new conceptual tools: categories, methods, approaches and principles. Despite the fact that in the contemporary society chances of false identifications conditioned by computerization are growing, these are adequate and conceptual forms of identity that are developing in the process of social communication ties and define the culture of an individual's self-consciousness.

Ключевые слова: идентичность, кризис идентичности, самоидентичность, личностная целостность, кризисное сознание, отчуждение, девиантное поведение, неопределенность, спутанная идентичность, межсубъектность, культура самосознания.

Keywords: identity, crisis of identity, self-identity, personal wholeness, conscience in crisis, alienation, deviant behaviour, uncertainty, confused identity, inter-subjectiveness, culture of self-consciousness.

Понятие «кризис идентичности» стало популярным в современных междисциплинарных исследованиях, но, к сожалению, оно имеет настолько неоднозначные интерпретации (от обозначения измененного невротического индивидуального состояния сознания до характеристики «превращенной», неадекватной формы массового сознания), что создаются препятствия в познании важных социальных проблем.

На мой взгляд, удачное, удовлетворяющее логическим требованиям определенности понятие «кризис идентичности» дает Г. А. Андреева, отмечая, что это «...особая ситуация сознания, когда большинство социальных категорий, посредством которых человек определяет себя и свое место в обществе, кажутся утратившими свои границы и свою ценность» [1].

В этом определении имплицитно содержатся три ключевых основания: во-первых, это особая временная «ситуация сознания», во-вторых, человек сам определяет свое социальное место в обществе, в-третьих, когда общество трансформируется, нивелируются прежние его ценности, и субъекту ничего не остается, как искать новые объекты для идентифицирования.

Человек – существо социальное, – и таковым он становится с момента своего рождения, а всепоглощающий социум предлагает варианты многообразия ценностей, стилей, образов жизни, социальных предпочтений, норм и стереотипов. При этом каждая цивилизация и культура имеет ценностное ядро, «скреп» для единения индивидуальных «разностей».

На эту очень важную особенность культуры обратил внимание Эрик Эриксон: «...всякая культура должна стремиться к формированию такого ядра – достаточно твердого и, в то же время, достаточно эластичного, чтобы примирять в любой человеческой организации неизбежные противоречия, интегрировать индивидуальные “разности”». Э. Эриксон полагал, что основное значение такого ядра состоит в формировании личностной целостности, а для этого нужно не только обратить внимание на наброски такого ядра, которые предлагает культура, но «хорошо бы было попытаться понять существо этих “инстинктивных набросков”, как раз когда человечество прокладывает себе дорогу к адаптации иного рода, с первого взгляда более рациональной, более сознательной и более универсальной» [2].

Рекомендации Э. Эриксона, данные в XX в., приобретают особую актуальность в XXI, так как сегодняшней мир характеризуется грандиозными переменами, происходящими с необычайной скоростью, оглушающими человека катастрофами, рисками и неопределенностью ближайшего будущего. Идентичность моделируется в бесконечном многообразии индивидуальных горизонтов, обновляется при взаимодействии и пересечении различных типов. И хотя этот мир не может не вызывать тревоги и беспокойства, он для современного человека есть необходимая и значимая реальность.

В XX в. кризисные симптомы развития общества породили кризисное сознание и иррациональное мироощущение, отражаемое в западной философии социального цикла, в устрашающих, экзистенциально окрашенных тревожных категориях, таких как «шок будущего», «смерть субъекта», «склеп интеллигенции», «тревога», «тошнота», «страх» и многое другое.

Причину такой пессимистической ноты в восприятии мира, а также личностной неудовлетворенности описал Э. Фромм. В работе «Бегство от свободы» он поднимал вопрос об отчужденном обществе, в котором человек не имеет возможности в самореализации, и, не удовлетворив свои глубинные потребности, ищет образцы для идентификации в близком окружении (в микрообщностях), а когда не находит, обращается к другим источникам, например к средствам массовой информации, формирующим массовое сознание как отчужденную «превращенную» форму социальности. Последняя отражает социальную реальность на обыденном или мифологическом уровне, представленную в форме стереотипов, функциони-

рующих в социально-психологической форме, которые еще в большей степени, чем предпосылочная неудовлетворенность, вызывают у индивида реакцию на конфликтную ситуацию. По мнению Э. Фромма, в этот период возникают деформированные стремления и влечения непродуктивной ориентации: мазохистские, садистские, деструктивные, конформистские, т. е. происходит деструкция самосознания.

Надо сказать, что в большинстве случаев поведение людей с небольшими отклонениями от социальных норм не воспринимается окружающими как девиантное, и человек с некоторой деформированной ориентацией, в зависимости от сплава его психологии и социального воздействия, в социальной группе, оценивается не с позиций девиантности, а с позиций типов социальных характеров: авторитарный, конформистский, консервативный.

Любой тип в социально благоприятных для личности условиях может осуществлять продуктивную деятельность и не разрушать социальные связи и собственную самоидентичность. Другое дело, когда общество отчуждения настолько деформирует социальную ориентацию человека, что блокирует реализацию его интеллектуальных способностей и экзистенциальных проявлений, а у человека, как пишет Э. Фромм, «...нет другого пути к единству с миром, и в то же время к ощущению единства с самим собой, к соединению с другими и сохранению себя как уникальной сущности, кроме пути эффективного применения своих сил» [3].

В XXI в. постоянные претензии психологов и философов по поводу общества, негативно влияющего на индивида, деструктирующего его самосознание и самоидентичность, под влиянием новой, креативной социологии сменились, у социологов появился оптимистический настрой в отношении будущего общества и современного человека. «...Если ничего не определено окончательно, – отмечает И. Валлерстайн, – то будущее открыто для творчества... оно открыто навстречу возможностям, а значит и лучшему миру» [4]. Естественно, речь идет об оптимизме, основанном на переосмыслении меняющегося мира и переосмыслении себя, своего места и своих возможностей, в восприятии и понимании себя.

Для такой социальной и личностной «перезагрузки» мало знать специфику кризиса идентичности в условиях трансформированного общества, надо научиться конструировать и реализовывать возможные способы адаптации в условиях неопределенности, при которых неопределенность как данность будет учитываться, но не мешать решению социальных задач. Валлерстайн эту позитивную установку видит в использовании неограниченных возможностей человека, используемых в творчестве для улучшения будущего. С этой установкой, безусловно, можно согласиться, при введении некоторых коррективов, суть которых заключается в том, что человек в состоянии «спутанной идентичности» не может заниматься творчеством, поскольку условием научного поиска всегда является его позитивная самоидентичность.

В условиях современного общества – это идентичность человека, преодолевшего кризис вхождения в новую технологическую культуру, овладевшего нелинейным мышлением и спокойно относящемуся к постоянному изменению себя в практической деятельности. Показателем современной культуры самосознания является внутренняя форма проявления культуры личности, позволяющая в реальных жизненных ситуациях сохранять положительные качества и осуществлять личности самоформирование, самоидентификацию, самооценку, самоопределение, самоконтроль. Но если эти стороны самосознания в результате сложных пересечений осознания катастрофически быстро меняющихся макро- и микромиров, преломившись через степень социализированности, образованности и психологию индивида, конструируют ложную картину мира, они порождают диффузную идентичность. Но даже такое искривленное и неадекватное восприятие мира необязательно приводит к кризису идентичности. На истоки «кризиса идентичности» правомерно указывает Э. Эриксон, который применяет этот термин в ситуациях изменения сознания и его конфликтности на уровне подросткового периода становления или в условиях чрезвычайных потерь взрослого человека: работы, близких, здоровья. Не случайно термин «кризис идентичности» первоначально применялся в психиатрии для анализа состояний «измененного сознания». Но даже согласившись с современной интерпретацией этого термина как состояния массового сознания, следует не забывать о кратковременности такого состояния сознания. Нас ведь интересует не девиантное поведение, а поведение нормальных людей, каждый день участвующих в производстве людей, вещей, общения произведений искусства и т. д.

Каждый из этих людей есть продукт триединства социального взаимодействия: 1. Микроуровневых коммуникативных связей, как отмечает Г. С. Батищев, «...где каждый ут-

верждает всех других, а все другие – каждого... Это позиция полифонической межсубъективности» [5]. 2. Макроуровневых, подключающих индивида к политическим, этническим отношениям, опосредованных через обязательные общественные нормы. 3. Каждодневное производство себя (проблема, которая не теряет своей актуальности в любое историческое время), поскольку ее постановка является условием становления самоидентичности и самосознания в целом. К этой вечной проблеме не раз обращались философы и психологи.

Так, психолог К. Роджерс пишет о датском философе Кьеркегоре: «...он указывал, что мы часто встречаем отчаяние, происходящее от невозможности выбора или нежелания быть самим собой, но самое глубокое отчаяние наступает тогда, когда человек выбирает “быть не самим собой, быть другим”». С другой стороны, желание «быть тем “я”, которое ты есть на самом деле, – это, конечно, нечто противоположное отчаянию и за этот выбор человек несет величайшую ответственность». «Я пришел к убеждению, – продолжает К. Роджерс, – что несмотря на... ставящее в тупик по горизонтали и многослойную вертикальную сложность, возможно, есть одна проблема... Мне кажется, в глубине души каждый человек спрашивает: “Кто я в действительности? Как я могу войти в контакт с настоящим “я”? Как я могу стать самим собой?”» [6].

Конечно, микросистема никогда не является абсолютным отражением макросистемы и макроструктур, а производство собственного «я» требует огромной степени рефлексивности, достаточно высокой степени социализированности и большого психологического усилия, и, тем не менее, условием существования человека и его самосознания является названное триединство. Это триединство объективно-субъективных оснований в становлении самосознания есть условие становления развития и функционирования личности в любое историческое время.

В представленной статье эти основания преломляются в современном трансформированном обществе – обществе неопределенности. Для того чтобы современный исторический субъект мог беспрепятственно и уверенно ориентироваться в таком обществе, он должен представлять хотя бы очерченную пунктирно типологию неопределенности.

Эту типологию видов и источников неопределенности аргументированно дает Е. П. Ильина в монографии «Психология риска» [7]. Обратимся к приведенной им таблице:

Вид неопределенности	Интерпретация
Перспективная	Объект не до конца изучен. Возможно появление факторов, существование которых принципиально невозможно предсказать
Ретроспективная	Полное или частичное отсутствие информации о поведении объекта в прошлом
Техническая	Ограниченная точность используемых в процессе анализа методов и инструментов. Человеческий фактор
Стохастическая	Вероятностный характер исследуемых процессов
Неопределенность состояний природы	Полное или частичное незнание природных условий, в которых придется принимать решение или действовать
Неопределенность целенаправленного противостояния	В ситуации взаимодействия двух или более сторон, каждая имеет неполные, неточные сведения о мотивах и характере поведения другой стороны
Неопределенность целей	Необходимость учитывать несколько различных целей, в том числе противоречивых
Неопределенность условий	Недостаточность информации об условиях, в которых принимается решение

Из приведенной таблицы при обобщении видов неопределенности следует, что главная ее особенность – проявляющаяся в разных формах недостаточность информации. Для нашего исследования важное значение имеет человеческий фактор, выражаемый в неадекватной самооценке субъектом своих возможностей, отсюда многочисленные варианты ложной идентичности, не способствующей становлению культуры самосознания. Возникает правомерный вопрос: чем руководствоваться в условиях неопределенности, чтобы при выборе объектов идентификации минимизировать спутанность состояния сознания?

Возможность избежать «кризиса идентичности» даже в сложных, экстремальных условиях есть. Прежде всего, она состоит в отношении к неопределенностям, то есть понимание того, что современное общество такое, какое есть, и не может быть другим. А значит необходимо акцентировать внимание не на недостатках такого общества, а сосредоточить все силы на выработку мотивации и реализацию положительных целей. Как это возможно? Прежде всего, следует опереться на объяснительную силу теоретического знания.

Во-первых, чем неопределеннее будущее, тем определеннее должны быть решения групповые и личностные, государственные, экономические, правовые и др., а это требует больших средств и грамотных специалистов и организаций всех видов деятельностных структур, осуществляющих как управление, так и контроль. Неудивительно, что в условиях сложных технологий решения принимаются с долей неопределенности, которая определяет особенности стиля мышления и поведения в современном обществе.

Во-вторых, общество неопределенности – это общество риска, и в этом обществе надо искать новые концептуальные инструменты, одним из которых является риск как способ принятия решений, как активность, как выбор объектов идентификации из многих альтернатив.

В-третьих, надо научиться быстрее реагировать на стремительные изменения и определять хотя бы вектор будущих изменений.

В-четвертых, инобытие в разных формах (другой человек, новая информация) выступает как источник отношения к себе и новых форм самоидентификации, как ступенька в формировании культуры самосознания.

В-пятых, компьютерная зависимость порождает бесконечные возможности для мнимой идентификации человека, мистифицирует реальность.

В-шестых, нечеткость понимания своих социальных ролей, своего места в социальной общности, недооценку или переоценку себя не следует связывать с понятием «кризис идентичности», скорее, все перечисленное – это ситуативная спутанность идентичностей, которая носит временный характер и является необходимым условием в познавательном и деятельностном процессе самореализации целостного человека, преодолевающего ложные формы самоидентичности и открывающего в себе глубокие пласты собственного «я».

Примечания

1. Андреева Г. М. К вопросу о кризисе идентичности в условиях социальных трансформаций // Психологические исследования: электрон. науч. журн. 2011. № 6(20). С. 1. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 06.04.2014). 0421100116/0060.

2. Эриксон Э. Детство и общество. СПб., 1996. С. 266.

3. Фромм Э. Человек для себя. Минск, 1998. С. 634.

4. Валлерстайн И. Конец знакомого мира. Социология XXI века. М., 2003. С. 9.

5. Батищев Г. С. Философия как работа над самим собой. Философия сознания. Драматизм обновления. М., 1991. С. 147.

6. Роджерс К. Что значит становиться человеком. Психология личности. Т. 1. Самара, 1999. С. 363–365.

7. Ильин Е. П. Психология риска. СПб.: Питер, 2012. С. 16.

Notes

1. Andreeva G. M. *K voprosu o krizise identichnosti v usloviyah social'nyh transformacij* [To the question about the identity crisis in terms of social transformations] // *Psihologicheskie issledovaniya: ehlektron. nauch. zhurn.* – Psychological research: electron. scient. journal. 2011, No. 6(20), p. 1. Available at: <http://psystudy.ru> (date of access: 06.04.2014). 0421100116/0060 (in Russ.).

2. Erikson E. *Detstvo i obshchestvo* [Childhood and society]. SPb. 1996. P. 266.

3. Fromm E. *Chelovek dlya sebya* [Man for himself]. Minsk. 1998. P. 634.

4. Wallerstein I. *Konec znakomogo mira. Sociologiya XXI veka* [End of a familiar world. Sociology of the XXI century]. Moscow. 2003. P. 9.

5. Batishchev G. S. *Filosofiya kak rabota nad samim soboj. Filosofiya soznaniya. Dramatizm obnovleniya* [Philosophy as the work on oneself. The philosophy of consciousness. Dramatism of rejuvenation]. Moscow. 1991. P. 147.

6. Rogers K. *CHto znachit stanovit'sya chelovekom. Psihologiya lichnosti* [What does it mean to become a human. Personality psychology]. Vol. 1. Samara. 1999. Pp. 363-365.

7. Ilyin E. P. *Psihologiya riska* [Psychology of risk]. SPb. Piter. 2012. P. 16.

Идеи игры в философии постмодернизма

В статье анализируются идеи игры основных представителей философии постмодернизма, таких как Ж. Деррида, Ж. Делёз, Ж. Лиотар, Ж. Батай, Ж. Бодрийяр, М. Фуко, Р. Рорти и Р. Барт, выявляются их общие черты и особенности. Раскрываются такие вопросы, как сущность игры, языковые игры, соотношение игры и свободы, игры и смысла, игровые аспекты экономики и власти. Делается вывод о ключевой роли игры в постмодернистской методологии обоснования имманентности явлений мира. Традиционная философия считает Бытие абсолютной истиной, скрытно и трансцендентно определяющей жизнь чувственного мира. Постмодернисты пришли к выводу, что такой истины просто не существует. Но на смену ей они поставили не хаос, а игру. При этом игра является не новой сущностью всего, а бессмысленным продуцированием различий или, другими словами, новизны.

Ideas of a game of the main representatives of the philosophy of postmodernism such as J. Derrida, J. Deleuze, J. Liotard, J. Bataille, J. Baudrillard, M. Foucault, R. Rorty, and R. Barthes are analysed, their general features and peculiarities are revealed. Such problems as the game nature, language games, game and freedom relation, game and meaning relation, game aspects of economy and power are disclosed. A conclusion on the key role of a game in postmodernism methodology of substantiation for immanentness of the world phenomena is made. The traditional philosophy considers existence to be the absolute truth that reticently and transcendently determines the life of sensibilia. The postmodernists came to the conclusion that such truth doesn't exist. But to replace it they put a game, not a chaos. At the same time the game isn't a new essence, but meaningless (senseless) generating of differences or, in other words, novelty.

Ключевые слова: бытие, игра, языковые игры, текст, письмо, смысл, абсолютная истина, чувственный мир, хаосмос, симулякр, различие, новизна, код.

Keywords: existence, game, language games, text, letter, meaning, absolute truth, sensibilia, haosmos, simulacrum, difference, novelty, code.

Категория игры имеет важное значение в философии постмодернизма. Можно сказать, что современная постмодернистская мысль впервые уделила ей так много внимания и придала вопросу об игре онтологический статус. Так, в известной таблице американского писателя и литературоведа Ихаба Хассана, перечисляется тридцать одно различие между философскими парадигмами модернизма и постмодернизма, и одно из них это противопоставление «цели» «игре» [1]. В статье мы постараемся уточнить понятие и значимость игры в постмодернистской философии через обращение к трудам основных представителей этого направления, таким как Ж. Деррида, Ж. Делёз, Ж. Лиотар, Ж. Батай, Ж. Бодрийяр, М. Фуко, Р. Рорти, Р. Барт.

Кто-то из этих философов рассматривал игру в онтологическом аспекте, другие в основном говорят о «языковых играх», т. е. рассматривают язык как игру. В такой логике движения от общих вопросов к частным мы и будем выстраивать наше рассуждение и обращаться к мыслителям в соответствующей последовательности.

Вопрос о том, что есть игра сама по себе, был затронут и с разной степенью полноты разработан Ж. Делёзом, Ж. Дерридой и Ж. Бодрийяром.

В философии Делёза игра является важным понятием для объяснения того, что происходит в мире, если в нём нет сущностей, нет истин и уподоблений им. В предисловии к своей книге «Различие и повторение» Делёз пишет: «Все тождества только симулированы, возникая как оптический “эффект” более глубокой игры – игры различия и повторения» [2]. Существуют лишь бесконечно разнообразные различия, или «номадические сигулярности», уникальности, хаос различий. Но этот хаос сам по себе недостаточен. Хаос различий играет в тождество, создавая симулякры – придуманные якобы самотождественные сущности. Происходит это в процессе бесконечного повторения различий, что создаёт иллюзию повторения одного и того же или те самые симулякры. Такую модель мира, в которой хаос вечно повторяется в не свя-

занных между собой бесконечных вариантах якобы порядка (космоса) Делез называет хаосмосом. Можно предположить, что хаосмос – это и есть онтологическая идея игры Делеза.

Важно отметить, что Делез так же, как мир тождества и различия, противопоставляет обычную игру с ограничениями и божественную, или чистую, игру без таковых. «Напротив, систему будущего следовало бы назвать божественной игрой, поскольку ей не предшествует правило, игра идет по своим собственным правилам... случай целиком утверждается каждый раз, для всех разов. ...такая игра вызывает повторение необходимо победного удара, становящегося таковым лишь в силу включения всех сочетаний и возможных правил в систему собственного возвращения» [3].

В чистой игре любой ход является выигрышным. Это значит, что в ней нет не только правил, но и, что ещё более фундаментально, того, во что играют. Нет критерия успешности, правильности. Обычные игры – это всегда состязание в чём-либо, доказательство превосходства. А в чистой игре Делеза нечего доказывать – нет основания. При этом необходимо обратить внимание, что божественной игрой философ называет «систему будущего». В чистой игре разыгрывается не прошлое, а будущее. Прошлое даёт нам опыт правильного и неправильного, приятного и неприятного. Эти образцы и становятся предметом организованных игр. Будущее же неизвестно, хотя о нём есть интуитивная догадка. Вот в чистой игре эту неопределённую догадку и разыгрывают.

Здесь нужно вернуться к идее хаосмоса и игры различия и повторения, которая создаёт иллюзию тождеств. «Различия – это игровые ходы без правил и без критерия правильности, а повторения – это собственно вечное повторение и возвращение этих ходов, но каждый раз уникально. Но такая игра не хаос, а хаосмос, потому что каждый ход, “бросок” сориентирован всё же на некий образ. Это образ перманентно неопределённого будущего, симулякр, который всегда присутствует, но всегда “ускользает”. Центр круга вечного возвращения постоянно смещается» [4].

Деррида безусловно считает игру первоначалом бытия и смысла, а не наоборот: «Только игра мира и позволяет мыслить сущность Бога. ...игра мира Богу предшествует» [5]. «Смысл есть функция игры, он вписан где-то в конфигурацию не имеющей никакого смысла игры» [6]. Игра предстаёт, таким образом, исходным первоначалом, которое, однако, не содержит в себе заранее абсолютную трансцендентную истину, но обладает абсолютным потенциалом творчества самотождественных форм, относительных истин, смыслов.

Игра как первоначало не является ни абсолютным хаосом, ни абсолютным порядком. Она существует до возникновения парадигмы случайное / необходимое.

Время и пространство выстраиваются из череды сменяющихся друг друга игр. Переход от одной игры к другой называется у Деррида «закрытием». При этом сменяемые игры никак не связаны общей логикой, смыслом, не формируют историю игр. Просто одна идёт после другой, вместо неё.

Видимую реализацию исходной игры Деррида называет *differance*, которая не имеет смысла и сущности. Ей нельзя дать определение: «...это – игра следов или *differance*, не имеющая смысла и не нечто: игра, которой не принадлежит ничто. Здесь невозможно обнаружить никакой опоры» [7].

На смену смысла жизни человека приходит бесконечное смыслотворчество, которое реализуется в форме письма. Письмо есть создание здесь и сейчас текста, текстотворчество. В этом Деррида видит «генеральную игру мира» [8].

Ж. Бодрийяр как исследователь игры уникален тем, что противопоставляет игре не одну сферу, которую обычно называют утилитарной, обыденной, вынужденной деятельностью, а две. Вторая – это сфера симуляции, тоже игры, но «комбинаторной», или «игровой».

Другой его уникальностью является противопоставление игры и свободы. Игра – это несвобода, а следование требованию, но не объективного закона, а произвольных правил: «Игра – не свобода. Она не подчиняется диалектике свободной воли... Вступить в игру означает вступить в ритуальную систему обязательства...» [9].

Важным понятием для понимания игровой идеи Бодрийяра является «соблазн». Соблазненное (чем может быть не только человек, но и любой предмет) отказывается от образа своей истины, сущности и материальности (природы) ради богатства видимостей: «Имманентная сила соблазна: все и вся отторгнуть от своей истины и вернуть в игру, в чистую игру видимостей...» [10].

В чём состоит отличие между сферами игры и симуляции у Бодрийяра? О втором он говорит так: «Нет больше вымысла, с которым могла бы сравняться жизнь, хотя бы даже побеждая его, – вся реальность сделалась игрой в реальность» [11]. Симуляция – это такая форма бытия, в которой нечего соблазнять, нет предметов реальности, нет истинного, всё стало видимостью. В симулятивном мире нет истины, потому и нет правильной сущности и неправильного сущего. Сущее, таким образом, приобретает инициативу творить иную реальность непосредственно из себя самого.

В том, что в сфере симуляции, в отличие от игры, вообще нет сферы объективной реальности, есть ещё один важный аспект, отличающий их между собой. Это – риск и сопутствующее ему эмоциональное напряжение. Соблазн отвращает человека от его сущности, от его естественного поведения, и в этом для него таится большая угроза. Но человек готов пойти на это ради создания собственного мира. Здесь Бодрийяр использует понятие «ставка». Игрок рискует, делая ставкой что-либо ценное для себя вплоть до своей жизни.

В области симуляции, так как там нет соприкосновения с объективной реальностью, отсутствует и риск. Нет никакой опасности в манипулировании собой или предметами, если это не связано с отклонением от естественного, истинного образа. Поэтому ещё Бодрийяр использует понятие hot [англ. – горячий] для обозначения игры и понятие cool [англ. – холодный] – для обозначения сферы симуляции или игрового. Горячий и холодный соблазн [12].

Игра не имеет причины, она возникает сама по себе, она есть исходная субстанция: «...страсть обольщения не имеет ни субстанции, ни начала: свою интенсивность она берет... от чистой формы игры...» [13]. У мира в таком случае нет никакого исходного смысла, смысл создаётся и пропадает здесь и сейчас, будучи результатом произвольного движения.

Движущей силой симуляции выступает некий «код». Код – это правило сочетания и соотношения друг с другом знаков без значения. Он является принуждением постоянно следовать себе. В этом отличие игры от симуляции. Первая основана на обязательствах, которые вырабатываются и выбираются для исполнения произвольно. Второе – это вынужденное следование внешним формам.

В итоге, игру и симуляцию единит устремление человека создать искусственный мир вне объективных законов бытия. Разница между ними определяется степенью свободы человека от реальности, которая может меняться сама или в результате усилий самого человека.

Лиотар говорит о «языковых играх», противопоставляя их «кибернетическому» представлению о коммуникации. В кибернетике коммуникация между людьми предстаёт только средством организации совместной деятельности. Это же относится и к языку. Лиотар же настаивает на том, что общение и язык самоценны, они приносят человеку «удовольствие» своим соревновательным «агонистическим» характером: «...говорить значит бороться – в смысле играть; языковые акты показывают общее противоборство (агонистику)» [14]. Язык и развивается только как соревнование или игра.

Кроме «агонистического» характера Лиотар указывает на другое неотъемлемое качество языковой игры – наличие правил. Эти правила «не содержат в самих себе свою легитимацию» [15], т. е. произвольны, необоснованны. Они есть «предмет соглашения», основание которого неявно и неопределённо. Оно сориентировано не на эффективность, а на привлекательность общения для участников.

Но вместе с тем Лиотар подчёркивает, что язык – это не хаос, он имеет определённый порядок, «легитимацию». Но эта легитимация носит не глобальный, объективный или рациональный, а локальный и договорной характер: «...граница, которую ставит институция потенциалу языка, на "деле" никогда не была установлена... Эта граница сама скорее является промежуточным результатом и ставкой языковых стратегий...» [16].

Батай выделяет в жизни человека два процесса: накопление сил, ресурсов и растрату. Первое связано с разумным поведением, рациональной деятельностью. Второе Батай связывает с эротизмом или желанием растратить себя вплоть до смерти. Растратность, соответственно, опасна и поэтому негативна, она осуждается, является непристойной. В то же время именно растратность несёт человеку удовольствие, удовлетворение, счастье и поэтому наделена смыслом: «...наше подлинное счастье лишь в том, чтобы тратить впустую» [17]. В то время как накопление не имеет собственного смысла, оно всегда для чего-то: «Нет ничего более странного... нежели этот мир разума, где каждая вещь должна отвечать на вопрос “чему она служит?”» [18]. Смысл накопления ресурсов только в том, чтобы их затем безрассудно растратить.

Как же жить человеку с таким противоречием? Выход – в игре! В игре человек растрачивается безрассудно, но всегда не по-настоящему и не до конца. Такой игрой для человека являются жертвоприношения или праздники: «Жертвоприношение... это не предание смерти по-настоящему опасное, или преступное, это не преступление, но его репрезентация, это игра» [19]; «...стремление к разору в празднике добивается не разрушения, и тем более – не смерти, а радости. Мы подходим к пустоте, но не для того, чтобы упасть в нее. Мы хотим достичь упоения в головокружении, а для этого достаточно и образа падения» [20]. Игровая форма придаёт так легитимность безрассудству. Таким образом, человек не способен дойти до предела счастья, но зато сохраняет возможность воспроизводить растрату сил для приближения этого счастья многократно. Легитимация растратности обеспечивается не только безопасностью, но и сакральным характером, придаваемым игре.

М. Фуко не рассматривал игру детально как предмет рассуждения, но она стала важнейшим методологическим основанием его исследований. История западноевропейских знаний о человеке предстаёт у него как чередование «игр истины» или «дискурсивных практик». Он вводит эти понятия, чтобы показать, что правила, нормы, стандарты, цели, критерии познавательной деятельности, определение ею своего предмета и представления о субъекте познания в разные времена являются разными, формируясь, по большому счёту, произвольно. Письмо, как подлинная форма познания «есть игра знаков, упорядоченная не столько своим означаемым содержанием, сколько самой природой означающего...» [21]. Ну а означаемое формируется не объективно, а произвольно. При этом нет кумулятивного эффекта, накопления знаний, нет истории познания, новая дискурсивная практика приходит на смену прежней, забывая её, начиная игру заново.

Детально исследуя различные сферы деятельности человека, различные сферы познания, Фуко пришёл к тому, что в «играх истины» важную роль играют отношения власти. Ведь правила игры не естественны, не объективны, поэтому нужна сила, чтобы их установить и постоянно поддерживать.

Например, в медицинской практике врач, так как он имеет знания и навыки работы с человеческим телом, имеет власть над больным, он устанавливает правила в области заботы о здоровье. Об этом Фуко подробно написал в «Рождении клиники» [22].

Изучая историю сексуальности, Фуко выделил в этой области два типа игр. С одной стороны, мы должны рассматривать «половой акт... как игру превосходства и зависимости: совокупление связывает партнеров отношениями господства и подчиненности». С другой стороны, на это можно смотреть как на «игру “экономическую”, игру расходов и доходов: выгода, удовольствие, приятные ощущения, расход энергии, необходимой для акта, потеря семени» [23].

С позиции «истинностных игр» Фуко была рассмотрена и деятельность правоохранительной системы, в частности системы наказания [24].

Рорти так же, как и другие постмодернисты, говорит о неприемлемости метафизики, философии, которая предполагает, что человек последовательно приближается к истине и таким образом непрерывно совершенствуется. Сам Рорти рассматривает существование человека как совокупность «языковых игр», не диктуемых «миром» или, другими словами, имманентное существование. Однако эта имманентность заключена «не в том, чтобы объективный критерий выбора словаря заменить субъективным, разум – волей или чувством. Скорее, понятия критерия и выбора (в том числе и “произвольного”) уже не рассматриваются, когда приходит время для смены одной языковой игры на другую» [25].

Новая философия, которая, по Рорти, приходит на смену метафизике, работает «холистически и прагматически» [26]. Это значит, что одна позиция меняется на другую, потому что является не более истинной, а более новой, свежей, привлекательной.

На смену поступательному совершенствованию и приближению к идеалу игра у Рорти несёт «...силу переописания, силу языка делать новые и разнообразные вещи возможными и важными; способность ценить эту силу становится возможной только тогда, когда целью становится не Единственно верное Описание, а расширение репертуара альтернативных описаний» [27].

Барт, так же как Рорти и Фуко, обращается к понятию игры прежде всего в связи с темой текста. Постмодернистский текст – это игра означающих или означаемого и означающего, представляющий собой бесконечный, обратимый (неисторичный) творческий процесс смыслообразования. Ценностью его является само творчество, новизна и многообразие смыслов, а не фор-

мирование в итоге истинного, единственно верного смысла: «Речь идет не о том, чтобы снизойти до тех или иных смыслов, свысока признать за ними право на известную долю истины, но о том, чтобы, наперекор всякому безразличию, утвердить само существование множественности, которое несводимо к существованию истинного, вероятного или даже возможного» [28].

Игровой подход к тексту предполагает его восприятие прежде всего как письма. Письмо, в отличие от чтения, – это создание, живое творчество текста, в котором богатое многообразие смыслов и знаков проявляется во всей своей полноте.

Чтение может тоже приобрести игровой характер, возродить текст к жизни, если приобретёт форму многократного перечитывания. Одноразовое прочтение готового текста Барт определяет как потребительское, утилитарное к нему отношение. Здесь мёртвый текст выступает лишь средством передачи от одного человека к другому однозначной информации. В этом собственно и заключается классическая идея коммуникации и текста, против которых выступает Барт. Перечитывание же позволяет каждый раз открывать один и тот же текст в разном свете, в разном смысле. Перечитывание, таким образом, наиболее близко отражает идею игры Барта как бесконечное повторение одного и того же, но каждый раз с непредсказуемым содержанием и результатом: «Если игра – это упорядоченная деятельность, основанная на принципе повтора, то в данном случае она заключается... в многократном модифицировании одной и той же языковой формы... так, словно задача состоит в том, чтобы исчерпать некий – заведомо неисчерпаемый – синонимический запас, повторяя и варьируя означающее и тем утверждая множественную сущность текста, принцип возвращения» [29].

Фигура автора текста при игровом его восприятии теряет былое центральное значение. Он уже не родитель текста, несущий исходный истинный смысл, а лишь один из его проводников. Сам текст становится центральным элементом языковой игры: «Автор романа запечатлевается в нем как один из персонажей, фигура, вытканная на ковре; он не получает здесь более никаких родительских, алетических преимуществ...» [30].

То, что в классическом смысле принято называть истинным смыслом или истиной, на самом деле, по Барту, является временной затяжной остановкой языковой игры: «...столкновение языков прекращается вовсе не в результате достижения истины, а просто в результате силовой победы одного из них...» [31].

Обобщая материал, можно сказать, что в онтологическом аспекте игра в философии постмодернизма заменила Бытие или Бога в традиционной философии. Особенно большое внимание онтологии игры уделили Делёз и Деррида. Но она стала исходным понятием и исходной методологией в рассуждениях всех постмодернистов. Традиционная философия считает Бытие абсолютной истиной, скрытно и трансцендентно определяющей жизнь чувственного мира. Постмодернисты пришли к выводу, что такой истины просто не существует. Но на смену ей они поставили не хаос, а игру. При этом игра не является ни сущностью, ни истиной, ни исходным смыслом всего, а бессмысленным, абсурдным продуцированием различий или новизны. То же, что традиционно принято называть законами, истинами, смыслами, означаемым, то, что вроде бы является неизменным, на самом деле есть временной эффект замедления рождения новизны, так, словно мы смотрим на появление нового в замедленной съёмке. Другими словами, появление чего-то нового должно длиться какое-то время. Вот пока оно длится, создаётся эффект постоянства, эффект действия незыблемых законов. Такие эффекты получили название «симулякр».

Итак, игра – это продуцирование новизны. Как это происходит? Здесь важную роль играет цикличность или повторяемость, но понимаемая особым образом. Представим Ничто. В нём произвольно, беспричинно появляется нечто. Это нечто есть Перворазличие – различие от Ничто. Потом так же беспричинно возникает новое нечто, но главным его условием является отличие от первого нечто. И так до бесконечности. Каждое такое явление нового нечто – это бесконечно повторяемый цикл. Среди постмодернистов особое внимание такой цикличности уделили Делёз, Бодрийяр и Батай, продолжив во многом идеи Ницше.

В традиционно понимаемой цикличности все её витки объединены общим центром или неким обобщённым образом всех возникающих нечто. Цепочка циклов выстраивается в историю раскрытия этого центрального образа. Сначала он неопределён, но затем становится всё яснее и яснее. В постмодернистской последовательности циклов нет общего центра, образа. Нет истории раскрытия этого образа. Есть только постоянное размножение новизны. Одна игра сменяет другую, каждый раз начинаясь заново.

Постмодернисты унаследовали от Ницше и экзистенциалистов отрицание метафизики или существующих вне человека истин и утверждение в качестве единственно подлинного существования человека в языке. Но, если многие экзистенциалисты признавали наличие некоего истинного бытия сокрытого не вне человека, но в самом языке, то постмодернисты отрицают любые истины, внешние или внутренние, языковые. Так формируется идея «языковой игры» или существования человека как «языковой игры». Особенно акцентированно эта мысль изложена у Деррида, Рорти, Барта, Фуко, Лиотара.

Язык – это знаковая система. Каждый знак состоит из означаемого (то, что знак означает, к чему отсылает, его смысл) и означающего (то, в чём знак выражается). Традиционный взгляд на коммуникацию предполагает, что изначально в сознании человека формируются идеи, образы, мысли. У одного человека возникает потребность передать свои мысли другому. Но так как напрямую, телепатически это сделать нельзя, то человек изобретает язык как средство передачи мыслей друг другу. Это происходит путём солидарной привязки определённых мыслей (означаемых) к определённым чувственно фиксируемым вещам (означающим). Означающие, таким образом, являются лишь средством для передачи означаемого.

Экзистенциалисты посмотрели на язык как самоценность, а не средство. Они признали равноценность означаемого и означающего, утвердили сложный, богатый характер их взаимоотношений. Постмодернисты пошли дальше, они вообще отказались от означаемого. Язык, таким образом, стал произвольным оперированием одними означающими, отсылающими к другим. Это и есть языковая игра. Она бессмысленна и абсурдна, как мы уже говорили, но способна бесконечно рождать новые знаковые комбинации, которые и являются новыми смыслами.

Важным моментом относительно игры в постмодернистской философии является вопрос о ресурсах, или, можно сказать, экономический аспект. Особенно важное значение ему придавали Батай и Бодрийяр. Игра ими определяется во многом как бесполезная растрата сил. Поэтому она опасна, так как приближает человека к смерти. И эта опасность закладывает в игру ощущение, понимание точки невозврата, которое срабатывает в нужный момент, чтобы остановить игру и затем начать её заново, и так до бесконечности.

Ещё одним интересным аспектом игры в постмодернистской философии является вопрос о власти, особое внимание которому уделили Фуко и Бодрийяр. Они поставили вопрос о том, как в игре, продуцирующей различия, возникают иллюзорные, временные тождества, истины, законы, или, другими словами, «симулякры»? Ответ, как и во многих других случаях, был почерпнут у Ницше. Симулякры формируются силой власти. Игра не является однородно текущей. В ней периоды активного продуцирования новизны перемежаются с периодами застоя. В период застоя смена одной новизны другой замедляется и возникает эффект постоянства одного и того же. И это замедление имеет, так же как и игра, произвольную, беспричинную природу, название которой – власть.

Примечательной является дискуссия, которая разворачивается внутри постмодернистской философии между Бодрийяром и Делёзом. Она касается вопроса о соотношении категорий *игра* и *свобода*. «Бессмысленно, – пишет Бодрийяр, – пытаться представить себе, как делает это Делёз в “Логике смысла”, некую “идеальную *игру*”, которая состояла бы в полном высвобождении случая из любых взаимосвязей, в наращивании индетерминации...» [32]. Бодрийяр критикует утверждение Делёза о том, что игра и свобода тождественны, что игра не ограничена никакими правилами и критериями, которые возникают уже в самой игре как её события.

Думается, что Бодрийяр не отрицает свободу как существенную характеристику игры. Но он настаивает на том, что она является лишь необходимым условием игрового творческого процесса, но не самой игрой. Абсолютная свобода, или хаос, бесплоден сам по себе, но внутри него без всякой причины возникают условные ограничения или правила, вокруг которых и начинается первоигра. Делёз тоже поддерживает позицию, что хаос сам по себе не является игрой, поэтому он предлагает понятие «хаосмос». Хаосмос – это не порядок (космос), не беспорядок (хаос), а нечто неопределённое между ними, вечное бытие незнания, вопроса, «?-бытие». Но в отличие от Бодрийяра Делёз говорит, что само творчество условных ограничений и правил из ничего – уже часть начавшейся первоигры.

В целом можно сделать вывод, что игра в постмодернистской философии имеет значение заместителя метафизического Бытия или Бога. Человеческое мышление так устроено, что оно должно на что-то опираться, иметь первоначало. Постмодернисты, как бы они ни от-

рицали иерархические структуры, не могут этого избежать, сам язык этого не позволит. Поэтому в роли первоначала ими была выдвинута игра. В отличие от Бытия она не является сущностью, абсолютной истиной, сокрытой в видимом мире. Игра есть слепое творчество. Если традиционный Бог, Демидург, творит мир в соответствии с идеалом, в качестве которого предстоит он сам, то игра творит его без всякого соответствия чему-либо, из Ничего. Следствием такой смены первоначала является смещение акцента в познании с причины на следствие. В традиционном мышлении было важно не что происходит, а почему. В постмодернистском – наоборот, само событие стало важнее его причины.

Примечания

1. *Вайнштейн О. Б.* Постмодернизм: история или язык? // Вопросы философии. 1993 № 3. С. 6–8.
2. *Делез Ж.* Различие и повторение / пер. с франц. Н. Б. Маньковской. СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1998. С. 9.
3. Там же. С. 148.
4. *Аликин В. А. Й.* Хейзинга и Ж. Делез: об онтологических границах игры // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 1 (15): в 3 ч. Ч. 2. С. 15.
5. *Деррида Ж.* Письмо и различие / пер. с фр. А. Гараджи, В. Лапицкого, С. Фокина; сост. и общ. ред. В. Лапицкого. СПб.: Гуманит. агентство «Академ. проект», 2000. С. 135.
6. Там же. С. 328–329.
7. *Гурко Е.* Тексты деконструкции. Деррида Ж. *Differance*. Томск: Изд-во «Водолей», 1999. С. 152.
8. Там же. С. 26.
9. *Бодрийяр Ж.* Соблазн / пер. с фр. А. Гараджи; вступ. ст. Е. Петровской. М.: Изд-во «Ad Marginem», 2000. С. 231–232.
10. Там же. С. 36.
11. *Бодрийяр Ж.* Символический обмен и смерть / пер. с фр. и вступ. ст. С. Н. Зенкина. М.: Изд-во «Добросвет», 2000. С. 153.
12. Там же. С. 153.
13. *Бодрийяр Ж.* Соблазн / пер. с фр. А. Гараджи; вступ. ст. Е. Петровской. М.: Изд-во «Ad Marginem», 2000. С. 149.
14. *Лиотар Ж.* Состояние постмодерна / пер. с фр. Н. А. Шматко. М.: Изд-во «АЛЕТЕЙЯ», 1998. С. 33.
15. Там же. С. 32.
16. Там же. С. 50.
17. *Батай Ж.* История эротизма / пер. с фр. и сопров. ст. С. Зенкина. М.: Изд-во «Логос»: «Европейские издания», 2007. С. 141.
18. Там же. С. 88.
19. Там же. С. 84.
20. Там же. С. 86.
21. *Фуко М.* Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет / пер. с фр. М.: Касталь, 1996. URL: <http://lib.ru/COPYRIGHT/fuko.txt> (дата обращения 23.10.2013)
22. *Фуко М.* Рождение клиники / пер. с фр., науч. ред. и предисл. А. Ш. Тхостова. М.: Смысл, 1998.
23. *Фуко М.* История сексуальности-III: Забота о себе / пер. с фр. Т. Н. Титовой, О. И. Хомы. Киев: «Дух и литература»; «Грунт»; М.: «Рефл-бук», 1998. URL: http://krotov.info/libr_min/21_f/uk/o_17.htm (дата обращения – 24.01.2013).
24. *Фуко М.* Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / пер. с франц. В. Наумова; под ред. И. Борисовой. М.: Изд-во «Ad Marginem», 1999. URL: http://krotov.info/libr_min/21_f/uk/o_00.htm – (дата обращения 29.01.2013)
25. *Рорти Р.* Случайность, ирония и солидарность / пер. с англ. И. В. Хестановой, Р. З. Хестанова. М.: Рус. феноменолог. о-во, 1996. С. 26.
26. Там же. С. 29.
27. Там же. С. 67.
28. *Барт Р. S/Z* / пер. с фр. 2-е изд., испр.; под ред. Г. К. Косикова. М.: Эдиториал УРСС, 2001. С. 33.
29. Там же. С. 75.
30. *Барт Р.* Избранные работы: Семиотика: Поэтика / пер. с фр., сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. М.: Прогресс, 1989. С. 420.
31. *Барт Р. S/Z* / пер. с фр. 2-е изд., испр.; под ред. Г. К. Косикова. М.: Эдиториал УРСС, 2001. С. 148.
32. *Бодрийяр Ж.* Соблазн / пер. с фр. А. Гараджи; вступ. ст. Е. Петровской. М.: Изд-во «Ad Marginem», 2000. С. 252.

Notes

1. Weinstein O. B. *Postmodernizm: istoriya ili yazyk?* [Postmodernism: history or language?] // *Voprosy filosofii* - Questions of philosophy. 1993, No. 3, pp. 6-8.
2. Deleuze G. *Razlichie i povtorenie* [Difference and repetition] / translated from French by N. B. Mankovskaya. SPb. TOO TK "Petropolis". 1998. P. 9.
3. Ibid. P. 148.
4. Alikin V.A. Y. *Hejzinga i ZH. Delez: ob ontologicheskikh granicah igry* [Heizinga and G. Deleuze: on the ontological boundaries of the game] // *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* - Historical, philosophical, political and legal sciences, culturology and study of art. Issues of theory and practice. Tambov. Gramota. 2012, No. 1 (15): in 3 pts. Pt. 2. P. 15.
5. Derrida J. *Pis'mo i razlichie* [Writing and difference] / transl. from French by A. Garadgi, V. Lapitsky, S. Fokin; comp. and general ed. V. Lapitsky. SPb. Humanit. Agency "Academ. project". 2000. P. 135.
6. Ibid. Pp. 328-329.
7. Gurko E. *Teksty dekonstrukcii. Derrida ZH. Differanse* [The texts of deconstruction. Derrida J. Difference]. Tomsk. "Vodoley" Publ. 1999. P. 152.
8. Ibid. P. 26.
9. Baudriyar J. *Soblazn* [Temptation] / trans. from French by A. Garadgi; introd. art. E. Petrovskaya. Moscow. "Ad Marginem" Publ. 2000. Pp. 231-232.
10. Ibid. P. 36.
11. Baudriyar J. *Simvolicheskij obmen i smert'* [Symbolic exchange and death] / trans. from French and introd. art C. N. Zenkina. Moscow. "Dobrolet" Publ. 2000. P. 153.
12. Ibid. P. 153.
13. Baudriyar J. *Soblazn* [Temptation] / trans. from French by A. Garadgi; introd. art. E. Petrovskaya. Moscow. "Ad Marginem" Publ. 2000. P. 149.
14. Liotar J. *Sostoyanie postmoderna* [Postmodern Condition] / trans. from French by N. A. Shmatko. Moscow. "ALETEYA" Publ. 1998. P. 33.
15. Ibid. P. 32.
16. Ibid. P. 50.
17. Batay J. *Istoriya ehrotizma* [History of eroticism] / trans. from French and covering art. C. Zenkina. Moscow. "Logos" Publ.: "European editions". 2007. P. 141.
18. Ibid. P. 88.
19. Ibid. P. 84.
20. Ibid. P. 86.
21. Fuko M. *Volya k istine: po tu storonu znaniya, vlasti i seksual'nosti. Raboty raznyh let* [The will to truth: on the other side of knowledge, power and sexuality. Works of different years] / trans. from French. Moscow. Castal. 1996. Available at: <http://lib.ru/COPYRIGHT/fuko.txt> (accessed on 23.10.2013)
22. Fuko M. *Rozhdenie kliniki* [Birth of the clinic] / trans. from French, scient. ed. and preface A. Sh. Tkhostova. Moscow. Smysl. 1998.
23. Fuko M. *Istoriya seksual'nosti III: Zabota o sebe* [The history of sexuality-III: Taking care of yourself] / trans. from French by T. N. Titova, O. I. Homa. Kiev. "Spirit and literature"; "Grunt"; Moscow: "Refl-book". 1998. Available at: http://krotov.info/libr_min/21_f/uk/o_17.htm (date of access - 24.01.2013).
24. Fuko M. *Nadzirat' i nakazyvat'. Rozhdenie tyur'my* [To discipline and to punish. The birth of the prison] / trans. from French by V. Naumova; ed. by I. Borisova. Moscow. "Ad Marginem" Publ. 1999. Available at: http://krotov.info/libr_min/21_f/uk/o_00.htm - (date of access 29.01.2013)
25. Rorty R. *Sluchajnost', ironiya i solidarnost'* [Contingency, irony and solidarity] / trans. from Eng. by I. V. Khestanova, R. Z. Khestnov. Moscow. Pus. phenomenolog. society, 1996. P. 26.
26. Ibid. P. 29.
27. Ibid. P. 67.
28. Bart R. *S/Z [S/Z]* / trans. from French. 2nd ed., corr.; ed. by G. K. Kosikova. Moscow. Editorial URSS. 2001. P. 33.
29. Ibid. P. 75.
30. Bart R. *Izbrannye raboty: Semiotika: Poehtika* [Selected works: Semiotics: Poetics] / trans. from French, comp., general ed. and introd. art. G.K. Kosikova. Moscow. Progress. 1989. P. 420.
31. Bart R. *S/Z [S/Z]* / trans. from French. 2nd ed., corr.; ed. by G. K. Kosikova. Moscow. Editorial URSS. 2001. P. 148.
32. Baudriyar J. *Soblazn* [Temptation] / trans. from French by A. Garadgi; introd. art. E. Petrovskaya. Moscow. "Ad Marginem" Publ. 2000. P. 252.

«Символический капитал» П. Бурдьё и «капитал» К. Маркса

В статье представлен социально-философский анализ понятий «символический капитал» П. Бурдьё и «капитал» К. Маркса. Анализ проведён на основе компаративного и функционального подходов. Выявлены новые характеристики функционирования, преимуществ существования и перспектив развития данных форм капитала, разработана символическая стратификация общества, состоящая из двух основных классов – символических капиталистов и символических рабочих. Философский анализ современной социальной стратификации проведён на основе идей П. Бурдьё и К. Маркса. Развитие гипотезы о символической социальной стратификации достигается посредством выявления особенностей современного социального взаимодействия как на его локальном, так и глобальном уровнях. Выявляется специфика взаимодействия символического и материального капиталов, наличие символического и реального уровней общества. Сформулированы определения новых понятий, отражающих выявленные характеристики. Отмечены тенденции развития стратегии символического капитала в глобальном социуме. Даны практические рекомендации по использованию полученных результатов.

Topicality of the present investigation has been determined by the change of contemporary social space. The article presents social and philosophical analysis of the terms “symbolic capital” by Pierre Bourdieu and “capital” by Karl Marx. The analysis is based on comparative and functional approaches. The author identifies new characteristics of functioning, advantages of existence, and perspectives of development for these two forms of capital, developed symbolic stratification of society, which consists of the two main classes – symbolic capitalists and symbolic workers. Philosophical analysis of contemporary social stratification has been conducted on the grounds of Pierre Bourdieu’s and Karl Marx’s ideas. Development of hypothesis regarding symbolic social stratification is achieved through identification of modern social interaction features at both local and global levels. Particular characteristics of interaction between symbolic and physical capital, presence of symbolic and real level of society are detected. Definitions of new concepts, which reflect identified features, were formulated. The article describes trends of symbolic capital strategies development in the global community. It also presents practical guidelines for the obtained results usage.

Ключевые слова: капитал, символический капитал, доверие, компаративный подход, функциональный подход, социальная стратификация, К. Маркс, П. Бурдьё.

Keywords: capital, symbolic capital, trust, comparative approach, functional approach, social stratification, Karl Marx, Pierre Bourdieu.

Современные представления о труде и капитале существенно изменяются. Новая форма капитала – «символического» – предполагает в качестве своего основания иной характер труда и, соответственно, способа производства. Такой труд отличается интеллектуальной спецификой и лежит в основе символического, а не материального способа производства, описанного К. Марксом в его книге «Капитал», изданной в период с 1867 по 1910 г. [1] В конце XX в. появились исследования «символического капитала» общества, проведённые нашими современниками.

В качестве объекта данного исследования выступает общество, предметом являются понятия «капитал» в понимании К. Маркса и «символический капитал» в понимании П. Бурдьё. Компаративный социально-философский и функциональный анализ двух форм капитала нацелен на поиск специфики их функционирования, преимуществ существования и перспектив развития.

Хронологически первым по отношению к понятию «символический капитал» рассуждением о *капитале* является исследование К. Маркса (1818–1883 гг.), согласно которому капитал – это деньги, которые приносят дополнительные деньги, это «стоимость, приносящая прибавочную стоимость» [2]. Увеличение первоначальной стоимости денег и делает их капиталом. Деньги – это товар, который стихийно выделился из всей массы товаров и стал

играть роль всеобщего эквивалента, выразителя стоимости всех других товаров; стоимость же денег – количество труда для создания этого товара [3].

Согласно К. Марксу труд осуществляется рабочей силой при помощи средств производства. В совокупности они образуют производительные силы общества, которые совместно с производственными отношениями составляют способ производства как основу существования общества. Способ производства лежит в основе общественно-экономической формации как исторического типа общества, достигшего определённого уровня развития.

Общество К. Маркс делит на классы: 1) владеющие средствами производства (капиталисты) и 2) не владеющие ими (рабочие, занятые трудом, то есть пролетариат). Взаимоотношения капиталистов и рабочих обусловлены процессом материального производства и обращения капитала. Капитал имеет несколько форм, функционирующих в единстве и переходящих друг в друга. Формой денежного капитала выступают деньги, формой производительного капитала – факторы производства, формой товарного капитала – товар.

Одновременно с этим К. Маркс не забывает и о политической составляющей развития общества, определяя экономику как совокупность производственных отношений базисом, а политическую и правовую сферы – надстройками общества: «Политическая власть является лишь порождением экономической власти...» [4]. Это утверждение свидетельствует о том, что экономическое могущество ведёт к политическому могуществу.

Таким образом, понятием «капитал», согласно К. Марксу, характеризуются социальные отношения в совокупности с движением вещей, приводящие к самовозрастанию капитала: «Капитал как самовозрастающая стоимость заключает в себе не только классовые отношения, не только определённый характер общества, покоящийся на том, что труд существует как наёмный труд. Капитал есть движение, процесс кругооборота, проходящий различные стадии. ...Поэтому капитал можно понять лишь как движение, а не как вещь, пребывающую в покое» [5].

Понятия «капитал» в интерпретации К. Маркса характеризуется следующими особенностями:

1. *Специфика функционирования* капитала, согласно К. Марксу, определяется отношением «товар – деньги – товар». *Единицей измерения* такого капитала являются деньги как эквивалент стоимости товара, стоимость денег определяется количеством вложенного в создание товара труда. Результатом функционирования этого капитала является *прибыль*, выраженная в деньгах или имуществе, имеющемся у его владельца, измеряемом в деньгах как эквиваленте капитала, приносящем прибыль в виде денег.

2. *Преимуществом существования* капитала, основанного на физическом труде, является материальное обеспечение денег в форме имущества: «капитал – это не вещь, а... производственное отношение, которое представлено в вещи... Капитал – это превращённые в капитал средства производства, которые сами по себе столь же являются капиталом, как золото или серебро сами по себе – деньгами» [6].

3. В качестве *перспективы развития* такого капитала выступает имущественно-материальное накопление, а соответственно, экономическое богатство, ведущее к политическому могуществу конкретного общества.

Понятие «*символический капитал*» представлено и подробно описано французским социологом и философом П. Бурдьё в книге «Практический смысл», изданной в 1980 г. Он определил такой капитал как «капитал чести и престижа, который производит институт клиентелы» [7]. Через 10 лет американский исследователь Э. Тоффлер в своей книге «Метаморфозы власти» охарактеризовал «символический капитал» как капитал информационный. В широком смысле – это знания, отождествляемые с богатством [8].

Для нас больший интерес представляет интерпретация данного понятия П. Бурдьё, который апеллирует к социальной природе символического капитала. В отличие от К. Маркса, постоянно проживавшего в Европе, а потому воочию знакомого только с европейской моделью социальных отношений, квалифицированных им как капиталистические и основывающиеся на найме рабочей силы, П. Бурдьё побывал в Алжире, где провёл социологические исследования традиционного общества, описанные в книге «Практический смысл», седьмая глава которой посвящена понятию «символический капитал».

Согласно П. Бурдьё символический капитал – основа существования архаического общества, в котором природа обожествлялась, что не позволяло «рассматривать её как сырьё, и тем самым деятельность человека как труд, то есть как борьбу человека с природой... симво-

лическая сторона поступков и производственных отношений мешает формированию экономики как таковой, то есть системы, регулируемой законами корыстного расчёта, конкуренции и эксплуатации» [9]. В таких обществах социальное взаимодействие основывается *на отношениях доверия*, когда в качестве денег выступают взаимные услуги. Поэтому подобные отношения исследователь охарактеризовал как «экономика добросовестности». В ней нет различий «между трудом производительным и непроизводительным, прибыльным и неприбыльным» [10], так как нет отношения между трудом и его продуктом. Здесь экономический капитал может действовать лишь как признание в процессе своего преобразования на основе, например, «благодарности за благодеяния» [11]. Стратегия накопления капитала чести и престижа решала проблему постоянного наличия рабочей силы в качестве помощи, а также наличия союзников и знакомых.

Согласно П. Бурдьё символический капитал функционирует не только в архаическом, но и в любом другом обществе, в котором существуют товарно-денежные отношения. Наша современность – пример единства экономического и символического капиталов, где «добрая слава и демонстрация символической силы в виде солидных союзников... способна приносить материальные выгоды» [12]. Согласно П. Бурдьё, «зная, что символический капитал – это кредит... легко понять, что демонстрация символического капитала... составляет... один из механизмов, благодаря которым капитал идёт к капиталу» [13].

Наряду с символическим капиталом П. Бурдьё выделил ещё три вида капитала: экономический, культурный и социальный. Но если какой-либо из этих капиталов имеет особое признание в обществе, то он автоматически становится символическим.

Структура социального пространства основана на взаимодействии двух классов: «бизнесменов», имеющих много экономического капитала, но мало культурного, и «интеллектуалов», имеющих много культурного капитала. Ведущаяся между ними борьба за господство осуществляется на стыке полей разных видов капитала, где ключевым является именно символический капитал, так как он имеет способность быть всеми видами капитала, если они имеют особое признание в обществе. Такую борьбу П. Бурдьё назвал «полем власти» [14], структура которого есть система социальных отношений, основной смысл которых заключён в понятии «габитус». Габитус социальной системы – это образ жизни, происходящий из того или иного жизненного опыта конкретной социальной группы.

Обобщив рассуждения П. Бурдьё о символическом капитале, можем выявить следующие его особенности.

1. *Специфика функционирования* символического капитала, согласно П. Бурдьё, определяется отношением «услуга – доверие – услуга». *Единицей измерения* такого капитала является услуга как эквивалент доверия, стоимость доверия определяется количеством и, главное, качеством вложенного в создание доверия труда. Результатом функционирования этого капитала является доверие, выраженное в услугах.

2. *Преимуществом существования* символического капитала является его мобильность. Причина – информационная природа существования символического капитала.

3. В качестве *перспективы развития* символического капитала выступает информационное накопление, ведущее к символическому могуществу конкретного общества.

Проанализировав понятия «капитал» в интерпретации К. Маркса и «символический капитал» в интерпретации П. Бурдьё, мы выявили специфику их функционирования, преимущества существования и перспективы развития. Главное различие представленных видов капитала заключается в отображении философами *двух разных способов производства* в обществе – *материального* (у К. Маркса) и *символического* (у П. Бурдьё). Возникает вопрос: *может ли символический капитал в интерпретации П. Бурдьё существовать отдельно от экономического капитала в интерпретации К. Маркса?*

Вероятно, нет. Гипертрофированное в материальном смысле значение «капитала» в интерпретации К. Маркса и также гипертрофированное в информационном смысле значение «символического капитала» в интерпретации П. Бурдьё, на наш взгляд, могут быть продуктивно уравновешены в синтезе этих двух форм капитала. Каким образом?

Для ответа на этот вопрос необходимо обратиться к анализу современного общества, его стратификации и особенностям функционирования капиталов обеих форм.

Исследователи современной стратификации общества часто выявляют в ней формирование новых социальных групп. В частности, основанием для выделения новой социальной

группы «прекариат» стали социально-трудовые отношения, а точнее, отсутствие стабильного социально-трудового статуса у некоторых людей. «...Данная группа не может быть встроена ни в одну из имеющихся социоструктурных систем» [15]. В неё входят фрилансеры и люди, живущие на средства от случайных заработков. В качестве причин формирования данного класса исследователи указывают на современные изменения в сфере труда, носящие информационно-знанийевый характер [16].

Ещё одна социальная группа «креативный класс» является предметом интереса современного философа Р. Флориды [17]. Креативный класс здесь понимается как творческая элита, ведущая за собой всё общество, и является ключевым фактором экономического развития. Но, на наш взгляд, идея о существовании творческой элиты, ведущей за собой общество, прозвучала ещё в 1929 г. у испанского философа Х. Ортеги-и-Гассета в работе «Восстание масс» [18]. Он структурировал общество по принципу творческой активности и пассивности. Тем самым выявил в структуре общества два уровня: творческую элиту и массу. Р. Флорида, скорее, конкретизировал эту идею применительно к экономической сфере развития общества.

Наиболее часто среди исследователей современной структуры общества звучит понятие «когнитариат», предложенное Э. Тоффлером. Когнитариат – это класс интеллектуальных работников [19], численность которого увеличивается по мере всё большей интеллектуализации труда. «Люди известности» – ещё один новый социальный слой, появление которого связано с ростом значения личной известности в обществе [20].

Все вышеперечисленные новые классы, присутствующие в современной социальной стратификации, выявлены исследователями, исходя из какого-либо основания деятельности членов общества. В одном из предшествовавших наших исследований «Философия управления символическим капиталом: социальный аспект» [21] была предпринята попытка анализа современного общества с позиций управления символическим капиталом. В результате этого мы предложили свою идею символической стратификации современного общества, осуществляемую по принципу функционирования в нём символического капитала. Это даёт возможность изучить основные принципы функционирования общества в условиях *символического капитализма* – современного общественного устройства, осуществляемого на основе функционирования символического капитала. В *символической стратификации* такого общества выделяются *два базовых класса* – *символические капиталисты* (те, кто уже имеет символический капитал) и *символические рабочие* (те, кто его только начинает зарабатывать).

Богатство символических капиталистов не обязательно измеряется в денежном эквиваленте, но в первую очередь наличием у них символического капитала как кредита доверия и спецификой его реализации [22]. Такая социальная стратификация характерна для современного общества как на локальном, так и на глобальном уровнях.

В контексте глобального развития социума наблюдается тенденция вольного или невольного сращивания государств в символическом смысле, то есть на основании формирования единого структурно-функционального поля – информационного. Складывающееся современное глобальное пространство – это новое функциональное пространство.

Отсюда – размывание физических географических границ, которых в сознании многих людей уже нет. Современному человеку не составляет труда самостоятельно с помощью информационных технологий функционировать в глобальном масштабе, даже сидя дома на диване. Пространственные границы сознания современных людей претерпели изменения, а соответственно изменилось понимание социального взаимодействия и устройства. Поэтому сегодня формируется новая социальная стратификация, описанная нами выше.

Но как в такой социальной стратификации функционирует не символический, а *материальный капитал* (этим понятием мы будем обозначать капитал, ставший результатом не символического, а материального способа производства)?

Если синтезировать рассуждения о капитале К. Маркса и П. Бурдье, то функционирование капитала в условиях символического капитализма, скорее всего, выглядит следующим образом. По причине развития информационных технологий способ производства, являющийся основой существования общества, стал более информационным. Поэтому труд интеллектуализируется, что приводит к социальному конфликту как результату процесса несоответствия производительных сил (в большей степени материальных) производственным отношениям (в большей степени информационным). Это ведёт к социальным изменениям, а

конкретнее, к формированию новых социальных классов в соответствии с символической стратификацией общества: 1) неадаптированных к данной социальной ситуации (символические рабочие, в числе которых «прекариат») и 2) адаптированных к ней (символические капиталисты, в числе которых когнитариат, креативный класс, «известные люди»). Эти классы очень подвижны, имеют свои закономерности социального взаимодействия и, главное, новую среду взаимодействия – информационную.

На основе развития информационных технологий складывается современное глобальное пространство и глобальное общество как новое функциональное пространство, в котором функционируют символический и материальный капиталы. Символический капитал по потенциалу более подвижен, чем капитал материального труда, так как более подвижно пространство его существования. А поэтому с развитием информационно-коммуникативных технологий символический капитал стал проявлять большую активность.

Любой капитал – подвижная единица. Он даёт прибыль, если участвует в экономическом процессе. Сущность капитала – функционирование. Главная функция капитала – преобразование. В случае капитала в интерпретации К. Маркса способ материального производства замыкается на материальном преобразовании. То есть человек прилагает физические усилия, за что получает их информационный знаковый эквивалент – деньги, которые затем преобразовывает в другие продукты, покупая еду, одежду и т. д. В случае преобразования символического капитала возможности его владельцев увеличиваются, так как функциональные возможности капитала символического больше. Он может приносить прибыль как денежную, так и символическую. То есть выгоду политического, социального, психологического, эстетического, религиозного и аксиологического и другого характеров [23].

Символический капитал не может существовать отдельно от материального, так как символический капитал без референтов, то есть его носителей, в качестве которых выступают как социальные, так и производственные единицы, был бы равносителен существованию знака без референта, то есть существованию симулякра. В понятиях капитала – денег без их обеспечения. А значит такое общество – полная симуляция. Скорее, было бы правильнее говорить о формировании двух уровней общества – реального и символического (информационного). На каждом уровне есть свои закономерности функционирования, происходящие из физических или интеллектуальных характеристик трудового участия в жизни общества. Здесь деньги есть информационное выражение материально-имущественной и интеллектуальной сфер общества.

Таким образом, при исследовании понятий «капитал» в понимании К. Маркса и «символический капитал» в понимании П. Бурдье нами были выявлены специфика их функционирования, преимущества существования и перспективы развития. Также при сравнении этих двух форм капитала был сформулирован вывод о невозможности раздельного существования символического и материального капиталов в современном обществе.

На наш взгляд, значение символического капитала как стратегии накопления доверия и функционирования в социуме на его основе со временем будет возрастать, так как его наличие существенно упрощает социальное взаимодействие.

Примечания

1. Маркс К. Капитал. Т. I. Кн. I: Процесс производства капитала // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. 2-е изд. М., 1960; Маркс К. Капитал. Т. II. Кн. II: Процесс обращения капитала // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 24. 2-е изд. М., 1961; Маркс К. Капитал. Т. III. Кн. III: Процесс капиталистического производства, взятый вместе // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25. Ч. I. 2-е изд. М., 1961; Маркс К. Капитал. Т. III. Кн. III: Процесс капиталистического производства, взятый в целом // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25. Ч. II. 2-е изд. М., 1962.

2. Маркс К. Капитал. Т. I. Кн. I: Процесс производства капитала...

3. Там же. С. 44.

4. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М., 1957. Т. 9. С. 69–77.

5. Маркс К. Капитал. Т. II. Кн. II: Процесс обращения капитала... С. 121.

6. Маркс К. Капитал. Т. III. Кн. III: Процесс капиталистического производства... С. 886–887.

7. Бурдье П. Практический смысл. СПб., 2001. С. 231.

8. Тоффлер Э. Метаморфозы власти. М., 2003. С. 87–89.

9. Бурдье П. Указ. соч. С. 225.

10. Там же. С. 229.

11. Там же. С. 230.

12. Там же. С. 233.
13. Там же. С. 234.
14. Бурдые П. О символической власти // Бурдые П. Социология социального пространства. М.; СПб., 2007. С. 87–96.
15. Голенкова З. Т., Голуцова Ю. В. Новые социальные группы в современных стратификационных системах глобального общества // Социологическая наука и социальная практика. 2013. № 3. С. 5–15.
16. Там же. С. 13.
17. Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее. М., 2005.
18. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. М., 2002.
19. Тоффлер Э. Указ. соч.
20. Гринин Л. Е. «Люди известности» – новый социальный слой? // Социс. 2004. № 12. С. 46–54.
21. Демидова М. В. Философия управления символическим капиталом: социальный аспект // Европейский журнал социальных наук. М., 2013. № 3. С. 33–40.
22. Там же. С. 35.
23. Демидова М. В. Символический капитал: социально-философский анализ // Социология, политология, философия и история в современном мире. Новосибирск: Сибирская ассоциация консультантов. 2012. С. 64–70.

Notes

1. Marx K. *Kapital* [Capital]. Vol. I. Book I: *Process proizvodstva kapitala* [Process of production of capital] // K. Marx, F. Engels. Works. Vol. 23. 2nd ed. Moscow. 1960; Marx K. *Kapital* [Capital]. Vol. II. Book II: *Process obrashcheniya kapitala* [Process of circulation of capital] // K. Marx, F. Engels. Works. Vol. 24. 2nd ed. Moscow. 1961; Marx K. *Kapital* [Capital]. Vol. III. Book III: *Process kapitalisticheskogo proizvodstva, vzyatyj vmeste* [Process of capitalist production, taken together] // K. Marx, F. Engels. Works. Vol. 25. Pt. I. 2nd ed. Moscow. 1961; Marx K. *Kapital* [Capital]. Vol. III. Book III: *Process kapitalisticheskogo proizvodstva, vzyatyj v celom* [Process of capitalist production, taken as a whole] // K. Marx, F. Engels. Works. Vol. 25. Pt. II. 2nd ed. Moscow. 1962.
2. Marx K. *Kapital* [Capital]. Vol. I. Book I: *Process proizvodstva kapitala...* [Process of production of capital...]
3. Ibid. P. 44.
4. Marx K., Engels F. Works. Moscow. 1957. Vol. 9. Pp. 69-77.
5. Marx K. *Kapital* [Capital]. Vol. II. Book. II: *Process obrashcheniya kapitala...* [Process of circulation of capital...] P. 121.
6. Marx K. *Kapital* [Capital]. Vol. III. Book III: *Process kapitalisticheskogo proizvodstva...* [Process of capitalist production...] Pp. 886-887.
7. Bourdieu P. *Prakticheskij smysl* [Practical sense]. SPb. 2001. P. 231.
8. Toffler E. *Metamorfozy vlasti* [Metamorphosis of power]. Moscow. 2003. Pp. 87-89.
9. Bourdieu P. Op. cit. P. 225.
10. Ibid. P. 229.
11. Ibid. P. 230.
12. Ibid. P. 233.
13. Ibid. P. 234.
14. Bourdieu P. *O simvolicheskoy vlasti* [On symbolic power] // Bourdieu P. *Sociologiya social'nogo prostanstva* - Sociology of social space. Moscow; SPb. 2007. Pp. 87-96.
15. Golenkova Z. T., Goliusova Y. V. *Novye social'nye gruppy v sovremennyh stratifikacionnyh sistemah global'nogo obshchestva* [New social groups in modern stratification systems of global society] // *Sociologicheskaya nauka i social'naya praktika* - Social science and social practice. 2013, No. 3, pp. 5-15.
16. Ibid. P. 13.
17. Florida R. *Kreativnyj klass: lyudi, kotorye menyayut budushchee* [Creative class: the people who are changing the future]. Moscow. 2005.
18. Ortega-i-Gasset H. *Vosstanie mass* [Revolt of the masses]. Moscow. 2002.
19. E. Toffler. Op. cit.
20. Grinin L. E. «*Lyudi izvestnosti*» – *novyj social'nyj sloj?* ["Men of renown" - a new social layer?] // *Socis* - Socis. 2004, No. 12, pp. 46-54.
21. Demidova M.V. *Filosofiya upravleniya simvolicheskim kapitalom: social'nyj aspekt* [The management philosophy of symbolic capital: the social aspect] // *Evropejskij zhurnal social'nyh nauk* - European journal of social sciences. Moscow. 2013, No. 3, pp. 33-40.
22. Ibid. P. 35.
23. Demidova M. V. *Simvolicheskij kapital: social'no filosofskij analiz* [Symbolic capital: the social philosophical analysis] // *Sociologiya, politologiya, filosofiya i istoriya v sovremennom mire* - Sociology, political science, philosophy and history in the modern world. Novosibirsk: Siberian Association of consultants. 2012. Pp. 64-70.

Управленческая этика в странах Европы (Австрия, Италия) и России

Статья посвящена изучению дифференциации между восприятием (не)этического поведения студентами факультета менеджмента в странах Европы (Австрия, Италия) и России. Методология исследования включает в себя синтез двух различных методик и сосредоточена на пяти типах неэтического поведения. Результаты сравнительного анализа показывают, что существует общая тенденция среди студентов разных стран: респонденты склонны к более позитивной оценке неэтического поведения в случае рассмотрения её со стороны, нежели при условии участия в аналогичной ситуации. При этом российские респонденты в более чем 50% случаев положительно терпимы к проявлению неэтичного поведения, в то время как итальянцы имеют сильно негативное мнение о сокрытии неправомερных деяний, а австрийцы в целом имеют негативный взгляд на поведение такого типа, оправдывая некоторые незначительные по последствиям для социума примеры неэтичного поведения.

The article is devoted to the study of differentiation between the perception of (UN)ethical behavior of students of the faculty of management in European countries (Austria, Italy and Russia). The research methodology includes a combination of two different techniques and focuses on five types of unethical behavior. The results of the comparative analysis show that there is a General trend among students of different countries: respondents tend to have a more positive assessment of unethical behavior in the case of consideration of her hand, than by engaging in a similar situation. The Russian respondents in more than 50 percent of cases positively tolerant to the manifestation of unethical behavior, while the Italians have a strong negative opinion about the concealment of illegal acts, and the Austrians in General have a negative view on the behavior of this type, justifying some minor consequences for society examples of unethical behavior.

Ключевые слова: управленческая этика, этика поведения, студенты факультета менеджмента.

Keywords: (non) ethical behavior perception, managerial ethics, ethical behavior, exchange student.

Введение. В эпоху рыночной экономики и острой конкуренции особую важность в мире бизнеса приобретает построение корпоративной социальной ответственности (corporate social responsibility) и создание системы устойчивого развития (sustainable development), что влечет за собой повышенную активность в изучении такого понятия, как неэтичное поведение. Изучение этого феномена стало популярным среди исследований ещё в 80-х гг. XX в. [1], не теряя своей актуальности и важности до настоящего времени. С точки зрения общественного восприятия неэтичного поведения, учеными было сделано множество открытий и написано сотни книг, но изучению сферы бизнеса уделено не столько внимания, сколько требуется. С одной стороны, проявляется неподдельный интерес к тому, как будущие руководители предприятий (в том числе студенты факультетов менеджмента) будут реагировать на ситуации, связанные с этическим поведением в целом, а также оценивать собственное поведение, касающееся этой ситуации. С другой стороны, в условиях развития международной торговли и глобализации бизнеса становится острым вопрос сравнительной характеристики отличных национальных групп, отражающей различие восприятия и реакции на поведение организации в обществе.

В условиях интеграции Европейского пространства и вступления России в ВТО особую новизну имеет исследование будущих управленцев компаний стран Европы и России в призме сравнения особенностей отношения представителей разных культур на типичные ситуации партнёрских взаимоотношений тех или иных предприятий. В качестве контраста стран ЕС взяты одна из наиболее развитых по показателям ОЕСD страна (Австрия) и одна из наиболее отстающих (Италия). В России в объект исследования для широты выборки взяты представители густонаселенных городов (Москва, Нижний Новгород, Санкт-Петербург, Пермь), студенты одного из крупнейших вузов страны – Национального исследовательского

университета Высшей школы экономики. Аналога подобного анализа не существует. В качестве предмета исследования выступило восприятие учащимися факультетов управления собственного и чужого неэтичного поведения. Такой синтез и специфика объекта исследования помогает дать характеристику двух точек зрения, что поможет избежать ошибки взаимодействия стран-партнеров, способствуя корректному поведению и отношению к конфликтным ситуациям сторон. Поэтому целью и главным вопросом исследования являются определение отношения студентов факультетов менеджмента разных стран к деловой этике и выяснение кросс-культурных различий между ними.

Теоретические изыскания. Изучение деловой этики в рамках устойчивого развития и корпоративной социальной ответственности широко представлено в научных кругах [2]. Как правило, выделяют две основные группы таких исследований: эмпирические и концептуальные.

Эмпирическая же группа делает упор на изучение личностного аспекта, где объектом выступают мнения, убеждения и восприятие деловой этики бизнесменами или студентами управленческих специальностей университетов. *Концептуальные исследования* описывают определение деловой этики, черты социальной ответственности и устойчивого развития и создают принципы поведения для бизнес-лидеров, имеющих дело с этическими решениями (Хоффман и Мур, 1984; Риган, 1984). Для проведения качественных и количественных исследований обеих групп ученые используют разные типы интервью с открытыми и закрытыми типами ответов [3].

Важную роль играют теории, объединяющие деловую этику с известными философиями бизнеса, такими как макиавеллизм, объективизм, социальный дарвинизм и этический релятивизм. При этом стоит отметить, что эти концепции чрезвычайно важны для изучения деловой этики, потому что каждая группа исследований имеет свои особенности, которые могут определять этическое поведение согласно определенной философии бизнеса [4].

Кроме того, в соответствии с этическим поведением все менеджеры принимают решения, основываясь на следующих четырех этических теориях [5]:

- *теория полезности* (этические решения зависят только от последствий);
- *теория морали* (этики, связанные с соблюдением и защитой прав личности);
- *принцип правосудия* (все определяется одинаково в соответствии с правилами и правами);
- *интегративная теория социального контакта* (община регулирует приемлемые способы этических решений).

Теория полезности была использована в этом исследовании, потому что именно она является наиболее актуальной для деловых реалий, так как подразумевает достижение именно бизнес-целей: максимизацию прибыли, производительности и эффективности. Кроме того, утилитаризм предполагает получение долгосрочного преимущества на основе анализа затрат и выгод, а также оценку возможных последствий деятельности, что жизненно важно для существования и функционирования компании. Поэтому одним из предположений исследования является следующая гипотеза:

Гипотеза 1: *Чем серьезнее последствия возникшей неэтичной ситуации, тем люди менее толерантны в отношении поведения.*

Особое внимание также уделяется групповому мышлению как способу принятия решения, которое тоже может привести к неэтичному поведению в группе [6]. Так, к примеру, Д. Вулф предположил, что неэтичное поведение преобладает в так называемых нижних строках ментальности культур. Это означает, что люди ставят финансовый успех в качестве высшей ценности в жизни, а решения в основном используются в краткосрочной перспективе и ориентированы на немедленные результаты, несмотря на высокую вероятность долгосрочного отказа [7].

Гипотеза 2: *Чем больше представителей страны толерантны к неэтичному поведению, тем больше они относятся к нижней строке менталитета.*

Интересно на этот счет и мнение С. Вайтела, заключившего, что четыре культурных аспекта теории Г. Хофстэда также влияют на восприятие индивидом этических ситуаций, норм и поведения. Другими словами, характеристики конкретной культуры влияют на толерантность её представителей к неэтичному поведению [8]. Сформулируем третью гипотезу.

Гипотеза 3: *Толерантность к неэтичному поведению отражается в признаках культуры.*

Характеристика выборки. Для проведения анализа мнений студентов университетов Австрии, Италии и России были выбраны соответственно Университет имени Иоганна Кеплера, Университет Бергамо и Высшая школа экономики. На момент опроса респонденты получали степень магистра или обучались на последнем курсе бакалавриата в области управления. Такие критерии выборки обусловлены тем, что исследование эмпирическое, а также тем, что опрашиваемый студент должен иметь опыт работы, что само по себе связано непосредственно с ситуациями, касающимися принятия решения в неэтических ситуациях. Во всех трех странах был сделан предварительный тест, для того чтобы снизить риск ошибки перевода, некорректности заполнения анкеты и улучшения опроса.

Общее количество студентов, участвующих в исследовании, составило 477 человек – по 159 участников от каждой страны. Говоря о каждой стране в отдельности, уточним, что распределение женщин и мужчин сложилось соответственно следующим образом: Австрия – 62,7% и 37,3%; Италия и Россия – по 57,6% и 42,4%. Возрастные рамки студентов варьировались от 21 года до 45 лет, при этом 85% респондентов были в возрасте от 21 до 23 лет.

Процедура исследования. В исследовании используются первичные данные, которые были собраны с помощью опроса с закрытыми ответами двух скомбинированных анкет «Этические отношения менеджеров» [9] и «Лист социальной ответственности» [10].

Каждый вопрос является смоделированной ситуацией, в соответствии с которой респондент должен отразить две стороны «медали»: является ли ситуация для человека нормальной в целом с точки зрения его общественных установок, и если бы человек оказался в такой ситуации, то как бы он себя повел.

Для выбора ответа на первый вопрос была взята 5-разрядная шкала Лайкерта, включающая в себя ответ «Я не знаю», и две пары противоположных по смыслу ответов, различающихся категоричностью степени оценки: «Абсолютно не норма» и «Абсолютная норма», «Не норма» и «Норма». Ответы были специально выстроены таким образом, чтобы респондент смог дать либо позитивную, либо негативную оценку ситуации, либо, в крайнем случае, ответил, что не знает.

На второй вопрос также можно было ответить «Я не знаю» либо определить частоту выраженности согласия с предложенной ситуацией с помощью ответов «Никогда», «Редко», «Часто» и «Всегда».

Ключевой особенностью является то, что анкеты были объединены в одну для повышения достоверности, потому что анкета «Этические отношения менеджеров» имеет более общий подход и взгляд на ситуацию со стороны (вопрос задан «от третьего лица»), в то время как «Лист социальной ответственности» ставит респондента на место принимающего решение в неэтической ситуации (ситуация задана от «первого лица»). При этом вопросы чередуются, так что ситуации из анкеты «Этические отношения менеджеров» имеют нечетные номера в финальном варианте анкеты, а вопросы из «Листа социальной ответственности» – четные.

В анкете были представлены следующие типы утверждений:

1. Руководитель, который зарабатывает 50 тыс. американских долларов в год, искусственно «раздувал» счет своих расходов примерно на 1500 долларов ежегодно с целью присвоения этих денег.

2. Если бы я знал, что мой коллега каждый день уходит с работы раньше положенного, я бы не стал сообщать об этом руководству. Сотрудники не должны доносить на своих коллег.

3. Для того чтобы увеличить прибыль фирмы, главный менеджер применил технологический процесс, который не соответствует экологическим нормам, установленным законом.

4. Если бы мои подчиненные на некоторое время сняли с головы каски, я бы сделал вид, что не заметил этого. Бывает время, когда менеджерам нужно игнорировать нарушения техники безопасности, чтобы работа была выполнена.

5. Под давлением своей брокерской конторы биржевой маклер порекомендовал клиенту соглашение, которое он не считал выгодным.

6. Если бы во время командировки я не смог посчитать точную сумму расходов на проезд или обед, я бы просто прикинул эту сумму. Не всегда же возможно вести точную запись расходов.

7. Малое предприятие получило четвертую часть своего валового дохода наличными. Владелец сообщил в налоговой декларации только о половине этой прибыли.

8. Бывают моменты, когда сотрудники должны скрывать неприятную информацию от начальника. Например, если бы я узнал, что некоторым моим коллегам не нравится наш начальник, я бы держал это при себе.

9. Фирма оплатила 350 тыс. американских долларов «за консультацию» государственному служащему другой страны. В ответ на это служащий обещал посодействовать в получении контракта, который должен был принести фирме прибыль в 10 млн долларов.

10. Мы рекламируем тоник от облысения. Мой начальник и я знаем, что тоник не имеет никакого эффекта. Тем не менее начальник утверждает, что «если покупатели выбирают этот тоник и верят в его эффективность, то это их дело, а он просто выполняет поручения высшего начальства».

11. Президент компании обнаружил, что конкурент сделал важное научное открытие, которое может привести к уменьшению прибыли его собственной компании. Тогда он нанял на работу в свою компанию ведущего работника конкурента, чтобы подробнее узнать об открытии.

12. Иногда в рабочее время нужно заботиться и о личных вопросах. Моя мама любит звонить мне в рабочее время, так что мне нужно немного времени, чтобы ответить ей.

13. Подрядчик, который занимается строительством шоссе, осознает, что на его рынке ожидается снижение цен и ужесточение конкуренции. В этой ситуации он нашел взаимопонимание с другими крупными подрядчиками, чтобы удержать уровень цен и получить большую прибыль.

14. Я знаю, что даже лучшие продавцы компании не могут реализовать больше 20 комплектов товара в день. Если я потребую от каждого продавать по 20 комплектов в день, они будут работать усерднее. Но даже если они не будут выполнять план, я всегда смогу поступить благородно и дать им «второй шанс».

15. Президент фирмы осознал, что дорогие подарки на Рождество, посылаемые агентам по закупкам, могут их скомпрометировать. Однако он продолжил такую политику, поскольку она была общепринятой, и отказ от нее привел бы к убыткам в бизнесе.

16. С того момента как цели руководства поставлены, я должен сделать все необходимое, чтобы достичь их любым способом.

17. Директор корпорации узнал, что его компания собирается разделить имеющийся у него пакет акций и повысить дивиденды. Зная эту информацию, он приобрел дополнительные акции и продал их с выгодой, после того как компания сделала соответствующее объявление.

18. Покупатель очень просил доставить товар в четверг, и, хотя я знал, что в итоге доставка будет только в пятницу, я согласился, чтобы покупка была оформлена.

19. Руководитель корпорации назначил на должность вице-президента подразделения своего давнего друга и в то же время компетентного менеджера, отклонив кандидатуру более квалифицированного работника, с которым он не имел таких близких отношений.

20. Звонки на дальние расстояния обходятся компании намного дешевле, чем мне, так что в рабочее время, когда телефон не используется по работе, я считаю нормальным пользоваться им в личных целях.

21. Инженер обнаружил, что в проекте изделия, который выпускает его компания, есть дефект, в результате которого изделие может быть опасным. Его фирма отказалась исправить дефект. Инженер решает не разглашать эту информацию, чтобы избежать претензий со стороны фирмы.

22. Я бы разрешил поощрение представителей заказчиков в виде подарков или развлечений, для того чтобы заключить более выгодный контракт, даже если это противоречит политике компании. В любом случае, когда вы работаете в бизнесе, связанном с продажами, самый главный показатель все же – уровень продаж.

23. Инспектор при составлении финансового отчета решил законным путем скрыть некоторые финансовые трудности компании, которые в противном случае стали бы известны общественности.

24. В бизнесе ожидаемы перегибы и нарушения правил и операций. В нашей компании есть правило относиться к клиентам так же, как к членам семьи. Что же, иногда и членам семьи приходится лгать, не так ли?

25. Работодатель получил заявки на должность руководителя от двух одинаково компетентных претендентов, но нанял на работу мужчину, так как подумал, что некоторые служащие были бы недовольны, если бы их заставили работать под руководством женщины.

26. Важно сообщать нашим поставщикам о недостачах при поставке груза, тогда как об излишках можно умолчать. На днях мы получили счет на две коробки запасных деталей. Но в результате ошибки грузоотправителя мы получили четыре. Я предпочитаю не сообщать ему об этом.

27. Вырабатывая стратегию маркетинга для товара, производитель изменил его цвет и заявил, что это «новое и усовершенствованное» изделие, тогда как другие особенности изделия остались без изменений.

28. Моя сестра попросила меня сделать 200 копий флаера на работе, и я согласился. Нет ничего плохого в использовании ксерокса в личных или общественных целях.

29. Производитель сигарет запустил рекламную кампанию, которая противоречит выводам органов здравоохранения о вреде курения.

30. Я считаю одним из преимуществ работы в офисе возможность брать домой недорогие офисные принадлежности (такие как карандаши, скрепки, конверты и т. д.). Я делаю так постоянно.

31. Владелец малого предприятия получил от коллеги бесплатную копию компьютерной программы, защищенной авторским правом, вместо того чтобы потратить 500 американских долларов на приобретение этой программы у продавца программного обеспечения.

Каждое из утверждений следовало соотнести с двумя установками:

1) Данная ситуация – это норма для вас?

Абсолютно не норма	Не норма	Норма	Абсолютная норма	Я не знаю
--------------------	----------	-------	------------------	-----------

2) Если бы вы находились в подобной ситуации на месте данного человека, вы бы поступили так же?

Никогда	Редко	Часто	Всегда	Я не знаю
---------	-------	-------	--------	-----------

Вопросы были объединены в группы в соответствии с классификацией различных типов неэтичного поведения:

- узурпация ресурсов компании (1);
- предложение взятки (2);
- корпоративный шпионаж (3);
- сокрытие проступков (4);
- обман клиентов (5).

Для каждого типа в анкете есть ряд вопросов, поэтому для первого типа были выбраны вопросы 1, 6, 12, 20, 28, 30, 31; для второго типа – 9, 11, 13, 15, 22; для третьего типа – 7, 14, 16, 23; для четвертого типа – 2, 3, 4, 8, 17, 19, 21, 25, 29 и для пятого типа – 5, 10, 18, 24, 26, 27.

Кроме того, были сделаны некоторые дополнительные вопросы для уточнения параметров выборки: возраста, пола, уровня образования респондента и его родителей, а также о профиле образования, опыте работы и политических взглядах.

Опрос проводился во всех трех университетах в течение второго семестра 2014 г. Анкеты заполнялись респондентами вручную на печатных бланках ответов.

Поскольку две выбранные методики в оригинале были созданы на английском языке, авторы исследования решили перевести вопросы на родной язык каждой из стран (в процессе перевода были привлечены носители языка, также знающие английский язык, для гарантии отсутствия искажения смысловой нагрузки вопроса). Несмотря на то что большинство студентов в ведущих университетах Европы и России могут без затруднений читать на английском языке, анкета была переведена на три языка (немецкий, итальянский и русский) по причине различия в уровне знаний языка у респондентов и существования риска переосмысления и непонимания тонкостей описанных ситуаций анкеты.

Измерительной шкалой для основных вопросов анкеты является порядковая шкала, поскольку при анализе необходимо сравнить, больше или меньше выражен тип неэтичного поведения у респондентов разных стран.

Результаты исследования. Согласно результатам Т-теста все основные вопросы имеют 2-стороннюю значимость в тесте 0, что меньше или равно 0,05, и это значит, что полученные данные различны и могут быть использованы. Ожидалось, что большинству вопросов респонденты дадут негативную оценку, но было отмечено, что при ответе на второй подвопрос респонденты были всегда более категоричны, а именно, респонденты могут допускать про-

явление неэтичного поведения на работе, но при этом они сами никогда или редко сделали бы то же самое. Например, в третьем вопросе, где генеральный менеджер, для того чтобы повысить прибыль, пренебрегает экологическими нормами, респонденты оценивали такое поведение как «Не норма», хотя на его месте они бы никогда не повели себя так же. Или, например, в тринадцатом вопросе, где идет речь о сговоре и удержании цены, для общей массы респондентов это оказалось «Нормой», но сами респонденты «Редко» бы так поступали сами. В общем, это может означать, что в совокупности с темой исследования восприятия (не)этичного поведения люди в определенной ситуации имеют тенденцию казаться в чужих глазах лучше, чем при оценке ситуации в целом, они могут принять «нечестную игру», но при этом сами не стали бы вести себя подобным образом. С другой стороны, студенты могут давать искренние ответы, что они не стали бы поступать неэтично, но довольно трудно проверить, является ли это честным или все-таки социально желаемым ответом.

Также, если говорить в общем обо всех исследуемых странах, то на вопросы 6, 8, 11, 12, 14, 16 средняя оценка ситуации как в целом, так и в частности позитивна (ситуация оценивалась как «Норма», и респондент часто делает то же): респонденты принимают проявления неэтичного поведения, оценивая ее в общем и применительно к себе.

Для того чтобы обнаружить различия между Россией, Австрией и Италией, авторы исследования решили сравнить средние показатели результатов по основным вопросам.

В частности, русские студенты более склонны к принятию неэтичного поведения и к тому, чтобы самим себя вести неэтично. Удивительно, но на вопросы 2, 3, 5, 6, 7, 9, 10, 15, 17, 19, 21, 22, 23, 25, 27, 28 российские студенты отвечали более позитивно, чем их австрийские и итальянские коллеги, например, где европейцы категорично не принимали поведение, русские – не категорично либо вовсе принимают данное поведение. Также для более чем половины ситуаций (18 из 31) русские более толерантны, и поведение признается нормальным. Нет ни одной ситуации, которую бы русские категорично оценили как «абсолютно не норма».

Например, на второй вопрос, где работник не станет рассказывать о коллеге, уходящем домой всегда раньше рабочего графика, русские студенты отвечали в большинстве, что данная ситуация нормальна и они довольно часто не рассказывают об этом начальству.

Также третий вопрос о соблюдении экологических норм не вызывает у русских такой категоричной реакции, как у австрийцев и итальянцев, для которых подобная ситуация абсолютно не норма. Седьмой вопрос о сокрытии части дохода от налоговой инспекции русские студенты оценили как «Норму», когда для европейских студентов это опять же «Абсолютно не норма».

Для австрийских студентов нормальными ситуациями считаются 6, 8, 11, 12, 15, 16. Третий вопрос о защите окружающей среды стал единственным, с чем абсолютно были не согласны студенты. На все остальные вопросы австрийцы отвечали относительно негативно.

Для итальянских студентов ответ «Норма» был дан на 6, 8, 11, 12, 13, 14, 16. Однако для них также характерно наличие более категоричного неприятия неэтичных ситуаций, а именно, «Абсолютно не норма» для ситуаций 3, 4, 5, 7, 21, 25, 29. Это значит, что итальянцы сильно не приемлют четвертый тип неэтичного поведения «Соккрытие проступков», связанных с нарушением законодательства в компании.

Если говорить о корреляционном анализе, то стоит отметить, что между ответами на вопросы каждой ситуации есть прямая положительная связь, например, между подвопросами первой ситуации корреляция Пирсона на уровне $R_p = 0,496$, $P \leq 0,01$, в двенадцатом вопросе она равна $R_p = 0,704$, $P \leq 0,01$. В общем, в каждой ситуации встречается корреляция со значимостью $P \leq 0,01$ или $P \leq 0,05$. Это может означать, что в ответах респондентов есть тенденция не разделять социально желаемый ответ и их собственное мнение, так, например, если респондент не согласен с действиями нечестного менеджера в первой ситуации, то с большой вероятностью респондент ответит негативно и на свое возможное участие в подобном.

Говоря о корреляции между пятью различными типами неэтичного поведения, нужно отметить, что они также имеют значимую связь, но что более важно, что первые подвопросы более связаны друг с другом при отнесении ситуации к одному типу. Это может означать, что если респондент приемлет (не)этичное поведение, оценивая ситуацию в общем, то он может перенести это мнение и на другие подобные ситуации, причем это не значит, что оценка ситуации изнутри будет также одинакова и для других вопросов одного типа (не)этичного поведения.

Сильной связи относительно дополнительных вопросов, касающихся пола, возраста, опыта работы и т. д. и основных вопросов обнаружено не было.

Дискуссия. Результаты исследования показали, что существуют различия восприятия неэтичного поведения среди российских, австрийских и итальянских студентов факультета менеджмента. В соответствии с гипотезой 3 были найдены существенные различия между культурами в их отношении к различным ситуациям. Вероятно, многие другие факторы могут также повлиять на ответы, например, ежемесячный доход, опыт работы, возрастной и т. д. Но в целом, Австрия и Италия как члены Европейского Союза имеют свои особенности по данной теме исследования, Россия также является примером довольно длительного опыта формирования бизнес-культуры.

В соответствии с гипотезой 2 результаты показали, что российские студенты более толерантны к проявлению неэтичного поведения и на самом деле это не секрет, что особенно после распада Советского Союза в 1991 г. приоритет людей изменился к обогащению любыми средствами в краткосрочном периоде, к приватизации государственной собственности, поэтому авторы могут предположить, что российские студенты по-прежнему имеют высокий уровень толерантности к проявлению неэтичного поведения, что может быть очень вредно в долгосрочном периоде в целом для страны.

Другие страны имеют тенденцию быть более критичными по отношению к неэтичному поведению в бизнесе, но это происходит в рамках гипотезы 1, если ситуация приводит к более серьезным и опасным последствиям, то респонденты склонны давать категорично негативные ответы, но к ситуациям, например, связанным со звонком или написанием письма на электронную почту родственникам в рабочее время или с печатью флаеров на рабочем принтере, респонденты относятся более позитивно.

Ограничения исследования. В заключение можно сказать, что фактор культуры играет одну из важнейших ролей в восприятии (не) этического поведения среди студентов факультета менеджмента, потому что национальное сравнение указывает на огромные различия в понимании неэтичного поведения и толерантности к нему людей. В общем, россияне являются самыми толерантными студентами среди остальных сравниваемых, так как на более чем половину ситуаций с проявлением неэтичного поведения ответили позитивно. И наоборот, итальянцы имеют тенденцию воспринимать неэтичное поведение очень категорично. Австрийские студенты более сдержанны – они не принимают очевидные примеры неэтичного поведения, но могут и оправдать некоторые случаи, не имеющие серьезных последствий для общества.

Относительно ограничений данного исследования можно выделить следующее: заполнение анкеты занимает довольно долгое время, поскольку требует погружения и размышления над предложенными ситуациями, в связи с этим есть риск получить некачественно заполненные анкеты.

Кроме того, тема восприятия (не) этического поведения в бизнесе провоцирует людей давать социально желаемые ответы, потому что, как было видно в результатах, в большинстве предложенных ситуаций корреляция между подвопросами является значительной.

Кроме того, трудно сравнивать результаты из-за различных национальных подходов к образованию и работе, например, в Австрии степень магистра студенты получают после нескольких лет работы после выпуска из бакалавриата, но в России и Италии магистратура является частью продолжения обучения в бакалавриате и знаком наличия «полного» образования.

Кроме того, количество заполненных анкет из разных стран может быть больше и привязано к общему количеству студентов в каждой стране, затем чтобы результаты были более надежными.

Подводя итог, отметим, что исследование может быть продолжено через сравнение ответов студентов и возможных ответов работников компании в тех же странах, с тем чтобы выявить различия между студентами университетов и уже опытными людьми из бизнеса.

Примечания

1. Carroll A. Linking business ethics to behavior in organizations // *Advanced management Journal*, 43. 1978. Pp. 4–11; Chung *et al.* Ethical perceptions of business students: differences between East Asia and the USA and among «Confucian» cultures // *Journal of Business Ethics*. 2008. Vol. 79. № ½. World Business Ethics: Does East meet west? Pp. 121–132; Fritzsche D., Becker H. Linking management behavior to ethical

philosophy – an empirical investigation // *Academy of management Journal*, 27. 1984. Pp. 166–175; Regan T. *Just Business: New introductory essays in business ethics*. N. Y.: Random House, 1984.

2. Chung *et al.* Ethical perceptions of business students: differences between East Asia and the USA and among «Confucian» cultures // *Journal of Business Ethics*. 2008. Vol. 79. № ½. World Business Ethics: Does East meet west? Pp. 121–132; Preble J., Reichel A. Attitudes towards business ethics of future managers in the U.S. and Israel // *Journal of Business Ethics*. 1988. Vol. 7. № 12. Pp. 941–949; Whipple T., Swords D. Business ethics judgements: a cross-cultural comparison // *Journal of Business Ethics*. 1992. Vol. 11. № 9. Pp. 671–678; Wood *et al.* Ethical Attitudes of students and business professionals: a study of moral reasoning // *Journal of Business Ethics*. 1988. Vol. 7. №. 4. Pp. 249–257.

3. Carroll A. Op. cit.; Fritzsche D., Becker H. Op. cit.; Krugman D., Ferrel O. The organisational ethics of advertising corporate and agency views // *Journal of Advertising*, 10. 1981. Pp. 21–30.

4. Preble J., Reichel A. Op. cit. P. 942.

5. Zgheib P. Managerial ethics: an empirical study of business students in the American university of Beirut // *Journal of Business Ethics*. 2005. Vol. 61. № 1. Pp. 69–78.

6. Sims R. Linking Grouping to unethical behavior in organizations // *Journal of Business Ethics*. 1992. Vol. 11. № 9. Pp. 651–662.

7. Wolfe D. *Is there integrity in the bottomline: managing obstacles to executive integrity. The search for high human values in organization life*. Jossey-Bass, San Francisco, 1988. Pp. 140–171.

8. Vitel S., Nwachukwu S., Barnes J. The effects of culture on ethical decision-making: an application of Hofstede's typology // *Journal of Business Ethics*. 1993. Vol. 1. № 2. Pp. 753–760.

9. Wood *et al.*...

10. Rein L. Is Your (Ethical) Slippage Showing? // *Personnel Journal*, 9. 1980. Pp. 740–743.

Notes

1. Carroll A. Linking business ethics to behavior in organizations // *Advanced management Journal*, 43. 1978. Pp. 4–11; Chung *et al.* Ethical perceptions of business students: differences between East Asia and the USA and among «Confucian» cultures // *Journal of Business Ethics*. 2008. Vol. 79. № ½. World Business Ethics: Does East meet west? Pp. 121–132; Fritzsche D., Becker H. Linking management behavior to ethical philosophy – an empirical investigation // *Academy of management Journal*, 27. 1984. Pp. 166–175; Regan T. *Just Business: New introductory essays in business ethics*. N. Y.: Random House, 1984.

2. Chung *et al.* Ethical perceptions of business students: differences between East Asia and the USA and among «Confucian» cultures // *Journal of Business Ethics*. 2008. Vol. 79. № ½. World Business Ethics: Does East meet west? Pp. 121–132; Preble J., Reichel A. Attitudes towards business ethics of future managers in the U.S. and Israel // *Journal of Business Ethics*. 1988. Vol. 7. № 12. Pp. 941–949; Whipple T., Swords D. Business ethics judgements: a cross-cultural comparison // *Journal of Business Ethics*. 1992. Vol. 11. № 9. Pp. 671–678; Wood *et al.* Ethical Attitudes of students and business professionals: a study of moral reasoning // *Journal of Business Ethics*. 1988. Vol. 7. №. 4. Pp. 249–257.

3. Carroll A. Op. cit.; Fritzsche D., Becker H. Op. cit.; Krugman D., Ferrel O. The organisational ethics of advertising corporate and agency views // *Journal of Advertising*, 10. 1981. Pp. 21–30.

4. Preble J., Reichel A. Op. cit. P. 942.

5. Zgheib P. Managerial ethics: an empirical study of business students in the American university of Beirut // *Journal of Business Ethics*. 2005. Vol. 61. № 1. Pp. 69–78.

6. Sims R. Linking Grouping to unethical behavior in organizations // *Journal of Business Ethics*. 1992. Vol. 11. № 9. Pp. 651–662.

7. Wolfe D. *Is there integrity in the bottomline: managing obstacles to executive integrity. The search for high human values in organization life*. Jossey-Bass, San Francisco, 1988. Pp. 140–171.

8. Vitel S., Nwachukwu S., Barnes J. The effects of culture on ethical decision-making: an application of Hofstede's typology // *Journal of Business Ethics*. 1993. Vol. 1. № 2. Pp. 753–760.

9. Wood *et al.*...

10. Rein L. Is Your (Ethical) Slippage Showing? // *Personnel Journal*, 9. 1980. Pp. 740–743.

Эвристические возможности концепции фоновых практик

В статье обсуждается эвристический потенциал концепции фоновых практик в области культурологических исследований современного российского общества. Автор анализирует различные методологические подходы к теории практик. Фоновые практики рассматриваются в аспектах дискурса, потребления и дисциплины. В статье делается попытка сформулировать собственное определение фоновых практик на основе объединения концептов культурной памяти и культурной травмы в условиях современных буржуазных тенденций в постсоветском обществе.

The article discusses the heuristic potential of the concept of background practices in the field of cultural studies of contemporary Russian society. The author analyzes the different methodological approaches to the theory of practices. Background practice considered in the aspects of discourse, consumption and discipline. This article is an attempt to formulate their own definition of background practices by combining the concepts of cultural memory and cultural trauma in contemporary bourgeois tendencies in post-Soviet society.

Ключевые слова: социальный порядок, фоновые практики, культурная память, культурная травма, советское, постсоветское, ценностно-рациональные практики.

Keywords: social order, background practices, cultural memory, cultural trauma, Soviet, post-Soviet, value-rational practice.

М. Вебер первый из всех авторов говорит о вариативности форм установления социального порядка [1]. Это значит, что социальные порядки могут быть разными, поэтому их можно типологизировать. Для нашего исследования данная мысль приобретает существенное значение, поскольку мы будем рассматривать два типа социального порядка: советский и постсоветский.

Нам предстоит иметь дело с российским видом культурной памяти. Именно в ней запечатлен советский социальный порядок. Он выражается в идеализированной картинке прошлого, сочиненной сегодня. Такого рода коллективная память поддерживается массмедиа, воспроизводится в сети [2]. Именно эта самая память является тем фоном, к которому апеллируют люди в своих поступках. Фон самый настоящий – он обладает реальностью, определяет и направляет наши действия. Но его наполнение совершенно пустое, призрачное. Зададимся вопросом: как такое возможно? Можно предположить, что речь идет о ситуации очень сильной *коллективной культурной травмы* в результате стремительного распада тех институтов, к которым люди адаптировались, привыкли, сумели одомашнить. Так, советские люди сделали официальные праздники (8 Марта, 7 ноября, 1 мая) своими родными, наполнив их личностными символами и практиками. В результате разрыва исторической преемственности возникла ситуация частичной амнезии.

Повседневные действия, ориентированные на реализацию прежних ценностей в новой культурной ситуации, я буду называть *фоновыми практиками*.

Обозначим истоки формирования теории практик как таковой. Затем интерпретируем категорию фона, общую для повседневных практик. По нашему мнению, импульсом к изучению повседневных практик послужило формирование в научном сообществе концепции повседневности. Эта философская категория была разработана А. Шюцем для социологической концептуализации понятия «жизненный мир», введенного в научный оборот Э. Гуссерлем. Согласно Шюцу, социальная реальность – это «совокупность всех объектов и явлений социокультурного мира, каким он представляется обыденному сознанию людей, живущих среди других людей и связанных с ними многообразными отношениями взаимодействия». Основа социальной реальности – «жизненный мир, то есть мир донаучной, естественной установки, та интуитивная среда, где мы как человеческие существа среди себе подобных переживаем культуру и общество, определенным образом относимся к окружающим нас объектам, воздействуем на них и сами находимся под их воздействием» [3].

По мнению авторов монографии «Теория практик», «сегодня слово «практики» широко используется в социальных науках и даже успело стать модным» [4]. С точки зрения американского антрополога Шерри Ортнер, начиная с 1980-х гг. понятие «практика» стало центральным ориентиром антропологических исследований [5]. Категория «практики» все чаще фигурирует в качестве основной в антропологии, философии, истории, социологии, политической теории, теории языка, литературной теории, – и в этом смысле формируется некая общая для социальных дисциплин парадигма. С другой стороны, для каждой дисциплины характерен свой, отличный от других, способ включения этого понятия в исследовательскую традицию, свой способ концептуализации. «Теория практик – собирательное название для целого ряда исследовательских концептов, представленных широким спектром имён: от Пьера Бурдьё и Клиффорда Гирца до Джона Сёрля и Теодора Шацки» [6].

Первоначально философская категория практики, восходящая к Гегелю и раннему Марксу, отражала деятельное начало человеческого бытия. Впоследствии в западной социологической теории, по мнению В. Волкова и О. Хархордина, термин «практика» символизировал поиски компромисса «между объективизмом системно-структуралистского подхода и субъективизмом феноменологии». Они видели в нем попытки предложить «третий курс»: либо посредством категориального синтеза, как, например, в теории «структуриации» Энтони Гидденса, либо указанием на воплощённость социально-классовых структур в самом деятеле, как это попытался сделать Бурдьё с помощью концепции «габитуса» [7].

Практика – человеческая деятельность, осмысленная, творческая, преобразующая. Но на языке концепции жизненного мира она не более чем сумма поведенческих актов.

Опираясь на концепцию жизненного мира, попытаемся понять статус практик в их отношении к общим условиям человеческого бытия, отражающихся в коллективном сознании участников этих практик. Повторимся, что эти условия, описанные как жизненный мир человеческих сообществ, выступают фоном для социальных практик. В этом жизненном мире присутствуют и неартикулированные представления, и смутные образы, и суммы практических знаний, и т. д. Можно говорить о существовании некоего фона, стоящего за действиями людей. И. Гофман описывает этот фон при помощи «рамки» повседневной интерпретации [8]. Фон – это жизненный мир, представленный в нашем коллективном сознании. Фон немислим без коллективного сознания и практик.

Фон присутствует в разных видах, в том числе в виде дискурса. Так, Д. Сёрль соединяет слова с речевыми актами [9]. Он определяет вербальный речевой акт как некоторый набор непроговариваемых представлений об обычном обращении со словами и их референтами, разделяемых членами данной культуры. Фон может состоять из слов, а практики, им инициированные, – из предметных действий. Так, на этой основе выстроены принципы агитации и пропаганды. О советском дискурсе пишет О. Лейбович: «Идеи, продуцированные властью и распространяемые средствами пропаганды и агитации в обществе, создавали высший слой повседневности, ее организующее начало. Они наделяли смыслом все социальные практики человека, придавая его жизненному пространству космическую замкнутость, упорядоченность и завершенность. За его пределами начиналось царство тьмы, буржуазного хаоса и небытия» [10].

В современной исследовательской ситуации существует устойчивое представление о фоне как контексте социальных практик. По мнению современных социологов, «практики – это действия, осуществленные не вследствие тщательного обдумывания или применения рационального расчёта; они основаны на неосознаваемом или неявном знании. Они таковы как есть, их форма поддерживается материальными и идеальными артефактами, актуальными в определенном локусе и времени» [11].

В. Вахштайн рассматривает метафору фона и фигуры, где фон – это контекст, а фигура – любая повседневная практика. Контекст, понимаемый как «фон», представляет собой нечто «видимое, но не замечаемое». Исследователь также обратил внимание на то, что «практический акт и его контекст (описанный через другой практический акт) меняются местами в процессе их аналитического различения и интерпретации» [12].

«Самое простое понимание фоновой практики – просто деятельностьный контекст, в котором интерпретируется высказывание или поведение» [13]. Иными словами, фон – это контекст, в рамках которого действует индивид. Например, человек разбил лампу. Даже в этом случае существует как минимум несколько интерпретаций фона, находящихся за поступком. В первом случае фоном может выступать раздраженное эмоциональное состояние субъекта

действия в результате какой-нибудь ссоры. Во втором случае фоном может являться романтическое настроение индивида: желание создать интимную обстановку подобным жестом. В ином случае фоном может явиться стремление к самопрезентации подобным образом перед определенной публикой. Фон выражает смысл действия.

Г. Гарфинкель также пишет о «практических-действиях-в-контексте», имея в виду практики, контекстуализированные другими практиками (например, практиками интерпретации): «Тот факт, что каждый человек ощущает этот фон, вполне очевиден, и в то же время всякий испытывает большие затруднения, если его попросят рассказать точно, в чём эти ожидания состоят. Когда человека спрашивают об этом, он может рассказать очень немного или не может рассказать вообще ничего» [14].

В российском гуманитарном знании понятие фоновых практик впервые представил В. Волков [15], позже, в 2008 г., в соавторстве с О. Хархординым опубликовав систематизирующий труд «Теория практик». О. Хархордин, в свою очередь, интерпретирует работы М. Фуко. По М. Фуко, фоновые практики задают «условия возможности» для правильного восприятия конкретных высказываний. Фуко использует слово «фон» достаточно часто, но не всегда в смысле термина Дрейфуса. В английских переводах его трудов слово background чаще всего встречается в идиоматической конструкции «на фоне...» (against the background of, аналог французского sur fond de), которую легко можно заменить сходными оборотами [16]. Итак, главная общая мысль, которую можно почерпнуть из взглядов различных исследователей: *фон – это контекст, в том числе дискурсивный.*

Идея фоновых практик в широком смысле возможна только в рамках концепции феноменологии, в частности жизненного мира. Эти фоновые практики не отрефлексированы, спонтанны, где-то традиционны, разворачиваются в разных плоскостях, прежде всего в приватном мире. Следует различать два типа фоновых практик. Условно обозначим их фоновые практики в широком смысле слова (общие фоновые практики – ОФП) и фоновые практики в узком смысле, или собственно фоновые практики (специфические фоновые практики – СФП). Собственно фоновые практики в типологии М. Вебера могут быть представлены как ценностно-рациональные, где ценностью обладает прошлый социальный порядок – своего рода симулякр, созданный коллективным воображением.

Собственно фоновые практики реализуются во множестве форм, из которых нас интересуют, прежде всего, практики дискурсивные, потребительские и дисциплинарные. Предположим, что именно в этих практиках наиболее явно проявляется ориентация на прежний социальный порядок, на затвердевшие старые практики. Именно в этих практиках культурная память становится фоном и конструирует поступки людей в большей степени, чем регулирующие поведение современные социальные институты.

Попробуем описать дискурсивные практики. Они проявляются в говорении, нарративе. Можно говорить о целом пласте советского дискурса, выражающегося в назывании вещей особыми именами, использовании готовых штампов, стандартных речевых оборотов. Например, значение слова «авоська» будет хорошо понятно тем, в чьем жизненном мире оно занимало весомое место. По материалам исторического сайта «СССР. Под знаком качества», авоська – «*плетеная сумка для продуктов. Разработанная в 30-х годах XX века, авоська очень по-советски исключала приватность совершенной покупки – все, что ты нёс, сразу же становилось объектом наблюдений всей улицы. Так что среди достоинств авоськи – быстрое реагирование народа на стихийный “выброс” товара, будь то апельсины или туалетная бумага. Ага, сосед что-то несет, значит надо и мне бежать в магазин...*» [17]. Аналогично другие известные сегодня слова из советского дискурса: блат, брак, бич – имеют историческое основание.

Устойчивые выражения, связанные с особенностями социального порядка: «буржуй недорезанный» – «ругательство, которое частенько можно было слышать по отношению к зажиточным гражданам Страны Советов» [18]. «Кто не работает, тот не ест» – по материалам сайта «За городом», «*этот мем прочно поселился в “разговорнике” советского гражданина: отцы журили с помощью его своих сыновей, мастера цеха – ленивых рабочих, участковые милиционеры – тунеядцев. Кроме того, фраза тиражировалась миллионами советских плакатов. За основу была взята цитата из одной работы Ленина, где вождь СССР писал: «Кто не работает, тот да не ест» – это понятно всякому трудящемуся*» [19].

Для советского дискурса характерно большое количество абстрактных выражений с пустым содержанием: «социальная справедливость», «социальные гарантии», «временные

трудности», «впереди планеты всей» и т. д. Можно выделить выражения позднесоветского времени, отражающие реалии потребительской ситуации: получка, выбросили, достать. Интересно, что советский дискурс продолжает бытовать в несколько измененном виде в нарративе современного российского общества. Это может говорить о фоновом характере дискурсивных практик. Конечно, в современном дискурсе сохранились далеко не все слова из советского словаря. Авоська – уже исторический термин, ушедший из живого языка. Но лексемы, оставшиеся в обороте, ясно отсылают к системе взглядов усвоенной советской идеологии и выражают убеждения, близкие к тем, которые конструировались в течение десятилетий советскими идеологическими институтами.

Обратимся к потреблению. Потребительские практики советского периода отличались большой изобретательностью людей, поставленных в специфические экономические условия. Слово «дефицит» вбирает в себя множество советских смыслов и потребительских практик, с ним связанных. По мнению современных российских исследователей, «контекст постсоветского общества задает специфический “угол зрения” на то, каким образом формируется общество потребления в современной России. Структурные условия советского общества (прежде всего, ограниченный ассортимент товаров и планирование потребления “сверху”), способствовали тому, что потребление в России развивалось и развивается по “особому сценарию”: значения вещей, отношение к вещам, выбор товаров, планирование покупок сейчас зачастую реализуется “относительно советского времени” и опыт “советского потребителя” отчасти структурирует современное российское потребление» [20].

Такими структурированными практиками можно считать демонстративное потребление, шопинг, становящиеся в определенных социальных группах самоценностью. Современные дамские журналы, интернет-форумы, сайты насыщены информацией с советами и описанием того, как и что необходимо потреблять, дабы выглядеть в глазах публики «светской львицей», «успешной женщиной» и т. д. Назовем журналы «Лиза», «Cosmopolitan», «Cosmopolitan Shopping», «Cosmopolitan Beauty», «Добрые советы», «Домашний очаг» и т. д.

В нашем понимании фоновой практикой потребления можно назвать приготовление на Новый год большого количества «стандартных» салатов («Зимний», «Сельдь под шубой» и т. д.). Не менее фоновая практика – поедание этих салатов и другой праздничной еды «впрок», «за прошедший год и за будущий». К «новогоднему циклу» фоновых практик можно отнести покупку мандаринов, лепку пельменей всей семьей. Подобные практики носят ценностно-рациональный характер, поскольку осуществляются ради поддержания и воспроизведения неартикулированного жизненного пространства. В противовес таким ценностно-рациональным практикам можно привести пример практики целерациональной – соблюдение диеты перед Новым годом и после.

Наконец, дисциплинарные практики. Очередной сайт, посвященный советскому прошлому, описывает советскую дисциплину следующим образом:

«Режим дня советского человека был очень строгим и ненарушимым. Каждый будний день, ориентировочно в шесть утра, старенький будильник звенел о том, что пора вставать. Быстро съедался завтрак, приготовленный супругой, – как правило, утром ели кашу или то, что до этого было приготовлено на ужин. Советский гражданин отправлялся на работу. Добраться на неё можно было на общественном транспорте. Автобусы, как правило, ходили по расписанию, к семи утра как раз прибывали к рабочему месту: на завод. Заводской график также отличался особой строгостью: пропускная система, охрана – ничего не должно быть вынесено наружу. В час дня звенел звонок: настала пора идти на обед. Кто-то брал с собой еду из дома, кто-то шел в местную столовую, где, строго по меню, выдавали первое, второе и третье. Час выделялся на обеденный перерыв, а затем человек шел снова за станок для нарезания резьбы, делать детали, которые позже применялись в военной промышленности и во многих других отраслях. Рабочий день на заводе кончался в семь часов, также по звонку, и работники расходились по домам, чтобы завтра снова быть здесь в семь утра и продолжить трудиться» [21].

В этом тексте можно выделить конкретные практики, ныне носящие фоновый характер. А именно: представление о режиме, куда входят практики раннего вставания, соблюдения временного регламента, контроля рабочего места и т. д. Информационный контент социальных сетей в Интернете по вопросам труда насыщен подобного рода инструкциями: «Как отучить сотрудников опаздывать. 1. Штрафом по голове». Денежный вычет, или депремирование, до сих пор остается самым популярным у начальства и самым нелюбимым ра-

ботниками видом наказания. С одной стороны, наказание рублем – мера эффективная: когда каждая минута опоздания стоит 500 рублей, все начинают приходить в офис как штык, а чаще всего – за 10–15 минут до начала рабочего дня. Но с другой стороны, здесь будет действовать жесткое правило: ваши подчиненные будут делать ровно то, за что вы им платите. То есть если хорошим работником в вашей компании считается тот, кто приходит вовремя, если вы премируете или лишаете премий именно за это, то работники, безусловно, не будут опаздывать. Но и результата показывать не будут. Так что прежде чем штрафовать, определитесь: что вы вкладываете в понятие “хороший работник” – тот, кто добивается результатов, или тот, кто сидит в офисе с 9.00 и до отбоя» [22].

Можно говорить о том, что собственно фоновые практики являются результатом конструирования культурной памяти о «светлом советском прошлом». Исполнение таких ценностно-рациональных практик отсылает индивида в желаемый для него образный мир социального порядка, существующего только в коллективном сознании современных российских граждан.

Примечания

1. Вебер М. Основные социологические понятия // Западно-европейская социология XIX – начала XX веков. М., 1996. С. 455–491.
2. Фокин А. СССР, созданный пользователями: интернет-рецепция советского прошлого // «Работа над прошлым»: XX век в коммуникации и памяти послевоенных поколений Германии и России: сб. ст. / [редкол.: О. С. Нагорная и др.]. Челябинск: Каменный пояс, 2014. С. 210–223.
3. Shutz A. Constructs of thought objects in common sense thinking // Shutz A. Collected Papers. The Hague. 1962. Vol. 1. P. 10.
4. Волков В. В., Хархордин О. В. Теория практик. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге. 2008. С. 7.
5. Ortner Sh. Theory in Anthropology since the Sixties // Comparative Studies in Society and History, 26:1. 1984. P. 126–166.
6. Лейбович О. Л., Шушкова Н. В., Кабацков А. Н. Этническое и экономическое: этюд о фоновых практиках // Вестник ПГИИК. 2012. № 13–14. С. 55.
7. Волков В. В., Хархордин О. В. Указ. соч. С. 14.
8. Гофман И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта. М.: Ин-т Социологии РАН. 2004. 752 с. Гарфинкель Г. Исследования по этнометодологии. СПб.: Питер, 2007. 334 с.
9. Searle John. The Background of Meaning/ Speech Act Theory and Pragmatics / ed. J. Searle et al. Dordrecht, 1980, P. 227.
10. Лейбович О. Дом о трех этажах, или Как изучать повседневность поздней сталинской эпохи // Астафьевские чтения (ноябрь 2008). Время «веселого солдата»: ценности послевоенного общества и их осмысление в современной России. Пермь, 2009. С. 258–259.
11. Лейбович О. Л., Шушкова Н. В., Кабацков А. Н. Указ. соч. С. 57.
12. Вахштайн В. Социология повседневности и теория фреймов. СПб.: Изд-во Европ. ун-та, 2011. С. 51.
13. Волков В. В., Хархордин О. В. Указ. соч. С. 18.
14. Гарфинкель Г. Исследования по этнометодологии. СПб.: Питер, 2007. С. 43.
15. Волков В. Концепции практик(и) в социальных науках // Социологические исследования. 1997. № 6. С. 9–24.
16. Foucault M. Surveiller et Punir. Naissance de la prison. Paris : Gallimard, 1975. P. 33.
17. Разговорник советской эпохи. URL: http://copypast.ru/2014/01/15/razgovornik_sovetskoi_jerokhi_19_foto.html. Дата обращения: 15.04.2014.
18. Там же.
19. Самые знаменитые советские афоризмы. URL: <http://ribalych.ru/2013/11/05/samyie-znamenitue-sovetskie-aforizmu/> Дата обращения: 15.04.2014.
20. Люди и вещи в советской и постсоветской культуре: сб. ст. / Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск, 2005. С. 4–5.
21. Режим дня обычного советского рабочего. URL: <http://komsomol-museum.ru/tag/zavody/>. Дата обращения: 15.04.2014.
22. Как отучить сотрудников опаздывать. URL: <http://vk.com/wall-25549357>. Дата обращения: 15.04.2014.

Notes

1. Weber M. *Osnovnye sociologicheskie ponyatiya* [Basic sociological concepts] // *Zapadno evropejskaya sociologiya XIX – nachala XX vekov* - Western European sociology of XIX - early XX centuries. Moscow. 1996. Pp. 455-491.
2. Fokin A. *SSSR, sozdannyj pol'zovateljami: internet recepciya sovetskogo proshlogo* [The USSR created by users: the Internet reception of the Soviet past] // «*Rabota nad proshlym*»: XX vek v kommunikacii i pamyati poslevoennyh pokolenij Germanii i Rossii - "Working at the past": XX century in communication and memory in post-war generations in Germany and Russia: collection of art. / editorial board: O. S. Nagornaya and others. Chelyabinsk. Kamennyj poyas. 2014. Pp. 210-223.
3. Shutz A. *Constructs of thought objects in common sense thinking* // Shutz A. *Collected Papers*. The Hague. 1962. Vol. 1. P. 10.
4. Volkov V.V., O.V. Kharkhordin *Teoriya praktik* [Theory of practices]. SPb. Publ. of Europe University in St. Petersburg. 2008. P. 7.
5. Ortner Sh. *Theory in Anthropology since the Sixties* // *Comparative Studies in Society and History*, 26:1. 1984. P. 126–166.
6. Leibovitch O. L., Shushkov N.V., Kabatskov A. N. *Ehtnicheskoe i ehkonomicheskoe: ehtyud o fonovyh praktikah* [Ethnic and economic: an essay on the background practices] // *Vestnik PGIK* - Herald of PGII. 2012, No. 13-14, p. 55.
7. Volkov V.V., O.V. Kharkhordin. *Op. cit.* P. 14.
8. Gofman I. *Analiz frejmov: ehsse ob organizacii povsednevnogo opyta* [Analysis of frames: an essay on the organization of everyday experience]. Moscow. Institute of Sociology of RAS. 2004. 752 p. Garfinkel G. *Issledovaniya po ehtnometodologii* [Studies in ethnomethodology]. SPb. Piter. 2007. 334 p.
9. Searle John. *The Background of Meaning/ Speech Act Theory and Pragmatics* / ed. J. Searle et al. Dordrecht, 1980, P. 227.
10. Leibovitch O. *Dom o trekh ehtazah, ili Kak izuchat' povsednevnost' pozdnej stalinskoj ehpoхи* [House on three floors, or How to study everyday life in late Stalinist era] // Astaf'ev's readings (November 2008). *Time of "gay soldier": the value of the post-war society and their reflection in contemporary Russia*. Perm. 2009. Pp. 258-259.
11. Leibovitch O. L., Shushkov N.V., Kabakov A. N. *Op. cit.* P. 57.
12. Wachstein V. *Sociologiya povsednevnosti i teoriya frejmov* [Sociology of everyday life and the theory of frames]. SPb. Publ. of European university. 2011. P. 51.
13. Volkov V.V., O.V. Kharkhordin. *Op. cit.* P. 18.
14. Garfinkel G. *Issledovaniya po ehtnometodologii* [Studies in ethnomethodology]. SPb. Piter. 2007. P. 43.
15. Volkov V.V. *Koncepcii praktik(i) v social'nyh naukah* [The concept of practice(s) in the social sciences] // *Sociologicheskie issledovaniya* - Sociological research. 1997, No. 6, pp. 9-24.
16. Foucault M. *Surveiller et Punir. Naissance de la prison*. Paris : Gallimard, 1975. P. 33.
17. *Razgovornik sovetskoy ehpoхи* - PhraseBook of the Soviet era. Available at: http://copypast.ru/2014/01/15/razgovornik_sovetskoyj_jepokhi_19_foto.html. Date of access: 15.04.2014. (in Russ.)
18. *Ibid.*
19. *Samye znamenitye sovetskie aforizmy* - The most famous Soviet aphorisms. Available at: <http://ribalych.ru/2013/11/05/samye-znamenitye-sovetskie-aforizmy/> date of access: 15.04.2014. (in Russ.)
20. *Lyudi i veshchi v sovetskoy i postsovetskoy kul'ture* - People and things in the Soviet and post-Soviet culture: collection of art. / Novosibirsk State University. Novosibirsk. 2005. Pp. 4-5.
21. *Rezhim dnya obychnogo sovetskogo rabochego* - The mode of the day the average Soviet worker. Available at: <http://komsomol-museum.ru/tag/zavody/>. Date of access: 15.04.2014. (in Russ.)
22. *Kak otuchit' sotrudnikov opazdyvat'*- How to wean employees to be late. Available at: <http://vk.com/wall/25549357>. Date of access: 15.04.2014. (in Russ.)

Игра в метаромане Джонатана С. Фоера «Полная иллюминация»

Данная статья посвящена исследованию метаромана молодого американского прозаика Джонатана Сафрана Фоера «Полная иллюминация» (2002). Предметом внимания в статье является литературная игра, возникающая из взаимодействия между вымыслом и внетекстовой реальностью, а также из взаимоотношений между подлинным автором произведения и персонажами-писателями, создающими текст внутри текста. Автор приходит к выводу о том, что постмодернистская модель метаромана с ее заведомой игровой условностью использована в романе для утверждения традиционных гуманистических ценностей, связанных с самоутверждением личности и обретением ею устойчивых духовных ориентиров. Постмодернистский тезис о размывании границ между текстом и реальностью подвергается пересмотру и опровергается под влиянием нравственного опыта, пережитого героем. Таким образом, «Полная иллюминация» предстает оригинальным образцом синтеза разнонаправленных тенденций современной культуры.

The article is devoted to the research of metafictional work *Everything Is Illuminated: A Novel* (2002) by young american novelist Jonathan Safran Foer. The issue is literary play caused by relationship between fiction and extra-textual reality as well as relationship between the novel's actual author and the narrators who create the text in a text. The author concludes that the postmodern metafictional model with its notorious gaming convention used in the novel to approve traditional humanistic values associated with the self-assertion of the individual and the attainment of its stable spiritual guidance. Postmodern thesis of blurring the boundaries between text and reality is reviewed and refuted under the influence of moral experience a hero got. Thus, the "Everything Is Illuminated: A Novel" is an original model of the synthesis of divergent trends of modern culture.

Ключевые слова: постмодернистская литература, метароман, нарратив, вымысел vs реальность, литературная игра.

Keywords: postmodern literature, metafiction, narrative, fiction vs reality, literary play.

Роман молодого американского прозаика Джонатана Сафрана Фоера «Полная иллюминация» [1] можно с полным основанием считать метароманом. Этот тип повествования получает распространение в западной литературе со второй половины XX столетия (по преимуществу в постмодернистской литературе) благодаря тенденции к проникновению в традиционную «литературу вымысла» авторского теоретизирования по поводу процесса написания текста, статуса вымышленного мира по отношению к реальности и пр. Один из первых исследователей этой литературной формы, Патриция Во (Patricia Waugh), предложила определение, ставшее общепринятым в современном западном литературоведении: «Метароман – термин, применяемый к художественным произведениям, которые сознательно и систематически декларируют свой статус артефакта с тем, чтобы поставить вопросы, касающиеся взаимоотношений между вымыслом и реальностью» [2].

Метароман отличает, прежде всего, демонстративная обнаженность структуры, когда текст создается на глазах читателя и комментирует сам себя. В своей ставшей уже классической монографии о русском постмодернизме М. Н. Липовецкий отмечает, что метароман посягает «на сам статус fiction – на такие “нормы”, как самодовлеющий характер построенного в произведении мира, или как внеположность автора этому миру» [3]. Художественный мир лишается эффекта достоверности, «разгерметизируется», и читатель вовлекается в заведомо условное пространство литературной игры. Метароман, таким образом, можно определять как игровую литературную модель.

По Липовецкому, «характерным порождением игрового принципа становится появление на страницах текста собственно автора-творца (вернее, его двойника), нередко подчеркнуто отождествленного с биографическим автором» [4]. Именно этот вид игры обнаруживается на первых же страницах «Полной иллюминации». Рассказчик, молодой украинец Алекс Перчов, представляясь читателям, сообщает: «Я был произведен на свет в 1977, в один год с

героем этой истории» [5]. Этим героем оказывается не кто иной, как Джонатан Сафран Фоер (речь, разумеется, не о самом Фоере, а о его романном alter-ego Джонатане. Условимся называть их так, чтобы избежать путаницы между персонажем метаромана и его автором). Так «автор-демиург, по традиционным условиям игры находящийся за пределами текста и творящий игровой порядок, пересекает границу, входит в свой текст и превращается в один из объектов игры» [6]. Этот характерный для постмодернистской поэтики игровой прием призван обозначить отсутствие той последней инстанции, которая расставляет точки над *i*, – авторского упорядочивающего начала.

Повествование обладает сложной структурой, включающей три уровня. Алекс и Джонатан предстают одновременно и героями, и авторами романа, который они пишут совместно и главами которого обмениваются (два уровня), третий представлен письмами Алекса Джонатану, содержащими комментарии к обоим повествованиям. Главы Алекса содержат отчет о недавнем совместном путешествии по Украине: Алекс и его дед в качестве гида и водителя семейной турфирмы сопровождали американского еврея Джонатана в поездке по исторической родине в поисках женщины, когда-то спасшей от нацистов деда Джонатана. В главах Джонатана воспроизводится в мифологизированной и карнавализованной форме (отсылающей к хрестоматийным романам Маркеса и Павича) история его предков с конца XVIII в. до Холокоста. Две сюжетные линии сходятся, формируя поэтизированный образ еврейского мира от истоков до гибели и посмертного существования в памяти потомков.

Скрепляющие всю конструкцию метаромана письма Алекса Джонатану не просто комментируют истории, рассказанные в двух романских линиях, но содержат рефлексию по поводу личностей авторов-героев, их общего творческого процесса и писательства как такового. Так, в метаромане поднимается целый ряд проблем, связанных с творческим актом: отбор материала, взаимоотношения между текстом и реальностью, жизненной правдой и вымыслом. Фоер, не обнаруживающий себя в тексте напрямую, заставляет решать эти проблемы своего романного двойника и его напарника.

Из писем Алекса становится ясно, что, отправляя написанные им главы Джонатану, он получает в скрытых от читателя ответных письмах замечания от соавтора и одновременно героя его истории. Замечания Джонатана носят в основном характер стилистической правки, но встречаются и просьбы (просьбы персонажа автору!) избавить историю от «нефотогеничных» подробностей, касающихся Джонатана, а также от слишком личных сведений о его близких. Алекс вносит предложенные правки, но на правах автора-творца соглашается не со всеми претензиями к его детищу, отстаивая правду факта: «В отношении того, как ты распорядился, чтобы я удалил секцию, где ты рассказываешь про свою бабушку, я должен сказать, что это невозможно» [7].

В свою очередь, читая присланные ему главы Джонатана, Алекс также зачастую критически высказывается по поводу написанного соавтором. Он не является персонажем истории Джонатана и комментирует ее преимущественно с позиции наивного – на первый взгляд – читателя. Его не устраивают, в основном, «несчастливые» коллизии, и он просит Джонатана «вмешаться»: «пожалуйста, позволь Брод быть счастливой» [8]. Так простодушная театральная публика былых времен требовала от постановщика и актеров свадьбы Ромео и Джульетты вместо их гибели. В то же время Алекс, озадаченный тем, что они с Джонатаном «кочуют вокруг правды» [9], задается вопросом, допустимо ли фантазировать, если речь идет о действительно произошедшем.

В целом рефлексия Алекса по поводу репрезентации жизненной правды в литературном произведении приводит его к следующим выводам. Во-первых, он хочет верить в то, что текст, «наложенный поверх» уже случившегося события, дает возможность заново и иначе «прожить» пройденный этап жизни: «Писание дает нам вторые шансы...» [10]. Во-вторых, почувствовав полноту власти писателя-демиурга над реальностью, Алекс видит его задачу в том, чтобы, сделав рассказ «высокопробнее жизни» [11], возвысить реальное до идеального: «Я не думаю, что есть пределы тому, какой великолепной мы могли бы заставить казаться жизнь» [12]. Однако конечной целью писателя, по мнению Алекса, должна быть не только эстетически совершенная, но и оправданная этически картина жизни: «Я никогда бы не приказал тебе написать рассказ в полном соответствии с действительностью, но я приказал бы тебе сделать этот рассказ исполненным веры» [13]. По сути, Фоер заставляет своего наивного и незадачливого героя сформулировать базовые принципы гуманистической культуры с

ее единством истины, добра и красоты – за вычетом, впрочем, истины. В рассказе Джонатана Алекса коробит именно вопиющая алогичность и жестокость жизненной правды, ассоциирующейся в его представлении со злом: «У нас есть такие возможности делать добро, но ты снова и снова настаиваешь на зле» [14].

Позволяя своим героям до поры до времени чувствовать себя полновластными хозяевами в их текстах-мирах, в *своей* литературной игре Фоер подводит Алекса к осознанию четких границ между реальностью и текстом. Важный урок, который выносит Алекс из путешествия по Украине, состоит в том, что прошлое с его подчас трагическими ошибками невозможно переписать заново. Оно – осуществленная реальность, которую не отменить. «Все есть так, как есть, потому что все было так, как было» [15].

Тема непоправимого прошлого возникает в романе в связи с образом дедушки Алекса, которому много лет назад пришлось сделать трагический выбор. Выдавший нацистам друга-еврея ради собственного спасения, он всю жизнь молча несет бремя вины и открывается перед своим внуком только в поездке, ставшей для него тягостным, но необходимым возвращением в прошлое. Размышляя над рассказом дедушки, Алекс словно взрослеет на наших глазах и из инфантильного хвастливого юнца превращается в зрелого человека, способного понимать: «Дедушка не плохой человек, Джонатан. Все исполняют плохие поступки. Плохой человек – это тот, кто в них не раскаивается. Дедушка теперь умирает из-за своих» [16]. Алекс понимает и принимает то, чего уже нельзя изменить. Кажется, именно это он имеет в виду, обращаясь в том же письме к Джонатану (или уже к Фоеру? А может, к самой последней инстанции?) от своего и дедушкиного имени: «Я умоляю тебя простить нас и сделать нас лучше, чем мы есть. Сделай нас хорошими» [17]. Именно путешествие и последующий опыт писательства с сопутствующей ему рефлексией позволяют Алексу пройти своеобразную инициацию на пороге взрослой жизни и обрести устойчивые нравственные ориентиры. В «Полной иллюминации» обнаруживаются, таким образом, черты традиционного романа воспитания, в котором тема становления личности является центральной.

Помимо литературной игры в «Полной иллюминации» обнаруживается еще и лингвистическая, придающая метароману дополнительное измерение. Неисчерпаемым источником комизма является часть текста, написанная от лица Алекса, который самонадеянно уверен в своем превосходном владении английским языком. Русский переводчик романа В. Арканов в предисловии так комментирует манеру Алекса изъясняться: «То он употребляет слова в неверном контексте, то сыпет канцеляризмами, полагая, что этого требует эпистолярный слог, то путает времена, то слишком прямолинейно истолковывает значение идиомы» [18]. Эта захватывающая языковая игра нужна Фоеру не только для того, чтобы уравновесить юмором серьезность романа.

Метароман как постмодернистский тип текста является полигоном для исследования взаимосвязей между языком и внетекстовой реальностью. Это исследование осуществляется преимущественно в русле течений современной философии, базирующихся на признании за языком способности формировать образ реальности. Нарратив плохо владеющего языком рассказчика при всей своей комичности порождает «незапланированные» смыслы и тем самым выстраивает специфический языковой образ мира, содержащий не санкционированные традицией отношения между английским (а в переводе и русским) языком и внетекстовой реальностью.

Таким образом, постмодернистская в своей основе форма метаромана с ее заведомой игровой условностью и общей релятивистской установкой использована Фоером для декларации принципов, позволяющих рассматривать роман в русле классической гуманистической традиции. В этом смысле метароман Фоера предстает уникальным образцом синтеза противостоящих тенденций современной культуры.

Примечания

1. Джонатан Сафран Фоер. Полная иллюминация. М.: Флинта, 2013. Jonathan Safran Foer. Everything Is Illuminated: A Novel. Houghton Mifflin Company. Boston; N. Y., 2002. В дальнейшем все ссылки на текст даются по этим изданиям с указанием страниц переводного и оригинального вариантов романа.

2. Metafiction is a term given to fictional writing which self-consciously and systematically draws attention to its status as an artefact in order to pose questions about the relationship between fiction and reality // P. Waugh Metafiction: The theory and practice of self-conscious fiction. L., N.-Y., Methuen, 1984. P. 2

3. Липовецкий М. Н. Русский постмодернизм. Очерки исторической поэтики. Екатеринбург, 1997. С. 54.

4. Там же. С. 21.
5. С. 8. I was sired in 1977, the same year as the hero of this story. P. 1.
6. Липовецкий М. Н. Указ. соч. С. 21.
7. С. 231. I have only one remark about your remarks about my writing. With regards for how you ordered me to remove the section where you talk about your grandmother, I must tell you that this is not a possibility. P. 179.
8. С. 186. ...please allow Brod to be happy. P. 143.
9. С. 231. ...being very nomadic with the truth. P. 179.
10. С. 188. With writing, we have second chances. P. 144.
11. С. 232. ...more premium than life. P. 179.
12. С. 232. I do not think that there are any limits to how excellent we could make life seem. P. 180.
13. С. 307. I would never command you to write a story that is as it occurred in the actual, but I would command you to make your story faithful. P. 240.
14. С. 307. We have such chances to do good, and yet again and again you insist on evil. P. 240.
15. С. 189. Everything is the way it is because everything was the way it was. P. 145.
16. С. 189. Grandfather is not a bad person, Jonathan. Everyone performs bad actions. A bad person is someone who does not lament his bad actions. Grandfather is now dying because of his. P. 145.
17. С. 189. I beseech you to forgive us, and to make us better than we are. Make us good. P. 145.
18. Арканов В. Вместо предисловия // Джонатан Сафран Фоер. Полная иллюминация. М.: Флинта, 2013. С. 4.

Notes

1. Jonathan Safran Foer. *Polnaya illyuminaciya* [Full illumination]. Moscow. Flinta. 2013. Jonathan Safran Foer. *Everything Is Illuminated: A Novel*. Houghton Mifflin Company. Boston; N. Y. 2002. Further all references to the text are given in these publications, along with the page translated and original variants of the novel.
2. Metafiction is a term given to fictional writing which self-consciously and systematically draws attention to its status as an artefact in order to pose questions about the relationship between fiction and reality // P. Waugh *Metafiction: The theory and practice of self-conscious fiction*. L., N. Y., Methuen. 1984. P. 2
3. Lipovetsky M.N. *Russkij postmodernizm. Oчерki istoricheskoy poehtiki* [Russian postmodernism. Essays in historical poetics]. Yekaterinburg, 1997. P. 54.
4. *Ibid.* P. 21.
5. P. 8. I was sired in 1977, the same year as the hero of this story. P. 1.
6. Lipovetsky M.N. *Op. cit.* P. 21.
7. P. 231. I have only one remark about your remarks about my writing. With regards for how you ordered me to remove the section where you talk about your grandmother, I must tell you that this is not a possibility. P. 179.
8. P. 186. ...please allow Brod to be happy. P. 143.
9. P. 231. ...being very nomadic with the truth. P. 179.
10. P. 188. With writing, we have second chances. P. 144.
11. P. 232. ...more premium than life. P. 179.
12. P. 232. I do not think that there are any limits to how excellent we could make life seem. P. 180.
13. P. 307. I would never command you to write a story that is as it occurred in the actual, but I would command you to make your story faithful. P. 240.
14. P. 307. We have such chances to do good, and yet again and again you insist on evil. P. 240.
15. P. 189. Everything is the way it is because everything was the way it was. P. 145.
16. P. 189. Grandfather is not a bad person, Jonathan. Everyone performs bad actions. A bad person is someone who does not lament his bad actions. Grandfather is now dying because of his. P. 145.
17. P. 189. I beseech you to forgive us and to make us better than we are. Make us good. P. 145.
18. Arkanov V. *Vместo predisloviya* [Instead of foreword] // Jonathan Safran Foer. *Polnaya illyuminaciya* - Full illumination. Moscow. Flint. 2013. P. 4.

Спорт: социокультурная экспансия в современном мире

Рассматривается феномен современного спорта с точки зрения его социокультурной детерминации, аксиологического и смыслового наполнения, как знаково-символическая и коммуникативная система. Проведен анализ репрезентации спорта в художественном творчестве.

The article examines the phenomenon of modern sport, its social and cultural determination, axiological and semantic content, symbolic and communicative images, including the representation of sport in art.

Ключевые слова: спорт, культурология спорта, символ, символизация спорта, спортивная тема в искусстве, зрелище.

Keywords: sport, Cultural Studies of sport, sports symbols, sports theme in art, sport as a spectacle.

Среди явлений, занявших весьма заметное место в современном мире – по темпам своего массового вторжения в этот мир, по масштабам распространения в нем, по степени представленности в информационном пространстве, по количеству и многообразию «целевых групп», включенных в его орбиту, – спорт устойчиво удерживает одну из ведущих позиций. Его притягательная сила регулярно статистически подтверждается, прежде всего, количеством тех, кто ежедневно и еженощно превращается в «очных» и телевизионно-заочных болельщиков на всех континентах Земли и даже за ее пределами, в космосе. Уже сам по себе, этот факт делает спорт одним из объективно востребованных объектов актуального социокультурного анализа.

И это – если говорить о спорте «самом по себе», не обращаясь к обширной индустрии, сложившейся и интенсивно развивающейся *вокруг спорта*: материалы и технологии, тренировочные стенды и экипировка, биостимуляторы и средства их обнаружения, измерители результатов и пр., не говоря о связанной со спортом системе массовых коммуникаций. Все эти спортивные и околоспортивные практики, их репрезентации и объективации образуют в совокупности настоящую «империю спорта», лишь небольшая, «надводная» часть которой – это реальность, данная нам в ощущениях (используя слова классика). Думается, что произнося «О спорт, ты – мир», Пьер де Кубертен даже не подозревал, насколько интенсивно и масштабно этот «мир» осуществит экспансию в последующие времена.

Современный спорт имеет богатейшую предысторию как феномен, находивший весьма заметное, а нередко – и достойное (например, в античности) место в истории культуры разных эпох, стран, цивилизаций. Спорт выступал и как честное, бескомпромиссное состязание, и как развлечение, и как нечто близкое религиозному ритуалу. Олимпийские игры, античный агон, средневековые рыцарские турниры – это лишь стартовый перечень того, что попадает в поле зрения исследователя в рамках историко-культурного подхода к изучению спорта.

Спорт как феномен сегодняшнего дня, будучи вписан в более общий контекст социальных тенденций и культурных трансформаций XX в., неизбежно и неуклонно приобретал знаки принадлежности к эпохе, среди которых нельзя не назвать такие, как все более четкая институционализация, все более жесткая профессионализация, все более откровенная коммерциализация и все более экспансивная «шоуизация» (термин, заимствованный нами у К. Акопяна). По замечанию П. Бурдьё, «...пространство видов спорта не есть мир, замкнутый в себе самом. Оно включено в мир практик и потребления...». Но в то же время есть «все основания рассматривать виды спортивной практики как относительно автономные пространства...» [1].

Спорт, только лишь при первом, поверхностном взгляде, является феноменом, единым по своей сути и форме представленности. На деле это высокодифференцированная по многим параметрам социокультурная практика, перечисление направлений, видов, форм которой (даже при отсутствии стремления к всеохватности и строгой систематизации) занимает не одну строчку. Вот один из возможных списков вариаций, характеризующих многообразие

явления по имени «спорт»: профессиональный, спорт высших достижений, большой, элитный, любительский, «спорт для всех», общедоступный, массовый, дворовый, международный, олимпийский, экстремальный, школьный, студенческий, армейский, рекреативно-оздоровительный, профессионально-прикладной, компенсаторный, «супердостиженческий», коммерческий, виртуальный, «пассивный».

При всем многообразии и, соответственно ему, наличии дифференцирующих признаков объединение множества практик в одном социокультурном пространстве по имени «спорт» требует выделения тех базовых характеристик, которые позволяют отличать данный феномен от других социальных пространств. Обратившись к теоретико-методологическим, социально-философским работам на эту тему (Н. Н. Визитей, Л. П. Матвеев, В. И. Столяров, К. Хайнеман, Н. Eichberg, Z. Krawczyk и др.), но не анализируя имеющиеся в них различия, назовем основные атрибуты спорта. К ним следует отнести соревновательность и связанную с ним ориентированность на максимальный результат; интенсивность физической деятельности (за редкими исключениями) – как при подготовке, так и непосредственно в процессе спортивных соревнований; игровую сущность. Последняя характеристика все более широко оспаривается [2] – прежде всего, в связи с коммерциализацией спорта.

Несомненно, что здесь представлены параметры, касающиеся главным образом профессионального, «большого», спорта в современном мире, что, как правило, в русскоязычном варианте и подразумевается под этим термином. В зарубежных же исследованиях «спорт» подразумевает гораздо более широкое пространство и многообразие видов деятельности. Под это понятие подпадает и все то, что у нас обозначается как рекреация, физическая культура, фитнес. Поэтому, скажем, во многих словарях и справочниках указываются такие признаки спорта (в этой широкой трактовке), как его рекреативно-досуговый характер, компенсаторность, игровое состояние души и тела; спорт здесь предстает как форма досуга, приятного времяпровождения, как все то, что «служит... активному отдыху людей в свободное время» [3].

Осознавая необходимость рассмотрения всех основных компонентов и «этажей» спорта для полноформатного представления его социокультурного портрета, мы, в силу понятных ограничений, в данном разделе рассмотрим лишь некоторые значимые атрибуты современного спорта как особой, специализированной социальной практики.

Спорт, во всем его структурном многообразии, может быть рассмотрен в социальном контексте в разных измерениях – и с точки зрения его специфики как особого вида *соревновательной* деятельности, и как одна из составляющих социально-исторического процесса, и в связи с разработкой эффективных моделей *организации, управления* спортом, механизмов развития его *инфраструктуры* и т. д. Представленность проблематики спорта в наиболее типичном, общепринятом варианте – это, главным образом, описание и, реже, анализ реальной спортивной практики, включая, прежде всего, событийный ряд (Олимпиады, чемпионаты, матчи и т. п.) и связанную с ним фактологию результатов / рекордов по знакомой всем формуле: «голы, очки, секунды».

Существенно менее разработанным, продвигаемым является собственно социогуманитарный анализ спорта: изучение характера взаимодействия с социальным и культурным контекстами его существования; степени сопряженности с этим контекстом его структурно-содержательных, функциональных, аксиологических, смысловых, знаково-символических составляющих. В то же время очевидно, что разработка этого проблемного ракурса является важным условием для понимания причин и условий «экспансии» спорта в современном мире.

По мнению американского историка и большого знатока советского спорта (особенно футбола) профессора Р. Эделмана, изучение спорта многие годы находилось в своего рода научном гетто. «Но все начало меняться в 1990-е гг. Хорошо это или плохо, но в истории произошло то, что получило название “культурный поворот”, и подталкивали его в этом направлении мыслители, испытавшие влияние постмодернизма и гендерных исследований. Прежняя гегемония и прежние реалии социально-политической истории были вынуждены потесниться под натиском целого спектра новых тем и предметов исследования. Вещи, долгое время считавшиеся маргинальными, стали видаться важными и решающими. Предметом серьезного и обстоятельного изучения стала популярная культура, и то же самое можно сказать о главной составляющей спортивной практики – человеческом теле» [4].

Несмотря на и сегодня существующую маргинальность такого направления, как социогуманитарный анализ спорта, в сравнении с разработкой других, более «серьезных» и при-

знанных, проблем исследования, за последние десятилетия сформировался достаточно обширный корпус теоретико-методологической литературы по данной тематике как за рубежом, так и (в меньшей мере, к сожалению) в отечественной гуманитаристике.

В чем же специфика социогуманитарного и, более узко, культурологического взгляда на спорт? Очевидно, что, в отличие от таких традиционных в этой области исследований, как спортивно-педагогические или спортивно-медицинские, принципиальной для культуролога позицией является помещение рассматриваемого явления в более общий социально-культурный контекст, взгляд на спортивные практики не «изнутри» (с точки зрения технологий, методов, структуры самого действия), а как бы «извне». Важнейшие исследовательские векторы движения при этом, как известно, – соотнесение изучаемого явления с особенностями того социального (институционального, социально-группового) и культурного (аксиологического, смыслового, знаково-символического) пространства, в котором существует и развивается рассматриваемый феномен.

Спорт в контексте современных социокультурных тенденций

Исследования спорта в историко-культурном контексте дают немало блестящих образцов такого рода сопряжения (особенно интересны разработки, связанные с эпохой античности). Поскольку же ракурс прикладного анализа обращает нас не к *ретро*-, а к *пер*-спективе развития спорта, то «рамкой соотнесения» такого анализа, естественно, должно стать современное социокультурное пространство, с его значимыми атрибутами, тенденциями и вызовами. Среди важнейших для культурологического анализа спорта назовем такие, как процессы глобализации/локализации (и встроенные в них проблемы поиска идентичности); интенсивность межкультурных коммуникаций; постоянный рост уровня и масштабов медиавлияния; тренд визуализации современной культуры; экспансия массовой культуры; рост гедонистических настроений; усиление значимости «символического капитала». Каждая из этих тенденций (наряду с другими, здесь не названными) в большей или меньшей степени сопряжена с особенностями развития структурных, функциональных, аксиологических, смысловых, знаково-символических характеристик современного спорта. Соотнесение этих рядов является одним из механизмов раскрытия его актуального социокультурного содержания.

Спорт как социокультурное явление и социальный институт является микромоделем социальной системы, экономики и культуры страны, поэтому и характер запроса на спорт, и формы и содержание его «ответа» на предлагаемых обстоятельствах находятся в прямой зависимости от особенностей эпохи, социальной ситуации, идеологических доминант и иных конструктов, внедряемых в массовое сознание. Репрезентации спорта как особой социальной практики, его тиражируемые образы и образцы формируются, как известно, не только (а иногда и не столько) самим спортом, сколько представителями «внеспортивных» социокультурных практик: политики, массовых коммуникаций, бизнеса, искусства, образования, шоу-индустрии и др. Решая свои, внешние для собственно спорта, задачи, они переформатируют, меняют акценты, производят смысловую «перезагрузку» и новое символическое означивание спортивных событий, имен, ситуаций.

Проявление этого можно сегодня найти, действительно, и на уровне международной политики, и при решении задачи по укреплению корпоративной культуры отдельной фирмы. Например, в межгосударственных отношениях нередко можно заметить использование спорта как одного из эффективных видов так называемого «мягкого оружия», «мягкой силы воздействия». Множество примеров показывает, сколь важной составляющей в процессе формирования имиджа, репутации, популярности государства является спорт, спортивные достижения. Спортивные мероприятия, спортивные победы играют отнюдь не последнюю роль в силу их масштабности, доступности восприятия, отсутствия необходимости какого-либо перевода с языка на язык (язык спорта универсален).

В процессе формирования международного имиджа государства немаловажную роль играют символы, формирующие ассоциативный ряд с государством – отправителем коммуникационного сообщения. Нередко спорт в кризисных ситуациях оставался единственным средством, благодаря которому государство могло все же означить свои намерения, дать символический сигнал о своем стремлении быть в сообществе, находиться в позитивной коммуникации с другими членами данного сообщества и т. п. Символические возможности спорта, безусловно, выигрывают перед рациональным декларированием принципов.

Не в макро-, а в микромасштабе социального мира, на уровне личности, спорт тоже нередко выступает как своего рода «палочка-выручалочка». Так, отождествляя спорт с игрой, Ортега-и-Гассет оценивает его как деятельность с большим культурным потенциалом, представляющую собой свободный и щедрый порыв жизненной потенции и этим обеспечивающую изоляцию, защиту от влияния иных («серьезных») социальных институтов, разрушающих личность.

Важно отметить еще раз и то, что спортивные практики связаны, прежде всего, с проявлением *максимальных* возможностей человека как «человека телесного», с развитием, совершенствованием и «*соревновательным предъявлением*» его телесно-физической природы (что отнюдь не является противопоставлением его психологическим, нравственно-эстетическим качествам). Отсюда – значимость рассмотрения названных качеств человека в их социально-смысловом и аксиологическом измерении, анализ цепи *социально-культурных опосредований*, содержащихся в процессах формирования, восприятия и оценки телесно-двигательных характеристик человека. Одна из важнейших составляющих такого анализа – их рассмотрение в контексте соотношения *инструментальных и терминальных ценностей*, т. е. придание этим характеристикам смысла – а) как инструмента для достижения «внетелесных» ценностей или же б) как конечного результата, ценности самой по себе. Разделение ценностей на эти группы не носит абсолютного характера: одна и та же ценность для разных людей и в разных ситуациях может иметь разное значение и смысл. Противопоставление инструментальных и терминальных ценностей физических характеристик человека во многом определяется не функциями, а *мотивацией* субъектов ценностного отношения [5].

Сам по себе признак профессионального использования еще не может, естественно, служить достаточным основанием для утверждения о чисто утилитарном, инструментально-функциональном отношении к телу. Хотя, к примеру, в таких специализированных видах деятельности, как *спорт и пластические виды искусства* (прежде всего, танец, пантомима), тело, безусловно, выступает инструментом, однако смысловая нагрузка его функциональности существенно меняется: вместо утилитарно окрашенного целерационального действия человек посредством своего тела продуцирует одновременно и *символическое, коммуникативное действие*, в котором телесность обретает в определенной мере самоценный характер. В то же время несомненным фактом является общая тенденция усиления инструментального отношения к телу в спорте: если на ранних этапах развития этого социального института для него была характерна в значительной мере гедонистическая окраска, связанная с получением удовольствия от самой включенности человека в эту деятельность (т. е. она имела определенную самоценность), то постепенно терминальные ценности спортивных занятий и связанного с ними отношения к телесности все более вытеснялись чисто инструментальными ориентациями, связанными с внешними для данной телесной практики целями: материального вознаграждения, социальной компенсации, достижения определенного социального престижа (особенно для выходцев из слоя «парий» общества), коммерческого эффекта и т. п.

Спорт и символическое пространство социума

Одной из заметных составляющих развития современного социокультурного пространства является возрастающее значение процесса символизации в структуре различных видов социальных практик, в том числе и в сфере спорта. Эта сфера сама по себе, в ее имманентных характеристиках, насыщена знаковыми, символическими атрибутами: звуковыми (выстрел стартового пистолета, звук фанфар, свисток судьи и пр.); визуальными (жесты рефери, лавровый венок победителя, разновысокие ступени пьедестала и пр.); тактильными (символическое касание в некоторых видах борьбы, разрывание финишной ленточки и пр.).

Однако анализ символического наполнения спорта в культурологическом смысле, выявление его «символического капитала» предполагает, главным образом, рассмотрение не «внутреннего мира» спорта, а его «внешнего», социального бытования, пространства его социокультурного функционирования, «пересечения» с теми социальными сферами, в которых (или посредством которых) спорт оказывается общественно «востребованным» и «символизированным».

Обращаясь к символически значимым репрезентациям спорта, важно отметить, что такого рода репрезентации преимущественно связаны со знаково-символическим использованием, осмыслением, акцентировкой различных составляющих спорта как сложной, много-

компонентной деятельности: и собственно спортивного *соперничества*, соревнование (или в более общем виде – соревновательности как одной из сущностных характеристик спорта); и спортивного *результата* (особенностей его достижения, рейтинга среди других результатов; и спортивного *зрелища*; и спортивного *стиля* и *имиджа* (телесно-физические характеристики, одежда, манеры, имидж в целом). Несомненный интерес представляет анализ спорта, проведенный последователем П. Бурдые, известным социологом спорта М. Фитерстоуном, который разработал систему эмпирических показателей «выявления», декодирования социально-дифференцирующих характеристик спорта в рамках более общего пространства «телесных форм поведения» (П. Бурдые). В частности, характер видов спорта, предпочитаемых представителями разных социальных групп, рассматривается им как одна из важных символических характеристик досугового спорта в современном мире [6].

Важнейшие символически значимые поля, подлежащие анализу, в самом что ни на есть практическом смысле, – это еще и процессы мифологизации спорта и в спорте, и, естественно, роль современных средств массовой информации в этом символически значимом «действе» и его результатах. Последнее, в свою очередь, непосредственно проецируется в становящуюся все более и более актуальной область под названием «болельщики и боление» – то, что без чего никакие спортивные символы и знаки не обретают своих смыслов, не могут быть декодированы и социально актуализированы. Наряду с уже названными, в континуум символических репрезентаций могут быть включены рекорды как символизация максимальных возможностей человека; порождаемые спортом (особенно его наиболее популярными, зрелищными видами) эталоны красоты тела, движения; нормативы «маскулинности» и «фемининности», закрепляемые в рамках определенной культуры/субкультуры и др.

Еще одна значимая, с точки зрения и социокультурного смысла, и символического звучания, характеристика спорта – его востребованность как «символического маркера» социального статуса, социальных притязаний индивида/группы. Особенно такого рода символизация становится очевидной в условиях высокого уровня дифференцированности, разделенности общества: это и разная степень доступности клубов для занятий элитными видами спорта; и возможность / невозможность приобретения спортивной формы тех или иных марок, экипировки для дорогостоящих видов спорта; уровень реализации желаний по участию в эксклюзивных формах активного досуга и т. д. Это символично-смысловое наполнение занятий спортом как одного из весомых дифференцирующих механизмов, с наглядностью проявляет себя в условиях трансформации всего социокультурного пространства, когда, казалось бы, второстепенные и малозначимые социальные практики (подобные рассматриваемой) обретают новые смысловые значения и выступают как демаркаторы социально-статусных позиций разных групп.

В то же время эта же социальная практика выполняет и социально-интегрирующую функцию, обеспечивая не столько реальную, сколько именно символическую интеграцию (болельщики разных социальных слоев). Памятуя, что объединение vs противостояние является одной из важнейших социальных функций культуры, интеграционный потенциал спорта, несомненно, выступает как важная символическая атрибутика последнего. Современный мир дает немало число наглядных образцов такого рода символической и сиюминутной ломки социальных барьеров, ограниченной «здесь и сейчас» ситуацией. Вероятно, один из наиболее памятных для многих пример – невероятно массовое празднование победы российских футболистов в чемпионате Европы в 2007 г., когда смешались в единой ликующей колонне, ставшей символом единства нации, знаки принадлежности к группам, до того разделенным пропастью, – на клаксоны давили владельцы «Мерседесов» и «Порш Кайенов» в одном оркестре с поржавевшими «Москвичами» и еле заметными «Оками». Не только «кольт», но и спорт, как видно, может уравнивать всех, пусть и не очень надолго.

Непосредственно связан с этой функцией и еще один вектор процесса символической репрезентации спорта (в политическом, рекламном, художественном дискурсах) – представление спортивной деятельности как одного из мощных механизмов «*социального лифтинга*», перехода (нередко весьма стремительного) индивида с нижних социальных позиций на высокостатусную ступень. Многочисленные *реальные*, но все же *отдельные* примеры такого рода восхождения послужили основанием для формирования своего рода мифа о неизбежности такого рода прыжка, который обязательно совершит каждый, кто включится в данную сферу деятельности и проявит при этом настойчивость и старание. Спорт здесь предстает в

виде площадки-символа, поля-символа, ринга-символа, где происходит то, что обычно обозначается как «воплощение американской мечты»: герой, супермен, мультимиллионер вырастает из мальчика (крайне редко – девочки), родившегося в нищей/проблемной семье, но вовремя пришедшего/приведенного в спорт и проявившего там настойчивость и трудолюбие. Немалое число кинофильмов (не только голливудских) эксплуатируют этот миф, выстраивая соответствующие ему символические ряды. Очевидно, что, при прочих равных (скажем, с точки зрения талантливости преподнесения), описанный «символ-крючок» оказывается масштабно более привлекательным, чем, скажем, сюжет, связанный с проявлением таланта математика, физика, поэта...

Такая символизация героев спорта тесно связана с одной из значимых для этой сферы ценностных моделей – *человека, который сам себя создал*, хотя в первом случае актуализируется, прежде всего, символический потенциал самой «площадки», а во втором – субъекта-«игрока». Спорт оказывается одной из самых *наглядно* моделируемых площадок для осуществления принципа *self-made man*, принципа, высоко социально востребованного в современном мире борьбы и конкуренции.

Востребованность символического потенциала спорта, несомненно, связана с такой особенностью этого вида деятельности, как ориентированность на ценность внешнего, демонстративно-очевидного результата, *публично явленного успеха*. В современном социокультурном пространстве данная ценность, несомненно, является одной из доминирующих, что определяет и высокую степень актуализации этой составляющей в структуре символического капитала спорта. Спорт, начиная еще с античных времен, возможно, как никакая иная деятельность, открывал уникальную возможность – максимально точно самоопределиться, причем самоопределиться публично и достаточно однозначно. Спортивное соревнование, возможно, как никакое иное, представляет возможности для точного, объективного, по фактическому результату сопоставления индивидов [7]. Публичность предъявления результата, несомненно, сохраняется, как важная социокультурная характеристика спорта, с древнейших времен и до сегодняшнего дня. Но именно такие «сквозные» атрибуты дают возможность увидеть, насколько существенно меняется именно смысловое, культурное их наполнение от эпохи к эпохе. «Часто современный спорт сравнивают с античными играми. В те времена спорт был подобен *косвенному сообщению* о себе выдающегося человека в его божественном происхождении; теперь об этом не может быть и речи» [8]. «Косвенное сообщение», безусловно, содержится и в сегодняшней победе, если рассматривать ее как символ. Однако сообщение о чем? Возможно, для какой-то части людей – о том же, что и в античные времена, но наверняка для части очень небольшой. Для остальных (в зависимости от ...) – о величии нации /государства, о могуществе спонсоров, об эффективности научно-технического прогресса (например, купальник был из принципиально нового материала или стимулирующие средства сработали, но оказались «неуловимыми») и пр. Спортивное (или околоспортивное?) «сообщение» символизирует все более «далекие от богов» силы.

Спорт и художественное творчество

Одной из важнейших областей репрезентации спорта, фиксирующей и особенности аксиологической «подкладки» этой деятельности в разные эпохи, и его собственные модели и доминанты, является художественное творчество. Невероятно богатый материал в этом смысле предоставляет, скажем, история живописи, скульптуры разных эпох и народов. В качестве небольшого примера значимости этой знаково-символической области мы обратимся к использованию тематики спорта в раннем советском искусстве. Этот период, пожалуй, был особенно интересен в анализируемом смысле, что имело под собой веские причины, а не было случайным совпадением.

Спорт, как никакая иная предметная сфера, в силу своей наглядности, доступности, очевидности с точки зрения результата (а результатом является, прежде всего, «человек спортивный») привлекала внимание «новых художников», ищущих очевидный символ нового общества, а значит и «нового человека». Здоровый, красивый, стройный «человек спортивный» не случайно стал символом этого самого нового человека в декоративно-прикладном (например, мозаики в метро), изобразительном искусстве, в скульптуре, фотографии раннего советского периода. Обращение к спортивным сюжетам многих выдающихся мастеров было определено в том числе и относительной неидеологизированностью данных сю-

жетов, что позволяло тем, кто не стремился включаться во все более жестко контролируемое творчество в других областях, находить относительно спокойную «заводь» для проявления собственного таланта без необходимости «изгибаться вместе с линией партии». Спортивная тематика на определенном этапе стала своего рода символом такого «параллелизма» идеологическим доминантам.

Необходимость массовых праздников для поддержания духа масс и демонстрации побед нового строя вели в то же время к стремлению максимально использовать спорт (спортивные парады, выступления физкультурников) и спортивные сюжеты («девушка с веслом» и т. п.) в идеологически ориентированном творчестве разных жанров, в различных видах искусства.

Если обратиться к начальному, раннему советскому этапу развития физкультурной тематики в первое десятилетие советской власти, то можно говорить о том, что в этот период отображения физкультуры в основном были связаны с деятельностью *левого культурного движения* и в наиболее явном и ярком виде были представлены в таких сферах творчества, как *фотография, фотомонтаж, кинематограф*. Однако уже к концу 1920-х гг. спортивная тематика стала все больше привлекать внимание советских художников и скульпторов. При этом важной особенностью развития данной предметной области стало то, что одним из центральных оказался вопрос о художественном стиле, адекватном для передачи характеристик данной сферы, он был для участников этого процесса одним из важнейших. По мнению ряда искусствоведов, специально для того чтобы наиболее ярко и ясно возвестить о *возникновении нового типа гражданина* в новую послереволюционную эпоху, был разработан синтез современных и традиционных стилей. Это был период, который предшествовал провозглашению социалистического реализма в качестве официальной культурной доктрины в Советском Союзе. Одной из характерных особенностей стиля того периода стало использование замечательных возможностей, которые сформировались в рамках русской иконописной традиции. Эти возможности, конечно, в сочетании с требованиями нового социального и культурного времени, заново использовались при формировании и оформлении образа нового типа героя, в данном случае – при создании своего рода «спортивной иконы».

Тридцатые годы внесли новые краски в процесс художественно-творческого отображения спортивной сферы в отечественном социокультурном пространстве – в центре внимания здесь оказываются вопросы, связанные с сопряжением соревновательной и театральной форм в спортивно-физкультурной деятельности. Важнейшие компоненты, характеризующие художественно-творческое пространство этого периода, связанное и анализируемой областью деятельности, – это все, что касается спортивной архитектуры (прежде всего, естественно, стадионов) и таких грандиозных массовых зрелищ, как спортивно-физкультурные парады.

Реконструкция Москвы в середине и второй половине 1930-х гг., обусловившая масштабное преобразование советской столицы, включала в себя и такой важный компонент, как существенное развитие спортивных сооружений. Это было более чем закономерным, исходя из уже упомянутых выше политико-идеологических ориентаций того времени, согласно которым занятия горожан спортом, физической культурой должны были занимать существенное место в организации их досуговой деятельности, в подготовке к труду и обороне страны. Кроме того, широкое использование спортивных сюжетов для скульптурных, мозаичных, иных декоративных украшений станций метро и других значимых построек стало характерной чертой прикладного искусства того времени.

Уже упоминавшийся выше американский историк и культуролог Р. Эделман посвятил одно из своих исследований специально такому феномену, как массовый зрелищный спорт (назвав это «серьезной забавой») в Советском Союзе, отмечая, что если тема производства высококлассных атлетов мирового уровня сегодня хорошо документирована, то о потреблении советской публикой тех спортивных зрелищ, в рамках которых эти атлеты состязались, написано существенно меньше. Как справедливо отмечает автор, подход, ставящий в центр изучения зрительскую аудиторию спортивных состязаний, не дает исследователю права полностью игнорировать процесс спортивного производства. В конце концов, потреблять можно лишь то, что произведено. Изменения в процессе производства спортивных событий и спортивных героев не могли не влиять на характер зрелищ, предлагаемых публике; элитарные атлеты должны были служить героическими образцами для подражания, а гражда-

не – учиться у них дисциплине, порядку, честности, выносливости, патриотизму и уважению к авторитету. «Многие десятилетия Советы, как и левые на Западе, с отвращением относились к буржуазному профессиональному, коммерческому спорту. Как и западные левые, они считали, что зрелищные виды спорта – это всего лишь разновидность индустрии развлечений, забивающая головы рабочих ненужными мыслями и отвлекающая их от политики. Большинство социалистических политиков и интеллектуалов разделяли идею, что западный коммерческий спорт работает на поддержание господства капитализма, и до недавнего времени ни один советский специалист по западному спорту не сомневался в справедливости этой идеи. Спорт, однако, был одной из особенно заметных составляющих советской жизни, а спортивные зрелища – важным элементом популярной советской культуры. ...В СССР была создана обширная литература о спорте и физической культуре, которую невозможно прочитать за одну человеческую жизнь, но большая часть этих работ практически не касается темы зрелищного спорта» [9].

Несомненно, сегодняшний день, как справедливо отмечает, глядя «со стороны», Р. Эделман, серьезно поменял акценты и в реальных практиках спорта, и, соответственно, в исследовательских акцентах, значимых для понимания и проектирования этой области деятельности. Повышение уровня зрелищности спорта, связанное не только с необходимостью привлечения «живого» зрителя, но и (главным образом) – зрителя телевизионного; гедонистически окрашенные тренды развития потребительского общества; все большее заострение такой проблемы, как субкультура спортивных болельщиков, «фанатизм» и его социальные последствия – все эти проблемные зоны, акцентируемые самой практикой, наглядно говорят о том, что нет спорта «вообще». Его наполнение, профилирование, аксиологическая и символическая окраска, изменяющиеся на каждом этапе, – наглядное свидетельство высокого уровня «социокультурности» данного феномена, подразумевающего необходимость значительно более масштабного и интенсивного развития данного направления исследований в рамках теоретической и прикладной культурологии.

Примечания

1. Бурдые П. Программа для социологии спорта // Начала. М., 1994. С. 257–275.
2. Хейзинга Й. *Homo Ludens*: в тени завтрашнего дня. М., 1992.
3. Meyers Neues Lexikon. Leipzig, 1976.
4. Edelman R. *Serious Fun. A History of Spectator Sports in the USSR*. N. Y., 1999.
5. Krawczyk Z. *Fundamental Values of the European Culture and the Development of Tourism // Sport in the Mirror of the Values*. Rzeszow, 2003. P. 32–45.
6. Featherstone M. *The body in consumer culture // Theory, culture & society*. 1982. Vol. N 2. P. 18–33.
7. Визитей Н. Н. *Теория физической культуры: к корректировке базовых представлений*. Философские очерки. М., 2009.
8. Ясперс К. *Смысл и назначение истории*. М., 1991.
9. Edelman R. *Op. cit.* P. 19.

Notes

1. Bourdieu P. *Programma dlya sociologii sporta* [The program for the sociology of sport]// *Nachala - Beginnings*. Moscow. 1994. Pp. 257-275.
2. Heizinga Y. *Homo Ludens: v teni zavtrashnego dnya* [Homo Ludens: in the shadow of tomorrow]. Moscow. 1992.
3. Meyers Neues Lexikon. Leipzig, 1976.
4. Edelman R. *Serious Fun. A History of Spectator Sports in the USSR*. N. Y., 1999.
5. Krawczyk Z. *Fundamental Values of the European Culture and the Development of Tourism // Sport in the Mirror of the Values*. Rzeszow. 2003. Pp. 32-45.
6. Featherstone M. *The body in consumer culture // Theory, culture & society*. 1982. Vol. N 2. Pp. 18-33.
7. Visitey N. N. *Teoriya fizicheskoy kul'tury: k korrekcirovke bazovyh predstavlenij. Filosofskie ocherki* [Theory of physical culture: to the correction of basic concepts. Philosophical essays]. Moscow. 2009.
8. Jaspers K. *Smysl i naznachenie istorii* [Meaning and purpose of history]. Moscow. 1991.
9. Edelman R. *Op. cit.* P. 19.

ИСТОРИЯ

УДК 94(470)“1937”

А. А. Печенкин

Разгром Военного совета (1937 г.)*

На основе уникальных документов рассматривается деятельность Военного совета при народном комиссаре обороны СССР. Основное внимание уделено заседаниям Военного совета, проходившим с 1 по 4 июня и с 21 по 27 ноября 1937 г. На них обсуждались вопросы о «военном заговоре» и о ходе чистки в Красной армии.

On the basis of unique documents considered activities Military Council of the People's Commissars of the USSR Defense. Focuses on the meeting of the military council that took place с 1 to 4 June and from 21 to 27 November 1937. They discussed about the “military conspiracy” and of course cleaning in the Red army.

Ключевые слова: Красная армия, военная элита, Сталин, репрессии.

Keywords: Red Army, the military elite, Stalin, repressions.

21 июня 1934 г. Постановлением ЦИК и СНК Союза СССР создан Народный комиссариат обороны СССР (НКО), а 22 ноября утверждено Положение «О Военном совете при Народном комиссаре обороны Союза ССР». Народный комиссариат обороны СССР в период с 1934 по 1946 г. являлся центральным органом военного управления в нашей стране, на который возлагалась разработка планов развития, строительства и вооружения Рабоче-Крестьянской Красной армии (РККА), руководство боевой и политической подготовкой Советских Вооруженных Сил и использование их в мирное и военное время. К числу руководителей НКО следует отнести самого наркома обороны, его заместителей. В предвоенный период (1937–1938 гг.) в этом звене военного управления произошли большие кадровые перемены: погибли многие заместители наркома и командующие военными округами. В первый состав ВС при НКО (ноябрь 1934 г.) вошли 80 человек, в январе 1935 г. их число увеличилось до 85 членов. Членами ВС при НКО были наиболее авторитетные военачальники Красной армии и Военно-Морского флота: Нарком обороны К. Е. Ворошилов, его первый заместитель Я. Б. Гамарник, второй заместитель М. Н. Тухачевский, а также начальники главных управлений НКО, руководители военных академий, командующие войсками военных округов, некоторые командиры корпусов и дивизий, ряд других работников центрального и окружного аппарата.

В августе-сентябре 1936 г. произошли важные события: на должность наркома внутренних дел вместо Г. Г. Ягоды был назначен Н. И. Ежов. Скоропостижно скончался видный военачальник, командарм 1-го ранга С. С. Каменев и были проведены аресты среди военных. Раньше других арестовали членов ВС НКО комкоров В. М. Примакова, С. А. Туровского и советского военного атташе в Англии В. К. Путну. Этим троим героям Гражданской войны предъявили обвинение в участии в «боевой группе троцкистско-зиновьевской контрреволюционной организации». Свыше девяти месяцев они провели в тюрьме, где от них требовали сознаться в подготовке военного переворота и назвать сообщников из числа высших военачальников. Но до мая 1937 г. следователям НКВД не удалось этого добиться.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ «Элита Красной армии (1935–1945 гг.): численность, персональный состав, социально-демографические и профессиональные характеристики», проект № 14-01-00402

Первые аресты трех комкоров не рассматривались военачальниками как начало крупномасштабной чистки армии. Лишившись трех своих членов, ВС НКО продолжал функционировать. К началу июня 1937 г. застрелился снятый с должности начальника Политуправления РККА Гамарник и были арестованы маршал Тухачевский, командармы и комкоры И. Э. Якир, И. П. Уборевич, А. И. Корк, Р. П. Эйдеман, И. И. Гарькавый, некоторые другие видные военачальники. На 1 июня 1937 г. было назначено открытие внеочередного пленума Военного совета при наркомате обороны СССР. Надо отметить, что в период, предшествующий пленуму, Военсовет потерял в результате репрессий почти четверть своего первоначального состава. В соответствующей справке отмечалось:

Было членов Военного совета – 85 чел.

Осталось членов Военного совета на 1 июня 1937 г. – 60 чел.

Исключено участников заговора – 20 чел.

Исключено как освобожденных от своих должностей – 2 чел.

Ушли из армии – 3 чел.

В Москву были срочно вызваны члены совета, из 60 чел. на заседание смогли прибыть 53 члена совета, кроме них были приглашены 116 военнослужащих, не входивших в его состав. Таким образом, члены ВС НКО составили менее одной трети из 169 присутствующих на пленуме. По военным званиям они распределялись следующим образом:

Маршалы Советского Союза – 4

Командармы 1-го и 2-го ранга, флагманы флота 1-го и 2-го ранга – 12.

Армейские комиссары (армвоенюристы) – 12.

Комкоры (коринтенданты) – 20.

Корпусные комиссары – 19.

Прочие – 102 [1].

Некоторых членов ВС НКО арестовывали по пути в Москву или сразу по прибытии в столицу. Так, комкора Сангурского схватили на вокзале в г. Кирове. Комкор Е. И. Ковтюх – знаменитый герой «Железного потока» Серафимовича – в Москву приехал, но не был допущен в зал заседаний, потому что кто-то из арестованных врагов народа дал на него показания. Епифан Иович написал письмо Сталину: «Заявляю, что никогда ни в каких заговорах, группировках не участвовал, всегда поддерживал и настойчиво проводил в жизнь генеральную линию нашей партии... Мне хочется дожить до этой войны и продолжить историю “Железного потока”. Еще раз заявляю: за Вас, за партию, за советскую власть, за социалистическую родину готов умереть в любую минуту» [2]. Герою «Железного потока» не довелось участвовать в будущей войне с фашизмом. Ответа от вождя он не получил, а вскоре был арестован и расстрелян.

Прибывшие на заседание ВС НКО были собраны в секретариате наркомата, где они были ознакомлены с показаниями арестованных военачальников. На участников Военного совета обрушилась лавина страшных новостей: самоубийство Я. Б. Гамарника, аресты большого числа боевых друзей и соратников, обвиненных в заговоре и шпионаже. Все это произвело ошеломляющее впечатление. В протоколах допросов упоминались фамилии многих командиров, еще находившихся на свободе. Можно представить тот ужас, который испытали люди, увидевшие свою фамилию в числе участников заговора и осознавшие полную свою беспомощность перед произволом НКВД. Обстановка в зале была «могильная». И. В. Сталин как опытный интриган еще до первого заседания нанес военным сильнейший психологический удар, обеспечив полную покорность военной элиты.

Заседание открылось не в Доме Красной армии, как бывало раньше, а в Свердловском зале Кремля. В полной тишине без обычных шуток и разговоров генералы заняли места в зале. В президиуме появились члены Политбюро Ворошилов, Калинин, Молотов, Жданов, позднее подошел Каганович. Вожди партии выглядели озабоченно, даже угрюмо. Сталин, занявший место рядом с Ворошиловым, выглядел постаревшим, но в отличие от своих соратников имел уверенный и даже веселый вид. «Он с заинтересованностью оглядывал зал, искал знакомые лица и останавливал на некоторых продолжительный взгляд. Что касается Ворошилова, то на нем, что называется, лица не было. Казалось, он стал ростом меньше, поседел еще больше, появились морщины, а голос, обычно глуховатый, стал совсем хриплым», – вспоминал начальник Военной академии дивинженер К. Е. Полищук [3].

Ворошилов открыл заседание словами: «Товарищи, органами Наркомвнудела раскрыта в армии долго существовавшая и безнаказанно орудовавшая, строго законспирированная,

контрреволюционная фашистская организация, возглавлявшаяся людьми, которые стояли во главе армии...» [4] Ворошилов заявлял, что враги пробрались в самую верхушку Вооруженных Сил, продвинули своих людей в авиацию, морфлот, мотомеханизированные части, в кадровые органы, политаппарат, то есть повсюду. Даже оба первых заместителя наркома оказались предателями, заговорщиками и шпионами. По мнению Ворошилова, военные заговорщики готовились свергнуть советское правительство [5]. Ворошилов возмущался коварством врагов народа: «Товарищи, как могло все это произойти? Как могло случиться, что мы, работники РККА, проморгали у себя такое огромное количество врагов? ...Вот вчера, вы знаете, застрелился мой первый заместитель. Почему он застрелился, он не сказал. Его отстранили от должности за тесную и чрезмерно близкую связь с группой Якира... Он, получив приказ, тут же не задумываясь, застрелился. Что это значит? Это наводит, у нас нет пока данных, но это наводит на очень печальные размышления» [6].

В прениях по докладу наркома выступили 42 военачальника. Многие выступавшие каялись, что долго работая рядом с врагами, не сумели их разоблачить, признавались в своей политической слепоте. Однако были и другие выступления. Так, командующий войсками Приволжского военного округа (ПриВО) командарм 2-го ранга П. Е. Дыбенко заявил, что никогда не доверял Тухачевскому и еще в 20-е гг. боролся за его смещение с руководящих постов в РККА. «Я тогда называл Тухачевского сволочью. Лично ему в глаза говорил» [7]. Командующий войсками Московского военного округа (МВО) командарм 1-го ранга И. П. Белов и комдив Е. И. Горячев со злобой и ненавистью говорили о своих давних разногласиях с Уборевичем по вопросам организации боевой учебы и строительства укрепленных районов и многим другим проблемам.

Очень многие командиры пытались дистанцироваться от арестованных военачальников, вспоминая о совершенных ими ошибках, заявляли, что Тухачевский, Гамарник, Уборевич и Якир никаким авторитетом в Красной армии не пользовались, а комсостав их всегда не уважал и не любил. Комдив Е. И. Горячев, ранее восхвалявший Уборевича, теперь стал утверждать обратное: «Товарищ Сталин, я заявляю и вам, товарищ Народный комиссар, что командный состав органически не мог выносить Уборевича, он его просто ненавидел». Сталин насмешливо переспросил: «Все ли его ненавидели?» Горячев, не стыдясь явной лжи, ответил: «Только единицы могли ему сочувствовать». Его слова опровергли выкрики из зала: «Это не так. В рот ему смотрели» [8].

Маршал В. К. Блюхер не согласился с теми выступавшими, которые пытались доказать, что Гамарник и Уборевич не пользовались авторитетом в армии. «Все тут выходят и хотят обязательно найти у Гамарника что-нибудь контрреволюционное. Не выйдет это. Скажите прямо Центральному Комитету, скажите прямо т. Сталину, что в армии Гамарник пользовался авторитетом. (Голоса: Правильно) ...Совершенно иное отношение было к Уборевичу. Напрасно болтают, товарищи, что не признавали за ним тактического авторитета. Чепуху городят. В рот смотрели ему и не разбирали, когда он пичкает ерунду. Признавали его авторитет в военных играх... Культивировалось это сверху. Возьмите заседания Военного совета. Всюду они вершили военные дела и руководили военной подготовкой» [9].

Выступивший на утреннем заседании ВС НКО 2 июня командующий Харьковским военным округом командарм 2-го ранга И. Н. Дубовой рассказал о своей многолетней работе под руководством Якира: «Я должен откровенно сказать, ничего абсолютно не замечал. Мы все считали его, и в том числе я, лучшим представителем партии, партийным командующим. Все же мы его называли нашим лучшим партийным командующим».

Сталин подтвердил: «Он считался одним из лучших командующих» [10].

Участники заседания часто пытались уязвить друг друга, обвинив в близких отношениях с врагами народа. И вновь был поднят вопрос о том, что Якир и Уборевич занимали среди других командующих военными округами совершенно особое положение, имели влияние на решение важнейших военных проблем и позволяли себе слишком много. Дубовой рассказывал: «Якир приезжает из Москвы, Якир в курсе всех организационных вопросов, он докладывает. И теперь, когда приезжаешь в Киев по любому организационному мероприятию, он говорит, что с ним советуется т. Сталин, что с ним советуется т. Молотов, что с ним советуется т. Ворошилов. А мы не могли этого проверить. А теперь понятно, для чего он это говорил. Здесь украинские командиры сидят, они могут подтвердить, что Якир рассказывал, что в любой поезд в Москву он бывает у т. Сталина два-три раза, разговаривает с ним... у меня не было ни малейшего сомнения в этом человеке, который оказался шпионом.

У нас тоже не было сомнения, – сказал Сталин» [11].

В конце своего выступления Дубовой призвал ликвидировать остатки вредительства в армии и выдвинуть на место арестованных врагов молодые кадры.

4 июня выступил начальник Академии Генерального штаба Д. А. Кучинский, много лет проработавший с Якиром. В то время как все выступавшие ругали арестованных командиров, он не поддался общему настроению и не захотел чернить своего бывшего командира: «Я видел его личную жизнь. Он был очень скромным человеком... и скажу прямо, что он был хорошим человеком». Кучинский пытался дать своему бывшему командующему объективную характеристику: «Якира я считал хорошим тактическим, грамотным командиром, очень хорошим методистом, высококультурным в оперативном отношении. Мы его методы, методы проведения военных игр, методы проведения полевых поездок, авиационных поездок, методы учения с войсками считали наиболее новыми, совершенными после того, как он поучился в Германии... Товарищи, мы видели, какое он имеет большое влияние на дела Наркомата обороны. Он часто говорил, что целый ряд крупнейших вопросов, вопросы вооруженных сил, вопросы оперативных планов решаются только тогда, когда посоветуются с Уборевичем и Якиром» [12].

В разговор вмешался Сталин и процитировал показания арестованных о том, что комдивы Кучинский и Мерецков являются активными заговорщиками. Оба тут же резко отвергли вздорные обвинения. Мерецков воскликнул: «Это ложь. Я заявляю со всей ответственностью, что это ложь». Сталин спокойно произнес: «Может быть. Дай бог, чтобы это было ложью. Может быть, он оклеветал вас» [13].

Кучинский являлся опытейшим штабистом, поэтому нарком предложил ему перейти на службу в Генеральный штаб, но он отказался, считая, что в качестве начальника штаба Киевского округа он сделает больше, нежели в Генеральном штабе. Кучинский невысоко оценивал способности начальника Генерального штаба маршала А. И. Егорова, поэтому не хотел работать под его руководством.

Маршал Егоров напомнил некоторым конармейцам, что они раньше восхищались военными талантами Тухачевского: «И нечего скрывать, товарищ Григорий Иванович Кулик, что на последнем Военном совете в кулуарах, после речи Тухачевского о боевой подготовке, вы говорили: гениальная речь! (общий смех) А тут об этом умалчиваете. Нужно иметь смелость большевика, Григорий Иванович, чтобы называть вещи своими именами. Вот сидит Щаденко, он может подтвердить» [14].

Комдив Л. Г. Петровский самокритично признал, что упреки наркома справедливы: «Мы не давали ему достаточных сигналов... Мы имели все же достаточные данные для того, чтобы твердо ставить эти вопросы».

«Безусловно», – согласился Буденный.

2 июня 1937 г. на заседании ВС НКО выступил Сталин. Он заявил, что «несомненно здесь имеет место военно-политический заговор против Советской власти, стимулировавшийся и финансирувавшийся германскими фашистами» [15]. Так как во многих выступлениях причина предательства объяснялась непролетарским происхождением некоторых обвиняемых и их давними связями с троцкистской оппозицией, Сталин счел нужным высказаться по этому поводу: «Говорят, Тухачевский помещик, кто-то другой попович. Такой подход, товарищи, ничего не решает, абсолютно не решает... Это не марксистский подход. Это, я бы сказал, биологический подход... Я не с этой стороны буду анализировать этих людей». Сказав, что если человек 15 лет назад голосовал за троцкистскую платформу, это не значит, что ему сегодня нельзя доверять, генсек призвал судить о людях по их сегодняшней практической работе. Сталин обвинил арестованных в том, что они бывали в Германии, встречались с немецкими представителями, это, по его мнению, было достаточной уликой для обвинения в шпионаже. «Имел свидание с представителями немецкого рейхсвера. Шпион? Шпион» [16]. Можно подумать, что советские военачальники по собственной инициативе тайком ездили в Германию и вели там секретные переговоры с гитлеровцами. Ведь дело обстояло совсем иначе. В 20-е гг. между советским и немецким правительством существовали соглашения о военном сотрудничестве. В Липецке и Казани обучались немецкие летчики и танкисты, а в Берлин для обучения в военной академии и для наблюдения за маневрами рейхсвера ездили И. П. Белов, А. И. Егоров, П. Е. Дыбенко, И. П. Уборевич, Р. П. Эйдеман, И. Э. Якир и другие красные полководцы. Военное сотрудничество СССР и Веймарской Германии, принесшее пользу обеим сторонам, было свернуто в 1933 г. с приходом к власти Гитлера. Сталин, сам посылавший своих генералов на учебу и переговоры в Германию, теперь им же поставил это в вину.

Надо было как-то объяснить причины появления заговора. Сталин сказал, что эти люди во время пребывания в Германии были завербованы, получили деньги от врага, а затем под угрозой разоблачения были вынуждены выполнять все указания своих зарубежных хозяев и требования Троцкого. В объяснениях Сталина и немецкие хозяева, и сами «заговорщики» выглядят очень глупыми людьми. Если бы немецкая разведка имела в СССР таких высокопоставленных агентов, то она должна была бы их беречь как зеницу ока, а не толкать их на нелепые авантюры: отравление солдатской пищи, поджоги казарм, организацию крушения поездов и теракты против отдельных руководителей. Подобное поведение неизбежно привело бы к разоблачению агентуры и потере ценнейших источников информации. Руководители абвера, разумеется, не были глупцами и не стали бы губить своих информаторов, находящихся в высших эшелонах армии будущего противника. Выступая перед военачальниками, Сталин был уверен, что ни один из них не посмеет открыто выступить с разоблачением его нелепой версии. Для расправы с генералами Сталину вовсе не требовались документальные подтверждения их виновности. Вполне достаточно было их собственных признаний, полученных на допросах с пристрастием в НКВД. Располагая многочисленными доносами и протоколами допросов, в которых содержался компромат на весь высший командный состав Красной армии, Сталин по мере необходимости давал ход этим материалам, уничтожая одну группу военачальников за другой.

В ходе заседания Сталин неоднократно говорил тому или иному из присутствующих, что на него тоже есть показания врагов народа, но беспокоиться по этому поводу не следует, мол, НКВД во всем разберется. Однако некоторые из ораторов предлагали упомянутым в протоколах допросов выйти на трибуну и покаяться.

«Мне кажется, надо потребовать, чтобы они рассказали, почему враг называет их имена, почему он делает на них ставку», – предложил командарм 2-го ранга М. К. Левандовский. Сталин возразил, что попытки самооправдания в ходе заседания решающей роли не сыграют. Сталин заявил, что Тухачевский и другие действовали по прямому указанию немецкой военщины. «Эти люди являются марионетками и куклами в руках рейхсвера... Хотели из СССР сделать вторую Испанию и нашли себе, и завербовали шпики, орудовавших в этом деле. Вот обстановка» [17]. Слова о второй Испании прозвучали не случайно. С лета 1936 г. республиканское правительство этой страны вело войну против франкистов, заявлявших, что у них есть мощная агентура в рядах республиканцев, так называемая «пятая колонна». В республиканской армии и в органах власти активно действовали анархисты, троцкисты, социалисты и коммунисты. Политический разброд и отсутствие твердой дисциплины пагубно влияли на ход войны. Сталин был крайне обеспокоен этим и стремился не допустить повторения подобной ситуации в СССР.

«Плохо сигнализируете, – упрекнул вождь слушателей, – а без ваших сигналов ни военком, ни ЦК ничего не могут знать... Ваша обязанность проверять людей на деле, на работе, и если неувязки будут, вы сообщайте... Если будет, правда, хотя бы на 5%, то и это хлеб. Обязаны посылать письма своему Наркому, копию в ЦК... Поскольку вы отказываетесь писать в ЦК и даже наркому не пишете о делах, которые оказываются плохими, то вы продолжаете старую троцкистскую линию» [18]. Сталин требовал, чтобы высшие командиры писали доносы друг на друга. Его вполне устраивало, если в них будет 95% лжи и лишь 5% правды. При таком подходе злоупотребления карательных органов, аресты невиновных стали неизбежны.

Объявив, что по военной линии уже арестовано 300–400 человек, Сталин заявил, что это не подорвет нашу обороноспособность, ибо в нашей армии много талантов. Надо лишь смелее выдвигать их снизу. Сталин рассказал, что Тухачевский с Уборевичем просили послать их воевать в Испанию, но Политбюро решило иначе, послало людей неизвестных, которые в Испании показали себя блестяще. В качестве примера были названы командир механизированной бригады комбриг Д. Г. Павлов, заместитель командующего ОКДВА корпусный комиссар Я. К. Берзин и офицер для поручений наркома обороны Г. М. Штерн. «...вот где наша сила – люди без имен... Вот из этих людей смелее выдвигайте, все перекроют, камня на камне не оставят. Выдвигайте людей смелее снизу. Смелее – не бойтесь» [19]. Этими бодрыми словами Сталин закончил свое выступление на Военном совете. Самое интересное, что названные им люди действительно храбро сражались в Испании, за что получили высокие звания и награды, но впоследствии все трое были расстреляны: Берзин – 29 июля 1938 г., Павлов – 22 июля 1941 г., а Штерн – 28 октября 1941 г. Так трагически закончилось смелое выдвижение новых военачальников.

Выступая с заключительным словом, Ворошилов напомнил, что армия у нас очень большая, за последние пять лет ее численность выросла вдвое. Одних только офицеров стало свыше 200 тысяч. «Мы за последние пять лет около 50 с лишним тысяч вычистили из армии всякого хлама негодного. За последние годы мы тысячи людей выбросили, в том числе и троцкистов, – тем не менее, в этом конгломерате человеческом осталось много всяких людей» [20]. Таким образом, было объявлено, что чистка офицерского состава еще только начинается и будет проводиться с большим размахом.

Сталин возмущался, что партия направила в армию своих лучших членов, чтобы они заняли командные должности в самых современных родах войск, а наркомат на эти посты назначил не партийных выдвиженцев, а других людей. Нарком пытался втолковать вождю, что даже самым лучшим коммунистам, не знающим военного дела, нельзя доверять командование. Анализ стенограммы показывает, что в тот период Сталин довольно слабо разбирался в сугубо армейских проблемах, не был знаком с военной терминологией, лично знал лишь небольшую часть высшего командного состава Вооруженных Сил, допускал ошибки в трактовке функций тех или иных военных структур. Со временем Сталин ликвидировал этот пробел, лучше изучил советский генералитет, освоил основы военной стратегии и со знанием дела высказывался по вопросам строительства Вооруженных Сил. Но все это будет позже, в начале сороковых годов, а в 1937 г. Сталин пытался решать военные вопросы наскоком, опираясь на свой довольно ограниченный опыт периода Гражданской войны.

Об обстановке, царившей в зале заседания, можно узнать из воспоминаний К. Е. Полищука: «Сталин внимательно слушал оратора, пристально смотрел на выступавшего, изредка попыхая трубкой, а иногда вставал и прохаживался возле стола. Никаких бумаг перед ним не было, и я не замечал, чтобы он записывал что-либо. Реплики он давал редко. Замечания его были краткими. Так, во время выступления Мерецкова, когда тот клялся, что он ни в чем не виновен, Сталин сказал: “Это мы проверим”, а на его заявление доказать на любой работе преданность Родине, Сталину, заметил: “Посмотрим”. Все время заседаний Сталина не покидала уверенность, приподнятость настроения и даже ироничная усмешка» [21]. По ходу заседания то один, то другой участник исчезал из зала. Все понимали, что это значит, в кулуарах фамилии исчезнувших шепотом передавали друг другу, но в зале все молчали, с ужасом ожидая, кто станет следующим.

На заседании Военного совета большое внимание уделили положению дел на Дальнем Востоке. Сталин рассказывал, как группа Тухачевского и Гамарника пыталась сместить маршала Блюхера с должности командующего Особой Краснознаменной Дальневосточной армией (ОКДВА). Выступившие на заседании командующий ОКДВА маршал В. К. Блюхер, его бывший начальник штаба комдив К. А. Мерецков и командующий Приморской группы войск командарм 2-го ранга И. Ф. Федько говорили об ожесточенных спорах, интригах, борьбе группировок среди комсостава Особой Краснознаменной Дальневосточной армии. Так как Блюхер много болел и по несколько месяцев отсутствовал, он не мог осуществлять повседневное руководство войсками Дальнего Востока. Тухачевский и Гамарник считали, что нужно назначить нового командарма. Эту же точку зрения высказывали и некоторые высшие командиры-дальневосточники. На Военном совете разгорелся жаркий спор между двумя военачальниками – Блюхером и Федько. Оба они были героями Гражданской войны, удостоенными за свои подвиги четырех орденов Красного Знамени! В 1937 г. группа войск под командованием Федько входила в состав армии Блюхера. Между этими двумя героями существовали большие разногласия по поводу структуры военного управления на Дальнем Востоке. Блюхер предлагал создать на этом театре военных действий управления стрелковых корпусов, а Федько видел в этом предложении намерение маршала упразднить Приморскую группу войск и оставить его без должности.

«Товарищи, – говорил Федько, – нашими врагами подготовлялось поражение не только здесь, на Западе, в Белорусском ВО, в Украинском ВО и в других округах, велась соответствующая шпионская работа. Эта шпионская работа ни в какой степени не могла не вестись и на Дальнем Востоке, и несомненно, что на Дальнем Востоке подготовлялось такое же поражение, какое подготовляли Якир, Уборевич и Тухачевский здесь на западе. Я хочу доложить о той обстановке, которая складывалась в течение ряда лет на Дальнем Востоке и о той группе шпионов-вредителей, врагов народа, которая подготовляла поражение на Дальнем Востоке. Теперь становится совершенно ясным, почему я, будучи присланным Народным комиссаром

обороны, Центральным комитетом и т. Сталиным на Дальний Восток, был буквально встречен в штыки со стороны Лапина, Аронштама, Сангурского... Этой же группе принадлежит травля т. Блюхера, дискредитирование командующего ОКДВА – т. Блюхера. Как т. Блюхер к этой сволочи прислушивался, и как эта группа травила меня» [22].

Сталин поправил Федыко: «Главную атаку Аронштам вел не против Вас, а против Блюхера» [23].

Блюхер, разумеется, не стал отмалчиваться и изложил свою версию событий в Забайкалье и на Дальнем Востоке.

«Тут скрывать нечего. Японцы знают наш оперативный план на 100%, нашу подготовку знают, наше расположение армии знают. У т. Федыко во время войны будет не менее четырех самостоятельных оперативных направлений ответственных... Я считал, что при всей талантливости Федыко, при всей его талантливости братья управлять на четырех оперативных направлениях, причем в каждом из них два-три соединения, – это значит надо быть немножко больше Наполеона. Ведь я тогда так Вам и говорил» [24].

Далее Блюхер напомнил о тяжелой обстановке, царившей в штабе ОКДВА и Приморской группе: «Я предлагал вам быть моим заместителем и два раза я с вами разговаривал по этому поводу. Я чувствовал, что нас с вами стравливают, и что работа в армии идет плохо. Я вам говорил тогда, что на наших личных взаимоотношениях люди расталкивают двери, создают щели, в которые лезут все мыши – мыши недостатков и неполадков. Я вам говорил это?

Федыко: Говорили.

Блюхер: Я исходил из объективных условий. Почему Вы усматривали в этом предложении мое желание вас угробить, я не знаю. К чему фактически привело бы такое сотрудничество. Оно привело бы к тому, что шесть месяцев вы бы командовали армией, так как я очень часто уезжаю, шесть месяцев я бы командовал армией. Мы, кстати сказать, неплохо друг друга дополняем. Я бы ему был полезен в вопросах политических, теоретических и партийных, как он сам мне давал характеристику, он бы мне был полезен в вопросах обучения полка (смех). Вы прошли очень хорошую школу у Тухачевского в Ленинграде.

Федыко: При чем тут Тухачевский?

Блюхер: Вот о чем я говорил. Сейчас это же можно установить по документам. Я думаю, и т. Сталин скажет, какую я оценку давал Федыко, когда разбирался мой личный вопрос. Я же ничего плохого тогда о нем не говорил, говорил только хорошее. Я говорил о том, что тактически он знает дело лучше, чем я, войска обучать тактике умеет лучше меня, а в оперативной подготовке вы были человеком отсталым. Почему? Потому ли, что у вас так сложена голова, или потому, что вам не приходилось над этими вопросами работать. Ясно, что вам не приходилось заниматься ими, будучи в Приволжском округе. Тут же я заявил, что через два года Федыко в этих вопросах будет неузнаваем» [25].

Сталин, упомянув о закулисной борьбе на Дальнем Востоке, заявил, что эти действия инспирированы зарубежными врагами (японцами и немцами) с целью ослабления нашей армии: «И вот начинается кампания, очень серьезная кампания. Хотят Блюхера снять. И там же есть кандидатура. Ну уж, конечно, Тухачевский. Если не он, так кого же. Почему снять? Агитацию ведет Гамарник, ведет Аронштам. Так они ловко ведут, что подняли почти все окружение Блюхера против него. Более того, они убедили руководящий состав военного центра, что надо снять. Почему, спрашивается, объясните, в чем дело? Вот он выпивает. Ну хорошо. Ну еще что? Вот он рано утром не встает, не ходит по войскам. Еще что? Устарел, новых методов работы не понимает. Ну сегодня не понимает, завтра поймет, опыт старого бойца не пропадает... Он, конечно, разумнее, опытнее, чем любой Тухачевский, чем любой Уборевич, который является паникером, и чем любой Якир, который в военном деле ничем не отличается» [26]. Командующий ОКДВА с большим беспокойством говорил о вредительстве, о поджогах, пожарах, приведших к гибели многих людей, о широко распространившемся пьянстве. Чрезвычайных происшествий стало так много, что на них перестали обращать внимание, не доискивались до причин такого безобразного положения [27].

Блюхер нарисовал мрачную картину положения на Дальнем Востоке: «Я должен доложить Народному комиссару, тов. Сталину и т. Молотову, что наши оперативные планы на Дальнем Востоке вскрыты, что вся ваша работа, т. Берзин, при помощи ваших же работников вскрыта и обнаружена, и что ваш аппарат расконспирировал сам себя, что численный состав армии японцам прекрасно известен, они прекрасно знают всю нашу дислокацию войск, что

они даже знают пункты переправы. Дальний Восток раскрыт» [28]. Сталин охотно прощал военачальникам склонность к выпивке и даже недостаточный профессионализм, лишь бы они не сплотились в какие-либо группировки, опасные для него. А поскольку за маршалом Блюхером подобного стремления не замечалось, Сталин сквозь пальцы смотрел на его просчеты в боевой подготовке. В июне 1937 г. генсек расхваливал маршала, а через 13 месяцев, когда войска ОКДВА у озера Хасан понесли серьезные потери, то есть оправдались негативные оценки, данные Блюхеру Тухачевским и Гамарником, Сталин резко изменил свое мнение, припомнил Блюхеру и морально-бытовые, и профессиональные недостатки, а главное, заподозрил его в связях с японцами. Парадоксально: в июне 1937 г. Сталин говорил, что Блюхера пытались выжить с Дальнего Востока Тухачевский и Гамарник, действовавшие по указке японцев, а через год он же самого Блюхера назвал давним японским агентом. В октябре 1938 г. маршал был арестован, а 9 ноября погиб в тюрьме.

Сталин высказал предположение, что среди честных командиров и политработников есть люди, которые оказались случайно задеты врагами, а сами ничего плохого еще не сделали. Таких людей, если они придут сами и все расскажут о заговорщиках, по его мнению, не следует наказывать. «Простить надо, даем слово простить, честное слово даем», – сказал Сталин. А Щаденко тут же подсказал, где искать таких людей: «С Военного Совета надо начинать. Кучинский и другие». Д. А. Кучинский с возмущением отверг эти намеки: «Товарищ Ворошилов, я к этой группе не принадлежу, к той группе, о которой говорил т. Сталин. Я честный до конца». Ворошилов выругался: «Вот и Мерецков. Этот пролетарий, черт возьми». «Это ложь, – возразил Мерецков, – тем более что я никогда с Уборевичем не работал и в Сочи не виделся» [29]. Через несколько дней наркомы обороны и внутренних дел издали совместный приказ, в котором гарантировали прощение всем, кто добровольно явится и расскажет о деятельности врагов народа. Однако этим обещаниям мало кто поверил. Из 42 выступивших в прениях по докладу Ворошилова 34 человека (т. е. 80%) впоследствии были арестованы и расстреляны.

«Восстанавливая в памяти ход всего этого заседания, – писал Полищук, – я убежден теперь, что поведение Сталина на этом заседании явно указывало, что в его лице мы имеем дело с автором сценария и режиссером всей этой постановки. Он ее задумал и разработал давно и ко времени осуществления уже имел полный подбор действующих лиц, подготовил их действия и все мизансцены и рассчитал ожидаемый эффект игрового действия» [30].

О том, какое значение Сталин придавал работе Военного совета 1–4 июня 1937 г., говорит тот факт, что в эти дни он отложил в сторону все другие дела. В обычные дни он ежедневно принимал в своем кремлевском кабинете от пяти до 30 человек, а в эти четверо суток лишь однажды, 1 июня, и то ненадолго к нему пришли Молотов (на 1 час), Ежов (на 40 мин) и Ворошилов (10 мин) [31]. Видимо, они обсуждали, как провести вечернее заседание Военного совета. В 17 час 15 мин все четверо вышли из кабинета и пошли на заседание ВС НКО. Только вечером 5 июня Сталин возобновил прием посетителей.

Следующая после заседания ВС НКО неделя прошла в заботах о подготовке процесса над военачальниками. Сталин лично провел отбор как судей, так и подсудимых, одобрил представленное Прокурором СССР А. Я. Вышинским обвинительное заключение и выслушал информацию Председателя Военной коллегии Верховного суда СССР (ВКВС) армвоенюриста В. В. Ульриха. Из большого числа арестованных военных Сталин решил вывести на первый процесс самых знаменитых, известных всей армии лиц: заместителя наркома обороны (М. Н. Тухачевский), двух лучших командующих войсками военных округов (И. П. Уборевич и И. Э. Якир), начальника военной академии (А. И. Корк), бывшего главного кадровика армии (Б. М. Фельдман), руководителя ОСОАВИАХИМА (Р. П. Эйдеман) и для придания всей группе троцкистской окраски – двух комкоров, В. М. Примакова и В. К. Путну, которые в 20-х гг. были троцкистами. В бумагах Ворошилова сохранились черновики, в которых предлагались и другие кандидатуры, в частности комкор Сангурский, но его было решено не включать в эту группу. Таких людей, по мнению Сталина, должны были судить столь же известные военачальники, чтобы поднять в глазах публики авторитет приговора. Членами Специального судебного присутствия Верховного суда СССР были назначены маршалы В. К. Блюхер и С. М. Буденный, командармы 1-го ранга И. П. Белов и Б. М. Шапошников, командармы 2-го ранга Я. И. Алкснис, П. Е. Дыбенко, Н. Д. Каширин и комдив Е. И. Горячев [32]. Таким образом, в зале суда лицом к лицу и на скамье подсудимых, и за судьейским столом сидели члены Военного совета при наркомате обороны (кроме Горячева).

Еще в ходе заседания Военного совета 1–4 июня Сталин взял на заметку наиболее яростных критиканов (Буденного, Белова, Дыбенко, Горячева) и впоследствии включил их в состав Специального судебного присутствия, которое должно было оформить приговор группе арестованных военачальников. Кроме них в состав суда был введен маршал В. К. Блюхер, у которого были сложные отношения с Тухачевским, Уборевичем и Якиром. Разумеется, любой состав суда в той обстановке вынес бы решение, которое им продиктовал Сталин. Но в то же время генсек хотел показать военной элите, что суд составлен не из одних только давних врагов подсудимых, но и людей нейтральных, а следовательно, объективных. Назначив членами этого суда Я. И. Алксниса и Б. М. Шапошникова, Сталин хотел показать, что процесс будет беспристрастным. Эти люди, выступая на заседании ВС НКЮ, вели себя достойно, не злобствовались, не клеветали на арестованных. Новый начальник Генштаба Б. М. Шапошников, бывший полковник царской армии, был известен своей образованностью и порядочностью. Во время выступления на заседании Военного совета Борис Михайлович самокритично говорил о собственных упущениях и своей политической близорукости, но не стал порочить подчиненных, хотя его к этому побуждали провокационными выкриками из зала [33].

Судебный процесс по обвинению в государственной измене, шпионаже, вредительстве провернули за один день – 11 июня – без вызова свидетелей, без проведения экспертиз, без адвокатов. Получив в ходе судебного заседания необходимые признания, Ульрих объявил перерыв и в 16 час 00 мин прибыл в кабинет Сталина [34]. Через 20 мин, получив санкцию вождя на вынесение смертного приговора, он вернулся в суд. Судебное заседание завершилось в 21 час 15 мин, а в 23 час 35 мин подсудимым объявили приговор и в ночь на 12 июня расстреляли. Слухи о том, что расстрелом якобы командовал маршал Блюхер, не имеют ничего общего с действительностью. Для этих целей существовали постоянные исполнители приговоров – комендант ВКВС Игнатьев и комендант НКВД Блохин. Они же совместно с присутствовавшими во время казни Вышинским, Ульрихом и Цесарским подписали акт об исполнении приговора [35]. Комкор А. И. Тодорский вспоминал, что через несколько дней после расстрела К. Е. Ворошилов рассказывал, что во время казни обреченные на смерть товарищи выкрикивали: «Да здравствует Сталин», «Да здравствует коммунизм!» [36] Тела расстрелянных кремировали, а прах захоронили на Донском кладбище.

Судьи пережили подсудимых всего на несколько месяцев. Они выполнили отведенную им роль и стали не нужны. Почти сразу после суда на них самих посыпались обвинения. Не выдержав травли, застрелился Е. И. Горячев. Были арестованы и погибли в застенках НКВД маршал В. К. Блюхер, командарм 1-го ранга И. П. Белов, командармы 2-го ранга Я. И. Алкснис, П. Е. Дыбенко, Н. Д. Каширин.

К декабрю 1938 г. из всего состава Специального судебного присутствия в живых остались армвоенюрист В. В. Ульрих, начальник Генштаба Б. М. Шапошников, маршал С. М. Буденный. Ульрих еще много лет служил Сталину в качестве главного военного карателя. К Шапошникову генсек претензий не имел. Иное дело Буденный. Имелось множество сигналов, что главный кавалерист страны в период коллективизации в разговорах с сослуживцами резко высказывался против разорения крестьянства, приведшего к снижению сельскохозяйственного производства, что, по его мнению, подрывало оборонную мощь и ограничивало возможности развития красной кавалерии. Кроме того, Буденный считал, что его заслуги перед советской властью недостаточно оценены, что он больше, чем Ворошилов, заслуживает должности наркома обороны. Сталин неоднократно и прилюдно упрекал Семена Михайловича за ошибочные высказывания и поступки, но не считал нужным уничтожать его. Вождь был уверен, что этот человек никогда в большую политику не полезет и в заговорах участвовать не станет. Покровительство Сталина спасло Буденного от репрессий. Так печально сложились судьбы пяти из восьми членов суда над группой Тухачевского.

Летом и осенью 1937 г. РККА пережила грандиозную чистку. Выполняя указания вождя, особые отделы при поддержке политорганов выявляли все новых и новых заговорщиков, вредителей и шпионов в рядах армии и флота. Многих командиров и политработников по ложным обвинениям снимали с должностей, увольняли из армии и арестовывали. Не избежал репрессий и Военный совет при НКЮ. Первоначально он имел в своем составе 80 чел., в 1935 г. добавили шесть, а в 1937 г. – еще девять. Всего членами ВС НКЮ были 95 человек. На июньском пленуме ВС НКЮ присутствовали 53 члена ВС, а к ноябрю 1937 г. осталось всего 33, то есть одна треть. В ноябре был созван очередной пленум ВС НКЮ. Вопреки сложившейся

традиции нарком обороны решил не выступать с основным докладом, а предложил сразу заслушать выступления командующих и членов военных советов округов, а также представителей Центрального аппарата НКО.

В кратком вступительном слове при открытии заседания 21 ноября 1937 г. Ворошилов задал тон будущим выступлениям: «Товарищи, в истекшем учебном году Рабоче-крестьянская Красная армия не только вела большую работу по боевой и политической подготовке, но должна была вести напряженную, большую, серьезную работу по очистке своих рядов от изменнических, подлых, контрреволюционных элементов... У нас, товарищи, осталось мало времени, сроки ограничены. Мы не можем непрерывно лихорадить армию. Нужно поскорее и кардинально очиститься от всего мерзкого, подлого, преступного, изменнического, для того чтобы армия занималась своим прямым делом – делом боевой подготовки, делом политического воспитания, делом, для которого она и предназначена» [37]. То есть чистка армии – это хорошее дело, но надо поскорее ее закончить и активно заняться боевой подготовкой.

Каждый из выступивших вслед за наркомом докладывал о количестве уволенных «врагов народа», а затем переходил к проблемам в боевой подготовке, материальном обеспечении войск, военном строительстве и т. п. Некоторые пытались вину за свои недоработки возложить на разоблаченных шпионов, вредителей и заговорщиков. Сначала выступили командующие перворазрядными военными округами Московского (МВО), Ленинградского (ЛВО), Белорусского (БВО), Киевского (КВО) и Закавказского (ЗакВО). Все они лишь недавно заняли эти посты, освободившиеся в результате репрессий.

Командующий МВО маршал С. М. Буденный: «Первый вопрос, на котором я хочу остановиться, – это подготовка командного и начальствующего состава как основного звена в боевой и политической подготовке войск округа. Этот вопрос приобретает особую остроту именно теперь, когда в результате прошедших перемещений, увольнений из армии и изъятий в Московском военном округе вновь выдвинуто командного и начальствующего состава, включая хозяйственников, всего 1896 человек, а это привело к неравномерному росту этих кадров и пестроте в их боевой и политической подготовке, а отсюда, как следствие, к неравномерности подготовки частей округа. Поэтому первоочередной задачей мы ставим сколотить и обучить наши командные кадры» [38]. Маршал признал, что все войсковые штабы почти полностью обновились и поэтому не могут еще четко и планомерно организовать наступательный или оборонительный бои, не могут даже охранять себя.

Член ВС МВО Троянкер сообщил, что во время чистки были допущены ошибки, последствия которых не удалось ликвидировать: «Сейчас выдвинуто на новые должности 1896 человек, начиная от командиров корпусов и кончая лейтенантами, командирами взводов. Это очень серьезное дело, которое ставит перед нами задачу работы с командирами. Мы еще не закончили комплектование штабов. В штабах у нас еще не укомплектовано 100 должностей» [39].

И. П. Белов, возглавивший Белорусский военный округ после расстрела И. П. Уборевича, говорил, что во время чистки было много перестраховочных представлений, было много случаев, когда люди сводили друг с другом личные счеты, когда честных командиров принимали за врагов и выгоняли из армии. Весь командный состав, за отдельным исключением, был молодой по занимаемым должностям, начиная с командиров корпусов, кончая командирами взводов, все были недавно выдвинуты [40]. Белов откровенно признал, что практика организации взаимодействия родов войск в округе явно недостаточная.

Член ВС Белорусского военного округа А. И. Мезис доказывал, что чистку провели без перегибов, увольняли только настоящих врагов народа и не заслуживающих политического доверия, морально разложившихся военнослужащих. По его мнению, если после увольнения из армии многие были арестованы НКВД, значит удар был нанесен правильно. Вскоре и сам А. И. Мезис был арестован.

И. Ф. Федько, после расстрела И. Э. Якира назначенный командующим КВО, с гордостью докладывал о масштабах чистки: «За период с июня по 20 ноября всего из частей Киевского военного округа уволено начальствующего и командного состава 1894 человека. Из них арестовано участников заговоров, шпионов и вредителей – 861 человек. Исключено из партии – 1091 человек, из коих уволено 589 человек... В итоге этой чистки положение с основными руководящими кадрами на сегодняшний день следующее: вновь назначенных командиров вместо арестованных и отстраненных командиров корпусов – 90%; командиров дивизий – 84%; командиров укрепленных районов – 100%; командиров бригад – 50%; командиров

полков – 37%; начальников штабов корпусов – 60%; начальников штабов дивизий – 40%. В штабе округа: начальников отделов – 92%, помощников начальников отделов – 75% и т. д. Всего по штабу округа вновь назначено 75%. Выдвинуто за этот период времени 3000 новых командиров, политработников и хозяйственников». Приведенные цифры свидетельствовали, что корпусное и дивизионное звено в округе обезглавлено (84–90%!!!), а подразделения штаба округа потеряли большинство опытных руководителей. Но этого Федько показалось мало, и он хотел бы продолжить чистку [41]. Федько надеялся к весне 1938 г. ликвидировать полностью последствия вредительства в боевой подготовке и добиться высокой боеспособности округа. Прошло несколько месяцев, и сам Федько был арестован по тем же обвинениям, а затем расстрелян.

В 1937 г. Управление по командному и начальствующему составу РККА возглавляли комкор Б. М. Фельдман и армейский комиссар 2-го ранга А. С. Булин. После их ареста и расстрела нарком обороны искал подходящую кандидатуру главного кадровика, который доведет до конца грандиозную чистку военных кадров. В дни работы ноябрьского пленума ВС НКО на эту должность был назначен корпусной комиссар Е. А. Щаденко, известный своей маниакальной подозрительностью, везде и всюду находивший врагов народа. Е. А. Щаденко утверждал, что в Киевском военном округе, где он служил, «политический аппарат округа, как и высшие звенья – корпусные, дивизионные политотделы, – оказались в очень сильной степени зараженными врагами и шпионами. И в большинстве своем в этих именно высших звеньях политический аппарат являлся придатком вредительской деятельности командиров-врагов» [42]. Эти оценки Е. А. Щаденко перенес на всю Красную армию и за три года своего руководства кадровой работой внес большой вклад в истребление командного состава.

На освобожденные должности командиров полков, дивизий и бригад спешно выдвигались молодые командиры, не имевшие необходимого опыта и знаний. Командарм 2-го ранга П. Е. Дыбенко, летом 1937 г. переведенный в Ленинградский военный округ, сообщал, что частью дивизий командуют сейчас бывшие майоры, на танковых бригадах сидят бывшие капитаны, то есть их моментально подняли на две-три ступени служебной лестницы, а они к этому взлету еще не готовы, их надо еще долго учить [43].

Командующий войсками Закавказского ВО комкор Н. В. Куйбышев критически оценил состояние войск округа. Основная причина недостатков, по его мнению, заключалась в том, что в результате чистки округ был обескровлен очень сильно.

«Не больше, чем у других», – успокоил Ворошилов. Но комкор не согласился с наркомом, приведя печальные факты. «На сегодня у нас тремя дивизиями командуют капитаны. Но дело не в звании, а дело в том, товарищ народный комиссар, что, скажем, Армянской дивизией командует капитан, который до этого не командовал не только полком, но и батальоном, он командовал только батареей».

«Зачем же вы его поставили?» – лицемерно спросил Ворошилов, как будто сам не знал, что после повальных арестов выбирать было не из кого.

Куйбышев откровенно ответил наркому: «Почему мы его назначили? Я заверяю, товарищ народный комиссар, что лучшего мы не нашли. У нас командует Азербайджанской дивизией майор. Он до этого времени не командовал ни полком, ни батальоном и в течение последних шести лет являлся преподавателем военного училища (смех).

Голос с места. Куда же девались командиры?

Куйбышев. Все остальные переведены в ведомство НКВД без занятия определенных должностей.

У меня имеется дивизия Грузинская, которой командует майор. Он, то же самое, не командовал полком, правда, командовал батальоном, но последние четыре года занимал должность начальника военно-хозяйственного снабжения дивизии. Мы, товарищ нарком, много работали по линии боевой подготовки, много бывали в частях, проводили занятия, участвовали на всех дивизионных учениях, я не говорю, конечно, об окружных учениях. Стараемся учить. Стремимся учить, но я заверяю, товарищ нарком, что все же в национальных частях уровень подготовки командного состава настолько низок, что приходится для оказания помощи прикомандировывать к ним опытных старших командиров». Если многие выступавшие заявляли, что выдвинутые по своим качествам превосходят репрессированных предшественников, Куйбышев опроверг этот тезис, уточнив, что «работают они добросовестно, стараются, из кожи вон лезут, для того чтобы оправдать то доверие, которое оказано им выдвигавшим их командирами».

жением. Но они многого не знают и не имеют опыта». Куйбышев с горечью констатировал: «...многие командиры командовать не умеют, хотя мы выдвинули лучшее, что у нас было». [44] И это не их вина, а их беда, что они не имеют опыта. «Откуда может быть хорошим командир Грузинской дивизии Дзабахидзе, который до этого в течение двух лет командовал только ротой и больше никакого стажа командира не имеет».

Эти примеры показали, насколько чудовищным было положение с опытными кадрами в Закавказье, если командиром дивизии были вынуждены назначить человека, который никогда не командовал ни полком, ни батальоном. Маршал Буденный легкомысленно заявил, что такого малоопытного командира «за год можно подучить». Но маршал Ворошилов высмеял своего бывшего соратника: «Семен Михайлович считает, что если ротой умеет хорошо командовать, то и армией может».

Смелое и правдивое выступление Н. В. Куйбышева не прошло даром. Через два месяца комкора Куйбышева арестовали, а затем расстреляли.

22 ноября 1937 г. выступили участники боев в Испании Герои Советского Союза комкоры Я. В. Смушкевич и Д. Г. Павлов, не являвшиеся в тот момент членами ВС НКО. Они поделились современным боевым опытом, полученным в борьбе с испанскими и итальянскими фашистами. Оба героя в октябре 1938 г. вошли в новый состав ВС НКО, упорно готовились к будущей войне с Германией, но в 1941 г. были арестованы и расстреляны.

23 ноября 1937 г. в выступлении начальника ВВС – заместителя Наркома обороны Я. И. Алксниса были подняты вопросы организации взаимодействия авиации с другими родами войск, штурманской и огневой подготовки и высокой аварийности. Он считал, что для авиации огневую подготовку надо поставить в центр внимания, надо систематически тренироваться на земле и в воздухе. Из-за недостаточной штурманской подготовки летчики в полете часто теряли ориентировку, таких случаев в 1937 г. было более ста. Несмотря на принимаемые меры в авиации была высокая аварийность [45]. Это выступление командарма Алксниса оказалось последним в его жизни. В тот же день он был арестован и в июле 1938 г. расстрелян.

С 25 по 27 ноября работали комиссии Военного совета, выработавшие свои рекомендации по основным вопросам развития сухопутных войск, ВВС и ВМС. К сожалению, даже в дни работы ВС НКО – с 21 по 27 ноября – проводились аресты его членов: Троянкера, Мезиса, Берзина, Алксниса, Хрипина.

В период «ежовщины» погибло большинство членов Военного Совета при НКО. В 1934 г. было 80 членов, в 1935–1937 гг. добавили еще 15. Всего – 95 человека. Из них не подвергались репрессиям только восемь человек (т. е. менее 9%): И. Р. Апанасенко, К. Е. Ворошилов, С. М. Буденный, О. И. Городовиков, Е. А. Щаденко, С. К. Тимошенко, А. В. Хрулев, Б. М. Шапошников, семеро из них вышли из 1-й Конной армии. Судьба остальных 87 человек оказалась трагичной. С. С. Каменев умер до начала репрессий и был уже посмертно причислен к врагам народа. Я. Б. Гамарник и А. С. Гришин успели застрелиться. Л. М. Галлер умер в тюремной больнице. Маршал В. К. Блюхер был замучен во время следствия. Комкор А. Я. Лапин покончил с собой в тюремной камере. Свыше 10 лет провели в заключении комкор А. И. Тодорский и коринженер Я. М. Фишман. Они вышли на свободу уже после смерти И. В. Сталина. К. А. Мерецков был обвинен в военном заговоре и арестован в июне 1941 г., под пытками подписал все, что от него требовали на Лубянке. В сентябре 1941 г. по решению Сталина освобожден и направлен на фронт. Корпусные комиссары Г. Г. Ястребов и А. А. Булышкин несколько месяцев находились под следствием, были оправданы и освобождены из-под стражи в 1939 г., но в армию их не вернули. Остальные члены Военного Совета при НКО были расстреляны (главным образом в 1937 и 1938 гг.).

Потеряв в 1937 г. большую часть своих членов, Военный совет при наркомате обороны фактически перестал существовать. В октябре 1938 г. пришлось формировать новый состав ВС НКО.

Примечания

1. Военный совет при народном комиссаре обороны СССР. 1–4 июня 1937 г.: Документы и материалы. М.: РОССПЭН, 2008. С. 40–41.
2. РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 747. Л. 132.
3. См.: Печенкин А. А. 1937 год: Сталин и Военный совет // Отечественная история. 2003. № 1. С. 44–45.
4. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 165. Д. 58. Л. 1–4.

5. Там же. Л. 7–8.
6. Там же. Л. 14.
7. Там же. Л. 44.
8. Там же. Л. 89.
9. Там же. Д. 60. Л. 238–239.
10. Там же. Д. 59. Л. 62–64.
11. Там же. Л. 72.
12. Там же. Д. 61. Л. 90–91.
13. Там же. Л. 96.
14. Там же. Л. 79–82.
15. Источник. 1994. № 3. С. 73.
16. Там же. С. 73–75.
17. Там же. С. 76–77.
18. Там же. С. 80.
19. Там же. С. 83.
20. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 61. Л. 119.
21. *Полищук К. Е.* Заседание РВС 1–3 июня 1937 года. Свидетельство очевидца // Знание – сила. 1990. № 5. С. 31.
22. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 165. Д. 60. Л. 66–67.
23. Там же. Л. 68.
24. Там же. Л. 206–207.
25. Там же. Л. 209–212.
26. Источник. 1994. № 3. С. 76.
27. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 165. Д. 60. Л. 238.
28. Там же. Л. 243–244.
29. Источник. 1994. № 3. С. 85.
30. *Полищук К. Е.* Указ. соч. С. 32.
31. Исторический архив. 1995. № 4. С. 54.
32. *Печенкин А. А.* 1937 год: Сталин и Военный совет // Отечественная история. 2003. № 1. С. 51.
33. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 165. Д. 60. Л. 118–124.
34. Исторический архив. 1995. № 4. С. 55.
35. *Печенкин А. А.* 1937 год: Сталин и Военный совет. С. 51, 52.
36. Реабилитация: Как это было. Т. 2. М.: МФД, 2003. С. 692, 693.
37. Военный совет при народном комиссаре обороны СССР. Ноябрь 1937 г. Документы и материалы. М.: РОССПЭН, 2006. С. 24.
38. Там же. С. 26.
39. Там же. С. 35–36.
40. Там же. С. 39.
41. Там же. С. 49–51.
42. Там же. С. 56–58.
43. Там же. С. 60.
44. Там же. С. 73–74.
45. Там же. С. 222–227.

Notes

1. The military Council of the people's Commissar of defense of the USSR. 1-4 June 1937: Documents and materials. Moscow. ROSSPEN. 2008. Pp. 40-41. (in Russ.)
2. Russian State Archive of Social-Politic History (RGASPI). F. 558. Sh. 11. File 747. Sh. 132.
3. See: A. Pechenkin A.A. [1937: Stalin and the Military Council] // Russian history. 2003, No. 1, pp. 44-45.
4. RGASPI. F. 17. Op. 165. D. 58. HP 1-4.
5. Ibid. Sh. 7-8.
6. Ibid. Sh. 14.
7. Ibid. Sh. 44.
8. Ibid. SH. 89.
9. Ibid. File 60. Sh. 238-239.
10. Ibid. File 59. Sh. 62-64.
11. Ibid. Sh. 72.
12. Ibid. File 61. Sh. 90-91.
13. Ibid. Sh. 96.
14. Ibid. Sh. 79-82.
15. Source. 1994, No. 3, p. 73.

16. Ibid. Pp. 73-75.
17. Ibid. P. 76-77.
18. Ibid. P. 80.
19. Ibid. P. 83.
20. RGASPI. F. 17. Sh. 163. File 61. Sh. 119.
21. Polishchuk K.E. *Zasedanie RVS 1–3 iyunya 1937 goda. Svidetel'stvo ochevidca* [Session of the PBC 1-3 June 1937. The testimony of witness] // *Znanie – sila - Knowledge is power*. 1990, No. 5, p. 31.
22. RGASPI. F. 17. Sh. 165. File 60. Sh. 66-67.
23. Ibid. Sh. 68.
24. Ibid. Sh. 206-207.
25. Ibid. Sh. 209-212.
26. *Istochnik* - Source. 1994, No. 3, p. 76.
27. RGASPI. F. 17. Sh. 165. File 60. Sh. 238.
28. Ibid. Sh. 243-244.
29. Source. 1994, No. 3, p. 85.
30. Polishchuk K.E. Op. cit. P. 32.
31. *Istoricheskij arhiv* - Historical archive. 1995, No. 4, p. 54.
32. Pechenkin A. A. *1937 god: Stalin i Voennyj sovet* [1937: Stalin and the Military Council] // *Otechestvennaya istoriya* - Russian history. 2003, No. 1, p. 51.
33. RGASPI. F. 17. Sh. 165. File 60. Sh. 118-124.
34. *Istoricheskij arhiv* - Historical archive. 1995, No. 4, p. 55.
35. Pechenkin A. A. *1937 god: Stalin i Voennyj sovet* [1937: Stalin and the Military Council]. Pp. 51, 52.
36. *Reabilitaciya: Kak ehto bylo* - Rehabilitation: How it was. Vol. 2. Moscow. MFD. 2003. Pp. 692, 693.
37. The military Council of the people's Commissar of defense of the USSR. November 1937, Documents and materials. Moscow. ROSSPEN. 2006. P. 24. (in Russ.)
38. Ibid. P. 26.
39. Ibid. Pp. 35-36.
40. Ibid. P. 39.
41. Ibid. Pp. 49-51.
42. Ibid. Pp. 56-58.
43. Ibid. P. 60.
44. Ibid. Pp. 73-74.
45. Ibid. Pp. 222-227.

УДК 94(47):398.8:355"17/18"

Н. А. Волокитина, Ф. Н. Иванов

Отражение реалий военной службы в песенном фольклоре населения Европейского Севера России конца XVIII–XIX в.*

В статье анализируется песенный фольклор населения Европейского Севера России с точки зрения выявления в нем реалий военной службы в Российской империи XVIII–XIX вв. Выявлены сохранившиеся в народной памяти через песни детали, связанные с набором на военную службу и её прохождением, отношением населения к ней, сделаны выводы о причинах и особенностях подобного сохранения информации в «солдатских» и «исторических» песнях.

The authors consider the problems of the reflection of the realia of Russian military service at the end of the XVIII–XIX century in the song folklore of the population of the European North of Russia, reveal the historical details associated with military service in the song folklore, pay attention to the topic of recruitment, practice of the military service, people's attitude to the service in army and estimate the value of the data contained in "soldier's" and "historical" people's songs.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 13-31-01201 «Восприятие армии и военной службы населением Европейского Севера России в XIX – начале XX в.»

Ключевые слова: военная служба, песенный фольклор, солдатские песни, историческая память, рекрутчина.

Keywords: military service, song folklore, soldier's songs, historical memory, recruiting duty.

С появлением в России регулярной армии и установлением обязательной службы в её рядах воинская повинность стала оказывать значительное воздействие на жизнь нашей страны. Особенно заметно это влияние было в XVIII–XIX вв., когда в ходе модернизации происходил постепенный переход от традиционного к аграрно-индустриальному типу общества. Система комплектования вооруженных сил, основанная на том или ином типе воинской повинности, является государственным институтом, и одно из важных направлений в исследовании действий государственной власти – определение степени его воздействия на население и рефлексии на происходящее со стороны тех, на кого направлены целенаправленные усилия государства [1]. Столь волнующая тема не могла не найти отражения в устном народном творчестве. Действительно, в русском фольклоре одной из излюбленных тем является тема службы в армии. В фольклоре населения Европейского Севера России эта тема прослеживается в сказках, поговорках, частушках, преданиях и, конечно, в песнях.

Песни, собранные на территориях Вологодской и Архангельской губернии (последняя включала в себя и бассейны рек Мезени и Печоры), содержат интересные сведения о солдатской службе, армии, рекрутских наборах и многом другом. В опубликованных сборниках [2] эти песни отнесены составителями к разным тематическим группам, среди которых выделяются песни воинские, рекрутские, солдатские, исторические, балладные, эпические, походные и т. д. Выделение данных групп весьма условно и зависит от мнения составителя сборника. Цель данного исследования состоит в определении на основе анализа данных песенного фольклора специфики сохранения в исторической памяти населения Европейского Севера России реалий военной службы в Российской империи конца XVIII–XIX в. В данном случае, исходя из особенностей содержания, наиболее уместным представляется объединить все песни из указанных тематических групп в одну группу «солдатских песен», выделив, однако, группу песен «исторических», поскольку по содержанию они отличаются от остальных и представляют собой некий рассказ о конкретных исторических событиях, прежде всего военных кампаниях.

Как отмечает Н. П. Леонтьев, солдатские песни образуют особый цикл народной поэзии [3]. Уже при первых Романовых московские полки, сформированные из наемных «людей военного ремесла», стали пополняться людьми из народной массы. А в петровское время «солдатчина» стала заметным явлением в народной жизни: солдатская служба была иначе «грозной службой государевой». Она отрывала молодежь от близкой для нее среды на долгие годы. Казарменная невеселая жизнь рождала невеселую солдатскую песню. История русского солдата – в русских песнях [4]. Но как было выявлено исследователями, солдатские песни далеко не всегда сочинялись, сохранялись и бытовали только в солдатской среде. Так, многие варианты исторических песен, содержащие массу подробностей по конкретным военным кампаниям, на Мезени были записаны в исполнении хора, состоящего исключительно из женщин средних лет [5]. «Солдатские» песни бытовали и среди гражданского населения, вероятно, с этим связан и тот факт, что наибольшее число подробностей о службе в армии связано, прежде всего, с рекрутскими наборами, о самой службе данных значительно меньше. В целом, солдатские песни с большой художественной силой и точностью передают местные бытовые подробности, связанные со службой в армии. Можно на песенном материале проследить и региональные особенности.

Военная служба начинается с набора в армию, данной процедуре в песнях населения Европейского Севера уделено значительное внимание. В песенном фольклоре Вологодской губернии присутствуют указания на систему раскладки рекрутской повинности, в частности, в одной песни встречаются такие строчки «Ровно со ста два солдата брать, / С цветы пяти солдата брать» [6], в другой – «Да великое-ли будет на нас солда- солдатство?/ Да со стал-ли, верно, душ дак нас спяти – пятидесять» [7]. В данном случае это соотносится с известными фактами. В XVIII в. созданная Петром I система раскладки рекрутской повинности определялась, преимущественно, задачами комплектования армии. Размеры повинности и сроки проведения наборов зависели от потребностей вооруженных сил, и изменялись от набора к на-

бору, каждый раз формировались заново и рекрутские участки. Происходило это следующим образом. Военное ведомство соотносило свои потребности в новых контингентах с численностью податного населения страны и определяло величину рекрутского участка – число ревизских душ мужского пола, с которых следовало собрать одного рекрута. Затем подготавливался соответствующий императорский указ. Численность такого участка могла составлять, например, 98, 120, 169, 240 душ мужского пола. После опубликования указа или манифеста о рекрутском наборе губернские власти «расписывали» все ревизские души, записанные в последнюю ревизию на подведомственной им территории, по рекрутским участкам. Со второй половины 1770-х гг. были введены постоянные рекрутские участки, первоначально состоявшие из 500 ревизских душ мужского пола, с 1831 г. – из тысячи [8].

Присутствуют также сведения об одном из двух вариантов исправления рекрутской повинности – жеребьевой системе, которая начала вводиться в России дополнительно к традиционной очередной системе с конца 1830-х гг., а после 1874 г. подобные принципы стали основой всесословной воинской повинности. При жеребьевой системе человек, занесенный в призывной список, тянул жребий, и если на нем был написан условленный знак, то такой человек должен был пойти в рекруты. Тот, кто вытягивал жребий с № 1, попадал в рекруты первым. В одной из песен есть упоминание об этом: «Милый пьяный напился, / Чересчур натрескался, / Чересчур натрескался, / Во солдаты проданся. / Не охотою проданся, – / Первый жребий попался» [9]. Интересен в связи с этим сюжет песни, которая встречается на территории Европейского Севера России в нескольких вариантах. В песне передаются размышления родителей о своих трех сыновьях, а конкретно, кого из них отдавать в армию. Старшего и среднего отдавать не хотят, поскольку они женаты, у них семья, значит придется отдавать младшего, однако он не согласен, но по жребью идти служить предстоит ему. Сюжет встречается в трех песнях [10] и отражает реалии того времени, по Рекрутскому уставу 1831 г., если все дети были женаты, то рекрут выбирался по воле родителей, а если не было общего согласия, то рекрут выбирался жребием.

Интересны также песни с информацией про несправедливость наборов: «Не тех забрил в некрута! / Что в Сафроновском правление / Нет рассудку ничего: / Старшина судит за деньги, / Писарь пишет за вино» [11]. Данный пассаж вполне мог соответствовать действительности. При «практической раскладке» рекрутской повинности и в ходе сдачи в рекруты злоупотребления на низовом уровне (крестьянское самоуправление) было частым явлением. По данным Н. М. Дружинина, «особенно крупным источником» для вымогательства являлась именно рекрутская повинность. В западных губерниях империи «сельские выборные» даже позволяли себе «перемарывать» уже утвержденные казенными палатами очередные списки [12].

Стоит также упомянуть, что с 1776 г. и вплоть до отмены рекрутской повинности в России в 1874 г. непосредственный набор рекрутов в регионах производили специальные административные органы – рекрутские присутствия – комиссии, создававшиеся заново перед каждым рекрутским набором и действовавшие на определенной для них территории в течение срока набора. Первоначально это были, как правило, только губернские рекрутские присутствия в губернских городах, потом со временем в ходе наборов стали открываться уездные рекрутские присутствия в уездных городах. В Вологде работало губернское рекрутское присутствие [13]. Этот факт также нашел свое отражение в песенном фольклоре населения губернии: «Середь Вологды приеменькая; / Во приемной есь начальнички; / Остригут они волосъеце» [14].

В песнях достаточно часто встречается мотив, связанный с изменением внешности будущих солдат, самый распространенный мотив связан со стрижкой волос [15]. Встречаются и более конкретные сведения, в частности такие: «Забривать стали головушки, накидать стали фуражечки, надевать стали шинелюшки» [16]. Данные мотивы не случайны, для того чтобы отличить человека, взятого в рекруты, от прочих и не дать рекрутам бежать, им еще с 1757 г. стригли волосы, выбривая лоб и переднюю часть головы, отсюда выражение «забрить в рекруты» (тем, кого при освидетельствовании в рекрутском присутствии негодными в рекруты, брили затылок) [17]. Кроме того, известно, что первоначально рекрутов принимали на службу в крестьянской одежде, однако с 1808 г. отдатчики были обязаны снабжать рекрутов кафтанами или мундирами солдатского покроя и фуражными шапками из серого сукна. С 1813 г. к перечню рекрутского обмундирования была добавлена шинель серого, белого или черного сукна [18].

В песнях также сохранились данные и о том, где служили набранные рекруты: «Нас поставят на конец, / Да и гонят, как овец, / Кого в Питер, кого в Польшу, / Меня, молодца, в Мо-

ску» [19]. Стоит пояснить, что в Российской империи рекруты, за исключением короткого времени при Петре Первом, направлялись на службу в воинские части по всей территории страны. Более того, для того чтобы рекруты поскорее отвыкли от прежней жизни, стали солдатами и не имели соблазна убежать домой, их старались отправлять на службу в другие губернии [20]. Рекруты из Вологодской губернии во второй трети XIX в. направлялись для прохождения службы на флот и в сухопутные войска, в которых они – и особенно «зыряне» (коми) – ценились как хорошие стрелки. Жители Архангельской губернии направлялись для службы преимущественно на флот.

Примечательно, что в песенном фольклоре Архангельской губернии сведений о наборе практически нет, за исключением песни с сюжетом о трех сыновьях, встречается только одна песня, где есть указания на процедуры набора в армию: «Ручки-ножечки связали, / ... / В Мезень город отослали. / Ко приемной привозили / ...Его бритвой подобрали, / Русы волосы сымали» [21]. Действительно, в Мезени работало уездное рекрутское присутствие. Однако здесь более интересен сюжет про связанные руки-ноги, такое практиковалось часто, особенно для тех рекрутов, которых подозревали в возможности побега. Рекрутов и «подставных» к ним всегда везли или вели к месту приема под конвоем членов общины – «проводящих». На ночевку рекрутов запирали в помещении под караулом.

Сведений касательно самой службы в армии в песенном фольклоре Европейского Севера России значительно меньше, чем, например, в тех же сказках [22]. Однако достаточно часто встречаются упоминания об оружии и амуниции. В песнях фигурируют из вооружения «ружье», «сабля», «штыки» [23], «пушки с ядрами» и «пушка верстовая» [24], также упоминается револьвер («Леворьеры в кобурах») [25], «винтовочка и дробовочка», «нож» [26], пули («пуляшка быстрая») [27], картечь [28], порох черный [29]. Все упомянутое было принято на вооружение в русской армии, правда, в разное время. Так, шашка в русской армии была принята на вооружение всех кавалерийских частей, артиллерийской прислуги и офицерского корпуса в 1881 г. Револьвер в русской армии был принят на вооружение в 1871 г. Вооружались револьверами офицеры и солдаты (последние – в кавалерии и артиллерии, значительно реже – в пехоте), а также некоторые нестроевые чины. Черный порох – это дымный порох, который применялся в Русской армии до перевооружения 1890-х гг. на магазинные винтовки с новыми патронами на бездымном порохе. Из амуниции в песнях упоминаются «мундиры», «шинель» и «кивера» [30], «фуражечка», «седло черкасское» [31]. Интересно, что сочетание «седло черкасское», весьма распространенное в фольклоре, обозначает седло идеального качества, лучшее седло и часть обязательного «богатырского набора». Черкасские и русские седла были очень удобны для боя и именно в этом качестве вошли в фольклор [32].

Основным героем данных песен является, естественно, солдат, а чаще будущий солдат. Среди эпитетов, характеризующих солдата, чаще всего фигурируют такие, как «молодой», «безбородый», «холостой». Однако в одной песне есть такие строки: «Ох, да разудалый, солдат бравый, / Шестдесят четвертый год, / Да он назначен был в поход» [33]. Песня с обозначением конкретного возраста солдата является единичным, уникальным случаем, который требует более пристального внимания. Если вспомнить продолжительность службы, а также возраст, в котором молодых ребят забирали в армию, то можно предположить, что в возрасте 64 лет этот солдат мог быть только на службе в инвалидной роте или команде – подразделении, куда направляли дряхлых или увечных солдат, которые не могли действовать ружьями, и где они должны были нести караульную службу в не самых важных местах. С другой стороны, в мирное время солдаты, выслужившие полностью положенный срок, обязательно увольнялись в отставку. Часть из них добровольно возвращалась на военную службу. В военное время отставка прекращалась и, кроме того, производился добровольный набор отставников на службу [34]. В песне, скорее всего, речь идет именно о втором случае.

Помимо солдат в песнях фигурируют также «гренадеры», «матросы», «полковой сержант» [35], «генерал», «офицер», «полковник» и даже «майор-полковничек» [36]. Интересно, что последнего чина не существовало. Однако, если «полковник» часто фигурирует во многих песнях и сказках населения Европейского Севера России, то «майор» – практически нет. Чин майора интересен тем, что он существовал в Русской армии в 1698–1716 и 1797–1884 гг. и был первым штаб-офицерским чином, предшествовавшим чину подполковника [37].

При таких достаточно подробных сведениях о чинах, вооружении и амуниции в армии практически нет сведений о количестве, составе или родах войск. В песнях упоминается

«полк» [38], «пехота» и «конная гвардия» [39]. Конкретно о самой службе говорится только в нескольких песнях, так, в одной упоминается караул «Стоять в караул – да вот в караул», а в другой поется о молодом солдате, который «на часах стоял» [40], часовые упоминаются и в песне «Брат спасает царя от смерти» [41].

Встречаются в песенном фольклоре Архангельской губернии и весьма редкие сведенья. В одной песне прослеживается жалоба на скудное питание в русской армии рассматриваемого периода: «Воспитаньице – да сухари-вода, / Сухари-вода – солдатам еда» [42]. В другой песне упоминается о получении солдатами после успешных военных действий «провианта», а также упоминается выдача «зеленого вина» [43]. «Зеленое вино» – водка, до 1908 г. в военное время и во время учений, лагерных сборов ее полагалось выдавать нижним чинам по одной чарке (160 г) три раза в неделю, нестроевым – по два раза в неделю. В мирное время – по праздникам (15 чарок в год всего) и по особому приказу командира после тяжелых учений, парада или в качестве награды за образцовую службу или выполнение задания. Дополнительной наградой была «двойная чарка». С 1908 г. выдача водки в мирное время была отменена.

В песенном фольклоре Печоры прослеживается еще один сюжет, который не встречается в песнях других регионов Европейского Севера России. Речь идет об учениях. Так, в одной песне говорится о том, что «русски командиры со ученьца идут» [44]. В другой песне присутствует масса подробностей: «У солдата сердце мрет, / Сердечко чувствует поход: / Летом в лагерях стоять, / Поутру рано вставать, / Черный мундир одевать, / На ученье поспешать. / Нам ученье – мученье, / Очень плечам тяжело. / Штык винтовку подают / И подрыло нам дают» [45]. Интересно, что в этих строчках поэтически отражено реальное положение дел в российской императорской армии. Со времени Екатерины II для обучения войск летом проводились лагерные сборы, когда отрабатывались действия рот, батальонов и более крупных формирований войск (линейные учения). Летом же устраивались и войсковые маневры. Примечательно, что все маневры вплоть до конца XIX в. проводились только летом, зимой обучение войск велось только в местах их расквартирования. Первые зимние маневры прошли в Петербургском военном округе в 1897 г. [46] С конца XVIII в. и особенно в первой половине XIX в. большое значение в русской армии придавалось слаженным действиям крупных масс войск, которые оттачивались до автоматизма. Дело дошло до того, что накануне Крымской войны нижних чинов обучали лишь для смотра, упражнения в полевой службе расценивались офицерами и солдатами как излишние мучения, поскольку на смотрах поверке не подлежали [47]. Методы обучения во второй трети XVIII–XIX вв. зачастую сводились к муштре, в армии были распространены телесные наказания за ошибки при обучении, заметно усилившиеся во второй половине 30-х – 50-х гг. XIX в. Жестокое отношение к солдатам и рукоприкладство начальников по отношению к нижним чинам в XVIII – первой половине XIX в. были распространенными явлениями в русской армии, с которым боролись отдельные военачальники, но не всегда успешно.

В песнях Печоры встречается также редкий сюжет – описание морской службы. В других песнях фигурируют матросы, но в песне «Мы не песню-то пели, брацы, а горе мыкали» само действие песни проходит в море, фигурирует червлен корабль, шлюпочки, полковничек в синем море [48]. Еще при Петре Великом были установлены специальные воинские морские чины, однако особенности службы на море привели к тому, что в течение XVIII–XIX вв. были образованы корпуса специалистов артиллерии, штурманов и инженеров-кораблестроителей, офицерам которых были присвоены сухопутные чины. Кроме того, в составе ВМФ до 1860-х гг. были специальные «ластовые экипажи», офицеры которых тоже имели сухопутные звания, командовали портовыми и каботажными судами, занимали нестроевые должности на берегу и на флотах слыли как малообразованные любители спиртного [49]. Примечательно, что в указанной песне по сюжету «полковничек» впервые оказался в море, ему стало плохо («помутились у полковничка очи ясны»), и он «полетел за борт», а затем, когда его спасли, «просыпался трои суток, от тяжелой от хмелинушки пробуждаться стал» [50]. Однако, поскольку служебный статус «полковничка» в песне не обозначается, не исключено, что тут мы можем видеть проявление определенной розни между представителями разных видов вооруженных сил.

Интересные сведения встречаются в песнях Мезени, в нескольких песнях говорится о «письме грамоте» и даже о «скорописной телеграммочке» [51]. Такие песни чаще всего поются от имени родни, например, сестры, и содержат просьбу не забывать. Известно, что подавляющее большинство рекрутов было неграмотным, отдельные командиры и офицеры вели

их обучение грамоте, однако целенаправленно и систематически такая работа началась в войсках только в пореформенную эпоху, в ходе военных реформ Д. А. Милютина. Первая междугородная телеграфная линия в России между Петербургом и Москвой открылась в 1852 г., затем телеграфная сеть строилась очень быстрыми темпами по всей стране. Соответственно, в песне с «телеграмочкой» отражены реалии пореформенной эпохи.

В целом, хорошо заметно, что в «солдатских» песнях отношение к военной службе и рекрутчине весьма негативное, «солдатская доля» видится как тяжкая повинность. Так, в одной песни поется: «Ой услышал про невзго-про невзгоду, про невзгодушку. / Ох, про великую невзго-невзгодушку, / Ох про то ли про солда- про солдатство» [52]. Еще более пронзительно звучат слова другой песни: «Уж и есть ли, братцы-ребятушки, / На свете такая мать, / Чтобы отдавала сына в солдаты / Да не заплакала?» [53]. Действительно, условия службы были тяжелыми – муштра, плохие бытовые условия и питание, медицинское снабжение. В армии были большие потери в личном составе – боевые и не боевые от болезней, плохого питания и тяжелых условий службы [54]. Все это вызывало нежелание населения идти на царскую службу, в одной песне прямо говорится: «Мне не хочется в солдаты» [55]. Еще одним примером может послужить строчка из другой песни: «Тяжело Ване шинель носить, / Лучше с девушками Ване пожить» [56].

При таких условиях службы побег были явлением распространенным, несмотря на то что преступлением считался не только сам побег, но и помощь беглецу – его «укрывательство», наказывали не только лиц податных сословий, но и дворян [57]. Этот момент также нашел отражение в «солдатских» песнях, записанных на территории Вологодской губернии. В двух вариациях встречается сюжет про побег, причем в одной песне родня не пускает беглеца в дом, боясь наказания, в другой же – сама песня обрывается на просьбе пустить в родной дом [58].

Заметно, что «солдатчина» для крестьян – тяжелая и неприятная повинность, она отрывает парней от работ, а иногда совсем отучает от деревенского хозяйства. Да и само солдатское житье, по взгляду крестьян, не веселое, «не привычное» [59]. В песнях об этом сказано так: «Я несчастным уродился... / Я не пахарь полевой, / Не косец я луговой, / Не рачитель домовый, / Я – солдатик рядовой!» [60] Вариацией на тему может служить мотив, который встречается во многих песнях Европейского Севера России: «Пусть-ко пашенька пустеет; / Малы дети сиротеют; / Сенокосы зарастают; / Молоды жоны вдовеют; / Отцы, матери стареют» [61].

Нельзя пройти мимо еще одного мотива, распространенного в «солдатских» песнях, мотива смерти. Такие песни завершаются просьбой сообщить родным о смерти и, как правило, словами, наподобие выражения «Пожила меня сабля вострая, / Обвиняло миня ружье военное» [62]. Надо также отметить, что в тех песнях, которые собиратели фольклора отнесли к категории «солдатских», по данным информантов, но где нет конкретных указаний на солдат и военную службу, всегда присутствует мотив смерти, сюжет развивается вокруг мертвого тела в чистом поле. Исключение составляет одна подобная песня, записанная на Печоре, где конкретно упоминается «солдатское тело» [63].

Также весьма интересен сюжет песни «Солнце закатилось за темные леса», где рассказывается о «солдатской жоне», которую в песне сразу называют «вдовой». К ней в хижинку стучатся двое, просят переночевать, она рассказывает, что потеряла мужа и сына, когда они ушли на службу, на что мужчины отвечают, что это они и есть [64]. Практически такой же сюжет с вариациями воспроизведен в песне «Я вдовею с годом двадцать» [65]. Взятие в рекруты воспринималось населением как «приговор к смерти». Россия в XVIII–XIX вв. вела частые и кровопролитные войны. Сама военная служба первоначально была пожизненной, с 1793 г. – 25 лет, потом же, хотя срок её и сокращался несколько раз, он оставался продолжительным, и только незадолго до отмены рекрутчины нижние чины начали служить под знаменами по семь лет. При введении всесословной воинской повинности максимальная продолжительность срока службы нижних чинов армии составляла шесть лет. Таким образом, те, кто попадал, в солдаты до 1860-х гг., уходили из своих общин фактически навсегда, а солдаты 1860–1870-х гг., при сравнительно небольшой продолжительности службы, имели возможность скоро вернуться домой и не исключались из своих общин. Люди в дореформенное время отрывались от своих родных, разрывались связи с их общинами [66]. Положение же собственно солдатских жен было тяжелым и двусмысленным, часто они оказывались на положении «соломенных вдов» – формально замужем, но фактически без мужей. Такой статус накладывал на их жизнь тяжелый отпечаток, имелись значительные проблемы во взаимо-

отношениях с родственниками (особенно по линии мужа, если жена оставалась жить в его семье), материальная и бытовая неустроенность [67], все это поэтически отражено в песнях.

Отдельный пласт в фольклоре составляют «исторические» песни, в которых содержится отклик на конкретные события военной истории, рассказывается о конкретных исторических персонажах. Такие песни передавались из поколения в поколение, в них нашло отражение отношение населения к событиям исторического значения. В песнях народная память сохранила события, связанные в основном с русско-турецкими кампаниями и войной 1812 г., причем поражает наличие в текстах весьма конкретных сведений и имен, хотя наблюдается некоторое смешение событий разных эпох. Среди песен о войне 1812 г. выделяется цикл о Платове-казаке, песни об этом герое встречаются на всех территориях Европейского Севера России [68]. Однако на Мезени был записан текст песни, где упоминание о Платове отсутствует, основным героем является Кутузов, кроме того, имеется вставка про «германцев», сделанная, по словам информанта, во время Великой Отечественной войны [69].

Песни о турецкой войне связаны, прежде всего, с именем графа И. Ф. Паскевича-Эриванского, князя Варшавского (фигурирует в песнях как Паскевич и Баскеев), в 1828–1829 гг. успешно руководившего действиями русской армии против турок [70]. С именем графа Паскевича связана песня «Ночи темны, тучи грозны» [71], где речь идет о взятии Варшавы и подавлении Польского восстания 1830–1831 гг., хотя прямого указания на саму историческую личность нет. Цикл песен про турецкие кампании и конкретно про графа Паскевича был широко известен на территории Европейского Севера России. Эти песни неоднократно подвергались переделкам, в связи с изменившейся исторической обстановкой. Так, на Печоре в 1955 г. была записана песня [72], в основе которой лежит песня о взятии Варшавы графом Паскевичем. Текст этой песни восходит к еще более старой песне о взятии Варшавы Суворовым, тексты которой на территории Европейского Севера России практически не встречаются или не были зафиксированы. В годы Первой мировой войны эта песня получила новое переосмысление, а затем изменилась и в годы Великой Отечественной войны.

В исторических песнях, записанных на территории Вологодской губернии, упоминается также Михаил Григорьевич Черняев (1828–1898), участник покорения Средней Азии (взял в 1864 г. города Аулие-Ата, Чимкент и в 1865 г. – Ташкент) [73]. Интересен также сюжет песни, где поется о взятии Плевны (компания 1877–1878 гг.) и упоминается великий князь Николай Николаевич (старший), главнокомандующий Русской армией на Балканском театре военных действий [74].

Среди исторических персонажей в песнях также часто фигурирует Петр Первый, образ которого как «царя-труженика», создателя русской регулярной армии и победителя Швеции был широко распространен в народной памяти.

Как можно видеть, в песенном фольклоре населения Европейского Севера России сохранилось достаточно много подробностей о военной службе в российской императорской армии XVIII–XIX вв. В зависимости от своего содержания песни, в которых имеется такая информация, могут быть разделены на две группы. История и цели появления произведений каждой из указанных групп заметно отличаются, что обуславливает и специфику их информации. Первую группу составляют песни, повествующие о тяжелой судьбе солдат и их родственников (можно им дать общее условное название «солдатских»), ко второй относятся песни, условно обозначенные нами как «исторические», в которых сохранилась память о славных победах русской армии, конкретных личностях и событиях. Так, в первом случае появление песен стало народной реакцией на тяжелую рекрутскую повинность и фактическую потерю родных и близких. Эти песни зарождались в крестьянской среде и были призваны показать несправедливость и тяжесть рекрутских наборов, тяжелую долю солдат, которых ждала практически неизбежная гибель, и их родственников, которых ждали горечь и разорение. Вместе с тем, несмотря на такую направленность и общее негативное отношение к военной службе, в «солдатских» песнях сохранилось немало деталей исторической действительности, которые описывают систему раскладки рекрутской повинности, жеребьевку, злоупотребления при рекрутских наборах, бегство со службы, смерть солдат, общение с мирным населением. Заметно, что песни уделяют больше внимания подобным деталям, чем сказки, но в них содержится значительно меньше сведений собственно о военной службе. В отличие от песен «солдатских», тон песен «исторических» более восторженный, и в данном случае это, скорее всего, связано с разницей в сюжетах и опять же со средой бытования песен второй группы, которые зарождались, по-видимому,

в самой солдатской среде, а затем попали к гражданскому населению через репертуар отставных солдат. Интересным сходством песен обеих групп со сказками является, пусть и не столь ярко выраженное, как в последних, наложение данных о вооружении пореформенной эпохи на описание реалий рекрутской системы комплектования.

Выделяются и региональные особенности, когда в песнях Архангельской губернии практически отсутствуют сведения о наборе в армию, зато присутствуют такие детали, которых нет в песнях населения Вологодской губернии, что может быть связано с действием в Архангельской губернии с 1820 г. права на откуп, что во многом смягчало тяжесть рекрутчины.

Примечания

1. *Волокитина Н. А., Иванов Ф. Н.* Отражение реалий военной службы в сказках населения Европейского Севера России в конце XVIII–XIX в. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 10-1. С. 43–48.

2. *Григорьев А. Д.* Архангельские былины и исторические песни, собранные Григорьевым в 1899–1901 гг. Т. 1. М., 1904; Печорские былины и песни / записал и составил Н. П. Леонтьев. Архангельск, 1979; Песни Печоры. М.; Л., 1963; Песенный фольклор Мезени. Л., 1967; Песни русского народа. Собраны в губерниях Вологодской, Вятской и Костромской в 1893 году / записали Ф. М. Истомин и С. М. Ляпунов. СПб., 1899; Сказки и песни Вологодской области. Вологда, 1955; Сказки, песни, частушки Вологодского края / сост. В. В. Гура. Вологда, 1965.

3. Печорские былины и песни...

4. Там же.

5. *Дмитриева С. И.* Фольклор и народное искусство русских Европейского Севера. М., 1988.

6. Песни русского народа...

7. Там же.

8. *Иванов Ф. Н.* Эволюция государственной политики в сфере рекрутской повинности в XVIII–XIX вв. // Российская полития: прошлое, настоящее, будущее: сб. тр. Сыктывкар, 2006. Вып. 2. С. 164–176.

9. Сказки, песни, частушки Вологодского края...

10. *Потрашков С. В., Потрашков А. С.* Иллюстрированный военно-исторический словарь. М., 2006.

11. Сказки, песни, частушки Вологодского края...

12. *Дружинин М. Н.* Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева. Т. 1. М.; Л., 1946.

13. *Иванов Ф. Н.* Формирование региональной сети рекрутских присутствий в Российской империи XVIII–XIX вв. (на примере Вологодской губернии) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 10 (24): в 2 ч. Ч. II. С. 63–69.

14. Сказки, песни, частушки Вологодского края...

15. Там же.

16. Там же.

17. *Леонов О. Г., Ульянов И. Э.* Регулярная пехота. 1698–1801 / История Российских войск. М., 1995.

18. *Ульянов И. Э.* Регулярная пехота 1801–1855 / История Российских войск. М., 1996.

19. Сказки, песни, частушки Вологодского края...

20. *Корнилов В. А.* Рекрутская повинность и внутреннее состояние русской армии в первой половине XIX века // Вестник Московского городского педагогического университета. Сер.: Исторические науки. 2008. Вып. 1. С. 8–24.

21. Печорские былины и песни...

22. Ср.: [1].

23. *Григорьев А. Д.* Указ. соч.; Печорские былины и песни...; Песни Печоры; Песенный фольклор Мезени...; Песни русского народа...

24. Печорские былины и песни...; Сказки, песни, частушки Вологодского края...

25. Песни Печоры...

26. Песенный фольклор Мезени...

27. Печорские былины и песни...; Песенный фольклор Мезени...

28. Печорские былины и песни...; Песни Печоры...

29. Песни Печоры...

30. Сказки, песни, частушки Вологодского края...

31. Печорские былины и песни...

32. *Евгеньева А. П.* О некоторых поэтических особенностях русского поэтического эпоса XVII–XIX вв. (постоянный эпитет) // Труды Отдела Древнерусской литературы. Вып. VI. Л., 1948. С. 154–189.

33. Песни Печоры...

34. *Щербинин П. П.* Жизнь русской солдатки в XVIII–XIX веках // Вопросы истории. 2005. № 1. С. 79–92.

35. Песни русского народа...; Сказки, песни, частушки Вологодского края...
36. Григорьев А. Д. Указ. соч.; Печорские былины и песни...; Песни Печоры...
37. Потрашков С. В., Потрашков А. С. Указ. соч.
38. Печорские былины и песни...; Сказки, песни, частушки Вологодского края...
39. Григорьев А. Д. Указ. соч.
40. Песни русского народа...
41. Григорьев А. Д. Указ. соч.
42. Печорские былины и песни...
43. Песни Печоры...
44. Там же.
45. Печорские былины и песни...
46. Игнатьев А. А. Пятьдесят лет в строю. Т. 1. Кн. 1. М., 1955.
47. Зайончковский А. М. Восточная война 1853–1856 гг. // История русской армии. М., 2006. С. 411–472.
48. Печорские былины и песни...
49. Манвелов Н. В. Обычай и традиции Российского Императорского флота. М.: Яуза, Эксмо, 2008.
50. Печорские былины и песни...
51. Песенный фольклор Мезени...
52. Песни русского народа...
53. Печорские былины и песни...
54. Корнилов В. А. Указ. соч.; Зайончковский А. М. Указ. соч.
55. Сказки, песни, частушки Вологодского края...
56. Там же.
57. Корнилов В. А. Указ. соч.
58. Песни русского народа...
59. Сказки, песни, частушки Вологодского края...
60. Там же.
61. Печорские былины и песни...; Песни русского народа...; Сказки, песни, частушки Вологодского края...
62. Песни русского народа...
63. Печорские былины и песни...
64. Песни русского народа...
65. Печорские былины и песни...
66. Кормина Ж. В. Рекрутская обрядность: ритуал и социально-исторический контекст // Мифология и повседневность: материалы конф. СПб., 1999. С. 36–50; Черных А. В. Поведенческие нормы в рекрутской обрядности (по материалам Пермского Прикамья) // Мужской сборник. Вып. 1. Мужчина в традиционной культуре: социальные и профессиональные статусы и роли. Сила и власть. Мужская атрибутика и формы поведения. Мужской фольклор. М., 2001. С. 142–149.
67. Щербинин П. П. Указ. соч.
68. См., напр.: Печорские былины и песни...; Песни Печоры...; Песенный фольклор Мезени...
69. Песенный фольклор Мезени...
70. Григорьев А. Д. Указ. соч.; Печорские былины и песни...; Песни Печоры...; Сказки и песни Вологодской области...
71. Песни русского народа...
72. Песни Печоры...
73. Сказки и песни Вологодской области... С. 90.
74. Там же.

Notes

1. Volokitina N. A., Ivanov F. N. *Otrazhenie realij voennoj sluzhby v skazkah naseleniya Evropejskogo Severa Rossii v konce XVIII–XIX v.* [The reflection of the realities of military service in the tales of the population of the European North of Russia in the late XIX century] // *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* - Historical, philosophical, political and legal Sciences, cultural study and study of art. Issues of theory and practice. 2013, No. 10-1, pp. 43-48.

2. Grigoriev A. D. *Arhangel'skie byliny i istoricheskie pesni, sobrannye Grigor'evym v 1899–1901 gg.* Т. 1. М., 1904; *Pechorskie byliny i pesni* [Arkhangelsk epics and historical songs, collected by Grigoryev in 1899–1901]. Vol. 1. Moscow. 1904; *Pechorskie byliny i pesni* - Pechora epics and songs / recorded and compl. by N. P. Leontiev. Arkhangelsk. 1979; *Pesni Pechory* - Song of Pechora. Moscow, Leningrad. 1963; *Pesennyj fol'klor Mezeni* - Folk songs of Mezen. Leningrad. 1967; *Pesni russkogo naroda. Sobrany v guberniyah Vologodskoj, Vyatskoj i Kostromskoj v 1893 godu* - Songs of the Russian people. Collected in the province of Vologda, Vyatka and Kostroma in 1893 / recorded by F. M. Istomin and S. M. Lyapunov. SPb. 1899; *Skazki i pesni Vologodskoj*

- oblasti* - Tales and songs of the Vologda region. Vologda. 1955; *Skazki, pesni, chastushki Vologodskogo kraja* - Tales, songs, ditties of Vologda region / comp. V.V. Gura. Vologda. 1965.
3. Pechora epics and songs...
 4. Ibid.
 5. Dmitrieva S. I. *Fol'klor i narodnoe iskusstvo russkikh Evropejskogo Severa* [Folklore and folk art of the Russian European North]. Moscow. 1988.
 6. *Pesni russkogo naroda...* [Songs of the Russian people...]
 7. Ibid.
 8. Ivanov F. N. *EHvolyuciya gosudarstvennoj politiki v sfere rekrutskoj povinnosti v XVIII – XIX vv.* [The evolution of state policy in the field of recruiting duty in XVIII - XIX centuries] // *Rossijskaya politiya: proshloe, nastoyashchee, budushchee: sb. tr.* - Russian policy: past, present, future: proc. Syktyvkar. 2006. Is. 2. Pp. 164-176.
 9. *Skazki, pesni, chastushki Vologodskogo kraja...* [Tales, songs, ditties Vologda region...]
 10. Potrashkov S. V., Potrashkov A. S. *Illyustrirovannyj voenno istoricheskij slovar'* [Illustrated military historical dictionary]. Moscow. 2006.
 11. *Skazki, pesni, chastushki Vologodskogo kraja...* [Tales, songs, ditties Vologda region...]
 12. Druzhinin M.N. *Gosudarstvennye krest'yane i reforma P. D. Kiseleva* [State peasants and reform of P. D. Kiselev]. Vol. 1. Moscow; Leningrad. 1946.
 13. Ivanov F. N. *Formirovanie regional'noj seti rekrutskih prisutstvij v Rossijskoj imperii XVIII–XIX vv. (na primere Vologodskoj gubernii)* [The formation of a regional network of recruiting presence in the Russian Empire in XVIII-XIX centuries (for example, Vologda province)] // *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* - Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural study and study of art. Issues of theory and practice. Tambov. Gramota. 2012, No. 10 (24): in 2 pts. Pt. II. Pp. 63-69.
 14. *Skazki, pesni, chastushki Vologodskogo kraja...* [Tales, songs, ditties Vologda region...]
 15. Ibid.
 16. Ibid.
 17. Leonov O. G., Ulyanov I. E. *Regulyarnaya pekhota. 1698–1801* [Regular infantry. 1698-1801] / History of Russian troops. Moscow. 1995.
 18. I. Ulyanov I.E. [Regular infantry 1801-1855] / *Istoriya Rossijskikh vojsk* - History of Russian troops. Moscow. 1996.
 19. *Skazki, pesni, chastushki Vologodskogo kraja...* [Tales, songs, ditties Vologda region...]
 20. Kornilov V. A. *Rekrutskaya povinnost' i vnutrennee sostoyanie russkoj armii v pervoj polovine XIX veka* [Levy conscription and the internal state of the Russian army in the first half of the XIX century] // *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta* - Herald of the Moscow city pedagogical University. Ser.: Historical science. 2008, is. 1, pp. 8-24.
 21. *Pechorskie byliny i pesni...* [Pechora epics and songs...]
 22. Compare: [1].
 23. Grigoriev A. D. Op. cit.; *Pechorskie byliny i pesni...* [Pechora epics and songs...]; *Pesni Pechory* [Songs of Pechora]; *Pesennyj fol'klor Mezeni...* [Folk songs of Mezen...]; *Pesni russkogo naroda...* [Songs of the Russian people...]
 24. *Pechorskie byliny i pesni...* [Pechora epics and songs...]; *Skazki, pesni, chastushki Vologodskogo kraja...* [Tales, songs, ditties Vologda region...]
 25. *Pesni Pechory* [Songs of Pechora...]
 26. *Pesennyj fol'klor Mezeni...* [Folk songs of Mezen...]
 27. *Pechorskie byliny i pesni...* [Pechora epics and songs...]; *Pesennyj fol'klor Mezeni...* [Folk songs of the Mezen...]
 28. *Pechorskie byliny i pesni...* [Pechora epics and songs...]; *Pesni Pechory* [Songs of Pechora...]
 29. *Pesni Pechory* [Songs of Pechora...]
 30. *Skazki, pesni, chastushki Vologodskogo kraja...* [Tales, songs, ditties of the Vologda region...]
 31. *Pechorskie byliny i pesni...* [Pechora epics and songs...]
 32. Evgenyeva A. P. *O nekotoryh poehticheskikh osobennostyah russkogo poehticheskogo ehposa XVII–XIX vv. (postoyannyj ehpitet)* [Some poetic features of Russian poetic epic of the XVII-XIX centuries (constant epithet)] // *Trudy Otdela Drevnerusskoj literatury* - Proceedings of the Department of old Russian literature. Is. VI. Leningrad. 1948. Pp. 154-189.
 33. *Pesni Pechory* [Songs of Pechora...]
 34. Shcherbinin P.P. *ZHizn' russkoj soldatki v XVIII–XIX vekah* [Life of Russian woman-soldier in XVIII-XIX centuries] // *Voprosy istorii* - Questions of history. 2005, No. 1, pp. 79-92.
 35. *Pesni russkogo naroda...* [Songs of the Russian people...]; *Skazki, pesni, chastushki Vologodskogo kraja...* [Tales, songs, ditties of Vologda region..]
 36. Grigoriev A. D. Op. cit.; *Pechorskie byliny i pesni...* [Pechora epics and songs...]; *Pesni Pechory* [Songs of Pechora...]

37. Potrashkov S. V., Potrashkov A. S. Op. cit.
38. *Pechorskie byliny i pesni...* [Pechora epics and songs...]; *Skazki, pesni, chastushki Vologodskogo kraja...* [Tales, songs, ditties of Vologda region...]
39. Grigoriev A. D. Op. cit.
40. *Pesni russkogo naroda...* [Songs of the Russian people...]
41. Grigoriev A. D. Op. cit.
42. *Pechorskie byliny i pesni...* [Pechora epics and songs...]
43. *Pesni Pechory* [Songs of Pechora...]
44. Ibid.
45. *Pechorskie byliny i pesni...* [Pechora epics and songs...]
46. Ignatiev A. A. *Pyat' desyat let v stroyu* [Fifty years in the ranks]. Vol. 1. Book 1. Moscow. 1955.
47. A. Zaionchkovskiy A.M. *Vostochnaya vojna 1853–1856 gg.* [Eastern war of 1853-1856] // *Istoriya russkoj armii* - History of the Russian army. Moscow. 2006. Pp. 411-472.
48. *Pechorskie byliny i pesni...* [Pechora epics and songs...]
49. Manvelow N.V. *Obychai i tradicii Rossijskogo Imperatorskogo flota* [Customs and traditions of the Russian Imperial Navy]. Moscow. Yauza, Eksmo, 2008.
50. *Pechorskie byliny i pesni...* [Pechora epics and songs...]
51. *Pesennyj fol'klor Mezeni...* [Folk songs of Mezen...]
52. *Pesni russkogo naroda...* [Songs of the Russian people...]
53. *Pechorskie byliny i pesni...* [Pechora epics and songs...].
54. Kornilov V.A. Op. cit.; A. Zaionchkovskiy A.M. Op. cit.
55. *Skazki, pesni, chastushki Vologodskogo kraja...* [Tales, songs, ditties of Vologda region...]
56. Ibid.
57. Kornilov V.A. Op. cit.
58. *Pesni russkogo naroda...* [Songs of the Russian people...]
59. *Skazki, pesni, chastushki Vologodskogo kraja...* [Tales, songs, ditties of Vologda region...]
60. Ibid.
61. *Pechorskie byliny i pesni...* [Pechora epics and songs...]; *Pesni russkogo naroda...* [Songs of the Russian people...]; *Skazki, pesni, chastushki Vologodskogo kraja...* [Tales, songs, ditties of Vologda region...]
62. *Pesni russkogo naroda...* [Songs of the Russian people...]
63. *Pechorskie byliny i pesni...* [Pechora epics and songs...]
64. *Pesni russkogo naroda...* [Songs of the Russian people...]
65. *Pechorskie byliny i pesni...* [Pechora epics and songs...]
66. Carmina G.V. *Rekrutskaya obryadnost': ritual i social'no istoricheskij kontekst* [Recruiting rites: ritual and social historical context] // *Mifologiya i povsednevnost': materialy konf* - Mythology and everyday life: proceedings of the conference. SPb. 1999. Pp. 36-50; Chernykh A.V. *Povedencheskie normy v rekrutskoj obryadnosti (po materialam Permskogo Prikam'ya)* [Behavioral norms in recruiting rites (materials of Perm Prikam'ye)] // *Muzhskoj sbornik. Vyp. 1. Muzhchina v tradicionnoj kul'ture: social'nye i professional'nye statusy i roli. Sila i vlast'. Muzhskaya atributika i formy povedeniya. Muzhskoj fol'klor* - Men's collection. Is. 1. Man in traditional culture: social and professional status and role. Power and authority. Male attributes and forms of behavior. Men's folklore. Moscow. 2001. Pp. 142-149.
67. Shcherbinin P.P. Op. cit.
68. See, e.g.: *Pechorskie byliny i pesni...* [Pechora epics and songs...]; *Pesni Pechory* [Songs of Pechora...]; *Pesennyj fol'klor Mezeni...* [Folk songs of Mezen...]
69. *Pesennyj fol'klor Mezeni...* [Folk songs of Mezen...]
70. Grigoriev A. D. Op. cit.; Pechora epics and songs...; Songs of Pechora...; Tales and songs of the Vologda region...
71. *Pesni russkogo naroda...* [Songs of the Russian people...]
72. *Pesni Pechory* [Songs of Pechora...]
73. *Skazki, pesni, chastushki Vologodskogo kraja...* [Tales, songs, ditties of Vologda region...]. P. 90.
74. Ibid.

Некоторые особенности выстраивания региональных внешнеполитических ориентиров Королевства Саудовская Аравия в начале XXI в.

В статье рассматриваются особенности внешней политики Саудовской Аравии на современном этапе, взаимоотношения саудитов с Ираном, Йеменом, Сирией и некоторыми другими государствами ближневосточного региона. Автор анализирует основные региональные проблемы и угрозы, касающиеся этих стран. Определяется роль каждого из рассматриваемых государств в формировании внешней политики Эр-Рияда.

The article discusses the features of modern Saudi Arabian foreign policy, the Saudis' relationship with Iran, Yemen, Syria and other countries in the Middle East. The author touches upon the basic regional problems and threats, connected with these countries. The author reveals the role of each of the aforementioned states in formation of Riyadh's general policy.

Ключевые слова: Саудовская Аравия, Иран, Катар, Йемен, Сирия, региональная политика.

Keywords: Saudi Arabia, Iran, Qatar, Yemen, Syria, regional policy.

В настоящее время Королевство Саудовская Аравия (КСА) играет важную региональную и мировую роль в системе международных отношений. Оно фактически является лидером арабского мира и может играть немаловажную роль на мировой арене (например, в вопросах нефтяного ценообразования).

Как у любого государства, у КСА есть собственные приоритеты в области внешней политики. Важнейшими для них являются отношения со странами Персидского залива, которые входят в Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ). Далее по значимости идут отношения с арабскими странами – членами Лиги арабских государств (ЛАГ). Большое внимание уделяется и всему исламскому миру в целом. В целях реализации единства мусульманских стран, а также с целью защиты и отстаивания их интересов по инициативе КСА в 1969 г. была создана Организация Исламская Конференция (ОИК).

Работая над тем, чтобы решить многие из своих основных международных и внутренних вопросов, Саудовская Аравия всё больше укрепляет позиции значимого субъекта мировой политики. Это вызвано целым рядом объективных факторов.

Во-первых, по информации известного российского ученого Г. И. Мирского, «...число мусульман в мире растет быстрее, чем число приверженцев других религий (их уже сейчас минимум 1,3 млрд)» [1].

Во-вторых, КСА производит 15% совокупного ВВП в регионах Ближнего Востока и Северной Африки (БВСА) (и примерно четверть ВВП в арабском мире в соответствии с последними данными МВФ), что делает его экономическим двигателем региона и эффективным партнером и членом «большой двадцатки» [2].

В-третьих, саудовский фондовый рынок представляет более 50% всей капитализации фондового рынка Ближнего Востока и Северной Африки (БВСА), а саудовские компании составляют пять из 10 крупнейших компаний в регионе во главе с такими конгломератами, как «Saudi Aramco» и «Sabic» [3].

В-четвертых, Центральный банк Королевства является третьим по величине в мире держателем золотовалютных резервов, в распоряжении которого 850 млрд американских долларов.

В-пятых, национальная нефтяная компания Королевства «Saudi Aramco» является крупнейшим в мире производителем и экспортером нефти и имеет на сегодняшний день крупнейшую в мире инфраструктуру с устойчивым объемом производства примерно в 12,5 млн баррелей в день [4].

Очень хорошо о положении, которое занимает Саудовская Аравия в современном мире, сказал член королевской семьи принц Турки бен Фейсал аль Сауд: «Наряду с этими впечатляющими цифрами, наша нация является полуостровом, но не островом. Перемены и отсутствие перемен – вот что попадает под мою рубрику при взгляде на наших соседей. Наши соседи постоянно находятся рядом с нами. Нам приходится иметь дело с ними, как и они должны иметь дело с нами. С точки зрения перемены нашей общей целью по отношению к другим народам является укреплять наши отношения с союзниками в регионе и за его пределами, любыми способами поддерживая стабильность наших соседей. Саудовская Аравия твердо верит, что мир в регионе должен стоять на первом месте среди задач следующего десятилетия. Этот мир может быть достигнут только путем сотрудничества, которое построено на доверии, диалоге и взаимодействии. Именно поэтому Саудовская Аравия будет продолжать играть ведущую роль в переговорах с конфликтующими сторонами и народами. Более того, Западные страны твердо верят, что наиболее важным вопросом касаясь безопасности в ближайшем десятилетии является прогресс. Должен быть экономический, политический и социальный прогресс для людей, а также правительств на Ближнем Востоке, из чего следует, что мир, а не конфликт, является ключом к процветанию» [5].

Таким образом, Саудовская Аравия стремится сохранить ведущие позиции в этом регионе не только как доминирующий экономический гигант, но и как авторитетнейшая страна исламского мира.

На основе этого в статье предпринята попытка проанализировать основные направления внешнеполитической деятельности Саудовской Аравии в ближневосточном регионе в последнее десятилетие. За основу были взяты взаимоотношения КСА с соседними странами, а также некоторые аспекты, которые создают проблемы не только для обозначенного региона, но и для мирового сообщества в целом.

Несомненный интерес вызывает политика Саудовской Аравии в отношении Ирана. Со времен иранской революции руководство этой страны обозначило себя как ярого борца за «чистоту ислама». Также Иран позиционирует себя в качестве лидера не только меньшинства шиитов мира, но и всех мусульманских революционеров, заинтересованных в противостоянии Западу. Саудовская Аравия же противостоять Западу не собирается и, что немаловажно, в противовес позиции Ирана является хранителем двух Священных мечетей и родной ислама.

Негативное отношение демонстрирует Саудовская Аравия и к ядерным программам Ирана. Она заинтересована в том, чтобы иранское руководство прекратило работу в этом направлении. Для того чтобы распространение ядерного оружия не стало нормой на Ближнем Востоке, Саудовская Аравия предложила членам Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива тщательно взвесить все варианты ядерного сдерживания. С этой целью должен быть включен режим экономических, политических и военных санкций против тех стран, которые пытаются разработать оружие массового уничтожения.

Другая проблема, на которую Саудовская Аравия должна обратить внимание в ближайшее десятилетие, – вмешательство руководства Ирана и его дестабилизирующие усилия в странах с шиитским большинством (Ираке и Бахрейне), а также в странах с существенным меньшинством шиитских общин (Кувейт, Ливан и Йемен).

Говоря об отношениях Саудовской Аравии с Ираком, отметим, что это государство имеет богатую историю в качестве главного члена «арабской общины». Ирак был важной силой в арабском мире. Ирак – один из основателей Лиги арабских государств и ОПЕК. В Ираке есть люди и группы людей, которые полностью обязаны Ирану, что не только неприемлемо, но и плохо для будущего этнического и религиозного разнообразия страны [6]. Это главная причина, по которой КСА продолжает держаться на расстоянии от всех иракских группировок. Тем не менее хотелось бы отметить то, что у Эр-Рияда еще есть серьезные сомнения по поводу формирования нынешнего иракского правительства. КСА является единственной страной, не отправившей посла в Ирак. Что является тому причиной? Здесь следует привести один пример. В течение нескольких недель, предшествующих формированию нынешнего иракского правительства, иранский генерал, который был в Багдаде, вел переговоры от имени нынешнего премьер-министра с шиитами и курдскими группами, ища поддержки для нового мандата. Саудовская Аравия не может согласиться с ними, и королевское правительство делает все от него зависящее, чтобы этому пришел конец. В общем, в Эр-Рияде полно

намерений продолжить работать с народом Ирака, чтобы гарантировать, что их страна становится независимым членом арабского мира [7].

Важным направлением во внешней политике для КСА являются отношения с Йеменом. Для Эр-Рияда всё более нестабильный Йемен представляет собой очень реальную угрозу безопасности из-за потенциала к укоренению в террористической сфере. Этот юго-западный угол Аравийского полуострова с населением более 20 млн человек был ареной деятельности Аль-Каиды, именно там Усама бен Ладен установил тренировочные лагеря в 1990-х гг. Во многом это связано с тем, что власть центрального йеменского правительства в горных районах, за пределами столицы и других городов является отчасти номинальной. Экстремисты, как сообщается, заключили сделку с местными племенными вождями для снабжения и защиты, создав святилище отличное от племенных районов Пакистана [8].

Официальную позицию Саудовской Аравии в отношении Йемена озвучил министр иностранных дел Саудовской Аравии принц Фейсал: «У Королевства была на протяжении десятилетий программа экономической и финансовой поддержки йеменского народа. В настоящее время программа приостановлена до того момента, когда ситуация в стране стабилизируется. У нас есть, по сути, три варианта. Мы укрепляем наши границы, чтобы не допустить йеменских беженцев и террористов Аль-Каиды в нашу страну, также возрастает качество нашей контрразведки по определению и уничтожению Аль-Каиды в Йемене. Кроме того, продолжается наша работа с мировым сообществом по устранению террористической угрозы» [9].

Особое место во внешней политике КСА занимает Египет. Это близкая и исторически значимая страна для Эр-Рияда. Король Саудовской Аравии поддерживал близкие отношения с президентом Египта Хосни Мубараком на протяжении более тридцати лет.

Однако как только президент Х. Мубарак подал в отставку, король Абдалла не только признал новую действительность, но и протянул руку дружбы и поспособствовал финансовой помощью новому президенту. Но, как оказалось, новое руководство, полностью обязанное Мусульманскому братству, оказалось не в состоянии и не способным управлять страной. После почти года их нахождения у власти большинство египетского населения отказалось от поддержки новых лидеров и требовало референдума на предмет легитимности президента. Миллионы людей просили вооруженные силы восстановить законность и достоинство, и они сделали это. Они передали власть вновь назначенному временному гражданскому правительству, чтобы сохранить египетское государство от катастрофы. Египетское правительство, чтобы вернуться к нормальной жизни, выпустило четырехмесячный план, включающий в себя конституцию, парламентские и президентские выборы. Король Абдалла был первым, кто поздравил египетское руководство.

Географически и исторически ближе всего к Саудовской Аравии находится Бахрейн. Сразу после революции 1979 г. в Иране Хомейни стал продвигать идеи революции во все мусульманские страны. Это привело к вспышкам насилия не только в мусульманских странах, но и среди шиитских общин в других государствах. Те, кто утверждают, что недавние беспорядки не были инспирированы Ираном, забывают, что движения, созданные Хомейни в Бахрейне, по-прежнему существуют.

Официальные представители Ирана часто выступали с заявлениями, что Бахрейн является одной из провинций Ирана. Когда король Бахрейна Хамад делегировал своего наследного принца вести переговоры с протестующими в столице Манама, требовавших проведения социально-экономических преобразований, Королевство публично поддержало переговоры и до сих пор поддерживает.

Конечно, полный анализ позиции Королевства по отношению к региону не может считаться полным без рассмотрения палестино-израильского конфликта, тем более что одно из основных направлений внешнеполитической деятельности КСА на региональном уровне – это участие страны в урегулировании арабо-израильского конфликта и его составной части – палестино-израильского противостояния. Дипломатия Саудовской Аравии рассматривает палестинскую проблему в качестве «центрального звена» арабо-израильского противостояния.

Нежелание Израиля прекратить его незаконную колонизацию и постоянный отказ в предоставлении палестинцам своего дома является основной причиной, почему этот конфликт продолжается. Нет недостатка в предложениях по урегулированию этого конфликта, многие из них полностью рациональны, справедливы и жизнеспособны. В самом деле, един-

ственным реальным предложением сегодня остается Арабская мирная инициатива, первоначально изложенная королем Абдаллой в 2002 г.

«Королевство по-прежнему призывает Израиль принять необходимые шаги к достижению мира и справедливости. Оно продолжает поддерживать Палестинскую автономию в своих попытках построить долгосрочные учреждения для своего народа. Займы в размере миллионов долларов были сделаны для поддержки палестинской администрации, и Королевство вложило сотни миллионов долларов за последние несколько лет в восстановление и развитие Палестины – деньги на школы, дороги и безопасность. Финансирование, участие и призыв к двустороннему разрешению ситуации остаются центральной частью саудовской позиции в ближайшее десятилетие. Усилия Д. Керри (государственный секретарь США) заключить соглашение в течение следующих девяти месяцев, конечно, похвальны, но все еще не дали результатов. Если г-н Обама поступит с Нетаньяху, как в случае с Сирией, достичь соглашения не удастся», – отмечает директор Каирского центра политических и стратегических исследований Мухаммед аль-Саид [10].

Король Абдалла не раз призывал мировое сообщество поддержать создание палестинского государства. Позиция королевства была встречена по-разному. При этом все государства – члены Организации Исламской конференции, состоящей из 57 стран, а также государства из Африки, Азии и Европы выразили понимание и поддержку.

Принимая во внимание вышесказанное, можно сделать некоторые выводы. Саудовская Аравия очень внимательно следит за тем, как арабский мир вступил в стадию глубоких перемен: происходит крушение некоторых правительств, появляются новые силы, партнеры меняются и перестраиваются. Пока рано говорить о будущем стран, которым предстоит столь трудный переходный период. Оно будет зависеть от ориентации, которую выберет каждая из этих стран. Есть надежда, что они преодолечат трудности, с которыми сталкиваются, и перейдут к такому политическому устройству, которое отвечает чаяниям и устремлениям их народов. Вполне вероятно, что им не придется делать выбор между турецкой и иранской моделью, потому что это будет арабская модель. Во-вторых, что касается продолжающейся оккупации Израилем палестинских территорий, а также других земель, по праву принадлежащих Сирии и Ливану, то эта проблема является причиной многих трудностей в регионе, и если Израиль сохрет все мирные инициативы, проблема не будет решена, и в регионе останется все так же неспокойно. Однако все это не так просто осуществить в условиях нестабильности мировой экономики, усиления экспансии конкурентов из числа других развивающихся стран. Непримиримая позиция Израиля – движущая сила третьей угрозы, а именно – терроризма, который остается важным фактором и проблемой. Не только «Аль-Каида» продолжает плести заговоры. На сцену выходят новые негосударственные игроки, а также прежние террористические группировки, которые пытаются воспользоваться вакуумом власти, образующимся вследствие происходящих в регионе политических процессов. Ситуация в Йемене может служить наглядной иллюстрацией, и она вызывает большие опасения, так же как и неразрешенные конфликты, бушующие в некоторых других странах.

Таким образом, Саудовская Аравия делает все возможное, чтобы сохранить стабильность в регионе. Кроме того, Саудовская Аравия пытается укрепить свое влияние за счет активной политики в отношении таких нестабильных в данный момент стран, как Сирия и Египет.

Примечания

1. *Мирский Г. И.* Ислам: история и современность // Новая и новейшая история. 2010. № 1. С. 3.
2. World Development Indicators. World Bank. Washington, 2012. P. 332–333.
3. Worldwide Governance Indicators. World Bank. 2013. URL: <http://info.worldbank.org/governance/wgi/index.aspx#reports>.
4. Middle East: Focus on the Future // Finance and Development. 2013. Vol. 50. № 1. P. 8–9, 33.
5. Shaykh Usamah Bin-Muhammad Bin-Ladin; al-Zawahiri, Ayman; Abu-Yasir Rifa'i Ahmad Taha; Shaykh Mir Hamzah; Rahman, Fazlur (February 23, 1998). "Jihad Against Jews and Crusaders. World Islamic Front Statement".al-Quds al-Arabi. Retrieved May 28, 2010. English-language version of the fatwa translated by the Federation of American Scientists of the original Arabic document published in the newspaper al-Quds al-Arabi (London, UK) on 1998-02-23. P. 3.
6. New Saudi Arabia King Picks Deputy Premiers". Sarasota Herald-Tribune.UPI. 30 March 1975. Retrieved 3 August 2012.

7. The United States and Saudi Arabia: a relationship threatened by misconceptions. URL: <http://www.cfr.org/saudi-arabia/united-states-saudi-arabia-relationship-threatened-misconceptions/p6982>

8. Sick Gary G. (Spring 1987). "Iran's Quest for Superpower Status". Foreign Affairs. Retrieved 28 July 2013. The Washington Post. AP. 10 September 2012. Retrieved 10 September 2012.

9. Saudi Foreign Minister Prince Saud al-Faisal, right, speaks during a joint news conference with U.S. Secretary of State Hillary Clinton after a U.S. Gulf Cooperation Council forum at the GCC secretariat in Riyadh March 31, 2012. Подробнее см. Материалы видеоконференции URL: <http://english.alarabiya.net/articles/2012/03/31/204429.html>

10. Mohamed El-Sayed Said. Global Civil Society: an Arab perspective. URL: <http://www.lse.ac.uk/internationalDevelopment/research/CSHS/civilSociety/yearBook/chapterPdfs/2004-05/Chapter3.pdf>; Jennifer S. Delaney. The unlikely Partnership: The State of the U.S.-Saudi Relations.

Notes

1. Mirskiy G. I. *Islam: istoriya i sovremennost* [Islam: history and modernity] // *Novaya i noveyshaya istoriya* - modern and contemporary history. 2010, № 1, P. 3.

2. World Development Indicators. World Bank. Washington. 2012. Pp. 332–333.

3. Worldwide Governance Indicators World Bank. 2013. Available at: <http://info.worldbank.org/governance/wgi/index.aspx#reports>.

4. Middle East: Focus on the Future // Finance and Development. 2013, vol. 50, № 1, pp. 8–9, 33.

5. Shaykh Usamah Bin-Muhammad Bin-Ladin; al-Zawahiri, Ayman; Abu-Yasir Rifa'i AhmadTaha; Shaykh Mir Hamzah; Rahman, Fazlur (February 23, 1998). "Jihad Against Jews and Crusaders. World Islamic Front Statement". al-Quds al-Arabi. Retrieved May 28, 2010. English-language version of the fatwa translated by the Federation of American Scientists of the original Arabic document published in the newspaper al-Quds al-Arabi (London, UK) on 1998-02-23, p. 3.

6. New Saudi Arabia King Picks Deputy Premiers". Sarasota Herald-Tribune. UPI. 30 March 1975. Retrieved 3 August 2012.

7. The United States and Saudi Arabia: a relationship threatened by misconceptions. Available at: <http://www.cfr.org/saudi-arabia/united-states-saudi-arabia-relationship-threatened-misconceptions/p6982>

8. Sick, Gary G. (Spring 1987). "Iran's Quest for Superpower Status". Foreign Affairs. Retrieved 28 July 2013. The Washington Post. AP. 10 September 2012. Retrieved 10 September 2012.

9. Saudi Foreign Minister Prince Saud al-Faisal, right, speaks during a joint news conference with U.S. Secretary of State Hillary Clinton after a U.S. Gulf Cooperation Council forum at the GCC secretariat in Riyadh March 31, 2012. Particularly see: Materials of video-conf. Available at: <http://english.alarabiya.net/articles/2012/03/31/204429.html>

10. Mohamed El-Sayed Said. Global Civil Society: an Arab perspective. Available at: <http://www.lse.ac.uk/internationalDevelopment/research/CSHS/civilSociety/yearBook/chapterPdfs/2004-05/Chapter3.pdf>; Jennifer S. Delaney. The unlikely Partnership: The State of the U.S.-Saudi Relations.

К 100-летию начала Первой мировой войны

УДК 94(47).083

А. В. Макутчев

Раздел сфер влияния между Россией и Англией в Персии в 1907 г. как часть дипломатической подготовки к Первой мировой войне

Статья посвящена дипломатической подготовке европейских держав к Первой мировой войне, а именно – проблеме урегулирования Англией и Россией спорных вопросов в Персии (Иране). В начале XX в. противостояние Англии и России в Персии достигло апогея. Однако особенности международной обстановки в Европе и внутренние проблемы сделали неизбежным сближение двух держав, требовавшее разрешения спорных ситуаций. В русле этой политики в 1907 г. было достигнуто англо-русское соглашение, предусмотревшее, помимо прочего, разграничение сфер влияния двух держав в Персии. Реакция общественности Англии и России на это соглашение была сдержанной и даже скептической, однако именно оно предопределило возможность вступления России в Антанту – военно-политический блок, объединивший Россию, Англию и Францию в борьбе против германской агрессии.

The article is devoted to European diplomatic preparation to the Great War – namely, the settlement of Britain and Russia disputes in Persia (Iran). At the beginning of XX century the confrontation between Britain and Russia in Persia reached its peak. However, the characteristics of the international situation in Europe and the internal problems made the inevitable convergence of the two powers that required for resolving disputes. In line with this policy in 1907 had reached the Anglo-Russian agreement, providing for, among other things, spheres of influence between the two powers in Persia. Public reaction to England and Russia on this agreement was restrained and even skeptical, but it is determined the possibility of Russia joining the Entente – military-political bloc, uniting Russia, Britain and France against German aggression.

Ключевые слова: Персия, англо-русское соглашение 1907 г., Первая мировая война, Антанта.

Keywords: Persia, the 1907 Anglo-Russian agreement, Great War, the Allies.

В начале XX в. противостояние Англии и России в Персии достигло апогея. Этому предшествовали более пятидесяти лет острого соперничества держав за господство в регионе, однако оно так и не завершилось торжеством одной из сторон. Погоня за концессиями, посредством которых Англия надеялась утвердить свое господство на большей части Персии, не привела к значительному успеху. Британцы рассчитывали, что их влияние поднимут железные дороги, но их строительство было отложено по инициативе России до 1910 г. Пробританский Шахиншахский банк с трудом соперничал с русским Учетно-ссудным банком.

Россия же добилась экономического превосходства в Северной Персии. Однако это превосходство стоило серьезных финансовых затрат: в основном за счет бюджетных средств были построены железные дороги, проложены телеграфные линии. При этом на юге страны влияние России было невелико, поэтому в целом к концу XIX в. между державами установился некоторый паритет. Противостояние могло продолжаться и далее, однако в международной политике и внутри самих держав к началу XX в. произошли изменения, обусловившие необходимость соглашения между ними.

Внутреннее положение в Англии и России в начале XX в. не позволяло быть столь же активными на Ближнем Востоке, как ранее. Англия утратила свое промышленное превосходство в мире и вступила в период экономического кризиса. Промышленный рост замедлился, экономические проблемы в метрополии серьезно ограничивали активность британских дипломатов за ее пределами. Нарастало напряжение в колониях. К тому же обозначилась нестабильность в политической сфере, выражавшаяся в частой смене министров и острых спорах в парламенте. Эти процессы давали понять британскому руководству, что следует сократить число спорных вопросов с другими державами и тем самым сэкономить внутренние ресурсы.

Россия также с началом века вступила в полосу экономического кризиса. Сельское хозяйство демонстрировало свою неэффективность, назрела необходимость перемен в политической сфере. Для преодоления этих трудностей было необходимо спокойствие во внешней политике, и соглашение по Персии позволило бы сконцентрироваться на внутренних проблемах.

Еще осенью 1897 г. Николай II во время визита в Вольфсгартен беседовал с британским поверенным в делах Дж. Бьюкененом о персидской политике. По итогам разговора Бьюкенен доложил в Лондон, что царь «не имеет желаний приобретать новые земли, но лично он считает, что наши отношения были бы более дружественными и успешными, если бы между нами не стояла Персия» [1].

Международная ситуация толкала Англию и Россию к сближению. В Европе к тому времени уже сложился недружественный обоим державам Тройственный союз из Германии, Австро-Венгрии и Италии. Разгром Франции в войне 1870–1871 гг. и усиление Германской империи привели к сближению англичан и французов. К 1904 г. Британия и Франция после продолжительных переговоров подписали соглашение, разрешающее их разногласия по Марокко, Египту и Сиаму. Россия в 1890-е гг. также сблизилась с Францией, поэтому англо-русский компромисс был необходим для складывания антигерманской оппозиции в Европе.

Несмотря на традиционную неприязнь между Англией и Россией, усиленную итогами Берлинского конгресса, первые шаги к соглашению были сделаны еще в 1900–1902 гг. Член Палаты общин либерал Уолтон 9 января 1902 г. обратил внимание депутатов на усиление русского влияния в Северной Персии, в результате которого была почти окончательно вытеснена из этой части страны английская торговля. Он указал на необходимость для Англии держаться той же системы по отношению к югу и войти с Россией в соглашение о разграничении сфер влияния [2]. Так англичане утвердились в необходимости достижения компромисса с Россией по противостоянию в Персии. Однако наметившееся сближение было сорвано заключением 30 января 1902 г. недружественного России англо-японского союза. В России новость об этом союзе восприняли болезненно, и русская дипломатия демонстративно замедлила переговоры.

В октябре 1903 г. во время поездки министра иностранных дел России В. Н. Ламздорфа в Париж его британский коллега лорд Лэнсдаун предложил начать переговоры по спорным вопросам. Ламздорф согласился, но ни по одному вопросу стороны не договорились. Англичане требовали признания Афганистана и Тибета сферой своего влияния и настаивали на разделе Персии. Россия была готова пойти на уступки в Тибете и Афганистане, но категорически отказывалась от раздела Персии, не желая ограничивать собственную активность только севером страны. Позиция русских дипломатов объяснялась не только обидой на Лондон, но и опасениями, что британцы ведут двойную игру: провоцируют Россию на решение о разделе Персии, чтобы сообщить о переговорах шаху и расстроить русско-персидские отношения [3].

В начавшейся русско-японской войне Англия негласно поддержала Японию, что еще больше охладило ее отношения с Россией. Британцы рассчитывали, что финансовые расходы на ведение войны сделают русских дипломатов более сговорчивыми в переговорах, однако этого не произошло. Тем не менее российское правительство в условиях бюджетного дефицита было вынуждено переоценить свою персидскую политику. На совещании по вопросу о финансово-экономической политике России в Персии, состоявшемся в июне 1904 г., министр финансов В. М. Коковцов призвал ограничить денежную помощь Тегерану и оказывать ее только в исключительных случаях. Кроме того, на совещании была высказана мысль об ограничении русской коммерческой активности пределами Северной Персии не дальше линии, проходящей через Исфахан, «к югу от этой линии конкуренция с другими державами, особенно с Англией, может оказать негативное влияние на наши отношения с этими державами» [4]. Тем самым Россия фактически признала целесообразность раздела сфер влияния в Персии.

Осенью 1904 г. англо-русские отношения еще более осложнились. Соглашение о Персии оказалось под вопросом из-за британской агрессии в Тибете, где полковник Ф. Янгхазбенд оккупировал Лхасу. Эти действия усилили антибританские настроения в России, так же как и миссия британца Дэйна, направленная в Афганистан в октябре 1904 г. Британцы своими действиями в Тибете и Афганистане, очевидно, пытались оказать давление на русских дипломатов и подтолкнуть их к соглашению. Однако в России многие считали, что Лондон решил отказаться от соглашения и, пользуясь пробелами России на Дальнем Востоке, взять

силой то, что хотел. После британских действий в Тибете и Афганистане ожидалась их активность в Персии. Поэтому, когда в феврале 1905 г. шах Мозаффар эд-Дин обратился к России за очередным займом, несмотря на итоги совещания 1904 г., правительство предложило Персии 350 тыс. ф. ст. Русские дипломаты опасались, что Тегеран, с учетом военных поражений России на Дальнем Востоке, переориентируется на Англию. В качестве условия предоставления займа Россия выдвинула требование, чтобы шах пригласил в персидскую армию русских офицеров. Шах засомневался и попытался договориться о займе с британцами. Однако Шахиншахский банк отказал в займе, и Персия вновь обратилась к России. В итоге Россия дала в долг шаху 10 млн руб., добавив к первоначальным условиям требование, чтобы Персия впредь не занимала деньги у Британии.

Русский заем 1905 г. вызвал в Лондоне удивление: Россия продолжала кредитовать Персию после поражения в войне и в условиях нарастания революции внутри страны. Кроме того, потери от войны с Японией вынудили русское правительство само занимать деньги у парижских и лондонских банкиров.

В это время в Лондоне новое либеральное правительство Г. Кэмпбелл-Баннермана встало перед проблемой сдерживания немецкой экспансии. После неудачных попыток договориться с Германией по поводу Багдадской железной дороги в 1901–1903 гг. Англия вступила на путь формирования антигерманской коалиции. В России также возобладали англофилы. В 1906 г. министром иностранных дел стал сторонник сближения с Лондоном А. П. Извольский. Через две недели после его назначения в Петербург прибыл новый британский посол сэр А. Николсон – известный противник Германии. Вскоре после этого начались переговоры, продолжавшиеся более года: требовалось решить все разногласия между державами в различных точках мира. Так, Извольский надеялся, пожертвовав потенциальным владычеством над всей Персией, добиться для России контроля над черноморскими проливами. Англичане в свою очередь стремились закрепить свое господство в Персидском заливе и Афганистане [5].

Помимо германской угрозы сближение между Англией и Россией ускорило революционное движение в Персии, связанное с всенародным недовольством политикой шаха и визиря. Духовенство Персии сопротивлялось иностранному проникновению, угрожавшему нормам исламской морали. С ними были солидарны торговцы, чьи интересы нарушались предоставлением от имени шаха концессий иностранцам. Буржуазия была заинтересована в либерализации системы государственной власти и введении парламента, дававшего коммерсантам доступ к власти. Крестьянство протестовало против жестокого налогового гнета. Наконец, катализатором антишахских выступлений стали революционные события 1905 г. в России: многочисленные крестьяне-отходники Северного Азербайджана, работавшие на нефтяных промыслах Баку, прежде других узнали о революционных выступлениях в России. Кроме того, в Персию перебрались многие преследуемые в России кавказские революционеры [6].

12 декабря 1905 г. тегеранский генерал-губернатор Ала од-Дойлы приказал бить палками по пяткам купцов, которые подняли цены на импортный сахар. Этот приказ вызвал недовольство столичных купцов, которых поддержало духовенство во главе с муллами Абдоллой Бебехани, Мохаммедом Табатабаи и Джамалем эд-Дином, недовольное засильем иностранцев в стране. В Тегеране начались демонстрации с требованиями отставки визиря Эйна од-Дойлы и иностранных чиновников. В ответ правительство разогнало уличные толпы, однако репрессии только усилили активность агитаторов и недовольство населения.

В Петербурге и Лондоне с напряжением ожидали дальнейшего развития событий в Персии. Усиление волнений могло стать поводом для ввода войск в Персию, и каждая из держав пристально следила за инициативами друг друга. При этом британцы негласно поддерживали демонстрантов: так они стремились укрепить антирусские настроения в среде недовольных. 16 июля 1906 г. девять купцов, опасаясь ареста, воспользовались бестом – правом убежища и неприкосновенности – в саду дипломатической миссии Англии. К концу июля к ним присоединилось от 5 до 14 тыс. чел., а высшее духовенство в знак протеста против действий властей выехало из столицы в Кум. Шах Мозаффар эд-Дин пошел на уступки и уволил Эйна од-Дойлы, но толпа, укрывшаяся в британской миссии, выдвинула новое требование – принятие конституции и созыв всенародного парламента – меджлиса. Под давлением народного движения и ввиду отказа войск подавить выступления шах 5 августа 1906 г. издал указ о подготовке конституционных реформ, а 9 сентября 1906 г. – положение о выборах в

меджлис. Придворные, пользуясь временным затишьем, призывали шаха отказаться от союзу меджлиса. В ответ на это в Тебризе, центре Иранского Азербайджана, началась всеобщая забастовка и был образован первый энджумен – выборный революционный орган из представителей купечества, ремесленников и крестьян.

В Лондоне опасались, что Россия под предлогом защиты своих граждан введет в Персию войска. В Петербурге опасались, что так же поступят британцы. Усилилась активность Германии в регионе, и обе державы не желали допустить этого усиления, основанного на неприязни персов к русским и британцам. Выходом из ситуации представлялся раздел сфер влияния держав в Персии, по поводу чего начались англо-русские консультации.

В России для достижения согласия с Лондоном требовалось преодолеть сопротивление придворных германофилов. Помимо царской семьи Германии симпатизировали некоторые великие князья, министры и члены Государственного совета (А. В. Кривошеин, И. Л. Горемыкин, П. Н. Дурново и др.). Проводником идеи соглашения с Англией стал министр иностранных дел А. П. Извольский. На совещании 20 сентября 1906 г. он выступил в защиту соглашения: «Необходимо сделать выбор между соглашением, способным надежно обеспечить часть наших интересов, и соперничеством в условиях, когда мы не можем быть уверены, что вопросы, касающиеся нас, не будут решаться без нас и в ущерб нам» [7].

В октябре 1906 г. в Тегеране открылся меджлис, начавший подготовку проекта конституции, ограничивавшей деятельность шаха и правительства. Однако подписание шахом проекта затягивалось: Мозаффар эд-Дин был тяжело болен, и шахская свита рассчитывала на то, что на трон взойдет его сын, убежденный реакционер Мухаммед Али. Но болезнь шаха затягивалась, и 30 декабря 1906 г. он был вынужден подписать первую часть конституции. Через пять дней, 4 января 1907 г., он скончался. Взошедшему на престол Мухаммеду Али меджлис выдвинул ультимативное требование подписать вторую часть Конституции и уволить всех иностранных чиновников. Однако шах проигнорировал эти требования и намеревался разогнать меджлис силой, что привело к усилению волнений в городах. В феврале 1907 г. в Тебризе вспыхнуло антиправительственное восстание: повстанцы захватили телеграф, арсенал, казармы и арестовали губернатора.

В этих условиях в Лондоне и Петербурге усиленно обсуждали проект разделения Персии на сферы влияния. Волнения грозили перерасти в гражданскую войну, и державы были намерены уладить свои разногласия до ее начала. 14 февраля 1907 г. на совещании министров Извольский вновь выступил в защиту своего проекта соглашения. Он заявил, что события последних лет выявили невозможность установления господства России в Персии и поставили вопрос об устранении конфликта с Англией, наиболее удобным средством для чего явилось бы разграничение сфер влияния. Обсуждалась возможная демаркационная линия между русской и британской сферами влияния.

Слухи об англо-русском сближении усиливали тревогу в Тегеране: в соперничестве двух держав Персия видела гарантию своей независимости. Персидский посланник в Лондоне Ала ос-Солтане задал лорду Лэнсдауну вопрос о правдивости этих слухов, однако Лэнсдаун категорично заявил, что они ни на чем не основаны. Однако, несмотря на заверения, данные британцами шаху, англо-русское соглашение о разделе сфер влияния в Персии, Афганистане и Тибете было подписано послом Великобритании в России А. Николсоном и министром иностранных дел России А. Извольским в Петербурге 31 августа 1907 г. В Лондоне до последнего момента опасались, что Россия может дать задний ход. Но у России не было намерения отказываться от подписания. Новый премьер-министр П. А. Столыпин четко обозначил приоритеты внешней политики – оградить Россию от угрозы войны, и соглашение с Англией представлялось одной из необходимых для этого мер.

В тексте англо-русского соглашения открыто признавалось, что «каждая из сторон имеет по причинам географического и экономического характера специальный интерес в некоторых провинциях Персии и, желая избежать столкновения интересов, стороны согласились на подписание договора» [8]. Северная, самая большая, была оставлена за Россией, там Британия обещала не поддерживать в пользу британских подданных никаких концессий политического или экономического характера. Линия, отделяющая русскую часть, как того хотел Извольский, проводилась от Касре-Ширина через Исфahan и Йезд к пункту на персидской границе, где сходились русская и афганская границы. Россия, со своей стороны, взяла на себя аналогичные обязательства в отношении территорий за линией, идущей от афганской

границы через Газек, Бирдженд и Керман и кончающейся в Бендер-Аббасе. Центральная часть Персии должна была остаться районом концессий обеих сторон. Помимо Персии, соглашение урегулировало спорные вопросы между державами в Афганистане и Тибете.

Персы, узнав о соглашении, были возмущены. При этом их гнев был обращен больше против Британии, чем против России: персидские националисты, негласно поддерживаемые Лондоном в их антирусских настроениях, не ожидали предательства. Тем не менее 20 марта 1912 г. персидское правительство было вынуждено официально признать русско-английское соглашение 1907 г.

В Британии мнения по поводу соглашения разделились. Глава внешнеполитического ведомства сэр Э. Грей и А. Николсон его защищали, заявляя, что это соглашение 1907 г. дает Британии односторонние выгоды: «То, что приобрели мы, – реально; то, что приобрела Россия, – видимость» [9]. Было достаточно и тех, кто не видел выгод в соглашении и считал его слабым и искусственным компромиссом, не популярным ни в Англии, ни в России.

Русское общественное мнение, действительно, в целом негативно отнеслось к соглашению с Англией. Дума выслушала краткое заявление Извольского и некоторые одобрительные замечания П. Н. Милюкова. Пресса была настроена либо скептически, либо недоброжелательно.

Разные мнения высказывались и по поводу длительности соглашения. Текст договора никак не регламентировал срок действия соглашения, однако и в России, и в Англии господствовало представление о его временном характере. К согласию державы толкала напряженная атмосфера в Европе, вынуждавшая государства найти союзника и развязать руки для дальнейших действий. Поэтому в обеих столицах присутствовала мысль о том, что после изменения ситуации в Европе соперничество будет продолжено.

Несмотря на разные оценки, соглашение 1907 г. сыграло важную роль как в англо-русском противостоянии в Персии, так и в международных отношениях начала XX в. в целом. Его предпосылками стали экономические трудности обеих держав, усиление германской экспансии и начавшаяся Персидская революция. Соглашение, с одной стороны, на время прекратило соревнование Англии и России за господство в Персии, разделив ее на сферы влияния. С другой стороны, оно имело мировое значение, став важным шагом в оформлении Антанты – военно-политического союза, противостоявшего блоку Германии, Австро-Венгрии и Италии, в преддверии Первой мировой войны.

Примечания

1. Казем-заде Ф. Борьба за влияние в Персии: дипломатическое противостояние России и Англии. М.: Центрполиграф, 2004. С. 375.
2. Ананьич Б. В. Англия и Россия в Персии накануне соглашения 1907 года: дис. ... канд. ист. наук. Л., 1961. С. 104.
3. Кулагина Л. М. Экспансия английского империализма в Иране в к. XIX – н. XX вв. М., 1981. С. 108.
4. Игнатьев А. В. Русско-английские отношения накануне Первой мировой войны. 1908–1914 гг. М.: Соцэкгиз, 1962. С. 113–114.
5. Бондаревский Г. Л. Борьба за Персидский залив, Аравийский полуостров и Красное море на рубеже XIX–XX вв. М.: Политиздат, 1965. С. 101.
6. Генис В. Л. Кавказские боевики в Персии (1908–1911 гг.) // Вопросы истории. 1997. № 5. С. 3–21.
7. Кулагина Л. М. Указ. соч. С. 221.
8. Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917. М.: Госполитиздат, 1952. С. 386–387.
9. Казем-заде Ф. Указ. соч. С. 357.

Notes

1. Kazem-zade F. *Bor'ba za vliyaniye v Persii: diplomaticheskoye protivostoyaniye Rossii i Anglii* [Struggle for influence in Persia: a diplomatic confrontation between Russia and England]. Moscow. Centropoligraph. 2004. P. 375.
2. Ananich B.V. *Angliya i Rossiya v Persii nakanune soglasheniya 1907 goda: dis. ... kand. ist. nauk* [Britain and Russia in Persia before the agreement of 1907: dis. ... Cand. Hist. sci.] Leningrad. 1961. P. 104.
3. Kulagina L. M. *EHkspansiya anglijskogo imperializma v Irane v k. XIX – n. XX vv* [Expansion of British imperialism in Iran in K. XIX - beginning XX centuries] Moscow. 1981. P. 108.
4. Ignatiev A. V. *Russko anglijskie otnosheniya nakanune Pervoj mirovoj vojny. 1908–1914 gg* [English-Russian relations on the eve of the First world war. 1908–1914.] Moscow. Sotsekiz. 1962. Pp. 113–114.

5. Bondarevsky G. L. . *Bor'ba za Persidskij zaliv, Aravijskij poluostrov i Krasnoe more na rubezhe XIX–XX vv.* [Struggle for the Persian Gulf, the Arabian Peninsula and the Red sea at the turn of XIX-XX centuries] Moscow. Gosolitizdat. 1965. P. 101.
6. Genis V. L. *Kavkazskie boeviki v Persii (1908–1911 gg.)* [Caucasian militants in Persia (1908-1911)] // *Voprosy istorii* - Questions of history. 1997, No. 5, pp. 3-21.
7. Kulagina L. M. Op. cit. P. 221.
8. Collection of treaties between Russia and other States. 1856-1917. Moscow. Gospolitizdat. 1952. Pp. 386-387. (in Russ.)
9. Kazem-zade F. Op. cit. P. 357.

УДК 94(470.342)“1914/1917”

А. В. Тарасов

Вятская губерния в 1914–1917 гг.: власть и общество в условиях Первой мировой войны

В статье рассматриваются вопросы, связанные с жизнью общества Вятской губернии и деятельностью органов государственного управления по отношению к местному населению в период Первой мировой войны.

The article discusses the issues associated with the life of society of the Vyatka province and activity of the governmental authorities towards to local population in the World War I.

Ключевые слова: Первая мировая война, Вятская губерния, военнопленные, власть, общество.

Keywords: World War I, Vyatka province, prisoners of war, governmental, society.

После объявления России войны со стороны Германии в жизни вятчан почти сразу начались перемены, согласно требованиям военного времени [1]. С 24 июля 1914 г. губерния оказалась на положении чрезвычайной охраны. Сначала – до 4 сентября 1914 г., а затем этот статус продлился в ходе войны «с предоставлением вятскому губернатору прав главноначальствующего» [2]. Властям вменялось в обязанность не допускать проявлений недовольства на почве дороговизны продуктов и товаров, их недостатка, предупреждать беспорядки «всеми приемлемыми способами и самым решительным образом» [3].

В августе 1914 г. городским головам было разрешено созывать чрезвычайные собрания городских дум в тех случаях, когда требовалось немедленное рассмотрение конкретных вопросов, вызванных войной. При этом они освобождались от «обязанности испрашивать» со стороны губернатора разрешения на их проведение, достаточно было «по закрытию собраний немедленно сообщить об их проведении» [4]. Эта вынужденная мера давала возможность органам местного самоуправления оперативно решать возникавшие вопросы.

1 июня 1915 г. губернатор А. Г. Чернявский издал распоряжение, по которому любые шествия, демонстрации и манифестации, включая патриотические, запрещались. Исключение могло быть сделано только для патриотических шествий, вызываемых особыми обстоятельствами. Всякое, даже «минимальное, сопротивление толпы должно в самые кратчайшие сроки подавляться» [5]. Полиция усиливалась: дополнительно направлялись вспомогательные и сверхплановые силы стражников в города и крупные фабричные поселения. Ужесточалась охрана тех предприятий и заводов, которые обслуживали армию и производили военную продукцию, в таких местностях повсеместно вводилось секретное наблюдение. Неспособность справиться с беспорядками объявлялась преступной [6].

В годы войны в губернию выслали иностранных военнообязанных, которых расселяли по уездным городам. Местное население спокойно отнеслось к массам прибывавших поданных враждебных государств. Но наличие иностранцев было чревато погромами. 15 июня 1915 г. Чернявский получил от начальника Вятского губернского жандармского управления

донесение, где утверждалось, что проживавший в Вятке по Николаевской улице германский подданный Кюххе встретил неизвестного русского подданного, который сказал ему: «Сегодня ночью начнется погром немцев с их дома, а затем аптеки Берман, магазина “Проводник”, аптеки Бока и других» [7].

Секретно были отданы распоряжения полиции и конной страже группироваться у мест возможного возникновения беспорядков, в городе были размещены дополнительные силы полиции, а под видом учений полурота нижних чинов должна была находиться на губернской площади, где всегда собиралось самое большое число жителей Вятки. Погромов немецких подданных в городе так и не произошло. Отдельные стычки остались исключениями [8].

Так, в самом начале войны, 5 августа 1914 г., в 8 вечера у кинематографа «Прогресс» за двумя германскими военнопленными увязалась огромная толпа воинственно настроенных горожан. Однако грамотные действия вятского полицмейстера А. В. Румянцева позволили избежать трагедии [9].

Летом 1915 г. в губернии, особенно в Вятке, возникали слухи о погромах немцев. Но они были всего лишь проявлением массовых настроений. По оценкам вятской полиции, настроение населения было спокойным, а до ноября 1915 г. даже оставалось «приподнятым и переполненным патриотическими чувствами». Жители Вятки с большим вниманием относились к новостям с фронта, переживали успехи и неудачи «вполне хладнокровно». Общий же вектор настроений, по полицейским сводкам, состоял в желании довести войну до победного конца, серьезного недовольства призывами в армию не было, так как население в своей массе осознавало, что потребности вооруженных сил велики, а война – «занятие дорогостоящее» [10].

Однако отношение населения к военнопленным и военнообязанным из враждебных стран зачастую менялось, отражая поведение последних. Так, сильное недовольство вызывал у местного населения рост цен на продукты питания, обусловленный наличием большого количества иностранных подданных, многие из которых обладали достаточными средствами для приобретения товаров даже по высоким ценам. А в беднейших слоях местного населения, как правило, рабочих, у которых родственники ушли на войну, это вызывало раздражение. К тому же многие иностранцы вели себя вызывающе, ходили в увеселительные заведения. Полиция отмечала, что жители высказывались насчет них так: «Что их кормить даром, нужно заставить их что-нибудь работать», «Как волка не корми, все в лес смотрит» [11].

Наличие военнообязанных-иностранцев и военнопленных в Вятской губернии имело и положительный эффект: повсеместная нехватка рабочих рук и подорожание работ частично ослаблялись присутствием множества людей, которые могли выполнять хотя бы часть их. При этом делалось все возможное, чтобы иностранные подданные максимально были отдалены от местного населения: военнообязанным запрещалось бывать у местных жителей, а тем – у военнообязанных, под угрозой заключения в тюрьму или крепость на три месяца, ареста на тот же срок или штрафа до 3 тыс. руб. [9] Военнообязанным Германии, Австро-Венгрии и Турции запрещалось вести любые разговоры с нижними чинами гарнизонов, а также с ранеными и больными воинами. Тем не менее сами военнообязанные нередко вели себя вольно, особенно по отношению к девушкам, стремились завязать разговор, зачастую вступали в интимную связь с русскими женщинами [12]. Вплоть до осени 1916 г. военнопленными или военнообязанными неприятельских государств с утра по повышенным ценам скупались продукты питания, что лишало часть местных жителей возможности приобрести мясо, яйца, молоко, масло, овощи по нормальным ценам. По этой причине городские управы запретили утреннюю продажу в руки иностранцев, а вскоре начали определять объемы продаж для каждого иностранного подданного [13]. Однако торговцы всячески пытались обойти эти запреты.

Немало усилий власти приложили для воплощения в жизнь правительственного запрета продажи алкоголя. 12 ноября 1914 г. вышло обязательное постановление губернатора, по которому запрещалось приобретавшим спирт, вино или другие крепкие напитки для химических, технических, ученых, учебных, фармацевтических или лечебных надобностей употреблять их в качестве напитков или заниматься их перепродажей [14].

В полицейских сводках отмечалось, что «население с радостью встретило правительственное распоряжение о прекращении виноторговли... теперь замечается полный достаток и довольство своим положением, и является возможность... труженику делать сбережения на черный день» [15]. В действительности же население не прекратило употреблять спиртное.

Так, из отчетов городских управ видно, что после запрета продажи алкогольной продукции распространение получило (в том числе и среди детей) употребление различных суррогатов, которое «расползлось и вширь, и вглубь» [16].

Полицейская статистика отметила снижение числа преступлений, совершенных в состоянии алкогольного опьянения. Тем не менее нетрезвые ратники и солдаты нередко встречались на улицах Вятки. В сентябре 1914 г. пристав 2-й части доносил вятскому полицмейстеру Румянцеву: «В дом терпимости ежедневно приходят нижние чины пулеметной команды 333-го Глазовского полка и позволяют себе здесь всевозможные дебоширства, поют песни, ругаются сквернословием, матерной бранью и не обращают никакого внимания на содержательниц домов терпимости и постового городского. В ночь на 22 сентября 1914 г. они изрезали салфетку на столе и изорвали шторы в сенях» [17].

Вятская городская управа, договорившись с Нижегородской управой, совместно выступали за ослабление вреда от пива путем снижения его крепости до 3%, а также за запрет выносной торговли пивом. Особо ратовали они за полный запрет продажи пива в определенных местностях, круг которых должен был определяться местными властями. А сам спирт должен был отпускаться только для химических, технических, ученых, учебных, фармацевтических, косметических и подобных нужд. В аптеках все спиртосодержащие лекарства можно было бы приобретать только по рецептам врачей или по удостоверениям врачебных управлений. Все это делалось, как заявлялось, для того, чтобы «обновленная Россия пошла бы по пути славного будущего» [18].

В годы войны в Вятской губернии росли цены практически на все товары и услуги. Порой цены завышались торговцами искусственно, нередко в зависимости от количества народа на рынках. Быстрее других росли цены на белый хлеб, свинину, муку, масло, сахар-рафинад, рыбу, овес, ячмень [19]. На некоторые продукты цены колебались в зависимости от сезона, в том числе и в сторону снижения (картофель и отдельные сорта мяса). Рост цен вызывал недовольство горожан: многие не имели средств для приобретения жизненно необходимых продуктов. Это порождало доносы, анонимные письма в полицию. Так, в 1914 г. неизвестный детально представил в письме вятскому полицмейстеру Румянцеву перечень товаров, продающихся одним из торговцев, с указанием цен на них до и после повышения. Свое письмо он закончил так: «Надеюсь, что вы в скором времени обратите внимание на это нечеловеческое обстоятельство и поставите торговлю господина Фоминых согласно законам» [20].

Поначалу власти пытались устанавливать «твердые» цены на жизненно необходимые продукты питания. Однако установление «твердых» цен на продукты местного происхождения (картофель, ржаную муку, овес и прочие) приводило лишь к сокращению подвоза в города и, как следствие, еще большему повышению цен. Вместе с тем до 9 часов утра запрещалась любая скупка жизненно необходимых продуктов питания всем перекупщикам [21].

Торговцы, со своей стороны, сопротивлялись установлению «твердых» цен. Так, в декабре 1915 г. торговцы Вятки обратились с просьбой в городскую думу о пересмотре таксы на сахар-рафинад, ссылаясь на то, что в условиях, когда заводчики продают его по высоким ценам, привоз и торговля им на рынках губернии попросту стала невыгодной и даже убыточной. Аналогичные прошения поступили и от торговцев хлебом в марте 1916 г. [22]

В условиях дороговизны горожане все чаще писали прошения о понижении цен на товары и увеличении жалованья и заработной платы. Так, в июне 1917 г. служащие городской Орловской электростанции просили у городской управы повысить оклады на 35–80%, мотивируя просьбу «крайней дороговизной и невозможностью жить на такие жалкие гроши». В сентябре о том же просили служащие Орловской городской пожарной команды, указывая на необходимость увеличения жалованья на 50% ввиду их «материального положения, при котором при настоящей дороговизне жизни существовать положительно невозможно». В октябре преподаватели орловских училищ писали начальству: «Получаемых нами 30–40 рублей в месяц не хватает на самое необходимое, из-за чего покорнейше просим инспектора народных училищ, чтобы он ходатайствовал перед орловской городской думой о выдаче прибавок на время дороговизны» [23].

Некоторые оказывались просто не в состоянии содержать семьи. Так, 7 февраля 1917 г. вдова Матрена Трапезникова, мать семерых детей в возрасте от 1 года до 12 лет, жившая на 12 руб. в месяц, просила принять в открываемые приюты двух ее девочек и двух мальчиков [24].

Таким образом, в годы Первой мировой войны в условиях быстрой инфляции неуклонно падал уровень жизни населения, возникли трудности в снабжении городов продовольствием, обострились другие социальные проблемы. В массе населения стало быстро распространяться недовольство. В этой ситуации губернские власти ужесточили полицейский контроль, прибегли к изданию многочисленных ограничительно-регулирующих распоряжений.

Наиболее негативно военное время отразилось на крестьянстве губернии, которое несло основное бремя налогов и являлось основой солдатского контингента. Помимо налогов государство проводило в крестьянских хозяйствах реквизиции лошадей, скота и зерна для армии. И, кроме того, для военных нужд крестьянам приходилось выполнять различные принудительные работы и повинности по прокладке дорог, шоссейных и железнодорожных, перевозке грузов и заготовке леса (дров) для военных заводов, с частичной оплатой этого труда. Заготовка леса была связана с тем, что в уральской промышленности доминировало древесное топливо. В промышленности Вятской губернии, по данным 1916 г., на древесное топливо приходилось 10% [25].

Возникновение системы принудительного труда было закономерностью военного времени и наблюдалось во всех воюющих странах Первой мировой войны. Согласно царскому указу от 8 декабря 1914 г. о принятии всех мер для безостановочной работы военных заводов, губернатором Вятской губернии А. Г. Чернявским была создана в уездном городе Сарапуле особая реквизиционная комиссия, в обязанности которой входила организация крестьянского населения на принудительные работы, в первую очередь, по обеспечению казенных Воткинского и Ижевских заводов топливом (дровами). Для этих работ должны были привлекаться крестьяне Сарапульского, Елабужского, Малмыжского, Глазовского уездов, а также Оханского и Осинского уездов Пермской губернии. К работам должно было привлекаться трудоспособное население, с 18 до 45 лет, со своим инструментом и своими лошадьми. Отказ от выполнения принудительных работ грозил наказанием по законам военного времени: «Заключение в тюрьму или крепость на три месяца, арест на тот же срок или денежный штраф до 3 тыс. р.» [26]

Первый наряд на рубку и вывозку дров для Воткинского и Ижевских оружейного и сталелитейного заводов поступил в январе 1915 г. По этому наряду крестьяне 10 волостей Глазовского уезда должны были вырубить и вывезти 36 тыс. куб. сажень дров. Например, Балезинская волость должна была по разнарядке направить в лес 1351 человек, Люкская 1601 пешего и конного [27].

Условия труда в лесу были очень тяжелые. Жилищ для лесорубов, построенных заводами, не хватало. Сами крестьяне, ввиду временности работы, часто не желали строить себе жилье в лесу, и нередко бывало, что люди спали в лесу у костров под открытым небом в тридцатиградусные морозы. Хотя возраст привлеченных крестьян от 18 до 25 лет строго оговаривался высшими властями, это условие часто нарушалось местной администрацией. В циркуляре вятского губернатора Н. Руднева земским начальникам Сарапульского, Елабужского, Глазовского и Малмыжского уездов о предотвращении использования лиц, не способных к работам по заготовке дров для Ижевских казенных заводов, от 4 мая 1916 г. признавалось, что «на работы по заготовке дров для Ижевских заводов высылаются лица, не способные для таких работ, а именно: дряхлые старики, подростки, больные и женщины; причем среди последних бывают даже с грудными детьми». Губернатор предлагал земским начальникам немедленно указать должностным лицам волостного и сельского управления о привлечении к работам только людей, пригодных для этого. Появление циркуляра свидетельствует о довольно широком распространении подобных злоупотреблений местных властей и о стремлении губернских властей избегать повода для излишнего недовольства крестьян [28].

Крестьяне часто обращались к местным властям и администрации Ижевских заводов с жалобами. Так, 60-летние жители деревни Сундошур Игринской волости Н. М. Наговицын и У. И. Ившин, обращаясь к представителю Ижевских заводов, жаловались на тяжелый труд по рубке леса для заводов: «Уже много лет по болезни рук и ног не можем работать. Выполнение этих работ является для нас физически невозможно, по разнарядке нам надо вырубить и вывезти по 8 квадратных сажень дров. Если нанять вместо себя, то придется заплатить самое меньшее по 70 руб., что приведет к полному разорению хозяйства. Остальные члены семьи малолетние, а сыновья мобилизованы» [29].

Мать троих детей Ирина Степановна Хохрякова в письме к мужу, призванному в армию, сообщала: «Детей моих малых оставить не с кем, богатые соседи постоянно осыпают меня оскорблениями и принудили меня насильственным образом уплатить в пользу их, богатых соседей, 10 р. за вывозку дров» [30].

Часто мобилизованные в армию крестьяне писали жалобы местному начальству о притеснениях их жен и семей, связанных с принудительными работами. Так, мобилизованный крестьянин деревни Мокрушиной Игринской волости Глазовского уезда И. М. Щуклин жаловался в письме земскому начальнику: «После меня на родине осталось следующее семейство: жена Ольга, 45 лет, с четырьмя малолетними детьми, а также домашнее хозяйство. Из полученных мною сведений я узнал, что мою жену Ольгу по распоряжению игринского волостного старшины отправляют на работы пилить дрова для надобностей Ижевского оружейного завода. Ввиду изложенного покорнейше прошу Ваше высокоблагородие сделать распоряжение об освобождении моей жены Ольги Щуклиной от вышеуказанных работ». Через три месяца И. М. Щуклин получил официальное уведомление, что его жена старшиной волостного правления к принудительным работам не привлекалась, а соседи, привлеченные к этим работам, предъявили требования о материальной помощи из-за выполнения работ за освобожденных солдаток [31].

Мобилизованный житель деревни Верх-Кулюгорт Игринской волости М. Я. Тронин в мае 1916 г. написал прошение земскому начальнику об освобождении от принудительных работ своей жены, оставшейся с тремя малолетними детьми и инвалидом-отцом, и о возвращении взысканного с жены штрафа в размере 70 р. за ее отказ от принудительных работ. А «так как у нее не было денег, то ей пришлось продать единственную лошадь и заплатить штраф». В полученном через два месяца уведомлении М. Я. Тронину сообщили, что его жена к принудительным работам не привлекалась, штраф с нее не взыскивался, а лошадь была продана из-за старости до привлечения населения деревни Верх-Кулюгорт к работам [32].

В результате тяжелого труда и лишений немало крестьян, загнанных в лес, тяжело болели, умирали. Не выдерживая каторжного труда, крестьяне стали отказываться от выполнения принудительных работ [33].

Еще в 1915 г. привлеченные на лесоразработки крестьяне начали самовольно покидать работу в лесу. Поначалу это были единичные случаи, но в 1916 г. самовольный уход с принудительных работ принял массовый характер. В январе 1916 г. крестьяне ряда волостей Елабужского уезда самовольно бросили работу в лесу и уехали в свои селения. Многие сельские общества на своих сходах категорически отказывались ехать на работы в лес. Полиция и земские начальники приказывали должностным лицам силой выгонять людей на работы в лес, но движение против принудительных работ принимало столь большие размеры, что у местных властей уже не хватало полицейских сил для борьбы с крестьянами. Только в Глазовском уезде Вятской губернии в 1916 г. произошло до 20 выступлений крестьянского населения против принудительных работ [34].

Своеобразной и широко распространенной формой уклонения крестьян от принудительных работ стало использование справок о болезни. Сарапульская реквизиционная комиссия указывала на этот факт: «Массами поступают заявления от крестьян об освобождении их от принудительных работ, почти каждый из них предоставляет медицинское свидетельство о болезни, выданное, в большинстве случаев, частным врачом Самоглядковым. С такими свидетельствами пришлось освободить от работ около ста человек». Реквизиционная комиссия уведомила земских начальников, что нетрудоспособные крестьяне от принудительных работ по рубке и вывозке дров освобождаются «только в том случае, когда свидетельства эти о болезни выданы правительственным врачом, в крайнем случае, земским врачом в присутствии полицейского чина» [35].

В 1916 г. в Вятской губернии нередко были случаи отказа от принудительных работ для заводов военнообязанных крестьян, получивших пятимесячную отсрочку от призыва в армию и желавших быть призванными. Они считали условия работы на заводе худшими по сравнению с армией, к тому же их семьи не получали пайков, как семьи военнослужащих. В связи с этим Сарапульская реквизиционная комиссия на заседании 24 сентября 1916 г. «постановила: военнообязанных, наряженных на принудительные работы, получивших пятимесячные отсрочки, с работ не освобождать, о чем уведомить всех земских начальников Вятской губернии» [36].

В лесных дачах Ижевских оружейного и железодельного заводов с 1 мая 1916 г. ежедневно работало 7000 рубщиков, Воткинского железодельного завода – до 5120. За два месяца ими было заготовлено до 138 870 сажень дров. В Ижевском лесничестве зимой 1917 г. находилось до 35 тыс. дроворубщиков, возчиков и углежогов. В лесах вокруг Воткинска трудилось по 2–3 тыс. человек [37].

Кроме заготовки леса для Воткинского и Ижевских казенных заводов крестьяне Вятской губернии также были привлечены к принудительным работам для перевозки руды, известняка, железного лома, стружки, смазочных материалов, кирпича Омутнинскому, Песковскому, Кирсинскому заводам Акционерного общества «Северные заводы» наследников Н. П. Пастухова, для обслуживания Сюгинского и Бондюжского заводов, на строительство железной дороги Агрыз-Ижевск, Ижевск-Воткинск [38].

Таким образом, государство, организовывая принудительные работы и повинности, связанные с заготовкой топлива для военных заводов, перевозкой дров, сырья, выжигания угля, строительством и ремонтом грунтовых и железных дорог, подрывало сельскохозяйственное производство губернии, в котором и без того ощущалась острая нехватка рабочих рук. И, как следствие, уменьшились посевные площади и снизился урожай хлеба. Особенно в тяжелом положении оказались крестьяне Сарапульского, Глазовского и Елабужского уездов, находившиеся вблизи Ижевских и Воткинского заводов и строившейся железной дороги Казань – Екатеринбург [39].

Принудительные повинности усиливали недовольство крестьян войной и рост революционных настроений в деревне.

Примечания

1. Судовиков М. С. 1914 год в истории Вятско-Камского региона // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2014. № 5. С. 47.
2. Государственный архив Кировской области (ГАКО). Ф. 721. Оп. 1. Д. 1180. Л. 115.
3. ГАКО. Ф. 631. Оп. 1. Д. 481. Л. 2.
4. ГАКО. Ф. 721. Оп. 1. Д. 1257. Л. 34–34об.
5. Там же. Л. 4.
6. От канцелярии Вятского губернатора // Вятская речь. 1914. № 30. С. 4.
7. Там же.
8. ГАКО. Ф. 721. Оп. 1. Д. 1257. Л. 50 об.–52 об.
9. Там же. Д. 1203. Л. 62–64 об.
10. Там же. Д. 1255. Л. 54.
11. Там же. Л. 230.
12. ГАКО. Ф. 863. Оп. 1. Д. 21. Л. 90–90 об.
13. ГАКО. Ф. 721. Оп. 1. Д. 1180. Л. 703.
14. ГАКО. Ф. 632. Оп. 1. Д. 303. Л. 4–4 об.
15. ГАКО. Ф. 862. Оп. 1. Д. 2833. Л. 186.
16. ГАКО. Ф. 721. Оп. 1. Д. 1188. Л. 116–116 об.
17. ГАКО. Ф. 823. Оп. 2. Д. 102. Л. 14–15.
18. ГАКО. Ф. 628. Оп. 6. Д. 655. Л. 49–50.
19. ГАКО. Ф. 721. Оп. 1. Д. 1188. Л. 332–332 об.
20. ГАКО. Ф. 862. Оп. 1. Д. 2833. Л. 189–189 об.
21. ГАКО. Ф. 628. Оп. 6. Д. 641. Л. 50–51 об.
22. Там же. Л. 251.
23. ГАКО. Ф. 863. Оп. 1. Д. 21. Л. 9.
24. Там же. Д. 20а. Л. 38, 151; Д. 27. Л. 45.
25. Там же. Л. 24.
26. Поликарпов В. В. Военнопленные в лагерях под Ижевском в 1915–1916 гг. // Военная история. 2007. № 2. С. 100.
27. Вятская речь. 1917. № 92. С. 3.
28. Вятская речь. 1917. № 97. С. 3.
29. Вятская речь. 1917. № 200. С. 3–4.
30. Вятская речь. 1916. № 44. С. 4.
31. Вятская речь. 1915. № 30. С. 3.
32. Там же.
33. ГАКО. Ф. 1062. Оп. 1. Д. 696. Л. 5.
34. Там же. Л. 396.

35. Там же. Д. 708. Л. 243 об.
36. Там же. Л. 102–103, 106.
37. Там же. Д. 822. Л. 25.
38. Там же. С. 104.
39. Там же. Ф. 1068. Оп. 2. Д. 83. Л. 9–9 об.

Notes

1. Sudovicov M. S. *1914 god v istorii Vyatsko Kamskogo regiona* [1914 in the history of the Vyatka-Kama region] // *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta* - Herald of the Vyatka State University of Humanities. 2014, No. 5, p. 47.
2. State archive of the Kirov region (GAKO). F. 721. Sh. 1. File 1180. Sh. 115.
3. GAKO. F. 631. Sh. 1. File 481. Sh. 2.
4. GAKO. F. 721. Sh. 1. File 1257. Sh. 34-turn.
5. Ibid. Sh. 4.
6. . *Ot kancelyarii Vyatskogo gubernatora* - From the office of Vyatka Governor // *Vyatskaya rech'*-Vyatka speech. 1914, No. 30, p. 4.
7. Ibid.
8. GAKO. F. 721. Sh. 1. File 1257. Sh. 50.-52 turn.
9. Ibid. File 1203. Sh. 62-64 turn.
10. Ibid. File 1255. Sh. 54.
11. Ibid. Sh. 230.
12. GAKO. F. 863. Sh. 1. File 21. Sh. 90-90 turn.
13. GAKO. F. 721. Sh. 1. File 1180. Sh. 703.
14. GAKO. F. 632. Sh. 1. File 303. Sh. 4-4 turn.
15. GAKO. F. 862. Sh. 1. File 2833. Sh. 186.
16. GAKO. F. 721. Sh. 1. File 1188. Sh. 116-116 turn.
17. GAKO. F. 823. Sh. 2. File 102. Sh. 14-15.
18. GAKO. F. 628. Sh. 6. File 655. Sh. 49-50.
19. GAKO. F. 721. Sh. 1. File 1188. Sh. 332-332 turn.
20. GAKO. F. 862. Sh. 1. File 2833. Sh. 189-189 turn.
21. GAKO. F. 628. Sh. 6. File 641. Sh. 50-51 turn.
22. Ibid. Sh. 251.
23. GAKO. F. 863. Sh. 1. File 21. Sh. 9.
24. Ibid. File 20A. Sh. 38, 151; File 27. Sh. 45.
25. Ibid. Sh. 24.
26. Polikarpov V.V. *Voennoplennye v lageryah pod Izhevskom v 1915–1916 gg.* [Prisoners of war in camps near Izhevsk in 1915-1916] // *Voennaya istoriya* - Military history. 2007, No. 2, p. 100.
27. *Vyatskaya rech'*-Vyatka speech. 1917, No. 92, p. 3.
28. *Vyatskaya rech'*-Vyatka speech. 1917, No. 97, p. 3.
29. *Vyatskaya rech'*-Vyatka speech. 1917, No. 200, pp. 3-4.
30. *Vyatskaya rech'*-Vyatka speech. 1916, No. 44, p. 4.
31. *Vyatskaya rech'*-Vyatka speech. 1915, No. 30, p. 3.
32. Ibid.
33. GAKO. F. 1062. Sh. 1. File 696. Sh L. 5.
34. Ibid. Sh 396.
35. Ibid. File 708. Sh. 243 turn.
36. Ibid. Sh. 102-103, 106.
37. Ibid. File 822. Sh. 25.
38. Ibid. P. 104.
39. Ibid. F. 1068. Sh. 2. File 83. Sh. 9-9 about.

Документы ЦГА Москвы о положении военнопленных центральных держав на территории Коломенского уезда Московской губернии (1916–1917 гг.)

В статье рассмотрено положение военнопленных австро-венгерской армии на территории Коломенского уезда Московской губернии в годы Первой мировой войны. На основе анализа архивных документов (главным образом, делопроизводственных – переписки центральных, региональных и местных органов власти по вопросам размещения, условий содержания и положения пленных) были установлены количество и размещение военнопленных по уездным станам на рубеже 1916–1917 гг., их национальный и конфессиональный состав. Исследование данных полицейской статистики позволило выявить сферы применения принудительного труда военнопленных (в сельском хозяйстве, на промышленных предприятиях и железнодорожных станциях, по заданиям Коломенской городской и Земской управ), изучить факты саботажа и побегов, определить применяемые властями меры наказания в отношении нарушителей режима.

The article has discussed the situation of military prisoners of the Austro-Hungarian army on the territory of Kolomna district of Moscow Province during the First World War. It is based on the analysis of archival documents (mainly clerical – correspondence of central, regional and local authorities about the dislocation, conditions of accommodation and provision of the prisoners). The number and dislocation of military prisoners in county camps at the turn of 1916–1917 yy. have been established due to their national and religious composition. Studying data of the police statistics has revealed the area of forced labour of military prisoners (at the agricultural, industrial and railway stations, according to the instructions of Kolomna central and county management), has examined the facts of sabotage and escapes which have been used to determine the authorities penalties against violators.

Ключевые слова: Первая мировая война; Московская губерния; военнопленные; труд военнопленных; саботаж и побеги военнопленных; меры наказания.

Keywords: the First World War; Moscow Province; military prisoners ; forced labour; sabotage and military prisoners' escapes; penalties.

Война является трагедией в жизни любого государства, народа и каждого человека. Таковой была и Первая мировая война, которая сопровождалась невиданными ранее людскими потерями – более 10 млн погибших, умерших от ран и болезней. Но к числу жертв войны справедливо относятся и попавшие в плен – более 8,5 млн воинов солдат враждующих армий. Для этих людей плен стал источником моральных и физических страданий, явился серьезным испытанием на выживание вдали от Родины, в незнакомой и чуждой среде.

Исследователи полагают, что в рассматриваемый период на территории России находились более 2,3 млн военнопленных – солдат и офицеров Германии и Австро-Венгрии. Государственными структурами, ведавшими военнопленными, были специальные отделы штабов фронтов, округов и Главного управления Генерального штаба (ГУГШ). Размещение военнопленных на территории Российской империи было неравномерным: основные места их постоянного пребывания находились в Петроградском, Московском, Казанском, Омском и Иркутском военных округах. Следует подчеркнуть, что значительная часть находившиеся в плену (около 1,5 млн человек) постоянно привлекалась военными и гражданскими властями к трудовой деятельности в различных отраслях экономики России [1].

Рассмотрим подробнее содержание и труд военнопленных на территории Коломенского уезда Московской губернии, входившей в состав Московского военного округа. Выбор территориальных рамок исследования связан с расположением здесь как большого количества промышленных и транспортных предприятий, так и сельскохозяйственных объектов, где использовались трудовые возможности пленных.

История

Обследование фондов Центрального государственного архива г. Москвы (ЦГА Москвы) позволило выявить и впервые ввести в научный оборот материалы о нахождении военнопленных на территории Коломенского уезда. Основную массу документов составила делопроизводственная документация: переписка центральных, региональных и местных органов власти по вопросам организации размещения пленных. В фонде Коломенского полицейского управления (ф. 492) содержатся сведения о количестве военнопленных по уездам в конце 1916 – начале 1917 г., их национальном и конфессиональном составе, приведена статистика использования на различных видах работ, а также свидетельства о побегах и болезнях пленных.

Первые свидетельства о нахождении военнопленных на территории Коломенского уезда содержатся в отчете уездного исправника и относятся к 1916 г. (более ранних источников выявить не удалось) [2].

Таблица 1

Военнопленные, находящиеся на работах в Коломенском уезде Московской губернии на 1916 г.

Виды работ	Военнопленные германской армии (чел.)		Военнопленные австрийской армии (чел.)			Всего
	немцы	словаки	австрийцы	словаки	румыны	
Сельскохозяйственные	–	10	320	30	7	367
Земские и городские службы	–	4	69	–	–	73
Угле- и горнодобывающие предприятия	2	–	54	84	98	238
Торгово-промышленные предприятия	12	–	71	63	24	170
Пути сообщения	–	–	17	8	–	25
Лазарет и больница			13	6		19
Всего	14	15	544	191	129	893

Статистические сведения о военнопленных (начало 1917 г.) содержатся в рапортах станковых приставов Коломенского уезда и свидетельствуют о некотором сокращении числа в связи с переводом их в другие уезды [3]. Отметим, что регистрационный лагерь в Московской губернии для перемещения военнопленных находился в Павловском Посаде [4].

Таблица 2

Военнопленные, находящиеся на работах в Коломенском уезде Московской губернии на 8 февраля 1917 г.

Виды работ	Военнопленные германской армии (чел.)		Военнопленные австрийской армии (чел.)			Всего
	немцы	словаки	австрийцы	словаки	румыны	
Сельскохозяйственные	–	10	323	30	4	393
Земские и городские службы	–	5	69	–	–	68
Угле- и горнодобывающие предприятия	2	–	64	84	98	251
Торгово-промышленные предприятия	–	–	53	63	24	140
Пути сообщения	–	–	17	8	–	25
В лазарете			16	3		
Всего	2	15	542	188	126	873

В пределах Коломенского уезда находились солдаты германской и австрийской армий, при значительном преобладании последних. Интересен и национальный состав: полицейская статистика отмечает присутствие мадьяр, румын (католиков, православных), словаков, венгров, австрийцев, поляков, хорватов, чехов, немцев, евреев, итальянцев, украинцев.

Военнопленные Четверного союза использовались в сельском хозяйстве, на работах при железнодорожных станциях, на промышленных предприятиях, при разгрузке топлива, а также в Коломенской городской управе.

Документы Коломенского полицейского управления сохранили многочисленные свидетельства о применении военнопленных на сельскохозяйственных работах. В «Правилах об отпуске военнопленных на сельскохозяйственные работы» (Высочайше утверждены 28 февраля 1915 г.) в частности указывалось, что земские управы, принимающие на себя распределение военнопленных, были обязаны: а) обеспечить содержание военнопленных и медицинскую им

помощь со времени приема и до передачи в отдельные хозяйства; б) наблюдать за получением военнопленными продовольствия, по возможности, наравне с нижними воинскими чинами, а также одежды и обуви, необходимых для сохранения их здоровья, и за санитарным их состоянием на местах работ; в) обеспечить средства на наем сторожей для охраны военнопленных. Общее руководство охраной военнопленных вверялось чинам местной полиции [5].

Отчеты становых приставов сохранили поименные списки землевладельцев и крестьян, пожелавших взять от Коломенского земства пленных для сельскохозяйственных работ на лето 1916 г. (земство пересылало сводные просьбы-заявки с расписками в соответствующие военные инстанции). Здесь значились фамилии персон, известных как в городе, так и уезде. Например, управляющий именем Б. М. Сеникова при с. Колыберево П. И. Лапин (10 чел. военнопленных), управляющий именем «Товарищества мануфактуры Щербакова сыновей» И. И. Состанцев в Суховской волости (10 чел.), инженер Н. Н. Доброхов в Бояркинской волости (5 чел.), потомственный почетный гражданин А. И. Никольский в с. Бояркино (2 чел.), потомственная дворянка Е. А. Голосова в с. Павлово Федосинской волости (3 чел.), горожане С. П. Половинкин (4 чел.), В. И. Абрамов, (4 чел.), Н. Е. Кислов (2 чел.) и др. Кроме ходатайства с просьбой о выделении пленных для сельскохозяйственных работ обязательным было оформление «подписки» в уездном полицейском управлении. Так, крестьянин с. Протопопово И. Л. Летников в подписке на имя уездного исправника обязывался содержать пленного в отдельном от прочих рабочем помещении, «иметь за ним строжайший надзор, содержать одевать и обувать на свой счет». Всего, в 1916 г. 126 землевладельцев пожелали взять 245 военнопленных [6].

Первичная информация об использовании труда военнопленных на промышленных предприятиях Коломенского уезда относится к 1916 г. и содержится в рапортах полицейских надзирателей Коломенскому уездному исправнику. Правила 17 марта 1915 г. «Об отпуске военнопленных для работ в частных промышленных предприятиях» прописывали, что содержание (т. е. помещение, продовольствие, лечение, снабжение их одеждою, обувью, бельем, рабочими инструментами) и оплата охраны относятся за счет предприятий [7].

Обращение к полицейской статистике позволило определить, что наибольшее число пленных находилось на цементном заводе Центрального акционерного общества при с. Колыберево, где были привлечены к горнопромышленным работам 252 чел. (преимущественно румыны – 98 чел.). На крупном текстильном производстве – «Товарищество озерской мануфактуры соединенных фабрик С. Моргунова и брата Щербаковы» – в с. Озеры находилось 102 пленных [8]. Для работ на бумагопрядильной, ткацкой и отделочной фабрике В. А. Арацкого в том же селе прибыло в феврале 1917 г. 18 пленных немцев и 12 венгров (в возрасте от 21 до 45 лет), из коих два старших унтер-офицера – Якоб Дерд и Самуэль Калман. На суконном производстве купчихи Жучковой в селах Северском и Лукерьино трудились 10 пленных австрийцев.

В Коломне в начале 1917 г. на сушке овощей в число пленных сократилось в три раза – с 60 до 22 чел. (возможно, в связи с уменьшением объема работ). Здесь пленные трудились (по 5–10 чел.) в одну смену без отдыха в течение 8 час.

Укажем, что каждый из прибывших на предприятия пленных имел краткую характеристику. Например, рядовой Марко Маерич, 30 лет, родом из Загреба, хорват, попавший в плен в июне 1915 г. на Днестре, направленный на цементный завод из регистрационного лагеря в Павловском Посаде, характеризовался здоровым, годным к работам [9].

Военнопленные использовались на железнодорожных работах на станциях Пески, Хорлово и Голутвин Московско-Рязанской железной дороги (например, при ремонте железнодорожных путей). На ст. Пески и Хорлово из 25 пленных большинство составляли мадьяры, служившие в Ганноверских полках.

Неквалифицированный труд военнопленных применялся для нужд органов городского и уездного самоуправления. Прибывшие в город и уезд пленные переходили в распоряжение Коломенского земского Управления, которое вело учет и составляло списки. В Коломне в городской управе трудились трое пленных, а на земских работах – 12. Они были причислены к конному обозу, пожарному депо и даже кредитному обществу, а также привлекались в качестве ломовых извозчиков.

В городе пленные размещались не казарменным способом. При этом никакой регистрации по домовым книгам у домовладельцев и крестьян не производилось; предприятия вели

собственный учет прибывших и убывших. Тем не менее в документах уездного исправника были обнаружены списки пленных, размещенных в частных домах. Так, в доме Чугунова по Владимирской улице проживали Козак Адольф, Дукас Эндрег, Кавина Юсеф, а в доме Мещанинова по Никольской улице находились Вильчко Иван, Дюряк Антон, Грегел Рудольф [10].

Обращение к переписке центральных, губернских и местных органов власти позволило выявить множество фактов уклонения военнопленных от работ, причины таких отказов и виды примененных к нарушителям дисциплины наказаний. Так, 27 февраля 1916 г. пленный Франц Филлер был подвергнут аресту на семь суток, поскольку вмешивался в распоряжения огородника-владельца г. Коломны Лукичева и склонял находившихся у него пленных не выходить на работу. Коломенский уездный исправник сообщал в январе 1917 г. об отказе работать у огородника А. Ф. Боровкова трех военнопленных австрийской армии Поля Адама, Иштван Ола и Ижек Ола. В результате «означенные подверглись аресту на хлебе и воде на семь суток». Зачастую уклонение от работ объяснялось нездоровьем. На фабриках Товарищества озерской мануфактуры соединенных фабрик С. Моргунова и братьев Щербаковых подобные случаи были не редкостью. Например, в донесении пристава 2-го стана сообщается, что к пленному мадьяру Антону Тиш, румынам Алеско Колоус и Деодору Клампову были применены вышеуказанные меры наказания, так как они уклонялись от работ, заявив себя больными, а «проведенный врачебный осмотр показал, что указанные лица являлись абсолютно здоровыми». В рапорте пристав информировал уездного исправника о протесте австрийца Георга Барана против ареста трех военнопленных, работавших на тех же фабриках, который «уготоваривал других военнопленных прекратить работу и не приступать до тех пор, пока не будут освобождены арестованные». В результате подстрекатель был взят под стражу.

В документах Коломенского уездного исправника отложились протоколы полицейского надзирателя на цементном заводе, в которых содержались материалы дознания по поводу отказа от работ военнопленного хорвата Ватрослава Копетани. Причиной уклонения стало нежелание выполнять работу не по специальности. Хорват объяснил, что «он по специальности кузнец и в плену работал на заводе в кузнице, и от работ никогда не отказывался»; теперь же от него требовалось «прочистить водоприемник, для чего необходимо было спуститься по веревочной лестнице и работать на полу в воде». К пленному были применены дисциплинарные взыскания, поскольку он демонстративно покинул завод и ушел в казармы, а на следующий день отказался выйти на работы в карьер. Исполняющий директор завода инженер В. И. Роллер заявил о необходимости применения к хорвату высшей меры наказания, поскольку его поведение «дискредитирует власть всего завода в глазах русских рабочих, а отказ от работ отдельных пленных крайне развращающе действует на всех остальных, от чего сильно страдает дисциплина» [11].

Анализ многочисленных донесений и рапортов местной полицейской власти позволяет выявить факты неоднократных побегов военнопленных из частных хозяйств и предприятий. Так, в октябре 1916 г. из казармы при ст. Пески скрылся Юзеф Стафонов. Зачастую беглецами становились пленные, которые по состоянию здоровья направлялись на лечение в Коломенскую городскую больницу и, воспользовавшись этим обстоятельством, не возвращались в казармы (в связи с чем немедленно объявлялся розыск пропавших). Например, в январе 1917 г. не вернулся в казармы при станции Пески отправленный на лечение в больницу Франц Баинаки. Тогда же скрылся с земской сушилки военнопленный мадьяр Янош Красованский, страдавший душевной болезнью. В рапорте становаго пристава уездному исправнику сообщалось о побеге поляка Антона Гирша, скрывшегося с сушилки овощей 12 февраля 1917 г. В ходе дознания выяснилось, что Гирш (по специальности штукатур) «страдал туберкулезом легких и часто ходил на совет в больницу и от него требовали удостоверение врача о посещении». В рапорте указывалось, что никакой вооруженной охраны на сушилке не было, а пропавший Гирш уходил в больницу «как обычно без охраны». Под грифом «секретно» коломенский уездный исправник сообщал помощнику начальника Московского губернского жандармского управления в Коломенском и Бронницком уездах о побеге военнопленного Франца Филлера, который после отбывания ареста за подстрекание своих товарищей не выходить на сельскохозяйственные работы к огороднику Лукичеву скрылся. Здесь же указывались приметы бежавшего: «...одет в черную суконную шинель австрийского образца без погон, черные бумажные брюки, на голове серая кепи не военного образца, из вещей – черное одеяло» [12].

Деятельность полиции по надзору за содержанием и охраной военнопленных в Московской губернии регламентировались «Наказом чинам полиции», утвержденным 11 июля 1915 г. Вместе с тем практика его применения в связи с участвовавшими отказами от работ и побегами пленных показала необходимость внесения корректировок и дополнений в указанный документ. По этой причине губернская канцелярия потребовала от уездных полицейских управлений в короткие сроки внести свои предложения для выработки нового положения «Наказа».

Интерес вызывают рапорты становых приставов, где указаны причины несоблюдения положений «Наказа». Так, пристав г. Коломны предлагал устранить влияние земства в лице секретаря Коломенской земской управы и председателя, поскольку те позволяли пленным нарушать «Наказ» и препятствовали полиции при проведении в исполнение постановлений о наложении на пленных административных взысканий. Ощущая защиту со стороны земства, пленные даже обращались с жалобами на своих хозяев. На жалобы же землевладельцев в земской управе отвечали, что «надо с ними (военнопленными) сойтись». Подобное отношение, по мнению представителя полиции, «дурно отзывалось, в том числе, на интересах лиц, пользующихся трудом пленных в лице местных помещиков и огородников». Пристав 1-го стана усматривал причину невыполнения наказа в добродушии хозяев, которые могли по своему усмотрению изменить порядок распределения рабочего дня или сократить его. Полицейский указывал, что «подобное нежелательно, так как назначение пленных – работать».

Со своей стороны, коломенский уездный исправник, рассмотрев предложения становых приставов, обозначил в рапорте московскому губернатору перечень необходимых дополнений в новой версии «Наказа». В частности, при отпуске военнопленных на сельскохозяйственные работы в селении крестьянам по 1–2 чел. не предоставляется возможным иметь сторожа для охраны и надзора (за ними наблюдают сами хозяева), поэтому военнопленные размещаются одиночным порядком, а не казарменным способом. Следовательно, желательно было бы: 1) предоставить становому или городскому приставу право непосредственно налагать на пленных дисциплинарные взыскания за отказ от работ без уважительной причины, арест до семи суток; 2) за более важные проступки (подстрекательство других к прекращению работ) – до 30 суток; 3) установить отличительный знак имеющих штатное платье; 4) возложить ответственность на работодателей за невыполнение требований «Наказа»; 5) внести изменения в наём сторожей для охраны военнопленных [13].

Таким образом, выявленные документы позволили рассмотреть численность, национальный состав, а также сферы применения принудительного труда военнопленных. Привлечение архивных материалов дает возможность сформировать представление о протестных действиях и побегах пленников. Это тем более важно, так как сводные данные о положении военнопленных на территории Московской губернии отсутствуют.

Примечания

1. Солнцева С. А. Военнопленные в России в 1917 г. (март – октябрь) // Вопросы истории. 2002. № 1. С. 144.
2. ЦГА Москвы. Ф. 492. Оп. 3. Д. 212. Л. 122–123.
3. Там же. Л. 107–108.
4. Там же. Л. 28.
5. Собрание узаконений и распоряжений правительства. 12 марта 1915 г. № 83. Ст. 715.
6. ЦГА Москвы. Ф. 492. Оп. 2. Д. 517. Л. 1–7.
7. Там же. Ф. 318. Оп. 1. Д. 2159. Л. 37, 37 об.
8. Там же. Ф. 492. Оп. 3. Д. 212. Л. 4, 13–15.
9. Там же. Оп. 3. Д. 212. Л. 103; Д. 215а. Л. 12.
10. Там же. Оп. 3. Д. 215а. Л. 12.
11. Там же. Оп. 2. Д. 517. Л. 31, 38–39, 49.
12. Там же. Оп. 3. Д. 222. Л. 17–18; Д. 212. Л. 114, 156–159.
13. Там же. Оп. 2. Д. 517. Л. 63–74.

Notes

1. Solntseva S. A. *Voennoplennyye v Rossii v 1917 g. (mart – oktyabr')* [Prisoners of war in Russia in 1917 (March - October)] // *Voprosy istorii* - Questions of history. 2002, No. 1, p. 144.
2. The archives of Moscow. F. 492. Sh. 3. File 212. Sh. 122-123.
3. Ibid. Sh. 107-108.
4. Ibid. Sh. 28.
5. The collection of statutes and orders of the government. 12 March 1915. No. 83. Article 715.
(in Russ.)
6. The archives of Moscow. F. 492. Sh. 2. File 517. Sh 1-7.
7. Ibid. F. 318. Sh. 1. File 2159. Sh. 37, 37 about.
8. Ibid. F. 492. Sh. 3. File 212. Sh. 4, 13-15.
9. Ibid. Sh. 3. D. 212. Sh. 103; File 215a. Sh. 12.
10. Ibid. Sh. 3. File 215a. Sh. 12.
11. Ibid. Sh. 2. File 517. Sh. 31, 38-39, 49.
12. Ibid. Sh. 3. File 222. Sh. 17-18; D. 212. L. 114, 156-159.
13. Ibid. Sh. 2. File 517. Sh. 63-74.

К вопросу о правовом регулировании отпусков

В современной жизни качественное правовое регулирование времени отдыха имеет первостепенное значение при реализации работниками своих прав на отдых, в том числе отпуск, в связи с необходимостью по восстановлению физических и духовных сил для последующего, более эффективного выполнения своих трудовых обязанностей. В настоящее время складывается объективный перевес в связке «рабочее время – время отдыха» в пользу рабочего времени. Времени отдыха отводится ограниченная функциональность в зависимости от производственных потребностей. Соответственно, одним из важнейших направлений развития трудового законодательства является нормативно-методическое и информационное обеспечение решения вопросов правового регулирования времени отдыха, в том числе отпусков. Отсутствие качественного законодательного определения ряда правовых категорий, процедурных положений, наличие противоречий и пробелов в правовом регулировании времени отдыха затрудняет реализацию целей и задач трудового законодательства в целом, а в частности, порождает проблемы в регулировании вопросов предоставления времени отдыха работникам, определения содержания их трудовой функции и продолжительности рабочего времени. Большинство ученых, занимающихся вопросами трудового права, приходят к выводу о необходимости развития правового регулирования времени отдыха, о возможном заимствовании положительного опыта правового регулирования времени отдыха зарубежных стран. Насколько необходимо обращение к вопросам правового регулирования времени отдыха, рассмотрим далее.

In modern life high-quality legal regulation of time of rest has paramount value at realization by workers of the rights to rest, including holiday, due to the need on restoration of physical and spiritual forces for the subsequent, more effective implementation of the labor duties. Now there is an objective overweight in a sheaf “working hours – rest time” in favor of working hours. Limited functionality depending on production requirements is allocated for time of rest. Respectively, as one of the most important directions of development of the labor legislation standard and methodical and information support of the solution of questions of legal regulation of time of rest, including holidays is. Lack of high-quality legislative definition of a number of legal categories, procedural provisions, existence of contradictions and gaps in legal regulation of time of rest complicates realization of the purposes and tasks of the labor legislation in general, and, in particular, generates problems in regulation of questions of providing rest to time to workers, definitions of the content of their labor function and duration of working hours. Most of the scientists dealing with issues of the labor law come to a conclusion about need of development of legal regulation of time of rest, about possible loan of positive experience of legal regulation of time of rest of foreign countries. The appeal to questions of legal regulation of time of rest is how necessary we will consider further.

Ключевые слова: правовое регулирование времени отдыха, трудовая функция, рабочее время, отпуск.

Keywords: legal regulation of time of rest, labor function, working hours, holiday.

Трудовой кодекс Российской Федерации [1] для защиты права работников на отпуск имеет множество правовых механизмов, которые на практике оказываются недостаточно эффективными, и применение их является весьма проблемным.

1. Анализ российского и зарубежного правового регулирования отпусков во взаимосвязи с правовым регулированием прекращения трудового договора позволяет говорить об отсутствии защитного механизма, обеспечивающего право работнику в период нахождения его в отпуске отозвать заявление об увольнении в течение всего срока отпуска, продолжитель-

ность которого является по содержанию предупредительным сроком об увольнении. По общему правилу, в соответствии со статьей 80 Трудового кодекса Российской Федерации, работник имеет право отозвать заявление об увольнении в течение всего срока предупреждения об увольнении, если на его место не приглашен в письменной форме другой работник. Статья 127 Трудового кодекса предусматривает особые условия расторжения трудового договора по инициативе работника в случае, когда работник увольняется, уходя при этом в отпуск. А именно, при предоставлении отпуска с последующим увольнением при расторжении трудового договора по инициативе работника этот работник имеет право отозвать свое заявление об увольнении до дня начала отпуска, если на его место не приглашен в порядке перевода другой работник. Сравнение вышеуказанных положений трудового законодательства о расторжении трудового договора по инициативе работника определяет необходимость отзыва работником заявления об увольнении до дня начала отпуска, что ограничивает право работника на отзыв заявления в течение всего срока предупреждения об увольнении, т. е. в течение отпуска, который заканчивается фактическим прекращением трудового договора. В целях защиты прав работника в период нахождения его в отпуске, во избежание увольнения работника без реализации правовой возможности сохранения трудовых отношений, необходимо внести изменения в пункт 4 статьи 127 Трудового кодекса Российской Федерации и изложить ее в следующей редакции: «При предоставлении отпуска с последующим увольнением при расторжении трудового договора по инициативе работника этот работник имеет право отозвать свое заявление об увольнении до окончания отпуска, если на его место не приглашен в порядке перевода другой работник».

2. Фактором, значительно влияющим на продолжительность времени отдыха, является установление работникам режима ненормированного рабочего времени. Согласно статье 101 Трудового кодекса Российской Федерации ненормированный рабочий день – это особый режим работы, в соответствии с которым отдельные работники могут по распоряжению работодателя при необходимости эпизодически привлекаться к выполнению своих трудовых функций за пределами установленной для них продолжительности рабочего времени. Перечень должностей работников с ненормированным рабочим днем устанавливается коллективным договором, соглашениями или локальным нормативным актом, принимаемым с учетом мнения представительного органа работников. Такой режим может быть установлен работникам, ежедневная продолжительность работы которых не всегда ограничивается нормальной продолжительностью рабочего времени; работникам, труд которых не поддается точному учету во времени; лицам, распределяющим время работы по собственному усмотрению (руководителям, их заместителям, техническому и хозяйственному персоналу). Работодатель при необходимости эпизодически может привлекать работников к выполнению своих трудовых функций, что не позволяет превращать данный режим в систематическую переработку сверх установленной продолжительности рабочего времени. Привлечение работника к работе сверх установленной нормы продолжительности рабочего времени не требует его согласия.

За работу в ненормированном режиме работник имеет право на дополнительный ежегодный оплачиваемый отпуск не менее трех календарных дней (статья 119 Трудового кодекса Российской Федерации). Следует отметить, что отпуск продолжительностью не менее трех календарных дней, а, как правило, работодатели предоставляют именно три дня, не выполняет своей компенсаторной функции, поскольку внеурочная работа в большинстве случаев, а точнее всегда, оказывается продолжительнее, чем предоставляемый работнику дополнительный отпуск. Устанавливая минимальный ежегодный дополнительный оплачиваемый отпуск, законодатель в статье 119 Трудового кодекса Российской Федерации предусматривает возможность определения большей продолжительности ежегодного дополнительного оплачиваемого отпуска коллективным договором или правилами внутреннего трудового распорядка. Однако на практике немногие работодатели увеличивают продолжительность указанного отпуска, ограничиваясь минимальным трехдневным отпуском.

В связи с этим представляется необходимым законодательно увеличить минимальный ежегодный дополнительный оплачиваемый отпуск за работу в ненормированном режиме, минимум до семи дней [2].

3. Следует обратить внимание на такой вид отпуска, как отпуск по уходу за ребенком. В России отпуск по уходу за ребенком может использовать не только мать, но и другие лица,

непосредственно осуществляющие уход за ребенком. Однако реализация норм права, обеспечивающих уход другими лицами, вызывает споры, вызываемые сложностью процедуры оформления отцом или другими родственниками ребенка при болезни его матери отпуска по уходу за ребенком на период болезни матери и выплате данным лицам пособия по обязательному социальному страхованию. Так, М. А. Ермолов, чья жена была в больнице, находясь в отпуске по уходу за ребенком, оформил больничный лист для ухода за своим ребенком в возрасте одного года. Но по месту работы Ермолова ему не оплатили лист нетрудоспособности. Ермолов обратился с иском в мировой суд о взыскании пособия по уходу за ребенком. Мировым судьей было отказано в удовлетворении иска. Ермолов подал апелляционную жалобу в Автозаводский районный суд города Тольятти, который, в свою очередь, обращался за разъяснениями в Конституционный Суд РФ [3].

Иногда дела о защите трудовых прав российских граждан невозможно решить без Европейского Суда по правам человека. В 2012 г. Большая Палата Европейского Суда по правам человека вынесла постановление по делу «Константин Маркин против России», в котором был признан факт дискриминации по половому признаку в отношении указанного гражданина. В 2005 г. военнослужащий К. Маркин развелся со своей женой и в одиночку начал воспитывать троих детей, одному из которых не исполнилось трех лет. К. Маркин обратился к командиру своей войсковой части с просьбой о предоставлении отпуска по уходу за ребенком, однако ему отказали, сказав, что мужчинам такой отпуск не полагается. Все, что он смог получить, это дополнительный отпуск в три месяца. К. Маркин обратился в суд, прошел все инстанции, но получил отказ. Все российские суды ссылались на Федеральный закон «О статусе военнослужащих», который не предусматривал отпуск по уходу за ребенком для мужчин. В 2006 г. К. Маркин обратился в Европейский Суд по правам человека. Параллельно дело К. Маркина рассматривалось и в Конституционном Суде РФ, в который К. Маркин обратился в 2008 г. с жалобой на несоответствие конституционному принципу равенства положений Федерального закона «О статусе военнослужащих». Конституционный Суд с позицией Европейского Суда не согласился, считая недопустимым для проходящих военную службу по контракту мужчин-военнослужащих совмещать исполнение их служебных обязанностей и отпуск по уходу за ребенком. Суд аргументировал такую позицию тем, что военная служба по своей природе исключает возможность неисполнения военнослужащими своих обязанностей без ущерба для интересов государства. В 2009 г. Конституционный Суд отказал К. Маркину в удовлетворении его жалобы. При рассмотрении дела К. Маркина в Европейском Суде представители России называли жалобу К. Маркина типичным злоупотреблением правом, утверждая, что заявитель специально искажает факты. Европейский Суд отклонил возражение российских властей, обязав, в итоге, российские власти выплатить К. Маркину компенсацию морального вреда и судебных издержек в общей сумме 6150 евро с указанием на то, что такое различное отношение к мужчинам и женщинам усугубляет имеющиеся в стране гендерные стереотипы. Конституционный Суд РФ, комментируя решение Европейского Суда по правам человека, заявил, что Россия не в состоянии без нарушения своей Конституции выполнить предписание Европейского Суда по данному делу. Конституционный Суд предлагал иной вариант решения вопроса подобной дискриминации между военнослужащими – отменить отпуск по уходу за ребенком для всех военнослужащих, как мужчин, так и женщин [4].

Анализ сложившейся судебной практики показывает ее активную направленность на защиту прав женщин и лиц с семейными обязанностями в вопросах предоставления различных видов отпусков. При этом особое внимание судам следует уделять защите прав не только женщин, но и иных лиц с семейными обязанностями. Необходимо тщательное обобщение всех вопросов судебной практики по данной категории лиц с целью выработки судебными органами единой позиции.

Для устранения рассмотренных правовых пробелов в трудовом законодательстве и противоречий между российскими и международными нормами необходимо проведение постоянной экспертизы законодательства Российской Федерации и обеспечение его соответствия международным стандартам. В то же время Россия должна не безоговорочно применять международный опыт, а использовать его оптимально, с учетом национальных особенностей и социально-экономической ситуации.

4. В соответствии со статьей 121 Трудового кодекса Российской Федерации в стаж работы, дающий право на ежегодный основной оплачиваемый отпуск, не включается время

пребывания в отпуске без сохранения заработной платы более 14 дней. Однако такое ограничение влечет нарушение права работника на отдых. Кроме того, анализ правового регулирования отпусков зарубежных стран показывает несоответствие российских положений нормам права европейских государств, в частности Положению о рабочем времени Великобритании. Для повышения эффективности защиты прав работников следует обратиться к положительному опыту правового регулирования времени отдыха зарубежных стран и включать в стаж работы, дающий право на ежегодный основной оплачиваемый отпуск, все время пребывания в отпуске без сохранения заработной платы без ограничения 14 днями.

5. Действующее трудовое законодательство Российской Федерации требует приведения к единообразию законодательных формулировок по вопросу предоставления отпусков. А именно, следует устранить несоответствие между статьей 120 Трудового кодекса Российской Федерации и отдельными его статьями, установив единые нормы исчисления отпусков в календарных днях, а не в рабочих, как это определено в статьях 291 и 295 Трудового кодекса Российской Федерации.

Таким образом, несмотря на наличие значительного числа правовых норм, разнообразную правоприменительную практику, многочисленные специальные научные исследования, можно говорить, что по многим проблемам, связанным с предоставлением отпусков, еще необходимо искать объективно справедливые решения, придерживаясь постулата – работать, чтобы жить, при котором доминирующее значение отводится времени отдыха, его качественному содержанию, когда трудовая деятельность работника находится в гармонии с другими составляющими его жизни.

Примечания

1. Трудовой кодекс Российской Федерации: [федеральный закон от 30.12.2001. № 197-ФЗ] // СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 3.

2. Редикульцева Е. Н. Правовое регулирование нормирования труда: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2009. С. 81.

3. По делу о проверке конституционности части 1 статьи 5 Федерального закона «Об обеспечении пособиями по временной нетрудоспособности, по беременности и родам граждан, подлежащих обязательному социальному страхованию» в связи с запросом Автозаводского районного суда города Тольятти Самарской области: [Постановление Конституционного Суда РФ от 06.02.2009 № 3-П] // СЗ РФ. 2009. № 8. Ст. 1040.

4. Дело «Константин Маркин (KonstantinMarkin) против Российской Федерации (жалоба № 30078/06): [Постановление Европейского Суда по правам человека от 22.03.2012]. URL: <http://europeancourt.ru/tag/konstantin-markin-protiv-rossii/#grang-chamber>, свободный. Загл. с экрана.

Notes

1. Labour code of the Russian Federation: [Federal law dated 30.12.2001. NO. 197 FZ] // Resolves of Russian Federation. 2002. No. 1 (pt. 1). Article 3. (in Russ.)

2. Redikulceva E. N. *Pravovoe regulirovanie normirovaniya truda: dis. ... kand. jurid. nauk* [Legal regulation of work measurement: dis. ... Cand. jur. sci.] Ekaterinburg, 2009. P. 81.

3. On the case about the verification of constitutionality of part 1 of article 5 of the Federal law "On providing benefits for temporary disability, maternity citizens subject to compulsory social insurance in connection with the request of Avtozavodskoy district court of the city of Togliatti of Samara region: [Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 06.02.2009 No. 3-П] // Resolves of Russian Federation. 2009. No. 8. Article 1040. (in Russ.)

4. Case "Konstantin Markin (KonstantinMarkin) Vs. Russian Federation (application No. 30078/06): [Determination of the European Court of human rights from 22.03.2012]. Available at: <http://europeancourt.ru/tag/konstantin-markin-protiv-rossii/#grang-chamber>, free. Head. from the screen. (in Russ.)

Контрольно-надзорная деятельность органов исполнительной власти Кировской области

Наряду с федеральными органами исполнительной власти, осуществляющими функции государственного контроля (надзора) за соблюдением индивидуальными предпринимателями и юридическими лицами правил, нормативов и стандартов на территории Российской Федерации, в ее субъектах могут создаваться органы исполнительной власти, на которые возлагаются полномочия по обеспечению контроля (надзора) за соблюдением региональных нормативно-правовых актов, устанавливающих обязательные требования к осуществлению деятельности юридических лиц и индивидуальных предпринимателей и действующих на территории соответствующих субъектов.

В статье изложены вопросы деятельности контрольно-надзорных органов Кировской области и некоторые проблемы совершенствования нормативно-правового регулирования в данной сфере.

Along with the Federal bodies of Executive power in exercising state control (supervision) over observance of individual entrepreneurs and legal entities of rules, norms and standards on the territory of the Russian Federation, its constituent entities can be created bodies of Executive authority, which is entrusted with powers to ensure control (supervision) over compliance with regional laws that establish mandatory requirements for the implementation of activities of legal entities and individual entrepreneurs operating in the territory of the relevant actors.

The article describes the activities of enforcement agencies of the Kirov region and some problems of perfection of normative-legal regulation in this sphere.

Ключевые слова: орган исполнительной власти, субъект Российской Федерации, контрольно-надзорная деятельность, реализация полномочий, компетенция, нормативно-правовой акт, законодательство, департамент, инспекция, положение, технический регламент, совершенствование законодательства.

Keywords: the Executive authority, the subject of the Russian Federacy, regulatory activity, the exercise of the authority, competence, legal act, legislation, department, inspection, regulation, technical regulation, improvement of legislation.

В целях обеспечения реализации Федерального закона от 26.12.2008 № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» [1] Правительством Кировской области 16 июля 2012 г. было принято постановление, которым был утвержден перечень органов исполнительной власти Кировской области, уполномоченных на осуществление регионального государственного контроля (надзора), включающий в себя следующие административные органы: государственная жилищная инспекция Кировской области; государственная инспекция по надзору за техническим состоянием самоходных машин и других видов техники Кировской области; департамент дорожного хозяйства и транспорта Кировской области; департамент здравоохранения Кировской области; департамент культуры Кировской области; департамент лесного хозяйства Кировской области; департамент образования Кировской области; департамент промышленного развития Кировской области; департамент развития предпринимательства и торговли Кировской области; департамент сельского хозяйства и продовольствия Кировской области; департамент строительства и архитектуры Кировской области; департамент экологии и природопользования Кировской области; региональная служба по тарифам Кировской области; управление ветеринарии Кировской области; управление государственной службы занятости населения Кировской области; управление охраны и использования животного мира Кировской области; управление по делам архивов Кировской области [2].

Указанные органы исполнительной власти Кировской области уполномочены на осуществление государственного контроля (надзора) в соответствующих сферах только на тер-

ритории региона Российской Федерации – Кировской области – и не подменяют федеральные надзорные органы.

Они организуют свою деятельность в соответствии с федеральными законами и подзаконными нормативными правовыми актами федеральных органов исполнительной власти Российской Федерации. Анализ нормативно-правовой базы показывает, что в целом нормативные правовые акты, устанавливающие обязательные требования при осуществлении на территории области юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями деятельности в соответствующих сферах, являются достаточными, их исполнение, а также контроль за их исполнением со стороны органов исполнительной власти Кировской области возможны.

Нормативные правовые акты регионального уровня, устанавливающие обязательные требования к осуществлению деятельности юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, соблюдение которых подлежит проверке, принимались в сфере регулирования занятости населения (Закон Кировской области от 30.06.2003 № 174-30 «О квотировании рабочих мест для трудоустройства инвалидов на территории Кировской области», постановление Правительства Кировской области от 14.03.2005 № 30/43 «Об утверждении Порядка установления квоты в организациях для приема на работу инвалидов на территории Кировской области»), в сфере организации архивного дела (Закон Кировской области от 02.03.2005 № 313-30 «Об архивном деле в Кировской области»), в области ветеринарии (Закон Кировской области от 30.07.2009 № 404-30 «О ветеринарии в Кировской области»), в сфере строительства и архитектуры (Закон Кировской области от 28.09.2006 № 44-30 «О регулировании градостроительной деятельности в Кировской области»), в сфере осуществления государственного жилищного контроля (постановление Правительства Кировской области от 16.02.2011 № 90/30 «О повышении уровня безопасной эксплуатации внутридомового газового оборудования в жилищном фонде Кировской области»), в сфере осуществления пассажирских перевозок (Закон Кировской области от 03.10.2011 № 67-30 «О порядке осуществления регионального государственного контроля в сфере перевозок пассажиров и багажа легковым такси на территории Кировской области», Закон Кировской области от 29.04.2013 № 283-30 «Об организации деятельности по перевозке пассажиров и багажа легковым такси на территории Кировской области») [3].

Нормативные правовые акты доступны для юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, они опубликованы в официальных печатных изданиях, имеются в информационно-правовых системах «Консультант плюс» и «Гарант», а также размещены на официальном сайте Правительства Кировской области (<http://www.ako.kirov.ru>) в разделе «Государственный и муниципальный контроль» и на официальных сайтах уполномоченных органов исполнительной власти Кировской области.

Однако необходимо отметить, что практика реализации контрольно-надзорных функций в отдельных сферах выявила ряд существенных недостатков в отраслевых нормативных правовых актах федерального уровня.

Не отвечает требованиям времени регулирование деятельности органов Ростехнадзора. Их деятельность не может осуществляться в полном объёме, так как продолжительность плановой проверки в соответствии со статьёй 13 Федерального закона № 294-ФЗ не может превышать 20 рабочих дней, а по субъектам малого предпринимательства и микропредприятиям этот срок вообще исчисляется часами. С учётом того что работы в агропромышленном комплексе носят сезонный характер, в отведённый срок не представляется возможным провести плановые мероприятия в полном объёме в отношении объектов контроля (надзора), которые во время проверки могут быть законсервированы или находиться в стадии ремонта.

Положение о государственном надзоре за техническим состоянием самоходных машин и других видов техники в Российской Федерации также не отвечает требованиям времени, поскольку некоторые положения и понятия устарели и требуют изменений в соответствии с действующим законодательством Российской Федерации.

В связи с изложенным представляется целесообразным принятие Федерального закона «Об общих принципах организации государственного надзора за техническим состоянием самоходных машин и других видов техники в Российской Федерации».

В соответствии с частью 3 статьи 42 Федерального закона «Технический регламент о безопасности зданий и сооружений» [4] распоряжением Правительства Российской Федера-

ции от 21.06.2010 № 1047-р [5] утвержден перечень национальных стандартов и сводов правил (частей таких стандартов и сводов правил), в результате применения которых на обязательной основе обеспечивается соблюдение требований Федерального закона «Технический регламент о безопасности зданий и сооружений». В настоящее время перечень является основным документом, содержащим положения нормативно-правовых актов, подлежащих обязательному применению. Значительная часть нормативно-правовых актов, вошедших в перечень, утратила силу и признана недействующими. До настоящего времени соответствующие изменения в перечень национальных стандартов и сводов правил (частей таких стандартов и сводов правил), в результате применения которых на обязательной основе обеспечивается соблюдение требований Федерального закона «Технический регламент о безопасности зданий и сооружений» не внесены. Необходимость внесения изменений в части включения требований СНиП (актуализированных СП), нарушение которых квалифицируется как критический или значительный дефект при выполнении строительно-монтажных работ, в разряд обязательных технических норм была включена в резолюцию Межрегиональной конференции руководителей органов Госстройнадзора субъектов Российской Федерации, которая проходила 2–4 октября 2013 г. в г. Москве [6].

Внесение изменений и дополнений в нормативные правовые акты федерального уровня обусловлено необходимостью однозначного толкования норм права всеми субъектами правоотношений, в том числе в рамках судебных разбирательств.

Примечания

1. Собрание законодательства РФ. 29.12.2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6249.
2. Официальный сайт Правительства Кировской области. URL: <http://www.ako.kirov.ru>
3. Информационный портал Правительства Кировской области. URL: www.kirovreg.ru
4. Собрание законодательства РФ. 04.01.2010. № 1. Ст. 5.
5. Информационный портал. URL: garant.ru
6. Официальный сайт Российского Союза строителей. URL: omorrss.ru

Notes

1. Resolves of the Russian Federation. 29.12.2008. No. 52 (pt. 1). Article 6249. (in Russ.)
2. The official website of the Government of the Kirov region. Available at: <http://www.ako.kirov.ru> (in Russ.)
3. Information portal of the Government of the Kirov region. Available at: www.kirovreg.ru (in Russ.)
4. Resolves of the Russian Federation. 04.01.2010. No. 1. Article 5. (in Russ.)
5. Information portal. Available at: garant.ru (in Russ.)
6. Official website of the Russian Union of builders. Available at: omorrss.ru (in Russ.)

УДК 342.4

Н. Е. Таева

Ценностное содержание и прямое действие конституционных норм

В статье рассматриваются такие характеристики конституционных норм, как их стабильность и прямое действие. Показано, что стабильность норм Конституции РФ обусловлена не только особым порядком внесения в нее поправок и пересмотра. Стабильность конституционных норм, в первую очередь, связана с их особым ценностным содержанием. В соответствии с иерархией социальных ценностей определяется и структура Конституции РФ. Ставится проблема отнесения ценностей, заложенных в конституционных нормах, к универсальным, общечеловеческим. Автор приходит к выводу, что критерием «отбора» конституционно закрепленных ценностей является решение такой задачи, как уравнивание существующих в обществе противоречивых ценностей, поиск социального компромисса. Прямое действие конституционных норм рассматривается в двух аспектах: как юридическое свойство и как основа конституционного строя. Как юридическое свойство прямое действие может быть непосредственным и опосредованным. В связи с этим выделены следующие виды конститу-

ционных норм: 1. Нормы, которые имеют только непосредственное действие и не требуют их конкретизации в законах (нормы непосредственной реализации). 2. Нормы, которые могут иметь как непосредственное, так и опосредованное действие. 3. Нормы, которые имеют только опосредованное действие и ни при каких обстоятельствах не могут действовать непосредственно (нормы опосредованной реализации).

The article considers such characteristics of constitutional norms as their stability and direct effect. It is shown that the stability of the norms of the Constitution of the Russian Federation due not only to special order of any amendments and revisions. The stability of the constitutional norms is primarily associated with their particular valuable content. In accordance with the hierarchy of social values the structure of the Constitution of the Russian Federation is determined. It is pointed out that there is the problem of assigning values laid down in the constitutional norms to universal human values. The author comes to the conclusion that the criterion of "selection" constitutionally fixed values is the solution of such tasks as balancing conflicting values existing in a society, the search for social compromise. The direct effect of constitutional norms is considered in two aspects: as a legal means and as the basis of the constitutional system. As a legal means direct affect can be direct and indirect. In this regard, we distinguish the following types of constitutional norms: 1. Norms that have only a direct effect and do not require their concretization in the laws (norms of direct implementation). 2. Norms that can have both direct and indirect effect. 3. Norms that have only an indirect effect and under no circumstances are not able to act directly (norms of indirect implementation).

Ключевые слова: право, конституция, нормы, прямое действие, стабильность конституции, юридическое свойство, основа конституционного строя, реализация норм, ценность, преамбула.

Keywords: law, constitution, norms, direct effect, stability of the constitution, legal means, basis of the constitutional system, implementation of norms, value, preamble.

Конституционные нормы составляют ядро правовой системы Российской Федерации. Поэтому важно, чтобы они обладали наибольшей *стабильностью*. Очевидно, что стабильности Конституции РФ способствует особый порядок внесения поправок и пересмотра Конституции РФ. При этом следует отметить, что из норм Конституции РФ наибольшей стабильностью обладают предписания, закрепляющие основы устройства общества и государства, принципы правового регулирования, нормы о правах и свободах человека и гражданина [1]. Однако представляется, что стабильность нормам Конституции РФ придает не столько юридический механизм внесения поправок и пересмотра, сколько присущее нормам Конституции РФ особое ценностное содержание. Нормы Конституции РФ объективно порождаются национальными, историческими, политическими и культурными условиями жизни общества, в том числе ценностями, существующими в данном обществе в конкретный исторический период [2]. Конституционное закрепление того или иного предписания всегда связано с так называемым ценностным выбором [3]. То есть в нормах Конституции Российской Федерации изначально заложен ценностный смысл. Отражение тех или иных социальных ценностей в Конституции Российской Федерации имеет особенности, предопределенные значимостью этого акта, обладающего верховенством и высшей юридической силой. Прежде всего, структура Конституции Российской Федерации определяется в соответствии с иерархией социальных ценностей. Особую значимость при этом имеет преамбула. «Здесь утверждены ценности, без композиционно-целостного восприятия которых нельзя уяснить содержание и ценностное значение основ конституционного строя, прав и свобод человека и гражданина, иных жизненных благ и возможностей, упомянутых в Конституции» [4]. В преамбуле содержатся нравственные ценности (стремление к счастью, вера в добро и справедливость; почитание памяти предков); ценности социального мира (утверждение гражданского мира и согласия; осознание себя частью мирового сообщества); ценности демократии и государственности (возрождение суверенной государственности России и утверждение незыблемости ее демократической основы; сохранение исторически сложившегося государственного единства); ценности патриотизма (ответственность за свою Родину перед нынешним и будущими поколениями; любовь к Отечеству); ценности благополучия (утверждая достойную жизнь). В целом, преамбула позволяет связать воедино нравственные и юридические нормы Основного Закона [5].

Последовательность расположения глав Конституции РФ также отражает первичность и производность тех или иных ценностных ориентиров, которые объективно существуют в

обществе. Так, глава о правах и свободах предшествует главам об органах власти, что подчеркивает признание прав и свобод личности как высшей ценности.

Ценностная логика присуща и содержанию глав Конституции РФ. При этом наибольшей «ценностной насыщенностью» обладают конституционные нормы-принципы [6]. Так, в нормах-принципах Конституции РФ формализованы такие социальные ценности, как народовластие и народный суверенитет, гуманизм и признание верховенства права, связанность государства правом, социальная справедливость и социальное государство.

Социальные ценности отражаются и в конституционных нормах-правилах поведения. Так, в нормах глав об органах власти отражены такие социальные ценности, как регулирующая роль государства, правосудие, право на осуществление местного самоуправления с учетом исторических и иных местных традиций. Нормы о правах человека имеют нравственное, этическое содержание. Уважение старших, патриотизм, любовь к Родине, любовь к природе, семейные ценности, ценность труда, образования, собственности отражаются в конституционных нормах. Так, ст. 38 Конституции РФ, закрепляющая обязанность родителей заботиться о детях и их воспитании и обязанность детей заботиться о своих нетрудоспособных родителях, отражает семейные ценности. Нормы Конституции РФ устанавливают заботу о пенсионерах, инвалидах, сиротах, малоимущих, содержат положения об охране семьи, материнства, отцовства и детства (ст. 7, 39, ч. 3 ст. 40). Нормы Конституции РФ о правах и свободах человека и гражданина соответствуют естественным представлениям людей о справедливости (право на жизнь, свободу и достоинство личности; право на неприкосновенность частной жизни; право свободно передвигаться, выбирать место пребывания и жительства; право указывать свою национальную принадлежность; право на пользование родным языком; свобода совести и вероисповедания; право на собственность и пр.). Ценностное содержание имеют нормы о запрете пыток и унижающего человеческого достоинства обращения (ст. 21); о запрете принуждения к выражению своего мнения (ч. 3 ст. 29); о запрете применения принудительного труда (ч. 2 ст. 37). В целом, анализ норм о правах человека приводит нас к выводу, что они полностью соответствуют существующим в обществе нормам морали, корпоративным, этическим нормам, нормам обычаев.

Ценностное содержание конституционных норм должно способствовать установлению правопорядка в обществе. Кроме того, от наличия ценностных оснований зависит и эффективность действия конституционных норм.

Конституция РФ в силу своей лаконичности закрепляет лишь наиболее важные, универсальные социальные ценности. При этом вопрос о существовании так называемых универсальных, абсолютных ценностей является дискуссионным как в юридической науке, так и в философии. Социальные ценности динамичны. То, что на каком-то конкретном историческом этапе было социально ценным, при других условиях становится социально ущербным [7]. Кроме того, каждому типу культуры присущи свои ценностные ориентации [8]. В рамках одного типа культуры противоречивы ценности индивида и общества, индивидов между собой; различных общественных объединений между собой. Не исключено, что для того или иного индивида может иметь ценность явление, которое для других, не говоря уже об обществе в целом, лишено такого социального звучания [9].

Нельзя утверждать, что ценности, закрепленные в нормах Конституции РФ, являются таковыми для всех без исключения членов общества. Зачастую эти ценности имеют противоположный характер. Например, ценность социального государства и ценность экономической свободы противоречат друг другу. Экономическая свобода выражает интересы экономически активного населения, обладающего интеллектуальными способностями и имуществом для предпринимательской деятельности. В то же время конституционный принцип социального государства закреплен в интересах социально незащищенных слоев населения (инвалидов, пожилых граждан, сирот). Этот принцип ограничивает экономическую свободу, так как требует перераспределения национального продукта внутри общества [10]. Противоречивыми являются, например, ценности государственного единства (ч. 3 ст. 4; ч. 2 ст. 5 Конституции РФ) и права народов на самоопределение (ч. 2 ст. 5 Конституции РФ).

Представляется, что критерием «отбора» конституционно закрепленных ценностей является решение такой задачи, как уравнивание существующих в обществе противоречивых ценностей. Конституция РФ призвана отражать на правовом уровне существующие социальные противоречия и, по мере возможности, способствовать их разрешению [11]. Ду-

мается, что можно говорить об универсальном характере социальных ценностей в контексте их конституирования. То есть те ценности, которые получили свое отражение в нормах Конституции РФ – правовом акте, обладающем наибольшей социальной значимостью, – и могут быть признаны универсальными, общими для всего российского общества в данный исторический момент. Только в этом случае возможно признание Конституции РФ в обществе.

Нормы Конституции РФ отличает не только их особая стабильность, но и прямое действие. *Прямое действие* Конституции РФ можно понимать в качестве юридического свойства, в котором отражается особая правовая природа норм Конституции РФ, а также в качестве одной из основ конституционного строя. В праве Европейского Союза имеется термин «доктрина прямого действия» [12]. Представляется, что применительно к внутренней системе права можно предложить использовать термин «доктрина прямого действия Конституции РФ». В понятие «доктрина прямого действия Конституции РФ» входит, на наш взгляд, содержание двух указанных аспектов. Рассмотрим их более подробно:

1. *Прямое действие как юридическое свойство Конституции РФ*

В этом свойстве отражается особая юридическая природа норм Конституции РФ. Говоря о прямом действии норм Конституции РФ, необходимо подчеркнуть смысловое различие между понятиями «действие» и «реализация». Под действием права в теории традиционно понимаются все аспекты его воздействия на общественные отношения: информационное, ценностно-мотивационное и непосредственно регулирующее воздействие [13]. Последний элемент, то есть непосредственно регулирующее воздействие права, выражается в реализации права. Реализация права представляет собой осуществление правовых предписаний в правомерном поведении государственных органов, органов местного самоуправления, должностных лиц, граждан и их объединений в формах соблюдения, исполнения и использования. Особой формой реализации права, как известно, является правоприменение. Следовательно, понятие «действие права» является наиболее общим по отношению к реализации и правоприменению.

Безусловно, действие норм Конституции РФ включает не только прямое регулирующее воздействие, но также и возможность норм Конституции РФ оказывать мотивационное, ценностное и информационное воздействие на субъектов права, о чем было сказано выше при характеристике социальной ценности конституционных норм. К примеру, нормы Конституции РФ «задают» определенные мотивы поведения граждан, способствуют их правомерному и законопослушному поведению.

Однако в контексте данной статьи мы говорим о прямом действии Конституции РФ как об одном из ее юридических свойств, имеем в виду лишь юридический аспект действия норм Конституции РФ. Это свойство формально закреплено в ч. 1 ст. 15 Конституции РФ, где сказано, что Конституция РФ имеет высшую юридическую силу, прямое действие и применяется на всей территории Российской Федерации.

Таким образом, под *прямым действием как юридическим свойством Конституции РФ следует понимать ее прямое регулирующее воздействие на общественные отношения, осуществление ее предписаний в правомерном поведении всех субъектов права*. То есть в данном случае мы отождествляем прямое действие с реализацией норм Конституции РФ.

В науке конституционного права общепризнано, что прямое действие норм Конституции РФ выступает в двух формах [14]:

Прямое непосредственное действие, которое означает, что в своем поведении все граждане, их объединения, должностные лица, государственные органы и органы местного самоуправления должны руководствоваться нормами Конституции РФ, соблюдать их. Непосредственное применение судами норм Конституции РФ также является проявлением прямого непосредственного действия данных норм. При этом прямое непосредственное действие норм Конституции РФ и непосредственное применение судами ее норм – понятия, не совпадающие по своему объему. Первое является более широким понятием, поскольку нормы Конституции РФ обладают непосредственным действием и вне правоприменения и даже вне конкретных правоотношений. На основе норм Конституции РФ, имеющих прямое непосредственное действие, могут возникать (изменяться или прекращаться) правоотношения общего характера.

Прямое опосредованное действие. При опосредованном действии нормы Конституции РФ действуют через иные нормы конституционного права, а также через посредство отраслевых норм. То есть в данном случае речь идет о конкретизации норм Конституции РФ. При

этом в процессе такой конкретизации, осуществляемой законодателем, недопустимы отступление от буквы и духа Конституции РФ, заложенных в ней ценностных ориентиров, ограничение круга предусмотренных конституционной нормой правомочий или носителей соответствующих прав и обязанностей [15]. Суды при рассмотрении дел применяют норму конкретизирующего Конституцию РФ закона. При этом они руководствуются нормами Конституции РФ. Их решение должно быть принято в соответствии с Конституцией РФ. Также суды оценивают конституционность нормы и обращаются в Конституционный Суд РФ в случае обнаружения несоответствия нормы акта, подлежащего применению в конкретном деле, Конституции РФ. В этом и состоит ее прямое действие.

Прямое непосредственное и опосредованное действие Конституции РФ как формы ее прямого действия нашли свое отражение в судебной практике. В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 31.10.1995 № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» [16] указаны случаи, когда суды применяют Конституцию РФ непосредственно:

а) когда закрепленные нормой Конституции РФ положения, исходя из ее смысла, не требуют дополнительной регламентации и не содержат указания на возможность ее применения при условии принятия федерального закона, регулирующего права, свободы, обязанности человека и гражданина и другие положения;

б) когда Конституционным Судом Российской Федерации выявлен пробел в правовом регулировании либо когда пробел образовался в связи с признанием не соответствующими Конституции РФ нормативного правового акта или его отдельных положений с учетом порядка, сроков и особенностей исполнения решения Конституционного Суда Российской Федерации, если они в нем указаны;

При этом необходимо отметить, что ранее в данном Постановлении Пленума Верховного Суда РФ были еще два пункта, которые звучали следующим образом:

в) когда суд придет к убеждению, что федеральный закон, принятый после вступления в силу Конституции Российской Федерации, находится в противоречии с соответствующими положениями Конституции;

г) когда закон либо иной нормативный правовой акт, принятый субъектом Российской Федерации по предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Федерации, противоречит Конституции Российской Федерации, а федеральный закон, который должен регулировать рассматриваемые судом правоотношения, отсутствует.

Однако в апреле 2013 г. пункты «в» и «г» были исключены. Внесение данных изменений было связано с правовой позицией Конституционного Суда РФ, выраженной им в Постановлении от 16 июня 1998 г. № 19-П по делу о толковании отдельных положений ст. 125, 126 и 127 [17]. В данном Постановлении Конституционный Суд РФ указал, что суды общей юрисдикции не вправе сами устанавливать противоречие федерального закона или иного нормативного акта Конституции РФ и на этом основании не применять такой акт. Суд общей юрисдикции или арбитражный суд, придя к выводу о несоответствии Конституции РФ федерального закона или закона субъекта Российской Федерации, обязаны обратиться в Конституционный Суд Российской Федерации с запросом о проверке конституционности этого закона.

В соответствии с данной выше характеристикой прямого действия как юридического свойства норм Конституции РФ все ее нормы могут быть подразделены на три вида:

1. Нормы, которые имеют только непосредственное действие и не требуют их конкретизации в законах (нормы непосредственной реализации). Например, нормы ст. 1, 2, 3 Конституции РФ. Эти нормы имеют особый механизм реализации. Для их реализации не обязательно возникновение, изменение или прекращение конкретного правоотношения. Они реализуются в так называемых правоотношениях общего характера.

2. Нормы, которые могут иметь как непосредственное, так и опосредованное действие. Здесь имеются в виду нормы, которые, как правило, действуют опосредованно через конкретизирующее законодательство. Однако в некоторых случаях возможна их непосредственная реализация. Например, если применяются при преодолении законодательных пробелов, при разрешении коллизий (например, запрет задержания на срок более 48 часов).

3. Нормы, которые имеют только опосредованное действие и ни при каких обстоятельствах не могут действовать непосредственно (нормы опосредованной реализации). Так, в Конституции РФ прямо предусмотрено принятие федеральных конституционных законов и

федеральных законов. Например, в ст. 6 – о гражданстве, ст. 81 – о порядке выборов Президента РФ, ст. 70 – о статусе столицы. В ряде норм Конституции РФ закрепляется необходимость конкретизации ее норм федеральным законом или иным нормативным актом (например, ст. 43 – федеральные государственные стандарты образования). При этом в данном случае, если соответствующий акт конкретизации не принят, то данный пробел нельзя преодолеть ни через аналогию права, ни через аналогию закона. Возможно лишь восполнение пробела путем принятия соответствующего нормативного акта. Так, в условиях отсутствия федерального конституционного закона о Конституционном Собрании не может непосредственно быть применена норма Конституции РФ.

2. Прямое действие как основа конституционного строя

Под основами конституционного строя мы понимаем фундаментальные принципы устройства общества и государства, которые придают государству характер правового, конституционного [18]. Основы конституционного строя закреплены в главе 1 Конституции РФ. Конституция РФ в ч. 1 ст. 15 закрепляет, что Конституция Российской Федерации имеет высшую юридическую силу, прямое действие и применяется на всей территории Российской Федерации. Законы и иные правовые акты, принимаемые в Российской Федерации, не должны противоречить Конституции Российской Федерации. Таким образом, прямое действие признается в качестве одной из основ конституционного строя Российской Федерации. Из текста Конституции РФ видно, что принцип прямого действия в первую очередь неразрывно связан с признанием высшей юридической силы Конституции РФ и ее применения на всей территории Российской Федерации. Кроме того, принцип прямого действия в совокупности с другими основами конституционного строя, такими как демократическое государство, суверенное государство, федеративное государство, социальное и светское государство и другие, придает российскому государству характер конституционного.

Прямое действие норм Конституции РФ – принцип, который способствует конституционализации всей системы правового регулирования в Российской Федерации, придает ей конституционный характер. Принцип прямого действия как основа конституционного строя Российской Федерации способствует усилению взаимосвязей между нормами всех отраслей российского права и таким образом способствует единству и гармонизации всей системы правового регулирования. Принцип прямого действия норм Конституции РФ лежит в основе деятельности всех государственных органов и органов местного самоуправления, должностных лиц, граждан и их объединений.

Важной гарантией соблюдения данного принципа является то, что согласно статье 16 Конституции РФ положения главы 1 Конституции не могут быть изменены иначе как в порядке, установленном Конституцией. Никакие другие положения Конституции РФ не могут противоречить основам конституционного строя Российской Федерации.

В целом, обобщая вышесказанное, можно сделать следующие выводы:

- Закрепление в конституционных нормах ценностей, реально существующих в обществе, способствует стабильности Конституции РФ. Только тогда, когда ценности, существующие в обществе, будут «растворены», «спрятаны» в формулировках норм Конституции, в «юридической схоластике», в юридической технике, Конституция сумеет пережить все политические, экономические и социальные кризисы [19].

- Нормы Конституции РФ имеют прямое действие и особый механизм реализации. При этом прямое действие можно понимать как юридическое свойство Конституции РФ и как основу конституционного строя. Содержание двух указанных аспектов позволяет говорить о доктрине прямого действия Конституции РФ.

Примечания

1. В последнее время ученые-конституционалисты обращают внимание на так называемый процесс «преобразования» Конституции РФ. Под «преобразованием» понимается такое изменение, которое оставляет текст Конституции в прежнем виде (изменения через интерпретацию и конкретизирующее законодательство). Процесс преобразования Конституции стал предметом изучения еще в начале XX века (См. *Еллинек Г.* Конституции, их изменения и преобразования. СПб., 1907. С. 5).

2. *Керимов Д. А.* Методология права: Предмет, функции, проблемы философии права. М., 2003. С. 168.

3. *Бабенко А. Н.* Правовые ценности и освоение их личностью: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2002. С. 29.

4. Крусс В. И. Российская конституционная аксиология: актуальность и перспективы // Конституционное и муниципальное право. 2007. № 2. СПС КонсультантПлюс. База «Комментарии законодательства».
5. Румянцев О. Г. Основы конституционного строя России: понятие, содержание, вопросы становления. М., 1994. С. 39–41.
6. Бабенко А. Н. Указ. соч. С. 30.
7. Фаткуллин Ф. Н., Чулюкин Л. Д. Социальная ценность и эффективность правовой нормы. Казань, 1977. С. 10.
8. Гусейнов А. И. Проблема ценностей в праве // Право и политика. 2007. № 7. С. 14–22.
9. Фаткуллин Ф. Н., Чулюкин Л. Д. Указ. соч. С. 9.
10. Гаджиев Г. А. Цели, задачи и предназначение Конституционного Суда Российской Федерации // Журнал конституционного права. 2008. № 1. С. 12.
11. Гаджиев Г. А. Указ. соч. С. 13.
12. Марченко М. Н., Дерябина Е. М. Право Европейского союза. Вопросы истории и теории. М., 2014. С. 387.
13. Проблемы общей теории права и государства / под общ. ред. В. С. Нерсесянца. М.: Норма ИНФРА-М, 2001. С. 414.
14. Эбзеев Б. С. Народ, государство в конституционном строе Российской Федерации. М., 2013. С. 73–83;
15. Кутафин О. Е. Источники конституционного права Российской Федерации. М., 2002. С. 47.
16. Комментарий к Конституции Российской Федерации (постатейный) / Л. В. Андриченко, С. А. Боголюбов, Н. С. Бондарь и др.; под ред. В. Д. Зорькина. 2-е изд., пересмотр. М.: Норма: Инфра-М, 2011.
17. Российская газета. 1995. 28 дек.
18. СЗ РФ. 1998. № 25. Ст. 3004.
19. Кутафин О. Е. Российский конституционализм. М., 2008. С. 193.
20. Алексеев С. С. Тайна права. Его понимание, назначение, социальная ценность. М., 2001. С. 96.

Notes

1. Recently scientists-constitutionalists pay attention to the so-called process of "conversion" of the Constitution of the Russian Federation. Under the "transformation" they refer to such a change, which leaves the text of the Constitution in its original form (through the interpretation and the implementing legislation). The conversion process of the Constitution has been the subject of study in the early twentieth century (See Jellinek G. [Constitutions, their changes and transformations]. SPb. 1907. P. 5).
2. Kerimov D. A. *Metodologiya prava: Predmet, funkcii, problemy filosofii prava* [Methodology of law: subject, functions, problems of philosophy of law]. Moscow. 2003. P. 168.
3. Babenko A. N. . *Pravovye cennosti i osvoenie ih lichnost'yu: avtoref. dis. ... d ra yurid. nauk* [Legal values and the development of their personality: autoref. dis. ... D. jur. sciences]. Moscow. 2002. P. 29.
4. Cruss V.I. *Rossijskaya konstitucionnaya aksiologiya: aktual'nost' i perspektivy* [Russian constitutional axiology: the relevance and prospects] // *Konstitucionnoe i municipal'noe pravo* - Constitutional and municipal law. 2007, No. 2. ILS ConsultantPlus. Base "Comments on the legislation."
5. Rumyantsev O.G. *Osnovy konstitucionnogo stroya Rossii: ponyatie, sodержanie, voprosy stanovleniya* [Fundamentals of the constitutional system of Russia: concept, content, questions of formation]. Moscow. 1994. Pp. 39-41.
6. Babenko A. N. Op. cit. P. 30.
7. Fatkullin F. N., Chulyukin L. D. *Social'naya cennost' i ehffektivnost' pravovoj normy* [Social value and effectiveness of legal norms]. Kazan, 1977. P. 10.
8. Guseinov A. I. *Problema cennostej v prave* [The problem of values in law] // *Pravo i politika* - Law and policy. 2007, No. 7, pp. 14-22.
9. Fatkullin F. N., Chulyukin L. D. Op. cit. P. 9.
10. Gadzhiev G. A. *Celi, zadachi i prednaznachenie Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii* [Goals, objectives and mission of the Constitutional Court of the Russian Federation] // *ZHurnal konstitucionnogo prava* - Journal of constitutional law. 2008, No. 1, p. 12.
11. Gadzhiev G.A. Op. cit. P. 13.
12. Marchenko M. N., Deryabina E. M. *Pravo Evropejskogo soyuza. Voprosy istorii i teorii* [Law of the European Union. Questions of history and theory]. Moscow. 2014. P. 387.
13. *Problemy obshchej teorii prava i gosudarstva* - Problems of the General theory of state and law / under the general editorship of V.S. Nersesyants. Moscow. Norma INFRA-M. 2001. P. 414.
14. Ebzееv B. S. *Narod, gosudarstvo v konstitucionnom stroe Rossijskoj Federacii* [People, state in the constitutional system of the Russian Federation]. Moscow. 2013. Pp. 73-83;
15. Kutafin O. E. *Istochniki konstitucionnogo prava Rossijskoj Federacii* [Sources of constitutional law of the Russian Federation]. Moscow. 2002. P. 47.

16. *Kommentarij k Konstitucii Rossijskoj Federacii (postatejnyj)* - Comments on the Constitution of the Russian Federation (article by article) / L.V. Andrichenko, S.A. Bogolyubov, N. S. Bondar and others; ed. by V. D. Zorkin. 2nd ed., revision. Moscow. Norma: Infra-M. 2011.

17. The Russian newspaper. 1995, 28 Dec. (in Russ.)

18. Resolves of the Russian Federation. 1998, No. 25, article 3004. (in Russ.)

19. Kutafin O. E. *Rossijskij konstitucionalizm* [Russian constitutionalism]. Moscow. 2008. P. 193.

20. Alekseev S. S. *Tajna prava. Ego ponimanie, naznachenie, social'naya cennost'* [Secret of law. Its understanding, purpose, social value]. Moscow. 2001. P. 96.

УДК 341.645

Г. Н. Плотникова, Н. В. Матанцева

К вопросу о проблемах обращения граждан Российской Федерации за защитой прав и свобод в Европейский суд по правам человека*

В настоящем исследовании авторы обращаются к анализу проблем, связанных с защитой прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации, в том числе посредством обращения в Европейский суд по правам человека. Речь, прежде всего, идет о реализации гражданами Российской Федерации права, закрепленного Конституцией Российской Федерации, на обращение в межгосударственные органы по защите прав и свобод.

В современном Российском государстве, чья политика направлена на становление правового государства и развитие гражданского общества, остро стоит проблема с созданием необходимых и достаточных условий для реализации закрепленных федеральной Конституцией основных прав и свобод.

В связи с этим является актуальным обращение к вопросу об эффективности судебной защиты прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации и выявлении проблем в этой сфере. Предметом исследования в рамках настоящей статьи является изучение опыта обращения российских граждан в Европейский суд по правам человека, а также анализ практики применения судами Российской Федерации решений Европейского суда по правам человека.

In this study, the authors turn to the analysis of problems related to the protection of the rights and freedoms of man and citizen in the Russian Federation, including through recourse to the European Court of human rights. It is, above all, about the realization of citizens of the Russian Federation the rights enshrined in the Constitution of the Russian Federation, to appeal to international bodies for the protection of human rights and freedoms.

In the modern Russian state whose policy is aimed at consolidating the rule of law and civil society development, there is an acute problem with the creation of the necessary and sufficient conditions for the realization enshrined in the Federal Constitution fundamental rights and freedoms.

In this connection, it is actual to the question about the effectiveness of judicial protection of the rights and freedoms of man and citizen in the Russian Federation and the identification of problems in this area. The subject of study in the framework of this article is to study the experience of Russian citizens to the European Court of human rights, as well as the analysis of the practice of application by courts of the Russian Federation, decisions of the European Court of human rights.

Ключевые слова: права и свободы, граждане Российской Федерации, судебная защита, Европейский суд по правам человека, Конвенция о защите прав человека и основных свобод, Конституция Российской Федерации, жалоба, судебная практика, исполнение судебного решения.

* Научная работа отмечена Благодарственным письмом II степени Уполномоченного по правам человека в Кировской области за победу в конкурсе творческих работ студентов высших учебных заведений Кировской области на тему «Права человека в современном обществе» (ноябрь 2013 года).

Scientific work is marked by a letter of Gratitude of the II degree of the Commissioner for human rights in the Kirov region for the victory in the contest of creative works of students of higher educational institutions of the Kirov region on the theme "Human Rights in contemporary society" (November 2013).

Keywords: rights and freedoms, citizens of the Russian Federation, judicial protection, the European Court of Human Rights, Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms, the Constitution of the Russian Federation, the complaint, judicial practice, the execution of the judgment.

На сегодняшний день права человека и гражданина играют в Российском государстве значительную роль. Признание в отечественной правовой системе общепризнанных стандартов, принятых в международном сообществе, связано со вступлением Российской Федерации в 1996 г. в Совет Европы. С этого момента для России стало обязательным признание международно-правовых документов, которые закрепляют основные права и свободы человека и делают его главной ценностью. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод [1] (далее по тексту – ЕКПЧ, а равно – Конвенция) в правовых системах государств – членов Совета Европы занимает особое место по сравнению с традиционными нормами международного права и международными договорами. Господствующей среди юристов доктриной она характеризуется как конституционно признаваемый на национальном уровне инструмент европейского правопорядка. Особая – наднациональная, общеевропейская – юридическая сила ЕКПЧ и постановлений ЕСПЧ так или иначе признается всеми странами Европы [2].

Из содержания Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10.10.2003 № 5 (ред. от 05.03.2013 г.) «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» следует, что прямое действие положений Конвенции и протоколов, их толкования, даваемые ЕСПЧ, а также обязанность судов применять их независимо от уровня или характера разбирательства стали общепризнанными принципами российского конституционного права [3]. Об этом говорится в ч. 4 ст. 15 Конституции РФ: «Общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора» [4]. Российская Федерация не только приняла, но и зафиксировала в своих нормативных документах положения Конвенции. Таким документом стал Федеральный закон от 30.03.1998 г. № 54-ФЗ «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней» [5].

При этом, говоря о соотношении внутригосударственного законодательства и решений международных судов (в том числе постановлений ЕСПЧ), следует сказать о существующей дискуссии баланса Конституции РФ и решений ЕСПЧ. По этому вопросу высказал свою позицию Председатель Конституционного Суда РФ Валерий Зорькин в статье о «деле Маркина», опубликованной в «Российской газете», в которой подчеркивал, что Страсбургский суд вправе указывать странам на ошибки в законах, но когда решения ЕСПЧ прямо противоречат Конституции России, страна должна соблюдать свои национальные интересы [6]. Схожую позицию выразил полномочный представитель Государственной Думы Дмитрий Вяткин, согласно которой «ЕСПЧ устанавливает нарушения и может давать рекомендации по исправлению тех нарушений, которые носят системный характер. Но решения ЕСПЧ не могут противоречить решениям Конституционного Суда РФ. Выводы, сделанные Европейским судом, необходимо учитывать, но, по нашему мнению, выводы Конституционного Суда являются приоритетными на основании того, что закона выше Конституции у нас нет» [7].

Так как права и свободы человека и гражданина в Российской Федерации сейчас признаются высшей ценностью для государства, то граждане должны иметь достаточно возможностей, чтобы их защищать. Одной из них стала возможность обращения граждан России в Европейский суд по правам человека (далее по тексту – ЕСПЧ). В Федеральном Законе 1998 г. сказано, что Российская Федерация признает компетенцию Европейской комиссии по правам человека получать заявления (жалобы) от любого лица, неправительственной организации или группы лиц, которые утверждают, что они являются жертвами нарушения Российской Федерацией их прав, изложенных в Конвенции и указанных Протоколах к ней, в случаях, когда предполагаемое нарушение имело место после вступления в действие этих договорных актов в отношении Российской Федерации.

Граждане РФ, отсылающие жалобу в ЕСПЧ, сталкиваются с немалыми проблемами, связанными с процедурой подачи и рассмотрения жалобы. Наиболее дискуссионной в отечественной литературе, посвященной деятельности ЕСПЧ, на наш взгляд, является проблема силы постановлений ЕСПЧ.

По оценке Генерального секретаря Совета Европы, которым в то время был Даниэль Таршис, и Председателя Парламентской Ассамблеи Лени Фишера, ратификация Россией Европейской Конвенции по правам человека Советом Европы 5 мая 1998 г. была встречена как «историческое событие, важное для ее граждан и для всей Европы», которое будет способствовать укреплению консолидации ее внутренних институтов и механизмов защиты прав человека» [8].

Актуальный характер рассматриваемого вопроса объясняется и тем, что в настоящее время Россия активно вовлечена в судебные процессы в ЕСПЧ. Одной из самых животрепещущих проблем является огромное количество жалоб, направляемых гражданами России в ЕСПЧ, что ставит под сомнение эффективность функционирования правовой системы Российской Федерации [9]. Обращаясь к статистике, можно увидеть просто колоссальные цифры обращений российских граждан в суд ЕСПЧ. В 2000 г. против Российской Федерации поступило 2313 жалоб, в 2001 г. – 4488, в 2002 г. – 4716, в 2003 г. – 6062, в 2004 г. – 6691 жалоба. Что здесь можно сказать? Резкое увеличение числа жалоб произошло на рубеже 2002–2003 гг., и наряду с другими причинами здесь нужно указать на то, что в это время у нас вступили в силу и новый Уголовно-процессуальный кодекс, и новый Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации. По состоянию на 2007 г. на рассмотрении ЕСПЧ находилось 19 300 дел в отношении России. Кроме того, за это время в отношении нашего государства Судом было вынесено более 250 постановлений, т. е. решений по существу. За 10 месяцев 2012 г. ЕСПЧ объявил неприемлемыми и исключил из списка подлежащих рассмотрению дел более 70 000 жалоб и отказал в регистрации еще 15 600 жалоб, беспрецедентно сократив количество ожидающих рассмотрения жалоб против России более чем на 10 000 (с 40 до 30 тысяч) и огласив при этом всего 120 постановлений по российским делам. 88% ожидающих рассмотрения жалоб против России уже отнесены Секретариатом ЕСПЧ к явно неприемлемым или вызывающим серьезные сомнения в приемлемости [10].

Мы разделяем позицию А. Р. Султанова, согласно которой нарушения Конвенции могут быть различны, но в любом случае установление факта ее нарушения Россией является отражением того, что многоинстанционная российская судебная система оказывается неспособной защитить гарантируемые Конвенцией права и свободы. Соответственно, законодатель должен предусмотреть такие процессуальные последствия постановлений ЕСПЧ, которые в полной мере обеспечивали бы восстановление нарушенных прав, – полное исполнение постановлений ЕСПЧ [11].

Причины подобной ситуации мы склонны видеть в следующем. Проводимая реформа ЕСПЧ рассчитана на европейскую установившуюся демократию и подлинно независимую, справедливую судебную систему. Не смотря на то что обращений в Суд по правам человека очень много, следует отметить, что приемлемыми для рассмотрения по существу являются всего около 100 дел из всех заявленных. Многие жалобы коммуницированы, то есть переданы для комментариев и ответов властям государства, против которого обращена жалоба. На наш взгляд, проблема применения судами РФ решений суда ЕСПЧ очень острая и до сих пор не устранена. Наша страна хоть и вступила в Европейский Союз, но все еще далека от идеала истинно правового государства. Несмотря на то что законодательство теоретически предусматривает применение решений суда ЕСПЧ, вместе с тем не дает конкретного механизма и срока исполнения этого решения. Сами судьи ЕСПЧ утверждают, что дела, направляемые Россией для рассмотрения, являются одними из самых сложных, в них зачастую обнаруживается много несоответствий закону, несмотря на то что дела проходят несколько судебных инстанций.

В постановлении от 19 марта 1997 г. по делу Хорнсби против Греции ЕСПЧ обратил внимание на то, что «государственная администрация – это элемент правового государства, и ее интересы идентичны целям надлежащего отправления правосудия. Таким образом, государственные органы, являясь частью правового государства, должны быть заинтересованы в пересмотре судебных актов и восстановлении нарушенных прав и свобод, гарантированных Конвенцией, не в меньшей степени, чем суды, на которых лежит ответственность по защите прав и свобод человека и гражданина» [12].

Второй проблемой обращения российских граждан в ЕСПЧ является важность обращения за грамотной квалифицированной юридической помощью по составлению жалобы в Суд. Так, опытные юристы российских правозащитных организаций выделяют следующие

критерии, которыми они руководствуются, принимая решение об инициировании и ведении дела в ЕСПЧ [13]:

- в качестве эффективных средств защиты могут быть использованы нормы Европейской Конвенции и Протоколов к ней;
- дело отвечает критериям общественной значимости, то есть проблема нарушенного права в данном частном деле типична и имеет тенденцию к повторяемости в отношении неопределенного круга лиц;
- дело носит «стратегический характер», а именно нацелено на изменение незаконной правоприменительной практики (устранения структурных нарушений) или законодательства Российской Федерации;
- дело имеет значительную доказательственную базу, подтверждающую заявленные нарушения;
- устойчивая связь с жертвой нарушенного права.

Следующая проблема обращений в ЕСПЧ – длительность рассмотрения жалобы и принятия по ней решения. Обычно прохождение дел по системе Европейского суда занимает не менее четырех – пяти лет (если они преодолевают стадию приемлемости), а некоторые из них длятся еще дольше. В связи с этим обращающиеся лица должны быть морально устойчивы, поскольку жалоба несколько раз будет направляться обратно обратившейся стороне для корректного заполнения, а промежуточные решения зачастую могут и вовсе не доходить по указанному адресу. Стоит отметить, что из правил приемлемости наибольшей практической важностью обладают те, которые относятся к исчерпанию внутренних средств защиты и подаче жалобы в Суд в течение шести месяцев с момента вынесения окончательного решения, как установлено в ст. 35 Конвенции. От заявителя требуется использовать только доступные, эффективные и достаточные внутренние средства защиты.

Важно также заметить, что гражданин РФ должен быть готов к тому, что даже если он выиграет дело в ЕСПЧ – это будет всего лишь моральное удовлетворение, так как в основе своей исполнение решения Суда ограничивается выплатой компенсации морального вреда, причиненного вследствие нарушения прав и свобод. Российская Федерация исправно выплачивает справедливую компенсацию за нарушение прав, которую назначает в своих решениях ЕСПЧ, хотя действующее законодательство не предусматривает обязательности принятия какого-либо формального судебного акта в качестве основания для выплаты такой компенсации. В связи с этим возникает не менее актуальный вопрос – о соотношении той компенсации, которую постановляет выплатить заявителю ЕСПЧ, с компенсацией причиненного вреда на основании российского законодательства. Природа компенсации, присуждаемой Европейским судом по правам человека, ни в российском законодательстве, ни в судебной практике, ни в доктрине не определяется. При этом, соглашаясь с С. А. Беловым, стоит отметить, что «гораздо более важным с точки зрения восстановления прав должно считаться принятие таких мер, которые по существу направлены на изменение ситуации, квалифицированной ЕСПЧ как нарушение прав гражданина» [14].

В настоящее время ЕСПЧ в отношении России вынес решения по существу в следующих областях: гражданское разбирательство; имущественные вопросы; жилище и частная жизнь; уголовное разбирательство; положение в Чечне; вопросы юрисдикции и экстерриториальные действия и бездействия [15]. При этом интересно, что в разных видах судопроизводства складывается совершенно разный порядок и условия пересмотра судебных решений на основании постановлений ЕСПЧ, что явно не способствует эффективности восстановления прав, нарушение которых выявлено в данном Суде [16].

Другой важнейшей проблемой в части восстановления прав, нарушение которых констатировано ЕСПЧ, остается проведение надлежащего расследования этих нарушений и применение мер ответственности к должностным лицам, виновным в соответствующих нарушениях. При этом эффективной, но, к сожалению, лишенной достаточных оснований в действующем законодательстве мерой восстановления нарушенных прав может считаться требование, сформулированное Президиумом Верховного Суда РФ в Постановлении от 21.12.2011 г. № 383П11, об обязывании уполномоченных должностных лиц устранить нарушения, допущенные в связи с неправомерным отказом в возбуждении уголовного дела. Не предусматривает российское законодательство и обязательного проведения расследования для принятия решения о привлечении к дисциплинарной или административной ответственности должностных лиц, что также не

позволяет обеспечить эффективность восстановления прав, нарушение которых констатировано в решении Европейского суда по правам человека.

Таким образом, на основе изученных проблем, связанных с процедурой обращения за защитой прав в ЕСПЧ, можно сделать вывод о необходимости законодательного закрепления на федеральном уровне норм о признании обязательности решений ЕСПЧ. Присоединение России к ЕКПЧ, безусловно, является одним из важнейших факторов построения правового государства и поддержания демократических ценностей. Таким образом, акты ЕСПЧ имеют огромное значение для российской практики, в том числе по делам против других государств [17]. Постановления ЕСПЧ по своей юридической силе следует рассматривать подобно решениям Конституционного Суда РФ. Необходимо также наладить процедуру приведения вынесенных судебных решений в соответствие с постановлениями ЕСПЧ, вынесенными по инициативе заинтересованных лиц. Применение указанных мер обеспечит прямое действия ЕКПЧ на территории Российского государства, что в свою очередь приведет к эффективному и гармоничному проникновению права ЕКПЧ во внутренний правопорядок нашей страны без вмешательства законодательной и исполнительной властей.

Примечания

1. Конвенция о защите прав человека и основных свобод: [заключена в г. Риме 04.11.1950 г., с изм. от 13.05.2004 г.]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». Загл. с экрана.

2. Садчикова О. В. Решения Европейского суда по правам человека и их значение для российской правоприменительной практики: автореф. ... дис. канд. юрид. наук. М., 2009.

3. О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации: [Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10.10.2003 № 5 (ред. от 05.03.2013 г.)]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». Загл. с экрана.

4. Конституция Российской Федерации: [от 12.12.1993 (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ)]. Собрание законодательства РФ. 26.01.2009. № 4. Ст. 445.

5. О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней: [федер. закон от 30.03.1998 г. № 54-ФЗ]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». Загл. с экрана.

6. Конституционный Суд решит, как быть в случае противоречия с международными судами // РИА новости. 07.11.2013. URL: www.ria.ru/incidents/20131106/974912572.html (дата обращения – 06 ноября 2013 г.).

7. Никто не судья в своем деле // Газета.RU. 2013. 07 ноября. URL: www.gazeta.ru/social/2013/11/06/5740193.shtml (дата обращения – 07 ноября 2013 г.).

8. Обращение в Европейский суд по правам человека / под общ. ред. Ф. Лича. М.: МОО ПЦ «Мемориал», 2006.

9. Садчикова О. В. Указ. соч.

10. Игнатенко Г. В., Тиунов О. И. Международное право. М.: Норма, 2007.

11. Султанов А. Р. Правовые последствия постановлений Европейского суда по правам человека // Журнал российского права. 2011. № 9. URL: www.sutyajnik.ru/documents/4130.pdf (дата обращения – 05 ноября 2013 г.).

12. Новая веха в исполнении постановлений Европейского суда по правам человека: значение и правовые последствия постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 26 февраля 2010 №4-П. URL: www.lawmix.ru/content?id=2402 (дата обращения – 06 ноября 2013 г.).

13. Обращение в Европейский суд по правам человека...

14. Белов С. А. Исполнение решений Европейского суда по правам человека. URL: www.monitoring.law.edu.ru/kategorii_del/processualnoe_pravo/ispolnenie_reshenij_evropejskogo_suda_po_pravam_cheloveka/ (дата обращения – 06 ноября 2013 г.).

15. Обращение в Европейский суд по правам человека...

16. Белов С. А. Указ. соч.

17. Избранные решения Европейского суда по правам человека. Вопросы сексуальной ориентации и гендерной идентичности; [сост., авт. «Введения» и ст. Ксения Кириченко]. М. : Моск. Хельсинкская группа, 2010.

Notes

1. Convention for the protection of human rights and fundamental freedoms: [concluded in Rome 04.11.1950, with var. from 13.05.2004,]. Access from ref.-legal system "ConsultantPlus". Caps. from the screen. (in Russ.)

2. Sadchikova O.V. *Resheniya Evropejskogo suda po pravam cheloveka i ih znachenie dlya rossijskoj pravoprimenitel'noj praktiki: avtoref. ... dis. kand. jurid. nauk* [Decisions of the European court of human rights and their significance for Russian law enforcement practice: autoref. ... dis. Cand. jur. sci.] Moscow. 2009.

3. On the application by courts of general jurisdiction universally recognized principles and norms of international law and international treaties of the Russian Federation: [Decision of Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 10.10.2003 No. 5 (as amended on 05.03.2013)]. Access from Ref. legal system "ConsultantPlus". Caps. from the screen. (in Russ.)

4. The Constitution of the Russian Federation: [from 12.12.1993 (including the amendments made by the Laws of the Russian Federation on amendments to the Constitution of the Russian Federation dated 30.12.2008 № 6-FCL, 30.12.2008 № 7-FCL)]. Resolves of the Russian Federation. 26.01.2009. No. 4. Article 445. (in Russ.)

5. On ratification of the Convention on the protection of human rights and fundamental freedoms and the Protocols thereto: [Feder. law of 30.03.1998, No. 54-FZ]. Access from Ref. legal system "ConsultantPlus". Caps. from the screen. (in Russ.)

6. The Constitutional Court will decide what to do in case of contradiction with international courts // RIA Novosti. 07.11.2013. Available at: www.ria.ru/incidents/20131106/974912572.html (date of access - 06 November, 2013). (in Russ.)

7. Nobody is judge in his own case // Gazeta.RU. 2013. 07 November. Available at: www.gazeta.ru/social/2013/11/06/5740193.shtml (accessed on 07 November 2013). (in Russ.)

8. Appeal to the European Court of human rights / under the general editorship of F. Leach. Moscow. NGO "Memorial". 2006.

9. Sadchikova O.V. Op. cit.

10. Ignatenko G.V., Tiunov O. I. *Mezhdunarodnoe pravo* [International law]. Moscow. Norm. 2007.

11. Sultanov A. R. *Pravovye posledstviya postanovlenij Evropejskogo Suda po pravam cheloveka* [Legal effects of decisions of the European Court of human rights] // *ZHurnal rossijskogo prava* - Journal of Russian law. 2011, No. 9. Available at: www.sutyajnik.ru/documents/4130.pdf (date of treatment - November 05, 2013). (in Russ.)

12. A new milestone in the execution of judgments of the European Court of human rights: the meaning and legal consequences of the constitutional Court of the Russian Federation dated 26 February 2010 No. 4 P. Available at: www.lawmix.ru/content?id=2402 (date of access - 06 November, 2013). (in Russ.)

13. Appeal to the European Court of human rights... (in Russ.)

14. Belov S. A. *Ispolnenie reshenij Evropejskogo suda po pravam cheloveka* [Execution of judgments of the European court of human rights]. Available at: www.monitoring.law.edu.ru/kategorii_del/processualnoe_pravo/ispolnenie_reshenij_evropejskogo_suda_po_pravam_cheloveka/ (date of access - 06 November, 2013). (in Russ.)

15. Appeal to the European Court of human rights... (in Russ.)

16. Belov S. A. Op. cit.

17. Selected decisions of the European court of human rights. Issues of sexual orientation and gender identity; [comp., auth. of "Introduction" and art. Ksenia Kirichenko]. Moscow. Moscow Helsinki group. 2010.

УДК 343.1

А. В. Сучков

К вопросу о дублировании проверочных мероприятий, проводимых на стадии возбуждения уголовного дела в современном российском уголовном процессе

В данной работе автор с позиции практика, осуществляющего правоприменительную деятельность, непосредственно связанную с проведением проверочных мероприятий по сообщениям о совершенных или готовящихся преступлениях на стадии возбуждения уголовного дела в соответствии с УПК РФ, рассматривает актуальную проблему дублирования проверочных мероприятий, возникающих на стадии возбуждения уголовного дела в российском уголовном процессе. В настоящее время в научной литературе всё чаще поднимается вопрос о целесообразности и необходимости существования самой стадии возбуждения уголовного дела в российском уголовном процессе. В статье автор подробно анализирует причины, вызывающие необходимость незамедлительного решения проблемы

дублирования проверочных мероприятий на стадии возбуждения уголовного дела. По мнению автора, исследование обозначенной в статье проблемы будет способствовать решению более важной задачи – реорганизации стадии возбуждения уголовного дела.

In this article the author, from a position of the practician who is carrying out the law-enforcement activity which is directly connected with carrying out test actions for messages about the committed or preparing crimes at a stage of initiation of legal proceedings according to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, considers an actual problem of duplication of the test actions arising at a stage of initiation of legal proceedings in the Russian criminal trial. Now in scientific literature the question of expediency and need of existence of the stage of initiation of legal proceedings for the Russian criminal trial is even more often brought up. In article the author in detail analyzes the reasons causing need of an immediate solution of the problem of duplication of test actions at a stage of initiation of legal proceedings. According to the author, research of the problem designated in article will promote the solution of more important task – reorganization of a stage of initiation of legal proceedings.

Ключевые слова: законность, обоснованность, проверочные мероприятия, доследственная проверка, стадия возбуждения уголовного дела.

Keywords: legality, validity, verifying actions, preliminary check, a stage of excitation of criminal case.

Одной из серьёзнейших проблем, требующих скорейшего разрешения в современном российском досудебном уголовном производстве, является проблема дублирования проверочных мероприятий [1], проводимых уполномоченным на то лицом в порядке ст. 144–145 УПК РФ [2] на стадии возбуждения уголовного дела с целью принятия законного и обоснованного процессуального решения.

Проблему проведения проверочных мероприятий на стадии возбуждения уголовного дела в российском уголовном процессе автор рассматривал ранее [3], а также в связи с изменениями, внесенными законодателем в ст. 144 УПК РФ 04.03.2013 г. [4]

При этом следует отметить, что в настоящее время в научной литературе всё чаще поднимается вопрос о целесообразности и необходимости существования самой стадии возбуждения уголовного дела в российском уголовном процессе [5]. Несмотря на актуальность и прямую взаимосвязь данного вопроса с рассматриваемой автором проблемой, возможности рассмотреть его в данной статье, в силу ограниченности объёма журнальной статьи, нет.

По мнению автора, незамедлительное решение проблемы дублирования проверочных мероприятий на стадии возбуждения уголовного дела требуется по нескольким причинам.

Во-первых, сложившаяся на основе неурегулированности в законе практика противоречит ряду основных принципов уголовного судопроизводства (разумный срок уголовного судопроизводства – ст. 6¹ УПК РФ [6] и независимость судей – ст. 8¹ УПК РФ [7]).

Так, в силу требований законодателя, отражённых в ст. 6¹ и 8¹ УПК РФ, суды, рассматривающие дела по существу, могут быть ограничены во времени, необходимом для вынесения законного и обоснованного решения. Это происходит потому, что стороны, как правило, не выдерживают длительных, зачастую повторных, проверок, и обращаются в суд с просьбой ускорить процесс. Стороны не принимают во внимание, что в большинстве случаев проблема разумности сроков зависит именно от организации работы органов дознания и следствия, в расчёт которые, в порядке ст. 6¹ ч. 4 УПК РФ, не принимаются.

Во-вторых, сложившаяся ситуация по преступлениям, лицо по которым не установлено, привела к тому, что должностное лицо, осуществляющее первоначальную проверку, не всегда правильно квалифицирует действия и даёт правильную юридическую оценку фактическим обстоятельствам дела [8]. Это приводит к принятию им решения, отменяемого впоследствии надзирающим прокурором, и направлению материалов на дополнительную проверку. При этом очевидцы происшедшего становятся «заложниками» своих знаний. Это приводит к тому, что очевидцы неоднократно опрашиваются, с целью получения «удобной» для проводящего проверку лица информации, а в конечном счёте – к полному настрою против дачи каких-либо объяснений вообще. В целом, такая практика ведёт к потере времени, затрачиванию сил правоохранительных органов впустую, а в совокупности – к утере доказательственной базы и невозможности установить фактические обстоятельства дела. Результат – преступление не раскрыто, виновное лицо не установлено, а если оно и было установлено, то у него имелось достаточно времени, сил и средств, чтобы выработать позицию

защиты, и к тому же все вышеперечисленные обстоятельства сыграли в его пользу, так как, согласно ст. 14 ч. 3 УПК РФ, все сомнения в виновности толкуются исключительно в пользу обвиняемого.

В-третьих, самое главное, принятие решения по сообщению о совершённом или готовящемся преступлении, на практике, фактически проходит два этапа.

Первый этап – это проверка по сообщению о совершённом или готовящемся преступлении, проводимая органом дознания, например оперуполномоченным, участковым уполномоченным и т. д., результатом которой является принятие одного из трех решений: отказ в возбуждении уголовного дела, направление материала проверки по территориальности, направление сообщения о преступлении по подследственности.

Второй этап – это проверка, проводимая лицом, уполномоченным осуществлять предварительное расследование (дознавателем или следователем) по материалу, поступившему от органа дознания с постановлением о передаче сообщения о преступлении по подследственности в том случае, если орган дознания, проводивший проверку, усмотрит в деянии лица признаки состава преступления.

Также следует иметь в виду, что, как правило, уполномоченное лицо органа дознания, проводящее проверку по неочевидным преступлениям и сложным составам, заинтересовано либо в направлении материала проверки по территориальной подследственности, либо в том, чтобы в возбуждении уголовного дела было отказано вовсе. Данная позиция автора сложилась на основе личного опыта работы в органах предварительного следствия и полностью подтверждается постоянно проводимым анализом материалов уголовных дел; материалов проверок по сообщениям о готовящихся или совершённых преступлениях; материалов проверок, по которым вынесены постановления об отказе в возбуждении уголовного дела [9].

Вообще, исторически сложилось так, что институт возбуждения уголовного дела в России имеет долгую и неоднозначную историю. Становление института возбуждения уголовного дела произошло в советский период, когда на смену дореволюционному состязательному уголовному процессу пришёл публично-розыскной процесс [10]. После октябрьской революции 1917 г. в нормативно-правовых актах появились свидетельства о необходимости проведения доследственной проверки на стадии возбуждения уголовного дела. Так, в 1928 г. согласно директивному письму, утвержденному НКЮ и ВС РСФСР, этап проверки на стадии возбуждения уголовного дела был признан важнейшим: «Прежде чем приступить к расследованию, необходимо использовать все прочие возможности для уяснения дела – запросы, затребования объяснений и т. д. ... Во всех тех случаях, когда состав преступления явно отсутствует, нужно отказывать в производстве расследования в порядке ст. 95 УПК» [11].

Согласно требованиям ст. 109 УПК РСФСР [12] прокурор, следователь, орган дознания и судья были обязаны принимать заявления и сообщения о любом совершенном или подготовляемом преступлении и принимать по ним решения в срок не более трех суток со дня получения заявления или сообщения, а в исключительных случаях – в срок не более десяти суток (ч. 1).

По поступившим заявлениям и сообщениям могли быть истребованы необходимые материалы и получены объяснения, однако без производства следственных действий, предусмотренных Кодексом (ч. 2).

По поступившему заявлению или сообщению должно было быть принято одно из следующих решений:

- 1) о возбуждении уголовного дела;
- 2) об отказе в возбуждении уголовного дела;
- 3) о передаче заявления или сообщения по подследственности или подсудности (ч. 3).

Таким образом, в УПК РСФСР 1960 г. законодателем чётко регламентирована обязанность уполномоченных лиц проводить проверку при приёме сообщения о совершённом или готовящемся преступлении без производства следственных действий.

Проанализируем положения закона, повлиявшие на сложившуюся ситуацию, а также следственную практику в соответствии с действующим законодательством.

В УПК РФ, согласно требованиям ст. 144 ч. 1, дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа обязаны принять, проверить сообщение о любом совершенном или готовящемся преступлении и в пределах компетенции, установленной УПК РФ, принять по нему решение в срок не позднее трех суток со дня поступления указанного сообщения.

При этом орган дознания [13], согласно положению ст. 144 ч. 3 УПК РФ, не вправе самостоятельно продлить срок проверки до 10 и 30 суток соответственно. Законодатель чётко определил, что руководитель следственного органа, начальник органа дознания вправе по мотивированному ходатайству соответственно следователя, дознавателя продлить до 10 суток срок, установленный частью первой ст. 144 УПК РФ [14].

Исходя из требований ст. 144 ч. 1 УПК РФ, орган дознания должен в течение трёх суток с момента поступления сообщения о совершённом или готовящемся преступлении осуществить проверку по нему и принять решение в порядке ст. 145 ч. 1 УПК РФ.

Следует отметить, что, по мнению работников прокуратуры, наибольшее количество нарушений закона допускается должностными лицами именно на стадии возбуждения уголовного дела при вынесении процессуальных решений [15], и все они касаются необоснованного, с точки зрения органов прокуратуры, отказа в возбуждении уголовного дела. При этом в ходе производства проверки, уполномоченное лицо обязано в достаточно ограниченный срок не только установить обстоятельства, подлежащие доказыванию, но и посредством этого определить перспективу всего дела.

Также выглядит нелогичным законодательное решение, согласно которому в соответствии с изменениями, внесёнными в ч. 1 ст. 144 УПК РФ ФЗ № 23-ФЗ от 04.03.2013 г. [16], орган дознания при наделении правом самостоятельно проводить проверку по сообщению о совершённом или готовящемся преступлении, не наделяется правом в случаях, указанных в законе, продлить при необходимости этот срок.

На практике же именно орган дознания (оперуполномоченный, участковый уполномоченный) в большинстве случаев проводит первоначальную (доследственную) проверку по сообщению о совершённом или готовящемся преступлении. Доказательством этого служат ведомственные распоряжения и приказы [17], которые возлагали на орган дознания проведение проверочных мероприятий в рамках доследственной проверки по всем сообщениям о совершённых и готовящихся преступлениях.

Как средство устранения данного противоречия можно расценивать ведомственное распоряжение [18], согласно которому на органы предварительного расследования в полном объёме возложена обязанность проведения проверочных мероприятий по всем без исключения сообщениям о совершённых или готовящихся преступлениях. При этом на орган дознания возложена присущая исключительно ему функция проведения оперативно-розыскных мероприятий на основании Закона «Об ОРД» [19].

Указанные ведомственные распоряжения могли бы в определённой мере устранить указанные противоречия, если бы не позиция прокуратуры, согласно которой в рамках доследственной проверки необходимо установить наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию [20].

В этой ситуации трудно не согласиться с Е. П. Гришиной, высказавшей точку зрения о том, что «нивелирование значимости стадии проверки сообщения о преступлении, заканчивающейся принятием процессуального решения (о возбуждении уголовного дела или об отказе в возбуждении уголовного дела) чревато неоправданным, а иногда и запоздалым переложением бремени ответственности за судьбу этого дела на следователя или суд» [21].

Другими словами, ведомственные распоряжения, устраняя дублирование проверочных мероприятий, проводимых по сообщению о совершённом или готовящемся преступлении органом дознания и лицом, уполномоченным проводить предварительное расследование, по сути не решают проблемы дублирования проверочных мероприятий.

По мнению автора, исследование этой проблемы подведёт учёных-практиков и учёных-теоретиков к решению более важной задачи – реорганизации стадии возбуждения уголовного дела, о чем мы говорили в начале статьи.

Примечания

1. Анализ материалов уголовных дел, «отказных» материалов, материалов проверок, проведённый автором, а также значительный личный опыт работы автора в органах предварительного следствия позволяет сделать вывод о том, что на практике так называемая «доследственная» проверка неофициально разделена на два этапа, которые автором будут рассмотрены в данной статье ниже.

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 21.07.2014) (с изм. и доп., вступ. в силу с 06.08.2014) // СЗ РФ. 24.12.2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

3. Сучков А. В., Чиннова М. В. К вопросу о законности и обоснованности принятия процессуальных решений и проведения проверочных мероприятий на стадии возбуждения уголовного дела в уголовном процессе России // Российский судья. 2013. № 6. С. 14–18.

4. Федеральный закон от 04.03.2013 года № 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. 04.03.2013. № 9. Ст. 875.

5. См. например: Химичева Г. П. Уточнить процедуру доследственной проверки // Уголовное судопроизводство. 2012. № 1. С. 23–26; Халиков А. Н. Собираение доказательств в ходе проверки сообщения о преступлении // Законность. 2013. № 12. С. 54–57; Собчук М. В. Продление сроков следствия и содержание под стражей // Законность. 2014. № 8. С. 4144.

6. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 21.07.2014) (с изм. и доп., вступ. в силу с 06.08.2014) // СЗ РФ. 24.12.2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

7. Там же.

8. Естественно, не сам орган дознания, а сотрудник органа дознания, и это, как правило, оперуполномоченный (УР, ЭБ и ПК, БППГ и др.), участковый уполномоченный органа дознания, указанного в ст. 40 ч. 1 УПК РФ.

9. См., например: Уголовное дело № 500998 // Архив Кировского СО МВД России на транспорте. Как следует из материалов уголовного дела, факт хищения был в феврале 2014 г. Возбуждено уголовное дело было 20.08.2014 г. В ходе проводимой проверки органом дознания по основанию, предусмотренному ст. 152 УПК РФ, восемь раз материал доследственной проверки пересылался из органа в орган для принятия решения в порядке ст. 144–145 УПК РФ.

10. См.: Петров А. В. Значение и необходимость стадии возбуждения уголовного дела // Законность. 2014. № 5. С. 44–48.

11. Цитата по: Жогин Н. В., Фаткуллин Ф. Н. Возбуждение уголовного дела. М., 1961. С. 7–67 // Возбуждение уголовного дела: учеб.-метод. материалы / Краснояр. гос. ун-т; сост. А. С. Барабаш. Красноярск. 2000. С. 17–18.

12. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) // Ведомости ВС РСФСР. 1960. № 40. Ст. 592.

13. На практике орган дознания стремится либо отказать в возбуждении уголовного дела, либо направить материал проверки по территориальности в другой орган.

14. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 21.07.2014) (с изм. и доп., вступ. в силу с 06.08.2014) // СЗ РФ. 24.12.2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921

15. Багмет М. А. Проблемы рассмотрения сообщений и заявлений граждан о готовящихся и совершенных преступлениях. URL: <http://law.edu.ru/doc/document.asp?docID=1250722> (10.02.2013 г.).

16. Федеральный закон от 04.03.2013 года № 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. 04.03.2013. № 9. Ст. 875.

17. См., например: Телетайпограмма заместителя начальника ВВУВДТ по следствию № 16/11-4757 от 13.09.2007г.; Телетайпограмма ВрИО начальника ВВУВДТ № 16/11-1713 от 11.04.2008 г.; Информационное письмо Генеральной прокуратуры РФ № 36-12-2008 от 29.10.2008 г. «О практике прокурорского надзора за исполнением уголовно-процессуального законодательства о подследственности при разрешении сообщений о преступлениях»; Разъяснения Следственного комитета при МВД России № 17/1-20208 от 07.11.2008 г. «О подследственности при разрешении сообщений о преступлениях»; Решение совещания (в режиме видеоконференции) при начальнике СУ УТ МВД России по ПФО от 16.09.2014 года.

18. См.: Приказ МВД России от 01.04.2013 года № 180 «О проведении эксперимента по апробации порядка разрешения заявлений (сообщений) о преступлениях, предусматривающего принятие по ним процессуальных решений следователями и дознавателями»; Распоряжение МВД России от 31.01.2014 года № 1/780 «О проведении эксперимента по апробации порядка разрешения заявлений (сообщений) о преступлениях, предусматривающего принятие по ним процессуальных решений следователями и дознавателями»; Приказ УТ МВД России по ПФО от 30.04.2014 года № 180 «О проведении эксперимента по изменению порядка разрешения заявлений (сообщений) о преступлениях, предусматривающего принятие процессуальных решений по ним только следователями и дознавателями»; Распоряжение СУ УТ МВД России по ПФО от 19.05.2014 года № 16/24-895 «О порядке проведения эксперимента по изменению порядка разрешения заявлений (сообщений) о преступлениях, предусматривающего принятие процессуальных решений по ним только следователями и дознавателями».

19. Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ (ред. от 21.12.2013) «Об оперативно-розыскной деятельности» // Российская газета. 1995. 18 авг.

20. Сучков А. В., Чиннова М. В. К вопросу о законности и обоснованности принятия процессуальных решений и проведения проверочных мероприятий на стадии возбуждения уголовного дела в уголовном процессе России // Российский судья. 2013. № 6. С. 14–18.

21. Гришина Е. П. К вопросу об использовании специальных познаний на стадии возбуждения уголовного дела // Российский следователь. 2012. № 19. С. 16–18.

Notes

1. Analysis of the materials of criminal cases, "exemption" materials, materials of inspections conducted by the author, as well as significant personal experience of the author in the preliminary investigation leads to the conclusion that in practice the so-called "pre-investigation" check informally is divided into two stages, which the author will be discussed in this article below.

2. Criminal procedural code of the Russian Federation dated 18.12.2001 No. 174-FZ (as amended on 21.07.2014) (with amend. and add., comes into force from 06.08.2014) // Resolves of the Russian Federation. 24.12.2001. No. 52 (pt. I). Article 4921. (in Russ.)

3. Suchkov A. V., Chinnova M.V. *K voprosu o zakonnosti i obosnovannosti prinyatiya processual'nyh reshenij i provedeniya proverochnykh meropriyatij na stadii vozbuzhdeniya ugovnogo dela v ugovnom proc-esse Rossii* [To the question of the lawfulness and reasonableness of taking procedural decisions and carrying out test activities at the stage of criminal proceedings in the criminal procedure of Russia] // *Rossijskij sud'ya* - Russian judge. 2013, No. 6, pp. 14-18.

4. Federal law dated 04.03.2013 No. 23-FZ "On amendments to article 303 of the Criminal code of the Russian Federation and the Criminal procedural code of the Russian Federation" // Resolves of the Russian Federation. 04.03.2013. No. 9. Article 875. (in Russ.)

5. See for example: Himicheva G. P. *Utochnit' proceduru dosledstvennoj proverki* [To clarify the procedure of the preliminary investigation] // *Ugovnoe sudoproizvodstvo* - Criminal proceedings. 2012, No. 1, pp. 23-26; Khalikov A. N. *Sobiranie dokazatel'stv v hode proverki soobshcheniya o prestupenii* [Collection of evidence during the inspection reports of crime] // *Zakonnost'*- Legality. 2013, No. 12, pp. 54-57; Sobchuk M.V. *Prodlenie srokov sledstviya i sodержanie pod strazhej* [The extension of the investigation and detention] // *Zakonnost'*- Legality. 2014, No. 8, pp. 41-44.

6. Criminal procedural code of the Russian Federation dated 18.12.2001 No. 174-FZ (as amended on 21.07.2014) (with amend. and add., comes into force from 06.08.2014) // Resolves of the Russian Federation. 24.12.2001. No. 52 (pt. I). Article 4921. (in Russ.)

7. Ibid.

8. Of course, not the body of inquiry, but an official of the body of inquiry, and that is, as a rule, the security officer (Crime investigation, Economic security and PC, Fight against criminal attacks on cargo and others), the district Commissioner of the inquiry body, specified in art. 40 pt. 1 of the Code.

9. See, for example: Criminal case No. 500998 // Archive of Kirov Investigating authority of the Ministry of internal Affairs of Russia on transport. As it follows from the materials of the criminal case, the theft was in February 2014. Criminal case was commenced on 20.08.2014. During the inspection by the investigating authority on the basis provided by art. 152 of the Code of Criminal Procedure, pre-investigation materials were sent eight times from authority to authority for decision-making according to art. 144-145 of the Code.

10. See: Petrov A. V. *Znachenie i neobhodimost' stadii vozbuzhdeniya ugovnogo dela* [The value and necessity of a stage of excitation of criminal case] // *Zakonnost'*- Legality. 2014, No. 5, pp. 44-48.

11. Quote: Zhogin N.V., Fatkullin F.N. *Vozbuzhdenie ugovnogo dela* [The criminal action commencing]. Moscow. 1961. Pp. 7-67 // *Vozbuzhdenie ugovnogo dela: ucheb. metod. materialy* - Criminal action commencing: learning-method. materials / Krasnoyarsk State University; comp. A. S. Barabash. Krasnoyarsk. 2000. Pp. 17-18.

12. *Ugovno processual'nyj kodeks RSFSR (utv. VS RSFSR 27.10.1960)*- Criminal procedure code of the RSFSR (appr. RSFSR Supreme Soviet 27.10.1960) // Bulletin of the RSFSR Supreme Soviet. 1960, No. 40, art. 592.

13. In practice, the body of inquiry seeks either to refuse to commence criminal action, or direct materials of verification of territoriality in another body.

14. Criminal procedural code of the Russian Federation dated 18.12.2001 No. 174-FZ (as amended on 21.07.2014) (with amend. and add., comes into force from 06.08.2014) // Resolves of the Russian Federation. 24.12.2001. No. 52 (pth. I). article 4921 (in Russ.)

15. Bagmet M.A. *Problemy rassmotreniya soobshchenij i zavavljenij grazhdan o gotovyashchihsya i sovershennyh prestupleniyah* [Problems of communications and requests from citizens about the upcoming and made crimes]. Available at: <http://law.edu.ru/doc/document.asp?docID=1250722> (10.02.2013 year). (in Russ.)

16. Federal law dated 04.03.2013, No. 23-FZ "On amendments to article 303 of the Criminal code of the Russian Federation and the Criminal procedural code of the Russian Federation" // Resolves of the Russian Federation. 04.03.2013. No. 9. Article 875. (in Russ.)

17. See, for example: Teletypogramm of the Deputy chief of WUWT by corollary No. 16/11 4757 from 13.09.2007; Teletypogramm of Acting chief of WUWT No. 16/11 1713 from 11.04.2008; Information letter of the General Prosecutor of the Russian Federation No. 36 12 2008 from 29.10.2008, "About the practice of prosecutorial supervision over the implementation of the criminal procedure law investigative jurisdiction for the resolution of reports of crime"; Clarification of the Investigative Committee at the interior Ministry of Russia No. 17/1 20208 from 07.11.2008 "On the investigative jurisdiction for the resolution of reports of crime"; the Decision of the meeting (via video) at the head of SU UT the Ministry of internal Affairs of Russia in the Volga Federal district from 16.09.2014 year. (in Russ.)

18. See: The order of the MIA of Russia from 01.04.2013 No. 180 "On conducting experiment on approbation of the order of permission statements (messages) on crimes involving decide on procedural decisions by investigators and inquiry officers"; The order of the MIA of Russia from 31.01.2014 No. 1/780 'On conducting experiment on approbation of the order of permission statements (messages) on crimes involving decide on procedural decisions by investigators and inquiry officers"; Order of Transport agency of the Ministry of internal Affairs of Russia in the Volga Federal district from 30.04.2014 No. 180 "About the experiment by changing the order of permission statements (messages) of the crimes, providing for the adoption of procedural decisions on them only investigators and inquiry officers"; Order of Investigatory of Transport agency of the Ministry of internal Affairs of Russia in the Volga Federal district from 19.05.2014 No. 16/24 895 "On the procedure of the experiment by changing the order of permission statements (messages) of the crimes, providing for the adoption of procedural decisions on them only investigators and inquiry officers". (in Russ.)

19. The Federal law from 12.08.1995 No. 144-FZ (as amended on 21.12.2013) "On investigative activities" // the Russian newspaper. 1995, 18 Aug. (in Russ.)

20. Suchkov, A.V., Chinnova M.V. *K voprosu o zakonnosti i obosnovannosti prinyatiya processual'nyh reshenij i provedeniya proverochnyh meropriyatij na stadii vozbuzhdeniya ugovnogo dela v ugovnom processe Rossii* [To the question of the lawfulness and reasonableness of taking procedural decisions and carrying out test activities at the stage of criminal proceedings in the criminal procedure of Russia] // *Rossiiskij sud'ya - Russian judge*. 2013, No. 6, pp. 14-18.

21. Grishina E. P. *K voprosu ob ispol'zovanii special'nyh poznanij na stadii vozbuzhdeniya ugovnogo dela* [To the question about the use of special knowledge at the stage of excitation of criminal case] // *Rossiiskij sledovatel'*- Russian investigator. 2012, No. 19, pp. 16-18.

УДК 347.62

Ю. В. Стародубцева

Правовые аспекты медицинского обследования лиц, вступающих в брак

Медицинское обследование лиц, вступающих в брак, является одним из условий формирования здоровой полноценной семьи, предупреждения рождения детей с наследственно обусловленными и врожденными заболеваниями. Введение в семейное законодательство Российской Федерации института медицинского обследования лиц, вступающих в брак, имеет важное значение: неосведомленность о состоянии здоровья будущих супругов может привести к негативным последствиям как для здоровья другого супруга, так и для здоровья будущего потомства. Однако в России медицинское обследование лиц, вступающих в брак, является добровольным. В статье 23 Конституции РФ провозглашено, что медицинское обследование лиц – это право, а не обязанность; его результаты не могут быть сообщены другим лицам без согласия обследуемого.

Medical examination of persons entering into a marriage is one of the conditions for the formation of a complete family of healthy, prevent the birth of children with inherited or congenital diseases. Introduction to the family law of the Russian Federation Institute for medical examination of persons entering into a marriage is important: lack of information about the health of the future spouses may lead to negative consequences for the health of the other spouse, and the health of future offspring. But in Russia, the medical examination of persons entering into a marriage, is voluntary. Article 23 of the Constitution of the Russian Federation declared that the medical examination of persons – a right, not an obligation; the results can not be communicated to other parties without the consent of the subject.

Ключевые слова: медицинское обследование, брак, семья.

Keywords: medical examination, marriage, family.

В соответствии с Основами законодательства РФ об охране здоровья от 22 июля 1993 г. государство несет ответственность за сохранение и укрепление здоровья граждан.

Действенность ст. 15 Семейного кодекса РФ, закрепляющая положения о медицинском обследовании лиц, вступающих в брак, подвергается сомнению как в науке, так и на практи-

ке, поскольку она не выполняет возложенной на нее функции – информирование потенциальных супругов о состоянии здоровья друг друга.

Диспозитивность данной нормы приводит к тому, что к данной процедуре прибегает незначительная часть граждан, что создает опасность заключения брака с лицом, страдающим тяжелым или опасным заболеванием.

Вообще вопрос об обязательности прохождения медицинского обследования перед вступлением в брак является достаточно острым и дискуссионным.

Так, например, Л. Е. Чичерина и М. В. Антокольская предлагают обязательное медицинское обследование потенциальных супругов. Такой же точки зрения придерживается О. Г. Куриленко, отмечая необходимость утверждения Правительством РФ перечня соответствующих заболеваний [1].

И. Р. Альбиков придерживается иной точки зрения, считая, что обязательное требование медицинского обследования лицами, вступающими в брак, станет одной из причин отказа от регистрации брака в сознании людей, тем самым увеличится количество незарегистрированных браков [2].

Рассмотрим, как данный вопрос решается за рубежом.

В ряде других стран (например, в Швейцарии) медицинское обследование лиц, вступающих в брак, так же как и в России, не является обязательным.

Однако многие страны придерживаются противоположного мнения. Так, например, ст. 30 Семейного кодекса Украины закрепляет обязанность новобрачных уведомлять друг друга о состоянии здоровья и результатах проведенного добровольного медицинского обследования. К тому же п. 5 указанной статьи говорит о том, что сокрытие сведений одним из новобрачных, следствием чего может стать (стало) нарушение физического или психического здоровья другого новобрачного или их потомков, может быть основанием для признания брака недействительным.

В Соединенных Штатах Америки утвержден перечень заболеваний, информацию о которых вступающие в брак лица обязаны сообщить друг другу. Ряд заболеваний вообще препятствует заключению брака. При сокрытии лицом от другого супруга наличия заболевания или того, что оно раньше перенесло заболевание (к таким относятся, например, гепатит, желтуха и т. д.), включенное в специальный реестр заболеваний, является основанием для признания брака недействительным по требованию введенной в заблуждение стороны.

Такого же мнения придерживается итальянский законодатель, который полагает, что «заблуждение относительно личных качеств супруга имеет место, если оспаривающий действительность брака супруг не дал согласия на вступление в брак, если бы ему достоверно было известно, что другой супруг страдает физическим или психическим заболеванием либо аномалией или отклонением в сексуальной сфере, которые препятствуют ведению семейной жизни».

В Польше считается, что «психическое заболевание или слабоумие одного из супругов угрожает семейной жизни или здоровью будущего потомства».

Французский гражданский кодекс в ст. 63 обязывает будущих супругов предоставить должностному лицу, ведущему акты гражданского состояния, медицинские свидетельства, удостоверяющие, что данные лица прошли медицинский осмотр перед вступлением в брак. Если же имеет место заблуждение относительно личности или основных качеств личности (наличие связи, предшествующей браку, о которой не было известно, что она продолжается; неспособность иметь нормальные сексуальные отношения; отсутствие сведений о том, что в отношении будущего супруга установлено попечительство), то ст. 18 Кодекса предусматривается возможность признания брака недействительными.

Семейный кодекс Молдовы в ст. 13 гласит, что лица, вступающие в брак, подвергаются бесплатному обязательному медицинскому обследованию. О результатах медицинского обследования сообщается только обследованному лицу с выдачей ему справки, подтверждающей прохождение обследования, предъявляемой органам записи актов гражданского состояния.

В законодательстве Узбекистана также устанавливается обязательность медицинского обследования лиц, вступающих в брак, однако если лица, вступающие в брак, старше пятидесяти лет, то медицинское обследование в случае вступления в брак проводится только с их согласия [3].

В Латвии до вступления в брак жених или невеста должны предоставить медицинское свидетельство из местных или государственных правительственных институтов о состоянии его или ее здоровья. Как видно из данного положения, медицинское обследование лиц, вступающих в брак, является обязательным в латвийском законодательстве [4].

Таким образом, в мировой практике к данной проблеме сложилось два самостоятельных подхода. С одной стороны, обязательное медицинское обследование как условие заключения брака ущемляет права человека и гражданина, а с другой – является необходимостью, так как довольно остро стоит вопрос о здоровье граждан конкретного государства. Данные подходы находят свое отражение в закреплении добровольного порядка прохождения медицинского обследования, но с обязательным уведомлением партнера о состоянии своего здоровья. Однако и здесь есть «слабое место»: будущие супруги сами могут не знать о наличии у них тех или иных расстройств или отклонений, что ставит под угрозу как их здоровье и жизнь, так и их детей. Поэтому п. 3 ст. 15 Семейного кодекса РФ применим только в том случае, если лицо, вступающее в брак, намеренно скрыло сведения о состоянии своего здоровья. В этом случае, как следует из п. 4 ст. 169 СК и ст. 181 ГК, иск супругом может быть предъявлен в течение года со дня, когда он узнал или должен был узнать о сокрытии другим супругом при вступлении в брак болезни. Необходимо также отметить, что в России предусмотрена уголовная ответственность за заражение венерической болезнью или ВИЧ-инфекцией.

По данным агентства Bloomberg на основании данных Всемирной организации здравоохранения, ООН и Всемирного банка, Россия находится на 97-м месте из 145 по состоянию здоровья в мире. По статистике Министерства здравоохранения РФ на 2010 г., абсолютное число детей-инвалидов в возрасте от 0 до 17 лет – 495 330 человек; число детей, родившихся у ВИЧ-инфицированных матерей, составило 10 473 человека [5].

С учетом рассмотренных выше мнений авторов, примеров зарубежного законодательства и статистических данных хотелось бы внести следующие изменения в ст. 15 Семейного кодекса РФ:

«1. Лица, вступающие в брак, обязаны пройти медицинское обследование, а при необходимости и консультирование по медико-генетическим вопросам и вопросам планирования семьи, проводимое медицинскими организациями государственной системы здравоохранения и муниципальной системы здравоохранения по месту их жительства бесплатно.

2. Результаты обследования лица, вступающего в брак, составляют врачебную тайну и могут быть сообщены только лицам, вступающим в брак.

3. При подаче заявления в органы записи актов гражданского состояния лица, вступающие в брак, обязаны предоставить также соответствующие документы о состоянии здоровья. Наличие у лица, вступающего в брак, тяжелого или опасного заболевания, не является препятствием к заключению брака.

4. Сокрытие одним из лиц, вступающим в брак, от другого лица наличие венерической болезни или ВИЧ-инфекции является основанием для признания брака недействительным».

Целесообразно также при помощи профессиональных медиков-теоретиков и практиков разработать перечень заболеваний, опасных для будущих супругов и детей.

Наличие таких норм сократит число необдуманных браков, повысит уровень здоровья граждан, а самое главное – количество детей, страдающих серьезными заболеваниями, которые являются наследственными.

Примечания

1. Матвеева Н. А. Правовые аспекты медицинского обследования лиц, вступающих в брак, в Российской Федерации, Украине и Беларуси // Медицинское право. 2007. № 1. С. 19–23.

2. Альбинов И. Р. Правовые аспекты медицинского обследования лиц, вступающих в брак // Семейное и жилищное право. 2013. № 5. С. 2–4.

3. Левушкин А. Н. Правовые аспекты медицинского обследования лиц, вступающих в брак, в странах СНГ // Медицинское право. 2011. № 3. С. 41–43.

4. Левушкин А. Н. Особенности заключения брака в странах Балтии // Семейное и жилищное право. 2012. № 3. С. 23–27.

5. Федеральное государственное бюджетное учреждение Центральный НИИ организации и информатизации здравоохранения Министерства здравоохранения РФ. URL: <http://mednet.ru>. Загл. с экрана; Министерство здравоохранения Российской Федерации. URL: www.rosminzdrav.ru.

Notes

1. Matveeva N. A. *Pravovye aspekty medicinskogo obsledovaniya lic, vstupayushchih v brak, v Rossijskoj Federacii, Ukraine i Belarusi* [Legal aspects of the medical examination of the persons entering into marriage in Russian Federation, Ukraine and Belarus] // *Medicinskoe pravo - Medical law*. 2007, No. 1, pp. 19-23.

2. Albikov I. R. *Pravovye aspekty medicinskogo obsledovaniya lic, vstupayushchih v brak* [Legal aspects of the medical examination of persons entering into a marriage] // *Semejnoe i zhilishchnoe pravo - Family and housing law*. 2013, No. 5, pp. 2-4.

3. Levushkin A. N. *Pravovye aspekty medicinskogo obsledovaniya lic, vstupayushchih v brak, v stranah SNG* [Legal aspects of the medical examination of the persons entering into marriage, in the ISU countries] // *Medicinskoe pravo - Medical law*. 2011, No. 3, pp. 41-43.

4. Levushkin A. N. *Osobennosti zaklyucheniya braka v stranah Baltii* [Features of marriage in the Baltic States] // *Semejnoe i zhilishchnoe pravo - Family and housing law*. 2012, No. 3, pp. 23-27.

5. Federal state budgetary institution Central research Institute of organization and Informatization of the Ministry of health of the Russian Federation. Available at: <http://mednet.ru>. Caps. from screen; the Ministry of health of the Russian Federation. Available at: www.rosminzdrav.ru. (in Russ.)

УДК 321 (091) (4/9)

И. Г. Чапайкина

Эволюция институтов местного самоуправления России во второй половине XIX в.

В статье рассматриваются вопросы, связанные с процессом развития и совершенствования институтов местного самоуправления России после проведения земской реформы 1864 г. и городской реформы 1870 г. Анализируется законодательство 90-х гг. XIX в., традиционно определяемое как «контрреформы», выявляется характер нормативных новелл и их влияние на формирование и деятельность органов местного самоуправления, на модель местного управления в целом. Особое внимание уделяется взаимодействию правительственных органов и местного самоуправления, изменениям в системах земского и городского представительства, механизму формирования органов самоуправления. Делается вывод о неизбежности изменения исходной модели местного самоуправления 60–70-х гг. и его перехода на новый, более сложный уровень развития, требующий и более совершенного законодательного регулирования.

The article depicts the questions which are connected with the process of developing and improving the institutes of the local government in Russia after Zemstvo reform in 1864 and Municipal reform in 1870. This article analyses the legislation of the 90-s of the XIX century which is traditionally determined as 'counter-reforms'. It shows the character of the legislative innovations and their influence on the organization, activity and the model of the local government as a whole. This article emphasizes the interaction of the state and the local government, the changes in the zemstvo and town representatives, the mechanism of local government institutes. It summarizes the inevitability of changing the initial local government model in the 1860–1870s and its transformation into a new and more difficult level of the evolution, that also requires more complete legislation regulation.

Ключевые слова: земское и городское самоуправление, правительственный контроль, присутствие по земским и городским делам, контрреформа, избирательная система, губернатор, законодательное регулирование.

Keywords: zemstvo and municipal self-government, governmental control, gubernskoye prisutstviye, counter-reform, electoral system, governor, legislation regulation.

Проблема развития институтов земского и городского самоуправления в пореформенной России имеет огромную историографию, но их эволюция далеко не всегда вызывала большой интерес с точки зрения анализа правовых, а не социально-политических аспектов. Между тем анализ отдельных норм в так называемом «движении законодательства» может

дать очень интересные результаты с точки зрения концептуальных изменений в этой сфере. Попробуем рассмотреть проблему именно в этом ключе, следуя от законодательства 60–70-х гг. к законам 90-х гг. позапрошлого века. Конечно, было бы более логично начать с избирательной системы или конкретных предметов ведения земств и городов, но мы начнем с губернатора. Не стоит забывать, что губернатор того времени не только был полномочным хозяином на вверенной ему территории, но и непосредственно подчинялся Министерству внутренних дел, служащим которого и являлся. Поэтому вне зависимости от степени либеральности проводимых в то время реформ он объективно был самым важным субъектом государственного управления на местах. Именно его полномочия, его роль в деятельности тех или иных общественных институтов, изменения в его положении наилучшим образом свидетельствуют об эволюции этих институтов.

Согласно Положению о губернских и уездных земских учреждениях 1864 г. (далее – Положение 1864 г.) на губернатора возлагались контрольные полномочия в сфере соблюдения действующего на тот момент законодательства. Основанием для вмешательства губернатора в дела местных сообществ, согласно ст. 9, являлось несоответствие решения земских учреждений общим пользам и нуждам, по мнению губернатора [1]. Данное решение влекло за собой приостановление исполнения нормативно-правовых актов земских собраний. Земское Положение содержало норму отсылочного характера и определяло дальнейший порядок взаимодействия губернатора и органов местного самоуправления. Согласно ст. 94–97 Положения дело должно рассматриваться Губернским земским собранием, и оно уже определяло достаточность оснований для вмешательства губернатора в дела местных сообществ [2]. Решение Губернского земского собрания не являлось для губернатора окончательным, то есть существовала возможность обжаловать его, а на время обжалования – повторно приостановить. В качестве органа, принимающего окончательное решение при разрешении такого дела, Положением 1864 г. предусматривался Правительствующий Сенат.

Также согласно Положению 1864 г. закреплялось право вмешательства губернатора в осуществление муниципального управления в случае невыполнения органами земского самоуправления своих обязанностей. Об этом свидетельствует ст. 10 Положения 1864 г. Интересным является обстоятельство, что перед подобным вмешательством губернатор должен был предпринять все зависящие от него меры для побуждения органов местных сообществ к исполнению возложенных на них обязанностей. Под этими мерами, согласно указанной статье рассматриваемого Положения, понимается ситуация, «когда напоминания его (губернатора. – *Прим. авт.*) останутся безуспешными» [3]. При подобной ситуации обязательным было уведомление Министра внутренних дел, и вмешательство в дела местных сообществ должно было происходить именно с его разрешения.

Если же земские учреждения видели в распоряжениях губернатора либо иных органов государственной власти нарушение их прав, то для защиты они могли обратиться с жалобой в Правительствующий Сенат [4].

Таким образом, Правительствующий Сенат являлся окончательной инстанцией, которая была способна рассмотреть споры между губернатором и органами местных сообществ, при этом обратиться туда могла любая из заинтересованных сторон, соблюдая при этом установленный законодательством порядок.

Губернатор был обязательным звеном и при реализации отдельных полномочий местных органов. Например, при присвоении земским дорогам или дорожным сооружениям статуса государственных ходатайство об этом со стороны губернских земских учреждений подавалось через губернатора [5]. Если органы земского самоуправления не могли за свой счёт содержать транспортную инфраструктуру, находящуюся на территории, то они могли ходатайствовать о выделении губернского финансирования. В частности, такая процедура предусматривалась в отношении сухопутных дорог вдоль берегов водных путей (рек или каналов), предназначенных для буксирования людьми или лошадьми судов на канате.

Задействован был губернатор и при учреждении губернских земских банков. Через него подавалось ходатайство, а решение об учреждении принимало Правительство. В случаях, если по вопросам организации местной торговли, земледелия и промыслов собственных полномочий земским собраниям не хватало, была предусмотрена возможность обращения к губернатору как представителю государственной власти на местах [6]. Указанные губернаторские полномочия выделялись законодателем в качестве особых полномочий.

Законодателем предусмотрительно разграничивалась компетенция губернатора и министра внутренних дел по утверждению постановлений земских собраний, принятых по отдельным вопросам. Круг постановлений, подлежащих обязательному утверждению губернатором, указывался в ст. 90 Положения 1864 г., а постановлений, подлежащих утверждению министром внутренних дел, – в ст. 92 [7].

В качестве контрольных полномочий губернатора в соответствии со ст. 117 Положения 1864 г. устанавливается возможность временного отстранения от должности членов земских управ. Губернское земское собрание издавало постановление, которое подлежало утверждению губернатором, окончательное же решение об отрешении от должности таких лиц принимал Правительствующий Сенат. Также губернатор утверждал постановления губернских земских собраний по вопросам благоустройства (ст. 123 Положения 1864 г.), по вопросам реорганизации и преобразования муниципальных образований (ст. 130 Положения 1864 г.), но в случае реорганизации или преобразования местного самоуправления заинтересованные лица должны были предварительно учесть мнение местных органов власти. Утверждению губернатором кроме вышеперечисленного подлежали также постановления губернских земских собраний по вопросам установления мер по предупреждению и ликвидации массовых инфекционных заболеваний [8].

В качестве органа, который разрешал спорные вопросы при разделении полномочий и определении компетенции органов государственной власти, предусматривалось Особое совещание. Губернатор мог обращаться в Особое совещание, если считал, что постановления, которые подлежат его обязательному утверждению, изданы с превышением полномочий, предусмотренных законодателем для конкретных органов, а именно – для земского собрания. В этом случае совещание созывалось по инициативе губернатора (ст. 145–146 Положения 1864 г.). Если же губернатор был не согласен с решением Особого совещания (в число членов которого входил и прокурор окружного суда), то губернатор имел право приостановить такое решение и передать дело на разрешение Министра внутренних дел.

Кроме утверждения нормативно-правовых актов, издаваемых иными органами, или перенаправления их в центральные органы государственной власти губернатор сам обладал правом законодательной инициативы (ст. 124 Положения 1864 г.), что подчеркивало его статус самостоятельного субъекта управления.

Немного позднее, в 1870 г., законодатель издал Городовое положение (далее – Положение 1870 г.), которое более подробно описывало полномочия губернатора в сфере местного самоуправления, но его действие распространялось только на крупные городские образования. Законодатель, как и в Положении 1864 г., закрепил за губернатором контрольно-распорядительную функцию в сфере управления на местах, выделив при этом надзорные полномочия [9].

На основании анализа ст. 8 рассматриваемого Положения можно сделать вывод, что губернатор являлся инстанцией, способной защитить права местного самоуправления в случае их нарушения органами государственной власти, поскольку прямо предусматривалась возможность обращения к губернатору и существовала возможность обжаловать его решение, если оно не удовлетворяло обратившихся лиц, например, в случае ненадлежащих действий губернатора. Следующей по порядку инстанцией для обжалования решений органов государственной власти на местах законодатель также установил Сенат, показывая тем самым преемственность правовых норм по сравнению с Положением 1864 г.

В случае наличия противоречий между органами городского самоуправления у представителей местной власти была возможность обратиться в специально создаваемый для этого орган – губернское по городским делам присутствие. Председателем органа был сам губернатор. Также рассмотрению присутствием подлежали споры между городским общественным и местным полицейским управлениями. Таким образом, можно сделать вывод, что на уровне губернии согласно Положению 1864 г. подобный орган отсутствовал, что не улучшало положения местного самоуправления.

В Положении 1870 г. присутствовала норма, аналогичная ст. 10 Положения 1864 г., когда губернатор имел право вмешаться в дела местных сообществ, предварительно приняв надлежащие меры к уведомлению их о необходимости исполнения возложенных на них законодателем полномочий [10]. Однако обоснованность вмешательства губернатора согласно указанной статье определяло губернское по земским делам присутствие, а в отношении министра внутренних дел достаточно было уведомления. Сравнивая аналогичную процедуру с разрешительным порядком деятельности губернатора в подобном случае, указанным в По-

ложении 1864 г., можно увидеть, что усилилась автономия губернатора от центральной власти, но усиливалась зависимость от такого квазиоргана, как губернское присутствие.

Положение 1870 г. прямо ограничивало активное избирательное право губернатора, сотрудников местной полиции, членов местного исполнительного и представительных органов самоуправления, за исключением Городского головы, и выражалось в лишении права голоса на выборах на период замещения ими указанных должностей. В Положении 1864 г. также содержался прямой запрет участия в выборах губернатора, вице-губернатора, членов губернских правлений, сотрудников полиции и губернских прокуроров. Стоит отметить, что в отношении Положения 1864 г. указанные лица были ограничены в пассивном избирательном праве – не могли быть избраны в гласные, а поскольку в процессе принятия нормативно-правовых актов гласные принимали непосредственное участие, мы можем говорить о косвенном ограничении активного избирательного права. Данное ограничение представляется логичным, связанным по сути с должностным положением указанных лиц. Например, губернатор мог только утверждать избранного земским собранием председателя уездной земской управы [11].

В ст. 56 Положения 1870 г. закреплялась возможность назначения заседаний городской думы по требованию губернатора. По отдельным вопросам (например, для выполнения контрольно-ревизионных полномочий согласно ст. 141 и 147 Положения) губернатор имел право даже утверждать график заседаний Думы.

Для официального опубликования местных нормативно-правовых актов также было необходимо удостоверение губернатором отсутствия нарушений в процедуре их принятия [12]. В противном случае, даже несмотря на наличие положительного заключения по вопросу принятия этих нормативно-правовых актов со стороны полицейских органов, губернатор мог обратиться в губернское по городским делам присутствие.

Закрепление разграничения полномочий министра внутренних дел и губернатора, начало которому было положено в 1864 г., можно наблюдать в отдельных нормах Положения 1870 г., но списка постановлений по отдельным вопросам с указанием компетентного субъекта, издающего их в данном Положении, не приводится. Исходя из содержания ст. 92, ст. 111–113, ст. 122–124 можно сделать вывод, что министр внутренних дел имел полномочия по организации управленческого процесса в губернских городах, в остальных же городах и посёлках эта прерогатива закреплялась за губернатором. Решения министра внутренних дел по вопросам утверждения определений и постановлений городских дум, по вопросам нарушения прав граждан, могли обжаловаться в Сенате [13]. В остальных случаях соблюдался общий порядок обжалования: решения городской управы или городского головы обжаловались с помощью обращения в Думу, а решения Думы – с помощью обращения к губернатору, который передавал их на рассмотрение губернского по земским делам присутствия.

В Положении 1870 г. контрольные полномочия губернатора сформулированы более четко, в частности закреплена обязанность получения разрешения губернатора в случае отсутствия городского головы в городе более двух месяцев. По возвращении он был обязан уведомить об этом губернатора. Также обязательный уведомительный порядок предусматривался в случае его менее продолжительного отсутствия в городе. При анализе властных полномочий губернатора в процессе обжалования решений органов местного самоуправления стоит выделить правомочие, закрепленное в ст. 155 Положения 1870 г., когда при передаче определения городской Думы на обсуждение губернскому по городским делам присутствию в порядке, предусмотренном ст. 50 и 151 рассматриваемого Положения, губернатору представлялось право приостановить исполнение этого определения на срок не более одного месяца.

Следовательно, в Положении 1870 г. законодатель конкретизировал полномочия губернатора в области организации местного самоуправления по сравнению с полномочиями, которые описывались ранее в положении 1864 г. Можно предположить, что специфика организации управления на городских территориях, ввиду наличия различных органов муниципального управления, требовала подобной конкретизации, для увеличения эффективности управленческого процесса. Но важно отметить и то, что эта конкретизация, если и увеличивала власть губернатора, то в первую очередь в интересах городского самоуправления. Точнее сказать, местного сообщества. К сожалению, в этом отношении земское Положение 1864 г. стояло на шаг позади, так как возможности вмешательства губернатора в дела земств, даже в случае явного нарушения ими прав иных лиц, были крайне ограничены. Поэтому не удивительно, что следующее земское Положение 1890 г. не только предусмотрит

создание губернского присутствия по земским делам, но изменит и объем полномочий губернатора по подобию Положения 1870 г.

Следующим шагом в этом направлении стало принятие городского Положения 1892 г., которое в качестве модели организации местного самоуправления предлагало модель, совпадающую с государственной теорией. Согласно государственной теории считалось, что не существует особых местных дел, находящихся в ведении местных учреждений, и что эти местные дела на самом деле являются государственными делами, а государство исключительно по своей воле передаёт эти дела на места, тем самым поручая органам местного самоуправления вести часть своих – государственных – дел в пределах территории действия местных органов.

Положение 1892 г. относят к элементу контрреформ местного самоуправления по причине усиления подчинения общественных учреждений административному аппарату.

Стоит отметить, что по Положению 1892 г. весь комплекс вопросов, которыми городские думы занимались ранее, был за ними сохранён, но усилился контроль над ними. Например, в незначительных уездных и безуездных городских поселениях с разрешения министра внутренних дел обязанности председателя управы могли быть возложены на городского голову [14]. Министр внутренних дел или губернатор получили право без объяснения причин отклонять избранных думой лиц, основываясь на принципе целесообразности нахождения этих лиц в органе местного самоуправления, а при вторичном отклонении кандидатур должностные лица назначались министром внутренних дел (в столицах) и губернатором (в остальных городах), таким образом, принцип избираемости мог быть заменён на принцип назначаемости. Данная норма, правда, только повторяла соответствующую норму земского Положения 1890 г.

По новому городскому Положению городской голова и все остальные члены управы считались состоящими на государственной службе и утверждались в должности губернатором, следовательно, они могли подвергаться взысканиям не только в судебном порядке, но и по административной линии. Статья 119 Положения 1892 г. предписывала право утверждения губернатором некоторых должностных лиц городского общественного управления, прежде всего городских голов. Губернатор далеко не формально подходил к этому вопросу. При выборах городских голов уездных городов им через уездных исправников выяснялось нравственное и имущественное состояние выбранных лиц, после получения сведений губернатор принимал окончательное решение, и при положительном результате требовалось одобрение министра внутренних дел. Губернатор считался лично ответственным за избранных и назначенных должностных лиц как правительственных учреждений губернии, так и городского общественного управления, он отправлял в Министерство внутренних дел формулярные списки должностных лиц и данные о составе общественных учреждений.

Перечень постановлений местного самоуправления, требовавших утверждения министра внутренних дел или губернатора, значительно расширился. Губернатор также сохранил право приостанавливать действие отдельных думских нормативно-правовых актов, основываясь на принципе соответствия общим государственным пользам и нуждам. В качестве основания приостановления действия актов Думы по Положению 1892 г. добавляется формулировка «акты, явно нарушающие интересы местного населения».

Интересно, что если согласно Положению 1870 г. городской голова был обязан предоставить губернатору копии всех постановлений Думы, то согласно Положению 1892 г. также список вопросов, которые будут обсуждаться на заседаниях Думы. Этот факт говорит о расширении контрольных полномочий губернатора по отношению к представительным органам местного самоуправления.

Неправильно было бы рассматривать Положение 1892 г. только в контексте усиления государственного контроля за местным самоуправлением. Представляется, что законодатель также ставил перед собой задачу исправления недостатков, обнаружившихся после практического применения Положения 1870 г. Например, устанавливался конкретный срок в три месяца, в течение которого министр внутренних дел был обязан передавать жалобы городских дум в вышестоящие инстанции, такие как Сенат и Государственный Совет, что увеличивало эффективность государственного управления. Также к достоинствам рассматриваемого Положения 1892 г. можно отнести аннулирование права голосовать по доверенности, например за отсутствующих лиц, а в предыдущие годы это право достаточно широко практиковалось. Наконец, должностным лицам самоуправления запрещалось входить в подрады и поставки по предметам городского хозяйства, участвовать в приобретении имущества,

продаваемых городом, что снижало возможность коррупционных проявлений в сфере местного самоуправления.

Таким образом, можно сделать вывод, что Положение 1892 г. не вносило радикальных изменений в систему деятельности местного самоуправления в городах, поскольку компетенция и пределы полномочий городских органов самоуправления остались прежними, но для осуществления крупномасштабных хозяйственных мероприятий создавались гораздо лучшие условия в плане взаимодействия с центральной администрацией или губернатором.

Интересно отметить, что предметы ведения местного самоуправления, объем их полномочий и компетенций также претерпевают определенные изменения, сообразно изменениям и другим аспектам законодательного регулирования, в том числе рассмотренных выше. Остановимся на отдельных моментах.

В связи с формированием согласно Положению 1864 г. органов местного самоуправления, называемых губернскими и земскими учреждениями, встала необходимость организовывать новый способ управления с учетом интересов местного населения. Последующие законы 90-х гг. внесли в «земское дело» определенные изменения.

Статья 1 Положения 1890 г. устанавливала, что «губернские и уездные земские учреждения ведают дела о местных пользах и нуждах губерний и уездов». По сравнению с Положением 1864 г. в указанную статью были внесены следующие поправки: отсутствует признак всеобщности, который проявлялся в тексте Положения 1864 г. при использовании словосочетаний «каждая губерния», «каждый уезд», которые в Положении 1890 г. уже выглядят как «губерния» и «уезд». Стоит пояснить, что немедленного введения земских учреждений после принятия Положения 1864 г. не произошло. На некоторых территориях Положение не исполнялось или исполнялось формально. Поэтому можно сделать вывод, что законодатель отказался от признания всеобщности земства и от возможности применить этот институт на всей государственной территории, что подтверждается установлением таких органов самоуправления только на определенной части территорий, которые указывались в законе. То есть фактически в Положении 1890 г. закреплялась возможность введения земств только на тех территориях, на которых они уже раньше существовали к моменту подписания этого Положения. Также из указанной статьи удалено определение «хозяйственный» при выражении «местные пользы и нужды». Если рассматривать земства, установленные Положением 1864 г., в контексте наделения местных сообществ государством хозяйственными полномочиями, то представляется, что создание такого института согласуется с хозяйственной теорией. Согласно же положению 1890 г. земство представляет собой особую организацию государственного управления, имеющую право издавать местные нормативно-правовые акты, такие как указы и постановления. Исчезновение только одного слова в данном случае свидетельствует об ином концептуальном подходе к местному самоуправлению, что уже было отмечено на примере городского Положения 1892 г.

Положение 1890 г. в ст. 5 закрепляет, что губернатор имеет надзор за правильностью и законностью действий земских учреждений, а Положение 1864 г. в ст. 6 закрепляло, что земские учреждения в кругу вверенных им дел действуют самостоятельно. Также Положение 1864 г. в ст. 6 устанавливало, что «закон определяет случаи и порядок, в которых действия и распоряжения земских учреждений подлежат утверждению и наблюдению общих правительственных властей. Но ещё Положение 1864 г. закрепило, что «губернатор имеет право остановить исполнение всякого постановления земских учреждений, противного законам или общим государственным пользам». Поэтому говорить о кардинальном усилении государственного надзора за местным самоуправлением было бы беспочвенно. Также в ст. 75, 90 и 92 Положения 1864 г. говорится о том, что земские собрания и управы не могут принимать окончательные постановления по некоторым вопросам и должны получать утверждение таких документов от губернатора или министра внутренних дел. Но столь широкие полномочия губернатора уравновешивались ст. 95 и 96 этого же Положения, где устанавливалось, что земское собрание, в случае возражения губернатора против его постановлений, «рассматривает подробно обстоятельства, подавшие повод к возражениям, и постановляет свое окончательное заключение» и только под свою ответственность в отдельных случаях губернатор может приостановить действие, по его мнению, незаконных постановлений, которые всё же были приняты земским собранием после однократного отклонения губернатором [15].

Положение 1890 г. предоставляло губернскому земскому собранию право на «участие в издании обязательных постановлений» и на «представление правительству, через губерна-

тора, ходатайств о местных пользах и нуждах» [16]. Изначально в Положении 1890 г. появилась некоторая двойственность, которая проявлялась в одновременном существовании гл. 4 «Об участии земских учреждений в издании обязательных для местных жителей постановлений» и гл. 2 «О губернском по земским делам присутствии», которая создавала новый орган управления. Эти противоречия, как и многочисленные коллизионные моменты в нормах, регулирующих земскую избирательную систему [17], свидетельствуют о том, что в конце XIX в. местное самоуправление в России стало приобретать некоторые новые черты. Законодательные новеллы, с одной стороны, были вызваны самой жизнью, развитием земских и городских самоуправлений, с другой – они стали результатом законодательного регулирования в соответствии с эволюцией концепции местного самоуправления, результатом субъективной воли законодателя.

Примечания

1. Положение о губернских и уездных земских учреждениях. Изд-е 1886 г. С. 2–3.
2. Там же. С. 18–19.
3. Там же. С. 3.
4. Там же.
5. Там же. С. 12.
6. Там же. С. 13–14.
7. Там же. С. 18.
8. Там же. С. 22–23.
9. Городовое положение. Изд-е 1886 г. С. 1.
10. Там же. С. 12.
11. Положение о губернских и уездных земских учреждениях... С. 10.
12. Городовое положение. Изд-е 1886 г. С. 16.
13. Там же. С. 48.
14. Городовое положение. Изд-е 1892 г. С. 12.
15. Положение о губернских и уездных земских учреждениях... С. 15, 17–18.
16. Положение о губернских и уездных земских учреждениях 12 июня 1890 года. С. 14.
17. См.: Куликов В. В. Земские учреждения и правительственный контроль (Вторая половина XIX – начало XX в.). М., 2001. С. 21–38, 106–130; Он же. Становление земского самоуправления: законодательство и практика. Киров, 2009. С. 22–33, 146–175.

Notes

1. *Polozhenie o gubernskih i uezdnyh zemskih uchrezhdeniyah* - The position of provincial and district land institutions. Ed. 1886. Pp. 2-3.
2. Ibid. Pp. 18-19.
3. Ibid. P. 3.
4. Ibid.
5. Ibid. P. 12.
6. Ibid. Pp. 13-14.
7. Ibid. P. 18.
8. Ibid. Pp. 22-23.
9. City regulation. Ed. 1886. P. 1.
10. Ibid. P. 12.
11. *Polozhenie o gubernskih i uezdnyh zemskih uchrezhdeniyah* - The position of provincial and district Zemstvo institutions... P. 10.
12. City regulation. Ed. 1886. P. 16.
13. Ibid. P. 48.
14. City regulation. Ed. 1892. P. 12.
15. *Polozhenie o gubernskih i uezdnyh zemskih uchrezhdeniyah* - The position of provincial and district Zemstvo institutions... Pp. 15, 17-18.
16. *Polozhenie o gubernskih i uezdnyh zemskih uchrezhdeniyah 12 iyunya 1890 goda* - The position of provincial and district Zemstvo institutions of 12 June 1890. P. 14.
17. See: Kulikov V.V. *Zemskie uchrezhdeniya i pravitel'stvennyj kontrol' (Vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.)* [Land institutions and governmental control (Second half of XIX - beginning of XX century)]. Moscow. 2001. Pp. 21-38, 106-130; Him. *Stanovlenie zemskogo samoupravleniya: zakonodatel'stvo i praktika* [The establishment of Land self-government: legislation and practice]. Kirov, 2009. Pp. 22-33, 146-175.

Райские локусы в лирике Анны Ахматовой

В статье в процессе анализа структуры и динамики пространственных отношений в поэтической системе Анны Ахматовой, конечной целью которого является постижение важнейших закономерностей художественного мира автора, вычленяется один из частных локусов ахматовского мира – «райский локус». Исследуются наиболее яркие локативные репрезентанты рая в поэзии Анны Ахматовой, в числе которых град Китеж, сад, юг, город и др. Пространственные образы рассмотрены в купе с сочлененными с ними пространственными мотивами и сюжетами как аксиологически значимые семантические комплексы лирики Ахматовой. Определяются их основные функции в поэтической миромодели автора и закономерности взаимодействия «райского пространства» и лирической героини. Также выявляются мифологические производящие топосных доминант лирики Анны Ахматовой.

The article represents structure and dynamics analysis of spatial relationships in Anna Akhmatova's poetic system. This analysis is focused on the most important regularities of the author's imaginative world, thus, distinguishing one of the frequent locuses of Akhmatova's world – "paradisaal locus". The brightest locative representants of paradise in Anna Akhmatova's poetry are considered, for instance, city Kitezh, garden, south, city and so on. Spatial images are studied together with jointed spatial motives and plots as axiologically significant semantic complexes of Akhmatova's poetry. Their main functions in the author's poetic world-model and interaction regularities between "paradisaal space" and "lyrical heroine" are determined. Moreover, the article distinguishes mythological producers of topos dominants in the poetry.

Ключевые слова: пространство, рай, локус, онтологическая вертикаль, Китеж.

Keywords: space, paradise, locus, ontological vertical, Kitezh.

Тяготение вверх, стремление выстроить мифопоэтическую вертикаль, обращенную к небу, было одним из ключевых задач акмеизма. Это обуславливала уже сама этимология греческого корня «акмэ», переводящегося как «острие», «вершина». Поэтому-то чаще всего поэты данного течения взыскуют движения по вертикали, а не горизонтали, в семиотический верх. Не исключение здесь и наследие А. А. Ахматовой, где горня, небесная сфера непосредственно связана с райскими обителями. А в целом же, как отмечают исследователи, «ахматовское художественное пространство, так же как и пространство мифа, делится по вертикали на три яруса – верхний, средний и нижний» [1]. Однако эдемская вертикаль не замыкается только на верхней пространственной сфере, хотя и тяготеет к ней. В нижнем локативном ярусе у поэтессы также присутствует свой, имеющий фольклорные истоки, рай, который, кстати, становится одним из важных «эдемских текстов» русской литературы. Речь идет о Китеже, согласно легенде, опустившемся на дно озера до Второго пришествия Христа. Особый интерес к этому сюжету появляется у поэтессы в сороковые годы. Так, в стихотворении «Уложила сыночка кудрявого...» смешиваются два рая – традиционный православный, находящийся «у престола Божьего», и фольклорный, репрезентующийся образом «града Китежа». Героиня стихотворения «уложила сыночка кудрявого», идет на озеро, где из-под воды слышит «грозный голос», призывающий ее в райские обители. И друг в перечислении мертвых, молящихся о героине, она слышит упоминание и о своем сыне:

Что ж печалишь ты брата-воина
И сестру-голубицу схимницу,
Своего печалишь ребеночка?.. [2]

Оборачиваясь, героиня видит, что дом ее объят пламенем.

К слову, мотив «потери сына», в частности, – связанный с его переходом в райские чертоги, – одна из сквозных тем у А. А. Ахматовой:

В белый рай растворилась калитка,
Магдалина сыночка взяла.
«Где, высокая, твой цыганенок», 1914 [3]

Если поначалу указанный мотив не имел биографической подосновы, то со временем он начинает коррелировать с жизненными коллизиями А. А. Ахматовой, а именно – с пребыванием в лагерях Льва Гумилева, трагической судьбе которого посвящены многие, в том числе и аллегорические, стихи поэтессы.

Снова тема града Китежа возникает в поэме «Путем всея земли», имеющей подзаголовок «Китяжанка». Это произведение «относится к началу Второй мировой войны и порождено ощущением надвигающегося исторического кризиса, отражающегося в кризисе сознания самого автора» [4]. При этом, как далее отмечает В. М. Жирмунский, поэма сублимирует различные временные пласты, соотнося свершившиеся события с происходящими и будущими. И в центре таких событий решенная апокалипсически тема войны: «Ахматова намеренно дает панхроническую картину военных битв XX века, указывая эпитафией из Апокалипсиса на отмену категории времени вообще, – замечает Л. А. Яковлева. – Таким образом, хронотоп поэмы воплощает авторскую идею о современности как об апокалипсическом времени, то есть о приближающейся всеобщей гибели» [5]. Поэтому образ Китежа у А. А. Ахматовой несколько интертирован по сравнению с традиционным его осмыслением, втянут в некротическую семантику различными приемами: начиная от эпитафии к поэме (на санях, путем всея земли – узнаваемые метафоры смерти), и заканчивая мотивом пути к «последнему жилищу» в финале поэмы. Таким образом, принадлежа к нижней («заозерной») сфере, Китеж оказывается неким квазиэдемом, соотносимым с подземным царством, Элизиумом, где есть покой, но нет света. Кроме того, в поэме возникает и мотив одиночества, также неаутентичный религиозному представлению о Царствии небесном:

Теперь с китежанкой
Никто не пойдет,
Ни брат, ни соседка,
Ни первый жених... [6]

Любопытно отметить, что такое амбивалентное представление о парадизе сохранялось у А. А. Ахматовой в течение десятилетий. Например, в стихотворении 1916 г. «Вновь подарен мне дремотой...» эдемские пространства (под которыми подразумевается юг) не являются тем желанным локусом, где хочет вечно пребывать героиня А. А. Ахматовой:

Вновь подарен мне дремотой
Наш последний звездный рай –
Город чистых водометов,
Золотой Бахчисарай.

Там, за пестрою оградой,
У задумчивой воды,
Вспоминали мы с отрадой
Царскосельские сады... [7]

Обратим внимание, что среди рая лирическая героиня не может забыть о северной царскосельской земле, причем вспоминает о ней с отрадой, а вот эдемский уголок Крыма (обратим внимание и на созвучие: рай – Бахчисарай) вызывает у нее дремоту. Если при этом учесть, что родной и любимый Петербург / Ленинград в творчестве А. А. Ахматовой на про-

тяжении многих лет неизменно ассоциировался с inferнальной сферой, то стремление по направлению из рая (юга) в преисподнюю (на север) весьма симптоматично.

В точности это повторит поэтесса полвека спустя:
Пусть кто-то еще отдыхает на юге
И нежится в райском саду.
Здесь северно очень – и осень в подруги
Я выбрала в этом году.
«Пусть кто-то еще отдыхает на юге», 1956 [8]

Обратим внимание, что здесь юг назван раем уже напрямую, и, силлогически следуя логике ахматовской антитезы, следует заключить, что север есть репрезентант нижней локативной сферы.

Можно предположить, что такая дистанцированность от эдемского вертограда вызвана тем, что героиня понимает свою недостойность райских обитателей:

Господи! я нерадивая,
Твоя скупая раба.
Ни розою, ни былинкою
Не буду в садах Отца.
«Дал Ты мне молодость трудную...», 1912 [9]

Нередко богооставленность связана с грешной любовью, особенно в стихах, написанных в десятиные годы:

Она бредила, знаешь, больная,
Про иной, про небесный край,
Но сказал монах, укоряя:
«Не для вас, не для грешных рай».
«Похороны», 1911 [10]

За то, что я грех прославляла,
Отступника жадно хваля,
Я с неба ночного упала
На эти сухие поля.
...
И матерью стала ребенку,
Женою тому, кто пел.
Но гневно и хрипло вдогонку
Мне горный ветер свистел.
«За то, что я грех прославляла...», 1914 [11]

Обратим внимание, что в обоих фрагментах присутствуют слова с корнем «грех»: в первом случае нарушение божьих заповедей не позволяет героине и ее возлюбленному пройти по онтологической вертикали снизу вверх, во втором – мы видим движение обратное: падение с неба и дальнейшее осуждение со стороны «горного ветра» (очевидный репрезентант рая), не смотря на, в общем, богоугодную долю героини: замужество, рождение ребенка.

Нередко в творчестве ранней А. А. Ахматовой эдем либо забирает у героини возлюбленного:

На пороге белом рая,
Оглянувшись, крикнул: жду,
Завещал мне, умирая,
Благостность и нищету.
«На пороге белом рая», 1921 [12]

Либо это вот-вот произойдет:

И одно меня тревожит:
Если он теперь умрет,
Ведь ко мне Архангел Божий
За душой его придет.

Как тогда ее я спрячу,
Как от Бога утаю?
Та, что так поет и плачет,
Быть должна в Его раю.
«Не хулил меня, не славил...», 1915 [13]

Ранняя лирика А. А. Ахматовой тематически тяготеет к различным ипостасям любовной коллизии, но чаще всего последняя решается трагически. Субъект «он», которого условно можно назвать «светлый жених», нередко ускользает от героини, часто ее греховность не позволяет им остаться вместе, либо «он» настолько иномирен, что жизнь сея не может удержать его.

Иногда райская сфера защищает «светлого жениха» от любви лирической героини:

Не забыть, как пришел он со мною проститься.
Я не плакала: это судьба.
Ворожу, чтоб царевичу ночью присниться,
Но бессильна моя ворожба.

Оттого ль его сон безмятежен и мирен,
Что я здесь у закрытых ворот,
Иль уже светлоокая, нежная Сирин
Над царевичем песню поет?
«Ты поверь, не змеиное острое жало...», 1912 [14]

Перед нами образы славянского сказочного фольклора: царевич, райская птица счастья и радости Сирин. И именно ей, представительнице верхней локативной сферы, предстоит уберечь «светлого жениха» от грешной любви ворожей.

Однако бывают и ситуации, обратные рассмотренным выше, когда не героиня, а субъект «он» ищет свою возлюбленную, которая забрана от него в вертоград:

Я вошла вчера в зеленый рай,
Где покой для тела и души
Под шатром тенистых тополей.
...
Чтоб не страшно было жениху
В голубом кружащемся снегу
Мертвую невесту поджидать.
«Милому», 1915 [15]

Обратим внимание на антитезу: он находится в холодном, снежном локусе, она – в «зеленом раю», среди «тенистых тополей», то есть в смерти. В данном случае нет указания на причину разъединения любимых, грех – даже имплицитно – не проявлен, и такое «внегрешное» представление субъекта «он» не единично:

Долго шел через поля и села,
Шел и спрашивал людей:
«Где она, где свет веселый
Серых звезд – ее очей?..»
...
А над смуглым золотом престола
Разгорался Божий сад лучей:
«Здесь она, здесь свет веселый
Серых звезд – ее очей».
«Долго шел через поля и села...», 1915 [16]

Здесь трагедия «жениха» обусловлена не его согрешениями и грехопадениями, а тем, что его возлюбленная была забрана на небеса, вероятно, в связи с ее неотмирностью: рай как «сад лучей», то есть место яркого света, вернул себе свое – ту, у которой «очей веселый свет»: подобное отошло к подобному.

Нередко эдемом А. А. Ахматова называет любовь, чаще всего такой рай – утраченный:

Не ласки жду я, не любовной лести
В предчувствии неотвратимой тьмы,
Но приходи взглянуть на рай, где вместе
Блаженны и невинны были мы.
«Я слышу иволги всегда печальный голос», 1917 [17]

Твой белый дом и тихий сад оставлю.
Да будет жизнь пустынна и светла.
Тебя, тебя в моих стихах прославлю,
Как женщина прославить не могла.
И ты подругу помнишь дорогую
В тобою созданном для глаз ее раю,
А я товаром редкостным торгую –
Твою любовь и нежность продаю.
«Твой белый дом и тихий сад оставлю», 1913 [18]

Есть у поэтессы одиночные сопоставления творчества и идиллического сада, но в контексте идиопэтики такое соотнесение – не системно:

А я иду владеть чудесным садом,
Где шелест трав и восклицанья муз.
«Пусть голоса органа снова грянут...», 1921 [19]

Муза Ахматовой, по ее собственному утверждению, «муза плача» – жительница других сфер, нерайских, поэтому несмотря на акмеистические императивы, связанные с семантическим верхом, чаще всего лирическая героиня поэтессы пребывает в нижних сферах (подвале, яме, подземелье), а редкие «вылазки» в верхние пространства нередко заканчиваются либо спадением, либо осознанием «нерайской сути» райского:

Мы до того отравлены друг другом,
Что можно и погибнуть невзначай,
Мы черным унижительным недугом
Наш называем несравненный рай.
«Мы до того отравлены друг другом», 1963 [20]

Обратим внимание на слово «унижительный», которое по своей внутренней форме соотносится с морфологическим корнем «низ», получается своеобразный оксюморон: «унижительный рай».

Если же речь идет о том, истинном, реально рае, то чаще всего героиня А. А. Ахматовой видит лишь его отблеск:

Уже судимая не по земным законам,
Я, как преступница, еще влекусь туда,
На место казни долгой и стыда.
И вижу дивный град, и слышу голос милый,
Как будто нет еще таинственной могилы,
Где у креста, склоняясь, в жары и холода,
Должна я ожидать последнего суда.
«Не оттого ль, уйдя от легкости проклятой», 1917 [21]

Пожалуй, единственным медиатором, связующим дольнее и горнее, является искусство, в данном случае – музыка:

Сама себя чудовищно рождая,
Собой любуясь и собой давясь,
Не ты ль, увы, единственная связь
Добра и зла, земных низин и рая?
Мне кажется, что ты всегда у края.
«Музыка», 1965 [22]

Отсюда и представление о художнике как о существе, находящемся на границе миров и способном преодолевать эту границу в разных направлениях. В этой связи закономерно появление в творчестве А. А. Ахматовой орфического и дантовского кодов, связанных также с категорией памяти об ушедших близких, друзьях и соратниках, а также оплакиванием их, христианском поминании – как способе трансгredientного контакта с умершими: таким образом поэтесса «восстанавливает связь времен – как бы поставив зеркало между прошлым и будущим» [23]. При этом поэт, несмотря на то что сам укоренен в инфернальном пространстве, которое его давит и не отпускает, должен не только сам прорваться в высшие сферы, но и, подобно Орфею, вывести из ада других, вплоть до переустройства самого пейоративного мира гармонией, заключенной в творчестве: «Миссия преобразования мира, впавшего в хаос, согласно Ахматовой, принадлежит Поэту, который – посредством Слова-Логоса – “одомашнивает” “отчужденный” мир, возрождая его из тоталитарного (или милитаристского) небытия» [24].

Итак, можно констатировать, что верхняя онтологическая сфера представлена в творчестве А. А. Ахматовой гораздо более скудно, чем нижняя. Репрезентантами райского пространства становятся либо абстрактные топосы, за редкими исключениями лишённые конкретных примет, но вероятнее всего укорененные в библейском дискурсе локусы: сад («чудесный», «Божий»), город (идиопозитическая «транскрипция» небесного Иерусалима), юг (хотя, согласно Писанию, вертоград находится на Востоке). Помимо иудео-христианского представления о горних чертогах, эдем у А. А. Ахматовой может быть связан с антично-мифологическим дискурсом, славянской мифологией, фольклором (град Китеж).

Примечания

1. Локша А. В., Козловская С. Э. Структура художественного пространства в творчестве Анны Ахматовой эпохи войны и революции (1914–1921) // Анна Ахматова: эпоха, судьба, творчество: Крымский Ахматовский научный сборник. Вып. 9. Симферополь: Крымский архив, 2011. С. 59.
2. Ахматова А. Сочинения: в 2 т. М.: Изд-во «Правда», 1990. Т. 2. С. 41.
3. Ахматова А. Указ. соч. Т. 1. С. 99.
4. Жирмунский В. М. Творчество Анны Ахматовой. Л.: Наука, 1973. С. 136.
5. Яковлева Л. А. Апокалипсическая семантика в поэзии Анны Ахматовой: дис. ... канд. филол. наук. Нерюнгри, 2014. С. 142.
6. Ахматова А. Указ. соч. Т. 1. С. 232.
7. Там же. С. 93.
8. Там же. С. 273.
9. Там же. С. 62.
10. Там же. С. 32.
11. Ахматова А. Указ. соч. Т. 2. С. 29.
12. Там же. С. 97.
13. Ахматова А. Указ. соч. Т. 1. С. 112.
14. Ахматова А. Указ. соч. Т. 2. С. 22.
15. Ахматова А. Указ. соч. Т. 1. С. 115.
16. Там же. С. 109.
17. Там же. С. 135.
18. Там же. С. 73.
19. Там же. С. 165.
20. Ахматова А. Указ. соч. Т. 2. С. 80.
21. Ахматова А. Указ. соч. Т. 1. С. 117.
22. Ахматова А. Указ. соч. Т. 2. С. 81.
23. Круглова Т. С. Адресованная лирика русского модернизма: Поэтологический аспект: дис. ... канд. филол. наук. М., 2013. С. 247.
24. Кихней Л. Г., Галаева М. В. Локус «дома» в лирической системе Анны Ахматовой // Восток – Запад: Пространство русской литературы: материалы Междунар. науч. конф. Волгоград: Волгоград. науч. изд-во, 2005. С. 245.

Notes

1. Loksha A.V, Kozlovskaya S. E. *Struktura hudozhestvennogo prostranstva v tvorchestve Anny Akhmatovoj ehpori vojny i revolyucii (1914–1921)* [Structure of the artistic space in the poetry of Anna Akhmatova in the era of war and revolution (1914–1921)] // *Anna Akhmatova: ehpora, sud'ba, tvorchestvo: Krymskij Akhmatovskij nauchnyj sbornik* - Anna Akhmatova: age, fate, creativity: the Crimean Akhmatova's scientific collection. Vol. 9. Simferopol. Crimean archive. 2011. P. 59.

2. A. Akhmatova. *Sochineniya* - Works: in 2 vols. Moscow. "Pravda" Publ. 1990. Vol. 2. P. 41.
3. A. Akhmatova. Op. cit. Vol. 1. P. 99.
4. Zhirmunsky V.M. *Tvorchestvo Anny Ahmatovoj* [The Poetry Of Anna Akhmatova]. Leningrad. Nauka. 1973. P. 136.
5. Yakovleva L. A. *Apokalipticheskaya semantika v poehzii Anny Ahmatovoj: dis. ... kand. filol. nauk* [Apocalyptic semantics in the poetry of Anna Akhmatova: dis. ... Cand. Phil. sci.] Neryungri. 2014. P. 142.
6. A. Akhmatova. Op. cit. Vol. 1. P. 232.
7. Ibid. P. 93.
8. Ibid. P. 273.
9. Ibid. P. 62.
10. Ibid. P. 32.
11. A. Akhmatova. Op. cit. Vol. 2. P. 29.
12. Ibid. P. 97.
13. A. Akhmatova. Op. cit. Vol. 1. P. 112.
14. A. Akhmatova. Op. cit. Vol. 2. P. 22.
15. A. Akhmatova. Op. cit. Vol. 1. P. 115.
16. Ibid. P. 109.
17. Ibid. P. 135.
18. Ibid. P. 73.
19. Ibid. P. 165.
20. A. Akhmatova. Op. cit. Vol. 2. P. 80.
21. A. Akhmatova. Op. cit. Vol. 1. P. 117.
22. A. Akhmatova. Op. cit. Vol. 2. P. 81.
23. Kruglova T.S. *Adresovannaya lirika russkogo modernizma: Poehtologicheskij aspekt: dis. ... kand. filol. nauk* [Addressed lyrics of Russian modernism: Potologicheskij aspekt: dis. ... Cand. Phil. sci.] Moscow. 2013. P. 247.
24. Kikhney L. G., Galaeva M. V. *Lokus «doma» v liricheskoj sisteme Anny Ahmatovoj* [Locus of "home" in the lyric system of Anna Akhmatova] // *Vostok – Zapad: Prostranstvo russkoj literatury: materialy Mezhdunar. nauch. konf* - East - West: Space of Russian literature: proceedings of the Intern. scient. conf. Volgograd: Volgograd scient. publ. 2005. P. 245.

УДК 840

А. В. Аверьянова, М. А. Маслова

Образ творческой личности в романе Э. Гонкура «Актриса Фостен»

В статье рассматривается роман французского писателя XIX в. Эдмона Гонкура «Актриса Фостен», которому мало уделялось внимания в отечественном литературоведении, как и творчеству братьев Гонкуров в целом. Образ главной героини анализируется в ракурсе романтической традиции, связанной с раскрытием темы искусства в произведении, которое относят к литературе натурализма. В статье прослеживается путь творческих поисков героини, тонко чувствующей природы, её внутренний конфликт – конфликт актрисы и влюбленной женщины. Обозначены те моменты, которые позволяют говорить о синтезе натурализма, импрессионизма и романтизма в творчестве Э. Гонкура. В данной статье уточняются эстетические установки писателя, его взгляды на природу искусства и творческую личность.

The article describes a novel by French writer of the 19th century Edmond de Goncourt "Actress Faustin", whose little attention has been paid to the domestic literary criticism as the work of the brothers Goncourt in general. The main character is analyzed from the perspective of the Romantic tradition associated with the opening theme in the work of art that refers to the literature of naturalism. The article traces the path of creative pursuit of the heroine, a subtle sense of nature, her inner conflict – a conflict actress and woman in love. Here are marked those moments, those suggest that the synthesis of naturalism, impressionism and romanticism in the works of E. de Goncourt. This article clarifies the aesthetic setting writer, his views on the nature of art and the creative personality.

Ключевые слова: творческая личность, актриса, искусство, внутренний конфликт, натурализм, романтизм.

Keywords: creative personality, actress, art, internal conflict, naturalism, romanticism.

Творчество Э. и Ж. Гонкуров принято считать неделимым пластом в литературе XIX в., который сформировал почву для зарождения натуралистического направления. В соответствии с канонами натурализма братья для всех своих произведений черпали сюжет из частной жизни, что могло послужить единственной, по их мнению, надежной гарантией подлинного творчества, цель которого – познание истины. Писатели разрабатывали оригинальную для литературы того времени концепцию характера – психофизиологическую в сочетании с социальной. Гонкуры определяли свой творческий метод как «письмо с натуры» – изучать натуру, рассматривать во всех деталях. Вместе с тем в эстетике Гонкуров натурализм смыкается с романтизмом, реализмом и импрессионизмом. «Романтизм составляет стержень эстетической системы Гонкуров, но он восходит к более крайним формам, к так называемому неистовому романтизму, который современники называли натурализм» [1]. Натуралистическая точность и детализация описаний прежде всего внутреннего состояния героев нервно-восприимчивых, с тонкой душевной организацией, в чьем восприятии мира важна «трепетность первого впечатления» [2], сближает Гонкуров с импрессионизмом.

После смерти младшего брата Жюля из-под пера Э. Гонкура вышли четыре романа и несколько искусствоведческих работ, которые позволяют говорить о корректировке творческих установок писателя. В предисловии к роману «Братья Земганно» (1879) Эдмон де Гонкур заявляет, что надо кончать с романом «из жизни народа», что изучать душу людей из высшего круга, создать «реалистический роман изящного общества» – задача гораздо более трудная и почетная. «Написать такой роман, реалистический роман об изящном, было нашей – моего брата и моей – честолюбивой мечтой» [3]. Иными словами, писатель, оставляя за собой прежний инструмент – анализ, – намерен применить его в работе с другим материалом, более сложным, так как «резко обозначенное своеобразие крайне цивилизованных людей все состоит из оттенков, полутонов, из неуловимых мелочей» [4]. Романы Э. Гонкура «Братья Земганно», «Актриса Фостен» (1882) раскрывают в полной мере тему творческой личности, которая наделена особой организацией сознания.

В некотором отношении образ главной героини романа «Актриса Фостен» традиционен для поэтики Э. и Ж. Гонкуров. Для романов братьев всегда были свойственны двойственные отношения между личностью и средой. С одной стороны, Жюльетта исключительна, с другой стороны, натура ее определена социумом. Фигура главной героини раскрывается перед читателем на фоне общества содержанок, в прошлом – женщин легкого поведения, которым автор мастерски вешает своеобразные ярлыки, сравнения с животным миром, подчеркивая таким образом главенство физиологического начала в представителях данной среды. Контакт между ними и главной героиней не установлен, в дом Жюльетты вхожа только ее сестра, образ которой, однако, не отличается благородством на фоне подруг. Вся она пропитана пороком, даже испытывает зависимость от него: с радостью говорит о пошлости любовных отношений, на пальце ее блестит старинное кольцо с изображением сладострастной сцены. Влияние Щедрой Души на главную героиню становится очевидным для обеих тогда, когда Жюльетта сама чуть не вступает в связь с первым попавшимся мужчиной, в порыве отчаяния она откровенно заявляет: «Это ты толкнула меня на этот путь, повела за собой, потому что для тебя порок – только забава, потому что тебя он привлекает» [5]. При всем вышесказанном, личность, предстающая перед читателем, исключительна: принадлежа своим телом разным мужчинам, она смогла сохранить девственность сердца и чистоту своей души, что наиболее ценит Э. Гонкур в своих героинях. Любовный пыл ее был направлен с момента встречи с лордом Энндейлом только на него, что остается неизменным вплоть до кончины возлюбленного Фостен. Ради этого мужчины актриса решается на то, чтобы предать главное дело своей жизни, свой талант.

На протяжении всего творчества Э. Гонкур пытался познать роль ощущений в жизни человека, с такой точки зрения предмет исследования в романе «Актриса Фостен» необычайно интересен, ведь перед нами натура творческая, тонкость ощущений которой особенно велика. Изначально автор понимал, что простых связей между человеком и обществом не

существует, что видимая действительность не является единственной формой бытия и что помимо материального существует еще неизведанная область духовного, в изучение которой и погружается писатель в данном произведении. Для того чтобы изучение могло быть детальным и полным, сюжетная канва романа оказывается заметно упрощенной, а Э. Гонкур, вслед за писателями-романтиками, погружает читателя в «духовное царство, завершенное в себе, душу, внутри себя примиренную...» [6].

Основным конфликтом романтической литературы всегда считался конфликт между личностью и миром, при этом личность воспринимается в первую очередь как средоточие духовной жизни. В качестве главных действующих лиц выступают одинокие мечтатели, гениальные художники, пророки, существа, наделенные глубокими страстями, титанической силой чувств, «они могут быть злодеями, но никогда – посредственностями» [7]. Такова и Жюльетта, главная героиня романа «Актриса Фостен»: внутри нее целый мир, где борется обыватель и творец, женщина и актриса. Читатель знакомится с героиней впервые, когда она лежит, «растянувшись во весь рост на спине, закинув руки за голову, подняв глаза к звездам» [8] в углублении берегового утеса, а у ног ее бьется океан. Уже здесь, в этой первой сцене, Фостен – актриса, натура творческая, которая далее раскроется перед читателем во всей гамме красок. Мы узнаем о том, что ей присуща быстротечная смена настроения от веселости до грусти и, наоборот, от угнетенного, подавленного состояния к легкости и беззаботности, почувствуем, насколько резко Жюльетта видит несовершенство современного ей мироустройства и внутренне тяготеет к временам былым, давно ушедшим, в которых существовали ее героини. Но исповедь Фостен раскрывает ее и как женщину, влюбленную и любимую, т. е. земную составляющую данного образа.

Во внутреннем мире Жюльетты идет непрекращающаяся борьба между двумя началами, одно из них, творческое, достигает пика влияния на личность в моменты, когда Фостен работает над какой-либо ролью. В такое время женщина не владеет собой, все чувства, эмоции и переживания сценического образа становятся ее чувствами, эмоциями и переживаниями. Федра, героиня Расина, подвластна разрушительному действию жгучей, слепой, стихийной страсти, овладевающей сознанием помимо ее воли и неудержимо влекущей к позору, преступлению и гибели. Фостен понимает, что ей придется принять на себя весь комплекс чувств своей героини, что после того, как ей доверена эта роль, самой собой ей больше не быть («Новая женщина, созданная работой ее мозга, поселилась в ее оболочке, прогнала ее оттуда, отняла у нее собственную жизнь» [9]). Как только актриса получает роль жены Тесея, она сама начинает остро ощущать потребность излить свою страсть, при этом порыв ее не имеет конкретного объекта («...яростная потребность любить, обратившаяся сначала к воспоминаниям об Уильяме Рейне, продолжавшая жить в ней, но теперь уже неукротимая, беспредметная, готовая излиться на кого угодно» [10]). Женщина опечалена этой беспредметной страстью, этой болезнью, для актрисы же появление влечения обусловлено вживанием в определенный образ. Так героиня живет в состоянии некоего раздвоения личности, однако противоборства между составляющими ее натуры пока не возникает, гармоничным такое существование тоже не назовешь, уж слишком разнятся жизненные установки Федры и Фостен. Внутренний конфликт представляется потушенным на некоторое время, когда чувства женщины и актрисы слиты воедино, т. е. в момент исполнения роли, когда эмоция женщины перестает быть беспредметной, иначе говоря, когда в жизни Жюльетты появляется лорд Энндейл. Тогда же Фостен достигает своего пика совершенства в творчестве: «...никогда еще знаменитая тирада не производила на зрителей такого сильного впечатления» [11]. В этой сцене звучит между строк отношение Э. Гонкура к извечной проблеме соотношения искусства и жизни, отчетливо читается полемика писателя с романтической эстетикой, в рамках которой жизнь со своей пошлостью и обыденностью была буквально противопоставлена красоте искусства. Разнятся взгляды писателя и с О. Уальдом, который в своем произведении «Портрет Дориана Грея» в аналогичной сцене, когда Сибила Вейн выходит на сцену и играет бездарно, противопоставляет искусство и жизнь: актриса убивает в себе талант перевоплощения, полюбив по-настоящему. Отражение действительности – временное и неглавное в творчестве, важнее для О. Уальда утверждение безраздельной власти красоты. Э. Гонкур, в данном случае как писатель-натуралист, остается верен своим взглядам, касающимся природы искусства, опорой которого должна стать действительность: «Если какой-нибудь тип в книге или пьесе имел своей отправной точкой чистую фантазию, вы можете быть уверены, что это фальшивое произведение» [12].

Именно фальшивой, искусственной была игра Фостен в первый раз, когда чувство, которое ей необходимо было довести до зрителя, не подкреплялось любовным порывом женщины. Обнаружить «подделку» смогли не все зрители, однако мнение всех и не интересовало Жюльетту, на следующий день после спектакля она отправляется к давнему другу маркизу де Фонтебизу, единственному человеку, который нашел ее игру несовершенной: «...несомненно одно – что ты совершенно лишена любовного пыла... а Федра, сыгранная без истинного пыла, – это не то, не то, не то!» [13]. Почему он один заметил недостатки игры Фостен на сцене? Да потому, что для Э. Гонкура, как и для его предшественников, писателей-романтиков, настоящее искусство элитарно, оно связано с творческой свободой, наличие которой возвышает художника над окружающими его людьми, но при этом приносит ему отчаянное одиночество, справиться с которым дано не каждому.

Героине романа «Актриса Фостен» ее гений тоже дарит одиночество, оно выражается не на социальном, а, скорее, на духовном уровне, единственным другом и союзником ее является искусство. Возлагая надежду на свою волю и на силу чувства к лорду Эннендейлу, Фостен отрекается от своего дара, от своего таланта, от своего призвания, но не может, оставив сцену, найти удовлетворения ни в чувствах, которые возлюбленный питает к ней, ни в роскоши, которой он ее окружает. Не раз героиня повторяет о своем желании убить в себе творчество: для этого она отправляется в дом умершей актрисы, в котором царит разруха, дабы воспоминание, запечатлевшееся здесь, стало последним воспоминанием об искусстве, театре, сцене, для этого она бежит за границу. Жюльетта на некоторое время начинает верить в то, что, уехав из Парижа, она отделается от своего второго «я» трагической актрисы («...актриса во мне умерла и похоронена» [14]), не понимая, что актриса живет не в Париже, а в ней. Интересно заметить, что, пытаясь расстаться с даром и осознавая неизбежность присутствия его в своей жизни, Фостен впервые начинает о нем говорить как о болезни, расстройстве, недуге («Неужели мой театральный недуг вернется?» [15]). Хочется обратить внимание на то, что отвлечь Фостен от мыслей о театре ее возлюбленный пытается с помощью осуществления некоего проекта, а именно, путешествия в Италию. Данный эпизод возник в романе не случайно, он связан с романтической традицией, в которой Италия сначала воспринималась как колыбель искусств, в эту страну отправлялись художники, дабы заручиться опытом больших мастеров и своеобразным благословением на творчество. Однако в позднем романтизме подобное восприятие было утрачено, на смену ему пришло представление об Италии как о стране демонических сил, которые способны завладеть творческой натурой и лишить ее способности создавать истинные шедевры. Возможно, поездка в Италию стала бы определенной вехой для Фостен, она могла бы лишиться способности творить, и с ее внутренним конфликтом на этом было бы покончено. Но поездки в Италию не случилось по причине болезни лорда Эннендейла, Фостен не покидает своего возлюбленного ни на минуту, ее место у его постели. Эдмон Гонкур предельно точно описывает читателю состояние больного: «сардоническая агония», «случай, который может встретиться раз в сто лет» [16] (Б. Реизов оценивает подобные описания как «анормальность», «откровенную чрезмерность» натурализма [17]). Его страдания, ее собственное жестокое страдание вдруг предстают перед Фостен лишь как необычный жизненный факт, в котором она пристальным взглядом актрисы выделяет то, из чего можно будет потом вылепить художественный образ, женщина и любовница в этот момент повержены актрисой, призвание заглушило все остальные составляющие натуры: «И это зрелище, на мгновение убив любовницу, заставило женщину, помимо ее воли, снова стать актрисой» [18]. Она наблюдает за муками Эннендейла сначала с ужасом и скорбью, но затем на первый план выходит «жгучее любопытство», оно пронизывает все ее существо. «Она смотрела вопреки себе» [19], так Э. Гонкур характеризует творческий порыв, неконтролируемый, не подвластный самому его носителю. Игра Фостен – это нечто великолепное и прекрасное, но вспомним, что восхищение она вызывает только после соприкосновения с жизнью, после того, как актриса переживает человеческое сердечное чувство. Здесь же творческий порыв отделен от всего человеческого, от истинных переживаний и эмоций, поэтому и назван «дьявольской карикатурой» [20].

Исследователь творчества Э. и Ж. де Гонкуров В. Шор рассматривает эту сцену романа «Актриса Фостен» в духе романтических идей. Утверждается, что столь мощный по силе воздействия на читателя финал произведения, а именно, лицедейство Фостен в момент агонии ее возлюбленного, должен был, по замыслу Эдмона Гонкура, провозгласить «благородные

мысли о величии искусства, о тесной связи его с жизнью, об ответственности перед ним художника» [21]. Однако, исходя из детального анализа данной сцены, можно полагать, что, по мнению писателя, влияние скрытых творческих способностей на личность не всегда благотворно. Талант может быть сродни физиологической аномалии, разрушать, ломать в человеке все истинное и вечное, все по-настоящему людское и превращать натуру, способную чувствовать, сопереживать, сострадать, в своеобразный автомат, механизм, когда игра со сцены переходит в жизнь. А тесная связь искусства с жизнью должна носить характер «искусство ради жизни» или «искусство вслед за жизнью», но не наоборот. Такая трактовка темы творческой личности подтверждает попытку Э. Гонкура в период индивидуальной работы выйти из кризиса натуралистического направления с помощью переосмысления эстетических установок романтизма.

Примечания

1. Шор В. Е. Гонкуры и импрессионисты // Импрессионисты. Их современники и соратники. М., 1976. С. 133.
2. Там же. С. 269.
3. Гонкур Э. де и Гонкур Ж. де. Жермини Ласерте. Братья Земганно. Актриса Фостен: пер. с фр. / под ред. С. Брахмана. М., 1972. С. 189.
4. Там же. С. 190.
5. Там же. С. 379.
6. Гегель Г. Сочинения. М., 1938. Т. XIII. С. 6.
7. Ботникова А. Б. Немецкий романтизм: диалог художественных форм. М.: Аспект Пресс, 2005. С. 10.
8. Гонкур Э. де и Гонкур Ж. де. Указ. соч. С. 317.
9. Там же. С. 342.
10. Там же. С. 372.
11. Там же. С. 415.
12. Гонкур Э. де и Гонкур Ж. де. Дневник. Записки о литературной жизни: в 2 т. М.: Худож. лит., 1964. Т. 1. С. 278.
13. Гонкур Э. де и Гонкур Ж. де. Жермини Ласерте. Братья Земганно. Актриса Фостен. С. 410.
14. Там же. С. 452.
15. Там же.
16. Там же. С. 476.
17. Реизов Б. Французский роман XIX века. М., 1969. С. 232.
18. Гонкур Э. де и Гонкур Ж. де. Жермини Ласерте. Братья Земганно. Актриса Фостен. С. 478.
19. Там же. С. 477.
20. Там же.
21. Шор В. Братья Гонкуры: их эстетика и романы // Гонкур Э. де и Гонкур Ж. де. Избранные произведения. М.: Худож. лит., 1972. С. 25.

Notes

1. Shor V.E. *Gonkury i impressionisty* [Goncours and the Impressionists] // *Impressionisty. Ih sovremenniki i soratniki* - Impressionists. Their contemporaries and associates. Moscow. 1976. P. 133.
2. Ibid. P. 269.
3. Goncourt E. de and J. Goncourt de. *ZHermini Laserte. Brat'ya Zemganno. Aktrisa Fosten* [Jerminy Lacerte. Brothers Zemganno. Actress Fosten]: transl. from France. / ed. by S. Brahman. Moscow. 1972. P. 189.
4. Ibid. P. 190.
5. Ibid. P. 379.
6. Hegel G. *Sochineniya* - Works. Moscow. 1938. Vol. XIII. P. 6.
7. Botnikova A. B. *Nemeckij romantizm: dialog hudozhestvennyh form* [German romanticism: the dialogue of art forms]. Moscow. Aspect Press. 2005. P. 10.
8. Goncourt E. de and J. Goncourt de. Op. cit. P. 317.
9. Ibid. P. 342.
10. Ibid. P. 372.
11. Ibid. P. 415.
12. Goncourt E. de and J. Goncourt de. *Dnevnik. Zapiski o literaturnoj zhizn* [The diary. Notes on the literary life]: in 2 vols. Moscow. Khudozh. lit. 1964. Vol. 1. P. 278.
13. Goncourt E. de and J. Goncourt de. *ZHermini Laserte. Brat'ya Zemganno. Aktrisa Fosten* [Jerminy Lacerte. Brothers Zemganno. Actress Fosten]. P. 410.
14. Ibid. P. 452.
15. Ibid.

16. Ibid. P. 476.
17. Reisov B. *Francuzskij roman XIX veka* [French novel of the nineteenth century]. Moscow. 1969. P. 232.
18. Goncourt E. de and J. Goncourt de. *ZHermini Laserte. Brat'ya Zemganno. Aktrisa Fosten* [Jerminy Lacerte. Brothers Zemganno. Actress Fosten]. P. 478.
19. Ibid. P. 477.
20. Ibid.
21. Shor V. *Brat'ya Gonkury: ih ehstetika i romany* [Goncourt brothers: their aesthetics and novels] // Goncourt E. de and J. Goncourt de. *Izbrannyye proizvedeniya* - Selected works. Moscow. Khudozh. lit. 1972. P. 25.

УДК 80

О. А. Макарова

Особенности анализа художественного образа в филологии и искусствоведении

Данная статья рассматривает сходство и различие понимания и методики исследования художественного образа в филологии и искусствоведении, а также близость искусства и языка. Работа приводит существующие определения художественного образа и прослеживает наличие в них двух основных составляющих – физической формы и сверхчувственного содержания.

The article studies similarities and differences of understanding the notion of literary and artistic image in linguistics and art history, their methods and techniques, as well as connection of art and language. Definitions of artistic image are investigated to trace two core components – physical form and transcendental meaning.

Ключевые слова: художественный образ, искусство и язык, анализ восприятия, средства создания образа.

Keywords: artistic image, art and language, perception analysis, techniques of imagery.

На сегодняшний день наука перестает рассматриваться как универсальный вид знания и познания, все больший интерес вызывают альтернативные когнитивные комплексы, один из которых – искусство, особая образная, непонятная форма накопления и передачи опыта, специфика которой такова, что идея выражается в нем не в чистом виде, а в художественном образе. Теория художественного образа получила новое развитие в эстетической мысли как одна из перспективнейших, позволяющих понять специфику многих явлений искусства [1]. Феномен художественного образа является предметом изучения в самых разных направлениях лингвистики, философии и искусствоведения. В данной работе мы рассмотрим сходство и своеобразие понимания художественного образа в филологии и искусствоведении.

Пересечение предметов исследования этих гуманитарных наук закономерно, так как взаимосвязь изображения и слова в искусстве традиционно прослеживается не только в словесном отображении картины в искусствоведческом комментарии и художественной литературе, но и в использовании художниками графического изображения слов на картинах, а также в практике обращения художников к литературному творчеству: Сергей Эйзенштейн был серьезно увлечен написанием «Книги-шара» («букет» очерков, не рассматривающихся подряд, а воспринимаемых одновременно), а Константин Малевич и Александр Родченко (конструктивист и родоначальник рекламы в СССР) отмечали все большее вовлечение художественного мышления в область языкового дискурса [2].

Кроме того, семиотические процессы на границе «слово/изображение» играют особенно большую роль в понимании природы искусства как мышления. Сходство искусства и языка состоит еще и в том, что это феномены саморазвивающиеся, они реализуются и изменяются через человека, погруженного в язык и в мир артефактов [3].

Понимание художественного образа в филологии и в искусствоведении сближает тот факт, что большинство определений в этих областях подчеркивают непереносимое наличие двух составляющих – осязаемой физической (наглядной/языковой) формы и того особого содержания, которое необходимо передать автору. Интересно отметить богатство и многообразие выражений, описывающих обе составляющие, а особенно – идейное содержание: так, в филологии Е. Б. Борисова определяет его как «характерность реальной действительности» [4], которая оформлена в произведении искусства как «нечто конкретное, созданное с помощью словесно-речевых и художественно-композиционных приемов». Далее, анализируя понимание художественного образа, исследователь выделяет существование взгляда на художественный образ как на чисто речевое явление и свойство языка художественных произведений, либо как на систему конкретно-чувственных деталей, воплощающих содержание художественного произведения, вследствие чего автор видит необходимость совместить оба подхода, чтобы углубить понимание художественного образа в литературном произведении.

В искусствоведении В. И. Филиппова выделяет несколько пониманий художественного образа:

1) каждый образ – это по форме правдивое отображение действительности, а по содержанию – эстетические чувства художника, индивидуального, эмоционального его отношения к изображаемому (Г. В. Беда);

2) материальная, овеществленная плоть явления художественно-образной реальности в единстве с идеальным представлением как взаимодействие двух природных целостностей – окружающего мира и человека, создающих новую, третью, художественно-образную целостность (Н. А. Яковлева) [5].

Искусствовед Т. Ю. Серикова в статье «Проблема художественного образа в искусствоведении», как и многие исследователи, называет форму художественного образа вещественным и грубо материальным арт-объектом), а содержание – некой тонкой духовной субстанцией, которые в теории культуры рассматриваются как нераздельное единство двух основных начал в любом произведении искусства: как «душа наполняет тело и существует только в нем, так и образ сам по себе никогда не возникает – всегда нужны средства, чтобы его выразить».

Т. Ю. Серикова приводит собственные наблюдения природы содержания художественного образа: иной (духовный) мир; внутреннее видение художника, его идея, мысль, мечта, впечатление от определенного события; модель бытия, отражение «правды жизни» в узком понимании и как представление закона бытия, основных его принципов [6].

Как мы видим, множество описаний содержания художественного образа стремится к представлению о нем как о все более возвышенном: Ю. С. Ушанева видит в содержании совокупность личностных смыслов автора, незыблемых первооснов самого существования человека. Возможно, этот факт объясняется идеей философов постмодернизма, которые оказали сильнейшее влияние на искусство идеями о том, что цель современной живописи заключается в выражении того, «что нельзя увидеть»: художник XX в. «ощущает потребность с помощью чувственной формы видимых вещей выразить то, что непосредственно выразить невозможно, т. е. сверхчувственные ценности» (Н. А. Хренов) [7].

Е. Б. Борисова замечает основное отличие художественного образа в литературе от образа живописного полотна в том, что словесные картины являются невещественными и не имеют прямой наглядности, но обращаясь через них к воображению читателя, писатель пользуется изобразительностью, словесной пластикой. Сближает же эти два вида образа то, что и живописные и словесные произведения запечатлевают в большей степени субъективные реакции на предметный мир, нежели сами предметы как непосредственно видимые.

Представляется интересным взгляд Т. Ю. Сериковой на художественный образ как тождественный произведению искусства в принципе. По мнению автора, художественный образ существует автономно, материализуясь иногда в картине, музыкальном произведении, скульптуре, стихах или прозе. В современных произведениях искусства художественный образ выступает как некая матрица, не имеющая зависимости от формы произведения.

Изучая особенности трансформации образа и знака в художественном творчестве, Н. А. Руснак отмечает, что компьютерная эпоха развертывается на почве «лидерства» левого полушария, однако информация становится все более виртуальной, и современность требует использования креативного мышления, а потому на помощь абстрактным размышлениям

приходит эмоционально окрашенное творчество, опирающееся на фантазии и образы. Переход от знака к образу порой чрезвычайно болезнен, так как связан со сменой стиля мышления. В ходе творческого процесса и при использовании его результатов возникает проблема переключения между образом и знаком с целью создания, а затем и постижения смысла. Проблема переключения связана как с межполушарной церебральной асимметрией головного мозга человека, так и с формой создания самих произведений искусства – образно-знаковой [8]. По мнению автора, именно дискретность отражения мира «отформатировала» мозг под интервальный стиль отражения и это является гносеологическим основанием трансформации образа.

Следующее отличительное свойство анализа художественного образа в искусствоведении – подчеркнутое внимание к его созданию как способу освоения мира: Н. Л. Малинина цитирует Ж.-П. Сартра: «...в самой пассивности материи мы встречаем бездонную свободу человека». То есть реальный мир открывается лишь действием, а чувствовать себя в нем можно лишь, пытаясь изменить его [9].

Т. Ю. Серикова называет художественный образ инструментом познания мира: изучаемое явление получает свое осмысление в образе в диалоге между исследователем и предметом, мыслью, облеченной в форму. Для исследователя любые окружающие нас явления жизни, детали, предметы – иллюзии, пока человек не познает их. Через создание художественного образа в произведении искусства человек стремится установить утраченную гармонию [10].

По мнению Ю. С. Ушаневой, взаимосвязь чувств (ощущений, восприятий, образных представлений) с мышлением (понятиями, суждениями, умозаключениями) дает возможность воспринять сущность явлений, образного мышления как самостоятельной и полноценной формы познания, как одного из видов духовного освоения мира человеком.

Ю. С. Ушанёва в статье «Развитие способности эмоционального восприятия художественного образа картины в процессе обучения изобразительному искусству» цитирует мысль Оскара Уайльда: «Искусство – зеркало, но отражает оно не жизнь, а смотрящего в него» как основной принцип взаимоотношения между произведением искусства и человеком, причем здесь имеется в виду как зритель, так и сам художник. Учитывая известную относительность человеческого восприятия действительности, автор говорит о том, что ощущения, вызываемые соприкосновением человека с искусством, у разных людей могут значительно отличаться в зависимости от социального и культурного характера общества, представителем которого является человек, его образования, личного опыта общения с искусством, общей эрудиции, желания воспринимать конкретное произведение и даже некоторых физиологических возможностей [11].

Существование образа реализуется в процессе диалога между художником и зрителем, вследствие чего он является для Ю. С. Ушаневой не мыслью, а процессом: именно за счет того что художественный образ выступает как процесс, ему свойственна некоторая «незавершенность», «неоднозначность». Художественно-образное мышление, соответственно, направлено на создание художественного образа, т. е. организацию данного процесса посредством мысли. Именно в этом феномене видит исследователь преимущество воздействия художественного образа на зрителя в сравнении с подобным же фактом реальности, даже несмотря на всю вещественность последнего. Поэтому при обучении основам изобразительного искусства педагог видит необходимым ориентировать обучаемых не только на эмоциональное восприятие произведения, но и развивать навыки формального восприятия структуры изображения.

С позиции зрителя художественный образ есть результат процесса «относительно пассивного восприятия материального воплощения художественного образа, представленного как результат авторского понимания и передачи, прошедшего, к тому же, через призму мировоззрения зрителя, находящегося в данной ситуации в определенном психическом состоянии» [12].

В заключение подчеркнем, что сходство в методах анализа художественного образа в филологии и искусствоведении прослеживается в том, что большинство определений в этих областях констатируют неперемное наличие двух составляющих – осязаемой физической формы и духовного содержания. Художественный образ является автономным целым, материализуясь в разных формах. Отличие в трактовке можно отметить в подчеркнутом внимании искусствоведения к созданию как способу освоения мира, а также в анализе отличия восприятия образа разными зрителями в зависимости от социального и культурного багажа, образования и личного опыта, в отличие от более пристального внимания филологии на языковые и психологические средства создания образа.

Примечания

1. Ушанёва Ю. С. Развитие способности эмоционального восприятия художественного образа картины в процессе обучения изобразительному искусству // Гуманитарные и социальные науки. Ростов н/Д, 2009. № 2. С. 82.
2. Филоненко Д. Ю. Понятие и образ в художественном мышлении русского авангарда 1920-х годов // Архитектон: известия вузов. 2006. № 15. С. 4.
3. Лотман Ю. М. Статьи по семиотике культуры и искусства / сост. Р. Г. Григорьева. М.: РГБ, 2004. (Из фондов Российской государственной библиотеки). С. 270.
4. Борисова Е. Б. О содержании понятий «художественный образ» и «образность» в литературоведении и лингвистике // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. 2009. № 35 (173). С. 20.
5. Филиппова В. И. Художественный образ как продукт творческого процесса // Вестник ЧГУ. 2008. № 1. С. 2.
6. Серикова Т. Ю. Проблема художественного образа в искусствознании // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2010. № 4(24). С. 97.
7. Цит. по: Барсукова Т. В. Феномен тишины в живописи: сравнительный анализ: автореф. дис. ... канд. искусствоведения. Челябинск, 2011. С. 3.
8. Руснак Н. А. Социокультурные маркеры и особенности трансформации образа и знака в художественном творчестве: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Ставрополь, 2003. С. 14.
9. Цит. по: Малинина Н. Л. Реалистический художественный образ в живописи: прошлое и настоящее // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2010. № 9. С. 3.
10. Серикова Т. Ю. Указ. соч. С. 98.
11. Ушанёва Ю. С. Указ. соч. С. 82.
12. Филиппова В. И. Указ. соч. С. 2.

Notes

1. Ushaneva Y. S. *Razvitie sposobnosti ehmocional'nogo vospriyatiya hudozhestvennogo obraza kartiny v processe obucheniya izobrazitel'nomu iskusstvu* [Development of the ability of emotional perception of the artistic image of the painting in the process of training in fine arts] // *Gumanitarnye i social'nye nauki - Humanities and social sciences*. Rostov-na-Donu. 2009, No. 2, p. 82.
2. Filonenko D. Y. *Ponyatie i obraz v hudozhestvennom myshlenii russkogo avangarda 1920 x godov* [The concept and image in the artistic thinking of the Russian avant-garde of 1920s] // *Arhitekton: izvestiya vuzov - Architecton: news of high educational establishments*. 2006, No. 15, p. 4.
3. Lotman Y. M. *Stat'i po semiotike kul'tury i iskusstva* [Articles on semiotics of culture and art] / comp. R.G Grigoriev. Moscow. RGB. 2004. (From the collections of the Russian state library). P. 270.
4. Borisova E. B. *O sodержanii ponyatij «hudozhestvennyj obraz» i «obraznost'» v literaturovedenii i lingvistike* [About the content of the concepts of "image" and "imagery" in literature and linguistics] // *Vestnik CHelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta - Herald of the Chelyabinsk State University. Philology. History of art*. 2009, No. 35 (173), p. 20.
5. Filippova V.I. *Hudozhestvennyj obraz kak produkt tvorcheskogo processa* [The artistic image as a product of the creative process] // *Vestnik CHGU - Herald of CSU*. 2008, No. 1, p. 2.
6. Serikova T. Y. *Problema hudozhestvennogo obraza v iskusstvoznanii* [Problem of the artistic image in art history] // *Vestnik CHelyabinskoy gosudarstvennoj akademii kul'tury i iskusstv - Herald of the Chelyabinsk State Academy of culture and arts*. 2010, № 4(24), p. 97.
7. Cit. by: Barsukova T.V. *Fenomen tishiny v zhivopisi: sravnitel'nyj analiz: avtoref. dis. ... kand. iskusstvovedeniya* [The phenomenon of silence in painting: a comparative analysis: autoref. dis. ... Cand. Art history]. Chelyabinsk. 2011. P. 3.
8. Rusnak N. A. *Sociokul'turnye markery i osobennosti transformacii obraza i znaka v hudozhestvennom tvorchestve: avtoref. dis. ... kand. fil. nauk* [Socio-cultural markers and features of the transformation of image and symbol in art: autoref. dis. ... Cand. Phil. sci.] Stavropol. 2003. P. 14.
9. Cit. by: Malinina N.L. *Realisticheskij hudozhestvennyj obraz v zhivopisi: proshloe i nastoyashchee* [Realistic artistic image in art: past and present] // *Aktual'nye problemy gumanitarnyh i estestvennyh nauk - Actual problems of natural sciences and Humanities*. 2010, No. 9, p. 3.
10. Serikova T. Y. Op. cit. P. 98.
11. Ushaneva Y. S. Op. cit. P. 82.
12. Filippova V.I. Op. cit. P. 2.

Брачные объявления начала XXI в. и их лингвостилистические особенности

Статья посвящена актуальной проблеме изучения человека через его самовыражение в языке, что полностью отвечает антропоцентрической направленности современного языкознания.

В статье не только приведены уже известные факты о жанровых и стилистических особенностях брачных объявлений, но и введен в круг рассмотрения новейший, а потому ещё не описанный с лингвистической точки зрения материал. В работе характеризуется языковое оформление таких способов знакомства, как знакомство через участие в специальной телепередаче; знакомство через размещение анкеты на тематических сайтах; знакомства через смс-объявления в прямом эфире. Однако, несмотря на широкие возможности современных технологий, наиболее распространённым способом заочного знакомства остаются традиционные газетные объявления. В статье приводится краткое сопоставление лингвостилистических особенностей брачных объявлений, опубликованных в специализированном и неспециализированном (общественно-политическом) издании.

The article is devoted to an actual problem of studying person through his self-expression in language, that completely answers an anthropocentric orientation of modern linguistics.

In the article are given not only well-known facts about genre and stylistic features of marriage announcements, but also the new material, which has not been described yet from the linguistic point of view. In the article such methods of a meeting as an acquaintance through participation in a special television show; an acquaintance through giving questionnaire on the thematic sites; through SMS-announcements in live broadcast are characterized. In spite of many possibilities of modern technologies, the most widespread method of extramural acquaintance is an acquaintance through traditional newspaper announcements. In the article is given the short comparison of linguistic and stylistic features of marriage announcements, published in specialized and non-specialized (socio-political) edition.

Ключевые слова: антропоцентрическая парадигма, объявление о знакомстве, социолингвистика, средства массовой информации.

Keywords: anthropocentric paradigm, the announcement of the introduction, sociolinguistics, media.

В свете антропоцентрической направленности современной лингвистики актуальными являются исследования, в которых анализируется языковое самовыражение человека. Одна из тех ситуаций, где человек старается показать себя с лучшей стороны и произвести максимальное впечатление на адресата, – это ситуация знакомства для серьёзных отношений.

В настоящее время люди нередко знакомятся «заочно», то есть с помощью разного рода объявлений о знакомстве в средствах массовой информации. По формальным и содержательным особенностям такие объявления весьма разнообразны и представляют значительный исследовательский интерес.

Объявления о знакомстве уже были объектом внимания лингвистов [1]. Однако в известных нам работах рассматриваются в основном традиционные газетные объявления. Между тем в наши дни объявления о знакомстве существенно расширили свою «материальную базу», а вместе с ней расширился и арсенал приёмов, используемых авторами этих объявлений для привлечения внимания к своему сообщению.

Цель настоящей статьи – проанализировать современные способы инициировать знакомство посредством объявления в СМИ и охарактеризовать жанровые и лингвостилистические особенности разных типов таких объявлений.

Следует иметь в виду, что объявления о знакомстве – поле семантически достаточно широкое, поскольку такие объявления могут иметь самую разную форму и преследовать различные цели: знакомство для совместного занятия каким-либо хобби, для совместной поездки на отдых, для интимных встреч без обязательств и т. д., ср.: *Ищу людей, желающих*

ходить в походы. В серьезные и не очень (<http://www.mamba.ru/mb1105075218?hit=30>); Приглашаю к знакомству порядочного мужчину *для тела, для дела, для души, без проблем. 50–60 лет, можно женатого* («Вятский наблюдатель». 2009. № 33). В данной статье речь пойдет только об объявлениях, опубликованных авторами с целью создания серьезных отношений, предполагающих последующий брак между автором и адресатом объявления. В основу статьи положен тезис о том, что лингвостилистические особенности брачных объявлений зависят от способа подачи самого объявления.

Начнем с такого способа найти вторую половину, как объявление об этом с экранов телевизоров, участие в тематических передачах вроде «Давай поженимся» или в аналогичных ей. В этом случае самопрезентация автора имеет не письменную, а устную форму. Сначала ведущие говорят несколько слов о потенциальном женихе или невесте, затем идет видеоролик о герое/героине программы, затем в ходе диалога с ведущими герой более подробно рассказывает о себе [2]. Как видим, «телевизионный» способ знакомства является достаточно информативным. Однако основу информационного блока любого объявления о знакомстве составляют, как правило, две части: самопрезентация автора и предъявление требований к адресату [3]. В случае телепередачи первая часть объявления раскрыта полностью, тогда как вторая несет в себе намного меньше информации. Ср.: *Первый супруг начал пить сразу после рождения ребёнка. Второй купил автомобиль за счёт Екатерины и уехал на неё к бывшей жене. Екатерина – кассир в магазине смешанных товаров. Смотрит комедии, слушает популярную музыку. Мечтает научиться танцевать латиноамериканские танцы. Признаётся, что обожает сладкое и любит отдыхать на Чёрном море. Екатерина пока не планирует обзаводиться вторым ребёнком и не готова жить под одной крышей с родственниками будущего мужа. Выйдет замуж за доброго, честного и ответственного мужчину, который найдёт общий язык с её дочерью* («Давай поженимся», эфир от 14.05.2014). Это происходит потому, что кандидатов в супруги на передаче несколько, и время эфира не позволяет о каждом рассказывать так же подробно, как о главном герое.

При данном способе знакомства мы можем анализировать только устную речь героя. Поскольку в ней в равной степени присутствуют и монолог, и диалог, то можно говорить о том, что с точки зрения грамматики при построении подобного текста использованы и сложные синтаксические конструкции, и предложения с разговорным синтаксисом, и неполные предложения, пропущенные элементы которых легко восстановимы из контекста диалога.

С целью привлечения большего внимания герой программы старается изъясняться правильно и красноречиво. Рамки телевизионного эфира не позволяют героям отступать от норм русского языка и допускать грубые речевые ошибки или заниматься словотворчеством; возможно, такие факты просто вырезаются редакторами программы в процессе её монтажа.

Следующий способ знакомства является одним из самых распространенных. Речь идет о знакомстве через специальные сайты сети Интернет. Сейчас подобные сайты знакомств имеют обширную клиентскую базу, состоящую не только из граждан нашей страны, хотя данный вид службы знакомств, по сути, является относительно новым для России. Самыми популярными сайтами знакомств сейчас считаются Mamba.ru, LovePlanet, Dating и другие, количество клиентов которых превышает миллионный порог [4].

Для удобства клиентов разработчики сайтов знакомств предусмотрели анкеты, которые намного сокращают время поиска спутника жизни. С одной стороны, автору не нужно подбирать слова, пытаться как-то выделиться из миллионов клиентов сайта и даже набирать своё объявление – ему достаточно кликами «мышки» выбрать нужные данные в многочисленных полях анкеты, от возраста до гастрономических предпочтений. С другой стороны, такой анкетный подход позволяет быстро найти клиентов, соответствующих требованиям адресанта. Однако для нас минусом таких форм презентации является трудность их лингвистического описания, так как в заполнении анкеты отсутствует элемент творчества. «Соискатель» может проявить себя в единственном поле, предназначенном для дополнительных сведений, не предусмотренных вопросами анкеты. Как правило, авторы объявлений используют данные поля для обращения к адресатам или как эхо-фразу. Ср.: *Всем привет! Пишите, будем знакомиться, общаться...* (<http://www.mamba.ru/mb697522660?hit=3>).

Такие сообщения невелики по объёму, а значит их авторам необходимо в нескольких фразах проявить себя так, чтобы адресат заинтересовался. Поэтому здесь имеют место экспрессивный синтаксис, ср.: *Интересные красавицы я холост, пишите!* (<http://www.mamba.ru/>

denbus43?hit=3) и языковая игра, ср.: *Отдам свое сердце в хорошие руки! :)* (<http://www.mamba.ru/mb1002905096?hit=3>). С целью привлечения внимания к сообщению автор стилизует его под объявление частного характера типа «отдам-продам». Такое обращение к жанровому канону объявления вообще рассматривается как стилизация текста, способствующая привлечению внимания, повышению эмоциональности, для «шутливого» обыгрывания данного способа знакомства [5]. Таким образом, следует отметить, что в текстах объявлений о знакомстве через сеть Интернет примеры языковой игры всё-таки присутствуют.

Также следует выделить ещё одну стилистическую черту текстов объявлений, размещённых на специализированных сайтах: авторы при построении текста часто прибегают к односоставным предложениям, например: *Ищу спутницу для совместного удаления анкет...* (http://www.mamba.ru/edik_reshetnik?hit=3), реже – к разговорному синтаксису.

С приходом в нашу жизнь мобильной связи образовалась ещё одно благодатное поле для знакомств – СМС-объявления. Сейчас существуют различные платные чаты для абонентов каждой сотовой сети. Подключившему такую услугу абоненту приходят сообщения от людей, желающих познакомиться. Однако они достаточно однотипны, а иногда могут содержать только приветствие, поэтому не представляют для нашего исследования особого интереса. Куда более информативны сообщения, которые авторы присылают в интерактивные теле- и радиопередачи. В частности, рассмотрим СМС на одном из телеканалов г. Кирова – «Первом городском» в передаче «Муз-приват» [6]. Удобство данного способа знакомства налицо – это скорость публикации сообщения и скорость получения отклика на него. Для сравнения можно привести пример объявления о знакомстве посредством письма в редакцию газеты, когда между созданием объявления и его публикацией проходят не минуты, а недели.

Однако недостатком СМС о знакомстве в рамках телепередачи является отсутствие исчерпывающей информации об адресате и адресанте сообщения. Типичные СМС в программе «Муз-приват» выглядят так:

- *позн с дев 25-35 для с/о Александр 30л*
- *Симпатичная девушка Киров поз-ся со свободн. мол. чел.*

Количество нестандартных СМС крайне мало – всего 1% (собственные статистические данные). Хотя подобные объявления и привлекают больше внимания, авторы не стараются подать своё СМС в необычной форме. Например, следующее объявление можно оценить как нетипичное для СМС-интерактива: *Добрый день! Потерялся любимый, не могу найти... может он здесь? Он высокий, добрый, заботливый, серьезный, ему до 38... Я знаю, что он тоже ищет меня... Мне 38.*

Следует отметить, что авторы-кировчане в целом следуют общим тенденциям написания СМС [7]:

- игнорируют пробелы и знаки препинания или ставят их, но делают это неправильно;
- производят сокращения слов не по правилам русского языка;
- допускают орфографические ошибки;
- используют графические средства при написании СМС.

Многое из перечисленного объясняется ограниченным количеством символов в СМС и платой за каждое последующее сообщение, поэтому авторы и стараются передать за минимальное количество символов максимальное количество информации, ср.: *м. ч. п-ся с дев.* (что означает «молодой человек познакомится с девушкой». – У. Р.) Поэтому одной из главных стилистических особенностей таких текстов является частотное употребление сокращений: аббревиация и компрессия. Зачастую компрессия наиболее характерна для СМС-объявлений о знакомстве, так как авторы таких СМС производят сокращения, руководствуясь только принципом сжатия текста до пределов минимальной избыточности, достаточной для понимания [8]. Например, *м ч 31г позн с дев дамой без компл сегодня смс.*

Иногда в текстах смс-объявлений встречаются и простые опечатки: *девушка делает пообщаться от 30 до 35 лет.* Их появление связано с использованием в телефоне словаря Т-9, который выдает автору слово целиком. Учитывая чувствительность кнопок клавиатуры телефона или сенсорного экрана, можно не заметить, как составляемое из одинаковой комбинации кнопок слово «желает» превращается в «делает».

В нашем исследовании максимальное внимание уделено брачным объявлениям, опубликованным в газетах. Этот способ знакомств с точки зрения лингвистического анализа явля-

ется самым интересным. Следует отметить, что стилистические особенности газетных брачных объявлений варьируются в зависимости от места их публикации и статуса издания. В ходе нашего исследования выборка материала производится из еженедельников «Моя семья» (общероссийская газета) и «Вятский наблюдатель», «Новый вариант» (региональная пресса).

Статусы этих изданий разные: «Моя семья» – газета специализированная, в которой объявлениям о знакомстве посвящен целый разворот, в то время как местные газеты – это общественно-политические издания, где брачным объявлениям отведена лишь одна колонка. Соответственно, в зависимости от объема объявления существенно разнятся и лингвостилистические особенности текстов.

Объявления в «Моей семье» – это, в основном, письма читателей, поэтому они содержат обширную информацию и являются достаточно объёмными. Приведём пример такого типového по структуре данной информации объявления:

Дети – всё, что у меня есть

38 лет, рост 166, полная, смуглая, разведена. Воспитываю троих детей – 19, 17 и 13 лет, все учатся и живут со мной, неизбалованные. Родилась, выросла и жила в деревне. Характер спокойный, вредных привычек нет, люблю животных. Не смогла простить мужу лжи, ушла с детьми к родителям, перенесла инфаркт. Недавно умерла мама, и отец привёл молодую. Для меня места не оказалось, пришлось с детьми уехать в город и снимать квартиру. Предложить мужчине мне нечего, кроме любви и верности, сама не предаю, но и предательства не прощу. Корыстных целей не ищу, хочу любить и быть любимой. Работаю в Нижнем Новгороде, живу в Богородске. Уехать не могу, так как сын учится в медицинском колледже. Может, откликнется мужчина домашний, непьющий, с добрым характером, спокойный, нежадный, любящий детей, который не побоится трудностей. Сразу не сойду, сначала общение. Детей ни при каких обстоятельствах не брошу, это всё, что есть у меня в жизни. Постоянного адреса нет, поэтому звоните, только не из МЛС. Альфонсам поживиться нечем. Антонова, тел. 8 920 254 44 65 («Моя семья». 2009. № 37).

Газета «Моя семья» общероссийская, в неё присылают объявления адресанты со всей страны, и ориентирована она на читателей тоже всей страны. Вдобавок к этому количество брачных объявлений, публикуемых в каждом номере, значительно превосходит количество объявлений, скажем, газеты «Вятский наблюдатель». Поэтому авторам брачных объявлений газеты «Моя семья» намного труднее выделиться, сделать своё объявление более привлекательным для абонента. С этой целью они используют многочисленные стилистические приёмы, вследствие чего объявления и оказываются большими по объёму. Исследователи отмечают мозаичную картину лингвистических черт на всех уровнях языка, особенно на лексическом и грамматическом. Например, *...у меня от этого подмышками волосы дыбом встают. Поэтому сто раз подумаешь, прежде чем жениться. Мне 38 лет, рост 176, не скажу, что красавец, короче, не принц («Моя семья». 2009. № 30).* Здесь имеет место смешение разных пластов лексики, а также ориентированность на живую речь, выраженная в использовании элементов разговорного синтаксиса.

В отличие от авторов «Моей семьи», автор брачного объявления областной газеты с точки зрения прагматики рассматривает текст своего объявления лишь как список собственных качеств и перечень желаемых качеств абонента. Ср.: *Ольга, 53 года, рост 158, вполне нормальной комплекции, брюнетка, работаю. Познакомлюсь с приятным, образованным мужчиной до 57 лет, без в/п, рост не ниже 175 («Новый вариант». 2012. № 15).* Поэтому брачные объявления местных изданий по своему объёму напоминают смс-сообщения, следовательно, для них характерны особенности, рассмотренные выше.

В заключение следует сказать, что количество способов размещения объявления о знакомстве не ограничивается перечисленными – мы просто рассказали о самых востребованных.

Однако люди в поисках своего счастья прибегают к различным ухищрениям и готовы разместить информацию не только на печатном носителе или экране телевизора. Со времён сюрреалистов актуальным остаётся понятие «инсталляция». Среди брачных объявлений инсталляции тоже имеют место: некоторые адресанты готовы открыто заявить всему миру о своём намерении найти вторую половину. Для этого они прибегают к помощи не СМИ, а собственной одежды. Например, можно встретить молодого человека в футболке с надписью «Девки, я свободен». А в некоторых городах России можно увидеть необычные скамейки, установленные с целью помочь желающим завести знакомство. На спинке такой скамейки есть

два вида надписей: «познакомлюсь» и «просто отдыхаю». Человек, севший на ту или другую половину скамейки, как бы заранее сообщает адресату о своей цели, упрощая тем самым ситуацию знакомства. Подобные способы знакомств нередки, однако дают меньшую пищу для исследования.

Примечания

1. Курченкова Е. А. Культурно-языковые характеристики текстов газетных объявлений: сб. науч. тр. Волгоград: Перемена, 2000. С. 16–18; Соколова О. А. «Метафора-текст» как вариант речевого жанра «брачное объявление» // Методы и приемы работы с иноязычными текстами разных стилей и жанров: сб. науч.-метод. ст. Курск, 2004. С. 39–44; Черкасова И. С. Гендер как характеристика языковой личности: Опыт анализа объявлений о знакомстве // Единицы языка и их функционирование. Вып. 10. Саратов, 2004. С. 215–221; Шибанова Е. А. Концептуальное пространство брачных объявлений (на материале русского и французского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2004.
2. Давай поженимся! URL: <http://www.1tv.ru/sprojects/si=5748>. Дата обращения: 27.07.2014.
3. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. Изд. 7. М.: Либроком, 2009. С. 28.
4. Обзор пяти популярных сайтов знакомств. URL: <http://www.woman.ru/rerelations/medley4/article/48642>. Дата обращения: 07.06.2014.
5. Сковородников А. П. Об определении понятия «риторический прием» // Филологические науки. 2002. № 2. С. 74–80.
6. Муз-приват. URL: <http://kirov.1gorodskoi.ru/project/2356.html>. Дата обращения: 19.07.2014.
7. Савельев Е. А. Русскоязычные SMS-тексты в социолингвистическом аспекте (на примере текстов SMS-сообщений представителей молодежной среды): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород, 2011.
8. Аббревиатура // Большой Энциклопедический словарь. URL: <http://www.vedu.ru/BigEncDic/61>. Дата обращения: 06.06.2014.

Notes

1. Kurchenkova E. A. *Kul'turno yazykovye harakteristiki tekstov gazetnyh ob'yavlenij: sb. nauch. tr.* [Cultural linguistic characteristics of the texts of newspaper ads: collected scientific articles.] Volgograd. Peremena. 2000. Pp. 16-18; Sokolova O. A. «*Metafora teksta*» kak variant rechevogo zhanra «*brachnoe ob'yavlenie*» ["Metaphor-text" as a variant of the speech genre "wedding announcement"] // *Metody i priemy raboty s inoyazychnymi tekstami raznyh stilej i zhanrov: sb. nauch. metod. st.* - Methods and techniques of work with foreign language texts of different styles and genres: collected scientific-method. articles.] Kursk. 2004. Pp. 39-44; Cherkasova I. S. *Gender kak harakteristika yazykovoj lichnosti: Opyt analiza ob'yavlenij o znakomstve* [Gender as a characteristic of linguistic identity: Experience of analysis of wedding announcements] // *Edinicy yazyka i ih funkcionirovanie* - Language units and their functioning. Vol. 10. Saratov. 2004. Pp. 215-221; Shibanova E. A. *Konceptual'noe prostranstvo brachnyh ob'yavlenij (na materiale russkogo i francuzskogo yazykov): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Conceptual space of matrimonial ads (on the material of Russian and French languages): autoref. dis. ... Cand. Phil. sci.] Volgograd. 2004.
2. Let's get married! Available at: <http://www.1tv.ru/sprojects/si=5748>. Date of access: 27.07.2014. (in Russ.)
3. Halperin I. R. *Tekst kak ob'ekt lingvisticheskogo issledovaniya* [The text as an object of linguistic research]. Ed. 7. Moscow. Librokom. 2009. P. 28.
4. Overview of five popular Dating sites. Available at: <http://www.woman.ru/rerelations/medley4/article/48642>. Date of access: 07.06.2014. (in Russ.)
5. Skovorodnikov A. P. *Ob opredelenii ponyatiya «ritoricheskij priem»* [About the definition of "rhetorical method"] // *Filologicheskie nauki* - Philological Sciences. 2002, No. 2, pp. 74-80.
6. Mus-private. Available at: <http://kirov.1gorodskoi.ru/project/2356.html>. Date of access: 19.07.2014. (in Russ.)
7. Saveliev A. E. *Russkoyazychnye SMS teksty v sociolingvisticheskom aspekte (na primere tekstov SMS soobshchenij predstavitelej molodyozhnoj sredy): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Russian SMS texts in sociolinguistic aspect (for example, text SMS messages of representatives of the youth environment): autoref. dis. ... Cand. Phil. sci.] N.Novgorod. 2011.
8. Abbreviation // collegiate dictionary. Available at: <http://www.vedu.ru/BigEncDic/61>. Date of access: 06.06.2014. (in Russ.)

Оценочные прилагательные как языковой инструмент информационной борьбы (на примере информационного противостояния украинских и российских СМИ периода 2013–2014 гг.)

Одним из способов целенаправленного использования языка СМИ в качестве инструмента речевого манипулирования общественным сознанием является информационная борьба. В работе анализируются оценочные прилагательные как языковой инструмент ведения информационной борьбы (на примере медиапротивостояния украинских и российских СМИ периода 2013–2014 гг., представленного затяжным социально-политическим конфликтом на территории Украины).

Автором рассматривается языковое выражение ключевых проблем, которые лежат в основе данного информационного противостояния и по поводу которых даются противоположные оценки.

Активное участие СМИ в ходе медиапротивостояния Украины и Российской Федерации оказало значительное влияние на формирование новой публицистической картины мира. При этом массмедиа осуществляли информационную поддержку одной из конфликтующих сторон.

Исследование основано на фактическом материале современных украинских и российских средств массовой информации.

One of the ways of targeted usage of language of mass media as an instrument of speech manipulation of social consciousness is information war. In the text it is analyzed evaluative adjectives as lingual instrument of information warfare (in terms of media opposition of Ukrainian and Russian mass media during 2013–2014, presented by lingering socio-political conflict in Ukraine).

The author considers using language to express key problems that are in the basis of this information war and which are oppositely evaluated.

As Ukrainian mass media are quite involved in media-war between Ukraine and the Russian Federation it is influenced on formation of new journalistic worldview. At the same time mass media gave information support to one of the conflicting parties.

The research is based on the facts of modern Ukrainian and Russian mass media.

Ключевые слова: адъективная оценочная лексика, средства массовой информации, речевое манипулирование, речевое воздействие, информационная борьба.

Keywords: adjectival appraisal vocabulary, mass media, speech manipulation, speech influence, information war.

Значение средств массовой информации в процессе разрешения разнообразных общественно-политических проблем сложно переоценить. Среди основных функций СМИ выделяются: 1) информативная, предполагающая передачу информации массовой аудитории о событиях в мире и постоянное поддержание определенного уровня новостного потока; 2) воздействующая, т. е. оказание влияния на мысли и чувства читателя; 3) агитационная, заключающаяся в побуждении аудитории к конкретным действиям; 4) идеологическая (интерпретационная), которая предполагает «интерпретацию, комментарий, оценку, способствующую созданию определенного идеологического фона» [1].

Каждая из указанных функций в полной мере реализуется в условиях информационного общества. Информативная функция тесно связана со способностью СМИ отражать происходящее в окружающей действительности, участвуя при этом в формировании современной картины мира. В то же время в условиях роста значения СМИ в жизни общества усиливается зависимость когнитивного освоения реальности от интерпретации событий средствами массовой информации. Массмедиа становятся источником не только информации, но и психологического комфорта [2]. Так, например, кризис власти на Украине, начавшийся в 2004 г., позволил СМИ «оказывать беспрецедентное массивное речевое воздействие на практи-

чески незащищенных перед ними граждан» [3]. О комфорте для аудитории говорит и Г. Г. Почепцов. По его мнению, пропаганда может быть сосредоточена на создании определенного психологического комфорта или дискомфорта у аудитории. «Человек, стремясь к более комфортной ситуации, воспринимает соответствующие типы сообщений, отбрасывая те из них, которые ведут к дискомфорту» [4].

Однако в современную эпоху, отличающуюся активным развитием информационных технологий и коммуникационной среды в пространстве массмедиа, на первый план выходит функция воздействия, оттесняя остальные функции речи. При этом средства массовой информации некоторые лингвисты даже называют средствами массового воздействия [5].

Подчеркивая отсутствие у российской аудитории рефлексии на массмедийную продукцию, Н. И. Клушина отмечает широкие манипулятивные возможности средств массовой коммуникации [6], обуславливающие речевую и информационную агрессивность, состоящую в навязывании определенных оценок, мнений, стереотипов, формирующих общественное сознание. Подобная «лингвистика убеждения» становится «неотъемлемой частью публицистического дискурса, наиболее заметной и востребованной в эпоху перемен» [7].

По мнению Т. Г. Добросклонской, формированию стереотипов, обладающих выраженной эмоционально-оценочной окраской, способствует «интенсивное насыщение информационного пространства определенными медиаобразами» [8]. При этом именно стереотипы способны влиять на систему ценностей и отношений, «на идеологическую подоснову, что, в свою очередь, неизбежно влияет на восприятие окружающей действительности» [9].

Психологические и психолингвистические механизмы, лежащие в основе манипулирования общественным сознанием посредством языка СМИ, способны заставить читателя некритично воспринимать сообщаемое, что содействует появлению в его сознании определенных представлений о предмете [10].

Навязывая адресату модели речевого и социального поведения, СМИ таким образом способны не только сформировать, но и исказить информационную картину мира читателя. Так, по мнению А. П. Короченского, искажение знаний о мире «нарастает на этапе потребления информации под влиянием коммуникативных условий ее приема и индивидуальных особенностей восприятия, свойственных получателям медийных посланий» [11].

Одним из способов целенаправленного использования языка СМИ в качестве инструмента речевого манипулирования общественным сознанием является информационная борьба. Речевым манипулированием исследователи называют имплицитное информационно-психологическое воздействие посредством языковых средств, направленное на побуждение адресата к тем действиям, которые изначально не совпадали с его принципами и убеждениями или системой ценностей общества в целом [12].

По мнению Л. А. Кудрявцевой, «сегодня на Украине последовательно реализуется одна из моделей воздействия массмедиа на социальном уровне – **модель медиазависимости**, которая напрямую связана с нестабильностью в общественно-политической жизни» [13]. Наблюдения показывают, что российские СМИ также конструируют и используют модель медиазависимости для воздействия на сознание аудитории, в связи с этим медиатекст становится одним из средств информационной борьбы: определенным образом преподнесенная информация позволяет формировать нужное мнение аудитории об описываемых событиях, явлениях, а людьми, чье мнение совпадает с твоим, проще манипулировать.

Ключевым языковым инструментом медиапротивостояния служит оценочная лексика. Средства массовой информации, реализуя одну из основных своих функций – оценочную квалификацию предметов и явлений, – по мнению Г. Я. Солганика, «не только отбирают эту лексику из литературного языка, но и производят ее, используя нелитературные пласты национального языка (просторечие, жаргоны), олитературивая единицы этих пластов, расширяя границы литературного языка, демократизируя его» [14]. Имена прилагательные как особый выразитель оценки являются наиболее распространенным языковым материалом при формировании оценочных средств и приемов, служащих для ведения информационной борьбы.

Под информационной борьбой понимается «переход посредством информационного пространства к новому состоянию других пространств (социальному, политическому, экономическому, военному)» [15]. Другими словами, переход происходит сначала в информационном пространстве, а затем в пространстве реальности. Важной составляющей при этом является конфликтная составляющая, или соперничество между предлагаемыми альтернати-

вами, а информационно поддерживается лишь одна из альтернатив, которая противоречит другим альтернативам.

В качестве примера информационной борьбы нами выбрано информационное противостояние украинских и российских СМИ периода 2013–2014 гг., ознаменованного тяжелыми социально-политическими потрясениями на территории Украины. В числе таких потрясений можно назвать продолжительную гражданскую конфронтацию действующей на тот момент власти (в лице президента В. Януковича и сформированного в период его работы правительства) и ее противников, вылившуюся в митинги недовольных граждан и открытые столкновения с государственными силовыми структурами; приход к власти политиков, оппозиционно настроенных к прежней власти; бегство из страны президента В. Януковича; проведение в Крыму референдума об избрании статуса независимой республики и последующее включение полуострова в состав РФ в качестве ее субъекта; недовольство новой украинской власти политикой президента РФ В. Путина в отношении происходящего на Украине и др.

Активное участие СМИ в ходе противостояния этих государств оказало значительное влияние на формирование новой публицистической картины мира. При этом осуществлялась информационная поддержка одной из конфликтующих альтернатив.

Для ведения медиаборьбы задействуется один из ее основных инструментов: лексика, выражающая оценку сообщаемых событий.

Анализ текстов украинских и российских СМИ позволяет выделить ключевые проблемы, по поводу которых даются противоположные оценки и которые положены в основу информационного противостояния между двумя государствами (см. таблицу).

Отражение ключевых проблем и информационной борьбы в текстах украинских и российских СМИ

Украинские русскоязычные СМИ	Российские СМИ
Отношение к В. Януковичу	
<p>Среди присутствующих, что любопытно, не было «легитимного президента Украины» Виктора Януковича. (http://lb.ua, 20.03.2014).</p> <p>Генпрокуратура возбудила уголовное производство против экс-президента Виктора Януковича за призывы к регионам требовать проведения сепаратистских референдумов. (http://lb.ua/, 28.03.2014).</p> <p>Сегодня, 28 марта, беглый экс-президент Виктор Янукович в обращении к украинскому народу призвал проводить референдум о статусе каждого региона в составе Украины. (http://rus.newsru.ua/, 28.03.2014).</p> <p>Именно поэтому после постыдного бегства и Януковича, и фронтмэна новой газовой группы Курченко, Бакулин даже не помышлял куда-либо уезжать, оставаясь на своем рабочем месте. (http://www.utro.ua/, 27.03.2014)</p>	<p>Постпред России при ООН Виталий Чуркин заявил о том, что Москва не считает своей задачей возвращение Виктора Януковича к власти, но продолжает считать его легитимным президентом Украины. (Российская газета. 2014. 04 марта).</p> <p>Тему событий на Украине поднял глава профильного комитета Леонид Слуцкий, ночью перед заседанием вернувшийся из Крыма. Выражая возмущение «преступной бездеятельностью» Виктора Януковича, он все же настаивал на том, что его следует считать легитимным президентом Украины (Российская газета. 2014. 27 февр.).</p> <p>«Если бы я был президентом России, я бы дал ему (Януковичу) силовую поддержку вернуть его в Киев. Он законный президент, мы вправе ему помогать», – приводит РИА Новости слова парламентария, сказанные во вторник в Госдуме (Аргументы и факты. 2014. 11 марта)</p>
<p>Комментарий: информационное противостояние по данной проблеме базируется, во-первых, на оценке политического статуса В. Януковича после его отъезда из страны в феврале 2014 г. В языке оно отражено в оппозициях <i>легитимный – нелегитимный, законный – незаконный</i>; первый член пары характерен для российских СМИ, а второй – для украинских. Во-вторых, оценивается способ отъезда В. Януковича с территории Украины: в украинской прессе президент назван <i>беглым</i>, а само «бегство» оценивается как <i>постыдное</i>. В-третьих, оценке подвергаются действия В. Януковича за пределами Украины, как в приведенном примере, где <i>сепаратистскими</i> названы призывы, обращенные к гражданам Украины, к проведению референдумов. Подобные пейоративные оценки формируют общее негативное отношение украинских читателей к избранному ими в 2012 г. президенту.</p> <p>В то же время российские СМИ довольно сдержанны в своих оценках в отношении В. Януковича. Они, как правило, ограничиваются оценкой его политического статуса, признавая легитимность В. Януковича как президента, однако такая оценка часто сопровождается критикой его поведения в ходе беспорядков в подвластной ему стране, как, допустим, в приведенном выше примере, где действия В. Януковича в период кризиса названы «<i>преступной бездеятельностью</i>». Образ В. Януковича, предложенный СМИ российским читателям, в таком виде не является абсолютно положительным, но представление разных (а иногда противоположных) оценок позволяет создать видимость объективности информации (например, <i>преступный, но легитимный</i>)</p>	

Отношение к ситуации в Крыму	
<p>Незаконный премьер Крыма гражданин РФ Сергей Аксенов заявляет, что в Крыму не будет катастрофы из-за ограничения поставок электричества, а Украина поплатится за это (Украинская правда. 2014. 24 марта).</p> <p>«Что касается действий, если меня туда не пустят, то вчера я несколькими изданиям сказал, что пусть пока это будет секретом и сюрпризом для оккупационной власти. Не будем давать им возможности подготовиться к моему сюрпризу», – отметил Мустафа Джемилев (http://ukranews.com, 22.03.2014).</p> <p>Собственно, Константинов, Аксенов, Чалый визировали с Владимиром Путиным договор о присоединении Крыма и Севастополя к РФ. Все трое – как руководители – нелегитимны (http://lb.ua, 20.03.2014).</p> <p>Впрочем, самопровозглашенную власть полуострова формальности мало интересовали. В понедельник тут поторопились провозгласить независимость, также – подтвердить курс на «вхождение в состав в РФ» (http://lb.ua, 20.03.2014)</p>	<p>Спокойная, твёрдая гражданская позиция крымчан, их достоинство, стремление вернуться на орбиту русского мира привели к всеобщей поддержке референдума и беспрецедентному единению по вопросу о воссоединении с Россией (Литературная газета. 2014. 26 марта).</p> <p>Но получается, что даже захоти крымчанин получить украинский биометрический загранпаспорт, он может быть за Перекопом арестован и осужден на реальный тюремный срок до семи лет. Ситуация странная (Российская газета. 2014. 28 марта).</p> <p>Истерия в канун крымского референдума нарастала, как черноморский вал, а Россия и Крым были удивительно спокойны, потому как мы были правы и вправе (Литературная газета. 2014. 19 марта).</p> <p>Верховный Главнокомандующий отметил «четкие и профессиональные действия» российских военнослужащих, которые «позволили избежать провокаций и не допустить кровопролития, обеспечить условия для мирного и свободного проведения референдума» (Московский комсомолец. 2014. 28 марта)</p>
<p>Комментарий: данная тема является наиболее обсуждаемой в российских и украинских СМИ и, рискнем предположить, наиболее читаемой в силу того, что, в отличие от темы украинского кризиса, по ряду причин (не вдаваясь в социально-политические подробности) она затрагивает интересы совершенно разных представительств аудитории обеих стран: и людей, живущих в Крыму; и граждан Украины; и граждан России.</p> <p>Оценка происходящего украинскими СМИ дается преимущественно с точки зрения законности процесса проведения референдума в Крыму и последующего присоединения полуострова к России. Оценивается в основном новая власть Крыма и отдельные ее представители (<i>незаконный, нелегитимный, оккупационный, самопровозглашенный</i>).</p> <p>В то же время оценка ситуации в Крыму, предлагаемая российскими СМИ, основана главным образом на эмоциональном отношении к его присоединению к России как восстановлению исторической справедливости. Положительно оцениваются и обстановка на полуострове в период проведения референдума (<i>Россия и Крым спокойны, потому как правы; мирное и свободное проведение</i>), и действия российских военных (<i>четкие и профессиональные</i>), и настроения крымчан (<i>спокойная, твердая гражданская позиция</i>). Отрицательной оценке подвергается отношение украинских властей к новому, автономному статусу полуострова (<i>странная ситуация</i>).</p> <p>В результате такой интерпретации происходящего прессой у украинских читателей данная ситуация вызывает негативное восприятие (оккупация Россией Крыма), а у российских – позитивное (исторически справедливое воссоединение России и Крыма)</p>	
Отношение к новой власти на Украине	
<p>Премьер-министр Арсений Яценюк гарантирует проведение честных президентских выборов в Украине (http://lb.ua, 29.03.2014).</p> <p>Четвертое. Выборы. Как никогда раньше, честные, прозрачные – и недорогие. Президентские выборы должны быть проведены в назначенный срок, чтобы легитимность новой власти окончательно признал весь мир и (что еще важнее) вся страна (Украинская правда. 2014. 26 марта).</p> <p>Пресс-служба ведомства сообщает, что Кабмин функционирует в нормальном режиме и готов передать власть новому руководству правительства в соответствии с законодательством... Также правительство уверяет, что ситуация в стране остается управляемой и в рамках легитимного законодательного и нормативного пространства (http://www.utro.ua/, 22.02.2014)</p>	<p>Напротив, в Украине действуют альтернативные структуры, осуществляющие насилие и считающие его легитимным. Речь идет о сосуществовании двух властей в одной стране: одна наводит порядок довольно радикальными мерами, второй поручено делать официальные заявления и договариваться о деньгах (Независимая газета. 2014. 28 марта).</p> <p>Следовало бы разоружить незаконные бандформирования и изгнать из властных структур представителей крайне националистических сил из партии «Свобода», которая даже в соответствии с резолюцией Европарламента 2012 года является партией ксенфобской, антисемитской и расистской. От себя добавлю: еще и неофашистской – и по идеологии, и по символике (Известия. 2014. 26 марта)</p>
<p>Комментарий: в рамках данной проблемы можно говорить об оценке таких ее аспектов, как: 1) законность и легитимность власти, 2) ее компетентность и 3) направление деятельности. В языке оценка правомерности новой власти украинскими СМИ выражена при помощи прилагательного <i>легитимный</i>, а выборы президента Украины оцениваются с помощью прилагательных <i>честный</i> и <i>прозрачный</i>. Таким образом, формируется общая положительная оценка власти, правящей в стране после свержения В. Януковича.</p> <p>В противовес этим оценкам российская пресса делает упор на характеристике отдельных представителей новой власти и их действий. Так, партия «Свобода» названа <i>ксенфобской, антисемитской, расистской, неофашистской</i>, меры по наведению порядка в стране – <i>радикальными</i>, а законопроекты, принятые новой Радой, – <i>незаконными</i>. В результате посредством отрицательно-оценочной лексики рисуется негативный образ незаконно пришедшей власти, состоящей из людей с радикальными политическими установками</p>	

Отношение к социально-политической обстановке на Украине	
<p>Заявления же российской власти, содержащие в себе попытку переложить ответственность за случившееся на власть Украины, поражают безответственностью и цинизмом. То, что конфликт возник уже в конце мирного митинга, говорит о том, что он был спланирован заранее гражданами РФ, которые приезжают в Украину, чтобы дестабилизировать обстановку – отметили в МИД Украины (http://ura-inform.com/ru, 14.03.2014).</p> <p>В ближайшие два дня Украина будет переживать самый критический момент за годы своей независимости в связи со второй фазой спецоперации, которую Россия может провести в это время. Об этом заявил бывший министр обороны и экс-секретарь СНБО Евгений Марчук на пресс-конференции в Украинском кризисном медиацентре, сообщает «УНИАН» (http://lb.ua, 27.03.2014).</p> <p>Ситуация в экономике юго-востока Украины на данный момент является непростой. Об этом сказал председатель Донецкой областной государственной администрации Сергей Тарута в интервью ZN.ua... Тарута отметил, что сегодня из-за протекционизма на российском рынке поставлять в РФ продукцию, изготовленную в области, менее выгодно, чем в дальнейшем зарубежье, разве что за исключением продукции машиностроения (http://lb.ua, 29.03.2014)</p>	<p>Потребовалось пресечь блицкриг западных «миротворцев» по насилованному захвату части традиционной для Крыма и юго-восточной Украины восточно-христианской цивилизации (Литературная газета. 2014. 26 марта).</p> <p>Сегодня мы обращаемся к нашим многочисленным украинским зрителям напрямую. До тех пор, пока скандальный запрет на трансляцию НТВ не отменен, заходите на наш сайт или устанавливайте на смартфоны и планшеты наши бесплатные приложения для iOS Android. Никто не может запретить вам смотреть то, что вы хотите (Российская газета. 2014. 28 марта).</p> <p>Воинствующий абсурд Майдана, когда на политическую авансцену на Украине вышло все низменное, гадко, продолжается (Российская газета. 2014. 02 марта).</p> <p>Вот эту часть Украины, своеобразную Малоукраину, давно пора перестать именовать «братским народом». В ответ получите презрительные ухмылки, пустые глаза и вопли о том, что во всем виновата российская власть. Давно пора перестать приспосабливаться к ним с выгодными планами, льготными кредитами, низкими ценами, возможностями выхода на огромный российский рынок. Не оценят, а только нахамят в ответ (Литературная газета. 2014. 05 марта)</p>
<p>Комментарий: данная проблема разнопланова. С одной стороны, она тесно связана с проблемой новой власти на Украине, так как именно происходящее в стране явилось причиной возникновения этой власти. С другой стороны, данная проблема включает все, что произошло и происходит на территории всей Украины в течение нескольких месяцев (конец 2013 г. – 2014 г.): оппозиционные митинги в Киеве, вооруженные столкновения протестующих с милицией и бойцами ее специального подразделения, митинги в городах Украины, политическое противостояние с Россией и т. д. Поэтому оценки совершаемых событий различны, однако средствами массовой информации каждой из стран создаются противоположно оцениваемые образы.</p> <p>Оценочная лексика, используемая для освещения сложившейся ситуации украинскими журналистами, представлена, к примеру, прилагательными <i>критический, непростой</i>, позволяющими авторам сформировать у аудитории представление о сложной политической и экономической ситуации, на фоне которой разворачиваются события в стране. Данный образ на уровне эмоций призван пробудить у читателей сочувствие и соучастие. При этом действия демонстрантов, борющихся за свои права, названы <i>мирными</i>, что подтверждает оправданность вызываемых чувств.</p> <p>В то же время российская пресса демонстрирует противоположные оценки тех же событий. Происходящее во время митингов именуется <i>воинствующим абсурдом</i>, а реакция украинцев на предложенную Россией помощь в разрешении конфликта, которую один из авторов называет <i>выгодной</i>, представлена как <i>презрительные ухмылки и пустые глаза</i>. Так создается отрицательный образ того, что происходит на Украине</p>	
Отношения Украины и США / Евросоюза	
<p>Вместе с тем Китай заявил, что хотел бы продолжать развивать «дружественное сотрудничество» с Украиной, а также уважает ее независимость, суверенитет и территориальную целостность (http://world.lb.ua, 26.03.2014).</p> <p>Отвечая на вопрос о том, почему Совет Европы поддержал смену власти в Украине, Анна Брассер заявила, что «революция никогда не проходит гладко», «президент Украины бежал», а «в условиях, когда он сам покинул свой пост», «мы имеем право считать происшедший процесс легитимным» (http://www.utro.ua, 28.03.2014)</p>	<p>Не менее грустна и история с перспективой введения безвизового режима с ЕС для украинцев. Этим мифом украинцы живут еще с прошлого века – впервые такая идея прозвучала при президенте Леониде Кучме (Российская газета. 2014. 28 марта).</p> <p>Это может означать одно – в Вашингтоне не верят в будущее кабинета Яценюка и в случае его катастрофического провала готовят ничем не замаранного запасного игрока, способного перехватить знамя евроинтеграции, – Кличко (Российская газета. 2014. 27 февр.).</p> <p>Эквадор считает новое правительство Украины нелегитимным (Аргументы и факты. 2014. 30 марта)</p>
Отношения России и США / Евросоюза	
<p>В Европейском союзе размышляют над более жесткими санкциями в отношении России (http://www.utro.ua/ru, 24.03.2014).</p> <p>В частности, министр иностранных дел Швеции Карл Бильдт заявил, что РФ заслуживает еще более строгих экономических санкций (http://www.utro.ua/, 24.03.2014).</p> <p>Стоит также отметить, что международное рейтинговое агентство Standard & Poor's изменило прогноз суверенного кредитного рейтинга РФ со стабильного на негативный (http://www.utro.ua/, 21.03.2014).</p> <p>Эквадор признает новую власть в Украине лишь после выборов. В то же время страна считает референдум в Крыму нелегитимным (http://lb.ua, 30.03.2014)</p>	<p>МИД РФ назвал контрпродуктивной резолюцию Генассамблеи ООН о непризнании крымского референдума и призвал приложить усилия для стабилизации обстановки на Украине (Российская газета. 2014. 28 марта).</p> <p>Любопытно мнение моего коллеги по Фонду Карнеги Эндрю Вейсса, специализировавшегося по России в администрации Клинтона. Он считает, что действия Путина в отношении Крыма «были логичными, хотя и не совпадали с интересами Запада (еще бы! – М. С.). Он предпочел дестабилизацию Украины ее переходу в сферу влияния Запада. Здесь мы имеем очень прямую линию рациональной стратегии» (Московский комсомолец. 2014. 25 марта)</p>

Комментарий: украинская пресса формирует положительный образ отношений Украины и стран Запада при помощи адъективных оценок *дружественное (сотрудничество), легитимный (процесс)*. Вместе с тем отношения России и западных стран представлены в украинских СМИ исключительно как негативные. При этом авторы подчеркивают, какие отрицательные последствия со стороны Евросоюза и США ожидают Россию после ее вмешательства в государственные дела Украины: *еще более строгие экономические санкции, более жесткие санкции, изменение прогноза суверенного кредитного рейтинга РФ со стабильного на негативный*.

В свою очередь российские журналисты подчеркивают отрицательные последствия взаимодействия Украины с США и Евросоюзом (*в Вашингтоне не верят в будущее кабинета Яценюка и в случае его катастрофического провала готовят ничем не замаранного запасного игрока*). Вводимые странами Запада санкции против России российские СМИ оценивают как *контрпродуктивные*, а действия президента РФ в отношении Крыма – как *логичные*. В итоге негативная оценка с действий российской власти переориентируется на ответные действия западных стран (т. е. не Мы поступили неправильно, а Они неправильно на это реагируют)

Стоит отметить, что в условиях межгосударственной информационной войны несоответствие оценок происходящего наблюдается и среди СМИ внутри одной страны. К примеру, на территории Украины можно отметить информационно-аналитическое издание «Одна Родина», выходящее на русском языке и выражающее отрицательную оценку действий новой власти своей страны, пришедшей в результате государственного переворота, и положительную оценку действий российских властей в отношении русского и русскоговорящего населения Крыма и остальной Украины. Например, в статье «Горе от ума новой украинской власти» Александр Москаль характеризует представителей власти как неспособных отвечать за свои поступки (что следует из содержания слова *невменяемый*), называя их действия *выходками*: *Мало того, после этого европейцы вряд ли согласятся терпеть выходки неонацистов и невменяемых «народных избранников», а их ответом может стать ввод военных контингентов для охраны трубопроводов и свержение путчистов* (<http://odnarodyna.com.ua/node/20053>, 25.03.2014).

В российской прессе (в том числе в сетевых ресурсах) также можно встретить статьи, а чаще – целые издания, оценка происходящего в которых отличается от официальной, предлагаемой федеральными СМИ. Так, статьи Дмитрия Быкова, журналиста Издательского дома «Собеседник» и газеты «Новая газета», содержат не только критику украинской власти, как новой, так и свергнутой, в лице В. Януковича, но и негативные оценки действий российских властей в ходе конфликта на Украине. Например, критика новой власти Украины: *А милиция ничего не может сделать, прячется от майдановцев, поскольку сила – они, и сила эта неоднородна* (Собеседник. 2014. 25 марта). Критика власти России: *Российская власть опирается сейчас на тех, кто нуждается в новом и новом шовинистическом допинге: любая остановка будет выглядеть как отступление. Рейтинг упадет* (Собеседник. 2014. 18 марта).

Анализ текстов СМИ, написанных в период информационного противостояния, свидетельствует о том, что оценочные суждения каждой из сторон (как позитивно-оценочные, так и негативно-оценочные) представляют собой языковые оппозиции: *мирный митинг – воинствующий абсурд; легитимный (законный, легальный) – нелегитимный (незаконный, нелегальный); самопровозглашенные республики – законная власть; родной, братский город – оккупационная власть; незаконный референдум – мирное и спокойное проведение референдума; наша Украина – чужая, другая Украина; дружелюбная, хлебосольная, певучая, смешливая – бандеровский; наша – та; братская – враждебная; майданный (майдановский) – антимайданный; ополченский – сепаратистский, террористический; хунтовский – законный; пророссийский, прокремлевский – проукраинский; пропагандистские СМИ – независимые, честные СМИ* и т. п.

Встречается ряд прилагательных, выражающих одинаковую оценку представителей обеих сторон противостояния, т. е. для характеристики противника журналисты пользуются одними и теми же оценками, например, прилагательное *бандитский* применяется и по отношению к действиям бойцов Нацгвардии Украины, и по отношению к действиям представителей Юго-Востока Украины, с которыми гвардейцы воюют: *Побывавшие в плену у террористов сторонники единой Украины обвиняют местную милицию в пособничестве бандитским группировкам* (<http://fakty.ua/>, 16.05.2014). *В том числе в них «принимают активное участие криминальные структуры. Безнаказанность и вседозволенность ведут к тому, что боевые действия ведутся бандитскими и террористическими методами». И все это, по словам генерала, мы наблюдаем в Украине* (Независимая газета. 2014. 26 мая). Такой обмен одинаковыми оценками говорит о стремлении журналистов дискредитировать оппонента, переориентировав негативную оценку с себя на противника, выставив его в как мож-

но более неприглядном свете. При этом каждая из сторон пытается доказать, что это не она такая, а ее противник.

Среди прилагательных подобного рода можно отметить следующие: *легитимный, законный, легальный* (президент Янукович – новая власть Украины), *нелегитимный, незаконный, нелегальный* (новая власть Украины – президент Янукович); *фашистский* (политика украинских властей – политика российских властей), *террористический, сепаратистский* (действия армии Украины – действия представителей Юго-Востока Украины) и т. п.

Итак, адъективная оценочная лексика служит одним из основных языковых инструментов информационной борьбы. СМИ отбирают и используют ее для оценочной квалификации предметов и явлений, воздействия на сознание массового читателя и последующей манипуляции аудиторией. Умелое использование адъективной оценочной лексики может служить залогом успешного ведения информационной борьбы.

Примечания

1. Добросклонская Т. Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ. URL: <http://www.ffl.msu.ru/research/publications/dobrosklonskaya/dobrosklonskaya-medialingvistika.pdf>
2. Кудрявцева Л. А. Массмедийный политический дискурс Украины: особенности «послемайданного» периода. URL: <http://www.russian.kiev.ua/material.php?id=11604806>, 10.03.2010.
3. Там же.
4. Почепцов Г. Г. Информационные войны. М.: «Рефл-бук»; Киев: «Ваклер», 2000.
5. Ильасова С. В., Амири Л. П. Языковая игра в коммуникативном пространстве СМИ и рекламы. М.: Флинта: Наука, 2009. С. 11; Володина М. Н. Язык СМИ – основное средство воздействия на массовое сознание // Язык средств массовой информации / под ред. М. Н. Володиной. М.: Альма Матер, 2008. С. 17.
6. Клущина Н. И. Стилистика публицистического текста. М.: МедиаМир, 2008.
7. Там же.
8. Добросклонская Т. Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ. URL: <http://www.ffl.msu.ru/research/publications/dobrosklonskaya/dobrosklonskaya-medialingvistika.pdf>
9. Там же.
10. Быкова О. Н. Языковое манипулирование: материалы к энциклопедическому словарю «Культура русской речи» // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения: Вестник Российской риторической ассоциации. Вып. 1 (8). Красноярск, 1999. С. 99.
11. Короченский А. П. «Пятая власть?» Феномен медиакритики в контексте информационного рынка. Ростов н/Д: Изд-во Междунар. ин-та филологии и журналистики, 2002. С. 22.
12. Михальская А. К. Язык российских СМИ как манипулирующая система // Язык средств массовой информации как объект междисциплинарного исследования: тез. докл. Междунар. науч. конф. (Москва, филол. ф-т МГУ им. М. В. Ломоносова, 25–27 октября 2001 г.) / под общ. ред. М. Н. Володиной, М. Л. Ремневой. М., 2001. С. 24.
13. Кудрявцева Л. А. Массмедийный политический дискурс Украины: особенности «послемайданного» периода. URL: <http://www.russian.kiev.ua/material.php?id=11604806>, 10.03.2010.
14. Солганик Г. Я. Введение // Язык СМИ и политика / под ред. Г. Я. Солганика. М.: Изд-во Моск. ун-та; Ф-т журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова, 2012. С. 20–21.
15. Почепцов Г. Г. Информационно-политические технологии. М.: Центр, 2003.

Notes

1. Dobrosklonnaya T.G. *Medialingvistika: sistemnyj podhod k izucheniyu yazyka SMI* [Metalinguistic: a systematic approach to the study of media language]. Available at: <http://www.ffl.msu.ru/research/publications/dobrosklonskaya/dobrosklonskaya-medialingvistika.pdf> (in Russ.)
2. Kudryavtseva L. A. *Massmedijnyj politicheskij diskurs Ukrainy: osobennosti «poslemajdannogo» perioda* [Mass media and political discourse of Ukraine: peculiarities of "after-Maydan" period]. Available at: <http://www.russian.kiev.ua/material.php?id=11604806>, 10.03.2010. (in Russ.)
3. Ibid.
4. Pocheptsov G.G. *Informacionnye vojny* [Information wars]. Moscow. "Refl-buk"; Kyiv. "Wakler". 2000.
5. Ilyasova S. V., Amiri L. P. *Yazykovaya igra v kommunikativnom prostranstve SMI i reklamy* [Language game in the communicative space of the media and advertising]. Moscow. Flinta: Nauka. 2009. P. 11; Volodina M. N. *Yazyk SMI – osnovnoe sredstvo vozdejstviya na massovoe soznanie* [Media language is the main means of influence on mass consciousness] // *Yazyk sredstv massovoj informacii* - Language of mass media / edited by M. N. Volodina. Moscow. Alma Mater. 2008. P. 17.
6. Clushina N. I. *Stilistika publicisticheskogo teksta* [Style of nonfiction text]. Moscow. Mediamir. 2008.
7. Ibid.
8. Dobrosklonnaya T.G. *Medialingvistika: sistemnyj podhod k izucheniyu yazyka SMI* [Metalinguistic: a systematic approach to the study of media language]. Available at: <http://www.ffl.msu.ru/research/publications/dobrosklonskaya/dobrosklonskaya-medialingvistika.pdf> (in Russ.)

9. Ibid.

10. Bykova O. N. *Yazykovo manipulirovanie: materialy k ehnciklopedicheskomu slovaryu «Kul'tura russkoj rechi»* [Linguistic manipulation: materials to encyclopedic dictionary "Culture of Russian speech"] // *Teoreticheskie i prikladnye aspekty rechevogo obshcheniya: Vestnik Rossijskoj ritoricheskoj associacii* - Theoretical and applied aspects of speech communication: Herald of the Russian Rhetorical Association. Vol. 1 (8). Krasnoyarsk. 1999. P. 99.

11. Korochensky A. P. «Pyataya vlast'?» *Fenomen mediakritiki v kontekste informacionnogo rynka* ["Fifth power?" The phenomenon of mediakritic in the context of the information market]. Rostov-na-Donu. International Institute of Philology and Journalism Publ. 2002. P. 22.

12. Mikhalskaya A. K. *Yazyk rossijskih SMI kak manipuliruyushchaya sistema* [Language of the Russian media as manipulating the system] // *Yazyk sredstv massovoj informacii kak ob"ekt mezhdisciplinarnogo issledovaniya: tez. dokl. Mezhdunar. nauch. konf. (Moskva, filol. f-t MGU im. M. V. Lomonosova, 25-27 oktyabrya 2001 g.)* - Language media as an object of interdisciplinary research: thesis of report of Intern. scient. conf. (Moscow, philol. faculty of Moscow State University of M. V. Lomonosov, 25-27 October 2001) / under the general editorship of M.N. Volodina, M. L. Remeneva. Moscow. 2001. P. 24.

13. Kudryavtseva L. A. *Massmedijnyj politicheskij diskurs Ukrainy: osobennosti «poslemajdannogo» perioda* [Mass media and political discourse of Ukraine: peculiarities of "after-Maydan" period]. Available at: <http://www.russian.kiev.ua/material.php?id=11604806>, 10.03.2010. (in Russ.)

14. Solganik G. Y. *Vvedenie* [Introduction] // *Yazyk SMI i politika* - Language of media and politics / ed. by G. Y. Salganik. Moscow. Publ. of Moscow University; Faculty of Journalism of Moscow State University of M. C. Lomonosov. 2012. Pp. 20-21.

15. Pocheptsov G.G. *Informacionno politicheskie tekhnologii* [Information-political technologies]. Moscow. Centre. 2003.

Этнические маркеры вятских северных и южных этноконтактных зон

Этнические маркеры представляют собой различного рода языковые, диалектные, фольклорно-этнографические компоненты традиции, которые репрезентируют принадлежность к тому или иному этносу. Материалы по этническим маркерам присутствуют в различных источниках: публикациях XIX–XXI вв., современных и архивных записях. Проследить некоторые их изменения и факторы, оказывающие влияние на них, – одна из главных задач статей, представленных в данной рубрике.

УДК 393.9(=511.151)

В. А. Поздеев, Е. В. Козлов

Похоронно-поминальный комплекс обрядов в исследованиях XIX – начала XX в. как маркер марийской этнической идентичности*

В статье рассматривается один из этнических маркеров: марийский похоронно-поминальный комплекс обрядов в Уржумском, Малмыжском, Лебяжском районах в публикациях и исследованиях XIX – начала XX в., а также современные записи и восприятие этого комплекса русскими.

The article deals with one of the ethnic markers: Mari funeral and memorial complex rituals in Urzhumskoye, Malmyzhsky, Lebyazhskom areas in publications and research XIX – early XX centuries, as well as modern recording and the perception of this complex Russian.

Ключевые слова: этнические маркеры, марийский похоронно-поминальный обряд, восприятие.

Keywords: ethnic markers, Mari funeral and memorial ceremony, perception.

В современных фольклорно-этнографических исследованиях продолжает разрабатываться проблема «контактных» территорий, в которых происходят особые процессы, связанные с диффузией и распространением всего фольклорно-этнографического комплекса местной традиции и отдельных его образующих (маркеров). Такие процессы происходят во времени с разной степенью интенсивности. Отечественная и зарубежная наука сформулировала концепцию такого явления. Она состоит в том, что в этноконтактных зонах происходит «консервация» этнических маркеров, и связано это со стремлением этносов к сохранению самобытности в иноэтнической среде [1]. Этнос является носителем культурных традиций, которые выработались за долгий период адаптации к природной и социальной среде. В каждом этносе сложились как социальные механизмы поддержания этих традиций, так и способы их передачи новым поколениям. Сохраняются и этнические маркеры, служащие для быстрого обозначения этнических границ.

В конце XX – начале XXI в. происходит своеобразное «перемещение» исследовательского ракурса в рамках этнологического дискурса: от изучения конкретного этноса к изучению конкретных этнических проблем. Такие изменения в направленности исследований, естественно, требуют расширения методологического инструментария. Научные и политические

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 14-04-00077 «Эволюция этнических маркеров вятских северных и южных этноконтактных зон».

дискуссии по поводу феномена этничности и подходов к ее изучению до сих пор актуальны. Все эти аргументы подтверждают обоснованность использования междисциплинарной методологии и полипарадигмального подхода применительно к проблеме этнической идентичности.

Межэтнические отношения, на наш взгляд, это не только отношения между группами, которые чаще всего выражаются в соперничестве или сотрудничестве. Межэтнические отношения (межгрупповые) – это и отношения в контексте противопоставления «свое/чужое». Оно проявляется в представлениях о разных, чаще всего, соседних этносах. Оценки могут иметь «разброс» от позитивных и негативных образов до предрассудков. Обряды, праздники и фольклор являются важными маркерами «своего/чужого». Они отражали не только утилитарные, но и эстетические предпочтения этносов. В системе жанров, в поэтике и содержании произведений народного творчества этнические маркеры играли важнейшую роль. Сопоставление «своего» и «чужого» в различных элементах культуры еще более подчеркивает этническую идентичность. Состояние этих культурных «слоев» неодинаково на территории Кировской области, и именно потому каждый исторически сложившийся район заслуживает отдельного рассмотрения.

В начале XX в. известный этнограф Д. К. Зеленин приводил данные о расселении черемис (марийцев): «В Уржумском и Яранском уездах живет очень много черемис: в первом – свыше 78 тыс., во втором – свыше 56 тыс.; кроме того, их немало (10½ тс.) в Малмыжском уезде и 7½ тс. в Елабужском. Во всей Вятской губернии черемис насчитывается 155 тс. человек; в Казанской – еще более. Это финский народ, но он в глубокой древности заимствовал от своих соседей тюркский язык, которым говорит и теперь. В Вятской губ. живут т. наз. луговые черемисы (в противоположность горным, на правой стороне Волги), которые очень мало подверглись обрусению» [2]. Уржумский, Лебяжский и Малмыжский районы имеют территории, граничащие с Республикой Марий Эл. Это своеобразные этноконтактные зоны, в которых на протяжении нескольких веков совместно проживали русские и марийцы. В Уржумском, Малмыжском, Лебяжском районах Кировской области в настоящее время компактно и дискретно проживают марийцы. Они сохраняют свои особые бытовые и обрядовые традиции. Изучение фольклорно-этнографической культуры мари, проживающих в южных пограничных районах Кировской области, демонстрирует наличие элементов, характерных для духовной культуры Республики Марий Эл.

Прежде всего, отмечается наличие в ней артефактов, характерных для духовной культуры пограничных районов Марий Эл. Нам кажется немаловажным выявление культурной и фольклорной традиции в условиях поли- и моноэтнических/конфессиональных поселений.

История изучения этнографии и воззрений марийцев в Вятской губернии связана с именем С. К. Кузнецова [3], который посвятил несколько исследований культуре марийцев Вятской губернии. В 2009 г. в Йошкар-Оле его работы были собраны и изданы отдельной книгой «Святыни. Культ предков. Древняя история». В свое время С. К. Кузнецов наблюдал быт, изучал воззрения марийцев, записывал фольклор. Однако, как и многие исследователи того времени, он подмечал в культуре марийцев некоторые «отрицательные» стороны. В «Очерках быта черемис» он писал: «Мы наблюдали их в Малмыжском уезде Вятской губернии, юго-восточную часть которого они занимают: только этих черемис мы и намерены описывать. В настоящее время почти все эти черемисы крещены; незначительный контингент язычников находится лишь в деревне Сатнур, верстах в 25 ниже города Малмыжа по реке Вятке. Но крещение мало изменило черемисина...» [4]

Изменения в быту и воззрениях марийцев происходили под воздействием русских, как это отмечает С. К. Кузнецов, однако, «живя среди русских, черемисин всматривается и заимствует то, что ему по плечу, что его больше привлекает; всё остальное для него чуждо» [5].

Погребальный обряд, представления марийцев о загробной жизни являются также особыми маркерами их идентичности. С. К. Кузнецов отмечал, что в представлениях марийцев нет стройной, разработанной системы «загробного мира». Однако «первая половина загробного мира, – отмечает С. К. Кузнецов, – называется *волгыды вер*, “светлое место”, вторая – *пичкымышвер*, “тёмное место”. Слово *тамук* – (ад) есть заимствованное у татар понятие, с более широким значением “загробного мира”» [6]. Довольно развито моление о здоровье, об излечении больных: «ко времени приглашения заклинателя больной становится обыкновенно крайне плох, и вскоре за этим для крещёного больного приглашается свя-

щенник» [7]. У марийцев, как и у русских, соблюдался обычай приглашать родственников к умирающему, который давал наказы всем, прощал обиды, распределял «обязанности» – это было своеобразное устное завещание. Однако у марийцев сохранилась традиция, которая отмечается и до сих пор: умирающий завещает свою одежду кому-либо. *«Колоткашкемыйденэм у кўпчыком, у ужгампыштыза... Вургемэм Йыван чиже, Опонас да Кргоримушкышт... В колоду (гроб) со мной новую подушку, новую шубу положите... Одежду мою пусть Иван надевает (на поминках), а Афанасий да Григорий пусть обмывают»* [8]. Еще одной особенностью марийского воззрения на умирающего является то, что его тело после смерти становится чем-то страшным и нечистым. Из-под умирающего убирают перину, стелют солому, около ложа ставят чашку с водой. Иногда родственники уходят из дома и не ночуют из-за страха.

С. К. Кузнецов довольно подробно описал, как строят гроб: «...теперь уже в одних лесистых местностях делают колоды из цельного соснового, реже дубового обрубка, или, для лёгкости, из дуплистого дерева, преимущественно из липы; а по другим местам – всюду досчатые гроба, связывая доски лыками. Только в глухих уголках сохранился чисто черемисский способ погребения – без гроба или колоды, между четырёх досок, из которых две короткие ставятся стойками в головах и ногах, а две длинные – ребром по бокам могилы; или ещё проще: две доски по бокам, одна сверху. С правой стороны в одной из этих досок прорубается окошечко, чрез которое покойник мог бы иметь сообщение со здешним миром» [9]. С. К. Кузнецов в раскопках древних черемисских захоронений обнаружил могилы с каменными плитами по бокам, «труп прикрывался берестом» [10].

Обмывают покойника с большими предосторожностями «при помощи веника, иногда даже насаженного на палку, чтобы меньше приходилось касаться руками трупа» [11]. Лицо покойника накрывают белым холстом, который приносят соседки. В головах ставят на полено или край гроба свечи. «Красноуфимские черемисы ставят в головах покойника решето с ячменем» [12].

Покойника одевают в любимые одежды, в старину надевали шапку (картуз) и рукавицы. Подушку для гроба набивали листьями из веников или стружкой от гроба. Современные информанты довольно часто упоминают, что в гроб на дно кладут березовые листья или ветки, а после кладут вату и стелют простыню, иногда войлок. Такой обычай отмечается как у русских, так и у марийцев. На вопрос о том, как поступают зимой, был ответ, что кладут березовые веники. Иногда бросали на дорогу березовые (сосновые) веточки вслед за похоронной процессией (за гробом). Ещё современные информанты отмечают, что гроб кропят кровью курицы [13].

В гроб с покойным кладут «необходимые» вещи: нож, топор, лапоть с кочедыком, трубку и кисет табака, огниво и кремь, липовую палку или пук прутьев рябины, полуштоф курьих, деньги. Для женщин кладут принадлежности для шитья. Особый обычай отмечал С. К. Кузнецов, когда уши, нос затыкают шёлком, а глаза закрывают, «чтобы при допросе, которому подвернется черемисин на том свете, можно было сослаться на глухоту» [14].

Д. К. Зеленин также отмечал, что «заслуживает внимания отношение черемис к покойникам. Оно резко отличается от обычного и столь понятного нам отношения. Черемисин не чувствует любви хотя бы и к очень близкому прежде человеку – покойнику; напротив, он питает к нему отвращение и страх. Мертвеца поскорее стараются убрать из дома, поскорее похоронить. Обмывают его на дворе, причем сами после этого моются в бане и моют свое платье. Лубок и солому, на которых лежал мертвец, стружки от гроба, веник, которым его обмывали, – все это бросают куда-нибудь в “дикое” (сорное) место. – Покойник, по понятию черемис, нечистый, так как он теряет дух Юмы (Бога) и поступает в полное обладание злого Кереметя, с которым теперь заодно и действует. Чтобы покойник не явился за чем-нибудь нужным для него на землю, в гроб ему кладут все то, что он употреблял при жизни» [15]. Подобная же информация о марийцах публикуется в «Живописной России»: «Нет у черемиса особенной любви к своим покойникам, и вместо этого чувства он питает к ним скорее какое-то отвращение и страх, стараясь всячески поскорее убрать их из дому, а не то вдруг покойник-то окажется кадышем, что не раз случалось по приметам старых и умных людей. Покойник, умирая, становится нечистым, так как теряет дух Юмы и поступает в полное обладание Керемети; понятно, следовательно, что если обмывание, за неимением русских или татар, должно быть проведено самими черемисами, то они не только делают это с особенным

отвращением, но даже моются после этого сами, вымывают свое платье, а ежедневное носильное платье покойника или дарят, или выбрасывают, или сжигают; даже крещеные черемисы с нетерпением ожидают дня похорон, выставляя покойника куда-нибудь подальше, в амбарушку, а то просто под навес. Понятно, что все это делается из боязни, что покойник непременно должен попасть в руки кадышей и Керемети, и затем уже действовать с ними заодно» [16].

Современные информанты отмечали, что, следуя традиции, в гроб кладут мешочек с ногтями, остриженными при жизни. Какого-либо объяснения информанты не давали, но С. К. Кузнецов приводит такое объяснение: «...они нужны будут, когда на том свете придётся взбираться на крутые горы и в кровь исцарапать свои ногти от чрезмерных усилий» [17].

«Черемисы твердо убеждены в том, что каждый покойник должен пройти по канату, чтобы достичь царства лучшей жизни, и что дурной человек всене непременно свалится с каната в кипящую смолу, тогда как хороший достигнет цели и будет жить в довольстве и счастье» [18]. В погребальном обряде марийцев существует несколько символических действий с шелковой ниткой, которая символизирует канат, по которому должен пройти покойник. Её кладут или пришивают рядом с покойным.

Особая функция имеется и у детей покойного: «...ребятишки, хватаясь руками в избе за гроб (в Уржумском и Малмыжском уездах) или подергивая покойника за подол платья, перед самым выездом из ворот (в Яранском и Царевококшайском уездах), говорят *«Ачи! Шке дэнэт пырля пиялэтом налын ит кай: меланна пиялэтом кодо!»* (Отец! С собой взявши твоё счастье, не уходи: нам твоё счастье оставь!)» [19].

У марийцев возникает страх перед могилой, страх перед владыками загробного мира Тамук-вуй, Киамат-тõра и Киамат-савуш. В честь их зажигают три свечи, которые опускают на дно северной части могилы. Марийцы очень боятся осквернить себя прикосновением с гробом, с могилой, телом покойного. Чтобы оградить себя, «гроб снимается с экипажа не руками, а таким способом: вокруг верхнего и нижнего концов гроба захлестывается по петле из лычных верёвок; такие же петли делаются на свободных концах верёвок, на аршинной примерно высоте от крышки гроба. В верхние петли продевают длинный шест. Упершись в шест плечами, поднимают гроб с экипажа и подносят к могиле, в которую носильщики стараются не смотреть. Вынув ножи, постоянно висевшие у пояса, они как можно скорее стремятся перерезать верёвку одновременно. Обрезанный гроб грузно ударяется в дно могилы, иногда сначала одним, потом другим концом; может случиться и так, что гроб перевернётся вверх дном» [20]. Как только могилу засыпают тонким слоем земли, начинаются поминки. На могилу бросают блины, мясо, льют кумышку. Лопаты, которыми зарывали могилу, оставляют около могилы. «Платье, в котором умер черемисин, в старину вешалось над могилой, а теперь, – отмечает С. К. Кузнецов, – бросается в овраг вместе с постелью» [21]. На современных марийских кладбищах можно видеть остатки одежды умершего. Однако чаще всего на крест повязывается шарф (у мужчин) и платок (у женщин). Это отголоски старинной традиции оставлять платье умершего на могиле.

После погребения топится баня, в которой моются погребавшие, чтобы отмыться от оскверняющего прикосновения к мертвецу, также они меняли одежду. Современные информанты также отмечают, что «они (марийцы) с кладбища приходят, топят баню, всю ночь поют песни. Прямо в поле возле вырытой могилы, горят кругом свечи-свечи».

Поминальный обряд марийцев отличается от русского. Так, информанты из с. Буйское Уржумского района отмечали, что «марийцы ходят из дома в дом неделю. И в любой праздник так ходят». Они сопоставляют свои традиции с «чужими», марийскими: «на похоронах у марийцев всегда накрыт стол, там стоит закуска и вино, и каждый, кто приходит, приносит полотенце. В сороковой день наряжают в одежду покойника кого-то из близких или знакомых» [22].

После посещения кладбища каким-то родственником (современные информанты говорят о том, что родственник надевает одежду покойного) родственники и гости идут в баню. С. К. Кузнецов отмечает, что существовал обычай «представления» покойника на поминках: «...в бане обыкновенно изображает покойника простая липовая палка, приготовленная заранее <...> в бане парят веником эту липовую палку <...> сам хозяин, что есть мочи, ударял веником по липовой палке, и сам же визжал и кряхтел, в знак испытываемого душой покойника удовольствия» [23].

На поминки у мариЙцев собирается и приносит своё угощение большинство жителей деревни вне зависимости от родственной связи с умершим. Присутствие на поминках подчёркивает не столько близость к умершему, сколько единство рода.

«Обычай поминок по умершему, однако, у черемис существует, – указывал Д. К. Зеленин. – Особенно интересны обряды в сороковой день по смерти. Вечером один из родственников умершего едет на могилу и приглашает покойника отпраздновать последний праздник: “Твой 40-вой день пришел, поедем пировать”. Возвратись домой, этот посланец сам начинает играть роль покойника, по которому совершаются поминки: надевает одежду этого последнего и т. п.; его и зовут уже другим именем – тем, которое носил покойник. Так пируют до утра. Один мнимо умерший имеет в это время право плясать. Рано утром готовят и едят обед, а затем “провожают умершего” – едут по направлению к кладбищу прокатиться. – Были случаи, что играющий роль покойника от обильных влияний Бахусу становился к утру действительным покойником» [24].

В «Живописной России» приводится следующее описание: «Поминки по усопшим справляются обыкновенно в 3-й, 7-й и 40-й день, в четверг на страстной неделе и в Семик. Прежде всего выбирают жертвенных животных, по большей части из мелкого скота, едва придут на место карты, как им вручают молёный скот. Карты раскладывают на дворе огонь, подвешивают котлы, убивают животных и начинают варить мясо сами, не пользуясь ни чьими посторонними услугами; тут же варят они и мед. Тем временем начинают сходитьсь родня и знакомые, приготавливают в избе стол с пивом, медом и вином, зажигают свечи, которые прилепляются к дверям, к окнам, к воткнутой под матицею палке, или же, наконец, нарочно для этого случая протянутой из конца в конец веревке; при свечах этих приставлен мальчик, обязанный смотреть за нагоревшею светильнею. Раздаются свечи и на руки; самые большие свечи предназначаются отцу и матери; жене, мужу, брату и сестре – поменьше, а детям и дальним родственникам – самые маленькие. Когда карты окончат стряпню, то приносят все в избу, тут и карты и все присутствующие отщипывают по кусочку мяса, с молитвою за упокоевание покойника, и складывают эти кусочки в особую чашку, стоящую у самых дверей; то же проделывают и с медом. По окончании этого обряда начинается угощение, причем в особенности налегают на хмельное. Спустя некоторое время карт снимает с вешалки платье покойного и, надев кафтан, а женское платье перекинув на руку, начинает плясать с зажженной свечей в руке; родные подражают карту, кто как может, и гам идет невообразимый. Потом карт берет чашу с “Юма-лашка” и божьими кусочками, выходит на двор и выбрасывает собакам, которые посвящены “Бен-хан Юме”, или богу земли и смерти; если собаки при этом перегрызутся, то плохо придется на том свете покойнику, а если мирно и тихо съедят жертву, то покойнику будет хорошо» [25].

В приложении к «Вятским губернским ведомостям» К. Степанов в заметке «Черемисский праздник «Кугеча» писал: «У черемис существует праздник «Кугеча» (поминование усопших); начинается он с четверга страстной седмицы и продолжается до Пасхи», «праздник “Кугечи” черемисы справляли почти на прежних же основаниях, с тою лишь разницей, что при посещении кабака черемисы старались как бы укрыться от кого-то...» [26]. Как замечают этнологи, маркер может не иметь никакой «культурной ценности», он всего лишь позволяет быстро и просто различить «своих» и «чужих».

В статье В. Тимофеева рассказывается о празднике «агабарем», который, по замечанию автора, устраивается обязательно осенью в понедельник. К 8 часам все собирается в лес, который называется «Кереметищем». Старик читает молитвы. Женщины расставляют кушанья, а мужчины – пиво. Зажигают свечи. Читают молитвы каждый перед своим бураком пива и ведром хлеба, после подходят к костру, плещут пиво и бросают блины и пироги. «Костер должен быть один, на нем ничего не варят и кровавых жертв не приносят. Садятся все по порядку – мужчины в одну сторону, женщины – в другую – и, начиная с первого, сидящего с краю, начинают пробовать пиво и блины» [27]. Выходят из лесу по одному, друг за другом. После в деревне ходят по домам, в каждой избе молятся. В молитвах просят о здоровье, о прибыли, об урожае хлеба. Хозяева угощают пришедших. «Молодежь собирается в ограде или в “тошкеме”, где катает куриные яйца. На эту забаву тратят несколько сот яиц» [28]. «Точно так же празднуют Пасху, но тогда же в лес не ходят... Кроме того, еще до Пасхи у них есть праздник, называемый родительское воспоминание, совершаемый в самый великий четверг. В великий четверг собираются одни родственники. Принесут в избу полено, поло-

жат его на ланку (подставку), а на полено наставят свечи по количеству умерших родственников. Затем садятся на колени перед поленом и начнут всех поминать, вот, говорят, тебе свечка, ты ходи на том свете с этой свечкой, т. е. в светлом месте, ничего не изъянь (не порти) нас. Потом берут блины, разламывают на ломтики бросают в посудину, приготовленную специально для этого. Каждый, кто бросает блин, говорит: “вот тебе блин – ешь” – и бросает блин в посудину, потом берет рюмку, нальет водки и скажет: “вот – пей водку” и брызнет из неё туда же, а остатки выпьет; так поступают по отношению к каждому покойнику. По окончании обряда берут посудину, полено, пиво и водку и отправляются в “тошкем”, или в огород, где все это выкладывают и поминуют, прощаются с покойными и возвращаются обратно. Вечером ходят друг к другу и пьянствуют» [29].

Похоронно-поминальная обрядность марийцев, как и других народов, насыщена символикой, запретами, утилитарными чертами. Обрядовые действия, символические атрибуты имеют разную степень значимости и поэтому в народной традиции по-разному сохраняются. На наш взгляд, важно то, что марийский похоронно-поминальный комплекс является своеобразным маркером, и исследования его в XIX – начале XX в. показывают эволюцию в рамках традиции этих маркеров.

Примечания

1. См.: Поздеев В. А. Фольклор как маркер в Вятских этнокультурных зонах // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2014. № 5. С. 101–106.

2. Зеленин Д. К. Кама и Вятка. Путеводитель и этнографическое описание Прикамского края // Зеленин Д. К. Избранные труды / сост. и науч. ред. В. А. Поздеев. Киров: О-Краткое, 2013. С. 181.

3. Степан (Стефан) Кирович КУЗНЕЦОВ (1854–1913) – этнограф, археолог, исследователь быта удмуртского и марийского народов. Родился в слободе Ильинской Малмыжского уезда Вятской губернии. После окончания Казанского университета в должности приват-доцента древних языков начал преподавательскую и научную деятельность. С 1876 г. – член Русского Географического общества, в 1885–1902 гг. – библиотекарь Томского университета. В 1903 г. вышел в отставку и поселился в Москве. С 1907 г. – профессор Московского археологического института, где читал историческую географию, библиотековедение, метрологию и музееведение. Совершал экспедиции к удмуртам и мари Вятского края, изучал их быт и культуру, опубликовал ряд работ по истории, археологии и этнографии финно-угорских народов в центральных и вятских изданиях. В 1896 г. как эксперт помогал В. Г. Короленко в защите вотяков по «Мултанскому делу». Его работы и этнографические коллекции стали базой для исследователей южной Вятки. Был членом Вятской учёной архивной комиссии. Умер в Малмыже.

4. Кузнецов С. К. Святыни. Культ предков. Древняя история: [сб. избр. тр.] / сост. Л. Шемйэр. Йошкар-Ола, 2009. С. 17.

5. Там же. С. 18.

6. Там же. С. 78.

7. Там же. С. 95.

8. Там же. С. 96–97.

9. Там же. С. 98–99.

10. Там же. С. 99.

11. Там же. С. 100.

12. Там же.

13. Записано 2 июля 2014 г. в с. Буйском. От участников ансамбля «ВСТРЕЧА». Валентина Алексеевна Кочугурова, Тамара Александровна Ветлужских, Людмила Николаевна Ополева (80 лет), Зоя Алексеевна Пуртова, Анастасия Михайловна Архипова, Мария Ивановна Ефремова.

14. Кузнецов С. К. Указ. соч. С. 103.

15. Зеленин Д. К. Указ. соч. С. 183.

16. Иногородцы Среднего Поволжья // Живописная Россия. Т. 8. Среднее Поволжье и Приуральский край. Ч. 1. Среднее Поволжье. СПб.; М., 1901. С. 100.

17. Кузнецов С. К. Указ. соч. С. 103.

18. Иногородцы Среднего Поволжья. С. 100–101.

19. Кузнецов С. К. Указ. соч. С. 105.

20. Там же. С. 109.

21. Там же. С. 104.

22. Записано 2 июля 2014 г. в с. Буйском. От участников ансамбля «ВСТРЕЧА». Кочугурова Валентина Алексеевна, Тамара Александровна Ветлужских, Людмила Николаевна Ополева (80 лет), Зоя Алексеевна Пуртова, Анастасия Михайловна Архипова, Мария Ивановна Ефремова.

23. Кузнецов С. К. Указ. соч. С. 116.

24. Зеленин Д. К. Указ. соч. С. 183.
25. Инородцы Среднего Поволжья. С. 102.
26. Степанов К. Черемисский праздник «Кугеча» // Вятские губернские ведомости, прилож. 1901. № 72. С. 3.
27. Тимофеев В. Черемисский праздник «агабарем» // Вятские губернские ведомости, прилож. 1903. № 123. С. 3-4.
28. Там же. С. 3.
29. Там же. С. 4.

Notes

1. See: Pozdeev V.A. *Fol'klor kak marker v Vyatskih ehtnokul'turnyh zonah* [Folklore as a marker in Vyatka ethno-cultural areas] // *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta* - Herald of the Vyatka State University of Humanities. 2014, No. 5, pp. 101-106.
2. Zelenin D. K. *Kama i Vyatka. Putevoditel' i ehtnograficheskoe opisanie Prikamskogo kraya* [Kama and Vyatka. Guide and ethnographic description of the Kama region] // Zelenin D. K. *Izbrannye trudy* - Selected proc. / comp. and scientific ed. V. A. Pozdeev. Kirov. O-Kratkoe. 2013. P. 181.
3. Stepan (Stefan) Kirovich KUZNETSOV (1854-1913) - ethnographer, archaeologist, explorer of life of Udmurt and Mari peoples. Was born in the Ilyinskaya village of Malmyzh uyezd, Vyatka province. After the graduation from the Kazan University as Privat-docent of ancient languages he began teaching and scientific activity. Since 1876 he was a member of the Russian Geographical society, 1885-1902 - librarian of the Tomsk University. In 1903 he retired and settled in Moscow. From 1907 he was a Professor of the Moscow archaeological Institute, where he taught historical geography, library science, metrology and museology. He made the expeditions to the Udmurt and the Mari of Vyatka region, studied their way of life and culture, published a number of works on history, archeology and ethnography of the Finno-Ugric peoples in central and Vyatka publications. In 1896 he as an expert helped V.G. Korolenko with protection of the Votyaks in "Multan case". His work and ethnographic collections became the basis for explorers of the South Vyatka. He was a member of Vyatka scientific archival Commission. Died in Malmyzh.
4. Kuznetsov S. K. *Svyatyni. Kul't predkov. Drevnyaya istoriya: [sb. izbr. tr.]* [Shrines. The cult of ancestors. Ancient history: [col. sci. proc.]] / comp. L. Shemier. Yoshkar Ola. 2009. P. 17.
5. Ibid. P. 18.
6. Ibid. P. 78.
7. Ibid. P. 95.
8. Ibid. Pp. 96-97.
9. Ibid. Pp. 98-99.
10. Ibid. P. 99.
11. Ibid. P. 100.
12. Ibid.
13. Recorded on July 2, 2014 in contry Bui. From the ensemble members "Vstrecha". Valentina Alekseevna Kochugurova, Tamara Aleksandrovna Vetluzhskikh, Lyudmila Opolewa (80 years), Zoya Alexeevna Purtova, Anastasia Mikhailovna Arkhipova, Maria Ivanovna Efremova.
14. Kuznetsov S. K. Op. cit. P. 103.
15. Zelenin D. K. Op. cit. P. 183.
16. *Inorodcy Srednego Povolzh'ya* - The Natives of The Middle Volga region // *ZHivopisnaya Rossiya* - Scenic Russia. Vol. 8. Middle Volga and Ural region. Pt. 1. The Middle Volga region. SPb; Moscow. 1901. P. 100.
17. Kuznetsov S. K. Op. cit. P. 103.
18. The Natives of The Middle Volga region. Pp. 100-101.
19. Kuznetsov S. K. Op. cit. P. 105.
20. Ibid. P. 109.
21. Ibid. P. 104.
22. Recorded on July 2, 2014 in contry Bui. From the ensemble members "Vstrecha". Valentina Alekseevna Kochugurova, Tamara Aleksandrovna Vetluzhskikh, Lyudmila Opolewa (80 years), Zoya Alexeevna Purtova, Anastasia Mikhailovna Arkhipova, Maria Ivanovna Efremova.
23. Kuznetsov S. K. Op. cit. P. 116.
24. Zelenin D. K. Op. cit. P. 183.
25. The Natives of The Middle Volga region. P. 102.
26. Stepanov K. *CHeremisskij prazdnik «Kugecha»* [Cheremis holiday "Cuchega"] // *Vyatskie gubernskie vedomosti* - Vyatka province news, appendix. 1901, No. 72, p. 3.
27. Timofeev V. *CHeremisskij prazdnik «agabarem»* [Cheremis holiday "agabarem"] // *Vyatskie gubernskie vedomosti* - Vyatka province news, appendix. 1903, No. 123, pp. 3-4.
28. Ibid. P. 3.
29. Ibid. P. 4.

**«Путешествие в мир иной...»
(эволюция этнических маркеров
в свадебных обрядах русских и марийцев Волго-Вятского региона.
Конец XVIII – первая треть XX в.)***

В традиционной картине мира значимыми компонентами являются стереотипизированные представления, закрепленные в обрядовых практиках. В зависимости от функций, выполняемых ими в том или ином обряде, они могут быть этнически маркированными. В статье рассматривается эволюция такого рода маркеров в свадебном обряде русских и марийцев Волго-Вятского региона. Автор сопоставляет обрядовые акции и тексты пре- и постлиминарного периодов свадебного ритуала данных этносов, отмеченные в этнографических описаниях конца XVIII – первой трети XX в. и в ходе фольклорно-этнографических экспедиций Марийского госуниверситета второй половины XX в., и выявляет ряд общих традиционных действий и формул.

The stereotyped ideas assigned to ritual practices are significant components of the traditional world image. Depending on their function in this or that rite, these ideas can have an ethnic complexion. In the article the evolution of the markers of this kind in the wedding rites of Russians and the Mari people in Volga-Vyatka Region is considered. The author compares the ritual actions and texts of pre- and post-interim periods of the wedding rite of the given ethnic groups. These actions and rites were collected and described in the ethnographic accounts from the end of the 18th century to a third of the 20th century and also during the folklore and ethnographic expeditions of MariStateUniversity in the latter half of the 20th century. Further the author discovers a number of common traditional actions and formulas.

Ключевые слова: Волго-Вятский регион, русские, марийцы, этнография, фольклор, свадебный обряд, невеста, лиминальность, эволюция.

Keywords: Volga-Vyatka Region, Russians, Maris, ethnography, folklore, wedding rite, bride, interim status, evolution.

В традиционной культуре русских и марийцев выработан ряд этнически маркированных стереотипов поведения невесты и соотнесенных с нею непосредственных участников и гостей свадебного ритуала. В настоящей статье осуществлена попытка показать, какие из них оказались востребованными на протяжении продуктивного периода бытования обряда (конец XVIII – первая треть XX в.), какие испытали наиболее ощутимые трансформации, а также объяснить подобного рода феномены. В статье использованы этнографические описания свадебных обрядов русских и марийцев, опубликованные в различных источниках [1], материалы фольклорных экспедиций преподавателей и сотрудников Марийского госуниверситета в разные районы РМЭ и Вятского края (1983–2013) [2]. При этом важно отметить, что автору данной статьи удалось встретиться с выдающимися знатоками свадебных обрядов русских и марийцев, в частности с А. К. Ермичевой, Е. С. Меркурьевой, И. В. Ракушиным (И. В. Ракушин, например, был дружкой на пятидесяти свадьбах и в совершенстве владел репертуаром и исполнительской манерой данного свадебного персонажа); приведенные ими свидетельства и тексты относятся ко времени молодости исполнителей (20–30-е гг. XX в.), этот период, по нашим наблюдениям, и маркирует окончание продуктивного периода бытования свадебной традиции в регионе.

В мировой и отечественной фольклористике свадьба рассматривается как один из вариантов модели «ritedepassage»: временная смерть и возрождение в новом качестве. Объек-

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта №14-04-00077 «Эволюция этнических маркеров вятских северных и южных этноконтактных зон»

том такого перехода по преимуществу является девушка-невеста. Соответственно организация материала в статье является репрезентацией данного подхода.

Так, статус «временной смерти» невесты и в русском, и в марийском свадебном обряде (предсвадебный цикл) маркирован, во-первых, темными (траурными) одеждами; во-вторых, закрыванием лица; в-третьих, изоляцией невесты от других членов коллектива.

Первый из маркеров особенно интенсивно заявляет о себе в русской обрядности. По материалам Кировской области и Республики Марий Эл, на невесте – темное (черное или синее платье) платье, «сидит, как пугало» [3]. В причетах невесты встречается и символическое изображение брака как смерти: «Мое сердце не воротится, // Сердце кровью заливаётся, // Печеницей запекается...» [4] В ряде вариантов отмечено и крайнее выражение подобного рода эмоций невестой: «Я не чаю живой быть» [5].

Общим для обоих этносов является представление о невесте как лиминальном (обладающем амбивалентными свойствами) персонаже. С одной стороны, «голова невесты покрывалась, и это было необходимым предохранительным средством от вредоносной силы, исходящей от лиминального существа, с другой стороны, – это был оберег самой невесты от внешних враждебных сил» [6]. В ряде районов РМЭ «невесту завешивали коноваткой на весь период предсвадебного цикла» [7]. При этом предписания в отношении использования коноватки были достаточно строги. Сговоренка не имела права открывать лицо перед чужими (не родственниками) людьми. Некоторые женщины вспоминали и о коноватках, которые полностью закрывали лицо. Только в церкви с головы невесты снимали платок [8]. Переходный характер данного цикла подчеркивался еще и тем, что в ряде уездов Вятской губернии под шаль на плечи невесты надевалась белая, небольшая скатерка, называемая подвенечной, ею закрывали впоследствии детей, когда них «накатывался родимчик» [9]. Так и у горных марийцев: «У невесты лицо всегда бывает закрыто платком, пока она не вступит в дом жениха» [10]. Г. Яковлев упоминает и об особом обрядовом блюде марийцев – «лапше открывания лица»: «...до подачи его на стол невеста находится под покрывалом, в момент подачи – в первый раз открывает лицо» [11].

Соблюдался (отмечен и в современных записях) обряд временного удаления невесты, вплоть до полной ее изоляции от окружающего мира. Выразительные формы его находим прежде всего у марийцев. По приезду свадебного поезда, например, жених не заходил в дом (где в течение длительного времени находилась невеста), а оставался во дворе. Там, «возле анбарушки» и накрывался для него и поезжан «пребольшой стол, напротив оглушала слух свадебная музыка» [12]. У горных марийцев «для принятия свадебного поезда ставился среди двора стол, окруженный с четырех сторон лавками из половых досок; это место называлось «шилык»... гостей никогда не принимают в избу; даже зимой – в «шилык» [13]. Но особенно замечательное свидетельство находим у Г. Ф. Миллера: «На дворе у жениха раскидывается шатер, в который невеста приводится двумя женщинами, одна из них с невестиной, другая – с жениховой стороны, ...при входе на женихов двор ее принимают, ... шатер кругом накрепко запирается, а сват кругом ходит и смотрит, чтобы к шалашу никто не приближался...» [14]. Данное описание – прямая параллель к так называемым женским инициациям (девушки помещались во временных жилищах, обряд инициации осуществляли старшие в роде женщины).

Несколько ослаблена эта форма у русских, выражается преимущественно в том, что невеста в течение всего предсвадебного цикла находится на *середу* (кухне), реже в чулане. Иногда *середь* «приготавливалась специально: вверху кругом устраивали поллицы, а внизу – лавки» [15]. Чаще она просто отгораживалась занавеской. В РМЭ в момент вывода невесты к жениху свахой звучали следующие слова: «Сваха на середь идет, // Сваха за руку берет...» [16]

Обряды, связанные с изоляцией невесты, распространялись и на чету молодоженов в целом: так, обедали они за отдельным столом, или же маркировалось их положение за общим столом. У марийцев «молодым накрывался особый стол, и скамейка обыкновенно ставилась так, чтобы молодые сидели лицом к печи, а к остальным пирующим спиной...» [17]. У русских «молодые в доме невесты не едят и не пьют, даже ложки кладут черенками от них...» [18]; «Молодые ели из одной тарелки, пили из одной рюмки» [19].

С обрядовыми комплексами изоляции молодых (как более поздняя их стадия) связаны и разные формы скрывания (подмены) невесты. У марийцев они имели место, начиная со сватовства: «... девка так запрячется, что ее не отыщут» [20], через обряды утра свадебного дня: «...подавая ковшик перед каждым (участником свадебного поезда. – Т. З.) отворачива-

лась и закрывала глаза» [21], – к обрядам, связанным с отъездом к дому жениха. В частности, на брата невесты надевали шапку и синий, домашней работы кафтан: «...Он, надев его, начал плясать. Снял, отдал девкам, которые тотчас нарядили невесту...» [22] или: «...в особой избе наряжают молодого парня в невестино платье, при этом со стороны жениха находятся мужчина и женщина, которых называют «пюряш мари» и «пюряш вата». Из приехавших на свадьбу больше не пускают никого, если кто заходит случайно, у того отнимают шапку и заставляют платить деньги за то, что вошел... вошедшего называют... «первая невеста» [23].

У русских комплексы скрывания (подмены) невесты приняли форму игры. На территории РМЭ «на место рядом с невестой обычно претендовал кто-либо из парней. Брат невесты прогонял парня, говорил, что это место жениха, требовал с него выкуп» [24]. Встречались и прямые формы: «...в момент вывода к столу невеста пряталась, жених искал ее» [25]; «увидев в окно, что жених приехал, невеста убирается (прячется. – Т. З.) за занавеску» [26].

Изоляция молодых как скрывание (подмена) нашла свое выражение и в вербальном коде свадебного обряда. У русских – преимущественно в иносказательных формулах сватовства (невесту называли телочкой, ярушкой, курочкой, голубицей, обобщенно – товаром; жениха – барашком, петушком, соколом, обобщенно – купцом), а также лирических свадебных песен и причетов (невеста – перепелка, утка, галочка, лебедушка, куница; жених – сокол, голубчик, соболю). У марийцев – в форме диалога хозяина (отца невесты) и сабуса.

Хозяин спрашивает:

– Хорошо ли приехали? Не случилось ли с вами какого-либо несчастья на дороге? Лошади ваши, одежда ваша, все ли цело? Шапки и рукавицы ваши не потеряли ли на дороге? Все ли ваши вещи целы?

Сабус отвечает:

– Ничего не потеряно, все цело; только у того-то (имя жениха) рукавицы не парны, одна потеряна, а потому столькими людьми приехали мы разыскать его пропавшую рукавицу; нет ли ее у вас? [27]

Предсвадебный цикл завершался особым обрядом «прощания». В русской традиции невеста прощается с родителями (Дайте мне да путь-дороженьку // К кормильцу моему тятеньке, // К родной моей мамоньке...»), братьями и сестрами («Как покучусь я тебе, любимый братец...»), с каждым уголком родительского дома («Спасибо, тебе, баненка, за тепло твое, за добро твое...» [28]. Причеты сопровождалась обязательными слезами, «вытьём невесты» [29]. Отдельные моменты этого обрядового комплекса зафиксированы и у марийцев. Так, в «Описании...» Г. Миллера отмечено: «...отец и мать и ближние сродники при том плачут весьма жалостно» [30]. В «Записках...» А. Фукс читаем: «...невеста... морщилась, чтобы не заплакать» [31]. Интересно, что формула прощания в русской традиции почти в обязательном порядке соединяется с формулой-просьбой родительского благословения на переход в «иной» мир. Обычно изображается и самый «иной» мир либо в виде оппозиции своя-чужая сторона («Ваша сторонюшка лютым зельем посеяна, // Слезами поливана, сухотою горожена» [32], либо в виде травестийного снижения образов («В хозяйстве всякой всячины: медной посуды – крест да пуговица, рогатой скотины – таракан да жужилица» [33]. В русском и марийском фольклоре имеются и специальные обрядовые действия, маркирующие «уход» невесты в «иной» мир. Так, у русских в течение всего предсвадебного цикла «невеста привывает в платок, а затем по дороге в церковь выбрасывает его в поле. Кто подберет – застигнет горе» [34]. Марийцы по дороге в дом жениха втыкают в первые попавшиеся ворота палку: «Чтобы остались здесь всякие колдовство и нечисть» [35].

Статус «возрождения в новом качестве» невесты и в русском, и в марийском свадебном обряде (послесвадебный цикл) маркирован идентичными статусу «временной смерти» действиями и атрибутами: сменой темных, траурных одежд на светлые праздничные, изменением прически, надеванием женского головного убора, поисками молодой.

Так, значимым моментом собственно свадебного периода является переодевание невесты в одежды, маркированные сочетанием белого и красного цветов. У марийцев на свадебном пиру «молодая сидит в новой, белой, красными шелками или шерстью расшитой рубашке» [36]; «невеста была в белой, красиво вышитой рубашке» [37]. Ярким было и свадебное платье невесты у русских: розовое, бордовое [38]. Если цвет уходил на второй план, подчеркивалась оппозиция «старый-новый»: «снимают с нее покрывало и надевают на голову вместо худой, нарядную высокую шапку или повязку» [39].

Цвета традиционной триады присутствовали и в убранстве домов (вышитые красным по белому ритуальные полотенца); украшениях свадебного поезда («в повозки укладывали лучшие подушки – пуховики, красные или с яркими набивными цветами, разноцветные лоскутные ковры, ноги укутывали новыми одеялами») [40].

Действиями с волосами маркированы у русских специальным термином «окручивание». При этом укладывание волос в разные варианты женской прически и надевание женского головного убора могло осуществляться сразу после венчания в церковной сторожке: «Молодые заходят... здесь поневестница надевает на голову молодой моршень – род низкого кокошника, головной убор женщины» [41] или несколько позднее – в доме жениха: «...сваха расплетши новобрачной косу на две – надевши на голову ея сшитый головной убор, называемый моршок» [42]. У марийцев данный обряд производился в доме жениха «...сваха вводит молодую под полог, надевает ей на голову женский наряд (шарпан или кашмак) и выводит обратно» [43]; «...среди пира сестра новобрачного, если она есть, и сваха снимают с молодой шапку и надевают шидо-шобочо (русский тюрик), головной убор женщины» [44].

С «возрождением в новом качестве» связана и такая обрядовая форма, как «поиски молодой». В наших материалах молодую разыскивают после первой брачной ночи, а иногда и на второй, и даже на третий день. Любопытно, что отголоски данной формы встречаются во всем марийском Поволжье. При этом представление о том, что переходный период мог быть и более длительным, нашло выражение у русских в форме так называемых «отводин» или «отгостков». Смысл данных обрядовых действий проясняется в следующих описаниях: «Через неделю (после свадебного пира. – Т. 3.) или позже родители молодухи отзывают зятя на блины. Для этого посылаются нарочный, который и зовет зятя в гости. Те собираются, с позывным же к вечеру и уезжают. Ездят на одну ночь, к вечеру второго дня возвращаются домой» [45]; «Третий день свадьбы гуляли в доме невесты. Процессия, движущаяся к дому родителей, получила название “послян”» [46]; «На третий день молодые с родителями жениха и его близкие родственники ездили в гости к родителям невесты на хлеба (или перепойки). Накрывали стол, но гостей уже было поменьше...» [47]. Символическим возвращением в дом невесты и заканчивалось ее путешествие в мир «иной» [48].

Таким образом, русская и марийская свадебная обрядность Волго-Вятского региона на всем протяжении XIX в. сохранила связь с основными составляющими обрядовой модели перехода. К наиболее значимым проявлениям подобного рода связи можно отнести четкое деление свадебного ритуала на пре- и постлиминарный периоды. Эти периоды, в свою очередь, маркируются у данных этносов сходными внешне (использование ритуальных головных уборов и одежды, действия с волосами, изоляция персонажа – его поиски), но противоположными по своей функции действиями и атрибутами. Так, в прелиминарный период надевание темных траурных одежд рассматривается как прощание с прежним образом жизни и молодежным сообществом; в постлиминарный – преобладание в одежде бело-красной цветовой гаммы (как частное проявление – оппозиция «старый – новый») – знак вступления в новое сообщество; закрывание/завешивание как оберег и закрывание/завешивание как нарочитая демонстрация нового статуса; изоляция/поиски как окончательное выключение из половозрастной группы девушек и изоляция/поиски как утверждение включения в половозрастную группу женщин.

Необходимо отметить, что выделенные нами обрядовые действия и символические атрибуты имеют у разных этносов разную степень сохранности, так, например, у русских «прощание с девичеством» можно рассматривать и как самостоятельный ритуал, включающий в себя собственно прощание со всеми представителями рода/семьи, родительским домом, местами девичьих гаданий в сопровождении обрядового плача и развернутого словесного кода; у марийцев – представлено на уровне отдельных действий и реплик. Такого рода отличия и их комментарий мы намерены предложить в последующем цикле статей.

Примечания

1. Георги И. Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. Ч. 1. СПб., 1789; Миллер Г. Ф. Описание живущих в Казанской губернии языческих народов. СПб., 1791; Фукс А. Записки Александры Фукс о чувашах и черемисах Казанской губернии. Казань, 1840; Кузнецов С. К. Очерки из быта черемис. Древняя и новая Россия. Т. 2. СПб., 1877; Бажин. Крестьянская свадьба в Котельничском уезде // Вятские губернские ведомости. 1878. № 9; Яковлев Г. Религиозные обряды черемис. Казань, 1887; Полушкина А. Л. Поверья, обряды и обычаи при рождении, браке и смерти крестьян Слободского

- уезда Вятской губернии. Этнографический очерк // Календарь Вятской губернии на 1893 год. Вятка, 1892; *Флетчер Д.* О государстве русском. СПб., 1906.
2. *Золотова Т. А.* Русская свадьба. Йошкар-Ола: Республиканское полиграфическо-редакционное объединение Госкомиздата МАССР, 1991; *Золотова Т. А. и др.* Вятская свадьба. Йошкар-Ола: Марийский госуниверситет, 2004.
3. *Золотова Т. А.* Русская свадьба. Йошкар-Ола: Республиканское полиграфическо-редакционное объединение Госкомиздата МАССР, 1991. С. 12.
4. Там же... С. 12.
5. Там же.
6. *Еремина В. И.* Ритуал и фольклор. Л.: Наука, 1991. С. 85.
7. *Золотова Т. А.* Русская свадьба. С. 12.
8. *Полушкина А. Л.* Поверья, обряды и обычаи при рождении, браке и смерти крестьян Слободского уезда Вятской губернии. Этнографический очерк // Календарь Вятской губернии на 1893 год. Вятка, 1892. С. 235.
9. Там же... С. 231.
10. *Миллер Г. Ф.* Описание живущих Казанской губернии языческих народов. СПб., 1791. С. 73.
11. *Яковлев Г.* Религиозные обряды черемис. Казань, 1887. С. 59.
12. *Фукс А.* Записки Александры Фукс о чувашах и черемисах Казанской губернии. Казань, 1840. С. 226.
13. *Яковлев Г.* Религиозные обряды черемис. С. 63.
14. *Миллер Г. Ф.* Описание живущих в Казанской губернии языческих народов. С. 74.
15. *Полушкина А. Л.* Поверья, обряды и обычаи при рождении, браке и смерти крестьян. С. 213.
16. *Золотова Т. А.* Русская свадьба. С. 51.
17. *Кузнецов С. К.* Очерки из быта черемис. Древняя и новая Россия. Т. 2. СПб., 1877. С. 357.
18. *Золотова Т. А.* Русская свадьба. С. 28.
19. *Гуржий Н.* Свадьба в Котельничском уезде // Проселки: Литературно-краеведческий альманах. Котельнич, 1993. № 12. С. 29.
20. *Фукс А.* Записки Александры Фукс... С. 223.
21. Там же. С. 227.
22. Там же. С. 228.
23. *Яковлев Г.* Религиозные обряды черемис. С. 58.
24. *Золотова Т. А.* Русская свадьба. С. 26.
25. Там же. С. 51.
26. *Полушкина А. Л.* Поверья, обряды и обычаи при рождении, браке и смерти крестьян. С. 219.
27. *Яковлев Г.* Религиозные обряды черемис. С. 55.
28. *Золотова Т. А.* Русская свадьба. С. 14.
29. Там же. С. 24.
30. Там же. С. 17.
31. *Фукс А.* Записки Александры Фукс... С. 225.
32. *Полушкина А. Л.* Поверья, обряды и обычаи при рождении, браке и смерти крестьян. С. 221.
33. Там же. С. 232.
34. *Золотова Т. А.* Русская свадьба. С. 39.
35. *Яковлев Г.* Религиозные обряды черемис. С. 58.
36. *Кузнецов С. К.* Очерки из быта черемис. С. 356.
37. *Фукс А.* Записки Александры Фукс... С. 223.
38. *Золотова Т. А.* Русская свадьба. С. 52.
39. *Георги И. Г.* Описание всех обитающих в Российском государстве народов. Ч. 1. СПб., 1789. С. 29.
40. *Золотова Т. А.* Русская свадьба. С. 52.
41. *Полушкина А. Л.* Поверья, обряды и обычаи при рождении, браке и смерти крестьян. С. 236.
42. *Бажин Н. Ф.* Крестьянская свадьба в Котельничском уезде // Вятские губернские ведомости. 1878. № 9. С. 59.
43. *Фукс А.* Записки Александры Фукс... С. 235.
44. *Кузнецов С. К.* Очерки из быта черемис. С. 357.
45. *Полушкина А. Л.* Поверья, обряды и обычаи при рождении, браке и смерти крестьян. С. 241.
46. *Золотова Т. А.* Русская свадьба. С. 46.
47. *Гуржий Н.* Свадьба в Котельничском уезде. С. 35.
48. *Еремина В. И.* Ритуал и фольклор. С. 95.

Notes

1. Georgi I.G. *Opisanie vseh obitajushhikh v Rossijskom gosudarstve narodov. Ch. 1.* [The Description of All the Peoples Dwelling in the State of Russia. Part 1.]. St. Petersburg. 1789; Miller G.F. *Opisanie zhivushhikh v Kazanskoj gubernii iazycheskikh narodov* [The Description of the Pagan Peoples Living in the Kazan Governorate]. St. Petersburg. 1791; Fuks A. *Zapiski Aleksandry Fuks o chuvashakh i cheremisakh Kazanskoj gubernii* [Alexandra Fuks's Notes about the Chuvash and the Cheremis People of the Kazan Governorate]. Kazan. 1840; Kuznecov S.K. *Ocherki iz byta cheremis. Drevnjaja i novaja Rossija. T. 2.* [The Studies of Life of the Cheremis. Ancient and New Russia]. Vol. 2. St. Petersburg. 1877; Bazhin. *Krest'janskaja svad'ba v Kotel'nicheskome uezde* [Peasant Wedding in the Kotelnichskiy District]. // *Vjatskie gubernskie vedomosti* [The Record of the Vyatka Province]. 1878, №9; Jakovlev G. *Religioznye obrjady cheremis* [Religious Rites of The Cheremis]. Kazan. 1887; Polushkina A.L. *Pover'ja, obrjady i obychai prirodzhenii, brake i smerti krest'jan Slobodskogo uezda Vjatskoj gubernii. Ehtnograficheskij ocherk* [Birth, Wedding and Death Beliefs, Rites and Customs of the Peasants of the Slobodskoy District in the Vyatka Province]. // *Kalendar' Vjatskoj gubernii na 1893 god* [The Vyatka Province Calendar 1893]. Vyatka. 1892; Fletcher D. *O gosudarstve russkom* [About the State of Russia]. St. Petersburg. 1906.
2. Zolotova T.A. *Russkaja svad'ba* [The Russian Wedding]. Yoshkar-Ola, Respublikanskoe poligraficheskoe-redakcionnoe ob"edinenie Goskomizdata MASSR. 1991; Zolotova T.A. and others. *Vjatskaja svad'ba* [The Vyatka Wedding]. Yoshkar-Ola. Mari State University. 2004.
3. Zolotova T.A. *Russkaja svad'ba* [The Russian Wedding]. Yoshkar-Ola, Respublikanskoe poligraficheskoe-redakcionnoe ob"edinenie Goskomizdata MASSR. 1991. P. 12.
4. *Ibid.* ... P. 12.
5. *Ibid.*
6. Eremina V.I. *Ritual i fol'klor* [Ritual and Folklore]. Leningrad. Nauka, 1991. P. 85.
7. Zolotova T.A. *Russkaja svad'ba*... [The Russian Wedding]. P. 12.
8. Polushkina A.L. *Pover'ja, obrjady i obychai pri rozhdenii, brake i smerti krest'jan Slobodskogo uezda Vjatskoj gubernii. Ehtnograficheskij ocherk* [Birth, Wedding and Death Beliefs, Rites and Customs of the Peasants of the Slobodskoy District in the Vyatka Province]. // *Kalendar' Vjatskoj gubernii na 1893 god* [The Vyatka Province Calendar 1893]. Vyatka. 1892. P. 235.
9. *Ibid.* ... P. 231.
10. Miller G.F. *Opisanie zhivushhikh v Kazanskoj gubernii iazycheskikh narodov* [The Description of the Pagan Peoples Living in the Kazan Governorate]. St. Petersburg. 1791. P. 73.
11. Jakovlev G. *Religioznye obrjady cheremis* [Religious Rites of The Cheremis]. Kazan. 1887. P. 59.
12. Fuks A. *Zapiski Aleksandry Fuks o chuvashakh i cheremisakh Kazanskoj gubernii* [Alexandra Fuks's Notes about the Chuvash and the Cheremis People of the Kazan Governorate]. Kazan. 1840. P. 226.
13. Jakovlev G. *Religioznye obrjady cheremis* ... [Religious Rites of The Cheremis]. P. 63.
14. Miller G.F. *Opisanie zhivushhikh v Kazanskoj gubernii iazycheskikh narodov*... [The Description of the Pagan Peoples Living in the Kazan Governorate]. P. 74.
15. Polushkina A.L. *Pover'ja, obrjady i obychai prirodzhenii, brake i smerti krest'jan Slobodskogo uezda Vjatskoj gubernii* ... [Birth, Wedding and Death Beliefs, Rites and Customs of the Peasants of the Slobodskoy District in the Vyatka Province]. P. 213.
16. Zolotova T.A. *Russkaja svad'ba*... [The Russian Wedding]. P. 51.
17. Kuznecov S.K. *Ocherki iz byta cheremis. Drevnjaja i novaja Rossija. T. 2.* [The Studies of Life of the Cheremis. Ancient and New Russia]. Vol. 2. St. Petersburg. 1877. P. 357.
18. Zolotova T.A. *Russkaja svad'ba*... [The Russian Wedding]. P. 28.
19. Gurzhij N. *Svad'ba v Kotel'nicheskome uezde* [The Wedding in the Kotelnichskiy District] // *Proselki: Literaturno-kraevedcheskij al'manakh*. Kotelnich. 1993, № 12, p. 29.
20. Fuks A. *Zapiski Aleksandry Fuks o chuvashakh i cheremisakh Kazanskoj gubernii* ... [Alexandra Fuks's Notes about the Chuvash and the Cheremis People of the Kazan Governorate]. P. 223.
21. *Ibid.* ... P. 227.
22. *Ibid.* ... P. 228.
23. Jakovlev G. *Religioznye obrjady cheremis* ... [Religious Rites of The Cheremis]. P. 58.
24. Zolotova T.A. *Russkajasvad'ba*... [The Russian Wedding]. P. 26.
25. *Ibid.* ... P. 51.
26. Polushkina A.L. *Pover'ja, obrjady i obychai pri rozhdenii, brake i smerti krest'jan Slobodskogo uezda Vjatskoj gubernii* ... [Birth, Wedding and Death Beliefs, Rites and Customs of the Peasants of the Slobodskoy District in the Vyatka Province]. P. 219.
27. Jakovlev G. *Religioznye obrjady cheremis* ... [Religious Rites of The Cheremis]. P. 55.
28. Zolotova T.A. *Russkajasvad'ba*... [The Russian Wedding] P. 14.
29. *Ibid.* ... P. 24.
30. *Ibid.* ... P. 17.
31. Fuks A. *Zapiski Aleksandry Fuks o chuvashakh i cheremisakh Kazanskoj gubernii* ... [Alexandra Fuks's Notes about the Chuvash and the Cheremis People of the Kazan Governorate]. P. 225.

32. Polushkina A.L. *Pover'ja, obrjady I obychai pri rozhdanii, brake I smerti krest'jan Slobodskogo uezda Vjatskoj gubernii ...* [Birth, Wedding and Death Beliefs, Rites and Customs of the Peasants of the Slobodskoy District in the Vyatka Province]. P. 221.
33. Ibid. ... P. 232.
34. Zolotova T.A. *Russkajasvad'ba...*[The Russian Wedding]. P. 39.
35. Jakovlev G. *Religioznye obrjady cheremis ...* [Religious Rites of The Cheremis]. P. 58.
36. Kuznecov S.K. *Oчерки iz byta cheremis ...* [The Studies of Life of the Cheremis]. P. 356.
37. Fuks A. *Zapiski Aleksandry Fuks o chuvashakh I cheremisakh Kazanskoj gubernii ...* [Alexandra Fuks's Notes about the Chuvash and the Cheremis People of the Kazan Governorate]. P. 223.
38. Zolotova T.A. *Russkajasvad'ba...*[The Russian Wedding]. P. 52.
39. Georgi I.G. *Opisanie vsekh obitajushhikh v Rossijskom gosudarstve narodov. Ch. 1.* [The Description of All the Peoples Dwelling in the State of Russia. Part 1.]. St. Petersburg. 1789. P. 29.
40. Zolotova T.A. *Russkajasvad'ba...*[The Russian Wedding]. P. 52.
41. Polushkina A.L. *Pover'ja, obrjady I obychai pri rozhdanii, brake I smerti krest'jan Slobodskogo uezda Vjatskoj gubernii ...* [Birth, Wedding and Death Beliefs, Rites and Customs of the Peasants of the Slobodskoy District in the Vyatka Province]. P. 236.
42. Bazhin. *Krest'janskaja svad'ba v Kotel'nichskom uezde* [Peasant Wedding in the Kotelnichskiy District]. // *Vjatskie gubernskie vedomosti - The Record of the Vyatka Province.* 1878, №9, p. 59.
43. Fuks A. *Zapiski Aleksandry Fuks o chuvashakh I cheremisakh Kazanskoj gubernii ...* [Alexandra Fuks's Notes about the Chuvash and the Cheremis People of the Kazan Governorate]. P. 235.
44. Kuznecov S.K. *Oчерки iz byta cheremis ...* [The Studies of Life of the Cheremis]. P. 357.
45. Polushkina A.L. *Pover'ja, obrjady I obychai pri rozhdanii, brake I smerti krest'jan Slobodskogo uezda Vjatskoj gubernii ...* [Birth, Wedding and Death Beliefs, Rites and Customs of the Peasants of the Slobodskoy District in the Vyatka Province]. P. 241.
46. Zolotova T.A. *Russkajasvad'ba...*[The Russian Wedding]. P. 46.
47. Gurzhij N. *Svad'ba v Kotel'nichskom uezde ...* [The Wedding in the Kotelnichskiy District]. P. 35.
48. Eremina V.I. *Ritual I fol'klor ...* [Ritual and Folklore]. P. 95.

УДК 398.3(470.342)

Ю. А. Крашенинникова

Локальные традиции как этнические маркеры (ритуалы и поэзия Великого четверга с. Лойма на материалах XXI в.)*

В статье рассматривается как этнический маркер комплекс Великочетверговых обрядов и фольклора в с. Лойма, которое принадлежит вологодско-вятским районам Русского Севера. Многочисленные публикации, исследования начала XX в., экспедиционные материалы и современные записи позволили выявить специфические и типичные черты, благодаря которым местная традиция, с одной стороны, имеет свой индивидуальный облик, с другой – довольно органично «встраивается» в культуру Русского Севера.

The article discusses how ethnic marker Velikochetvergovyh complex rituals and folklore with. Loyma, which belongs to the Vologda-Vyatka region of the Russian North. In numerous publications, research at the beginning of the twentieth centuries. Expeditionary materials and modern recordings revealed a specific and typical features, due to which local tradition, on the one hand, has its own individual character, on the other – quite organically “embedded” in the culture of the Russian North.

Ключевые слова: этнические маркеры, ритуал, Великий четверг, поэзия, севернорусский календарь.

Keywords: ethnic markers, ritual, Maundy Thursday, poetry, northern Russian calendar.

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта №14-04-00077 «Эволюция этнических маркеров вятских северных и южных этноконтактных зон».

Великий четверг [1] в севернорусском народном календаре насыщен ритуальными практиками, направленными на укрепление благосостояния, благополучия, здоровья коллектива на целый год, способствующими плодородию почвы, плодовитости животных, урожайности растений, сопровождается профилактическими, очистительными и охранительными магическими действиями. Экспедиционные записи, сделанные от современного севернорусского крестьянского населения, показывают, что многие из известных практик, в частности, связанные с плодовитостью, здоровьем домашних животных, обеспечивающие достаток и благополучие семьи на весь будущий год до следующего Великого четверга, устойчивы в традиции и считаются местными жителями весьма работоспособными.

В центре внимания – с. Лойма и населенные пункты лоемского куста деревень, составившие одну из компактных русских локальных традиций Республики Коми, которая формировалась русскими переселенцами в условиях довольно тесного окружения и контактов с коми населением. Впервые Лойма, а также деревни и починки Лоемского погоста упомянуты в дозорной книге Сольвычегодского уезда, датированной 1620 г. [2] В разное время Лойма входила в состав Сольвычегодского, Лальского и Усть-Сысольского уездов Вологодской губернии, к Республике Коми была присоединена в 1921 г. [3]

Местные жители, оценивая свою этническую, территориальную, языковую принадлежность, связывают себя в большей степени с вологодско-вятскими районами Русского Севера, отмечая, в некотором смысле, «ошибочность» присоединения их к Коми краю: *«Лойма – не коми, здесь коми-то нету. Так в Спаспору́бе, со Спаспору́ба-то коми пойдут. А так-то коми пишется у нас, коми пишется. У нас все русские, коми нету никого...»* (зап. 2004 г., ИЯЛИ: АФ 1536-5), *«Здесь коми были, а потом наехали вот с Кировской области да с Вологодской. Вот Лойма стала русская. Она относилась-то к Вологодской губернии раньше, <...> а потом, когда революция была, ее присоединили к Коми республике»* (зап. 2004 г., ИЯЛИ: АФ 1541-1), *«Вятка, она как-то была ближе, чем Коми [республика]. А нас ведь недавно к Коми-то приписали. Мы были в Архангельском тут, ну я не знаю, кто как у их, или Вологодской, мы были туды ведь приписаны, наша-то Лойма. А Спаспору́б уж коми был. Мы же русские, мы по-коми ниче ведь не знаем, нисколько. Дак мы же были русские. <...> Нас придумали и к Коми [республике] приписали»* (зап. 2004 г., ИЯЛИ: 1547-5), *«...У нас с Лузы, у нас все обычаи, слова с Кировской области, мы раньше больше связаны там, мы меньше связаны были сюда...»* (зап. 2004 г., ИЯЛИ: АФ 1550-21).

Имеющиеся экспедиционные записи содержат большое количество свидетельств о тесных торговых и культурных контактах лоемцев с Устюгом, Лальском, Вологодой, Лузой. Устная история фиксирует отличные от официальной даты (1620 г.) «временные координаты», указывающие на время заселения и освоения русскими переселенцами лоемской территории, которое, по мнению информантов, приходится, например, на период правления императрицы Екатерины II: *«При Екатерине II, говорят, суть да дело: начали притеснять в России-то, и люди начали искать хорошие места, уходить оттуда. И вот начали пробираться по реке Лузе, начали кверху подниматься и заселять помаленьку, переезжали, заселяли. А вот эти коми стали дальше пробираться в сторону Спаспору́ба. Там в Спаспору́бе почти что все коми. Вот в Лойме русские заселились, все фамилии русские, а коми фамилий нет. [А какие здесь фамилии?] Чужмаровы, Иевлевы, Шехонины, Бородкины, Тырышкины»* (зап. 2004 г., ИЯЛИ: АФ 1548-9).

Фольклорную традицию Лоймы исследователи рассматривают в контексте севернорусского фольклора Лузы, сформировавшегося под влиянием Устюжской земли [4]. Справедливо замечание, которое подтверждается конкретными наблюдениями [5], о том, что плотное соседство с коми населением способствовало консервации многих элементов фольклорной культуры и мифологической картины мира, «указывающих» на историческую родину переселенцев (в обрядовом фольклоре, элементах обрядовых комплексов, сказочной прозе, перечне мифологических персонажей и проч.) [6].

В настоящей работе мы остановимся на одном фрагменте народного календаря – Великом четверге – и реализации представлений о нем в лоемской традиции. Сведения о Великом четверге в лоемской коллекции многочисленны, а сам день в совокупности всех имеющихся материалов выглядит на фоне других календарных дат довольно ярко, насыщен различными деталями и элементами [7]. Многие материалы дополняют и подтверждают сведения об этом дне, зафиксированные на севернорусской территории; к фольклорным текстам, сопро-

вождающим те или иные обрядовые действия (включенным в обряды), обнаруживаются сходные варианты в записях из районов Кировской, Архангельской областей [8]. Обращение к сфере календарной обрядности и поэзии продиктовано наблюдениями исследователей в области взаимодействия этнически разных культур, в формах, способах и «последствиях» этого процесса. В частности, Н. И. Толстой писал о проницаемости / непроницаемости явлений народной культуры и неоднородности жанров славянского фольклора в плане их восприимчивости к чужому фольклорному и нефольклорному фонду [9]. В числе «невосприимчивых», «закрытых» жанров исследователь называет, в том числе, и календарно-обрядовую поэзию; ее устойчивость и относительная непроницаемость поддерживается собственно обрядом, «а также поэтической и стихотворной структурой» [10].

В народной терминологии Лоймы Страстная неделя называется *Великодённая* (зап. 2004 г., ИЯЛИ: АФ 1539-29); Великий четверг получает номинации *Большой, Чистый, Страшный*, каждая из которых содержит комплекс представлений об этом дне народного календаря.

Магические действия, производимые в Великий четверг, номинировались как *колдовать(-ся)* (зап. 2004 г., ИЯЛИ: АФ 1539-29, АФ 1544-28 и др.), *дековаться* (зап. 2004 г., ИЯЛИ: АФ 1549-13, 1545-12 и др.), означая 'производить магические действия с целью нанесения порчи человеку или животному', 'производить магические действия, направленные на достижение благополучия, достатка, замужества' [11]. См., например, ремарки собирателей в экспедиционных отчетах и высказывания информантов: «...Под Велик-от четверг шибко раньше дековались. <...> [Одна женщина] злилась на их [девушек-сестер из одной семьи. – Ю. К.] и вот на Велик-от четверг подековалась, и никто [из сестер. – Ю. К.] ведь замуж не вышли» (зап. 2004 г., ИЯЛИ: АФ 1549-13), «...чтобы рыба рыбачилась, дак надо че-то утром делать. У меня Миша вот знал, а мне ведь не сказал. Я погляжу: утром ранешенько встанет, уйдет на взвоз. Опеть, говорит, ведь че-то подековался. Так ведь так рыбу ловил, ой, сколько рыбы много шибко! Ведь там че-то, видно, удил или че-то приговаривал. Как полено привяжёт да сколько раз [скажет]: “Ой, опять щука попала!” Вытащит это полено...» (зап. 2004 г., ИЯЛИ: АФ 1545-12); «Другой раз вот пойдешь в деревню, в деревню пойдешь. “Давай, сёдни не спи...” Девкам, девкам, девкам молодым [говорят]. “Надо сёдни колдовать на Великий четверг”. Это старухи [говорят]. Если девка идет, девка идет незамужняя, ёй и кричат: “Давай, ты сёдни не спи, сёдни ведь колдовать надо”. А чё колдовать, я уж не знаю. [Это чтоб замуж выйти?] Конечно, наверно» (зап. Ю. А. Крашенинникова 29.06.2010 г. от Притчиной З. Ф., 1931 г.р., пос. Коржинский), «[На Великий четверг] кто много-то знает, то ходили, колдовались, друг дружке вредили, чего-то все делали...» (зап. Крашенинникова Ю. А. 29.06.2010 г. от Суликовой Е. Г., 1932 г.р., с. Лойма), «вредные люди “колдуются”» (зап. 2004 г., НА Коми НЦ: Ф. 5. Оп. 2. Д. 742. С. 110), «“еретные люди” (колдуны) колдуются ночью» (зап. 2004 г., НА Коми НЦ: Ф. 5. Оп. 2. Д. 742. С. 116), «“колдовались” (считали деньги, портили скот)» (зап. 2004 г., НА Коми НЦ: Ф. 5. Оп. 2. Д. 742. С. 117) и мн. др.

В материалах зафиксированы профилактические, предупредительные, очистительные, апотропейные, имеющие защитную функцию и другие магические практики, при выполнении которых необходимо было соблюдать несколько общих правил: все действия на Великий четверг нужно делать до восхода солнца («вставать нужно раньше, чтобы ни с кем не встретиться», ИЯЛИ: АФ 1538-26), существовал запрет рассказывать о том, что сделал на Великий четверг, в противном случае ничего не получится (зап. Крашенинникова Ю. А. 26.07.2009 г. от Помысовой З. П., 1909 г.р., д. Козловская).

Самую большую группу составили продуцирующие и профилактические магические практики. Так, для скорейшего замужества девушки в Великий четверг «разметали» дорогу для женихов (зап. 2004 г., ИЯЛИ: АФ 1538-9), разрубали (вар.: разламывали) деревянную борону и раскидывали части на перекрестке дорог (зап. 2004 г., ИЯЛИ: 1539-29; также см.: зап. Ю. А. Крашенинникова 28.07.2009 г. от Лобановой А. П., 1920 г. р., д. Кузнецовская), выметали сор из дома и наблюдали: в какую сторону ветер унесет сор, в ту сторону девушка выйдет замуж (зап. 2004 г., НА Коми НЦ: Ф. 5. Оп. 2. Д. 742. С. 94), с веником (голиком) совершали обход вокруг дома и приговаривали при этом «Суженый, ряженный, найдись, приведишь, приходи свататься» (зап. 2004 г., НА Коми НЦ: Ф. 5. Оп. 2. Д. 742. С. 138).

В тех семьях, где были девушки на выданье, хозяйки, стоя на крыльце, «приглашали женихов»: «Свекровка [научила]: выйди да крыльцо отворяй, говори: “Для молодых да для удалых людей открываю свой терем, свой крылец, милости прошу”» (зап. Ю. А. Крашенинникова

6.08.2006 г. от Помысовой З. П., 1909 г.р., д. Козловская) [12]. Подобное «приглашение» могло строиться и в форме ритуального диалога хозяйки и воображаемого жениха:

«Крылец-от открывает [мать девушки. – Ю. К.], стукат, сама собой одна [говорит]:

– Кто там?

– Я, открывай.

– А кто ты?

– А я жених. За невестой, за твоей девкой, за Анюхой, давай, свататься приехал.

Всех вот так отдала [замуж]. На Великий четверг... На Великой четверг надо уж обязательно, чтобы любили парни, сватались, надо уж...» (зап. Ю. А. Крашенинникова 26.07.2009 г., зап. от Помысовой З. П., 1909 г.р., д. Козловская).

Информанты отмечают, что девушки гадали в этот день (*«девушки гадают, кому чё надо...»*, зап. Крашенинникова Ю. А. 28.07.2009 г. от Лобановой А. П., 1920 г.р., д. Кузнецовская). Одно из свидетельств связано с гаданием девушек на женихов, происходившем в бане и имеющим явные «переключки» со святочным циклом: если девушка находила на каменке красивый, ровный камень, то это предвещало ей красивого жениха: *«[В Великий четверг] раньше колдовались. <...> Молодежь, как говорится, себе женихов подбирали. Девушки. Мужчины, как говорится, то же самое. Ходили в баню... девушки. Раньше бани были черные. Кто, говорит, хороший камень, уйдет туда и подберет себе, то жених будет красивый и наглядный. [С печки камень брали?] Да, да. Ночью. Ночью гадали. <...> Плохой камень попадет – о-о, некрасивый будет кавалер-от»* (зап. 2004 г., ИЯЛИ: АФ 1548-5).

До восхода солнца совершали ряд действий, направленных на **благополучие, достаток, укрепление здоровья, получение красоты и всеобщего уважения**. Многие действия сопровождалась лаконичными заклинательными текстами, в которых на первый план выступает тема пожелания множественности, многочисленности того или иного блага (продукта, предмета и проч.) (*чтобы было много...*) и непрерывности (*чтобы весь год..., чтобы все время...*). Хозяйки считали деньги (*«до солнышка сесть на порог и считать»*), *«чтобы деньги были весь год»: «считали мелочь: клали 10, а говорили 20»* (зап. 2004 г., На Коми НЦ: Ф. 5. Оп. 2. Д. 742. Л. 94), пересчитывая деньги, говорили *«Не рубли, а тысячи»* (зап. Крашенинникова Ю. А. 28.07.2009 г. от Лобановой А. П., 1920 г.р., д. Кузнецовская). Мешали сметану, чтобы *«все время была сметана в доме»* (ИЯЛИ: АФ 1541-19), мешали сметану с приговором *«Не горшочкима, а ведрыма»*, чтобы сметана копилась (зап. Крашенинникова Ю. А. 28.07.2009 г. от Лобановой А.П., 1920 г.р., д. Кузнецовская) [13], сбивали масло; пересыпая муку, приговаривали, чтобы зерна было много в этом году (зап. Крашенинникова Ю. А. 5.08.2006 г. от Лобановой А. И., 1923 г. р., с. Лойма). Хозяйки пекли хлеб, изготавливали различные выпечные изделия (*«все вкусное»*), *«чтобы весь год все было»* (зап. 2004 г., ИЯЛИ: АФ 1544-28); это закрепилось и в примете: если на Великий четверг хлеб есть (читай: имеется), то целый год хлеб будет (зап. 2004 г., ИЯЛИ: АФ 1545-13).

Практически все информанты указывают, что на стол или на полочку с иконами ставили хлеб, соль, чтоб те «заночевали» у икон (зап. 2004 г., ИЯЛИ: АФ 1544-11, АФ 1549-12 и др.). На Егорьев день хлеб, посыпанный солью, давали животным при первом выгоне их на пастбище (зап. 2004 г., ИЯЛИ: АФ 1543-1 и др.), соль использовали в различных жизненных ситуациях (об этом ниже).

Для обеспечения хорошего урожая крали землю с чужих огородов (зап. 2004 г., ИЯЛИ: ВФ 1518-29) [14].

Мужчины имитировали лов рыбы: в чердачном помещении (в интервью – повить, подволока) растягивали рыболовные сети или раскладывали плетенки (морды) и в них клали поленья, *«чтобы рыбы много ловилось (вар.: большие щуки ловились)»* (зап. 2004 г., ИЯЛИ: АФ 1541-19, 1545-12 и др.). Имитация лова рыбы могла сопровождаться приговором *«Ловись, рыбка, большая и маленькая»* (зап. Крашенинникова Ю. А. 29.06.2010 г. от Суликовой Е. Г., 1932 г. р., с. Лойма) [15]. Для обеспечения удачной охоты охотники приговаривали: *«Волки, медведи – вдаль, вдаль, вдаль, зайцы, лисицы – к нам, к нам, к нам»* (зап. Крашенинникова Ю. А. 29.06.2010 г. от Суликовой Е. Г., 1932 г. р., с. Лойма) [16].

Рано утром дети бегали по насту, *«чтобы бойчае быть»* (зап. Крашенинникова Ю. А. 27.07.2009 г. от Низовцевой Е. А., 1924 г. р., д. Лехта). Умывались речной водой, чтобы *«глаза хорошо видели»* (зап. 2004 г., ИЯЛИ: АФ 1544-11), умывались водой, в которую опускали серебряную или золотую монету (зап. 2004 г., ИЯЛИ: ВФ 1524-26) [17].

Некоторые действия не получают корректных объяснений информантов, однако нам думается, они были нацелены на приобретение «космической» красоты, здоровья, «всеобщей любви, почитания и уважения». Так, в Великий четверг рано утром забирались на крышу и смотрели, как всходит солнце (зап. Крашенинникова Ю. А. 27.07.2009 г. от Низовцевой Е. А., 1924 г.р., д. Лехта). Девушки утром мыли окна с приговором *«Как на окошко глядят, так бы и на девушку глядели»* (зап. Крашенинникова Ю. А. 28.07.2009 г. от Лобановой А. П., 1920 г. р., д. Кузнецовская) [18], залезали на крышу, шевелили охлупень [19] и самую высокую слегу [20], *«чтобы выше их, девушок-то, почитали, хвалили»* (зап. Крашенинникова Ю. А. 28.07.2009 г. от Лобановой А. П., 1920 г.р., д. Кузнецовская) [21].Смысловую близость к перечисленным выше обнаруживает свидетельство о том, что в этот день Страстной недели красиво одевались (зап. 2004 г., ИЯЛИ: АФ 1541-19).

Ряд магических практик был направлен на **плодовитость, сохранность, здоровье домашних животных**. Так, чтобы летом коршун не таскал со двора кур и цыплят, клали камни на столбы от забора (зап. 2010 г., НА Коми НЦ: Ф. 5. Оп. 2. Д. 789. Л. 26), соломой связывали колья ограды (по два колышка), при этом происходил ритуальный диалог: *«Один спрашивает: “Что делаешь!” Ему отвечали: “Не колья связываю, а у коршуна ноги”»* (зап. 2010 г., НА Коми НЦ: Ф. 5. Оп. 2. Д. 789. Л. 19, 33, 65) [22]. Чтобы куры не ходили класть яйца в чужой дом и не уходили со двора, брали курицу и обходили с ней дом (*«курицу возьмут в беремя и обходили, чтобы она в чуждой дом не ходила класть»*) (зап. Крашенинникова Ю. А. 28.07.2009 г. от Низовцевой А. Е., 1918 г. р., д. Ивановская).

Домашним животным обрезали хвосты и клали отрезанную шерсть в хлеву под матицу (зап. 2004 г., ИЯЛИ: АФ 1541-19 и др.), по другим вариантам, шерсть скатывали и помещали на наличник во дворе дома, чтобы животное возвращалось домой, не отбивалось от стада (*«с другими коровами корова щтёбы ходила»*) (зап. Крашенинникова Ю. А. 28.07.2009 г. от Лобановой А. П., 1920 г. р., д. Кузнецовская) [23]. При первом выгоне животных на пастбище в Егорьев день (6 мая) отстриженную с хвостов шерсть клали в ухо ведущей корове, чтобы та приходила домой (*«шерстку потеряем, когда выпускаем первый раз, которая корова постарше, ведущая, ей в ухо пихали [эту шерстку. – Ю. К.], чтобы корова домой ходила. Это когда корову выпускаем первый раз»*) (зап. Крашенинникова Ю. А. 27.07.2009 г. от Чужмаровой М. В., 1925 г. р., д. Анкерская).

Зафиксированы ритуальные диалоги, которые произносились хозяевами в Великий четверг и были направлены на то, чтобы домашние животные возвращались с пастбища домой, знали «свой хлев». Диалог состоял из вопросов о наличии дома того или иного животного и утвердительных ответов на каждый вопрос и продолжался до тех пор, пока все животные, имеющиеся в хозяйстве, не были упомянуты. Так, в одном из таких диалогов сначала перечисляются все члены семьи, затем животные: *«Перво-то еще поухай:*

- Ой, дома ли Миша-то?
- Дома, – там как будто кто-то отвечает.
- Дома ли Зина-то?
- Дома.
- Дома ли кто семья есть?
- Все дома.
- Дома ли Пеструха-то?
- Дома.
- Дома ли Беляха-то?
- Дома.
- Дома ли Красейко?
- Дома.
- Дома ли овечки-те?

Всех-от надо перекликать до солнышка, чтобы домой скот-от ходил...» (зап. Крашенинникова Ю. А. 6.08.2006 г. от Помысовой З. П., 1909 г.р., д. Козловская) [24].

Чтобы животные были здоровы, в этот день Страстной недели их ненадолго выпускали из хлева с приговором *«На Великий четверг отвожу все неприятности, все невзгоды, чтоб коровушки не гибли, не дохли, не сохли, чтоб были здоровы и плодивы»* (зап. 2004 г., ИЯЛИ: АФ 1538-10, 11).

Ряд магических практик Великого четверга был направлен на **очищение, создание «границ» между своим и чужим пространством, защиту хозяйства и домочадцев**. Так,

информанты отмечают, что к Великому четвергу обязательно мыли и чистили весь дом (зап. 2004 г., ИЯЛИ: ВФ 1518-15 и др.), рано утром брали воду с трех ручьев и обрызгивали ей дом и хозяйственные постройки (зап. 2004 г., ИЯЛИ: АФ 1554-16) [25], до восхода солнца обходили дом с молитвой *«Во имя отца, и сына, и святого Духа. Аминь»* и «крестили» его (чертили кресты на окнах и дверях) (зап. Крашенинникова Ю. А. 05.08.2006 г. от Лобановой А. И., 1923 г. р., с. Лойма), освященной водой обрызгивали дом и все углы *«от сглазу и от уродства»* (зап. 2010 г., НА Коми НЦ: Ф. 5. Оп. 2. Д. 789. Л. 12). Сидя на помеле (вар. ухват, кочерга), трижды обходили дом, затем поднимались на взвоз [26], где хранился корм, трижды перекрещивали ворота, при этом три раза произносили заговор *«Круг дому, круг дому, круг нашего двора будь каменна стена, железный тын»*, чтобы не зашли воры, и в хозяйстве все было благополучно (зап. Крашенинникова Ю. А. 27.07.2009 г. от Низовцевой Е. А., 1924 г. р., д. Лехта) [27].

В перечне оградительных действий встречаются также обход жилых и хозяйственных построек с чтением молитвы (вар.: посыпанием четверговой солью, обрызгиванием взятой с трех ручьев водой) (зап. 2004 г., ИЯЛИ: АФ 1554-16; ВФ 1532-4), закрывание всех дверей и окон (зап. 2004 г., ИЯЛИ: АФ 1550-31) и проч.

Чтобы ветер не сорвал крышу дома или любого другого строения, на нее кидали полено, щепку или камешек с приговором *«Кладу гнет на целый год»* (зап. 2004 г., ИЯЛИ АФ: 1545-12 и др.): *«...Надо на сарай какую-то палочку бросить, бросай и приговаривай "Гнет бросаю на целый год", чтобы не сворачивало дом, чтобы не ломало»* (зап. Крашенинникова Ю. А. 6.08.2006 г. от Помысовой З. П., 1909 г. р., д. Козловская) [28].

Следует отметить веру в действенную силу соли, положенной в этот день к иконам (в народной терминологии: *«великодённая»*, *«четверИжная»*) и хранившейся до следующего Великого четверга. Считалось, что эта соль приобретает лечебные, апотропейные функции: *«Она [соль. – Ю. К.] никак-никак не портится, никак ее не могут никто испортить, эту соль. А еще на Великой четверг-от соль ставят на божницу, боженьке, эту соль-то, и прибирают ее, и вот эту соль используют. И хлебушко приготовь, посоли этот хлебок, в Великой четверг пойдешь, вот этот хлебок всему скоту и дай в Великой четверг. Сольцой этой посыпай и всем по кусочку дай»* (зап. Крашенинникова Ю. А. 7.08.2006 г. от Шехониной В. П., 1932 г. р., с. Лойма).

«Четверижной» солью лечили нарывы и воспаление в горле (*жабу*) (зап. 2004 г., ИЯЛИ: АФ 1545-14а), мыли осквернившуюся (в которую попали мыши, тараканы) посуду (зап. 2004 г., ИЯЛИ: АФ 1544-28). Считалось, что четверговая соль является надежным апотропейным средством: хранящуюся три года соль бросали вслед («в запятки») человеку, способному испортить (зап. 2004 г., ИЯЛИ: АФ 1550-31), для предотвращения порчи соль бросали к порогу дома (зап. Крашенинникова Ю. А. 28.07.2009 г. от Лобановой А. П., 1920 г. р., д. Кузнецовская) и др.

В скотоводческой обрядности «четверижную» соль давали больным животным, использовали при отеле, натирали животных с целью предотвращения сглаза и порчи: *«На Великой четверг соль под божницу поставишь, тут она заночует, под иконой. "Как соль не портится, так чтоб скот не портился", – это вот скажешь. Солью-то посыплешь потом на их. Я тебе скажу: корова отелится, берешь соли вот так немного, горсть, посыплешь на корову, посыплешь на теленочка. Она лижет, чтобы не портился [теленочек]. Бывает, люди-то всякие, глаза-то. Четверговая соль, она весь год должна быть. Ее приберешь. Потом мало ли че со скотиной, вот так на кусочек возьмешь этой соли и дашь»* (зап. 2004 г., ИЯЛИ: АФ 1544-12).

Важная характеристика соли – ее способность не портиться, оставаться пригодной, актуализируется в многочисленных лаконичных заговорно-заклинательных текстах (с конструкцией «как соль не портится, также <что-либо / кто-либо> не портись»). Например, чтобы животное не испортили, его посыпали солью с головы до хвоста со словами *«Как эта соль дому держалась, не портилась, так чтобы у меня скотинушка не портилась, держалась бы дому. Будьте мои слова крепки, лепки навеки. Аминь»* (зап. Крашенинникова Ю. А. 7.08.2006 г. от Шехониной В. П., 1932 г. р., с. Лойма), утром в Великий четверг небольшой кусок хлеба подсаживали и ели со словами *«Как эта соль стояла, не урочилась, хлебок не урочился, так чтобы раба Божия я, NN, не урочилась. Будьте мои слова крепки, лепки»* (зап. Крашенинникова Ю. А. 30.06.2010 г. от Шехониной В. П., 1932 г. р., с. Лойма), с приговором *«Как соль не портится, так же мой дом не портись»* (зап. 2004 г., ИЯЛИ: АФ 1550-32) посыпали солью вокруг хлеба или дома и др.

Номинирование Великого четверга «страшным» связано с представлениями местных жителей об активизации в этот день колдунов, особой уязвимости людей и скота. В полевых

материалах представлено довольно много текстов с темами нанесения вреда (порча людей или животных, «запираания» в девушках и проч.), особых знаний колдунов, которые проявляются в этот день Страстной недели (например, способность к оборотничеству, передача магических знаний и проч.) [29]; в имеющихся текстах и свидетельствах фиксируются предписания, запреты и правила поведения в Великий четверг.

Считалось, что в этот день ни от кого ничего нельзя брать и никому ничего нельзя отдавать, чтобы в доме все было (зап. 2004 г., ИЯЛИ: АФ 1548-28). Существующие запреты отдавать что-либо в этот день информанты объясняют опасностью потери имущества, получения ущерба, убывания благ [30]. Найденную в этот день у себя в хозяйстве не принадлежащую тебе вещь нужно выкинуть или сжечь со словами «*Как огонь горит, так чтоб у него [у того, кто подбросил. – Ю. К.] все горело везде*» (зап. 2010 г., НА Коми НЦ: Ф. 5. Оп. 2. Д. 789. Л. 46).

Зафиксирован запрет зевать или разговаривать на улице вечером в Великий четверг, иначе порча попадет в организм через рот (зап. Крашенинникова Ю. А. 28.07.2009 г. от Кармановой Н. И., 1924 г. р., д. Ивановская).

Особую опасность приобретают предметы, полученные в Великий четверг колдуном. Считалось, что животное можно испортить через отрезанную в этот день шерсть, экскременты (зап. Крашенинникова Ю. А. 07.08.2006 г. от Шехониной В. П., 1932 г. р., с. Лойма); внести разлад в семью или разлучить супругов можно, напоив их настоем собачьих фекалий, приготовленным в Великий четверг (зап. 2004 г., ИЯЛИ: АФ 1545-8) и проч.

Таким образом, обращение к отдельным сюжетам календарно-обрядового комплекса, анализ календарной словесности в сопоставительном аспекте позволяет выявить специфические и типичные черты, благодаря которым местная традиция, с одной стороны, имеет свой индивидуальный облик, с другой – довольно органично «встраивается» в культуру Русского Севера; определить реликты материнской культуры, маркеры традиций-доноров, которые в процессе развития местной традиции стали ее неотъемлемой частью. Анализ великочетверговой обрядности и поэзии Лоймы демонстрирует довольно много «отсылок» к фольклорным традициям Русского Севера, в частности северных районов Кировской области (Лузского, Опаринского, Юрьянского и др.) и Вилегодского р-на Архангельской обл.

Сокращения

ИЯЛИ – фольклорный фонд Института языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН (г. Сыктывкар), АФ – аудиофонд, ВФ – видеофонд
НА Коми НЦ – Научный архив Коми научного центра Уральского отделения РАН (г. Сыктывкар)

Примечания

1. Великий Четверг – в христианстве четверг Страстной недели (Великой седмицы) – день, когда состоялась последняя трапеза Иисуса Христа с апостолами накануне Его страданий, на которой было установлено Таинство Святого Причащения. Страстная неделя – последняя неделя Великого поста, посвященная воспоминанию о последних днях земной жизни Иисуса Христа (http://ru.wikipedia.org/wiki/Великий_четверг; http://ru.wikipedia.org/wiki/Страстная_неделя (дата обращения: 30.07.2014 г.)).

2. *Жеребцов И. Л.* Деревни и починки Лоемского погоста в начале XVII века // Известия Общества изучения Коми края. 2004. № 3. С. 88–94.

3. *Жеребцов И. Л.* Где ты живешь. Населенные пункты Республики Коми: историко-демографический справочник. Сыктывкар, 1994. С. 139.

4. *Власов А. Н., Канева Т. С.* К проблеме феноменологии локальных традиций (по результатам исследования фольклорной культуры Европейского Северо-Востока России) // Народная культура Европейского Севера России: региональные аспекты изучения. Сыктывкар, 2006. С. 25.

5. Лоемская традиция относительно недавно стала объектом внимания фольклористов. Краткий перечень основных жанров фольклорной культуры Лоймы см.: *Власов А. Н., Канева Т. С.* Указ. соч. С. 25–26. Несколько работ посвящено отдельным фольклорным жанрам и обрядовым сюжетам, в частности, сделаны наблюдения в области свадебного говорного репертуара, заговорно-заклинательного, сказочного репертуара: *Крашенинникова Ю. А.* Лечебный заговорно-заклинательный репертуар русского населения с. Лойма Прилузского района Республики Коми (в записях нач. XXI в.) // Традиционная культура: научный альманах. 2013. № 3. С. 169–175; *Крашенинникова Ю. А., Шахматская П. А.* Лоемские сказки в записях XXI в. // Живая старина. 2014. № 1. С. 48–52) и др.

6. *Власов А. Н., Канева Т. С.* Указ. соч. С. 25.

7. Материалы записывались в 2004, 2006, 2009, 2010 гг. от информантов 1909–1940 гг. рождения – жителей с. Лойма и населенных пунктов Лоемской администрации Прилузского р-на Республи-

ки Коми; в паспортах к цитируемым текстам указываем дату записи и архивный шифр или данные о собирателе, информанте и населенный пункт, в котором была сделана запись.

8. В частности, «совпадение» репертуара Прилузского р-на Республики Коми и ряда районов Кировской области отмечается на свадебном поэтическом материале: Крашенинникова Ю. А. Записи свадебных приговоров и диалогов в локальных традициях Республики Коми // Русский Север и восточные финно-угры: проблемы пространственно-временного диалога: материалы I Межрегион. конф. и VII Междунар. shk. молодого фольклориста (Ижевск, 23–26 октября 2005 г.). Ижевск, 2006. С. 102–103; Шевченко Е. А. К проблеме формирования фольклорной традиции Прилузья (на примере свадебной лирики) // Русский Север и восточные финно-угры: проблемы пространственно-временного диалога: материалы I Межрегион. конф. и VII Междунар. shk. молодого фольклориста (Ижевск, 23–26 октября 2005 г.). Ижевск, 2006. С. 182–185.

9. См.: Толстой Н. И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М., 1995. С. 53; цит. по: Золотова Т. А. О некоторых формах взаимодействия традиционной славянской и финно-угорской культур // Традиционная культура: научный альманах. 2013. № 1. С. 108.

10. Там же.

11. Близкие значения зафиксированы в «Словаре русских народных говоров» («**ДЕКОВАТЬСЯ** – колдовать; делать что-либо тайно для достижения каких-либо целей <...> Свердл., 1964») (Словарь русских народных говоров. Вып. 7. Л.: Наука, 1972. С. 337–338), ср.: *ДИКОВАТЬСЯ* – делать что-либо тайно для достижения каких-либо целей; колдовать. Свердл., 1964 (Словарь русских народных говоров. Вып. 8. Л.: Наука, 1972. С. 63), «Областном словаре вятских говоров» («нашептывать, колдовать» с пометой *неодобр.* (Областной словарь вятских говоров: Вып. 3 / под ред. В. Г. Долгушева, З. В. Сметаниной. Киров, 2004. С. 124–125). **ДЕКОВАТЬСЯ** имеет довольно широкий спектр значений и географию распространения, см.: **ДЕКОВАТЬСЯ** над кем, *новг. вологодск. перм.* Смеяться, шутить, насмеяться, подшучивать, дурачить <...> (Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М., 1995. Т. 1. С. 426); 1. Резвиться, дурачиться, забавляться; 2. Буянить, шуметь; 3. Издеваться, глумиться, безобразничать, Волог., 1822, Волог., Вят., Яросл., Перм., Свердл., Тобол., Забайк., Енис.; **дэковаться** над кем-либо, Великоуст. Волог., 1847, Волог., Новг., Твер., Перм., Свердл., Челябин.; 4. Дурачить, запутывать, сбивать с толку кого-либо (о нечистой силе); 5. Обнаруживать себя, шевелиться, барахтаться; 6. Удивляться; 7. Биться над чем-либо, стараться; 8. Делаться, происходить, совершаться; 9. Казаться, мерещиться <...> (Словарь русских народных говоров. Вып. 7. С. 337–338). «Словарь вологодских говоров» дает три значения (1. Издеваться, глумиться // насмеяться; 2. Безобразничать; 3. Нуждаться, испытывать сильные трудности) (Словарь вологодских говоров. Вып. 2. Вологда: Изд-во Вологод. гос. пед. ун-та, 1985. С. 17). **ДЕКОВАТЬСЯ** в значениях 1. (над кем-то/чем-то) насмеяться, глумиться, издеваться; 2. (без доп.) баловаться, дурачиться; 3. (с чем-то) играть с чем-л., перен. возиться с чем-л., заниматься чем-л. (обычно хлопотным, трудоёмким) фиксируется в городских диалектах Кировской обл., в городском употреблении следы регистрируются также в Вологодской обл., Удмуртии, Пермском крае, Свердловской обл. (<http://forum.lingvo.ru/actualthread.aspx?tid=125958>, дата обращения 4.08.2014 г.).

12. Приговоры с формулами-приглашениями – «зазыванием» женихов, в также магические действия «разрубания» дороги, «ломания огорода (забора)», производимые в Великий четверг, зафиксированы в Юрьянском и Лузском р-нах Кировской обл. (Михейченко Н. А. Пространственно-временной код ритуальных действий Великого Четверга (по материалам фольклорного архива Сыктывкарского государственного университета) // XX век: Человек в Эпохе. Эпоха в Человеке: материалы всерос. науч.-практ. конф. (14–15 ноября 2005 г.). Сыктывкар, 2006. С. 237–238); разметание дороги для женихов путем обхода дома на помеле – в Вилегодском районе Архангельской обл. (зап. 2004 г., НА Коми НЦ: Ф. 5. Оп. 2. Д. 677. Л. 100).

13. Ср. в материалах из Вилегодского р-на Архангельской обл.: «до восхода солнца мешали сметану, считали деньги, чтобы много было сметаны, денег» (2004 г., НА Коми НЦ: Ф. 5. Оп. 2. Д. 677. Л. 43).

14. Подобные великочетверговые магические действия (перенесение чужой земли на свой огород) зафиксированы в вятских традициях (Михейченко Н. А. Опыт систематизации материалов по Великому четвергу (вятские собрания фольклорного архива Сыктывкарского государственного университета) // Локальные традиции в народной культуре Русского Севера (материалы IV Междуна. науч. конф. «Рябининские чтения – 2003»). Петрозаводск, 2003. С. 205).

15. Аналогичный текст зафиксирован в Котельничском р-не Кировской обл. (Вятский фольклор. Народный календарь / под ред. А. А. Ивановой. Котельнич, 1995. С. 123). Приговор идентичен реплике персонажа из сказки с сюжетом «Волк и лиса» (Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка / сост. Л. Г. Бараг, И. П. Березовский, К. П. Кабашников, Н. В. Новиков. Л., 1979. – Волк у проруби).

16. В материалах, записанных в с. Лойма Н. Поповым в 1898 г., зафиксировано, что лоемские охотники, охотящиеся преимущественно на зайцев, в Великий четверг вешают на огороде заячью лапу и стреляют в нее, охотящиеся на рябчиков стреляют ворон. От успеха первого выстрела зависит успех охоты на весь охотничий период (Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы: материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева. Т. 5. Вологодская губерния. Ч. 4. Тотемский, Устьсысольский, Устюжский и Яренский уезды. СПб., 2008. С. 474).

17. Умывание «с серебра» на Великий четверг с целью приобретения красоты и здоровья, «хорошей жизни» в году характерно для вятских традиций, сведения о нем отмечены, в частности, в Лузском, Даровском, Юрьянском, Опаринском р-нах Кировской обл. (Власов А. Н., Канева Т. С. Указ. соч. С. 25; Михайченко Н. А. Пространственно-временной код ритуальных действий Великого Четверга (по материалам фольклорного архива Сыктывкарского государственного университета) С. 239; Вятский фольклор. Народный календарь. С. 124, 125, 126), а также в материалах из Нижегородской (Корепова К. Е. Русские календарные обряды и праздники Нижегородского Поволжья. СПб., 2009. С. 251), Ярославской обл. (Круглый год / составление, вступ. ст. и примеч. в тексте А. Ф. Некрыловой. М., 1991. С. 458).

18. Вариант этому приговору зафиксирован в записях из Лузского р-на Кировской обл. (Вятский фольклор. Народный календарь. С. 124).

19. *Охлупень* – бревно с желобом, венчающее крышу дома.

20. *Слега* – толстая жердь, брус. Слеги, положенные поперек стропил, служат основанием для кровли (Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова: в 4 т. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1935–1940. Т. 4. С. 257).

21. Мотив залезания на крышу и шевеления охлупня в Великий четверг зафиксирован в вилегодской традиции (Архангельская обл.). Девушки залезали на крышу дома и старались пошевелить охлупень или немного сдвинуть его с места, чтобы быстрее выйти замуж: «У меня сеструха-то долго не выходила, дак на Великий четверг лазила я на хоромы к им и приговаривала, шевелила этот охлупень: “Охлупень, охлупень, шевелись, и значит, и невесту с дому шевели”» (Крашенинникова Ю. А. Заговоры Вилегодского района Архангельской области // Живая старина. 2001. № 64. С. 28).

22. Связывание кольев в Великий четверг с той же целью – чтобы коршун кур не таскал – зафиксировано в материалах из Вилегодского р-на Архангельской обл. (зап. 2004 г., ИЯЛИ: АФ 1719-42).

23. См. материалы Этнографического бюро кн. В. Н. Тенишева, записанные в Лойме в 1898 г.: на Великий четверг у домашних животных (коров и лошадей) немного остригали хвосты и шерсть клали под матицу. В Егорьев день эта шерсть запекалась в «особого рода пирожки», которыми хозяйки кормили животных, после чего их «под иконами» выгоняли из хлева на улицу (Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. С. 475). В Юрьянском р-не Кировской обл. в этот день также подрезали хвосты домашних животных и шерсть с приговором клали под матицу (Михайченко Н. А. Пространственно-временной код ритуальных действий Великого Четверга (по материалам фольклорного архива Сыктывкарского государственного университета). С. 239), в Вилегодском р-не Архангельской обл. отрезанную шерсть клали на наличник (зап. 2004 г., НА Коми НЦ: Ф. 5. Оп. 2. Д. 677. Л. 84).

24. Об этом типе ритуального диалога см.: Толстой Н. И. Фрагмент славянского язычества: архаический ритуал-диалог // Славянский и балканский фольклор. Этногенетическая общность и типологические параллели. М., 1984. С. 26–30.

25. Коррелирует с действиями, производимыми на Крещение: брали воду из своего или трех колодцев, которые не видны друг другу, и обрызгивали этой водой дом; вода считалась святой: «...Говорят, на Крещение вода везде без батюшка... [освященная], крестится сама по себе...» (зап. Ю. А. Крашенинникова 24.06.2013 г. от Безносиковой Д. Д., 1938 г. р., пос. Кажым Койгородского р-на Республики Коми).

26. *Взвоз* – <...> «сев. настилка со двора, в верхний сарай или сенник, для въезда туда возом» (Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М., 1995. Т. 1. С. 193).

27. Вар.: «Круг нашего двора каменна гора, железной тын» (зап. Крашенинникова Ю. А. 28.07.2009 г. от Лобановой А. П., 1920 г. р., д. Кузнецовская). На Вятке аналогичный текст использовали в Великий четверг в скотоводческой магической обрядности с целью ограждения домашних животных от порчи (Вятский фольклор. Народный календарь. С. 122). В Лойме бытует также в качестве окказионального заговора от воров: «Чур, моя крепость, чур, мой дом. Вкруг моего двора каменна гора, аминем обнесена» (зап. 2004 г., ИЯЛИ: ВФ 1532-5).

28. Аналогичный текст записан в Лузском р-не Кировской обл. (Вятский фольклор. Народный календарь. С. 121).

29. Анализ этой довольно большой группы текстов – тема отдельной работы.

30. Например, в одном из суеверных рассказов отдача в Великий четверг небольшого количества сена стала причиной потери всего сена и скота в хозяйстве (зап. 2004 г., ИЯЛИ: ВФ 1521-55).

Некоторые мотивы Великого четверга в Прилузской и Верхневычегодской традициях коми

В настоящей статье рассмотрены верования и ритуальные практики, связанные с мотивом подрезания частей тела животного демонологическим персонажем в ночь на Великий четверг в прилузской и верхневычегодской традициях коми. Стоит отметить, что данный мотив не встречается в других традициях, и этим объясняется обращение к данному фрагменту культуры. Интересующая нас тема лежит на пересечении нескольких сфер традиционной духовной культуры коми: народного календаря, скотоводческой обрядности и мифологических верований.

This article examines the beliefs and ritual practices associated with the motif of the cropping parts of the animal's body demonological character on the night of Holy Thursday in Priluzsky verhnvychevodskoy traditions and Komi. It is noteworthy that this motif is not found in other traditions, and this explains the appeal to this fragment culture. We are interested in the topic lies at the intersection of several areas of traditional spiritual culture of the Komi: national calendar, herding ritual and mythological beliefs.

Ключевые слова: коми фольклор, Великий четверг, ритуальные практики, демонологические персонажи.

Keywords: Komi folklore, Maundy Thursday, ritual practices, demonological characters.

Прилузская традиция коми фольклора является своеобразным маркером, который, с одной стороны, отражает оппозицию «своё/чужое» с проживающими здесь русскими, с другой – коми, которые проживают в других районах республики. В первую очередь, отметим, что прилузская этнографическая группа коми объединяет население, проживающее по рекам Луза и Летка, так называемые южные коми. Была выделена этнографами на основе археологических, антропологических, лингвистических данных и получила название по современному административно-территориальному делению [1]. В отличие от других групп коми характеризуется земледельческим типом хозяйства и тесными контактами с населением Русского Севера, некогда входившей в состав Вятской губернии [2].

Согласно экспедиционным записям в прилузской традиции к Великому четвергу приурочено проведение разнообразных магических действий:

– апотропеические, которые актуализируются представлениями об активизации демонических персонажей в ночь на Великий четверг и направлены на охрану людей, дома и хозяйства от негативного воздействия нечистой силы: перекрещивали двери и окна, рисовали кресты мелом на дверях, втыкали на косяках дверей можжевельные ветки и др.;

– инициальные: взбивали масло, пересчитывали деньги, проводили ритуалы, посвященные преуспеванию в промыслах и хозяйстве (охотники чистили ружья, доставали охотничье снаряжение; рыбаки имитировали рыбалку, описывая большую добычу, женщины зачинали разные хозяйственные дела, пересчитывали скот, старались первыми затопить печь);

– очистительные: прибирались в доме, выпаривали молочную посуду можжевельником, мылись в бане, выводили клопов и тараканов, умывались у ручья («чтобы ушли вниз по течению болезни и печали»);

– символические: в Великий четверг усиливались магические свойства предметов, и/или они приобретали сакральные свойства на весь год, например, великочетверговая соль, хлеб и можжевельник, которые использовались в охранительных и лечебных целях в течение года, а также великочетверговые хлеб и соль скармливали скоту в Егорьев день, когда происходил символический выгон скота.

Перечисленные ритуалы были зафиксированы среди вятского населения [3]. Проведение подобных ритуалов обычно приурочено к таким датам народного календаря, которые в

мифопоэтическом плане ассоциируются с Новым годом; таковым у славян на западе и севере является Великий четверг, выделенный ещё Д. К. Зелениным [4], у южных – Юрьев день [5].

В качестве примера приведем фрагмент из полевых записей 2005 г.:

[Ыджыд четвергсö помнитанныд?] Помнита Ыджыд четвергтö. Вöлли, миян бабка катö «Чечче, чечче мунö чожа вала ветлöй» Ме öни ветльывла ешиö. «Пышйöн мунö, ветлö чой паныд» Кулигаад ватö катöдны. «Пышйöн ветлö чой паныдыс» [Мыйла?] Мед бы чожджыка ветлан, да. <...> Да. «Чожа-чожа, пышйöн, мед бы чожджсь лоанныд». Асылын, водз асывнас о-о шондытöг <...> Да тусяпула, сйö бара то подоньчатö паритны да кринкаястö паритны, мед чöскыдджык йöлыд, оз портиччы, вот сйö, сйöс. <...> ме вайлывла жö менам тö пыр тусяпусьö, мый мало ли мый керкаад неладнö тшындö-тшындöдöбтыны сия тусяпунас, ме и öни кор мыйке дак тшындöдöбтывла <...> Сарай розьö петан чериг кыйны палкаöн, черигалан как. Чериг кыямö, да сйö палкаöн чериг кыям, мед бы чериг эз быраллы, чериг эз быраллы, пыр сйö вöли мед бы черигыс. Сэсся деньгатö лыддямö. Сотталöмön, мелочыд и гырысьясыс ий содталöмön тысячяс лыддям, сйö öни и пыр лыддямö, мед бы пыр вöли, пыр бы мед деньгаöн вöлин. <...> [Лудик-тöрöкан эз вöтлылöй?] А лудик-тöрöкантö сйö Великой четвергнад ме ачым нулли то. Сйö куим туй вежö колö нуны лудиксö да тöрöкансö, мича лöскутö тэчны, кöртышытыны и нуны. Ме ачым нули, первой воас вои да ми узьны эг вермöй, сымда лудикыс вöвльывлис. Сэсся меным öтиг бабка висьталлис, тётка, но сия рöдня миянлы да, тэ пö Великой четвергнас пö öкты нидаös да ну куим туй медым бы эм, ме сэсся этчаныö и нуи, куим сэччи мунö туй, тадзи видз мунö крестовой туйö нуи, бöрдöдны пö колö «Ой-йой, бурöсь вöвлыныд да ме тай тiянös тай колльöда-нуа», да бöрдöддан сйö. Сэсся менам мунисны. <...> Кор аслыныслысь тшыкöдöны, да-да, нида ветлöдлöны, нида эмöсь-эмöсь, öни миян ме ог тöд кодкö эм абы нин. [Водзын сэтшöмыс вöлöма?] Вöлисны, деревняясас кажнöйын вöлисны, миян Кулигаад то куим морт вöллисны, тоже тшыкöдчысны, важсья йöзыс будтö. Так гортсьыс некодлысь кö оз вермыны, так гортсьыс тшыкöдасны, мöсьястö вундалöны. [Великий четверг помните?] Помню Великий четверг. Было такое. Бабушка нас будила: «Вставайте, вставайте, давайте быстренько за водой сбегайте». Я и сейчас еще хожу. «Идите бегом». А в Кулиге надо в гору идти за водой. «Бегом поднимайтесь в гору». [Для чего так надо?] Чтобы быстрее бегали <...>. Да-да, «быстро-быстро» бегом, чтобы шустрыми были». Утром, рано утром разбудит, до восхода солнца.<...> Да за можжевельником отправит, им подойники и кринки парили, чтобы молоко вкуснее было. Я и сейчас можжевельник приношу, у меня всегда он есть, если в доме что-то неладно, надо окурить этим можжевельником, я и сейчас, если что неладно, окуриваю. <...> В сарай к туалетной дыре выходишь и рыбу ловишь палкой, как бы рыбачишь. Рыбу ловим. Рыбу ловим, палкой рыбу ловим, чтобы рыба не заканчивалась, чтобы всегда ловилась. Затем деньги считаешь, прибавляя. И мелочь, и крупные, прибавляя, тысячами считаешь, это и сейчас считаем, чтобы всегда водились, чтобы всегда с деньгами быть. <...> [Клопов и тараканов не выводили?] А клопов и тараканов на Великий четверг я сама относила, в первый год как в этот дом переехали, спать было невозможно, столько клопов было. Надо на перекресток трех дорог отнести клопов и тараканов, в красивый лоскуток сложить, подвязать и отнести. Меня научила одна бабушка, родственница, ты, говорит, на Великий четверг собери их и отнеси на перекресток трех дорог, и причитывать надо: «Очень ведь хорошие были, да вот я вас отвожу-провожаю» – оплакиваешь. Ушли от меня. [о. з.] Да-да они <еретники> ходят, есть такие, сейчас, думаю, уже нет таких. [Раньше были?] Были, в каждой деревне были, у нас в Кулиге три человека таких было, порчу наводили, раньше были такие люди. Если не смогут другим навредить, так на своих порчу наведут, коров подрезают [6].

Большое значение придается **кануну Великого четверга**. Содержание большинства рассказов строится вокруг представления об активизации демонологических персонажей в ночь на Великий четверг, таких как *колдунья, еретница, шева*. Демоническая активность связывается с мотивом общего сборища (шабаша) нечистой силы. По распространенным поверьям, в ночь на Великий четверг колдуны, обернувшись сорокой, вылетают в печную трубу либо летят на место сбора, сев на метлу / кочергу / жердь, их полёт сопровождается особым шумом. Местами подобных сборов в текстах указываются болота, лесные опушки, песчаные острова на реках, *Ерусалим*. Здесь, по народным поверьям, колдуны дают отчет о своей зловредной деятельности и получают новые задания:

«Миян танi вöли Быбыль Иван, кулис нин сия Лихачевкаысь ачыс <...>. Сия ачыс коркö висьтасис. Ми пö сөвешаннияс вылö чукартчам этан мöд пöлас матын вөр саяс сразу Мös нюр

вöлі Ыджыд четвергнад. <...> сія винатö юас, сэсся ошйысьö, ышкöдчö, мый сія тшыкöдчыныд кужö. Сэсся пö мянлы сетöны заданньö, кыным мöс вундыны, мöсьяс портитны, мед оз лысьтыны. А сэн Тыдор Абъячойад, Тыдорас сэн колхоз вот сэн скöтнöй дворыс ставыс креститтöм. Сія водзті ви мöстö лыстöны крестьянаыд, и сія йöлтö колö креститöны, мед этшöмъясыс этчичи оз пырны, а сэн пö ставыс креститтöм, мянлы пö воля и свобода. Кыным мöс кöть кымынöс висьталö сы мында и вундi, а нида вундылöны кыдзи: грива вылтiыс вындöны, сэсся бöжöдзыс. <...> Главар, вот сія абъявляйтö. И этчичи нида оз подöн ветлыны этчичи, лэбалöны розкөн, рос вылын, да любей, кочерга, кöть мый вылын» Был у нас здесь Бобыль Иван, умер уже, из Лихачевки сам был. <...> Мы, говорит, на совещания собираемся в Великий четверг, здесь недалеко на той стороне реки сразу за лесом Коровье болото было. <...> Он сам как-то рассказывал, выпьет, потом хвастается, что умеет наводить порчу. И там нам задания дают, сколько коров отрезать, навести порчу, чтоб не доились. А там, в Тыдоре около Объячего, в Тыдоре был колхоз и скотный двор, и там ничего не перекрещено. Раньше ведь как было, крестьянин подоит корову, и перекрестит <хлев> и молоко, чтобы не зашли всякие. А там <в совхозном коровнике> ничего не перекрещено, и нам <еретникам>, говорит, воля и свобода, хоть сколько коров подрезай – наводи порчу. А они ведь подрезают у коровы по хребту, начиная с гривы до хвоста. <...> Главный <задание> им объявляет. Туда они пешком не ходят, летают на метле, кочерге, хоть на чём [7].

Основным действием демонологического персонажа в устных текстах (быличках, поверьях) называется отрезание частей тела животного и / или нанесение многочисленных кровавых ран, к примеру:

«Ыджыд четвергнад вундавлöны <мöсьястö>, лёк вöчысьясыд, кодлөн налөн öд лöгыс, кыдз шуласны, сы вылö лёксö имеютö, да сійöс и вöчö, код вылö лёксö оз имеют, сійöс оз вöч, код вылö кö имеютöны, сэсся скöт вылас и вöчöны, медым вредитны». На Великий четверг наносящие вред отрезают части тела <коров>, если имеют зло на какого-то человека, наносят порчу на его коров, чтобы навредить. Если не имеют зла, то и порчу не наносят [8].

Ыджыд четверг войнас пö ветлöдлö, ветлöны вед сійö. [Коді ветлö?] Коді, тöдысьясыс ветлöны буди-а, ме оз тöд. [Сэсся мый пö сія вермас вöчны?] А көнъя тай шуöны вундалöны и всякö важöн, мöскыслысь пö талун бара картасьыс вундалöмны, картасьыс, гöльö, вундалöм шулісны. [Кыдзи вундалöны?] Сідз жö вундалöны яндзимсö, бöжсö и кодлысь кыті сяммöны, кыті сяммöны. [Сэсся мый мöскыс кулö?] Да оз жö да мый торксö, йöв чинö, висьö. В ночь на Великий четверг ходит, ходят, мол, они. [Кто ходит?] Кто, колдуны ходят видимо, а я не знаю. [Что он может сделать?] Говорят, он, мол отрезает и по-всякому говорили раньше. Говорили, у коровы в хлеву подрезали <где-то>, в хлеву и подрезали. [Как подрезали?] Так и подрезали репицу, хвост, где у кого смогут. [Потом корова умерла?] Нет, но всё у нее нарушается: молоко убывает, заболевает [9].

Мотив отрезания частей тела чаще всего разворачивается в быличках, сюжет которых заключается в описании покалеченной скотины, обнаруженной утром Великого четверга хозяином, и соответствующих последствий. Животное, у которого отрезали часть уха, хвоста, вымени или репицы, теряет функциональные характеристики: у коровы уменьшается или теряется удой, снижается жирность молока, а у овец снижается качество шерсти; животное заболевает; перестает размножаться; нарушается *вод* скота, что со стороны хозяина / владельца животного оценивается как порча, а отрезание частей животного – как основной способ нанесения порчи, в чём выражается вредоносная функция демонологических персонажей:

«Важöн вундавлісны, Ыджыд четвергнас важöн вундавлöмны вöраястö, и мыйке бöж ултсэ и сэки вундалöмны <...> тöдысьыс, лёк тöдысь, бур тöдысьыс öд оз татшöм вредсö вöч, вот тэ вöрасö вунды мöскыслысь. Вундöны вот тадзи то, вообще тадзи то ранаяс вöчасны дай, ранаяс вöчасны дай вöра вылас. Сэсся мöсьясыс торксясны, мый сія вöрасö кö вундан, ранасö тэ сійöс вöч, сійö мый, сія кö молочнöй сосудъяссö вундас, мый сійö лоас. Сія йöлыс нетö вöрасяньыс оз мун нёняс. А кодлөн кутшöм мыйке, кыдз шуласны кытчичи колö вредитны». Раньше в Великий четверг отрезали, подрезали вымя, репицу тогда отрезали. Это делали знающие, на плохое знающие, который ведь на хорошее знает, такой вред не сделает, вот ты отрежь вымя коровы. Вот так отрезали, так раны делали, даже на вымени раны делали. Потом корова испортится, а что ещё может быть, если вымя отрежешь, рану сделаешь, что ещё может быть, если молочные сосуды отрежешь. Молоко не будет идти с соски. Вот так они вредили [10].

«Шулісны, вундавлісны в'орас'о, вундавлісны н'ёнъясс'о <Ыджыд четвергнад>, портитісны. Сэтчи'ом нидалы кор телепит, сэки ий вунд'оны, но как хочется, да. М'оскыс сэсса й вись'о, дугд'о сетчыны лысьтыны, сэсса ий вермас косьмыны. <вундал'оны> м'ос в'ора, яндзимс'о, мед портитны, ом'оль в'очны, шу'оны ж'о тай, нидалы как ти'окт'оны в'очны, нидал'он'од тоже шу'оны начальник'яс эм'ос'». Рассказывали, что отрезали вымя, отрезали соски коровы на Великий четверг. Отрезали тогда, когда им хочется <делать зло>. Потом корова заболевает, не поддается дойке, и может пропасть молоко (букв. высохнуть). Отрезают вымя коровы, репицу, чтобы навести порчу, плохое сделать, говорят их заставляют такое делать, и у них начальник есть [11].

Таким образом, в прилузской традиции **вундал'оны** 'отрезают', по народным представлениям, является способом нанесения порчи демонологическим персонажем, в чем выражается **вредоносная функция демонологического персонажа**.

Верхневычегодская традиция. Объединяет население, проживающее по реке Вычегда, Локчим, Вишера, по современному административно-территориальному делению представляет Усть-Куломский и Корткеросский р-ны Республики Коми. Как отмечают этнографы, «в культуре верхневычегодских коми сохранялись многие черты древних традиций, обусловленные высокой ролью в хозяйственной деятельности занятий охотой и рыболовством» [12].

В большинстве случаев первой реакцией исполнителя на вопрос о Великом четверге (они могли быть самые разные: Слышали ли вы что-то про Великий четверг? Что раньше делали на Великий Четверг? и т. п.) следовала характеристика Четверга или кануна дня как опасного периода, что обосновывалось поверьями об активизации нечистых сил, их вредности, описанием способов защиты от них.

Ыжыд четверг страшнэй везжонэн шувены. Водз идрасьны, быдлат крестовны: став'ошинь, 'одзес, мед еретник оз пыр. (Мыйке шувалэны?) «Кристос печать, пас'ов'оя рука, ангельской молитва, причистая замока. Петыр-Павел, йигно-томнов з'ол'отэй ключнад, з'ол'отэй томаннад'ошинь, 'одзес, керка и карта». Быд'ошинь и 'одзес крестолэны, мед еретник оз пыр. Великий четверг называют страшной неделей. Пораньше со скотом управиться, кругом перекрестить: все окна и двери, чтобы *еретник* не смог зайти [Что-то говоришь?] «Печать Христа, рука Спаса, молитва Ангела, замок Причистой. Петр-Павел, запи-замкни золотым ключом, золотым замком окна, двери, дом и двор». Все окна и двери перекрещивают, чтобы *еретник* не смог зайти [13].

В ряде текстов рассматриваемой традиции **вундал'оны** 'отрезают' обозначает способ нанесения порчи, что является также выражением вредоносной функции демонологических персонажей:

[На Великий Четверг портили скотину?] Это тоже слышали мы. Это колдуньи. Колдуньи бывали, что отрезали хвосты да отрезали эти уши да. Это в старые время были. [Что надо делать?] Если резали хвост да уши у коровы, это только зарезать, это уже корова у тебя не приживет уже. Да. Только это как говорит начкыны. Начкыны это резать. [Как оберегали?] Я этого не знаю. Вот молитвы тоже, наверно, надо было читать, кресты делать на дверях, чтоб эти колдуньи не залезли [14].

У коровы в другой раз утром выйдут, да у коровы в ушах кровь идет, значит, отрезали уже. [Зачем отрезали?] Еретничают, не знаю, это уже привычка у всех была, что перед этим что-то надо делать. Еретники ходят и вредят, ходят и вредят, которые могут [15].

Согласно следующему тексту *еретник* подрезает уши и хвост коров в ночь на Великий четверг с целью отбирания молока:

[Еретникыс мый'воче?] Б'ожтэ вундэ, м'ос пельтэ вундэ. [Мыйла?] Еретничайтэ, еретникыс сэсса пондас уна м'ос лысьтыны й'ов с'ейны. Сылы сэсса еретникыслы й'ов пондас воны. [А кыз сылы й'олыс вовас?] Кыз? С'йе м'оссэ тшыкедас, и м'оскыдлэн й'олыс быре, сылы сэсса аслыс й'олыс лове. Еретник'яс'ыд пырены труба розедыд, г'оликен и птицаэн. <...> С'ёр костэ пе, важен в'олі с'ёр'гя мыйке'ыд керка пачсян'ыд с'ёр тай в'очены. Сэтчи пе ведра, кык ведра л'ос'од'омась, да бытте пе м'ос лысьтэ. «Т'ол'о С'юруш, т'ол'о С'еред, т'ол'о Калюш», только пе й'олыс бызге. [Еретник что делает?] Отрезает хвост, ухо коровы. [Зачем?] Еретничают, и еретник будет много коров доить, молоко есть. Ему потом еретнику будет молоко идти. [А как к нему молоко попадет?] Как? Он наведет порчу на корову, и у коровы молоко пропадет, молоко будет ему <еретнику>. Еретник заходит через печную трубу, превращается в метелку или

в птицу. <...> Говорят <садится> между грядок, ставит два ведра, и будто корову доит: «Тӱлӱ Сюрүш, тӱлӱ Серед, тӱлӱ Калюш [16]», а молоко только и льется. Не знаю, что доит, сам между грядками <сидит>. Перебирает клички коров, и доит, молоко льется в ведро [17].

В данном тексте мотив – имитирование доения между грядками [18] выступает как способ получения молока [19], которое стало возможным после того, как *еретник* подрезал ухо и хвост коровы.

В ряде текстов вредоносная функция мифологического персонажа выражается действием – *пасйӱны* 'отмечают', что встречается только в текстах верхневычегодской традиции:

[Ыджыд четвергыс мыйсяма сйӱ лун?] Ыджыд четвергыс – сйа мӱс пель пасйӱны да мыйда. Сэки карта ӱдзӱсьястӱ игналӱны да мыйда Ыджыд четвергыслы паныд. [А мыйла пасйӱны?] Код нӱ тӱдӱ, кодӱ велӱдчӱма сйӱ и керӱ. Еретникъяс жӱ. [Мыйӱс пасйӱны?] Мыйӱс лӱк вӱчӱны. [Великий четверг – это какой день?] На Великий четверг уши отмечали да что да. Тогда закрывали двери хлева и всякое накануне Великого четверга. [А зачем отмечали?] Кто знает, кто научился, тот и отмечает, еретники тоже. [Зачем отмечают?] Чтобы плохое натворить [20].

Анализ полевых материалов показал, что *еретник скӱт пасъялӱ* 'отмечает животных', *мӱс пель пасйӱ* 'отмечает ухо коровы', *мӱстӱ пасйӱ* 'отмечает корову', *ыж пель пасйӱ* 'отмечает ухо овцы', *ыжтӱ пасйӱ* 'отмечает овцу' – с целью нанесения вреда, что является выражением вредоносной функции *еретника*:

«Еретникыс сйа тӱдыссьыс вобщем торъя, торъя сйа, сйа еретничайтӱ вӱлэм скӱттӱ пасйӱны да мыйда. Сэсся Ыджыд лун вовас да Ыджыд Четвергкӱд паныд вӱлӱ мӱс пельястӱ вундаласны, сйен занимайтчены вӱлэм <...> Мӱс пельсӱ вундасны, пасъясны бытте мӱссӱ тӱӱткаслысь пыраласны да, сэсся Ыджыд Четвергкӱд паныд сйе кытшовтасны, мӱс пель торсӱ ӱшласны, да еретникъясылэн налэн сӱтче вӱлэм вый виялӱ. <...> Гортас нуvasны да ӱшлӱны вӱлэм сйе сэсся дозйе вый виялӱ вӱлэм. Сйа еретникыс тӱдыссьыс вобщем торъялӱ. Еретникыс не сйа верме пӱртчыны гӱлике, кӱлуйей, катшай, ракай, мый думайтас – сйей не, сйа не и лове. Еретник – он отличается от знающего, они еретничали – отмечали скот да что да. Потом придет Пасха, и в канун Великого четверга подрезали уши коровам, вот этим занимались. Отрежут ухо корове, будто отметят корову у тетки, проникнув <в хлев>, в канун Великого четверга обойдут, подвешат подрезанные уши коров и у еретников оттуда масло капает. Унесут домой, подвешат, и оттуда в мисочку капает масло. В общем, еретник отличается от знающего. Еретник, говорят, может превращаться в метлу, одежду, сороку, ворону – в кого задумает, в того и превратится [21].

В данном тексте *мӱс пель вундӱм* 'отрезание уха коровы' и *скӱт пасйӱм* 'отмечание скота' представляют единое действие, в котором второе является результатом первого: отрезая кончик уха, *еретник* оставляет на животном знак о своей собственности. И кончик уха коровы, полученный в результате совершенного магического акта, символизирует животное, и по принципу парциальной магии позволяет владеть животным в целом. По сообщению информатора, «еретнику капает масло», что является символом жирности молока, соответственно отрезание уха коровы в ночь на Великий четверг рассматривается как способ перенимания молока и «спора» (достатка).

Таким образом, как показал анализ полевых записей, в верхневычегодской традиции демонологические персонажи *вундалӱны* 'отрезают' и *пасйӱны* 'отмечают' домашний скот с целью нанесения порчи или отбирания молока, что является выражением вредоносной функции мифологического персонажа. Лексическое значение глагола *пасйӱны* 'отметить, оставить знак собственности', в верованиях и ритуальных практиках по современным записям не проявляется.

Совсем иная картина представляется в архивных записях. Так, согласно материалам В. П. Налимова [22], которые были записаны в начале XX в., корова, у которой отрезали часть уха в ночь на Великий четверг, начинает давать мало молока, потому что, «по представлениям зырян», часть молока переходит тому, кто отрезал. Исследователь объясняет данный факт основами «первобытной религии зырян. Женщина, вырезавшая часть уха у коровы, пользуется частью коровы, отсюда вытекает её право на часть молока, которое дает эта корова». В других случаях *пель вундалысь* делает на ухе коровы отметину, и данное действие обозначается как *мӱс пель пасйӱны* «отметить ухо коровы». Семантика данного магического действия исходит от значения глагола *пасйӱны* и обозначает «наложить пометку, сделать

знак, который даёт право на пользование тем предметом, объектом, на котором сделана пометка, знак» [23]. Исследователь отличает два вида действия: *вырезание* части уха коровы с целью отбирания молока и *отмечание* животного подрезанием уха коровы с целью овладения животным, в том числе молоком [24].

Таким образом, представления и ритуальные практики, относящиеся к Великому четвергу [25], в коми традиции имеют локальный характер. Общим для прилузской и верхневычегодской традиции является представление об активизации демонологических персонажей в ночь на Великий четверг [26], способных наносить порчу на животных подрезанием частей тела животного. Данный мотив является отличительной чертой демонологических персонажей в коми традиции и позволяет выделить их из разряда славянских ведьм. По рассмотренным материалам мы можем проследить трансформацию этого мотива.

Примечания

1. Лашук Л. П. Принципы историко-этнографического районирования Коми АССР // Известия Коми филиала всесоюзного географического общества. Вып. 6. Сыктывкар, 1960. С. 97–105.

2. Жеребцов Л. Н. Этнокультурная специфика прилузских коми // Крестьянство Коми края (досоветский период). Сыктывкар, 1986. С. 97–107 (Труды ИЯЛИ Коми филиала АН СССР. Вып. 38).

3. Михейченко Н. А. Опыт систематизации материалов по Великому четвергу (вятские собрания фольклорного архива Сыктывкарского государственного университета) // Локальные традиции в народной культуре Русского Севера: материалы IV Междунар. науч. конф. «Рябининские чтения – 2003». Петрозаводск, 2003. С. 204–205.

4. Зеленин Д. К. Очерки русской мифологии: Умершие неестественной смертью и русалки / Вступит. ст. Н. И. Толстого; подгот. текста, коммент., указ. Е. Е. Левкиевской. М., 1995. С. 238.

5. Агапкина Т. А. Мифопоэтические основы славянского народного календаря. Весенне-летний цикл. М., 2002.

6. ФФ ИЯЛИ А1570. Яборова В. П., 1935 г. р. (ур. д. Кулига). д. Гарь, Спаспорубский с/с, Прилузский р-н. Соб. Лобанова Л. С., 2005 г.

7. ПМА. Вахнин А. П., 1928 г. р.; п. Чекша, Ношульский с/с, Прилузский р-н. Зап. 2006 г.

8. ФФ ИЯЛИ А1566. Козлова М. М., 1932 г. р.; д. Рай, Спаспорубский с/с, Прилузский р-н, РК. Зап. Лобановой Л. С. в 2005 г.

9. ФФ ИЯЛИ В1506. Андреева Екатерина Алексеевна, 1924 г. р. д. Березники, Прилузский р-н. Зап. Панюков А. В., Савельева Г. С., 2000 г.

10. ФФ ИЯЛИ А1566. Козлова М. М., 1932 г. р. д. Рай, Спаспорубский с/с, Прилузский р-н. Зап. Лобанова Л. С., 2005 г.

11. ФФ ИЯЛИ А1564. Фомина К. П., 1937 г. р. (ур. д. Кулига) д. Гарь, Спаспорубский с/с, Прилузский р-н. Зап. Лобанова Л. С., 2005 г.

12. Жеребцов Л. Н., Лашук Л. П. Этнографический уклад населения Верхней Вычегды // Историко-филологический сборник. Коми филиал Академии наук. Вып. 5. Сыктывкар, 1960. С. 53–98. Цит по книге: Конаков Н. Д. Этнографические группы коми-зырян // Народы Поволжья и Приуралья. Коми-зыряне. Коми-пермяки. Марийцы. Мордва. Удмурты. М.: Наука, 2000. С. 30.

13. ФФ ИЯЛИ В1114. Слюсер А. А., 1906 г. р. с. Нившера, Корткеросский р-н. Зап. Панюко А. В., Савельева Г. С., 2000 г.

14. ФФ ИЯЛИ А1105-9.

15. ФФ ИЯЛИ А1101-36. Шевченко М. Н. 1937 г. р. с. Большелуг, Корткеросский р-н. Соб. Савельева Г. С., Жилина Е., 1996 г.

16. *Тёлё* – возглас, обращение к корове, обозначающее просьбу стоять спокойно при доении, остановиться. Перечислены клички коров: *Сюруш* (букв. Рогатая), *Серед* (букв. Рябая), *Калюш* (букв. Белоголовая).

17. ФФ ИЯЛИ. В1114. Слюсер А. А., 1906 г. р. с. Нившера, Корткеросский р-н. Соб. Панюков А. В., Савельева Г. С., 2000 г.

18. Грядки определяют границу между мужской и женской частями традиционного жилища коми, и в представлениях наделены статусом пограничного.

19. Ритуальное доение как способ перенимания «спора» может быть рассмотрен на основе текста, согласно которому в ночь на Страстной четверг «еретницы, обернувшись сороками, проникают в хлев и доят коров, а затем вешают пустое ведро на кол, угол забора или поленницу и, упомянув имя хозяйки, трижды произносят: «Йёлыс – вылыс – меным, кёзьякалы – лёз ва. (Молоко–сливки мне, хозяйке – синяя вода» (Кудряшова В. М. Заговоры народа коми // Общее и особенное в жанрах коми фольклора и литературы. Труды ИЯЛИ. Вып. 48. Сыктывкар, 1991. С. 34–45). Подобного рода действия характерны для славянской культуры, и мы рассматриваем этот сюжет как заимствованный.

20. АФ 1104-15

21. ФФ ИЯЛИ. В1103. Подорова А. М., 1922 г. р., Подоров И. И., 1922 г.р. с. Нившера, Корткеросский р-н. Соб. Панюков А. В., Савельева Г. С., 1996 г.
22. Материалы В. П. Налимова хранятся в Архиве Финно-угорского общества г. Хельсинки, представляют вычегодскую традицию началу XX в.
23. Кроме того, вырезание знаков собственности на ушах оленей является актуальной практикой среди ижемских коми, занимающихся оленеводством. [ПМА: с. Петрунь, Интинский р-н, Республики Коми. Зап. 2012 г.]
24. Налимов В. П. Материалы по этнографии зырян и пермяков // SUSA. (г. Хельсинки). Рукописные материалы В. П. Налимова. 1. 38. 2.
25. Лобанова Л. С. Магия Великого четверга в скотоводческой практике коми // Фольклористика коми. Сыктывкар, 2012. С. 103–123. (Труды ИЯЛИ. Вып. 70).
26. Представления о демонологических персонажах рассмотрены в статье: Лобанова Л. С. Колдун-«еретник» в магии Великого четверга у коми // Живая старина. 2010. № 2. С. 49–51.

Список сокращений

- ИЯЛИ – Институт языка, литературы и истории Коми научного центра РАН
ФФ ИЯЛИ – Фольклорный фонд Института языка, литературы и истории Коми научного центра РАН;
ПМА – полевые материалы автора;
АФ – аудиофонд.

Notes

1. Lashuk L. P. *Principy istoriko etnograficheskogo rajonirovaniya Komi ASSR* [Principles of historical and ethnographic division of the Komi ASSR] // *Izvestiya Komi filiala vsesoyuznogo geograficheskogo obshchestva* - News of Komi branch of the all-Union geographical society. Is. 6. Syktyvkar. 1960, pp. 97-105.
2. Zherebtsov L. N. *Ehtnokul'turnaya specifika priluzskih komi* [Ethno-cultural specificity of Priluzha Komi] // *Krest'yanstvo Komi kraja (dosovetskij period)*- Peasantry of the Komi region (the pre-Soviet period). Syktyvkar. 1986. Pp. 97-107 (Proc. of Institute of language, literature and history Komi branch of the USSR Academy of Sciences. Is. 38).
3. Mikheichenko N. A. *Opyt sistematizacii materialov po Velikommu chetvergu (vyatskie sobraniya fol'klornogo arhiva Syktyvkarского gosudarstvennogo universiteta)* [The experience of systematization of the materials on Maundy Thursday (Vyatka collections of the folklore archive of the Syktyvkar State University)] // *Lokal'nye tradicii v narodnoj kul'ture Russkogo Severa: materialy IV Mezhdunar. nauch. konf. «Ryabininskie chteniya -2003»* - Local traditions in the folk culture of the Russian North: proceedings of the IV international. scient. conf. "Ryabin readings -2003". Petrozavodsk. 2003. Pp. 204-205.
4. Zelenin D. K. *Oчерки russkoj mifologii: Umershie neestestvennoj smert'yu i rusalki* [Essays on Russian mythology: Died with unnatural death and mermaids] / Introd. art. N. I. Tolstoy; prep. text, comments, indexes E. E. Levkievskaya. Moscow. 1995. P. 238.
5. Agapkina T. A. *Mifopoehticheskie osnovy slavyanskogo narodnogo kalendarya. Vesenne letnij cikel* [Mythopoetic foundations of Slavic folk calendar. Spring summer cycle.] Moscow. 2002.
6. Folklore collection of the Institute of language, literature and history. Yaborova V. P., born 1935, (village of Kuliga). Gar village, Spasporubsky, Priluzsky district. Col. of Lobanov L.S. 2005.
7. PMA. Vakhnin A.P., born 1928; Cheksha settl., Noshulsky, Priluzsky district. Rec. 2006
8. Folklore collection of the Institute of language, literature and history A1566. Kozlova M. M., born 1932; Paradise village, Spasporubsky, Priluzsky district, RK. Rec. Lobanova L.S. in 2005.
9. Folklore collection of the Institute of language, literature and history B1506. Andreeva Ekaterina Alekseevna, born 1924, Berezniki village, Priluzsky district. Rec. Panyukov A.V., Savelieva G. S. 2000.
10. Folklore collection of the Institute of language, literature and history A1566. Kozlova M. M., born 1932; Paradise village, Spasporubsky, Priluzsky district. Rec. Lobanova L.S. in 2005.
11. Folklore collection of the Institute of language, literature and history A1564. Fomina K.P., born 1937, (Kuliga village) Gar village, Spasporubsky, Priluzsky district. Rec. Lobanova L.S., 2005.
12. Zherebtsov L. N., Lashuk L. P. *Ehtnograficheskij ukhad naseleniya Verhnej Vychegdy* [Ethnographic structure of the population of the Upper Vychegda] // *Istoriko filologicheskij sbornik* - Historical and philological collection. Komi branch of the Academy of Sciences. Is. 5. Syktyvkar. 1960. Pp. 53-98. Quote from the book: Konakov N. D. *Ehtnograficheskie gruppy komi zy* [Ethnographic groups of Komi-zyryans] // *Narody Povolzh'ya i Priural'ya. Komi zyryane. Komi permyaki. Marijcy. Mordva. Udmurty* – Peoples of the Volga and Ural. Komi-Zyryans. Komi-Permyaks. Mari. The Mordvins. Udmurts. Moscow. Nauka. 2000. P. 30.
13. Folklore collection of the Institute of language, literature and history B1114. Sluser A. A., born 1906, Newshera village, Kortkerossky district. Rec. Panuco A.V., Savelieva G. S. 2000.
14. Folklore collection of the Institute of language, literature and history A1105-9.
15. Folklore collection of the Institute of language, literature and history A1101-36. Shevchenko M.N born 1937, Bolshelug village, Kortkerossky district. Rec. Savelieva G. S., Zhilina E. 1996.

16. Tölä - cry, appealing to the cow, indicating a request to stay calm during milking, to stop. Names of the cows: Cyrus (lit. Horned), Cered (lit. Speckled), CaLuhs (lit. Griffon).

17. Folklore collection of the Institute of language, literature and history B1114. Sluser A. A. born 1906. Newsher village, Kortkerossky district. Rec. Panyukov A.V., Savelieva G.S. 2000.

18. The ridges define the boundary between male and female parts of the traditional dwellings of Komi, and the performances are given the border status.

19. Ritual milking as a way to learn "dispute" can be considered on the basis of the text, according to which in the night of Passion Thursday "eretici, turning magpie, penetrate into the barn and milk the cows, and then hang an empty bucket on a stake, a corner of a fence or a woodpile and, mentioning the name of the hostess, say three times: "Йёлыс – вылыс – меным, кёзъякалы – лёз ва. (Milk-cream to me, blue water – to the hostess" [Kudryashova V.M. *Zagovory naroda komi* [Incantations of the Komi people] // *Obshchee i osobennoe v zhanrah komi fol'klora i literatury*. - General and particular in the genres of Komi folklore and literature. Proceedings of Institute of language, literature and history. Is. 48. Syktyvkar. 1991. Pp. 34-45). Such actions are typical for Slavic culture, and we consider this story as borrowed.

20. AF 1104-15

21. Folklore collection of the Institute of language, literature and history B1103. Podorova A. M. born 1922, Podorov I. I. born 1922. Newsher village, Kortkerossky district. Rec. Panyukov A.V., Savelieva G.S. 1996.

22. Materials of B. P. Nalimov are stored in Archive of Finno Ugrian society in Helsinki, represent Vychehda tradition of the early XX century.

23. In addition, the cut of marks of ownership on the ears of deers is the actual practice among the Izhma Komi, engaged in reindeer breeding. [PMA: Petrun village, Intinsky district of the Republic of Komi. Rec. 2012]

24. Nalimov V.P. *Materialy po ehtnografii zyryan i permyakov* [Materials on ethnography of Zyryans and Perms] // *SUSA. (g. Hel'sinki). Rukopisnye materialy V. P. Nalimova - SUSA*. [Helsinki]. Manuscripts of V. P. Nalimov. 1. 38. 2.

25. Lobanova L.S. *Magiya Velikogo chetverga v skotovodcheskoj praktike komi* [Magic of Maundy Thursday in pastoral practice Komi] // *Fol'kloristika komi - Komi Folklore*. Syktyvkar. 2012. Pp. 103-123. (Proceedings of Institute of language, literature and history. Is. 70).

26. Ideas about the demonic characters are discussed in this article: Lobanova L.C *Koldun «eretnik» v magii Velikogo chetverga u komi* [Sorcerer-"heretic" in the magic of Maundy Thursday of the Komi] // *ZHivaya starina - Live antiquity*. 2010, No. 2, pp. 49-51.

УДК 393.05

М. П. Наговицына

Образ «ходячего» покойника в быличках жителей старообрядческих поселений Кильмезского района Кировской области*

В статье рассматривается один из малоизученных жанров фольклора Вятского края – былички о «ходячем» покойнике. Данные тексты были собраны в ходе экспедиции в старообрядческие поселения Кильмезского района Кировской области, что позволяет обратиться к конкретным формам и основным мотивам «коммуникации», а также к превентивным и защитным мерам, ограждающим живых людей от «хождения».

The article deals with one of the little-known genres of folklore Vyatka region – memorates about «walking» dead man. This material was collected during the expedition to the Old Believers settlements Kilmезsky district of the Kirov region, which allows to apply specific forms and basic explanation of «communication», as well as the preventive and protective measures for the preservation of living people from «walking» dead.

Ключевые слова: старообрядчество, быличка, «ходячий» покойник.

Keywords: old believers, memorate, «walking» dead man.

* Работа создана при поддержке гранта Российского гуманитарного научного фонда №14-14-43601 «Старообрядческое искусство в Кильмезском и Немском районах Кировской области на современном этапе».

В ходе экспедиции в старообрядческие поселения Кильмезского района Кировской области в июле – августе 2014 г. были собраны многочисленные рассказы жителей деревень о «ходячем» покойнике. Подобные исследования были проведены кафедрой русского устного народного творчества Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова при поддержке Вятского регионального центра русской культуры в конце XX в. (1988–1994 гг.). Исследователи работали в Подосиновском, Лузском, Опаринском, Котельничском, Нагорском, Шабалинском, Даровском, Белохолуницком и Свечинском районах Кировской области. В сборнике «Вятский фольклор. Мифология» [1] представлены рассказы вятчан о контактах человека с демонологическими персонажами, в том числе представлены былички о «ходячем» покойнике. В данной статье сделана попытка выявить особенности восприятия образа «ходячего» покойника в старообрядческих семьях, жизнь и быт которых по сей день остаются предметом изучения многочисленных исследователей.

Следует отметить, что образ «ходячего» покойника является частью общеславянского круга мифологических персонажей, возвращающихся в мир живых [2]. Фольклорист и этнолог Л. Н. Виноградова в своих трудах отмечает, что образ «ходячего» покойника трудно поддается описанию в качестве самостоятельного, в достаточной степени индивидуализированного, мифологического персонажа. Это связано со слабо выраженным составом присущих именно ему идентифицирующих признаков, которые как бы растворяются во множестве других демонических образов, «т. е. к числу покойников часто причисляются и домовые, и русалки, и водяной, и полуденник, и ночница, и вихрь и т. п.» [3]. Тем не менее данный образ воплощает в себе особые функции и характеристики, которые содержат причины неуспокоенности «в том» мире, их влияние на живых людей, а также комплекс оберегов, которые защищают от них дом, семью, деревню.

В ходе исследования было отмечено, что забота о душе покойного в старообрядческих семьях, кроме чтения молитв, проявлялась уже с первого дня в том, что во многих поселениях было принято вешать полотенце в переднем углу у божницы, а в некоторых местах в божницу ставился стакан с водой. Также устойчив образ полотенца как дороги, по которой душа приходит из «того» мира и на котором находится и отдыхает. Распространенным является следующее объяснение данных действий: *«Если душа человека не грешна, то она может прийти и воды попить. А куда ей садиться? Вот на полотенце и прилетает»* [4]. Необходимо отметить, что медиаторные предметы – полотенце у божницы и вода на 40 дней – не всегда являются составляющими единого ритуального комплекса староверов. Наиболее часто встречается упоминание о полотенце, которое маркирует пространственный локус виртуального появления души в доме покойного. Кроме опосредованной коммуникации с умершими через предметы погребально-поминальной обрядности существовали и существуют представления о возможном приходе к родным и близким некоего образа умершего – не только во сне, но и наяву. Как правило, подобное случалось в течение 40 дней, но могло происходить и более длительное время.

Данные воспоминания можно отнести к жанру быличек. Возросший интерес к этому жанру объясняется тем, что, во-первых, этот жанр является наиболее насыщенным различными мифологическими мотивами, во-вторых, былички и бывальщины являются сейчас активно развивающимися жанрами фольклора. Разумеется, большинство текстов записано от лиц старшего возраста (70–90 лет), но есть немало быличек, рассказанных людьми более молодого возраста (56–60 лет). Былички относятся, как известно, к прозаическим сказочным жанрам устного народного творчества. Их отличительной чертой является установка на фактологичность, и свидетельствуют они о «соприкосновении» рассказчика, его соседей, родных с потусторонним миром. Среди сказочных жанров (преданий, легенд) быличка и бывальщина выделяется своей особой тематикой, особым построением. Э. В. Померанцева определяет быличку как «суеверный меморат», т. е. краткий рассказ, упоминание о факте «встречи», воспоминание об этом, в отличие от «фабулатов» – бывальщин, в которых дается развернутое действие с различными деталями описания, намного большее повествование по объёму, чем быличка [5]. Быличка как особый жанр, носитель древних мифологических представлений передает особое отношение рассказчика к тому, о чем он рассказывает: желание максимально уверить слушателей в истинности происшедшего. Значительная вариативность быличек при передаче из уст в уста составляет одну из их жанровых характеристик: на «облик» текста влияет множество аспектов – конкретные задачи, которые ставит

перед собой рассказчик, характер его слушательской аудитории, степень осведомленности о происшествии и многое другое. В быличке, как правило, происходит обращение к конкретному материалу: указывается определенная местность, присущие ей топонимы, называются имена людей, определяются их родственные связи и т. д. Одним из главных предназначений былички была и остается передача информации особого рода: о том, как должен вести себя человек, вступающий в контакт с «иным» миром.

Анализ собранных быличек в данной местности позволяет определить опосредованную форму вредоносного воздействия «ходячего» покойника, а также абсолютную адресность данного образа – дедко, тятка, мамка и т. п. В единичных текстах данный образ трактовался как неопознанный и опасный: *«В избе-то ночью всегда кто-то хаживал. Мы на пече сидим, а он все ходит, стучит. Ноги только и береги. Как за ногу схватит, так и утащит к себе. У Маньки-то унес так ребетёнка. Мы ужю и прижмёмся к мамке-то»* [6].

К большой группе быличек о «ходячем» покойнике относятся те, которые касаются прихода умершего мужа к жене (мотив интимной близости; мотив эмоциональной близости – «любви»). Как правило, причиной данного прихода является чрезмерная скорбь жены, которая не дает покоя и заставляет мужа возвращаться в дом: *«Душа после смерти еще ходит, но не покажется. У нас в избе все время ходила. Помню, мамка уходила у нас работать, нас маленьких оставляла. Я побольше-то была. Годов двенадцать мне было. Слышим: бряк, бряк посуда. А одна половица в доме широка была, так по ней все человек ходил. Это я с детства запомнила. Вот кого в доме похоронила, вот тот и ходил. Мама-то говорила, что отец это ваш ходит. Тосковала она по нему сильно. Так он и летал к ней. Люди видели. Племянники-то пойдут вечером – Данилко и Мишка – и видели, что он к мамке летал. И сестра Анисья рассказывала, что раньше мы все на печи спали, так мамка сестру мою младшую пеленала и к себе брала, чтобы папка ее к себе не забрал. Так он прилетал и говорил: «Положь ее обратно и иди одна ко мне». А если б она одна без нее пришла-то, так он бы задавил ее. Обязательно задавил бы! Сейчас-то ведь этого не стало, а раньше ведь много тосковали, так и летали много. Много этого было. Я спрашивала у мамки, как они летают. Так она говорила: “Вон пичужка летит, так и он, ваш папка, летит”. Так он летел, и от него искры летели. Сейчас ведь не стало, девки, этого»* [7]. Следует подчеркнуть, что появление «ходячего» покойника, как огненного горящего снопа – нечистой силы, которая прилетает к человеку, тоскующему по умершему близкому, – это реликт русских народно-христианских представлений, зафиксированных в конце XIX в. в различных губерниях России: «В массе суеверий, не поддающихся никаким влияниям и внушениям и уживающихся рядом с христианскими верованиями, выделяется одно, где огонь играет влиятельную роль и где поразительна именно живучесть обмана и его повсеместное распространение. Это бабьи рассказы о «Летучем» (он же и «Налётник» и «Огненный змей»). Многие женщины, особенно в местах, живущих отхожими промыслами, передают священникам на исповеди, что их отсутствующие, а часто и умершие мужья, являются к ним въявь и спят с ними, т. е. вступают в половое сношение. Рассказы подобного рода чрезвычайно распространены, причем бросается в глаза удивительное однообразие частных особенностей этого явления и его печальных, нередко трагических последствий» [8].

В целом, сюжет прихода погибшего на войне мужа к жене довольно распространен в рассказах местных жителей, поскольку основная часть мужского населения деревень, так или иначе, на протяжении многих десятилетий участвовала в различных войнах. В самом же Кильмезском районе в годы Гражданской войны проходили войска белогвардейцев и бойцов Красной армии, и близ деревень встречаются многочисленные захоронения времен этих военных событий. Нами зафиксирован рассказ, в котором «ходячим» являлся якобы погибший муж, который отправился служить, но, впоследствии, вернувшийся домой живым: *«А вот мама моя рассказывала, что это было, когда я еще маленькая была. Раньше ведь служили подолгу. Так к ней отец ходил. Ночью открывает окошко и заходит. А у неё было две девочки – Даша и Тоня. А он и говорит: “Отодвинь девок-то подальше!”. Ляжет спать. Потом свекруха-то это услышала. Она же с ним разговаривает ночью. Его голос-то не слышно, а мама-то говорит с ним. Она спрашивает: “Наташа, с кем ты ночью разговариваешь?”. А мама сперва не сказывала. А потом свекровь и говорит: “Смотри, девка, обуюет он тебя. Ванька, наверное, к тебе ходит”. Она потом и призналась. Так окошки-то свёкор заколотил. Все окошки. Так отец кожух изломал и все ходил. Вот как она об ём тосковала. Так потом маком свекруха-то все обсыпала – кожух и окна. И не стал ходить...»* [9]

Группу быличек о «ходячем» покойнике также составляют тексты о хождении тех, кто не может прервать свою связь с миром живых. В первую очередь это былички о кормящих матерях, которых возвращают на землю дети, а также о женихах, которые «ходят» к невестам. В данной быличке мать долгое время «ходила» к малолетним дочерям: *«Когда человека-то похоронишь, то карзится все. Моя мама умерла, так бабушка говорит, что целый год ходила. Мы малы остались. Так бабушка ходила с крестиком и святую воду в церкви брала. Освещала и дом и всё. А мама всё равно ходила. Первой подходит ко мне – она же меня больно любила. А потом мама всё ходила... Оля, сестра моя, мала была – девять месяцев она осталась от матери. Она была в зыбке, а я побольше уже была. Мама сначала подойдет и меня сначала всю погладит, поцелует, а потом идёт к Оле. У Оли мало побудет, а всё со мной была... Она же меня больно любила. Так всё ко мне ходила. Обнимет, поцелует, оденет и уходит. А бабушка потом пошла в церковь и все рассказала. Дом пришли и освятили. Потом этого не стало, где-то через год. Бабушка нас и воспитала...»* [10]

Особую группу составляют былички, об умерших неестественной, преждевременной смертью, а также о самоубийцах. Преждевременная смерть является в данной местности одной из основных причин «хождения» покойника. Религиозность основной части населения позволяет определить данное «хождение» как неуспокоенность и неприкаянность души, особенно людей, «наложивших на себя руки». Показателен в этом отношении следующий рассказ: *«У нас в деревне был парень. Чё с ним сделалось не знаю. Только взял он и повесился. Помню, был праздник. Мы в церкви все были. Идём с мамкой, а у них во дворе уже голосят. Так его в дом не заносили. Потом “ходил” он долго. Вот все на поле уйдут, а мы идём мимо их дома, а он сидит у окошечка грустный и на нас смотрит. Мы бежать. Мамке-то его говорили, что Мишка-то “ходит”, а она сказала, что житья ей ни днём, ни ночью нет»* [11]. В целом, данный сюжет подтверждает распространённое представление о том, что умершие раньше срока покойники «ходят» до тех пор, пока «не изживут свой век». Подобное утверждение зафиксировано в трудах Д. К. Зеленина: «Заложные покойники доживают за гробом свой век, т. е. положенный им при рождении срок жизни, прекратившейся раньше времени по какому-нибудь несчастному случаю. Это народное воззрение ясно вытекает и почти с необходимостью предполагается из всего того, что мы знаем о заложных из уст народа» [12].

Следует отметить, что главный «предикат» в быличках о «ходячих» покойниках – «ходит», глагол, который имеет особую семантику. Он обозначает само явление (ситуацию) посмертного хождения во всей совокупности его конкретных проявлений, а также в соответствии с общеязыковым значением глагола, – физическое хождение как главное действие этого персонажа. Кроме того, в рассказах встречаются глаголы пужает, летает, млится. Основные мотивы, характеризующие поведение «ходячих» покойников в данной местности, сводятся к следующим, наиболее устойчивым стереотипам: умерший является к своим родным, которые по нему чрезмерно тоскуют; выступает с любовными притязаниями к своей жене; пытается забрать с собой близкого человека; обнаруживает свое присутствие в доме ночными звуками (стук посуды, скрип половиц и т. п.).

Для защиты от «ходячего» покойника и прекращения его посещений применялись те же апотропейческие средства, что и при превентивной защите (обереги дома, двора, людей). Обереги (предметы и действия) сакрального характера (святая вода, молитвы, освящение дома и т. п.) должны были оградить пространство живых от посягательств потусторонних сил: *«Душа в доме живёт сорок дней. То где-то стукнет, то где-то стучит. Уже знаю, что это вот ходит. Боялась я, боялась. У нас такая мода у женщин была на канаву садиться. В траве вот садятся и разговаривают. Уже тёмно, все пошли домой, а я боюсь. Муж у меня тогда умер. А тут соседка рядом была, она уже умерла. Вот она мне и говорит: “Оля, давай я тебя уведу”. А она такая божественная была. Она пришла в дом, прочитала молитву, все окошки перекрестила, постелю перекрестила и сказала: “Давай, запирайся и спи. Большие бояться не будешь”. Точно, стала спать одна и хоть бы что»* [13]. Что касается магических средств (веник, полено, мак и др.), то они воздействовали на самого «вредителя» (отпугивали, обманывали и т. п.). К наиболее популярным средствам противодействия «ходячим» покойникам относится обсыпание домов освященными семенами мака. «Магические свойства семян мака, льна (по-видимому, также и крупы) устойчиво связываются с мотивом обязательного для демонов собирания этих зерен и невозможности их собрать до окончания ночи и пения петухов, после чего нечистая сила теряет свои вредоносные способности» [14]. В своих рассказах староверы указывают, что применение семян мака и усердной молитвы являет-

ся крайними и самыми верными мерами избавления от «ходячего» покойника: «Мы и попа привозили, так он и избу, и клетки, и сарай отпел. Мамка еще и маком все обсыпала. У меня тоже где-то узелочек с маком есть, но где-то я уж и бросила его» [15].

Таким образом, соотнесение «тело – душа» и другие семиотически важные признаки в структуре похоронно-поминальной обрядности староверов представляют собой форму заботы живых о загробном пребывании души покойного. Помимо этого приведенные примеры показывают, что усилия носителей данной культуры однозначно направлены на выдворение «ходячего» покойника за пределы «социального» мира тогда, когда его появление происходит за пределами 40-го дня (т. е. в неположенное, «неправильное» время). Предпринимаемые охранительные меры в семьях староверов, безусловно, являлись репликой в диалоге с «ходячим» покойником, контакты с которым должны быть прерваны, что определяло характер как ритуальных практик, так и повседневного поведения жителей старообрядческих поселений Кильмезского района Кировской области.

Примечания

1. Вятский фольклор. Мифология / сост. А. А. Иванова. Котельнич. 1996.
2. Левкиевская Е. Е. Полесские представления о «ходячем» покойнике // Живая старина. 2013. №1. С. 33.
3. Виноградова Л. Н. Полесская народная демонология на фоне восточнославянских данных // Восточнославянский этнолингвистический сборник. Исследования и материалы. М.: Индрик, 2001. С. 30.
4. Масленникова А. И. 1936 г. р., урож. д. Дорошата Кильмезского района, живет в п. Кильмезь Кировской области.
5. Померанцева Э. В. Мифологические персонажи в русском фольклоре. М., 1975. С. 9.
6. Смирнова Т. Е. 1938 г. р., урож. д. Кабачки Кильмезского района, живет в п. Кильмезь Кировской области.
7. Яранцева М. Г. 1925 г. р., урож. д. Красный Яр Кильмезского района, живет в п. Кильмезь Кировской области.
8. См.: Максимов С. В. Нечистая, неведомая и крестная сила. СПб., 1903. С. 219.
9. Куклина О. И. 1923 г. р., д. Порек Кильмезского района Кировской области.
10. Овечкина А. И. 1947 г. р., урож. д. Дорошата Кильмезского района, живет в п. Кильмезь Кировской области.
11. Смирнова Т. Е. 1938 г. р., урож. д. Кабачки Кильмезского района, живет в п. Кильмезь Кировской области.
12. Зеленин Д. К. Избранные труды. Очерки русской мифологии. Умершие неестественной смертью и русалки. М., 1995. С. 42–43.
13. Куклина О. И. 1923 г. р., д. Порек Кильмезского района Кировской области.
14. Толстая С. М. Полесские поверья о ходячих покойниках // Восточнославянский этнолингвистический сборник. Исследования и материалы. М.: «Индрик», 2001. С. 169.
15. Яранцева М. Г. 1925 г. р., урож. д. Красный Яр, живет в п. Кильмезь Кировской области.

Notes

1. Vyatskij fol'klor. Mifologiya - Vyatka folklore. Mythology / comp. A. A. Ivanova. Kotelnich. 1996.
2. Levkievskaya E. E. [Poles ideas about "walking" dead] // Zhivaya starina - Live antiquity. 2013, No. 1, p. 33.
3. Vinogradova L. N. *Polesskie predstavleniya o «hodyachem» pokojnike* [Poles national demonology on the background of East Slavic data] // *Vostochnoslavjanskij etnolingvisticheskij sbornik. Issledovaniya i materialy* - East Slavic ethnolinguistic collection. Research and materials. Moscow. Indrik. 2001. P. 30.
4. Maslennikova A. I. born 1936 Doroshata village of Kilmez district, lives in Kelmez settlement of Kirov region.
5. Pomerantseva E. C. *Mifologicheskie personazhi v russkom fol'klore* [Mythological characters in Russian folklore]. Moscow. 1975. P. 9.
6. Smirnova T.E. born 1938 Kabachki village of Kilmez district, lives in Kelmez settlement of Kirov region.
7. Yarantceva M.G. born 1925 Krasny Yar village of Kilmez district, lives in Kelmez settlement of Kirov region.
8. See Maksimov S. V. *Nechistaya, nevedomaya i krestnaya sila* [Devilry, unknown and godfather matters]. SPb. 1903. P. 219.
9. Kuklina O. I. born 1923 Porek village of Kilmez district of Kirov region.
10. Ovechkina A. I. born 1947 Doroshata village of Kilmez district, lives in Kelmez settlement of Kirov region.
11. Smirnova T.E. born 1938 Kabachki village of Kilmez district, lives in Kelmez settlement of Kirov region.
12. Zelenin D. K. *Izbrannye trudy. Oчерki russkoj mifologii. Umershie neestestvennoj smert'yu i rusalki* [Selected papers. Essays on Russian mythology. Died with an unnatural death and mermaids]. Moscow. 1995. Pp. 42-43.
13. Kuklina O. I. born 1923 Porek village of Kilmez district of Kirov region.
14. Tolstaya S. M. *Polesskie pover'ya o hodyachih pokojnikah* [Poles beliefs about the walking dead] // *Vostochnoslavjanskij etnolingvisticheskij sbornik. Issledovaniya i materialy* - East Slavic ethnolinguistic collection. Research and materials. Moscow. Indrik. 2001. P. 169.
15. Yarantceva M.G. born 1925 Krasny Yar village of Kilmez district, lives in Kelmez settlement of Kirov region.

ПЕДАГОГИКА И ПСИХОЛОГИЯ

УДК 165

Ю. А. Сауров, К. А. Коханов

О целях, ценностях и инструментах деятельности вятских методистов-физиков

В статье обозначена научная проблема исторического функционирования научной школы.

The article shows the scientific problem of the historical functioning of scientific school.

Ключевые слова: методология образования, модель, физическое мышление, учебная деятельность.

Keywords: the methodology of education, model, physics thinking, learning activities.

Плохо человеку,
когда он один.
Горе одному,
один не воин...
В. Маяковский

Методологическое значение и функции научной школы. Чтобы увидеть значимость частного, надо иметь общую картину дела, механизма, школы. Вот почему важен теоретический взгляд на деятельность научной школы.

Общее методологическое основание существования всех научных школ заключается, с одной стороны, несомненно, в социальной потребности какой-либо практики, с другой стороны, в развитии и воспроизводстве современных механизмов мышления и деятельности в предметной области, в частности коллективной мыследеятельности [1]. Здесь следует подчеркнуть, что в научной работе деятельность без мышления не существует, точнее не должна существовать. И значение коллективной рефлексии проблем реальности для успешной научной деятельности трудно переоценить.

Научная школа в первом приближении может быть **определена** как неформальная устойчивая научная соорганизация ученых для выполнения исследований. Несомненно, это историческое образование, обычно связанное с лидирующей деятельностью ведущего ученого; несомненно также, что это некая социально-производственная структура с целым рядом типичных функций организации. Обычно научная школа функционирует как некое объединение в рамках какой-либо научной, учебной или производственной организации. Наличие внешней среды тоже немаловажно. Эта среда а) дает организационные услуги (юридические, представительские, рекламные и др.), б) создает, предоставляет те или иные материальные условия, в) поддерживает или воспроизводит некоторые процессы (аспирантура, докторантура, редакция и др.), г) потребляет некоторые продукты деятельности научной школы, д) организует трансляции идей, опыта деятельности или помогает им. Важно понимать, что любая внешняя структура в отношении научной школы занимает позиции, обусловленные её интересами, а в худшем варианте – интересами её руководителей.

Научная школа – это не просто итог, признание научных достижений. Эти факторы важны, но все же они – вторичны. **Главное в научной школе** – это структура, процессы по производству научного продукта, т. е. в нашем случае это процессы а) получения знаний, б) разработки методов исследования, в) подготовки кадров, г) производства технологиче-

ских продуктов (методик). В целом, это некая «производственно-интеллектуальная машина», которая сама по себе задумывается и создается, функционирует и развивается, деградирует и умирает. В основном это искусственный, т. е. рукотворный (организуемый, управляемый), процесс. Принципиально важным для определения (выделения, обозначения) научной школы является признание научным сообществом данной области научной деятельности в стране или даже мире а) смыслов деятельности, методов (шире – методологии) деятельности, б) структуры и процессов, в) результатов деятельности выделяемой группы ученых. В научной школе есть все элементы и основные процессы, как в науке: проблемы и задачи, методы, факты и модели, процедуры, традиции и др. Она может быть рассмотрена как некая целостная единица организма науки.

Чем отличается деятельность научной школы от научной деятельности в рамках кафедры или лаборатории? По-видимому, в первом случае системообразующей (сохраняющей целостность) деятельностью является управление (познание как движение при этом подразумевается), во втором случае доминирует руководство. При этом управление явно смысловое, идейное, ценностное превалирует над другими инструментами. С. А. Крестников выделяет следующие основные характеристики научной школы: функционирование в рамках некоего структурного подразделения, наличие лидера, наличие собственного стиля исследования, наличие собственных подходов в познании педагогических явлений. А для идентификации коллектива как научной школы предлагаются девять критериев, в частности: наличие коллектива единомышленников, возможности пропагандировать и распространять свои научные достижения, присутствие чувства нового, признание научной общественности заслуг лидера и его учеников... По этим критериям среди других школ автор вслед за нами выделяет вятскую школу методистов-физиков [2].

В чем выражается социальная потребность в научной школе? По-видимому, следует признать, что научная школа – один из инструментов (механизмов) передачи специфического «опыта рода», его воспроизводства. Этот опыт специализирован: с одной стороны, это исследовательский, познавательный опыт во всей своей широте знаний и умений, с другой – это опыт проектирования будущего. И то и другое социально значимо, важно для развития экономики, гуманитарной сферы, науки и образования. Важным является опыт хорошо специализированной научной деятельности, что в полной мере выделяется и культивируется в рамках такого целостного организма, как научная школа. Одному человеку, какой бы он продвинутый не был, не реализовать функции научной школы...

Целью любой научной школы является эффективное производство научного продукта: знаний, законов, методических рекомендаций, проектов и др. Но системообразующим фактором является организация деятельности разных специалистов для достижения конкретной цели, обычно в рамках той или иной научной программы. И все же глобальной целью, при рассмотрении дела через призму деятельностного подхода, является «передача опыта». И здесь мы имеем ту же ситуацию, что и в общеобразовательной школе. Можно выделить **две формы переноса «опыта рода»:**

- Перенос опыта за счет движения человека как носителя опыта из ситуации настоящего в будущее или просто из ситуации в ситуацию [3]. Вот почему любая научная школа занимается производством или воспроизводством кадров. Производство «людей» в научной школе происходит в условиях сильного влияния лидера (научного руководителя), но и коллектива. Эта атмосфера выучивает, позволяет передать уникальный «опыт рода».

- Перенос «опыта рода» за счет знаний (проектов), на основе которых и строится реальная деятельность в будущем. И здесь во всю ширь и глубину встают вопросы о процедурах производства знаний. Знания в принципе бесконечно тиражируются, их инвариантность позволяет их широко использовать. Вот почему в рамках методической школы так востребованы знания в форме процедур, методов, приемов, принципов, моделей, закономерностей и др. Тут нет альтернативы совместной деятельности.

Оба эти механизма полноценно существуют в деятельности научной школы, в сочетании определяют её особенности.

Системообразующим элементом в системе научной школы оказывается метод, который и определяет деятельность. Метод «активен», он через свою призму видения ведет к отбору возможных задач, средств, фактов или материала и др. Метод реализуется через формы стиля мышления, коммуникации, рефлексии, понимания. Именно они образуют реаль-

ные структуры и процессы деятельности. При этом только часть деятельности относится к собственно исследовательской (шире – научной) деятельности. Для методической школы спектр деятельностей весьма широк. Можно выделить следующие **основные процессы**: управление, получение и интерпретация фактов, выделение научных проблем, постановка и разделение задач, выделение дидактических явлений, построение их моделей, определение языков описания, подбор и построение методов исследования, построение и проверка методик, теоретическое обобщение знаний и др. Управление как деятельность над деятельностью, как элемент объекта «научная школа» является функцией лидера научной школы, хотя в условиях коллективной деятельности эта функция может переходить в ситуации от одного субъекта к другому. И само управление может дробиться, его отдельные функции или области «передаются» отдельным субъектам или «приобретаются» ими.

Научная деятельность с необходимостью возникает тогда, когда существующими средствами уже нельзя решить ту или иную задачу. Если старые нормы не работают, то, как считают методологи, создание новых норм регулируется сначала просто фактором приближения к цели [4]. Потом эти идеи, положения сглаживаются, уточняются, закрепляются в каком-либо языке. Переход от старых норм к новым нормам трудный, психологически весьма болезненный. Именно в этом мы видим причину непонимания одних специалистов другими. Именно здесь кроется познавательный аспект борьбы за новое, за познание, за истину. В научной школе, где по определению предполагается принципиально новая постановка и решение проблем, такая борьба может объективно приобретать особую остроту, причем как внутри научной школы, так и вне научной школы. Это является одним из проявлений действительно новых, а отсюда и неожиданных, решений.

Почему в научной школе выражается потребность в построении и воспроизводстве коллективных форм деятельности? Во-первых, видно, как резко возросло значение коммуникации в познании и просвещении. Феномен ИНТЕРНЕТ тоже не случаен. Во-вторых, все фундаментальные интеллектуальные процессы (понимание, мышление, рефлексия) «показывают» свою коллективную природу. Приведем аргументы на примере такого сложного, современного и специфического для научной деятельности процесса, как **рефлексивная деятельность**.

Современный человек, больше чем когда-либо, – рефлектирующая система, этим он отличается от других естественных или искусственных систем. Назовем важнейшие стороны рефлексивной деятельности: разделение деятеля и рефлектирующего позиционера; кооперация двух и более независимых актов деятельности в условиях общения; согласование разных сторон собственного «Я», своего внутреннего собеседника; выделение, построение и исследование идеального плана (модели) собственной деятельности при сравнении с другой деятельностью; механизм кооперации разных деятельностей в познании; рефлексивный выход как важнейшая характеристика рефлексии, т. е. противопоставления себя самому себе; описание шагов и средств своей деятельности; механизм современного мышления, понимания; особая структура и механизм, момент деятельности; процедура сведения разных смыслов в единое объектное поле, их сведения к единому нормированному смыслу.

Освоение рефлексивной деятельности в научной деятельности обусловлено ее важностью как ведущего механизма саморазвития личности. Постоянная активизация рефлексии позволяет переосмыслить свой субъективный опыт: личностные смыслы, ценностные отношения, действия, знания. А значит – найти выход на **новое** решение. Рефлексия направлена на поиск причины неудач и затруднений, в ходе чего осознается, что используемые средства не соответствуют задаче и формируется критическое отношение к собственным средствам. Затруднения, акты осознания затруднений и проблемных ситуаций, последующая рефлексия, критика действий, – проектирование и реализация новых действий. Только так можно обеспечить полноценное развитие творческого мышления. Нечего и говорить, как это важно для успешного функционирования научной школы.

Приведем в дополнение некоторые **характерные механизмы организации деятельности в рамках научной школы**.

- В дополнение к культуре знаний необходимо **снять простое узнавание** во всем, т. е. видеть умом, а не заложенной нормой. Например, стул, конечно, не просто стул, а объект в потенциале с разными функциями. Распредметизация – один из механизмов этого процесса. Для устранения как культа традиционных знаний, так и сопутствующих ему последствий и

внедрения идеологии незнания, следует не только отдавать предпочтение поисковым решениям, но и стимулировать «отрицательные» результаты поисковой деятельности. В итоге вместо «знания» (положительного знания) в результате такой поисковой деятельности деятели получают проблему, фиксацию своего непонимания, знание о незнании. А такое производство проблем – важный фактор функционирования научной школы. Необходимо формировать механизмы фиксации знания о незнании (т. е. фиксации выхода в рефлексивную позицию) типа «Вот в этом месте я не понимаю Эйнштейна (Ньютона, Максвелла и т. д.)...», «Никак не пойму, почему происходит этот эффект...» и т. п.

• **Формирование парадигмы многих знаний, необходимости и законности разных позиций.** Следует отметить, что тяга к «абсолютным истинам», вера в наличие «истинно научных знаний» движет, но и тормозит познание и творчество. Это обычно вызвано отсутствием готовности и умения осуществлять рефлексивную деятельность в разных пространствах, осуществлять многоаспектное, разнопозиционное рассмотрение, когда каждый позиционер понимает, что он, как и другой, видит только свою проекцию происходящего, соответствующую его позиции, а вовсе не то, как «оно есть на самом деле». Видение в целом – всегда коллективная (реальная или мысленная) деятельность. Природа борьбы внутри и вне научной школы – как раз процессы за согласование разных «видений» в целостное представление об объекте или явлении.

Не случайно в рамках научной школы часто полезно функциональное определение ролей: «сомневающийся», «критик», «знаток», «ученик», «физик», «экспериментатор», «управляющий», «исследующий» и т. д. На семинарах, конференциях фактически осваиваются роли в некоей интеллектуальной игре: расшатывание абсолютной позиции, формирование установки на отсутствие «правильного ответа», поощрение собственного мнения, видения, в том числе и несогласия с общепринятой точкой зрения, с точкой зрения руководителя и др. В рамках научной школы потребность в коллективных формах деятельности не просто должна быть, а должна быть осознанной. Под этим углом зрения должен быть баланс коллективных и индивидуальных работ как один из инструментов развития.

• **Диалог с другими...** Главным условием успешной рефлексивной деятельности является готовность любого члена коллектива ответить в любой момент на вопросы: Что ты делаешь? Зачем ты это делаешь? Каким образом ты это делаешь? Здесь как раз необходима атмосфера искренности и доверия, культ правды. Соавторам диалога должно быть понятно, как трудно ответить на эти вопросы, но они должны настойчиво (и коллективно!) идти по этому пути.

При функционировании научной школы весьма важное значение имеют отношения «индивидуальное – коллективное», «лидер – единомышленник, участник» или «учитель – ученик». Понимание этих отношений необходимо для организации продуктивной деятельности, которая в рамках школы почти всегда кооперированная. Нормы, обычно задаваемые в формах разной деятельности лидером – руководителем, организатором, управленцем, накладываясь на индивидуальное движение каждого субъекта научной школы, в конечном итоге формируют (цементируют) единство деятельности научной школы, т. е. сохранение тематики, принципов, приемов и методов работы и др.

От культурно-исторической теории Л. С. Выготского идет представление об усвоении опыта как о переходе от интерпсихического (процесса понимания в коллективной, кооперированной деятельности) к интрапсихическому (духовной деятельности в ходе и результате процесса интериоризации). Получается, что психическое (и индивидуальное) в главном, в стратегии следует за социальным (коллективным), за внешней деятельностью. Личное развитие, творчество в субъективном или социальном (коллективном) аспектах всегда имеет источником внешнее (реальное) действие (деятельность). И это весьма важно для функционирования всех систем образования. В коллективном творчестве научной школы есть все элементы этого процесса воспроизводства и развития деятельности. Но все же целевой установкой является получение нового продукта, т. е. дополнение универсума деятельности в форме знаний, образцов новых установок, приемов научной деятельности. Важно, однако, что индивидуальное (психическое) вносит свой вклад как в собственное развитие, так и в производство реального (материального) нового продукта.

Г. П. Щедровицкий писал: «Деятельность, в отличие от поведения, всегда носит групповой комплексный характер...»; «Деятельность в принципе не может быть индивидуальной»

[5]. Преступно в массовом образовании опираться на некие стихийные процедуры возникновения потребностей, выбора программ развития и т. п. Продуктивно все качества (вплоть до мышления) должны быть **хорошо** (в этом как раз проблема!) заданы нормативно, в том числе и через условия реализации норм. Только тогда можно ожидать качественного образования. В этом смысле миссия методической научной школы заключается в разработке таких норм в её области деятельности через тиражируемые продукты (образцы) деятельности, через саму деятельность, через трансляцию носителей этих норм в формах кооперации, общения, выполнения совместных проектов и т. п.

• **Творчество как социальный эксперимент в рамке научной школы.** Даже простая передача опыта рода ситуативна, т. е. понимание передаваемого текста учеником зависит от многих факторов (настроения, своего опыта и др.) и, таким образом, это – объективно творческий процесс. Обобщим: значит творчество – всегда естественный (и стихийный) **объективный** процесс, а отсюда – фундаментальный. Конечно, это не снимает искусственных (организуемых) творческих процессов, в том числе в науке и образовании. И те и другие происходят в рамках научной школы. Фактор и тех и других важен для успеха функционирования научной школы. Очевидно, два этих механизма накладываются друг на друга, причем вторым можно и нужно управлять. Так возникает обоснование необходимости управленческих действий в системах творческого производства.

Творческие процессы комфортно существуют в некоей творческой среде, среде неформальной, коммуникабельной, разновозрастной, идейно или методологически единой. Именно здесь идеи, знания, установки «схватываются» на лету, интуитивно, здесь «тексты» «читаются» максимально творчески. В принципе «передачу опыта» (некую фундаментальную реальность) можно рассматривать как естественный процесс, но исторически – это искусственный, рукотворный процесс. Передача опыта творческой деятельности из поколения в поколение – это сознательно формируемые процессы, это передача специального социального опыта с помощью специальных инструментов, одним из которых является научная школа. При этом есть процессы, которые в рамках науки наиболее эффективно идут (формируются и воспроизводятся) как раз в системе научной школы. Например, говорят о механизме передачи методологического компонента опыта рода [6].

Историко-методологические аспекты деятельности вятских методистов-физиков. Если исторически «посмотреть» в интервале 40–50 лет, то можно усмотреть в нашем вузе некий непрерывный процесс формирования методической среды преподавателей физики, которые в то или иное время больше или меньше занимались методикой. И вовлекали в эту интеллектуальную деятельность коллег, учеников... Нам повезло, на каждом этапе находились хорошие специалисты, яркие лидеры, умные ученики...

Несомненно, научная школа возникает из практики познавательной деятельности, а параллельно из социальной задачи **подготовки научных кадров.** Всегда основным инструментом подготовки кадров преподавателей вуза была научная работа. До сегодняшнего времени остается востребованной и эффективной подготовка кандидатов наук в аспирантурах ведущих научных и учебных организаций страны (Российская академия образования, МГУ, МГПУ, ЛГПУ им. А. И. Герцена...). Но постепенно и в нашем вузе стали появляться аспирантуры. Впервые по методике физики возникают условия проводить исследования с приходом профессора **В. Б. Милина** (1905–1954), он открывает аспирантуру (1948), в рамках которой были подготовлены В. А. Кондаковым (1920–1991) и Л. А. Горевым (1915–2006) две первые в нашем вузе кандидатские диссертации по методике физики. Механизм проведения научных исследований, который называется школой, – феномен, стимулируемый объективно стоящими задачами в данной предметной области. Громадна роль и социального заказа.

В целом, объективно-исторически на Вятке сформировались три Программы научно-методической деятельности. Все они имели и сохраняют свой особенный вектор исследовательской деятельности. Первая с условным названием «Творчество и метод научного познания» возникла в поисках-размышлениях выпускника нашего института, учителя физики Татауровской средней школы Кировской области В. Г. Разумовского, который «увез» её в Москву и которая там работает до сего времени в Российской академии образования. Эта программа прямо и косвенно влияла и влияет на деятельность всех вятских методистов. Вторая программа стала результатом научного творчества В. В. Мултановского и имеет следующее смысловое оформление: «Теоретические обобщения при обучении физике». Третья про-

грамма постепенно вызрела в следующее направление деятельности: «Формирование методологической культуры субъектов образования...». Историческая, методологическая, содержательно-предметная преемственность этих программ очевидна по результатам и процессам деятельности, в том числе по коллективным исследованиям.

Но собственно на почве нашего вуза методическая история началась, по нашему мнению, с деятельности **В. А. Кондакова**. «Ярко выраженное стремление к научно-исследовательской работе, хорошее владение специальностью, умение самостоятельно ставить и разрешать научные проблемы даёт основание кафедре общей физики считать Кондакова В. А. достойным быть выдвинутым в число кандидатов в аспирантуру кафедры», – так было написано в рекомендации Ученому совету института. И он оправдал доверие: довольно быстрая защита диссертации на тему «Использование геофизического материала на уроках и внеклассных занятиях по физике в средней школе» (1954), избрание в должности зав. кафедрой общей физики, впервые открытие аспирантуры по методике обучения физике. В ней учились наши выпускники Н. Н. Цвейтова (Новоселова), М. И. Борисова, Н. А. Кокорин, И. К. Капитонов, некоторое время – В. В. Мултановский и С. А. Хорошавин, впоследствии известные в стране профессора. Но удачно начатая в институте деятельность Виктора Анатольевича прервалась, в 1961 г. он вынужденно уехал из Кирова в Куйбышев.

Удивительно, но в то непростое время В. А. Кондакову удалось заложить уровень и даже тематику многих будущих методических исследований, в частности интерес к моделированию. Но его талант в полной мере реализовался уже во время работы в Куйбышевском пединституте. Там в 60–70-х гг. он основал и возглавил кафедру методики физики, одну из немногих в стране, там он создал аспирантуру, выполнил большое количество научных работ... Ещё в Кирове характерной чертой научной деятельности В. А. Кондакова было сочетание «хорошей физики» с глубокими психолого-педагогическими представлениями об учебном процессе. В области методик он одним из первых развивает идеи системного подхода по описанию методических явлений, причем делает это с поразительной настойчивостью и последовательностью всю жизнь. Отсюда его постоянный интерес к методологическим проблемам методики физики, в частности к проведению дидактического эксперимента. До сего времени идеи Кондакова о построении учебных систем знаний, о моделировании учебно-познавательных систем, о генерализации учебного материала не теряют своего научного значения. На новом историческом этапе фактически сознательно поставленную В. А. Кондаковым задачу создания теории моделирования психолого-педагогических объектов решали при выполнении докторских исследований В. В. Мултановский и Ю. А. Сауров. Почти невероятно, но более 50 лет в нашем вузе сохраняется единство духовного движения многих методистов – единство идей, подходов, методов, стиля мышления, направления исследований...

Профессор **В. В. Мултановский** (02.10.1927–23.03.2000) с возвращением из школы в институт в 1961 г. стал лидером вятских методистов-физиков: он сам активно занимался научной деятельностью, стимулировал познавательную деятельность сотрудников и многих учителей физики. Трудно переоценить вклад профессора В. В. Мултановского в становление содержательных и процессуальных традиций методистов-физиков.

В 1979 г. В. В. Мултановский защищает новаторскую по тому времени докторскую диссертацию по теории и методике обучения физике «Проблема теоретических обобщений в курсе физики средней школы». Она ориентировочно была двенадцатая за всю историю страны, а её автор стал первым доктором педагогических наук в своём вузе. Высокий научный потенциал, квалификация и трудолюбие выдвинули Вячеслава Всеволодовича в первый ряд ученых-методистов России. Научным подвигом в прямом смысле можно считать подготовленный под его руководством и выпущенный издательством «Просвещение» первый для педагогических вузов четырехтомный курс теоретической физики. А монография «Физические взаимодействия и картина мира в школьном курсе» (М.: Просвещение, 1977) вот уже тридцать пять лет остается востребованной в своей области, на её теоретических идеях основано выполнение не менее десятка докторских и нескольких десятков кандидатских диссертаций.

В докторской диссертации В. В. Мултановского были разработаны основы построения систем физических знаний для школы и вуза. Суть их такова: а) все основные виды (формы) знаний физической науки (понятия, законы, теории, ФКМ) по своей гносеологической природе являются теоретическими обобщениями, что предполагает и соответствующее к ним отношение при формировании, при построении курсов физики; б) ядро школьного курса фи-

зики (как, по-видимому, и любого другого) состоит из четырех фундаментальных физических теорий, на базе которых могут строиться отдельные темы или прикладные теории, например вопросы строения и свойств твердого тела; в) фундаментальным (по функциям в обучении) является теоретическое обобщение на уровне ФКМ; для построения такой модели природы в целом предложена концепция взаимодействий со следующей логической схемой синтеза знаний: структурные уровни деления материи (мегамир, макромир, микромир) – модель пространства (евклидово, однородно, изотропно), времени (однородно, непрерывно, однонаправлено), материи (материальная точка) – взаимодействие как причина всех явлений – модель взаимодействия (фундаментальная – квантово-релятивистская; полевая; дальное действие) – универсальные физические величины как характеристики свойств физического объекта (импульс, энергия, момент импульса, заряд) – иерархия расстояний, формы движения материи в рассматриваемой пространственной области, их описание фундаментальными физическими теориями.

До сего времени идея В. В. Мултановского рассматривать фундаментальные физические теории как основу содержания и структуры школьного курса физики является принципом для разработки содержания современного школьного курса физики, служит ориентировкой для поиска новых методических решений. И тут не убавить и не прибавить...

Почти в прямом смысле научную эстафетную палочку Вячеслав Всеволодович передал Ю. А. Саурову. Наступило новое время. И прямым откликом на него было формулирование уже коллективной Программы научной деятельности. Организационные шаги вуза «аспирантура – диссертационный совет – докторантура – традиционная всероссийская конференция “Модели и моделирование в методике обучения физике” (1997, 2000, 2004, 2007, 2010, 2013)» стимулировали вовлечение в научно-исследовательскую деятельность многих выпускников нашего физического факультета. При создании диссертационного совета трудно переоценить вклад ректора А. М. Слободчикова и проректора по науке А. Г. Балыбердина по инициированию и поддержке начинаний. С 1995 по 2009 г. в нашем диссертационном совете защитили кандидатские диссертации Г. А. Бутырский, К. А. Колесников, К. А. Коханов, Ю. В. Иванов, Л. В. Хапова, М. В. Исупов, А. Г. Наговицын, М. С. Атепалихин, Н. В. Соколова, М. В. Гырдымов, О. Л. Лежепекова... И, как показала практика, этого оказалось достаточно, чтобы в трудное время на методическом уровне поддержать развитие физического образования в Кировской области. Наши бывшие аспиранты с успехом работают в области физического образования директорами и завучами школ, деканами, доцентами... В 1997 г. с легкой руки известного деятеля образования Вятского края, заслуженного учителя РФ В. Н. Патрушева появляется обобщающая работа по определению нашей научной школы [7].

В научной школе осваивается некий **инвариантный стиль работы над методической диссертацией**: совместное планирование структуры и итогового содержания работы как проекта и жесткое выполнение плана; отношение к работе как к научному, теоретическому исследованию, т. е. на основе изучения реальности и практики науки выделение проблемы и методов её решения, по возможности развернутое построение конкретной методики, проведение модельного эксперимента как формы доказательства гипотезы; на последнем этапе выполнение крупной обобщающей работы – монографии или учебного пособия; при выборе темы – ориентир на крупные мировоззренческие (методологические) проблемы науки и практики с учетом развивающего потенциала темы для соискателя и дела образования...

Но чтобы идти дальше, надо идти глубже. Так, на новом этапе индивидуальный интерес к методологии познавательной деятельности содержательно и процессуально развертывается в работу групп учителей и методистов. Появляется ряд проектов, из которых выделим два по влиянию социально значимых и для физического образования страны.

Первым по значимости проектом стала разработка технологии обучения в форме системы моделей уроков. В физическом образовании страны это признанная наукой и учителями методика.

Где-то в 1993 г. была впервые организована деятельность двух творческих групп учителей физики по реализации научно-методического проекта – создание технологии обучения в форме системы моделей уроков. Одна группа (заслуженные учителя В. Н. Патрушев, К. И. Гридина, Л. М. Кокорина, Л. А. Рябова, А. И. Караваев) занялась подготовкой моделей уроков курса физики 7-го класса. Вторая группа, тогда молодых учителей (А. А. Харунжев, К. А. Колесников, М. В. Исупов, К. А. Коханов, А. К. Ковырзина, О. Н. Вохмянина), эту же работу

выполняла для 8-го класса. За год интенсивной совместной деятельности были подготовлены и вышли в свет шесть учебных пособий моделей уроков для учителей физики.

Особенно удачными по содержанию и форме оказались разработки моделей уроков для 7-го класса. А. И. Караваеву удалось объединить в одну тему «Введение в курс» и «Первоначальные сведения о строении вещества», в том числе революционно рассмотреть поля и волны в дополнении к веществу. К. И. Гридиной и Л. М. Кокориной удалось несколько невнятную по названию тему «Взаимодействие тел» структурно трансформировать в тему «Механические явления». Каждый урок этой темы получил классическое выражение по отбору содержания и средств его усвоения. В. Н. Патрушев и Л. А. Рябова радикально разделили изучение давления в жидкостях и газах, что позволило упростить структуру темы, легче ввести основные понятия и законы, а затем спокойнее отрабатывать их на новом материале. Уже тогда в рекомендациях авторы настаивали на резком различении мира природы (физических объектов и явлений) и мира науки (понятий, законов, моделей), и значение этих методологических знаний только растёт. Новизна и чистота методических решений оставляет и сейчас (через 20 лет!) востребованными данные работы. Так, наши студенты используют эти канонические разработки на педагогической практике.

А в те годы сначала приложение «Физика» газеты «Первое сентября» публикует все уроки для 7-го класса Кировских учителей (1997, 1998), а затем в форме книги ещё трижды (что уникально!) переиздаёт эти материалы в Москве для учителей физики страны (1998, 2000, 2002). Выше оценки не бывает!

Но немаловажно, что у этого дела была предыстория. В начале 80-х гг. на методическом семинаре «Современный урок» учителей физики Октябрьского р-на Кирова (руководитель – заслуженный учитель РФ Л. Н. Барамзин) в совместной творческой деятельности учителей и методистов разрабатывались и проводились открытые уроки нового поколения. Активными участниками семинара были доцент Г. А. Бутырский, методист К. И. Гридина, учителя Л. А. Рябова, Л. М. Кокорина и др. Как продолжение в 1984–1985 гг. по заказу АПН СССР в Кирове проводился педагогический эксперимент по внедрению нового учебника физики. И здесь вновь активно и творчески проявили себя многие учителя.

Но радикально новым и смелым организационно-методическим решением руководства Кировского ИУУ (Г. М. Шульмина) было заключение в 1989–1992 гг. хоздоговорной темы «Разработка моделей уроков по механике и молекулярной физике и их внедрение в учебный процесс» с методистами пединститута (Г. А. Бутырский, Ю. А. Сауров и др.). В итоге по двум фундаментальным теориям были построены и изданы модели всех уроков физики, в их апробацию были вовлечены десятки школ Кировской области. В условиях резкого падения изданий методической литературы тогда это был выход. Но самое главное – на практике обнаружилось, что это довольно эффективная технология.

И вот постепенно накопились исторические по значению, по эффекту результаты научно-методической деятельности. Они уже нам не принадлежат – принадлежат учителям физики страны. Издательство «Просвещение» издаёт семь книг моделей уроков для всех разделов старшей школы (Ю. А. Сауров, Г. А. Бутырский, В. В. Мултановский, 1992, 1996, 1998, 2005, 2010) общим тиражом около 80 тыс. экз. По-видимому, это рекорд для изданий методической литературы по физике последних 20 лет. Но примерно в это же время в Кировском ИУУ были изданы модели всех уроков физики для базовой школы, причем иногда в вариантах решения. А это десятки малотиражных изданий. В итоге они дошли до всех учителей физики нашей области.

Понятие о моделях уроков как эффективной технологии обучения физике из Кирова пришло в методику физики как науки, стало ещё одним из факторов признания вятской научной школы методистов-физиков. Жизнь, практика, конечно, выше науки, но только наука создаёт язык для практики. Сейчас без этого языка обучение невозможно.

Вторым, длительным по времени и важным для развития физического образования, стал научно-исследовательский проект по формированию методологической культуры. Основные цели формулировались так: новое структурирование содержания и учебного процесса, определение и освоение элементов методологической культуры, формирование новых качеств субъектов образования... В сложные 90-е гг. в науке для практики все время ставились вопросы: как упростить и обновить учебный процесс в данной реальности условий? Как наполнить жизнь самих учителей, а через них и школьников, смыслами познавательной деятельности?

И вот уже двадцать лет по этому направлению выполняются разные научно-методические дела. Во-первых, организована деятельность более десятка временных творческих коллективов учителей по освоению новых методических идей и построения новых методических решений. И в каждом случае за год-два в творческой коллективной деятельности удавалось построить пособие. В частности, был выполнен проект по разработке пособия для учителей «Задачи по физике с методологическим содержанием» (Киров, 2000; 2001. 2-е изд.). Выделение элементов физических знаний, несущих в явном виде потенциал для освоения методологии познания, двигало к разработке диагностики этой стороны учения: строились, апробировались многочисленные тесты и контрольные работы для всех классов, в приложении «Физика» газеты «Первое сентября» найденные решения постоянно публиковались тиражами по 10 000 экземпляров для учителей страны (десятки статей!). Ещё одним содержательным примером явилась подготовка группой молодых учителей пособия для студентов ссузов «Элементарная физика: справочные материалы» (Киров, 2008. 132 с.). В трудной двухлетней инициативной работе удалось переосмыслить структуру многих вопросов курса физики под углом зрения освоения метода научного познания «факты – гипотеза, модель – следствия – эксперимент». И пособие пользуется спросом!

Во-вторых, создана традиция постоянного экспериментального изучения реальностей практики обучения физике, и ежегодно по результатам педэкспериментов на площадке ИУУ (сейчас ИРО Кировской области) издается сборник научных трудов «Исследование процесса обучения физике» (уже вышел XV выпуск!). Методики формирования и диагностики мировоззренческих знаний позволяют копить и транслировать соответствующие методические знания и умения. И, как следствие, удачно проводить Всероссийские конференции по моделям на площадке ВятГГУ и ИРО, а на площадке Кировского физико-математического лицея – «Настоящее и будущее физико-математического образования» (раз в два года). Интенсивность научно-методических поисков формирует специалистов, двигает нашу практику, формирует имидж вятских методистов-физиков в стране.

В-третьих, освоение методологии продуктивно влияет на реформирование вузовского преподавания. На этом теоретическом основании выполнены десятки дипломных работ и магистерских диссертаций, студенты вовлекаются в научно-методическую деятельность – вот уже вышел в свет четырнадцатый сборник статей «Познание процессов обучения физике» (2000–2013), освоены новые учебные курсы «Методология физики» и «Вопросы методологии методики обучения физике» и многое другое.

В-четвертых, всегда сильной стороной нашей научной школы методистов-физиков являлось выполнение обобщающих теоретических исследований. Непревзойденной по постановке задач переосмысления структуры курса физики остается монография В. В. Мултановского «Физические взаимодействия и картина мира в школьном курсе» (см. подробнее [8]). Двадцать лет почти ежегодно, похоже, что больше, чем в любом другом регионе страны, выходят монографии по вопросам методологии организации познавательной деятельности при обучении физике (см. библиографию). И капля точит камень: постепенно учителя и школьники привыкают к различению фактов и гипотез, к раскрытию функций эксперимента... И вот уже выходят учебники, где есть и наш вклад.

Заключение. Исполнилось около 60 лет научным исследованиям методистов-физиков нашего вуза. Подготовлено и издано около тысячи больших и малых публикаций. Формируется третье поколение преподавателей и ученых, и можно верить в будущее вятской научной школы методистов-физиков.

Принципиально важные работы в хронологическом порядке:

1. Цвейтова Н. Н. О формировании у учащихся умений применять на практике знания по физике // Доклады Академии педагогических наук РСФСР. М., 1959. № 3. 2. Горев Л. А. Занимательные опыты и викторины по физике. 2-е изд. Киров: Изд-во КГПИ им. В. И. Ленина, 1971. 158 с. (тираж 3 000 экз.). 3. Горев Л. А. Занимательные опыты по физике в 6–7 классах средней школы. 2-е изд., перераб. М.: Просвещение, 1985. 175 с. 4. Мултановский В. В. Развитие мышления учащихся в курсе физики. Киров: Изд-во КГПИ им. В. И. Ленина, 1976. 80 с. (тираж 1 000 экз.). 5. Мултановский В. В. Физические взаимодействия и картина мира в школьном курсе. М.: Просвещение, 1977. 168 с. 6. Методика обучения физике в школах СССР и ГДР / В. Г. Разумовский, Л. И. Резников, В. А. Фабрикант... В. В. Мултановский и др.; под ред. В. Г. Зубова, В. Г. Разумовского, М. Вюншмана, К. Либерса. М.: Просвещение, 1978. 233 с. 7. Мултановский В. В. Проблема теоретических обобщений в курсе физики средней школы: автореф. дис. ... д-ра пед. наук. М., 1979. 44 с. 8. Основы методики преподавания физики в средней школе / В. Г. Разу-

мовский, А. И. Бугаев, Ю. И. Дик... В. В. Мултановский и др.; под ред. А. В. Пёрышкина, В. Г. Разумовского, В. А. Фабриканта. М.: Просвещение, 1984. 398 с. 9. Сауров Ю. А. Организация деятельности школьников при изучении физики: учеб. пособие. Киров: Изд-во КГПИ им. В. И. Ленина, 1991. 82 с. (тираж 500 экз.!) 10. Сауров Ю. А., Бутырский Г. А. Электродинамика: Модели уроков. М.: Просвещение, 1992. 304 с. 11. Сауров Ю. А. Проблема организации учебной деятельности школьников в методике обучения физике: автореф. дис. ... д-ра пед. наук. М., 1992. 43 с. 12. Мултановский В. В., Сауров Ю. А. Квантовая физика: Модели уроков. М.: Просвещение, 1996. 272 с. 13. Сауров Ю. А., Бутырский Г. А. Молекулярная физика: Модели уроков. М.: Просвещение, 1998. 144 с. 14. Бутырский Г. А., Сауров Ю. А. Экспериментальные задачи по физике: 10–11 кл. М.: Просвещение, 1998. 102 с. (Переиздание в 2000 г.). 15. Физика: Школьный курс / В. А. Орлов, Г. Г. Никифоров, А. А. Фадеева, Н. К. Ханнанов, Ю. А. Сауров, О. Ф. Кабардин. М.: АСТ-ПРЕСС, 2000. 688 с. 16. Сауров Ю. А. Основы методологии методики обучения физике: монография. Киров: Изд-во Киров. ИУУ, 2003. 196 с. 17. Сауров Ю. А. Физика в 10 классе: Модели уроков: кн. для учителя. М.: Просвещение, 2005. 256 с. (Переиздание в 2010 г.). 18. Сауров Ю. А. Физика в 11 классе: Модели уроков: кн. для учителя. М.: Просвещение, 2005. 271 с. (Переиздание в 2010 г.). 19. Сауров Ю. А. Принцип цикличности в методике обучения физике: монография. Киров: Изд-во КИПК и ПРО, 2008. 224 с. 20. Разумовский В. Г., Орлов В. А., Никифоров Г. Г., Майер В. В., Сауров Ю. А. Физика: учеб. для 10 класса. Ч. 1. М.: Владос, 2010. 261 с. 21. Разумовский В. Г., Орлов В. А., Никифоров Г. Г., Майер В. В., Сауров Ю. А. Физика: учеб. для 10 класса. Ч. 2. М.: Владос, 2010. 261 с. 22. Разумовский В. Г., Орлов В. А., Никифоров Г. Г., Майер В. В., Сауров Ю. А., Страут Е. К. Физика: учебник для 11 класса. Ч. 1. М.: Владос, 2011. 255 с. 23. Разумовский В. Г., Орлов В. А., Никифоров Г. Г., Майер В. В., Сауров Ю. А., Страут Е. К. Физика: учебник для 11 класса. Ч. 2. М.: Владос, 2011. 359 с. 24. Разумовский В. Г., Орлов В. А., Майер В. В., Сауров Ю. А. Стратегическое проектирование развития физического образования: монография. Киров: Изд-во ИРО Киров. обл., 2012. 179 с. 25. Орлов В. А., Сауров Ю. А. Практика решения физических задач: 10–11 класс: учеб. пособие для учащихся общеобраз. учрежд. М.: Вентана-Граф, 2010. 272 с. (Переиздания в 2011, 2013 гг.). 26. Сауров Ю. А. Учитель: вечный поиск смыслов...: монография. Киров: ИД «Герценка», 2010. 158 с. 28. Коханов К. А., Сауров Ю. А. Методология функционирования и развития школьного физического образования: монография. Киров: Изд-во ООО «Радуга-ПРЕСС», 2012. 326 с. 29. Коханов К. А., Сауров Ю. А. Проблема задания и формирования современной культуры физического мышления: монография. Киров: Изд-во ЦДООШ, 2013. 232 с.

Примечания

1. Щедровицкий Г. П. Мышление – Понимание – Рефлексия. М.: Наследие ММК, 2005.
2. Патрушев В. Н., Сауров Ю. А. Вятская научная школа методистов-физиков: Факты и мысли о становлении. Киров: Изд-во ВятГПУ, 1997; Крестников С. А. Методология истории методики обучения физике. Научные школы методистов-физиков. Челябинск, 2006. С. 48, 44.
3. Щедровицкий Г. П. Указ. соч. С. 616.
4. Там же. С. 369.
5. Там же. С. 344.
6. Калошина И. П. Структура и механизмы творческой деятельности. М.: Изд-во МГУ, 1983.
7. Патрушев В. Н., Сауров Ю. А. Указ. соч.
8. Швецов Ю. Тридцать лет книге // Физика в школе. 2007. № 6. 74–76.

Notes

1. Shchedrovitsky G. P. *Myshlenie – Ponimanie – Refleksiya* [Thinking - Understanding – Reflection]. Moscow. Naslediye MMK. 2005.
2. Patrushev V. N., Saurov Y. A. *Vyatskaya nauchnaya shkola metodistov fizikov: Fakty i mysli o stanovlenii* [Vyatka scientific school of physicists-methodists: Facts and thoughts about the formation]. Kirov. VyatSPU Publ. 1997; Krestnikov S. A. *Metodologiya istorii metodiki obucheniya fizike. Nauchnye shkoly metodistov fizikov* [Methodology of history of teaching physics methods. Scientific schools of physicists-methodists]. Chelyabinsk. 2006. Pp. 48, 44.
3. Shchedrovitsky G. P. Op. cit. P. 616.
4. Ibid. P. 369.
5. Ibid. P. 344.
6. Kaloshina I. P. *Struktura i mekhanizmy tvorcheskoy deyatel'nosti* [Structure and mechanisms of creative activity]. Moscow. Publishing house of Moscow State University. 1983.
7. Patrushev V. N., Saurov Y. A. Op. cit.
8. Shvetsov Y. *Tridcat' let knige* [Thirty years to the book] // *Fizika v shkole - Physics in school*. 2007, No. 6, 74-76.

Интегративная модель повышения качества медицинского образования на послевузовском этапе в условиях модернизации системы здравоохранения

В статье представлена интегративная модель повышения качества медицинского образования на послевузовском этапе, направленная на оценку компетенций специалистов с последующим принятием кадровых и организационных решений, определением мер стимулирования и поощрения. Результаты оценки отражаются в карте компетенций, на основе которой разрабатывается индивидуальный план профессионального развития специалиста. Авторы предлагают также систему управления развитием компетенций персонала, представленную в «дорожной карте».

The article presents an integrative model to improve the quality of medical education at postgraduate stage, aimed at assessing competencies specialists followed by the adoption of human and organizational solutions, the definition of incentives and encouragement. The evaluation results are reflected in the map of competences, which is developed on the basis of an individual plan for professional development specialist. The authors propose a control system development competencies of staff provided in the “road map”.

Ключевые слова: интегративная модель повышения качества медицинского образования, карта компетенций, индивидуальный план развития компетенций специалиста, индивидуальный профиль специалиста, «дорожная карта».

Keywords: Integrative model of improving the quality of medical education, map of competencies, individual plan of the development specialist's competencies, individual profile of specialist, “road map”.

Система здравоохранения как специфическая социальная система обладает множеством признаков и компонентов, количество которых, как и позиционирование между ними, непостоянно и варьируется в зависимости от условий внешней среды.

Опора на принцип разумной достаточности позволяет выделить следующую совокупность компонентов интегративной модели повышения качества медицинского образования на послевузовском этапе: блок «управление развитием компетенций специалистов в системе непрерывного образования врачей»; блок «аттестация и аккредитация специалистов на базе Института последипломного образования врачей как центра управления качеством непрерывного профессионального образования врачей»; блок «Интеграция научного потенциала вуза и клинической базы как фактор совершенствования подготовки врачей».

Интегративная модель повышения качества медицинского образования на послевузовском этапе предполагает оценку компетенций специалистов с последующим принятием кадровых и организационных решений; определения мер стимулирования и поощрения. Объектом оценки компетенций является специалист медицинской организации. Субъектами процесса оценки компетенций являются созданные экспертные комиссии (далее – Комиссия) в медицинских организациях, а также аттестационные комиссии, оценивающие уровень профессиональной квалификации. Комиссия в медицинской организации может включать в себя руководителя подразделения и экспертов, которые по должности взаимодействуют со специалистом, представителями профсоюзного органа, профессиональных ассоциаций. Комиссия должна обеспечить максимальную объективность данных при оценке специалиста. На основе комиссионных данных проводится анализ результатов оценки персонала руководителями подразделений, уточнение результатов совместно с кадровой службой, подготовка руководителями проектов кадровых решений по подразделению, далее обсуждение и утверждение руководителем кадровых решений в медицинской организации. Решение до сотрудника доводится руководителями подразделений. В случае несогласия работника с результатами оценки он имеет возможность подать апелляцию или обратиться в независимую экспертную комиссию, создание которой потребуется для устранения конфликтных ситуаций.

Процедуру оценки специалистов предполагается проводить:

- в медицинских организациях I и II уровней на добровольных началах;
- в медицинских организациях III уровня, медицинских центрах любого уровня и при первичном устройстве на работу в обязательном порядке.

Обязательным условием внедрения оценочных процедур является разработка для медицинских организаций I и II уровней персонализированных систем стимулирования (премии, гранты и т. д.) к обязательному прохождению специалистов процедуры оценки.

Процедуру оценки проходят все специалисты с периодичностью один раз в год по состоянию на отчетную дату, при необходимости – чаще. Выпускники медицинских образовательных организаций также проходят процедуру оценки полученных компетенций, результаты которой являются приложением к диплому о профессиональном образовании и служат отправной точкой в индивидуальном плане развития специалиста. В последующем при проведении ежегодной оценки компетенций специалистов достигнутые результаты оценки могут учитываться накопительно для прохождения аттестации и аккредитации. После внедрения системы оценки компетенций специалистов порядок ее проведения может быть скорректирован.

Основным и решающим фактором при оценке компетенций является карта компетенций. В данном проекте предлагается ее примерная модель, сформированная по трем разделам, девяти направлениям и пяти уровням на основании Болонской системы образования, проектов профессиональных стандартов и проработки литературных источников о международном опыте применения карт и методик оценки персонала. Карта компетенций состоит

- из раздела «Профессиональные компетенции (квалификация)», включающего в себя знания, умения, навыки, способности, квалификационные характеристики;

- раздела «Базовые компетенции», включающего в себя работу с информацией, коммуникативность, исполнительность, работу с документацией, способность к принятию решения, ответственность, организаторские способности;

- раздела «Социально-психологические компетенции», включающего в себя этику, поведение, в том числе здоровый образ жизни, толерантность, стремление к саморазвитию.

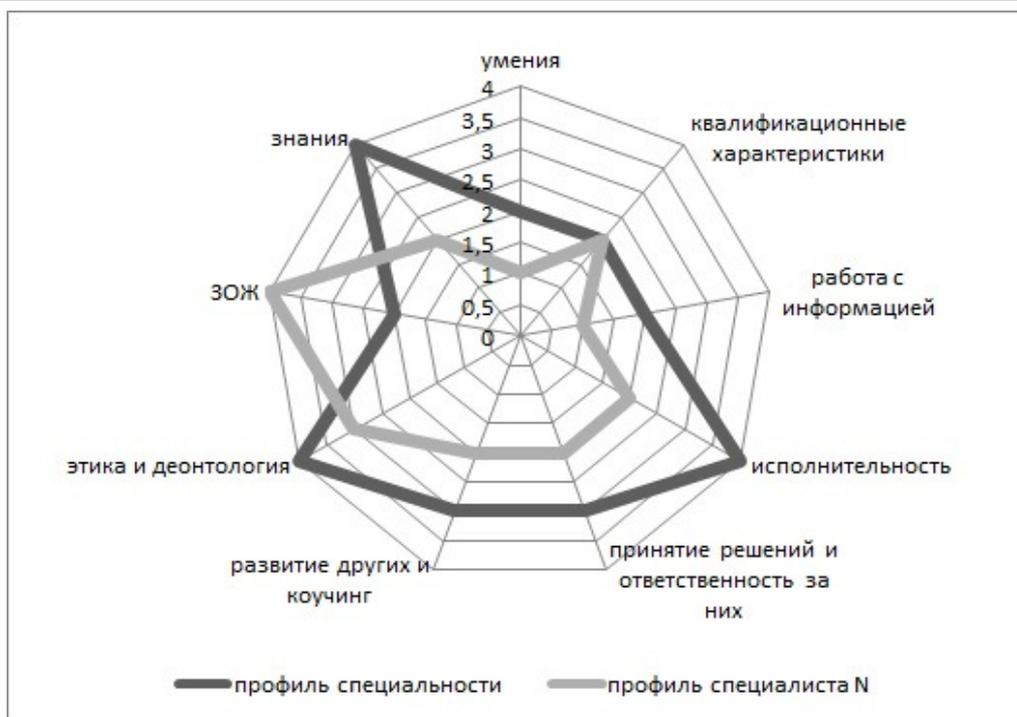
Результаты проведенной оценки обсуждаются специалистом и руководителем, работодателем в форме диалога для составления индивидуального плана развития компетенций специалиста. Результаты оценки компетенций специалистов могут быть использованы при формировании и принятии управленческих решений: принятие мер по повышению мотивации специалиста для обеспечения карьерного и профессионального роста; определение необходимых приоритетов развития медицинской организации. Система управления реализацией проекта должна базироваться на принципах совместного участия представителей органов государственной власти, сторон социального партнерства, открытости при принятии управленческих решений.

Процесс управления развитием компетенций должен включать в себя процесс оценки компетенций специалистов и процесс принятия управленческого решения по их развитию. Оценка компетенций специалистов проводится с применением карты компетенций, которая включает в себя три раздела.

Первым разделом является оценка профессиональных качеств, с учетом результатов проведенной профессиональной аттестации специалистов.

Два других раздела карты компетенций, а именно базовые и социально-психологические компетенции, предлагается оценивать специальной комиссией медицинской организации. На сегодняшний день мы имеем дело с подобной практикой описания личностных качеств специалиста при получении характеристики в кадровой службе. Однако мы нередко сталкиваемся с необъективным или формальным подходом при предоставлении характеристики на выдвижение кандидатов на формирование кадрового резерва, на награждение, для участия в профессиональных конкурсах, при смене работы.

В результате проведенной оценки и заполнения карты компетенций формируется «индивидуальный профиль специалиста» (см. рис. 1), изображенный в виде диаграммы. Значения диаграммы сравниваются с индикативными показателями профиля специальности.

Индивидуальный профиль специалиста

Полученные результаты анализируются для разработки индивидуального плана развития специалиста и формирования предложений для принятия управленческих решений. Процесс разработки индивидуального плана развития специалиста должен носить диалоговый характер взаимодействия специалиста и работодателя.

Следующим шагом в процессе управления развитием компетенций специалистов является процесс принятия управленческого решения, который, с одной стороны, предполагает обоснованное обсуждение и формирование заказа на обучение и повышение компетенций специалистов; формирование базы данных компетенций специалистов, мероприятия по стимулированию труда (использование карты компетенций специалистов как приложения к эффективному контракту), с другой стороны – планирование и реализация мероприятий по эффективному развитию организации (изменение структуры организации, коечного фонда, штатного расписания и т. д.); по внедрению новых технологий, обеспеченных подготовленными кадрами; по формированию кадрового резерва.

В процессе реализации модели необходимо тщательно продумывать общую стратегию проведения мероприятий, с учетом возникновения возможных рисков. Осуществлять процесс (внедрять мероприятия) необходимо таким образом, чтобы предотвратить возникновение непредусмотренных рисков и максимально снизить их воздействие на результаты работы.

Мероприятия реализации модели представлены в «дорожной карте».

Анализ предложенной «Интегративной модели повышения качества медицинского образования на послевузовском этапе» и «Дорожной карты» ее внедрения показывает, что модель обладает признаками саморегулируемости, которая проявляется в возможности ответственным за реализацию конкретного мероприятия или группы мероприятий в пределах представленных полномочий оперативно корректировать требования к содержанию блоков в ответ на изменяющиеся условия внешней и внутренней среды медицинской организации в соответствии с новыми приоритетами. При этом отпадает необходимость кардинально менять принципиальную структуру модели, что обеспечивает сохранение обстановки стабильности, способствует поддержанию благоприятного климата в организациях системы здравоохранения.

Педагогика и психология

№ п/п	Наименование мероприятия	Ответственные	Результаты
1. Управление развитием компетенций специалистов в системе непрерывного образования врачей			
1.1	Принятие решения о реализации модели	Орган исполнительной власти субъекта РФ в сфере здравоохранения	Приказ, распоряжение
1.2	Обозначение участников процесса оценки компетенций с указанием их роли и места в обозначенном процессе	Орган исполнительной власти субъекта РФ в сфере здравоохранения	Приказ (методика)
1.3	Определение интересов субъекта оценки	Орган исполнительной власти субъекта РФ в сфере здравоохранения	Приказ (критерии и критериальные значения оценки)
1.4	Формирование регламента работы с аттестационной комиссией, профессиональным сообществом, независимой экспертной группой по проведению оценки	Орган исполнительной власти субъекта РФ в сфере здравоохранения	Приказ (регламент взаимодействия)
2. Описание механизма оценки компетенций и их развития			
2.1	Принятие решения о проведении оценки в регионе	Орган исполнительной власти субъекта РФ в сфере здравоохранения	Приказ
2.2	Согласование решения о проведении оценки с представительным органом работников (профсоюзная организация)	Руководитель организации здравоохранения	Мотивированное мнение профсоюзной организации
2.3	Формирование графика проведения оценки	Руководитель организации здравоохранения	Приказ по организации (план-график)
2.4	Составление расчета ожидаемых финансовых расходов на проведение оценки	Руководитель организации здравоохранения	Приказ по организации
3. Определение формата и содержания карты компетенций на основании профессиональных стандартов, проведение оценки компетенций специалистов			
3.1	Проведение процедуры закупки услуги по разработке карты компетенций и ее апробации	Орган исполнительной власти субъекта РФ в сфере здравоохранения	Техническое задание, Государственный контракт, Карта компетенций
3.2	Проведение оценки и формирование профилей специалистов	Руководитель организации здравоохранения	Диаграмма специалиста
3.3	Доработка программного продукта по ведению реестра медицинских работников в части формирования карты компетенций	Орган исполнительной власти субъекта РФ в сфере здравоохранения, руководитель организации здравоохранения	Создание реестра медицинских работников субъекта федерации
4. Формирование предложений по применению результатов оценки компетенций специалистов			
4.1	Анализ результатов оценки (анализ профилей специалистов)	Руководитель организации здравоохранения	Аналитическая справка
4.2	Разработка индивидуального плана развития сотрудника	Руководитель организации здравоохранения	Индивидуальный план развития сотрудника
4.3	Заказ организации здравоохранения на обучение сотрудников (развитие компетенций)	Руководитель организации здравоохранения	Заявка на обучение
4.4	План организации здравоохранения по повышению эффективности организации (изменение коечного фонда, штатного расписания, структуры организации и т. д.)	Орган исполнительной власти субъекта РФ в сфере здравоохранения	Изменения в программы развития здравоохранения субъекта федерации, муниципальных образований
4.5	План формирования кадрового резерва	Орган исполнительной власти субъекта РФ в сфере здравоохранения, руководитель организации здравоохранения	Списки кадрового резерва по уровням: субъект федерации, муниципальное образование, организация здравоохранения
4.6	Разработка положения о стимулировании сотрудников	Руководитель организации здравоохранения	Дополнение к трудовому договору
4.7	Использование результатов оценки при проведении мероприятий по контролю качества и безопасности медицинской деятельности	Руководитель организации здравоохранения	Улучшение показателей качества медицинской помощи
4.8	Внесение изменений и дополнений в регламент процессов системы менеджмента качества	Руководитель организации здравоохранения	Приказ (изменения и дополнения в систему менеджмента качества)

Реализация модели в системе здравоохранения позволяет рассчитывать на наличие положительных сдвигов по каждому из приоритетных направлений повышения качества медицинского образования на послевузовском этапе. Управление развитием компетенций специалистов в системе непрерывного образования врачей может способствовать формированию кадрового резерва системы здравоохранения на различных ее уровнях (от регионального до учрежденческого); формированию рейтинга специалистов, рейтинга медицинских организаций; формированию индивидуального плана развития специалиста; обеспечению специалистами, имеющими соответствующий уровень компетенций для использования современного медицинского оборудования; формированию заказа на непрерывное обучение специалистов в соответствии с планами развития регионального здравоохранения. Аттестация и аккредитация специалистов на базе Института последипломного образования врачей как центра управления качеством непрерывного профессионального образования врачей приведет к созданию условий для оказания медицинской помощи в соответствии с утвержденными порядками и стандартами; совершенствованию системы отбора специалистов при приеме на работу с учетом уровня оказания медицинской помощи; формированию бизнес-плана развития медицинской организации с учетом введения новых технологий. Интеграция научного потенциала вуза и клинической базы как фактора совершенствования подготовки врачей приведет к рациональному и эффективному использованию финансовых ресурсов субъекта на обучение кадров; уменьшению величины диспропорции кадровых ресурсов и, как следствие, повышению доступности и качества медицинской помощи населению.

С целью апробации «Интегративной модели повышения качества медицинского образования на послевузовском этапе» и «Дорожной карты» ее реализации нами была организована экспертная оценка предложенных мероприятий. Экспертам из числа специалистов системы здравоохранения, в том числе ученых, представителей профессионального сообщества, имеющих опыт работы по повышению качества медицинского образования, было предложено оценить предлагаемые мероприятия с точки зрения логичности (адекватного соотношения представленной проблемы и представленных способов ее разрешения), полноты (степени достаточности представленного комплекса мер по разрешению проблемы), актуальности (в какой мере предлагаемые способы отражают реальную ситуацию), практической (возможности использования мероприятий в практической деятельности), перспективности (соотношения эффективности привлекаемых ресурсов).

Проведенный комплексный анализ «Интегративной модели повышения качества медицинского образования на послевузовском этапе» по критериям «логичность», «полнота», «актуальность», «практичность», «перспективность» позволяет сделать вывод, что данные критерии отражены в конкретных мероприятиях, а их реализация позволит повысить эффективность «Интегративной модели повышения качества медицинского образования на послевузовском этапе» для организаций системы здравоохранения Кировской области. Внедрение в практическую деятельность сформулированных предложений позволит выйти на ожидаемый результат от внедрения «Интегративной модели повышения качества медицинского образования на послевузовском этапе».

Проведенный экспертный анализ «Интегративной модели повышения качества медицинского образования на послевузовском этапе» и «Дорожной карты» ее реализации в целом свидетельствует о высоком уровне универсальности содержащихся в модели действий. Вместе с тем следует сформулировать ряд рекомендаций применительно к каждому разделу.

Принципиальная необходимость трехзвенной системы модели повышения качества медицинского образования на послевузовском этапе: блок «управление развитием компетенций специалистов в системе непрерывного образования врачей»; блок «аттестация и аккредитация специалистов на базе Института последипломного образования врачей как центра управления качеством непрерывного профессионального образования врачей»; блок «Интеграция научного потенциала вуза и клинической базы как фактор совершенствования подготовки врачей» обусловлена принципами системности и конструктивной целостности. Отказ при реализации модели от какого-либо блока может привести к искажению итоговых результатов и поставить под сомнение результативность всей работы по повышению качества медицинского образования на послевузовском этапе. В случае отсутствия в распоряжении органа управления здравоохранением соответствующего уровня медицинской организации необходимых ресурсов, в том числе человеческих, для внедрения модели в полном

объеме следует запросить консультативную помощь из других муниципалитетов (организаций здравоохранения).

Ввиду декларируемого интегративной моделью принципа добровольного участия в оценочных процедурах сотрудников медицинских организаций I и II уровней руководителями данных организаций при участии представителей профессионального сообщества должны быть разработаны персонализированные системы стимулирования участия в данных процедурах. Дифференциация систем стимулирования может проводиться как в соответствии с внешними социальными признаками (специальность, стаж работы, уровень заработной платы, карьерные притязания, стремление к общественному признанию и т. п.), так и в соответствии типами трудовой мотивации (например, В. И. Герчикова) [1].

При проведении периодической оценки компетенций важно обеспечить возможность сравнительного анализа результатов текущей оценки конкретного специалиста как «с самим собой в предыдущие периоды», так и с результатами других специалистов (усредненными и персонифицированными), занимающих аналогичные должностные позиции. Следование этому правилу, с одной стороны, обеспечит открытость оценочных процедур и повысит общественную степень доверия к ним, а с другой – будет стимулировать медицинских работников к повышению результативности профессиональной деятельности, прямо влияющей на успешность прохождения очередной оценки компетенций.

В целях преодоления рисков событий по всему перечню мероприятий интегративной модели рекомендуется перед принятием решения о ее старте группой авторов (командой проекта) разработать планы управления изменениями [2], план управления рисками и возможностями [3]. Управление изменениями в «Интегративной модели повышения качества медицинского образования на послевузовском этапе» и «Дорожной карте» ее реализации включает выявление, формализацию, классификацию, оценку, принятие или отклонение, осуществление проверки соответствия изменения базовым положениям «Интегративной модели повышения качества медицинского образования на послевузовском этапе» и «Дорожной карты» ее реализации. Управление рисками и возможностями включает выявление и оценку рисков (возможностей); составление плана реагирования на риски и возможности, его утверждение, а после – уведомление о нем всех заинтересованных сторон; обновление общей «Интегративной модели повышения качества медицинского образования на послевузовском этапе» и «Дорожной карты» ее реализации согласно утвержденному плану реагирования на риски и возможности; оценку вероятности выполнения задач по времени и затратам в целях применения наиболее актуальной тактики управления рисками и возможностями.

В целях обеспечения своевременной реализации мероприятий модели («дорожной карты» интегративной модели) организации методической поддержки внедрения описанной модели целесообразна организация проектного офиса [4], «Интегративной модели повышения качества медицинского образования на послевузовском этапе» и «Дорожной карты» ее реализации. Проектный офис может быть организован как в физическом смысле (специально созданный отдел или надделение таковыми функциями существующего подразделения), так и в виртуальном состоянии (временная рабочая группа авторов модели, объединенная в группу на основании решения руководителей). Задачей проектного офиса «Интегративной модели повышения качества медицинского образования на послевузовском этапе» и «Дорожной карты» ее реализации будет поддержка внедрения интегративной модели на разных уровнях управления системы здравоохранения за счет внедрения единой методологии, стандартов, процедур и шаблонов, консультационной и административной поддержки ответственных лиц различных уровней (регионального, муниципального, учрежденческого), координация работ по внедрению интегративной модели в различных муниципалитетах, подготовки аналитической и обобщенной отчетности по запросам заинтересованных сторон различных уровней (регионального, муниципального, учрежденческого).

Таким образом, учет рекомендаций по апробации и внедрению интегративной модели повышения качества медицинского образования на послевузовском этапе: трехзвенная система модели повышения качества как условие системности и конструктивной целостности; разработка в соответствии с внешними социальными признаками и типами трудовой мотивации персонализированных систем стимулирования участия специалистов в оценочных процедурах; обеспечение открытости оценочных процедур и высокой общественной степени доверия к ним; реализация интегративной модели в соответствии с основными положениями про-

ект-менеджмента (управление изменениями, управление рисками и возможностями, проектный офис) позволит повысить эффективность апробации интегративной модели в медицинских организациях и обеспечит высокое качество образования на послевузовском этапе.

Примечания

1. Герчиков В. И. Мотивация, стимулирование и оплата труда персонала. М.: Изд-во ГУ-ВШЭ, 2003.
2. Управление проектами: Основы профессиональных знаний, Национальные требования к компетентности специалистов (NSB – SOVNETNationalCompetenceBaselineVersion 3.0). М.: ЗАО «ПРОЕКТНАЯ ПРАКТИКА», 2010. С. 208–211.
3. Там же. С. 194–196.
4. Там же. С. 36.

Notes

1. Gerchikov V.I. *Motivaciya, stimulirovanie i oplata truda personala* [Motivation, promotion and remuneration of staff]. Moscow. Publishing house of HSE. 2003.
2. *Motivaciya, stimulirovanie i oplata truda personala* - Project management: Fundamentals of professional knowledge, National requirements for the competence of specialists (NSB - SOVNETNationalCompetenceBaselineversion 3.0). Moscow. CJSC "Proyektная практика". 2010. Pp. 208-211.
3. Ibid. Pp. 194-196.
4. Ibid. P. 36.

УДК 7.01+689

К. С. Бажин, Г. И. Симонова, Е. А. Ходырева

**Искусство и техническое творчество глазами молодых ученых:
анализ результатов исследования**

Вовлечение молодёжи в инновационную деятельность требует разработки соответствующего педагогического обеспечения, ориентированного на актуализацию личностных и институциональных ресурсов творчества. В современных условиях стираются грани между различными видами искусства и технического творчества, развиваются их синтетические формы. Поэтому необходимо создание современных методик и технологий, обеспечивающих продуцирование инноваторами качественно новых результатов. В статье представлены результаты исследования представлений молодых ученых о современных подходах и тенденциях развития искусства и технического творчества в России. Обобщены данные Форсайт-прогноза о типах восприятия искусства. Анализируется потенциал различных видов искусства (пластические, динамические, синтетические) и технического творчества (традиционные – авто моделирование, авиомоделирование, радиомоделирование, судомоделирование; инновационные – 3D-моделирование, робототехника). Обосновываются механизмы и условия развития качеств творческой личности.

Youth involvement in innovation requires the development of appropriate pedagogical support, based on the actualization of personal and institutional resources of creativity. In modern conditions erased the boundaries between different kinds of art and technical creativity, develop their synthetic forms. It is therefore necessary to create modern techniques and technologies for the production of innovators qualitatively new results. The article presents the results of a study of representations of young scientists on current approaches and trends in the arts and engineering work in Russia. The data foresight – forecast about the types of perception of art. Examines the potential of different kinds of art (plastic, dynamic, synthetic) and technical creativity (traditional – automotive styling, aeromodelling, radiomodelling, Sudomodelling; innovative – 3D-modeling, robotics). Justified mechanisms and conditions of development as a creative person.

Ключевые слова: инновационная деятельность, потенциал и ресурсы искусства и технического творчества, механизмы развития качеств творческой личности.

Keywords: innovation, capacity and resources of art and engineering work, mechanisms of development as a creative person.

В современной России вовлечение творческой молодёжи в инновационную деятельность, в разработку перспективных идей для реализации новаторских проектов является одной из приоритетных задач государственной молодежной политики. В условиях, когда все более стираются грани между различными видами искусства и технического творчества, возникают и активно развиваются их синтетические формы, необходима разработка соответствующего педагогического обеспечения данного вида активности, а также создание современных методик и технологий, обеспечивающих продуцирование инноваторами качественно новых результатов.

Молодые люди испытывают насущную потребность расширить собственные представления о процессах предметного творчества, освоить базовые научные и методические подходы к оптимизации процесса создания изобретений, апробировать новые способы внедрения и тиражирования разработок. Действительно, творчество как деятельность, направленная на создание объективно нового, справедливо рассматривается в качестве существенной сферы самореализации личности. Включение в творчество является процессом, в ходе которого происходит индивидуальная проблематизация по отношению к выбору вида деятельности; индивидуальное самоопределение в возможных ее видах; а также определение индивидуально приемлемых вариантов участия в деятельности.

С целью определения уровня овладения участниками Всероссийской молодежной научной школы «Искусство и техническое творчество» – молодыми учеными, аспирантами, студентами лучших научных и методических отечественных достижений в сфере разработки новаторских проектов и создания новшеств в различных видах предметного творчества, а также для анализа эффективности освоения ими современных подходов к развитию искусства и технического творчества, в ходе работы школы проводилось он-лайн анкетирование. Согласно требованиям конкурсной документации было опрошено 67,6% из 250 участников конференции, в том числе 124 чел. в возрасте до 35 лет, а также 45 участников в возрасте от 35 лет и старше.

В качестве критериев рассматривалась осведомленность участников опроса о современных подходах и тенденциях развития искусства и технического творчества в России; сформированность представлений о потенциале и ресурсах различных видов искусства и технического творчества; информированность молодых ученых о механизмах развития качеств творческой личности.

Результаты анкетирования выявили достаточный уровень осведомленности участников опроса о современных подходах и тенденциях развития искусства и технического творчества в России. Этот вывод подтверждается следующими данными. По мнению 55,65% респондентов до 35 лет, наиболее значимым теоретико-методологическим подходом к развитию технического творчества в современных условиях является системный подход, ориентированный на целостность представлений о деятельности, результатом которой является технический объект, обладающий признаками полезности и новизны. Еще 26,61% молодых исследователей подчеркивают важность эвристического подхода к развитию технического творчества, особо выделяя значимость неалгоритмизированных процедур творчества, дающих приемлемое решение технических задач в большинстве практически значимых случаев. Следует отметить, что среди исследователей старше 35 лет 60% респондентов отмечают значимость эвристического подхода к развитию технического творчества как ведущего в современных условиях. Наименее востребован, по мнению опрошенных, прагматический, утилитарный подход к техническому творчеству (26,67 и 16,94% соответственно). Можно констатировать наличие у большинства респондентов верных представлений о методах активизации технического творчества. К рациональным методам активизации технического творчества 73,33% ученых моложе 35 лет и 62,9% исследователей старшего возраста справедливо относят теорию решения изобретательских задач (ТРИЗ); также отмечается значимость метода контрольных вопросов (34,68 и 26,57% соответственно). Среди иррациональных методов активизации технического творчества отмечаются возможности мозгового штурма (66,13 и 40% соответственно), метода аналогий (26,67% респондентов старше 35 лет) и экстраполяции (16,13% респондентов моложе 35 лет).

Выделяя наиболее перспективные пути решения технических задач творческого характера, анкетлируемые указывают на увеличение в системе техники объема и роли технических средств связи, контроля, регулирования и управления (52,42 и 46,67% соответственно);

на необходимость интеграции техники (32,26 и 26,67% опрошенных); на обеспечение техно-гуманитарного баланса (28,23 и 40% опрошенных). При этом дифференциация конструктивных форм отмечается в качестве перспективной линии лишь у 9,68% молодых респондентов и 6,67% исследователей старше 35 лет.

Исследование выявило, что в качестве наиболее перспективных подходов к пониманию искусства в современных условиях участники опроса рассматривают деятельностный, рассматривающий искусство как механизм трансляции смыслов (39,52 и 40% опрошенных). Молодыми исследователями также отмечается значимость искусствоцентрического подхода, когда в центре внимания находится произведение искусства при отсутствии реального взаимодействия произведения искусства и воспринимающего (40,32% ученых до 35 лет и 26,67% их старших коллег). Искусство характеризуется через активность субъектов, именно поэтому существенно менее значимым, по мнению респондентов (18,55 и 13,33% опрошенных), является реализация механистического подхода, рассматривающего восприятие искусства как результат механического функционирования неких интрапсихических механизмов, а не активности самой личности, роль которой – пассивное восприятие. Выделяя наиболее значимые в современных условиях функции искусства, респонденты моложе 35 лет единодушны в его оценке как способе отражения реальной жизни людей (62,1%). Существенную роль они отводят ему как средству коммуникации. Лишь 16,13% рассматривают его как средство пропаганды и рекламы. Исследователи старше 35 лет отдают предпочтение реализации функции искусства как средства психотерапии (46,67%), способа отражения реальной жизни людей (40%). Наименее востребована, по их мнению, функция искусства как средства общественных перемен. В то же время 29,84% молодых респондентов уделяют ей приоритетное значение.

Выделяя тенденции в развитии искусства на современном этапе, участники опроса делают акцент на две позиции: абсолютно свободную трактовку авторского идейного замысла зрителем, диалог с которым ничем не ограничен и не сдерживаем (37,1 и 46,67% соответственно) и расширение индивидуального сознания ко всему новому (37,1 и 33,33% соответственно). Около 20% участников опроса, говоря о перспективах развития искусства, отмечают его роль в формировании мультикультурной среды, основанной на приоритете толерантности, и рассматривают искусство как квинтэссенцию духовно-культурного опыта.

Интересны результаты форсайт-прогноза восприятия искусства участниками анкетирования. Большинство респондентов обеих возрастных групп придерживаются позиции поиска в искусстве того, чего нет в жизни («компенсативный тип») – 47,58 и 33,33% соответственно. Для исследователей старше 35 лет значим «гносеологический тип» – восприятие искусства только в его социально-познавательной или социально-публицистической функции. Для молодых исследователей до 35 лет существенной является моральная оценка («этический» тип) восприятия. Можно констатировать, что исследователи старше 35 лет не склонны придавать значение оценке восприятия искусства через следование априорным нормам, принятым в социальной группе («социально престижный» тип); по прогнозам же молодых ученых, наименее значим в будущем станет гносеологический тип восприятия искусства.

В то же время результаты анкетирования показали недостаточно высокий уровень сформированности представлений участников о потенциале и ресурсах различных видов искусства и технического творчества. Этот вывод подтверждается следующими данными. Опрошенные недостаточно свободно ориентируются в оценке видов искусства и технического творчества. Так, наиболее понятны для участников опроса сущностные характеристики традиционных видов технического творчества – авто моделирования; авиамоделирования; радиомоделирования; судомоделирования. Выявлено, что к пластическим видам только около половины респондентов правильно относят заявленные в перечне виды искусства. Респонденты справедливо указывают в качестве таковых декоративно-прикладное творчество (55,65 и 40% соответственно), изобразительное искусство (43,55 и 26,67% участников опроса соответственно), архитектуру (49,19 и 26,67%), фотографию (11,29 и 0%). Характеризуя представления респондентов о динамических видах искусства, подавляющее большинство исследователей (72,58% респондентов моложе 35 лет и 60% старше 35 лет) справедливо указывают музыку. Однако к этой группе более половины опрошенных ошибочно относят киноискусство и театральное искусство, а также хореографию. Определяя перечень синтетических видов искусства, лишь 40,32% исследователей моложе 35 лет относят к ним киноис-

искусство, 20,16% – литературу, 24,19% – театральное искусство. Среди респондентов старше 35 лет доля таких составляет соответственно 60%; 0%; 53,33%. В то же время респонденты показывают достаточный уровень сформированности представлений о сущностных характеристиках конкретных видов искусства. Так 86,29% опрошенных до 35 лет и 73,33% исследователей старшего возраста верно выделили сущностные характеристики архитектуры; 77,42 и 73,33% опрошенных соответственно – признаки декоративно-прикладного искусства; 79,84 и 73,33% соответственно – характеристики литературы; 96,77 и 80% – особенности музыки, 80,65 и 80% – ключевые черты хореографии; более 80 и 60% соответственно – особенности театрального и изобразительного искусства. Наибольшую трудность у респондентов вызвало определение сущностных характеристик фотографии как вида искусства, воспроизводящего визуально воспринятую действительность, имеющую предметную форму, не изменяющуюся во времени и пространстве (правильный ответ дали лишь 42,74% респондентов моложе 35 лет и 46,67% их старших коллег). Таким образом, важная образовательная задача, связанная с обеспечением ознакомления ее участников с комплексом видов искусств и спектром современных видов технического творчества, представляется чрезвычайно актуальной и востребованной.

Оценивая информированность молодых ученых о возможностях, ресурсах и механизмах развития качеств творческой личности, следует отметить, что подавляющее большинство опрошенных указывают на существенную роль в этом процессе мотивации к занятию искусством и техническим творчеством. При этом, по мнению 65,32% молодых респондентов, доминирующей в современных условиях является внутренняя мотивация (удовольствие от свободной игры творческих способностей, желание проявить, испытать себя, душевная потребность, образ жизни). 53,33% их старших коллег указывают на значимость внешней мотивации творческой деятельности – борьба за существование, практические выгоды, стремление отличиться. Оценивая доминирующий в деятельности опрошенных уровень творчества, следует обратить внимание на то, что 30,65% молодых исследователей и 13,33% ученых старше 35 лет связывают его с применением известного решения к известной проблеме, когда применяются средства, прямо предназначенные именно для данной цели, либо выбирается один из альтернативных вариантов решения задачи; 29,84 и 46,67% респондентов соответственно – с применением известного решения или использованием нового решения старой задачи – не принятыми, непривычными в данной области средствами; еще 29,03 и 40% соответственно – с нахождением принципиально нового решения для принципиально новой проблемы. У 8,87% участников школы до 35 лет, по их мнению, отсутствуют элементы творчества, преобладают стереотипные способы действий. Как показали результаты опроса, молодых участников научной школы, прежде всего, интересуют инновационные виды искусства и технического творчества – 3D-моделирование – 75,81% исследователей; робототехника – 31,45% молодых ученых; автомоделирование – 33,87%. Приоритеты их старших коллег следующие: 3D-моделирование – 80% исследователей; робототехника – 26,67% ученых; прочие виды технического творчества – 46,67%. Следовательно, педагогическое сопровождение данного вида деятельности требует актуализации всего спектра мотивов, побуждающих к творческой деятельности, обеспечивая активную включенность участников в наиболее привлекательные для них виды и формы искусства и технического творчества.

Характеризуя личностные качества, необходимые для эффективного осуществления технического творчества, респонденты солидарны в их значительной роли в получении новшества, но ранжируют их следующим образом. Способность смело выбирать достойную цель (даже если она считается нереальной) и сделать ее главным вектором своей жизни отмечают 74,2% молодых исследователей и 73,4% ученых старше 35 лет. Способность видеть проблемы, решение которых необходимо и достаточно для достижения достойной цели, – 60,5% молодых исследователей и 46,6% ученых старше 35 лет. На умение работать планомерно и регулярно указывают 16,2 и 26,6% соответственно. Еще для 16,1% молодых ученых и 53,3% их старших коллег значима высокая работоспособность, а для 34,7 и 46,7% анкетированных соответственно – способность при всех обстоятельствах отстаивать свои идеи, умение «держаться удар».

Анализируя личную значимость участия в мероприятиях научной школы, 63,71% молодых респондентов отмечают ее потенциал в оценке возможностей искусства и технического творчества в современном мире; 49,19% – в возможности познакомиться с актуальными направлениями молодежного технического творчества и искусства; 39,52% – в получении

представлений о современных тенденциях развития искусства и технического творчества. Их старшие коллеги, в отличие от указанных выше оценок, прежде всего, акцентируют внимание на возможности систематизации представлений о феноменах «искусство», «техническое творчество» (46,67%); на возможности получения представления о процессах предметного творчества (42,22%); на освоении научных и методических подходов к оптимизации процесса создания изобретений (33,33%).

Оценивая свою готовность к включению в инновационную деятельность и разработку перспективных идей для реализации в виде новаторских проектов в сфере искусства и технического творчества, 56,45% молодых ученых и 20% их старших коллег определяют ее как среднюю, еще 16,94% исследователей моложе 35 лет и 33,33% ученых старше 35 лет – как выше среднего. К сожалению, 22,58% молодых ученых и 13,33% ученых старше 35 лет не в полной мере готовы к реализации своего потенциала в различных видах творчества. Высокий уровень готовности показывают лишь 4,03% молодежи и 13,33% ученых старшего возраста. Данные результаты говорят о необходимости системной работы по вовлечению в различные виды творчества разных возрастных категорий исследователей.

При этом, по мнению анкетированных, для повышения эффективности освоения молодыми исследователями лучших научных и методических отечественных достижений в области искусства и технического творчества необходима комплексная работа. Это, прежде всего, разработка региональных межведомственных программ по обеспечению условий для включения молодежи в инновационную деятельность по разработке и реализации новаторских проектов (65,3% молодых исследователей и 53,33% ученых старше 35 лет); проведение «Школ» по проблематике мероприятия (46,77 и 60% соответственно); создание сетевых ресурсов для обмена опытом (33,06 и 33,30% соответственно).

Таким образом, результаты исследования свидетельствуют о том, что проблема включения молодых исследователей в творческую деятельность является одной из актуальных в контексте решения задач инновационного развития. Для ее решения необходимо не только наличие у потенциальных инноваторов осведомленности о современных подходах и тенденциях развития искусства и технического творчества в России, о потенциале и ресурсах их различных видов, о механизмах развития качеств творческой личности. Требуется комплексная модернизация педагогического обеспечения данного процесса, которая должна быть ориентирована на актуализацию как личностных, так и институциональных ресурсов творчества.

УДК 372.851

В. М. Михайлов

О необходимости и методических возможностях обеспечения результативности восприятия учебного материала

Рассматриваются вопросы повышения качества и результативности восприятия учебного материала. Необходимое для этого информационно-методическое обеспечение формируется на основе учета его структурных особенностей и многоуровневого представления сложности дидактического материала. Это способствует формированию механизма сопряжения структур внутренних познавательных процессов учащихся со структурой изучаемого материала и обеспечению его восприятия.

Для оценки эффективности обучения предлагается способ выстраивания обратных связей «ученик – учитель» на основе формирования индивидуальных тематических структурных схем изучаемого материала по результатам использования учащимися теории при выполнении заданий.

Предлагается двухэтапная процедура работы с дидактическим материалом по теме. На стадии первого обучающего этапа обеспечивается формирование у каждого ученика требуемого уровня навыков и компетенций для самостоятельной работы на втором этапе с основной частью изучаемого материала. Данная процедура сочетает стимулирование как традиционного параметрического поиска в выполняемых заданиях, так и акцентированного распознавания их структур. В целом, это формирует встроенный механизм самоорганизации и контроля учебного процесса.

This article focuses on the enhancement of the quality and the efficiency of the perception of the educational material. The required informational and methodical support, taking into account its structural features, is based on the multilevel presentation of difficulty of the didactic material. This favours the formation of a conjugation mechanism of structures of the students' inner cognitive process and the structure of the material to study ensuring its perception.

To evaluate the efficiency of the study process this article proposes an approach of establishing reversed relations "student-teacher" on the basis of the formation of individual thematic structural schemes of the material to study due to the results of the use of theory by students while they are fulfilling a task.

The article suggests a two-step procedure of work with the didactic material on a theme. The first educative step ensures that every student has attained the required level of expertise and skills in order to proceed with the second step, which consists in solitary work with the main part of the material to study. Such a procedure combines the promotion of the traditional parametric search during fulfillment of tasks as well as the focused discernment of their structures. As a whole, it forms an integrated mechanism of self-organisation and control over the study process.

Ключевые слова: восприятие учебного материала; стадии формирования восприятия; уровни восприятия и сложности дидактического материала; структура учебного материала, структуры выполняемых заданий; двухэтапная процедура работы с дидактическим материалом; самоорганизация обучения.

Keywords: perception of the educational material; stages of the formation of the perception; levels of the perception and difficulty of the didactic material; structure of the educational material, structures of fulfilled tasks; a two-step procedure of work with the didactic material; self-organisation of the study process.

1. Суть проблемы

1.1. Высокий уровень теоретического и методического оснащения отечественного математического образования (да и всего в целом), а также явная достаточность и доступность качественных учебников и пособий *не обеспечивают адекватной результативности* школьного обучения, что особенно проявляется в базовом секторе. *Основная причина сложившейся ситуации* связана с противоречием между развитием и усложнением как традиционных направлений математики, так и появлением новых, как, например, задачи с параметрами, математики с фракталами, с одной стороны, и отсутствием соответствующей *структурно-методической* систематизации подачи учебного материала, снижение уровня его восприятия при существенном сокращении времени на преподавание – с другой.

1.2. Использование теоретических положений без акцентированного обозначения иерархии (приоритетов) их свойств существенно усложняет восприятие целостности условий заданий. Между тем необходимость в этом весьма значительная, поскольку каждое выполняемое задание является, по сути, *зашифрованной структурой* разного вида и сложности, которую ученику необходимо распознавать. Т. е. требуется умение не только выявлять исходные элементы (*параметры*), но и определять очередность их использования с учетом соответствующих им приоритетов в теории. На практике при выполнении заданий преобладает лишь *параметрический* поиск. Учет в явном виде и согласование структурных составляющих как представления учебного материала, так и его восприятия, имеет место в основном в профильном секторе и практически игнорируется в базовом секторе обучения при недостатке квалификации учителя и дефиците выделяемого времени на обучение.

1.3. Вследствие недостаточной четкости содержательно-критериальной основы оценок успеваемости за неправильно выполненное задание ученику даже при отсутствии умысла можно вполне «обоснованно» выставить и «4», и «3», и даже «2». Причина подобного положения состоит в том, что оценочная основа является качественно-описательной, что и делает возможным её трактовку учителем в каждом конкретном случае с заметной произвольностью. Между тем возможности формальной и объективной оценки знаний, безусловно, имеются, например, на основе количества используемых для решения положений теории [1].

1.4. Совокупность вышеназванных причин является причиной невозможности выстраивания объективной (документально подтверждаемой) обратной связи «ученик–учитель». Однако в качестве таковой могут быть использованы тематические структурные схемы теоретического материала, индивидуально дополняемые учеником по результатам работы с дидактическим материалом [2].

2. Препятствия реализации

2.1. *Отсутствие в учебно-методических материалах в явном виде положений о структурной основе построения обучения.* Если учитель самостоятельно не уделяет внимание вопросам значения учета структурности при изучении теории, а особенно при работе с практическим материалом, то это приводит к трудновосполнимым потерям качества освоения дисциплины. Так, значительно возрастает сложность понимания и использования множества внутри- и межпредметных связей, без которых все знания чаще всего имеют разрозненный характер и представляют из себя хаотичное множество из отдельных формул и положений. Кроме этого одновременное изучение нескольких разделов математики даже со сбалансированным чередованием отдельных тем все-таки оставляет в стороне вопрос о всей тематической перспективе по каждому из разделов. Например, тригонометрия изучается в прерывистом режиме в основном в 7–9-х классах. Эффект разрывности восприятия её тем можно существенно снизить передачей учащимся с начала изучения каждой всей структурной схемы в виде отдельных блоков с основными теоретическими положениями и формулами (см. рис. 1). В дальнейшем при рассмотрении каждой из тем в соответствующие блоки вносятся индивидуальные дополнения об особенностях использования теории при решении задач [3].

2.2. Недостаточное насыщение обобщенными ассоциативными дополнениями при изучении теоретического материала способствует абстрактной перегрузке учащихся и снижению качества его усвоения. Между тем своевременное адекватное сравнение трудновоспринимаемых теоретических положений с понятным аналогом или явлением превращает ситуацию в зеркально позитивную. Кроме этого используемые обобщенные ассоциации-аналоги позволяют оценить также и иерархические соотношения рассматриваемых теоретических положений или отдельных формул с остальными и выявлять их внутри- и межпредметные связи.

2.3. Применяемая система одноуровневого представления практических заданий разного уровня сложности существенно снижает наглядность восприятия их структурных особенностей вследствие громоздкости используемых способов оценки.

Так, при неверном решении ученик не может определить причину своей ошибки. Способов оперативной и эффективной диагностики ситуации в подобных случаях нет. Поэтому требуется дополнительный ресурс, чтобы выявить пробелы в знаниях по организации необходимых действий в каждом конкретном случае. Выход в создании блока дидактических материалов с многоуровневым представлением их сложности по основным типам тематических заданий. В каждом из рассматриваемых заданий на конкретных примерах предусматривается внятная параметрическая идентификация каждого уровня сложности (см. рис. 4). В конечном счете это в значительной степени и в явном виде формирует уровень восприятия изучаемого материала.

2.4. Недостаточный учет такого психологического фактора, как *структурность протекания индивидуальных познавательных процессов и организации умственной деятельности.* Внутренние познавательные процессы реализуются в определенной последовательности и сводятся в основном к следующим видам с индивидуальной функциональной спецификой: **Ощущение** → **Восприятие** → **Представление** → **Память** → **Мышление** [4]. Сбой в этой схеме уже на этапе **Восприятия** сводит на нет результативность всего обучения. Объясняется это тем, что на данном этапе формируется функциональная целостность (структурность) изучаемого объекта. И если учеником это не фиксируется, то также не происходит оптимального формирования и корректуры следующих этапов, а дальше у учителя остается только одна возможность освоения материала – с помощью «зубрежки». Поэтому при подаче учебного материала это следует учитывать в первую очередь. Её организация должна осуществляться таким образом, чтобы обеспечивалось его восприятие как единого целого, что требует наличия в методическом инструментарии учителя соответствующих возможностей. Их закладка должна осуществляться при получении педагогического образования, а вся необходимая методическая информация – находиться в распоряжении учителя при подготовке и проведении уроков, что на практике не осуществляется.

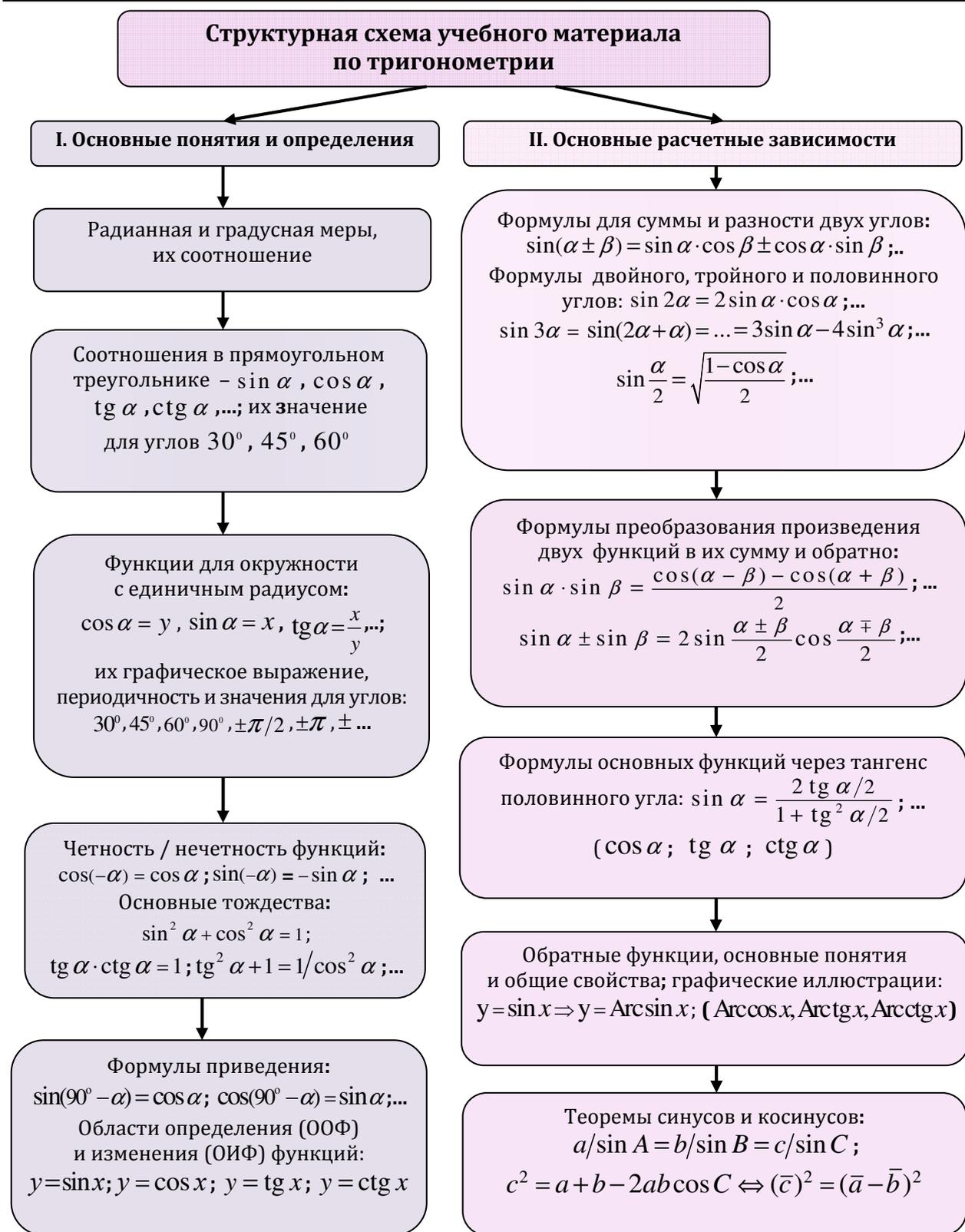

Рис. 1

3. Возможности преодоления отмеченных затруднений

3.1. Прежде всего, необходимо учитывать особенности внутреннего познавательного процесса ученика. Наиболее важным его этапом, как отмечалось, является *восприятие* учебного материала. Синтезируемый на основе отдельных *ощущений* целостный образ анализируемого объекта трансформируется в соответствующее *представление*, обрабатывается *мышлением* и заносится в *память*. В совокупности это позволяет на основе сложившихся *представлений* и возможностей *мышления* формировать новый уровень *ощущений* (см. рис. 2).

Т. е. ученик начинает замечать в условиях заданий элементы более глубокого содержания, что соответствующим образом фиксируется *восприятием*. Далее формируется уже новый уровень *представлений* и т. д. [5] Поэтому **восприятие** по своей функциональности во время обучения является *основой информационного обеспечения* при формировании и корректуре *представлений, памяти и мышления*, которые, в свою очередь, определяют последующие *ощущения*. Т. е. речь идет о заложенной в данную схему возможности обеспечения цикличности, непрерывности и сбалансированности процесса обучения (рис. 2).

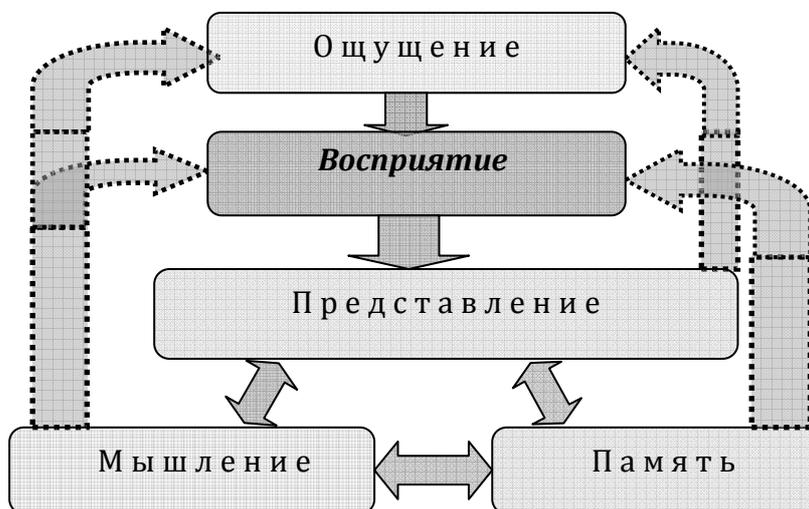

Рис. 2. Схема организации и взаимодействия внутренних познавательных процессов (стрелки с пунктиром показывают обратные связи)

Значение *восприятия* выражается и в том, что совместно с *мышлением* и *речью* в виде отдельных звеньев и при наличии контроля *внимания* они составляют единый циклический процесс также и умственной деятельности (рис. 3) [6].

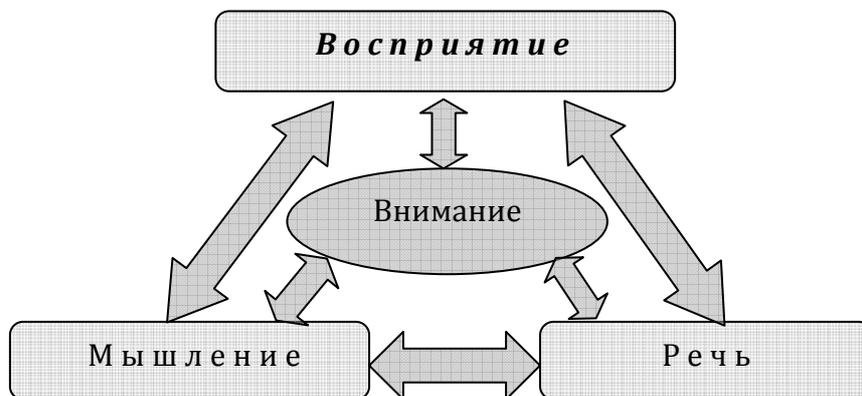

Рис. 3. Схема организации цикличности умственной деятельности

Поэтому *формально выраженная оценка восприятия* учебного материала является критериально-содержательной основой в оценке качества организации и результативности обучения и, особенно, на начальных этапах изучения всех без исключения тем, когда значение информации для формирования представлений ученика максимальное. И в распоряжении учителя должна быть и использоваться процедура выявления качества *восприятия* изучаемого материала (*воспринимается учеником анализируемый материал или нет, если да, то на каком уровне его сложности?*). Определение данного термина предлагается следующее [7].

Восприятие учебного материала – это способность ученика *определять*: а) *тематическую принадлежность* анализируемого материала; б) *вид (тип) заданий* и *возможности применения теории*; в) *их параметры и структуру*; г) *состав и последовательность необходимых действий* по их выполнению.

3.2. Формирование *восприятия* охватывает четыре известные *стадии* обучения:

1) *ознакомление с объектом анализа*; 2) *его понимание*; 3) *усвоение нового материала на фоне ранее изученного* и 4) *общее закрепление всего пройденного материала*. При этом следует отметить, что на каждой из стадий *восприятие* имеет четко выраженную функциональную специфику своего проявления как при изучении теоретического материала, так и при его применении на практике (см. таблицу) [8].

Стадии формирования *восприятия* при работе с учебным материалом

3.3. Поэтому естественным является выбор *уровня восприятия* в качестве объективного показателя степени освоения учебного материала. В его основе способность ученика выделять иерархические уровни сложности выполняемых заданий. Установочные задания на первых трех уровнях (ступенях) сложности соответствуют *базовому* уровню требований к качеству обучения, а на 4-м и 5-м – *профильному* (творческому) (см. рис. 4) [9]. Задания раз-

личаются по количеству затрагиваемых в них теорем, законов, логических или иных затруднений. Их решение при наличии одного подобного «затруднения» эквивалентно уровню сложности I и оценке в 1 балл. В случае с двумя – уровню II и двум баллам, с тремя-четырьмя – III уровню и 3 баллам, и так до 5 баллов за решение более сложных заданий.

Задания повышенной сложности, результат в которых может быть определен на основе совместного анализа и использования уже более четырех различных теорем и положений (законов) разнопланового теоретического материала, соответствуют 4-й и 5-й ступеням. В качестве примера можно привести рассмотрение арифметической задачи III уровня сложности с возможностью его понижения до первого.

«Из пунктов А и Б с расстоянием между ними 280 км выехали навстречу друг другу легковой и грузовой автомобили. При этом легковой автомобиль прибыл в п. Б на 1 час и 10 мин раньше, чем грузовой в п. А. Определить их скорости, если легковой вторую часть пути проехал на полчаса быстрее, чем первую». Для не решивших задачу с данным условием в её вопрос добавляется первое уточнение (подчеркнуто), переводящее её уже на 2-й уровень: «Определить их скорости, учитывая, что они затратили одинаковое время до встречи, а легковой вторую часть пути прошел на полчаса быстрее, чем первую». Для тех, кто не справился с новым условием, добавляется второе уточнение (1-й уровень): «Определить их скорости, учитывая, что они затратили одинаковое время до встречи и легковой вторую часть пути проехал на полчаса быстрее, чем первую, а также то, что разность во времени прибытия в конечные пункты справедлива как для прохождения всего пути, так и для его отрезков после встречи».

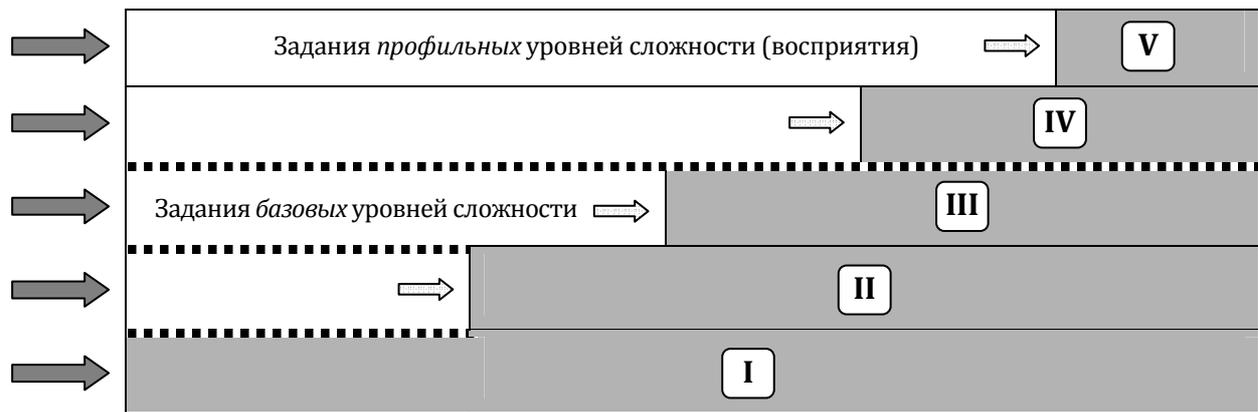

Рис. 4. Схема одно- (→) и многоуровневого (⇨ I-V) представления сложности практических заданий

Другой пример многоуровневого представления геометрической задачи (IV уровня сложности) на вступительных экзаменах на Мехмат МГУ.

В ΔPQR медиана $QM = \frac{3}{4}\sqrt{21}$ и проведена из Q к основанию. Окружности с центрами P и R

с радиусами 5 и 1 соответственно касаются друг друга.

Вершина $Q \Delta PQR$ лежит на прямой, касающейся каждой из окружностей. Найти площадь $S \Delta PQR$, если известно, что $S < 7$.

Идея решения задачи формируется с учетом структуры условия задачи: а) взаимного положения окружностей, б) положения их касательных, в) оценки необходимых параметров в построенных треугольниках и определения их соответствия условию.

При снижении сложности задачи до III уровня вопрос задачи формулируется уже с дополнением (выделено курсивом с подчеркиванием) в условии: «Найти площадь S треугольника PQR с учетом возможного внутреннего и внешнего касаний окружностей, если известно, что $S < 7$ ». Для II уровня дополнение имеет вид: «Выполнить искомые построения (ΔPQR) с учетом возможного внутреннего и внешнего касаний окружностей и особенностей положения касательных линий по отношению к ним. Найти его площадь S , если известно, что $S < 7$ ».

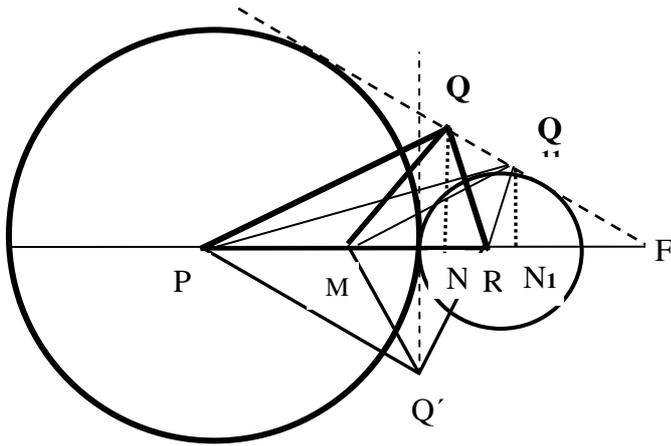

Рис. 5

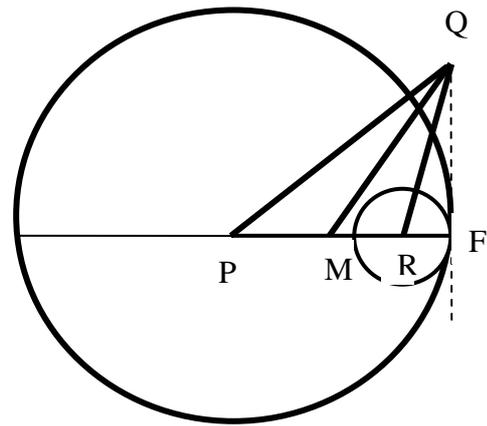

Рис. 6

Для I уровня условие примет вид: «Выполнить искомые построения (ΔPQR) с учетом возможного внутреннего и внешнего касаний окружностей и особенностей положения касательных линий по отношению к ним. Учитывая условие задачи и соотношения сторон в построенных треугольниках, найти площадь S , если известно, что $S < 7$ ».

А) ΔPQR (см. рис. 2). $QM = \frac{3}{4}\sqrt{21} \approx 3,44$; $PM = MR = 3$; $RF = 3/2$; $QF = \frac{5}{2}\sqrt{5}$;

$tg \angle QFR = \frac{2}{\sqrt{5}} \approx 0,894$; Пусть $QN = \frac{7}{3}$ ($S_{\Delta PQR} < 7$, если $QN < 7/3$); примем $Q1M \approx 3,44$ (по усл.);

$RF = \frac{3}{2}$; $FN_1 = x$; $MN_1 = \frac{9}{2} - x$; а $Q1N1 = 0,894x$; $(\frac{9}{2} - x)^2 + (0,894x)^2 = (3,44)^2$; \rightarrow
 $x^2 - 5x + 4,69 = 0$ далее $x \approx 1,25$, а $Q1N1 \approx 1,12$. $S_{\Delta PQ1R} \approx 3,35$ ($S < 7$ - решение есть).

В) $\Delta PQ'R$ (рис. 2). $h_{\Delta PQ'R} = \frac{5}{4}\sqrt{5}$; $PR=6$; $S_{\Delta PQ'R} = \frac{15}{4}\sqrt{5} \approx 8,39$, ($S > 7$ - решения нет).

С) ΔPQR (рис.3). $QF \approx 2,80$; $PR=4$; $S_{\Delta PQR} \approx 5,60$, ($S < 7$ - решение есть).

Основным принципом определения приоритетов и последовательности использования теоретических положений или формул, необходимых для вычисления параметров задач и примеров, является определение степени блокирования ими возможности решения при отсутствии их учета. Чем больше данная степень, тем более значимым является данный элемент (параметр) и более высоким – его приоритет в обеспечении решения. Параметр с максимальным приоритетом определяет исходную точку выполнения задания. В первой задаче главным блокирующим элементом является выраженное в неявном виде время в пути автомобилей до встречи. Это и предопределило его выбор в качестве исходной точки и последующих шагов решения. Во второй задаче приоритеты в блокировании её восприятия определяются структурой теории, затрагиваемой условием задачи. Без учета способов касания окружностей (п. а) нельзя определить положение касательных прямых. Без определения их положения (п. б) нет ясности и с положением искомого треугольника (п. в). Эффективность такого подхода безусловна – решение задачи становится тривиальным уже для 8-го класса.

Использование подобной процедуры наглядно и компактно демонстрирует уровни сложности и особенности составления заданий различных типов, что позволяет ученику формировать целостный образ (восприятие) условий выполняемых заданий, самостоятельно анализировать качество своего обучения. Ученик при этом также получает и наглядное представление об имеющихся пробелах в его знаниях, если он не смог выполнить задание на верхних уровнях сложности. В существующей практике по причине весьма значительной громоздкости методических приемов подобное трудно реализуемо.

3.4. Было отмечено, что значительным потенциалом в точности оценки уровня усвоения теории и повышения качества обучения является использование тематических структур-

ных схем (рис. 7). Изначально типовые, они дополняются учеником необходимыми для себя деталями применения теории, отражающими ее особенности. Их заполнение наиболее эффективно на заданиях с многоуровневым представлением их сложности. Наряду со всей тематической перспективой такая блок-схема в итоге позволяет формировать качество восприятия в соответствии с личными способностями учащегося. Сравнение представленных на типовой схеме (рис. 7) способов разложения многочленов показало, что эффективным и универсальным одновременно является метод неопределенных коэффициентов (МНК).

Пример индивидуальных дополнений в блок № 3 структурной схемы (рис. 7) на основе собственных результатов использования данного метода показан ниже.

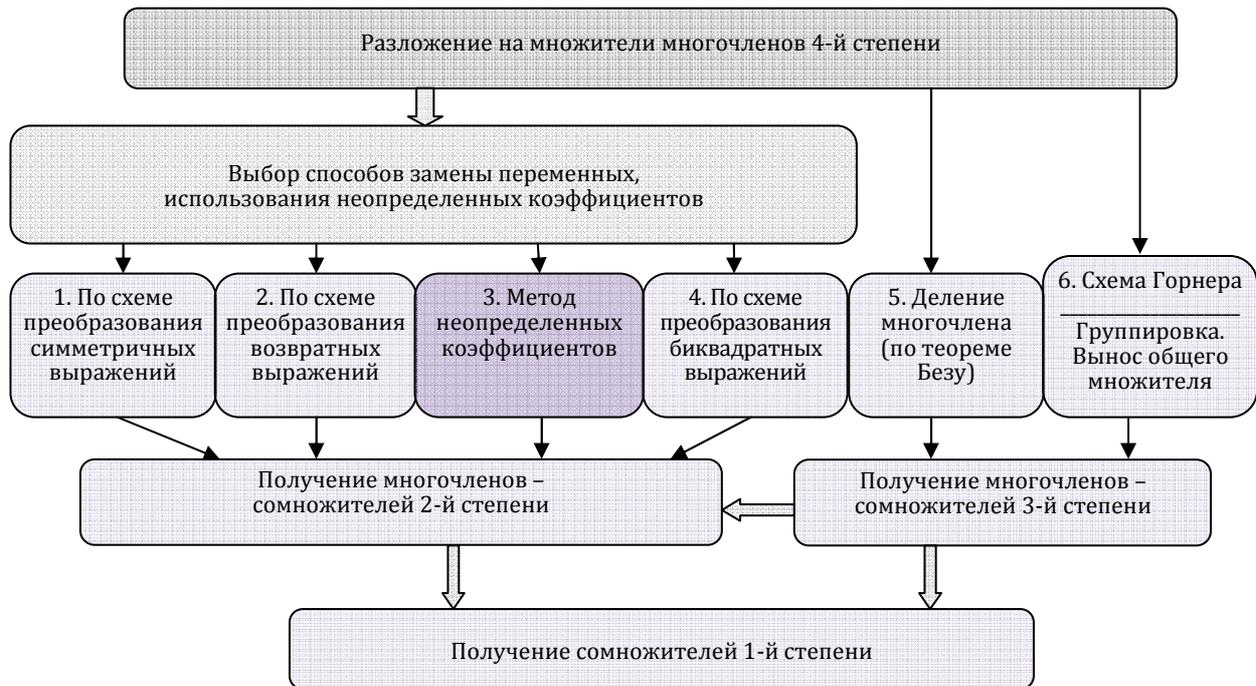

Рис. 7. Типовая структурная схема способов разложения многочленов 4-й степени

3.4.1. Дополнения особенностей применения МНК (в блок № 3).

3.4.1.1. Принцип использования. При разложении многочленов 4-й степени вида $(Ax^4 + Bx^3 + Cx^2 + Dx + E)$ или $(Ax^4 + Bx^3y + Cx^2y^2 + Dxy^3 + Ey^4)$ определяются составляющие их квадратные трехчлены в виде $(a_1x^2 + b_1x + c_1)(a_2x^2 + b_2x + c_2)$ либо $(a_1x^2 + b_1xy + c_1y^2)(a_2x^2 + b_2xy + c_2y^2)$. Процедура оценки коэффициентов выглядит следующим образом. Имеющая место некорректность (пять уравнений для шести переменных) преодолевается с учетом всех сомножителей (A) либо преобразованием многочлена к приведенному виду (делением многочлена на A), т. е. $a_1 = a_2 = 1$. Неопределенность сомножителей E (по величине и знаку) преодолевается использованием теоремы Безу о зависимости E от корней многочлена.

$$\left\{ \begin{array}{l} a_1a_2 = A; \\ a_1b_2 + a_2b_1 = B; \\ a_1c_2 + a_2c_1 + b_1b_2 = C; \\ b_1c_2 + b_2c_1 = D; \\ c_1c_2 = E \end{array} \right.$$

3.4.1.2. Сравнительные возможности использования МНК

Метод позволяет осуществлять разложение многочленов 4-й степени различных видов. Это симметричные и возвратные [10], приведенные и неприведенные выражения, а также и не относящиеся к указанным. Значительная универсальность МНК обеспечивает его значительное преимущество перед другими способами данной группы, что дает возможность замещать

их полностью или использовать комбинированно на той части разложения, где МНК более эффективно. Например, при разложении выражения $f(x) = x^5 + x^2 + 2x + 2$ комбинирование способа Горнера и МНК позволяет его осуществить в простом виде. Корень в данном многочлене единственный: $x = -1$. По схеме Горнера получаем:

*	1	0	0	1	2	2	$x^5 + x^2 + 2x + 2$
1	1	-1	1	0	2	0	$(x+1)(x^4 - x^3 + x^2 + 2)$

Полученный многочлен 4-й степени не имеет корней, поэтому дальнейшее разложение возможно лишь по МНК.

$$g(x) = (x^4 - x^3 + x^2 + 2) = (x^2 + ax + 2)(x^2 + bx + 1) = (x^4 + (a+b)x^3 + (3+ab)x^2 + (a+2b)x + 2); \text{ далее}$$

$$\begin{cases} a + b = -1; \\ 3 + ab = 1; \\ a + 2b = 0; \end{cases} \quad \begin{cases} a = -2; \\ b = 1; \end{cases} \quad \begin{cases} g(x) = (x^2 - 2x + 2)(x^2 + x + 1); \text{ тогда} \\ f(x) = (x+1)(x^2 - 2x + 2)(x^2 + x + 1) \end{cases}$$

Таким образом, при наличии корней (из целых чисел и простых дробей) многочленов МНК имеет одинаковые возможности со способом разложения по теореме Безу или способу Горнера. Но при отсутствии корней или трудности их определения возможность разложения многочлена 4-й степени с помощью МНК сохраняется, тогда как его деление на двучлен в такой ситуации невозможно.

$f(x) x^4 + x^3 - 4x^2 - 3x + 15$. Действительных корней данное выражение не имеет. Выявление же неопределенных коэффициентов происходит в обычном порядке.

$$g(x) = (x^2 + ax + 5)(x^2 + bx + 3)$$

$$\begin{cases} a + b = 1; \\ ab + 8 = -4; \\ 3a + 5b = -3; \end{cases} \quad \begin{cases} ab = -12; \\ 2b = -6; \\ a = 4; b = -3; \end{cases} \quad \begin{cases} \text{Тогда } g(x) = (x^2 + 4x + 5)(x^2 - 3x + 3) = \\ = x^4 + x^3 - 4x^2 - 3x + 15 = f(x); \end{cases}$$

3.5. Для продуктивной реализации возможностей *восприятия* учебного материала учащимися необходимо и соответствующее изменение процедуры преподавания математики. После рассмотрения теоретического материала по теме наиболее актуальным является адекватное насыщение *восприятия* практическими возможностями (в виде, например, умений и навыков) эффективного использования теории. Для этого следует ввести *двухэтапную схему* работы с практическим материалом (рис. 8) [11]. На первом из них (рис. 8А) используется выборка «обучающих» заданий (в 25–30% общего количества по теме) с *многоуровневым* представлением сложности каждого из них. Это позволяет концентрированно подготовиться практически по *всем основным типам* тематических заданий, преодолевая тем самым основной лимитирующий момент – жесткий дефицит времени. Функциональное выделение *обучающего* этапа работы с дидактическим материалом позволяет сформировать необходимый потенциал рефлексии, а с учетом этого завершить формирование и структурной схемы учебного материала по теме. По сути, на этом этапе завершается формирование основы информационного обеспечения (совокупности *знаний*) на уровне индивидуальных возможностей ученика для выработки, соответственно, и *умений* по решению задач по каждой теме, и *общих навыков* организации необходимых действий при выполнении заданий по предмету, в том числе и в самостоятельном режиме. Поэтому только после результативного «прохода» учеником обучающих испытаний данного этапа можно, пожалуй, считать подготовленным переход к выполнению уже основной части заданий в традиционном одноуровневом представлении (рис. 8Б).

4. Выводы

Рассмотренные вопросы организации результативного восприятия учебного материала при обучении математике на основе учета *формальных* критериально-содержательных показателей имеют значительный потенциал преодоления вышеотмеченных проблем. Многоуровневое представление сложности дидактического материала в совокупности с учетом его структурных особенностей делает возможным формирование необходимого для этого информационного обеспечения. В первую очередь это способствует выявлению возможностей сопряжения структур внутренних познавательных процессов учащихся со структурой изучаемого материала, а в итоге и обеспечению восприимчивости его подачи, что является самым актуальным в организации качественного обучения.

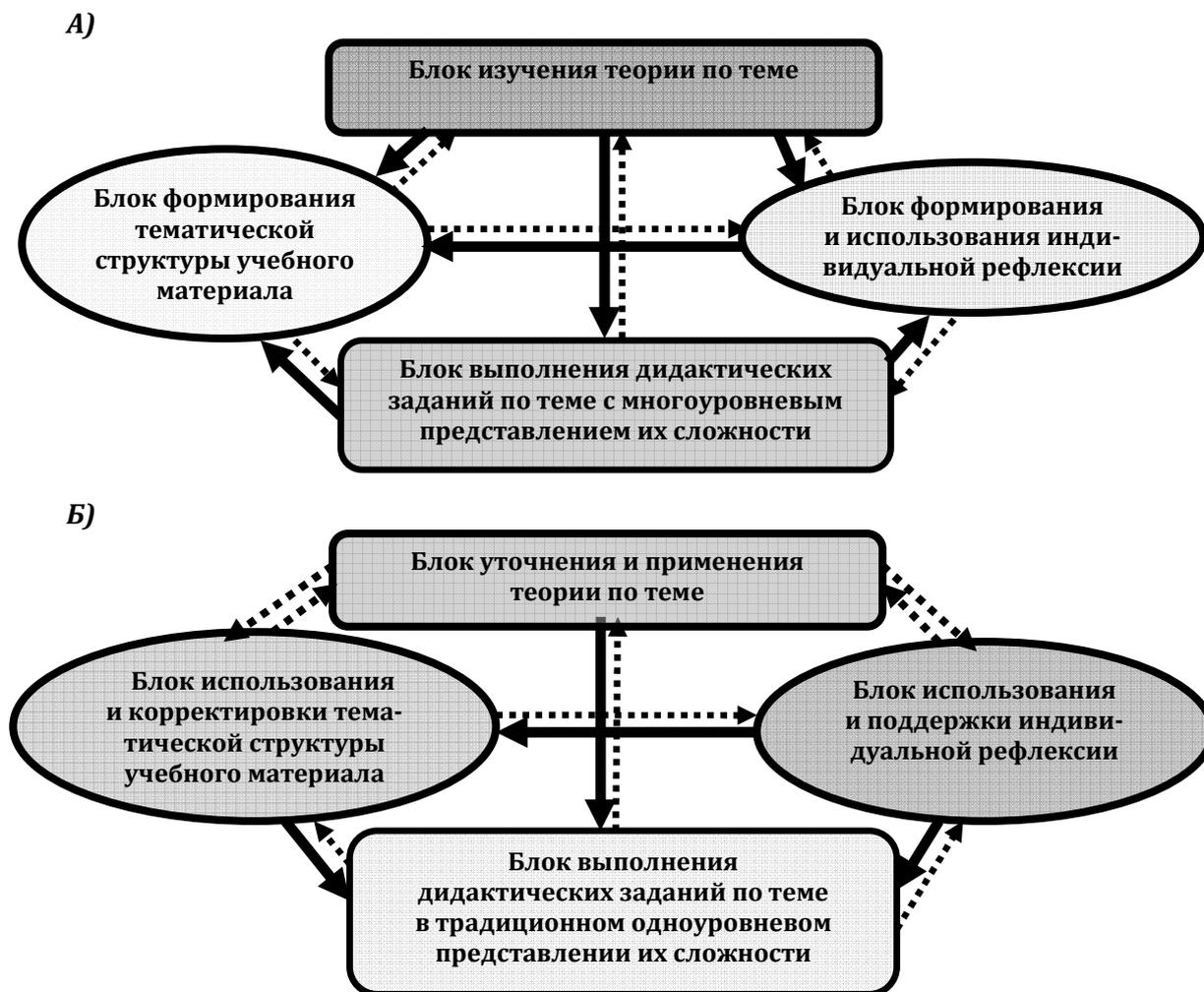

Рис. 8. Схемы обучающего (А) и закрепляющего (Б) этапов при работе с дидактическим материалом (сплошные линии – основные инфопотоки, пунктиром – вспомогательные)

Не менее значимым для оценки эффективности обучения является способ выстраивания обратных связей «ученик – учитель» на основе формирования индивидуальных тематических структурных схем по результатам использования учащимися теории при выполнении заданий.

Предлагаемая двухэтапная процедура работы с дидактическим материалом является технологическим завершением, позволяющим реализовать в полной мере все методические предложения. Процедура, кроме того, характеризуется наличием встроенного механизма контроля и саморганизации учебного процесса, а также распознавания структур выполняемых заданий. На стадии обучающего этапа наглядно показывается формируемый уровень знаний каждого ученика.

Методические возможности данного способа работы с учебным материалом:

– обеспечение высокой наглядности представлений об особенностях компоновки и структуре выполняемых заданий по изучаемым темам, основных элементах (параметрах) и их взаимосвязях;

- формирование с начала изучения тем необходимых представлений об использовании теории на практике и внесение индивидуальных дополнений в соответствующие тематические структурные блоки учебного материала;
- формирование индивидуальной рефлексии учащихся на основе учета особенностей решения задач с многоуровневым представлением их сложности (по вопросам специфики оперирования теорией, выбора нужных для решения формул и последовательности их использования и т. д.);
- выработка навыка поиска скрытого смысла в условиях заданий;
- выработка навыка самостоятельного выявления слабых мест и пробелов в собственной подготовке по изученному материалу;
- гарантированность достижения уровня восприятия изучаемого дидактического материала в полном соответствии со своими возможностями как на базовом, так и на профильном уровне обучения;
- обеспечение объективной оценки уровня восприятия изучаемого материала учеником, способностей и качества обучения.

Примечания

1. Михайлов В. М. Блок-схемы – один из этапов решения задач // Математика в школе. 2012. № 7. С. 23–27.
2. Михайлов В. М. Об уровне восприятия учебного материала как показателе качества и результативности обучения // Фундаментальные и прикладные проблемы физики: материалы VII Междунар. науч.-техн. конф. Саранск, 28–30 мая 2012 г.: в 2 ч. Ч. 2 /под общ. ред. В. К. Свешникова; Мордов. гос. пед. ин-т. Саранск. С. 119–123.
3. Михайлов В. М. Блок-схемы – один из этапов решения задач...
4. Столяренко Л. Д. Основы психологии. Изд. 3-е. Ростов н/Д: Изд-во «Феникс», 2000. С. 137–146.
5. Там же.
6. Там же.
7. Михайлов В. М. Блок-схемы – один из этапов решения задач...
8. Михайлов В. М. Об уровне восприятия учебного материала...
9. Там же.
10. Мордкович А. Г., Николаев Н. П. Алгебра: учебник для учащихся общеобраз. учрежд. 9-й класс: в 2 ч. Ч. 1. 4-е изд., стер. М.: Мнемозина, 2009.
11. Михайлов В. М. О роли методического обеспечения в реализации возможностей деятельностного подхода к обучению математике // ДППО – 2013: сб. тез. Междунар. конф., Воронеж, 13–19 сентября 2013 г. / под ред. А. В. Боровских. М.: МАКС Пресс, 2013. С. 85–87.

Notes

1. Mikhailov V. M. *Blok skhemy – odin iz ehtapov resheniya zadach* [Block diagram - one of the stages of problem solution] // *Matematika v shkole* - Mathematics in school. 2012, No. 7, pp. 23-27.
2. Mikhailov V.M. *Ob urovne vospriyatiya uchebnogo materiala kak pokazatele kachestva i rezul'tativnosti obucheniya* [About the level of perception of educational material as an indicator of the quality and effectiveness of education] // *Fundamental'nye i prikladnye problemy fiziki* - Fundamental and applied problems in physics: proc. of the VII Intern. scient.-techn. conf. Saransk, May 28-30, 2012: in 2 pts. Pt. 2 /under general editorship of V. K. Sveshnikov; Mordov. State Ped. Univ. Saransk. Pp. 119-123.
3. Mikhailov V. M. *Blok skhemy – odin iz ehtapov resheniya zadach...* [Block diagram - one of the stages of solving problems...]
4. Stolyarenko L. D. *Osnovy psihologii* [Fundamentals of psychology]. Ed. 3d. Rostov-na-Donu. "Fenix" Publ. 2000. Pp. 137-146.
5. Ibid.
6. Ibid.
7. Mikhailov V. M. *Blok skhemy – odin iz ehtapov resheniya zadach...* [Block diagram - one of the stages of solving problems...]
8. Mikhailov V. M. *Ob urovne vospriyatiya uchebnogo materiala...* [About the level of perception of educational material...].
9. Ibid.
10. Mordkovich A. G., Nikolaev N. P. *Algebra: uchebnik dlya uchaschihsya obshcheobraz. uchrezhd. 9-j klass* [Algebra: textbook for students of general; educational establishments of the 9th grade]: in 2 pts. Pt. 1. 4th ed., stereotyped. Moscow. Mnemosyna. 2009.
11. Mikhailov V. M *O roli metodicheskogo obespecheniya v realizacii vozmozhnostej deyatel'nostnogo podhoda k obucheniyu matematike* [On the role of methodological support in the implementation of the capabilities of the activity approach to teaching mathematics] // DPPO - 2013: collection of abstracts of Intern. conf. Voronezh, September 13-19, 2013 / ed. by A. V. Borowskih. Moscow. MAKS Press. 2013. Pp. 85-87.

В. В. Розанов о воспитательном потенциале русской художественной литературы

В статье представлены взгляды и суждения В. В. Розанова о русской классической литературе XIX в. Литература понимается мыслителем как основа воспитания и образования. Мысль о том, что само художественное слово учит как никакой другой физический наставник, вычитывается из всех его произведений и размышлений о пользе чтения.

The article presents the views and opinions of V.V.Rozanov on classical Russian literature of the XIX century. Literature thinker understood as the basis of upbringing and education. The idea that the very word of art teaches like no other physical mentor is deduced from all his works and reflections about the benefits of reading.

Ключевые слова: литература, художественное слово, писатели, воспитание, образование.

Keywords: literature, art the word, writers, education, education.

Василий Васильевич Розанов (1856–1919) принадлежит к числу отечественных мыслителей, благодаря которым сегодня существует возможность осознать связь воспитания и художественной литературы.

Интерес к русской литературе сформировался у В. В. Розанова в елецкий период его творчества и сохранился до конца жизни. Многие книги Розанова и поистине бесчисленные его статьи либо прямо посвящены рассмотрению литературных произведений, либо постоянно апеллируют к литературной эрудиции читателя, используя известные образы и сюжеты художественной литературы как повод, инициирующий собственные размышления автора на самые различные темы.

Пушкин и Лермонтов, Гоголь и Толстой, Достоевский и Некрасов – вся русская классическая литература, а также русский восемнадцатый век и современники вплоть до Горького и Мережковского говорят с нами со страниц розановских книг и статей.

Чем же обусловлено стремление В. В. Розанова не просто обсуждать в своих работах содержание действительно великих произведений русской литературы, но и вводить рассмотрение самых разных педагогических, философских, социально-политических и т. п. проблем в историко-литературный контекст, помещать события российской истории, да и собственной жизни, в пространство того дискурса, который сформировала в сознании всех русских людей наша литература? Ответ на этот вопрос, который естественно возникает после знакомства с разнообразными по тематике и стилю произведениями мыслителя, оказывается как раз «педагогическим» по своей природе: «То знание ценно, которое острой иглой прочертило по душе» [1], – замечает Розанов в «Опавших листьях», – а таким как раз и оказывается «знание», сформировавшееся в самой истории отечественной культуры и нашедшей своё идеальное пластическое выражение в образах русской литературы.

Собственно, это, конечно, больше, чем просто «знание», эмоциональная компонента оказывается в передаваемом русской литературой духовном опыте нашего народа не менее важной, чем рациональная составляющая.

Для Розанова-философа и Розанова-педагога в равной мере дорога мысль о том, что человеческая природа не исчерпывается рациональным содержанием, и жизнь человека невозможно устроить на «правильных», определённых рассудком, основаниях. Всё богатство истории и духовных традиций народа живёт в слове – во всяком народном слове, в тех русских пословицах, например, которые так же хороши, по ироничному замечанию Розанова, как английские чемоданы, – и, достигая совершенного художественного выражения в творениях гения, само становится «учителем», поскольку передаёт эти богатства духовной жизни будущим потомкам.

Литература, по Розанову, – это совершенное выражение национальной духовной культуры и важнейший элемент духовного наследия, освоение которого и понимается Розановым как основа подлинного образования. Мысль, что само художественное слово учит лучше, чем какой бы то ни было другой наставник в жизни, настолько естественна для В. В. Розанова, что она прямо вычитывается из всех его историко-литературных произведений, размышлений о пользе чтения и невозможности образования вне истории отечественной культуры.

«Литература» при этом, как уже упоминалось, понимается Розановым и хронологически, и содержательно весьма широко, хотя, конечно, главное для Розанова, как, кстати, и для нас сегодня, – русская классическая литература XIX в. И она воспринимается Розановым всегда в качестве действительной целостности. Никогда не бывает так, чтобы Розанов говорил лишь о каком-то одном писателе, тем более – одном произведении. Всегда из каждого фрагмента к нам обращаются несколько голосов писателей-классиков, и Розанов включается в их беседу и, самое главное, вводит нас в этот разговор о русской жизни и её проблемах, помогает нам определить наше личное отношение к автору, книге, к художественно воссоздаваемому явлению. В этом обстоятельстве также следует видеть определённый педагогический смысл: Розанов обращается к литературному произведению вовсе не с «литературоведческим» интересом, не с тем, чтобы установить некое истинное суждение о нём (известно, насколько равнодушен был Розанов к абстрактным истинам даже в более важных с практической точки зрения вопросах). Нет, Розанов видит в русских писателях собеседников, которые помогают нам устраивать жизнь нашей собственной души – выбирать правильное направление помыслов, определять отношения к событиям русской истории и действительности, одним словом, В. В. Розанов видит в русской литературе именно продолжающее жить и учить нас наше духовное наследие.

В связи с тем что во фрагментах В. В. Розанова суждения о самых разных авторах часто перемежаются, так что невозможно было бы в каждом конкретном случае возвращаться к установлению специфически-розановского видения образа того или иного писателя, укажем, прежде всего, на специфику восприятия мыслителем главных «действующих лиц» истории русской литературы.

Интереснее всех для Розанова, несомненно, Н. В. Гоголь. Гоголь – «загадка», «тайна», нечто непостижимое обычным человеческим умом. Предложенные Розановым «отгадки» оказались столь необычными и парадоксальными, что профессиональное литературоведение XX в. не смогло ни принять их, ни оставить их без внимания; в результате «Розанов о Гоголе» является сегодня, пожалуй, не менее обсуждаемой и вполне самостоятельной темой гуманитарной науки, чем собственно «Гоголь». Художественность, магия повествования Гоголя, заменяющая погрузившемуся в текст читателю саму реальность, потрясают Розанова настолько, что «перестаёшь верить действительности, читая Гоголя. Свет искусства, льющийся из него, заливает всё. Теряешь осязание, зрение и веришь только ему» (с. 220); и далее: «Щедрин около Гоголя как конюх около Александра Македонского. Да Гоголь и есть Алекс. Мак. Так же велики и обширны завоевания» И «вновь открытые страны» (с. 213).

Вместе с тем никто среди русских литераторов не является столь чуждым Розанову с точки зрения принципов мировоззрения, как Гоголь. Розанов любит жизнь, только жизнь, всё живое и во всех его проявлениях... А в Гоголе Розанов увидел самое безжизненное лицо во всей русской литературе; да и лицо ли? – чуть ли не маска, имитирующая черты живого лица, но лишённая чувства и жизни. По существу, В. В. Розанов подходит в своих размышлениях о Гоголе и его героях к тому восприятию гоголевского творчества, которое позднее отольётся в известную формулу Георгия Флоровского – после «Мёртвых душ» уже не страшно будет разрушать.

Напротив, с точки зрения мировоззренческих доминант ближе всех к Розанову оказывается Ф. М. Достоевский. Именно размышления над творчеством Достоевского, открывшиеся «Легендой», занимают самое большое место в творческом наследии В. В. Розанова в сравнении с другими русскими писателями. Герои Достоевского, полагает Розанов, актуальны и всегда будут актуальны для России, самое главное в них – то «метафизическое измерение», которое неотъемлемо от русской культуры и от русской души. Герои же многих других талантливых писателей (например, И. С. Тургенева) уже ушли в прошлое или будут забыты, они несли в себе некие «истины», но временные, «локальные».

В творчестве же Достоевского, по Розанову, русская литература как раз выполнила своё главное предназначение – открывать человеку его природу, «лицо», – честно и с любовью служить человеку. Вот как характеризует роль Ф. М. Достоевского в истории русской культуры В. В. Розанов уже в «Легенде о Великом Инквизиторе»: «Вся литература наша после Гоголя обратилась к проникновению в человеческое существо; и не отсюда ли, из этой силы противодействия, вытекло то, что ни в какое время и ни у какого народа все тайники человеческой души не были так глубоко вскрыты, как это совершилось в последние десятилетия у всех нас на глазах? Нет ничего поразительнее той перемены, которую испытываешь, переходя от Гоголя к какому-нибудь из новых писателей: как будто от кладбища мертвецов переходишь в цветущий сад, где все полно звуков и красок, сияния солнца и жизни природы. Мы впервые слышим человеческие голоса, видим гнев и радость на человеческих лицах, знаем, как смешны иногда они бывают: и все-таки любим их, потому что чувствуем, что они люди и, следовательно, братья нам <...> И Достоевский прежде всех других заговорил о жизни, которая может биться под самыми душными формами, о человеческом достоинстве, которое сохраняется при самых невозможных условиях» (с. 57).

Однако художественным идеалом для Розанова является не Достоевский, диалогические по своей природе произведения которого характеризуются высшей степенью драматизма, интеллектуального и эмоционального напряжения, а А. С. Пушкин и М. Ю. Лермонтов. Пушкина и Лермонтова Розанов цитирует везде, при рассмотрении каких угодно тем, он переходит к поэтическим строкам Пушкина и Лермонтова иногда весьма неожиданно, можно подумать – к месту ли? – но эти первые страницы русской поэзии для Розанова так легки и естественны, что он буквально «дышит» этими строками, чем бы ни был занят его ум.

Кажется, что примерно так и мы сегодня относимся к нашим классикам, «нашим всё». Но не следует забывать, что Розанов принадлежит к тому поколению, которое выросло на Писареве, Михайловском и т. п., да и сам он, как уже упоминалось, прошёл через те же ступени личностного и интеллектуального становления. Так что для своего времени «обычные» для нас суждения В. В. Розанова о пушкинском творчестве (которому, кстати, он посвятил множество специальных статей) обычными как раз не были, скорее, и его заслугу следует видеть в том, что сегодня мы не можем представить без Пушкина русскую культуру и не способны осознать вне Пушкина самих себя.

В 1899 г. В. В. Розанов вслед за Ф. М. Достоевским утверждает, что в своём духовном опыте А. С. Пушкин пережил и переработал целые эпохи европейской культуры, чем обусловлен тезис об «универсальности» Пушкина (с. 167–168). «Вечный гений среди переходящих вещей» (с. 170), – таким предстаёт Пушкин в сознании русских людей уже после первого века своей бесконечной жизни в русской культуре. А жизнь эту Розанов охарактеризует как «прогулку в саду Божиим» (с. 174). Пушкин спокоен и ясен, в его произведениях не видно следов борьбы и страданий, он как бы неким чудесным способом всегда оказывается в середине вещей, откуда поэзия его проливает свой спокойный свет на весь мир. Пушкин возвёл в идеал такие черты русского народа, как простота, кротость, терпение и отзывчивость. Пушкин «народен и историчен», что и раздражает приверженцев западного пути развития России, замечает Розанов [2], его влечёт всё живое, он его любит и воплощает, в отличие от того же Гоголя Пушкин не навязывает читателю своего мировоззрения, «любя его поэзию, каждый остаётся самим собою» [3].

Именно универсальный и в высшем смысле классический характер творчества Пушкина делает его неизменным спутником и другом всякого, кто стремится постичь русскую культуру и саму воплотившуюся в ней душу нашего народа. В этом смысле Пушкин и есть основа нашего подлинного образования, говоря его же словами – «наш первый университет». Пушкину, по словам Розанова, открыта «вся земля», на которой он способен восхищаться последовательно каждой деталью. Пушкин может быть близок каждому человеку, поскольку «на каждую вашу нужду и в каждый миг он подаёт вам цветок-стихотворение» (с. 176). «Чистый – вот Пушкин. ... В “Капитанской дочке” ни одна строка не устарела, а ей 80 лет!! В чём же тут тайна? В необыкновенной полноте пушкинского духа» (с. 141).

Но в Пушкине ничто не устарело и теперь, через сто лет после того, как Розанов написал эти строки. Конечно, это обстоятельство является верным признаком классического искусства. Оно, действительно, схватывает сердцевину вещей, смотрит на них не из «времени», а из «вечности», а потому оказывается собеседником для человека всякой эпохи.

Но ведь именно такое, пришедшее из истории, но не стареющее под грузом лет содержание и составляет основу всякого образования. Пушкин, да и вся русская классическая литература, останутся основой нашего «гуманитарного» в широком смысле, то есть обращённого к человеку образования, пока будет жить народ, выросший из той же истории, того же языка, той же веры, тех же народных песен и сказок, что и наш поэт. Вне Пушкина и вступившего под его пером в пору цветения «сада русской культуры» не может быть в России ни образования, ни творчества, ни свободной личности. Вспомним Достоевского, говорившего, что Пушкин – это русский человек, каким он, может быть, станет через двести лет. Двести лет после Пушкина уже прошли, а мы вряд ли приблизились к совершенству его духа. Впрочем, каждый читатель в меру внимания и чуткости своей души всё же приближается к нему по ступенькам каждой из строчек его вечной поэзии.

Внимание В. В. Розанова к русской литературе, сохранявшееся на протяжении всей его творческой жизни, переключается с теми высокими оценками свободного чтения, роли книги в образовании и духовной жизни человека, которые рассыпаны и по страницам других произведений мыслителя.

Примечания

1. Розанов В. В. Опавшие листья. Короб второй и последний // Розанов В. В. Уединённое / сост., вступ. ст., коммент., библиогр. А. Н. Николукина. М.: Политиздат, 1990. С. 206. Далее ссылки на это издание даются в тексте в круглых скобках с указанием страниц.
2. Василий Розанов в контексте культуры. Кострома: Костром. гос. ун-т им. Н. А. Некрасова, 1999. С. 21.
3. Там же. С. 160.

Notes

1. Rozanov V.V. *Opavshie list'ya. Korob vtoroj i poslednij* [Fallen leaves. The second and last box] // Rozanov V.V. *Uedinyonnoe* - Secluded / comp., introd. art., comm., bibliogr. A. N. Nikolukina. Moscow. Politizdat. 1990. P. 206. Further references to this edition are given in the text in parentheses with the page.
2. *Vasilij Rozanov v kontekste kul'tury* - Vasily Rozanov in the context of culture. Kostroma. Kostrom. State University of N. A. Nekrasov. 1999. P. 21.
3. Ibid. P. 160.

УДК 37.016:51+371.27

М. Ю. Здоровенко, Н. А. Зеленина, М. В. Крутихина

Решение задач темы «Неравенства» школьниками Кировской области на ЕГЭ по математике в 2014 г.: от анализа ошибок к их предупреждению

В предлагаемой статье рассмотрены различные способы решения показательного и логарифмического неравенств, которые применялись учащимися на ЕГЭ по математике в 2014 г. Приведены некоторые статистические данные по успешности выполнения задания С3 как по Кировской области, так и, в целом, по стране. Авторы, имеющие большой опыт проверки экзаменационных работ, анализируют типичные ошибки и затруднения учащихся при использовании различных способов решения. Во второй части статьи рассмотрены некоторые методы решения неравенства, представленного в проекте Демоверсии контрольно-измерительных материалов ЕГЭ 2015 г. по математике. Материалы статьи предназначены, прежде всего, учителям математики, работающим в старших классах, а также старшеклассникам. Они позволят более эффективно организовать обучение решению логарифмических и показательных неравенств, предотвратив возможные ошибки и недочеты.

The article is devoted to the analysis of various ways of the solution of indicative and logarithmic inequalities which were applied by school students at the Unified State Examination in mathematics in 2014. Some statistical data on success of performance of a task C3 by school students of the Kirov region are provided in article. Authors have a wide experience of check of examination-papers and analyze in article typical

mistakes and difficulties of pupils when using various ways of the solution of inequalities. In the second part of article various methods of the solution of an inequality from model of the Unified state examination in mathematics of 2015 are considered. Materials of article will be useful to mathematics teachers and pupils of the senior classes and will allow to prevent mistakes at the solution of inequalities.

Ключевые слова: математическое образование, неравенство, система неравенств, различные способы решения неравенств, Единый государственный экзамен по математике.

Keywords: mathematics education, inequality, system of inequalities, different ways of solving inequalities, the Unified state exam in mathematics.

Линия уравнений и неравенств является одной из ведущих содержательно-методических линий школьного курса математики. Традиционно при ее освоении наибольшие затруднения у учащихся вызывает решение неравенств. Тема «Неравенства» богата по содержанию, по способам и приемам решения, по возможностям применения при рассмотрении других разделов школьного курса математики. С теоретической точки зрения важно изучение наиболее широко использующихся классов неравенств, овладение обобщенными понятиями и методами, относящимися как к отдельным классам, так и к линии в целом. В то же время изучение неравенств имеет прикладную направленность. Неравенства являются математическими моделями многих процессов и явлений, служат средством оценки, сравнения, ограничения при решении задач практического содержания. Отметим также, что именно при решении неравенств наиболее эффективно может быть использован наглядно-графический метод как на координатной прямой, так и на координатной плоскости.

В кодификаторе требований к уровню подготовки выпускников общеобразовательных учреждений для проведения Единого государственного экзамена по математике указано, что учащиеся должны уметь решать рациональные, показательные, логарифмические неравенства и их системы. В последние годы в модели контрольно-измерительных материалов соответствующие задания содержатся как в части В (В12), так и С (С3 – повышенный и С5 – высокий уровни сложности). Неравенства используются учащимися и при отборе корней тригонометрического уравнения, принадлежащих заданному промежутку (задача С1 – повышенный уровень сложности).

В 2014 г. в задании С3 требовалось решить систему, состоящую из логарифмического и показательного неравенств. Эти классы неравенств изучаются в школьном курсе математики последними, вследствие чего именно здесь происходит синтез всей рассматриваемой линии: от решения простейших линейных неравенств до применения специальных приемов и обобщенного метода интервалов. Опыт работы со школьниками показывает, что задачу С3 решают практически все учащиеся, претендующие на поступление в технические и престижные экономические вузы, поскольку алгебраическая составляющая в успешности выполнения заданий доминирует над геометрической даже у учеников с весьма высоким уровнем подготовки [1]. По данным Центра оценки качества образования Кировской области, к решению задачи С3 приступило около 35% школьников, что говорит об определенной подготовке по этой теме (к решению задачи С4, например, приступило порядка 7%, С5 – 4% выпускников). Однако дать хотя бы частичное решение системы неравенств, а тем более решить ее полностью удалось далеко не всем. Так, по данным статистики, один первичный балл за решение задачи С3 (обоснованно получен верный ответ в одном неравенстве исходной системы или получен неверный ответ из-за вычислительной ошибки, но при этом имеется верная последовательность всех шагов решения системы) получили 22,12% учеников, приступивших к решению, два балла (обоснованно получены верные ответы в обоих неравенствах исходной системы) – 1,44% школьников. Полных три балла за решение этой задачи (обоснованно получен верный ответ) выставлены 6,14% решавших [2]. Средние показатели по стране соответственно равны 34, 12,1, 1 и 4,1%. В целом, выполнение задания С3 в 2014 году оказалось более успешным, чем в 2012 и 2013 гг., причем у учащихся с разным уровнем подготовки [3].

Опыт проверки развернутых ответов участников Единого государственного экзамена по математике показывает, что выпускники владеют различными методами решения неравенств, в том числе и выходящими за рамки школьной программы. Вместе с тем можно выделить типичные ошибки и затруднения учащихся при использовании различных способов решения неравенств. Обратимся к анализу этих ошибок на примере решения системы [4].

$$\begin{cases} \log_{11-x}(x+7) \cdot \log_{x+5}(9-x) \leq 0, \\ 64^{x^2-3x+20} - 0,125^{2x^2-6x-200} \leq 0. \end{cases}$$

Для решения логарифмического неравенства данной системы учащиеся выбирают следующие способы: расщепление неравенств, метод интервалов, метод рационализации. Рассмотрим их по порядку.

I. Переход к совокупности двух систем (расщепление неравенств)

$$\log_{11-x}(x+7) \cdot \log_{x+5}(9-x) \leq 0 \Leftrightarrow \begin{cases} \log_{11-x}(x+7) \geq 0, \\ \log_{x+5}(9-x) \leq 0 \end{cases} \quad (1)$$

$$\Leftrightarrow \begin{cases} \log_{11-x}(x+7) \leq 0, \\ \log_{x+5}(9-x) \geq 0 \end{cases} \quad (2)$$

Решим систему (1) совокупности:

$$(1) \Leftrightarrow \begin{cases} \begin{cases} 11-x > 1, \\ x+7 \geq 1 \\ 0 < 11-x < 1, \\ x+7 \leq 1, \\ x+7 > 0 \end{cases} \\ \begin{cases} x+5 > 1, \\ 9-x \leq 1, \\ 9-x > 0 \\ 0 < x+5 < 1, \\ 9-x \geq 1 \end{cases} \end{cases} \Leftrightarrow \begin{cases} \begin{cases} x < 10, \\ x \geq -6 \\ 10 < x < 11, \\ x \leq -6, \\ x > -7 \end{cases} \\ \begin{cases} x > -4, \\ x \geq 8, \\ x < 9 \\ -5 < x < -4, \\ x \leq 8 \end{cases} \end{cases} \Leftrightarrow \begin{cases} \begin{cases} -6 \leq x < 10, \\ x \in \emptyset \\ 8 \leq x < 9, \\ -5 < x < -4 \end{cases} \end{cases} \Leftrightarrow \\ \Leftrightarrow x \in (-5; -4) \cup [8; 9).$$

Решим систему (2) совокупности:

(2)

$$\Leftrightarrow \begin{cases} \begin{cases} 11-x > 1, \\ x+7 \leq 1, \\ x+7 > 0 \\ 0 < 11-x < 1, \\ x+7 \geq 1 \end{cases} \\ \begin{cases} x+5 > 1, \\ 9-x \geq 1 \\ 0 < x+5 < 1, \\ 9-x \leq 1, \\ 9-x > 0 \end{cases} \end{cases} \Leftrightarrow \begin{cases} \begin{cases} x < 10, \\ x \leq -6, \\ x > -7 \\ 10 < x < 11, \\ x \geq -6 \end{cases} \\ \begin{cases} x > -4, \\ x \leq 8 \\ -5 < x < -4, \\ x \geq 8, \\ x < 9 \end{cases} \end{cases} \Leftrightarrow \begin{cases} \begin{cases} -7 < x \leq -6, \\ 10 < x < 11 \\ -4 < x \leq 8, \\ x \in \emptyset \end{cases} \end{cases} \Leftrightarrow x \in \emptyset.$$

Таким образом, $x \in (-5; -4) \cup [8; 9)$.

Переходом к совокупности двух систем в качестве способа решения логарифмического неравенства такого типа воспользовались порядка 40% решавших. Этот способ требует от выпускников:

- знания свойств логарифмов и логарифмической функции;
- умения решать простейшие рациональные неравенства и их системы, находить объединения и пересечения множеств;
- понимания логической структуры решения и равносильности переходов.

Основным недостатком данного способа является его громоздкость. В то же время верно доведенное до конца решение показывает достаточно высокую математическую культуру учащихся. Обратим внимание на то, что при этом решении не требуется специально находить область допустимых значений переменной x , однако понимают это далеко не все ученики. Выписывание на первом шаге лишних условий в системе так же, как и отсутствие в записи решения значков равносильности и следствия, можно, на наш взгляд, не считать суще-

ственным недостатком. Основные ошибки учеников связаны с неверным раскрытием комбинаций совокупностей и систем, выбором ответа в случае пересечения и объединения множеств, включения-невключения в ответ концов промежутков в соответствии со строгостью-нестрогостью знака неравенства. Заметим, что использование вместо значка совокупности союза «или» при записи решения неравенства значительно уменьшает количество логических ошибок.

Решение может быть существенно короче, если сначала найти область допустимых значений переменной x и заметить, что один из множителей на этом множестве всегда положителен.

Область допустимых значений x определяется из системы:

$$\begin{cases} 11-x > 0, \\ 11-x \neq 1, \\ x+7 > 0, \\ x+5 > 0, \\ x+5 \neq 1, \\ 9-x > 0. \end{cases} \Leftrightarrow \begin{cases} x < 11, \\ x \neq 10, \\ x > -7, \\ x > -5, \\ x \neq -4, \\ x < 9. \end{cases} \Leftrightarrow x \in (-5; -4) \cup (-4; 9).$$

При этих значениях переменной x $11-x > 2 > 1$ и $x+7 > 2 > 1$. Отсюда, $\log_{11-x}(x+7) > 0$ в области допустимых значений.

Следовательно, для того чтобы выполнялось неравенство $\log_{11-x}(x+7) \cdot \log_{x+5}(9-x) \leq 0$, достаточно, чтобы $\log_{x+5}(9-x) \leq 0$ в области допустимых значений исходного неравенства. Решим последнее неравенство:

$$\log_{x+5}(9-x) \leq 0 \Leftrightarrow \begin{cases} x+5 > 1 \\ 9-x \leq 1 \\ 9-x > 0 \\ 0 < x+5 < 1 \\ 9-x \geq 1 \end{cases} \Leftrightarrow \begin{cases} x > -4 \\ x \geq 8 \\ x < 9 \\ -5 < x < -4 \\ x \leq 8 \end{cases} \Leftrightarrow \begin{cases} 8 \leq x < 9 \\ -5 < x < -4 \end{cases}$$

Таким образом, $x \in (-5; -4) \cup [8; 9)$.

Неравенство $\log_{x+5}(9-x) \leq 0$ может быть также решено с помощью рационализации (см. далее).

Этим способом рассуждений воспользовались примерно 10% учащихся, приступивших к решению.

II. Метод интервалов

Рассмотрим функцию $y = \log_{11-x}(x+7) \cdot \log_{x+5}(9-x)$. Ее область определения совпадает с областью допустимых значений неравенства: $x \in (-5; -4) \cup (-4; 9)$. На этом множестве рассматриваемая функция является непрерывной.

Найдем нули функции:

$$\begin{aligned} \log_{11-x}(x+7) \cdot \log_{x+5}(9-x) = 0 &\Leftrightarrow \\ \Leftrightarrow \begin{cases} \log_{11-x}(x+7) = 0, \\ \log_{x+5}(9-x) = 0, \\ x \in (-5; -4) \cup (-4; 9) \end{cases} &\Leftrightarrow \begin{cases} x+7 = 1, \\ 9-x = 1, \\ x \in (-5; -4) \cup (-4; 9) \end{cases} &\Leftrightarrow \\ \begin{cases} x = -6, \\ x = 8, \\ x \in (-5; -4) \cup (-4; 9) \end{cases} &&\Leftrightarrow x = 8 \end{aligned}$$

Определим знак функции в каждом промежутке ее области определения:

Если $x = 8,5$, то $y(8,5) = \log_{2,5} 15,5 \cdot \log_{13,5} 0,5 < 0$,

если $x = 0$, то $y(0) = \log_{11} 7 \cdot \log_5 9 > 0$,

если $x = -4,5$, то $y(-4,5) = \log_{15,5} 2,5 \cdot \log_{0,5} 13,5 < 0$.

Таким образом, решениями неравенства являются $x \in (-5; -4) \cup [8; 9)$.

Применение метода интервалов требует от участников экзамена:

- знания определения и свойств логарифмической функции;
- владения понятием нуля функции;

- умения решать простейшие рациональные неравенства, их системы и совокупности, находить объединения и пересечения множеств; сравнивать значения «невычисляющихся» логарифмов;

- понимания сути метода интервалов и его отдельных этапов.

Этот способ решения логарифмического неравенства выбирали порядка 30% выпускников.

Основная ошибка учащихся состоит в расстановке знаков на числовой прямой (после решения уравнений $\log_{11-x}(x+7) = 0$ и $\log_{x+5}(9-x) = 0$) без учета области определения функции. В результате функция «получает» знак на промежутках, в которых она не определена. Причиной этого является формальное выполнение шагов метода интервалов без понимания его сути, слабое владение понятием «нуль функции». В качестве наиболее распространенных ошибок отметим также «автоматическое» чередование знаков, потерю одного из ограничений на основании логарифма при нахождении области определения функции, несоответствие между изображением концов промежутка на числовой прямой и записью этого промежутка.

III. Метод рационализации (декомпозиции, замены множителей)

В последнее время этот метод решения неравенств получил достаточно широкое распространение, хотя в школьных учебниках он, как правило, не рассматривается. Метод рационализации заключается в замене сложного выражения $F(x)$ на более простое выражение $G(x)$ (в конечном счете, рациональное), при котором неравенство $G(x) \vee 0$ равносильно неравенству $F(x) \vee 0$ в области определения выражения $F(x)$ (знак \vee в данном случае заменяет один из знаков $>, <, \geq, \leq$).

Короткое и практически безошибочное решение получили те школьники, которые рационализировали произведение логарифмов, зная, что знак выражения $\log_h f \cdot \log_p g$ в области его допустимых значений совпадает со знаком выражения $(h-1)(f-1)(p-1)(g-1)$.

В нашем случае

$$\log_{11-x}(x+7) \cdot \log_{x+5}(9-x) \leq 0.$$

Областью допустимых значений переменной является объединение промежутков $(-5; -4)$ и $(-4; 9)$.

В области допустимых значений логарифмическое неравенство равносильно следующему рациональному неравенству

$$(10-x) \cdot (x+6) \cdot (x+4) \cdot (8-x) \leq 0,$$

решение которого методом интервалов имеет вид:

С учетом области допустимых значений логарифмического неравенства получаем $x \in (-5; -4) \cup [8; 9)$.

Отметим, что некоторые выпускники для решения логарифмического неравенства применяли метод рационализации в комбинации с расщеплением неравенств, то есть осуществляли переход:

$$\log_{11-x}(x+7) \cdot \log_{x+5}(9-x) \leq 0 \Leftrightarrow \begin{cases} \log_{11-x}(x+7) \geq 0 \\ \log_{x+5}(9-x) \leq 0 \\ \log_{11-x}(x+7) \leq 0 \\ \log_{x+5}(9-x) \geq 0 \end{cases}$$

и далее рационализировали каждое из четырех неравенств, исходя при этом из того, что знак логарифмической функции в ее области определения совпадает со знаком соответствующего рационального выражения (знак выражения $\log_g f$ совпадает со знаком выражения $(g-1)(f-1)$ в области определения логарифмической функции).

Рационализацию для решения логарифмического неравенства выбирали примерно 20% учащихся из числа приступивших к решению.

Обратим внимание на то, что в 2014 г. для решения логарифмического неравенства учащиеся значительно чаще использовали методы интервалов и рационализации, что, на наш взгляд, и повлияло на более успешное решение неравенства, по сравнению с 2013 г.

Перейдем ко второму неравенству рассматриваемой системы. Показательное неравенство $64^{x^2-3x+20} - 0,125^{2x^2-6x-200} \leq 0$ вызвало у участников экзамена гораздо меньше затруднений. В основном, выпускники приводили степени к одному основанию, а затем использовали свойство монотонности показательной функции.

$$\begin{aligned} 64^{x^2-3x+20} - 0,125^{2x^2-6x-200} \leq 0 &\Leftrightarrow 2^{6x^2-18x+120} \leq 2^{-6x^2+18x+600} \Leftrightarrow \\ &\Leftrightarrow 6x^2 - 18x + 120 \leq -6x^2 + 18x + 600 \Leftrightarrow 12x^2 - 36x - 480 \leq 0 \\ &\Leftrightarrow x^2 - 3x - 40 \leq 0. \end{aligned}$$

Решениями последнего неравенства являются $x \in [-5; 8]$.

Некоторые учащиеся использовали для решения метод рационализации, исходя из того что знак выражения $h^f - h^g$ ($h > 0$) в области его допустимых значений совпадает со знаком выражения $(h-1)(f-g)$.

В нашем случае:

$$2^{6x^2-18x+120} - 2^{-6x^2+18x+600} \leq 0 \Leftrightarrow (2-1)(12x^2 - 36x - 480) \leq 0$$

на множестве действительных чисел.

Основным недостатком в записи такого решения являлась потеря первого множителя (это является недопустимым, хотя при решении рассматриваемого неравенства получается правильный ответ) либо отсутствие обоснования того, что этот множитель не влияет на знак произведения.

Итак, решениями первого неравенства рассматриваемой системы являются $x \in (-5; -4) \cup [8; 9)$, второго неравенства - $x \in [-5; 8]$, а решениями системы неравенств - $x \in (-5; -4) \cup \{8\}$.

Отметим, что обучение различным методам решения неравенств на сегодняшний день является весьма актуальным, поскольку дает учащимся гораздо больше возможностей в решении задач. От этого напрямую зависит успешность прохождения ими различного рода аттестаций. Модель контрольно-измерительных материалов Единого государственного экзамена 2015 г. на профильном уровне предусматривает решение неравенства в части 2. Эта задача, как и в предыдущие годы, относится к задачам повышенного уровня сложности и оценивается теперь двумя первичными баллами.

В проекте Демоверсии контрольно-измерительных материалов Единого государственного экзамена 2015 г. по математике [5] в качестве примера приводится следующее логарифмическое неравенство:

$$\log_{x-1}\sqrt{x+2} \cdot \log_3(x^2 - 2x + 1) \geq \log_9(10 - x).$$

Наиболее сложным в решении этого неравенства является преобразование произведения логарифмов в левой части. В демонстрационном варианте существенное упрощение получено на основе использования основного логарифмического тождества с указанием ограничений, когда его можно применять:

$$\begin{aligned} 2\log_{x-1}\sqrt{x+2} \cdot \log_3(x-1) &\geq \log_9(10-x); \\ 2\log_3(x-1)^{\log_{x-1}\sqrt{x+2}} &\geq \log_9(10-x); \quad 2\log_3\sqrt{x+2} \geq \log_9(10-x) \end{aligned}$$

при условиях $x > 1$ и $x \neq 2$. Далее:

$$\log_3(x+2) \geq \log_9(10-x); \quad \begin{cases} \log_9(x^2 + 4x + 4) \geq \log_9(10-x), \\ x+2 > 0. \end{cases}$$

При $x > 1$ неравенство $x+2 > 0$ можно опустить. Получается система

$$\begin{cases} x^2 + 4x + 4 \geq 10 - x, \\ 10 - x > 0, \end{cases}$$

откуда $x \leq -6$ или $1 \leq x < 10$.

Далее, с учетом $x > 1$ и $x \neq 2$ получаем $x \in (1; 2) \cup (2; 10)$.

Наш опыт проверки работ участников ЕГЭ позволяет предположить, что предложенный разработчиками путь решения школьники, скорее всего, не выберут.

Рассмотрим наиболее ожидаемые способы рассуждений учащихся при решении этого неравенства.

Найдем область допустимых значений переменной x :

$$\begin{cases} x+2 > 0, \\ x-1 > 0, \\ x-1 \neq 1, \\ (x-1)^2 > 0, \\ 10-x > 0 \end{cases} \Leftrightarrow \begin{cases} x > -2, \\ x > 1, \\ x \neq 2, \\ x \neq 1, \\ x < 10 \end{cases} \Leftrightarrow x \in (1; 2) \cup (2; 10)$$

Преобразуем неравенство к виду:

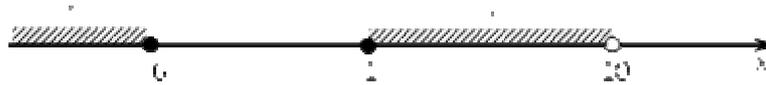
$$\begin{aligned} \frac{1}{2}\log_{x-1}(x+2) \cdot \log_3(x-1)^2 - \frac{1}{2}\log_3(10-x) &\geq 0; \\ \log_{x-1}(x+2) \cdot 2\log_3|x-1| - \log_3(10-x) &\geq 0. \end{aligned}$$

Учитывая, что в области допустимых значений неравенства $|x-1| = x-1$, и применяя формулу перехода к новому основанию, получаем

$$\begin{aligned} \frac{\log_3(x+2)}{\log_3(x-1)} \cdot 2\log_3(x-1) - \log_3(10-x) &\geq 0; \\ 2\log_3(x+2) - \log_3(10-x) &\geq 0. \end{aligned}$$

По свойствам логарифмов $\log_3 \frac{(x+2)^2}{10-x} \geq 0$, далее, $\frac{(x+2)^2}{10-x} \geq 1; \frac{x^2+5x-6}{10-x} \geq 0$.

Решая последнее неравенство методом интервалов, получаем

$$x \in (-\infty; -6] \cup [1; 10).$$

С учетом области допустимых значений решениями неравенства являются

$$x \in (1; 2) \cup (2; 10).$$

Источником ошибок при таком решении является ситуация с переходом $\log_3(x-1)^2 = 2\log_3|x-1| = 2\log_3(x-1)$. Одни учащиеся не записывают логарифм с модулем подлогарифмического выражения и ничего при этом не объясняют. Другие – начинают раскрывать модуль по определению, что существенно удлиняет решение и приводит к новым ошибкам. Ошибочным часто бывает и решение неравенства $(x-1)^2 > 0$ при нахождении области допустимых значений.

Некоторые ученики могут привести и более лаконичное решение, а также воспользоваться обобщенным методом интервалов. Приведем эти рассуждения.

$$\log_{x-1}\sqrt{x+2} \cdot \log_3(x^2 - 2x + 1) \geq \log_9(10 - x).$$

Областью допустимых значений переменной являются $x \in (1; 2) \cup (2; 10)$.

На этой области справедлива цепочка равенств:

$$\log_3(x^2 - 2x + 1) = \log_3(x-1)^2 = 2\log_3|x-1| = 2\log_3(x-1).$$

Далее получаем

$$\begin{aligned} \log_{x-1}\sqrt{x+2} \cdot 2\log_3(x-1) &= 2\log_3(x-1) \cdot \log_{x-1}\sqrt{x+2} = 2\log_3\sqrt{x+2} = \\ &= \log_2(x+2) = \log_{2^2}(x+2)^2 \end{aligned}$$

Таким образом,

$$\begin{aligned} \log_9(x+2)^2 \geq \log_9(10-x); (x+2)^2 \geq 10-x; \\ x^2 + 5x - 6 \geq 0; x \in (-\infty; -6] \cup [1; +\infty). \end{aligned}$$

Отсюда, с учетом области допустимых значений $x \in (1; 2) \cup (2; 10)$.

Заметим, что появления логарифма со знаком модуля можно избежать, если при найденной области допустимых значений рассуждать следующим образом:

$$\begin{aligned} \log_{(x-1)^2}(x+2) \cdot \frac{1}{\log_{(x-1)^2}3} &\geq \log_9(10-x); \\ \frac{\log_{(x-1)^2}(x+2)}{\log_{(x-1)^2}3} &\geq \log_9(10-x); \log_2(x+2) \geq \log_9(10-x); \\ \log_9(x+2)^2 &\geq \log_9(10-x). \end{aligned}$$

Далее решаем соответствующее квадратное неравенство и с учетом области допустимых значений получаем ответ.

Решение неравенства обобщенным методом интервалов имеет следующий вид. Рассмотрим функцию

$$y = \log_{x-1}\sqrt{x+2} \cdot \log_3(x^2 - 2x + 1) - \log_9(10 - x),$$

непрерывную на области определения. Ее область определения находится из условий:

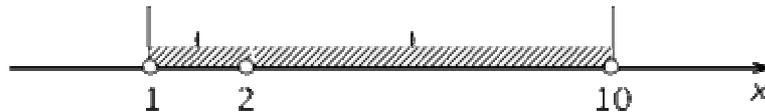
$$\begin{cases} x + 2 > 0, \\ x - 1 > 0, \\ x - 1 \neq 1, \\ (x - 1)^2 > 0, \\ 10 - x > 0 \end{cases} \Leftrightarrow x \in (1; 2) \cup (2; 10)$$

Найдем нули функции, решив на области определения уравнение

$$\begin{aligned} \log_{x-1}\sqrt{x+2} \cdot \log_3(x^2 - 2x + 1) - \log_9(10 - x) &= 0; \\ \log_{x-1}\sqrt{x+2} \cdot \log_3(x^2 - 2x + 1) &= \log_9(10 - x); \\ \frac{1}{2}\log_{x-1}(x + 2) \cdot \log_3(x - 1)^2 &= \frac{1}{2}\log_3(10 - x); \\ \frac{\log_3(x + 2)}{\log_3(x - 1)} \cdot 2\log_3|x - 1| &= \log_3(10 - x). \end{aligned}$$

Так как на области определения $x - 1 > 0$, то $|x - 1| = x - 1$, и последнее уравнение равносильно уравнению $2\log_3(x + 2) = \log_3(10 - x)$ или уравнению $(x + 2)^2 = 10 - x$, корни которого не принадлежат области определения функции y .

Рассматриваемая нами функция не имеет нулей. Определим ее знак в каждом промежутке области определения:

Если $x = 7$, то $y(7) = \log_6 3 \cdot \log_3 36 - \log_9 3 = \log_6 36 - \log_9 3 = 2 - \frac{1}{2} > 0$, если $x = \frac{4}{3}$, то

$$\begin{aligned} y\left(\frac{4}{3}\right) &= \log_{\frac{1}{3}}\sqrt{\frac{10}{3}} \cdot \log_3 \frac{1}{9} - \log_9 \frac{26}{3} = -\log_{\frac{1}{3}} \frac{10}{3} - \log_9 \frac{26}{3} = \log_9 \frac{100}{9} - \log_9 \frac{78}{9} = \\ &= \log_9 \frac{107}{78} > 0 \end{aligned}$$

Таким образом, $x \in (1; 2) \cup (2; 10)$.

Рассмотренные выше способы решения неравенств и типичные ошибки выпускников помогут учителям более эффективно организовать работу по обучению решению логарифмических и показательных неравенств, подготовке к итоговой аттестации.

Примечания

1. Яценко И. В., Семенов А. В., Высоцкий И. Р. Методические рекомендации по некоторым аспектам совершенствования преподавания математики, 2014 г. URL: http://www.fipi.ru/sites/default/files/document/1413876128/metod_rekom_math_2014.pdf

2. Результаты Единого государственного экзамена в Кировской области в 2014 году: стат. сб. // КОГБУ Центр оценки качества образования. Киров, 2014.

3. Здоровенко М. Ю., Зеленина Н. А., Крутихина М. В. Типичные ошибки и затруднения школьников при решении неравенств различными способами на Едином государственном экзамене по математике // Концепт. 2014. № 10. ART 14296. URL: <http://e-koncept.ru/2014/14296.htm>

4. Единый государственный экзамен по математике: типы заданий части С: сб. задач. URL: http://alexlarin.net/ege/2014/050614_1.html

5. Демонстрационный вариант контрольно-измерительных материалов Единого государственного экзамена 2015 года по математике. (Проект). URL: <http://www.fipi.ru/ege-i-gve-11/demoversii-specifikacii-kodifikatory>

Notes

1. Yashchenko I. V., Semenov, A. V., Vysotsky I. R. *Metodicheskie rekomendacii po nekotorym aspektam sovershenstvovaniya prepodavaniya matematiki, 2014 g* [Methodical recommendations on some aspects of the improvement of mathematics teaching, 2014] Available at: http://www.fipi.ru/sites/default/files/document/1413876128/metod_rekom_math_2014.pdf (in Russ.)

2. The results of the Unified state exam in the Kirov region in 2014: stat. proc. // Kirov Regional State Budgetary Establishment Center for education quality assessment. Kirov. 2014.

3. Zdorovenko M. Yu, N. Zelenina N. A., Krutikhina M. V. *Tipichnye oshibki i zatrudneniya shkol'nikov pri reshenii neravenstv razlichnymi sposobami na Edinom gosudarstvennom ehkzamene po matematike* [Common mistakes and difficulties of pupils when solving inequalities in different ways on the Unified state exam in mathematics] // *Koncept - Concept*. 2014, No. 10, ART 14296. Available at: <http://e-koncept.ru/2014/14296.htm>

4. The unified state exam in mathematics: types of tasks of part C: collection of tasks. Available at: http://alexlarin.net/ege/2014/050614_1.html (in Russ.)

5. Demo version control and measuring materials of the Unified state examination in 2015 in mathematics. (Project). Available at: <http://www.fipi.ru/ege-i-gve-11/demoversii-specifikacii-kodifikatory> (in Russ.)

УДК 165

М. П. Позолотина

Проблема задания норм физического мышления при дистанционном обучении физике

В статье обозначена проблема задания и освоения норм физического мышления в системе дистанционного образования. В первом приближении построено теоретическое основание для формулирования норм современного физического мышления для целей образования. На этой основе выполнено поисковое экспериментальное дидактическое исследование. В итоге определена система работы по совершенствованию содержания дистанционного физического образования.

In article the problem of a task and development of norms of physical thinking in system of remote education is designated. The theoretical basis for a formulation of norms of modern physical thinking for education is as a first approximation constructed. On this basis pilot didactic study is executed. As a result the system of work on improvement of the content of remote physical education is defined.

Ключевые слова: дистанционное образование, физическое мышление, нормы физического мышления.

Keywords: distance education, physical thinking, norms of physical thinking.

Постановка научно-методической проблемы. Дистанционное образование получает все большее распространение как практика, поэтому и возникает острая потребность в научном исследовании его дидактических возможностей. Пока эта практика плохо отрефлексирована, мало опыта хорошо организованного дистанционного образования, мало методик, нет качественных электронных учебников и др. Особенно много проблем существует с организацией такого вида образования в основной школе, в частности при обучении физике. Так, на практике дистанционное образование ориентируется на доступные решения: повторение суммы знаний, полученной в основной школе; ориентация на развитие мотивации с помощью интересных задач, хотя учебная деятельность с задачами явно ограничена – репродуктивное решение задач, чаще всего расчетных... Сейчас от методики как науки требуется переосмысление назначения и возможностей дистанционного обучения в основной школе.

Общество и государство осознает, что назрела необходимость и есть перспективы в развитии дополнительного образования. Так, в сентябре 2014 г. Правительством РФ была утверждена Концепция развития дополнительного образования детей. Признаются конкурентные преимущества дополнительного образования, которые проявляются в таких характеристиках,

как «свободный личностный выбор деятельности, определяющей индивидуальное развитие человека; вариативность содержания и форм организации образовательного процесса; адаптивность к возникающим изменениям» [1]. В Кировской области экспериментальная площадка по развитию дистанционного образования существует при Центре дополнительного образования одаренных школьников. И на данный момент дистанционное образование реализуется в двух аспектах – это развитие интереса к предмету и освоение систем знаний. Но это инерционное решение, для эффективной практики его недостаточно. Не случайно одним из требований ФГОС ОО является освоение современного физического мышления.

К сожалению, в научно-методической литературе понятие норм физического мышления или отсутствует, или они сформулированы нечетко [2], при этом все современные психолого-педагогические концепции считают развитие мышления одним из приоритетов обучения и воспитания школьников (О. К. Тихомиров, З. А. Решетова, В. Н. Дружинин [3] и др.).

Теоретико-экспериментальное основание для решения научной проблемы освоения норм мышления. Анализ показывает, что дистанционное образование учащихся имеет ряд существенных отличий от традиционного. Во-первых, ученик самостоятельно организует и планирует свою деятельность, деятельность ученика близка по форме к самообразовательной. Во-вторых, педагог не имеет возможности общаться с учеником непосредственно – связь между учеником и педагогом осуществляется в основном через пособия, которые служат средством организации деятельности ученика; через работы учащегося – форму отчетности; через рецензию педагога на работу. В связи с этим стоит проблема поиска и отбора доступных норм физического мышления для их освоения и диагностики в указанных условиях.

Обозначим принципы задания норм физического мышления для дистанционного образования. Основываясь на работах В. В. Мултановского, В. Г. Разумовского, Ю. А. Саурова [4], мы считаем, что физическое мышление задается, во-первых, структурами знаний, во-вторых, приемами и механизмами работы с объектами реального мира и знаниями; в-третьих, процедурами решения задач различного вида. Расшифруем эти позиции.

Мы считаем, что в рамках основной школы (7–9-е классы) учащимся, прежде всего, доступно понимание и освоение таких структур знаний, иными словами уровней обобщений, как понятия (физические величины) и законы. При этом важно организовать такую познавательную деятельность, в основе которой лежит строгое отделение реальности (физических объектов и физических явлений) от описаний, а также разнообразные упражнения с этими видами описаний – физическими величинами.

Психологи доказывают, что теоретическое, рефлексивное мышление начинает формироваться в 11–12 лет. При этом новое в развитии интеллекта подростка заключается в изменении его отношения к познавательным задачам как к таким, которые требуют их предварительного мысленного решения через построение различных гипотез и их проверку. Умение оперировать гипотезами в решении интеллектуальных задач – это одно из важных приобретений подростка в анализе действительности [5]. Поэтому мы считаем, что в дистанционном образовании логику усвоения материала рационально задавать циклической схемой научного познания: факты – гипотеза-модель – следствия – эксперимент (В. В. Разумовский). Эта логика жестко структурирует и содержание, и процессы. При этом адаптация данной схемы будет происходить с учетом условий дистанционного обучения, а также возраста ученика.

Мы принимаем установку на то, что с целью освоения современного мышления необходимо шире использовать в процессе обучения моделирование и экспериментирование. В моделировании обеспечивается понимание явлений и осуществляется получение знаний, это деятельность во многом со знанием при изучении физических явлений; а экспериментирование задает полный цикл деятельности с реальными объектами и явлениями. В рамках дистанционного образования экспериментирование в основном сводится к домашним опытам, что, конечно, несколько сужает его дидактические возможности. Поэтому мы считаем, что также нужно использовать и мысленные эксперименты – деятельность экспериментирования со знаками – условными рисунками физических объектов и явлений, графиками, таблицами, схемами и т. д.

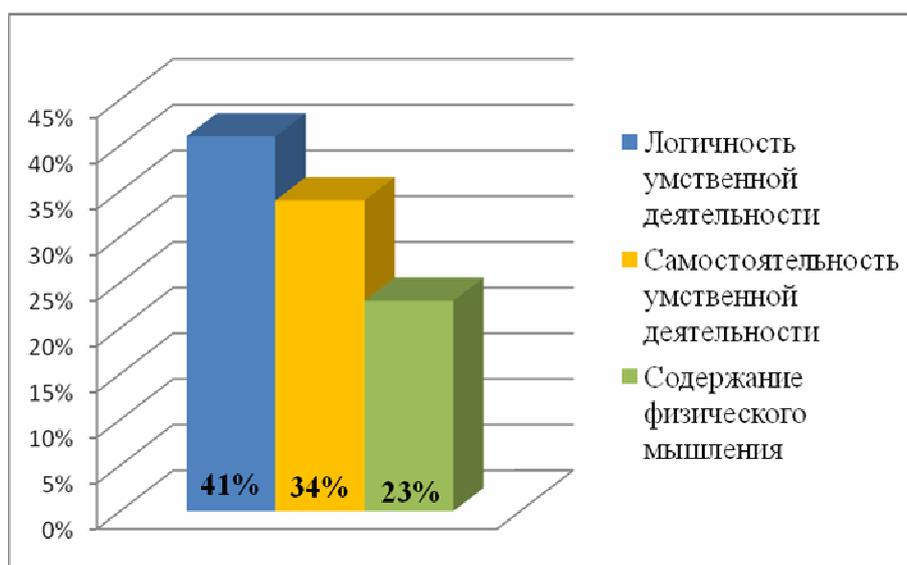
Немаловажное значение при освоении норм мышления имеет развитие мотивации. Так, именно при ее наличии происходит формирование теоретического мышления. Нужно учитывать, что основными факторами, влияющими на формирование устойчивой мотивации к учебной деятельности, являются содержание учебного материала, организация учебной деятельности. Здесь у нас есть опыт практики, но есть и проблемы.

Необходимым методом в построении методики дистанционного образования для освоения мышления является формулировка норм физического мышления на основе экспериментального дидактического исследования. Опираясь на работу К. А. Коханова и Ю. А. Саурова [6], мы высказали предположение (гипотезу), что для дистанционного образования рационально выделить такие стороны мышления, как логичность умственной (речевой) деятельности, самостоятельность умственных действий и содержание физического мышления (см. таблицу).

Стороны мышления	Форма и содержание диагностики	Виды заданий (действий)
Логичность умственной (речевой) деятельности	Умения анализировать, сравнивать, выделять главное Умение доказывать Умение излагать свои мысли в речи Умения систематизировать факты	Простота, краткость, логичность устной и письменной речи. Структурированность действий: этапы и «шаги» действий, выделение главного, причинно-следственных и функциональных связей. Доказательность (обоснованность) суждений
Самостоятельность умственной деятельности	Умение ставить и осознавать цели Наличие внутреннего плана действий Самоконтроль и самооценка	Ясность выражения цели и задачи. Последовательность действий. Частота, адекватность, результативность. Усердие и точность при решении задач. Качество оформления результатов
Содержание физического мышления	Знание видов физических объектов и явлений Умение выделять свойства или стороны физических объектов или явлений Умение выделять причинно-следственные связи объектов и явлений	Выделение физического объекта или явления и замещение моделью. Характеристика свойств физических объектов или явлений физическими величинами. Описание причинно-следственных связей функциональными зависимостями

Диагностику освоения указанных сторон мышления мы проводили на основе анализа письменных отчетов учащихся 7-х классов заочного отделения Центра дополнительного образования одаренных школьников г. Кирова (ЦДОШ). За 2011/2012, 2012/2013, 2013/2014 учебные годы собрано и проанализировано 87 письменных контрольных работ. Диагностика достижений школьников осуществляется через поэлементный анализ письменных работ. В итоге были получены следующие результаты.

При выполнении каждой последующей работы показатели логичности умственной (речевой) деятельности, самостоятельности умственной деятельности и содержания физического мышления повышаются, но, тем не менее, это происходит медленно. Так, к окончанию обучения в 7-м классе количество учащихся со средним уровнем развития по всем элементам диагностируемых сторон мышления все же остается ниже 50% (см. рисунок).

Количество учащихся со средним уровнем развития сторон мышления (к моменту окончания 7-го класса)

Также в эксперименте фиксируется ряд особенностей. У многих учащихся существуют проблемы с выделением физического объекта или явления – в этом возрасте у семиклассников продолжается неравномерность развития анализа и синтеза. Так, при нахождении решения проблемы в ряде заданий большинство учащихся обращает внимание на внешний признак, начинает описывать решение с этих позиций, тем самым забывая о задании – предложить научное решение описанной проблемы. Это говорит также и о том, что ученики еще не научились применять полученные знания в жизни. Вопросы, где нужно найти, увидеть уже известный закон, принцип, но в новых условиях, в первых контрольных работах вызывают затруднение. Некоторые учащиеся не замечают знакомый им факт, но со временем ситуация становится лучше. Вывод ясен: пока нет явно сформулированных и доступных норм деятельности физического мышления.

Мотивация решения заданий у всех школьников различна, что ярко проявляется при выполнении контрольных работ. Таким образом, существующая методика дистанционного обучения лучше решает проблему повышения интереса школьников к изучению предмета (практически все учащиеся заканчивают обучение, подходят к выполнению заданий творчески), но она плохо ориентирована на освоение главного – современной практики физического мышления.

Проблемы методики освоения норм мышления в дистанционном образовании. Обратимся к некоторым проблемам методики организации познавательной деятельности учащихся в системе дистанционного образования.

Требуется модернизация системы дистанционного образования с учетом требований современного ФГОС. Помимо развития познавательного интереса в системе дистанционного образования требуется пристальное внимание ключевым компетенциям – физическому мышлению и физическому мировоззрению. Поставлена задача построения единой системы обучения учащихся основной школы (7–9-е классы) с учетом всех достоинств и недостатков прошлых методик. Обозначим принципы-идеи построения методики.

А) Обучение в системе дистанционного образования не нужно делать обособленным, конкурирующим с обучением в школе, – необходимо сохранить связь с курсом физики основной школы. Но при этом не должно быть ориентации на репродуктивное повторение или заучивание программы основного образования.

Б) Для успешного освоения физического мышления в условиях дистанционного образования нужно жестче, чем в базовой школе, нормировать мышление – закладывать нормы физического мышления в содержание и процедуры учебной деятельности. С нашей точки зрения это возможно при специфическом отборе задач, обучении на примерах норм оформления и решения задач, четких требований по диагностике освоения нормы мышления.

В) С позиции активности ученика следует выбирать такой тип обучения, при котором ученик – активный субъект, за учителем сохраняется роль организатора. Такой тип обучения является наиболее эффективным и перспективным в системе дистанционного обучения.

Г) Необходимо переориентировать развитие интереса к предмету: от внешнего восприятия к познавательному исследованию физических объектов и явлений, к выполнению проектов, к формированию отношения к учебной задаче как к описанию явления и др.

Д) Обучение в ЦДООШ можно начать с любого класса, ежегодно происходит набор учащихся во все параллели. Поэтому нужно создать единую, «преемственную», систему обучения в 7–9-х классах – в основе необходимо заложить инвариантные нормы мышления, только задаваемые на различном материале. Но, с учетом развития учащихся, нужно расширять круг осваиваемых норм при переходе из класса в класс.

Таким образом, ставя задачу формирования, передачи норм мышления перед дистанционным образованием мы, во-первых, определяем его специфику по сравнению с массовой школой, во-вторых, мы нацелены на развитие фундаментального качества ученика – физическое мышление, в-третьих, ориентированы на развитие мотивации.

Примечания

1. Концепция развития дополнительного образования детей. URL: <http://government.ru/media/files/ipA1NW42XOA.pdf>

2. Каменецкий С. Е., Пурьшева Н. С. Теория и методика обучения физике в школе. Общие вопросы: учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений / под ред. С. Е. Каменецкого, Н. С. Пурьшевой. М.: Изд. центр «Академия», 2000; Заир-Бек С. И. Развитие критического мышления на уроке: пособие для учителя. М.: Просвещение, 2004.

3. Тихомиров О. К. Психология мышления: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Изд. центр «Академия», 2002; Формирование системного мышления в обучении: учеб. пособие для вузов / под ред. З. А. Решетовой. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2002; Дружинин В. Н. Психология общих способностей. СПб.: Питер, 1999.

4. Коханов К. А., Сауров Ю. А. Проблема задания и формирования современной культуры физического мышления: монография. Киров: Изд-во ЦДООШ: Тип. «Старая Вятка», 2013; Мултановский В. В. Развитие мышления учащихся в курсе физики. Киров, 1976; Разумовский В. Г. Развитие творческих способностей учащихся в процессе обучения физике. М.: Просвещение, 1975.

5. Возрастная и педагогическая психология: учеб. пособие для студ. пед. ин-тов / под ред. А. В. Петровского. М.: Просвещение, 1973.

6. Коханов К. А., Сауров Ю. А. Указ. соч.

Notes

1. Concept of development of additional education of children. Available at: <http://government.ru/media/files/ipA1NW42XOA.pdf> (in Russ.)

2. Kamenetskiy S. E., Puryshcheva N. S. *Teoriya i metodika obucheniya fizike v shkole. Obshhie voprosy* [The theory and technique of training in physics at school. General questions]: Manual for students of higher educational institutions / ed. S. E. Kamenetsky, N. S. Puryshcheva. Moscow. Publishing center "Akademiya". 2000. 368 p.; Zair-Bek S. I. *Razvitie kriticheskogo myshleniya na uroke: Posobie dlya uchitelya* [Development of critical thinking at a lesson: A grant for the teacher]. Moscow. Prosveshhenie, 2004.

3. Tikhomirov O. K. *Psikhologiya myshleniya* [Thinking psychology]: Manual for students of higher educational institutions. Moscow. Publishing center "Akademiya", 2002; *Formirovanie sistemnogo myshleniya v obuchenii: uchebnoe posobie dlya vuzov* [Formation of system thinking in training: the manual for higher education institutions] / ed. Z. A. Reshetova. Moscow. UNITY-DANA. 2002. Druzhinin V. N. *Psikhologiya obshhih sposobnostej*. [Psychology of the general abilities]. St. Petersburg. Piter Publ. 1999.

4. Kokhanov K. A., Saurov Yu. A. *Problema zadaniya i formirovaniya sovremennoj kul'tury fizicheskogo myshleniya: monografiya* [Problem of a task and formations of modern culture of physical thinking: monograph]. Kirov: TSDOOSH Publ.: Typography "Staraya Vyatka". 2013; Multanovskiy V. V. *Razvitie myshleniya uchashchixsya v kurse fiziki* [Development of thinking of pupils is aware of physics]. Kirov. 1976; Razumovskiy V. G. *Razvitie tvorcheskix sposobnostej uchashchixsya v processe obucheniya fizike* [Development of creative abilities of pupils in the course of training in physic]. Moscow. Prosveshhenie. 1975.

5. *Vozrastnaya i pedagogicheskaya psikhologiya* [Age and pedagogical psychology]: manual for students of ped. institutes / ed. A. V. Petrovsky. Moscow. Prosveshhenie, 1973.

6. Kokhanov K. A., Saurov Yu. A. Op. cit.

УДК 316.6-056.26

В. П. Кузьмина

Развитие эмпатии у младших школьников с ограниченными возможностями здоровья через оптимизацию детско-родительских отношений

В статье изложены результаты анализа научных работ отечественных и зарубежных исследователей по проблеме развития эмпатии в младшем школьном возрасте как продукта взаимопознания, взаимоприятия, как психологического явления, положительно оптимизирующего межличностные отношения и некоторые подходы к психолого-педагогическим рекомендациям, направленные на оптимизацию и усиление эмпатических тенденций в детско-родительских отношениях в семьях, имеющих детей младшего школьного возраста с ограниченными возможностями здоровья. Программа рекомендаций направлена на расширение знаний родителей и детей и организацию специальной деятельности, где возможно формирование эмпатии и эмпатических тенденций в организованных условиях.

The article presents the results of an analysis of scientific works of Russian and foreign researchers on the development of empathy in the early school years as a product of cognition, perception as a psychological phenomenon, optimizing positive interpersonal relationships and some approaches to psychological and pedagogical recommendations aimed at optimizing and enhancing empathic tendencies in parent-child rela-

tionships in families with school-age children with disabilities. The program recommendations aimed at enhancing the knowledge of parents and children, and the organization of special activities where possible formation of empathy and empathic tendencies in organized environments.

Ключевые слова: эмпатия, детско-родительские отношения, ограниченные возможности здоровья, интериоризация, экстериоризация.

Keywords: empathy, parent-child relationships, disabilities, interiorization, exteriorization.

Многочисленные исследования показывают, что успех в решении задач гуманизации и демократизации всех сторон жизни общества связан с перестройкой всей совокупности человеческих отношений, включая взаимосвязи взрослого и детского сообщества. Этот процесс происходит в сложных и противоречивых условиях отторжения прежних ценностей и утверждения новых, в том числе и в вопросах, касающихся развития эмоциональной настроенности, направленности на другого человека, готовности к взаимодействию с ним. Особую значимость в обозначенном контексте приобретает проблема включения в общество детей с ограниченными возможностями здоровья (далее ОВЗ).

Ключевая роль в этом процессе отводится эмпатии как продукту взаимоприятия, взаимопознания, как психологического явления, положительно оптимизирующего взаимодействие с людьми лиц с ОВЗ.

Эмпатия занимает одно из главных мест внутри социальных эмоций и является «ядерным» образованием личности, играя важнейшую роль в жизни человека.

Психологические традиции изучения эмпатии первоначально были заложены в трудах по философии и этике, что во многом обусловило научные подходы к теоретическому осмыслению явления. Многие исследователи (А. А. Бодалев, Т. П. Гаврилова, Л. Н. Джерназян, Л. П. Стрелкова, А. Г. Ковалёв, К. Роджерс, С. Б. Борисенко, М. Хоффман и другие) [1] связывают разработку проблемы эмпатии с нравственными и эстетическими чувствами. Ряд психологов указывает на то, что эмпатия является важнейшей детерминантой человеческих отношений (Е. Н. Васильева, Л. П. Выговская, О. И. Цветкова, В. П. Кузьмина и другие) [2].

Это положение актуально в связи с проблемой принятия детей с ОВЗ сверстниками, их родителями, учителями, что особенно важно в самом начале школьного обучения, кроме того, проблема приобретает особый смысл в свете усвоения ребенком духовных и нравственных ценностей, которые по законам интериоризации-экстериоризации трансформируются в свойства личности и проявляются в отношениях с другими людьми (Б. Г. Ананьев, Л. С. Выготский, В. Н. Мясищев, С. Л. Рубинштейн и другие) [3]. В связи с этим эмпатия выступает в качестве механизма установления взаимоотношений, являющихся, по определению В. Н. Мясищева, субъективной стороной взаимодействия. Специфика эмпатии состоит в том, что она проявляет отношение человека к другому человеку [4].

Ребенку не даны в готовом виде от рождения чувства, эмоциональная зрелость, способность к альтруизму, гуманизму и к эмпатии.

Процесс их интериоризации всегда обусловлен индивидуальным опытом личности. Экстериоризируются же обозначенные проявления посредством общения ребенка с близкими взрослыми и сверстниками.

Дети с ОВЗ в ситуациях общения часто наталкиваются на негативное отношение к ним со стороны как первых, так и вторых.

Необходимо отметить, что общение ребёнка со взрослыми и сверстниками имеет единую природу, но с родителями генетически оно возникает раньше и является как бы каналом, посредством которого оказывается влияние не только на развитие личности ребенка, но и на становление его сферы отношений с другими людьми, кроме того, эмпатия в младшем школьном возрасте во многом созвучна характеру детско-родительских отношений, проявляющихся в семье.

Научные основы для разработки проблемы отношений заложены в фундаментальных исследованиях психологами Л. С. Выготским, В. Н. Мясищевым, Н. Н. Обозовым, С. Л. Рубинштейном, К. К. Платоновым и продолжены в различных контекстах другими исследователями. В ряде исследований раскрыты вопросы развития детско-родительских отношений, выявлено их влияние на развитие личности, проанализированы данные о нарушениях отношений между детьми и родителями и их последствия [5].

Однако в психологических исследованиях остается неразработанной проблема влияния детско-родительских отношений на формирование эмпатии у детей младшего школьного возраста с ограниченными возможностями здоровья и нормой психического развития.

В семье ребенок получает первые уроки эмоционального опыта через взаимодействие с близкими взрослыми. Дети с ОВЗ нуждаются в более значимом и весомом участии со стороны родителей, направленном на компенсацию дефекта [6].

Вместе с тем родители, имеющие детей с ОВЗ, сталкиваются с трудностями при выборе средств воздействий на них и сами испытывают значительные психологические проблемы, обусловленные рождением ребенка с нарушениями в развитии [7].

Данное положение определило проблему нашего исследования, которое заключается в определении оптимальных условий для развития эмпатийных взаимоотношений младших школьников со сверстниками через формирование эмпатийных детско-родительских отношений в семье.

При разработке программы, направленной на оптимизацию детско-родительских отношений и усиление в них эмпатических тенденций, мы основывались на предположении о том, что эмпатия как личностная характеристика формируется у младшего школьника в зависимости от особенностей детско-родительских отношений в семье. Кроме того, мы ориентировались на положение, разработанное исследователем Е. Н. Васильевой, о том, что существуют определенные условия, педагогические приемы и методы, способствующие эффективному формированию эмпатии у детей [8].

Программа была нацелена как на расширение знаний родителей и детей, так и на организацию определенной деятельности, где возможно формирование тех или иных умений и навыков, которые строились с учетом ряда положений:

1. Ориентация не только на актуальный уровень развития ребенка, но и на его «зону ближайшего развития», которая предполагает углубленную парадигму развития.

2. Принцип активности, при котором участники программы отталкиваются от себя, своих потребностей и интересов в отборе предлагаемого коррекционно-развивающего материала.

3. Принцип включенности родителей и детей в различные совместные и возрастные формы деятельности.

4. Принцип сонастроенности на положительный совместный результат.

В целом мы исходили из принципа гуманизации всей совокупности отношений между взрослым и ребенком.

Основные направления в работе

1. Просвещение, которое заключалось в сообщении знаний о возрастных и психологических особенностях личности детей, в формировании представлений о динамике их развития в онтогенезе, возможных отношениях в развитии и поведении, в общении.

2. Практическая работа, состоящая в привлечении родителей и детей к участию в различных видах психологического тренинга, развивающего эмпатические отношения посредством включения в ситуацию, которая требует понимания и принятия другого человека.

Таким образом, цель первого направления заключалась в повышении психолого-педагогической компетенции родителей, обогащении у них знаний о психическом развитии ребенка.

Цель второго направления состояла в формировании адекватного поведения в отношениях между родителями и детьми в семье, а также формировании у детей положительной направленности на других людей.

При реализации первого направления решаются следующие задачи:

1) обогащение родителей знаниями об особенностях психического и возрастного развития младших школьников;

2) формирование понимания у родителей исключительной значимости в развитии личности ребенка эмоциональной сферы, в частности эмпатических отношений.

В этой части программы принимали участие родители. Мы учитывали мнение А. В. Петровского о том, что активность человека, в том числе и ребенка, побуждается как интуитивными способами познания, так и когнитивными [9]. Мы рассчитывали, что привлечение испытуемых к новому познанию создает условия для активизации взаимодействия, перестроенного под влиянием новой информации.

Основная форма занятий с родителями – родительское собрание.

Мы также полагаем, что знание особенностей эмпатических отношений может являться своего рода мотивом развития эмпатических тенденций в семейном взаимодействии.

Кроме того, мы предполагали вызвать родителей на обсуждение изложенного материала и ориентировали их на соотнесение полученных знаний с реальной действительностью.

Как было отмечено выше, второе направление работы включало психологический тренинг, развивающий отношения и формирующий в них эмпатические тенденции.

При построении этой части психолого-педагогических рекомендаций мы исходили из положения о том, что эмпатия первична по отношению к поведению и посредством интериоризации и последующей экстериоризации «вбирается» личностью в себя, а затем направляется на других людей. В связи с этим программа включала в себя упражнения, направленные на развитие у родителей и детей умения пользоваться приобретенными знаниями при организации своей жизни и деятельности.

Исходя из этого подхода мы сформировали задачи второго направления:

- 1) использовать различные приемы по оптимизации детско-родительских отношений в семье;
- 2) развивать умение выражать свои чувства как отношение;
- 3) вырабатывать стремление к пониманию чувств ребенка и принятия его внутреннего мира;
- 4) развивать у детей направленность на других людей и восприятие их и переживаний с целью оказания реального содействия.

Второе направление рекомендаций связано с использованием разнообразных по содержанию игр, выполняющих психокоррекционные функции. Использование игры как психологического средства коррекции основывается на теоретических разработках ряда авторов (Л. С. Выготский, Д. Б. Эльконин, З. Фрейд, А. Фрейд, М. Клейн и др.) [10]. Большинство исследователей, занимающихся изучением игры, отмечают ее многофункциональность: под этим понятием подразумевается и явление, описывающее много понятий.

Органическую связь между игрой и детством отмечал З. Фрейд. Исследователь писал, что детство с душевными травмами и игра есть единственное средство овладения переживаниями, которые они несут [11].

Л. С. Выготский отмечал, что «с точки зрения аффективной сферы игра создается при такой ситуации развития, когда появляются нереализованные тенденции» [12].

Итак, игра может быть специально заданным инструментом при формировании эмпатии и детско-родительских отношений.

Анализ работ этих и других авторов позволяет сказать, что психологическая коррекция посредством игры есть способ изменений в структуре личностных показателей. Коррекционные методы в психологической практике обозначаются рядом понятий: игровая психодрама (Морено, 1946), психогимнастика (М. И. Чистякова, 1990).

Игры, включенные нами в психокоррекционное направление, взяты из работ известных авторов (А. И. Захаров, А. С. Спиваковская, М. И. Чистякова, К. Рудестам, Г. С. Абрамова, Р. В. Овчарова) [13]. Они, в основном, ориентированы на эмоциональную сферу личности, «вхождение» во внутреннее эмоциональное состояние объекта, сопереживание ему. Наши наблюдения показали, что игры, направленные на формирование эмпатических отношений, являются продуктивной формой работы с родителями и детьми. Подобные стратегии оказались распространенными в психолого-педагогических коррекционных программах.

В результате реализации программы мы прогнозировали следующее:

1. Игровые сюжеты будут приняты всеми участниками.
2. Все участники проявят активные позиции в отражении предложенных ситуаций, что будет способствовать пониманию цели и содержания игры.

Процедура игр:

- в игре принимают участие все испытуемые, согласно заданию;
- по условиям игр все испытуемые могут свободно общаться и взаимодействовать;
- каждая игра имеет свою инструкцию и цель;
- каждая игра должна завершаться обсуждением ее результатов.

Время занятий 30–40 минут.

Итак, в программе решается ее основная цель: коррекция неэффективного родительского отношения к детям, гуманизация отношений в системе «родитель – ребенок», форми-

рование у младших школьников устойчивого эмпатического отреагирования на родителей и других людей.

В целях прослеживания результативности психолого-педагогических рекомендаций мы провели несколько занятий, где использовали наши рекомендации второго направления, то есть игры, включающие сюжетные задания-упражнения.

В завершение игр-упражнений детям предлагалось высказаться по ним. Результативность проведенных игр определялась наличием положительной эмоциональной окраски в высказываниях детей, уточнением вложенного в них смысла.

Примечания

1. Кузьмина В. П. Эмпатия в детско-родительских отношениях: теория и условия оптимизации в семье. Киров: Изд-во ВятГГУ, 2011. С. 101.
2. Кузьмина В. П. Эмпатия как психологический ресурс адаптации детей с нарушенным развитием к инклюзии // Проблемы сопровождения детей и подростков с особыми образовательными потребностями: психолого-педагогический, социальный и медицинский аспекты: материалы II междунар. науч.-практ. конф. 29–30 марта 2012 г. Киров: Изд-во ВятГГУ, 2012. С. 31–36.
3. Гаврилова Т. П. Понятие эмпатии в зарубежной психологии // Вопросы психологии. 1975. № 2. С. 147–158.
4. Кузьмина В. П. Эмпатия в детско-родительских отношениях...
5. Кузьмина В. П. Эмпатия в детско-родительских отношениях...; Сорокоумова С. Н. Проявление эмпатии к сверстнику старших дошкольников // Ананьевские чтения – 2004: материалы науч.-практ. конф. СПб.: СПбГУ, 2004. С. 439–440.
6. Там же.
7. Вачков И. В. Модель формирования позитивного отношения к младшим школьникам с ограниченными возможностями здоровья у их сверстников // Психологическая наука и образование. 2011. № 3. С. 59.
8. Васильева Е. Н. Формирование эмоционального отношения к близким взрослым у старших дошкольников с ЗПР в зависимости от характера отношений в семье // Шестилетние дети. Проблемы исследования. Н. Новгород, 1993. С. 98–109.
9. Петровский А. В., Туревский М. А. Действенная групповая эмоциональная идентификация // Психологическая теория коллектива. М.: Просвещение, 1979. С. 74–79.
10. Кузьмина В. П. Эмпатия в детско-родительских отношениях...
11. Фрейд З. Психоаналитические этюды. Минск: «Беларусь», 1991.
12. Выготский Л. С. Проблемы общей психологии // Собр. соч.: в 6 т. М., 1982. Т. 2, 4.
13. Кузьмина В. П. Эмпатия в детско-родительских отношениях...

Notes

1. Kuzmina V.P. *EHmpatiya v detsko roditel'skih otnosheniyah: teoriya i usloviya optimizacii v sem'e* [Empathy in children-parent relationships: theory and conditions for optimization in the family]. Kirov. VyatSHU Publ. 2011. P. 101.
2. Kuzmina V.P. *EHmpatiya kak psihologicheskij resurs adaptacii detej s narushennym razvitiem k inklyuzii* [Empathy as a psychological resource of adaptation of children with impaired development of inclusion] // *Problemy soprovozhdeniya detej i podrostkov s osobymi obrazovatel'nymi potrebnostyami: psihologo pedagogicheskij, social'nyj i medicinskij aspekty* - Problems of support of children and young people with special educational needs: psychological-pedagogical, social and medical aspects: proceedings of the II International scient.-practical conf. 29-30 March 2012. Kirov. VyatSHU Publ. 2012. Pp. 31-36.
3. Gavrilova T.P. *Ponyatie ehmpatii v zarubezhnoj psihologii* [Concept of empathy in foreign psychology] // *Voprosy psihologii* - Questions of psychology. 1975, No. 2, pp. 147-158.
4. Kuzmina V.P. *EHmpatiya v detsko roditel'skih otnosheniyah...* [Empathy in children-parent relationships...]
5. Kuzmina V.P. *EHmpatiya v detsko roditel'skih otnosheniyah...* [Empathy in children-parent relationships...]; Sorokoumova S. N. *Proyavlenie ehmpatii k sverstniku starshih doshkol'nikov* [The manifestation of empathy to peer of older preschoolers] // *Anan'evskie chteniya – 2004: materialy nauch. prakt. konf* - Ananiyev readings - 2004: proceedings of the scientific-practical conf. SPb. St. Petersburg State University. 2004. Pp. 439-440.
6. Ibid.
7. Vachkov I.V. *Model' formirovaniya pozitivnogo otnosheniya k mladshim shkol'nikam s ogranichennymi vozmozhnostyami zdorov'ya u ih sverstnikov* [The model of formation of positive attitude towards younger pupils with disabilities from their peers] // *Psihologicheskaya nauka i obrazovanie* - Psychological science and education. 2011, No. 3, p. 59.
8. Vasilieva E. N. *Formirovanie ehmocional'nogo otnosheniya k blizkim vzroslym u starshih doshkol'nikov s ZPR v zavisimosti ot haraktera otnoshenij v sem'e* [Formation of an emotional relationship to close adults of

elder preschoolers with mental retardation depending on the nature of the relations in the family] // *SHestiletnie deti. Problemy issledovaniya* - Six-year-old children. Problems of research. N. Novgorod. 1993. Pp. 98-109.

9. Petrovsky A. V., Turevskiy M. A. *Dejstvennaya gruppovaya ehmocional'naya identifikaciya* [Effective group emotional identification] // *Psihologicheskaya teoriya kollektiva* - Psychological theory of the team. Moscow. Prosveschenie. 1979. Pp. 74-79.

10. Kuzmina V.P. *EHmpatiya v detsko roditel'skih otnosheniyah...* [Empathy in children-parent relationships...]

11. Freud Z. *Psihoanaliticheskie ehtyudy* [Psychoanalytic studies]. Minsk. "Belarus". 1991.

12. Vygotsky L. S. *Problemy obshchej psihologii* [Problems of General psychology] // Proc. art.: in 6 vols. Moscow. 1982. Vol. 2, 4.

13. Kuzmina V.P. *EHmpatiya v detsko roditel'skih otnosheniyah...* [Empathy in children-parent relationships...]

УДК 812

Т. Н. Матанцева

Личностная саморегуляция как фактор саморазвития подростков с задержкой психического развития

В статье представлен анализ специфики становления личностной саморегуляции подростков с задержанным психическим с 11 до 16 лет. Личностная саморегуляция рассматривается как фактор саморазвития данной категории подростков. Даются рекомендации по оптимизации становления личностной саморегуляции в образовательном процессе.

The article presents the analysis of the specificity of formation of the personality self-regulation of adolescents with detainees with mental 11 to 16 years. Personal self-regulation is considered as a factor in the development of this category of adolescents. Recommendations for optimizing the development of personal self-regulation in the educational process.

Ключевые слова: личностная саморегуляция, задержка психического развития, онтогенез, дизонтогенез, внутренняя активность, личностная рефлексия, ценностные ориентации, возрастной кризис развития, сензитивный период, общевозрастные особенности, специфика в развитии.

Keywords: personal self-regulation, a delay of mental development, ontogeny, disontogeny, internal activity, age peculiarities, personal reflection, value orientation, age crisis development, sensitive period, particular, the specifics of the development.

Понятие «личностная саморегуляция» связано со способностью личности регулировать свою активность: эмоции, чувства, поведение, общение. Личностная саморегуляция проявляется в активно-действенном отношении личности к себе и другим, в нравственных и социальных установках. В целом, «данное понятие отражает параметры социального поведения и межличностных отношений, обеспечивающие преобразование деятельности и общения» [1]. В отечественной психологии адекватно сформированная саморегуляция представляется одним из факторов развития личности, который ведет к самодетерминации и самореализации человека в жизни.

Структурными компонентами личностной саморегуляции являются личностные образования, участвующие в регуляции, в первую очередь ценностные ориентации, активность и рефлексия [2]. Каждый структурный компонент в целостном процессе регуляции выполняет свою роль. Ценностные ориентации указывают на значимые для личности социальные ценности. Активность выполняет функцию реализации значимого как во внешнем, так и во внутреннем мире и включает в себя все виды и формы реализации активности: труд, учёбу, общение, поведение. Внутренняя активность находит свое выражение в самопознании и саморегуляции. Рефлексия осуществляет контроль за правильностью выбранных форм и ви-

дов активности, а также осуществляет обратную связь, обращая психическую активность на себя. В результате происходит переоценка и переосмысление активности, изменение ценностно-смысловых образований. Благодаря обратной связи идет приобретение внутреннего регуляторного опыта.

Процесс формирования личности подростка проявляется «в увеличении роли внутренних факторов и совершенствовании механизмов личностной саморегуляции», при этом эффективность личностного становления подростков с отклонениями в развитии, особенно в современных образовательных условиях, во многом зависит от пробуждения стимулов к развитию, квалифицированной помощи специалистов и оптимизации условий развития [3].

Собранный нами экспериментальный материал и его анализ позволили выявить специфические особенности в становлении личностной саморегуляции подростков с задержанным психическим развитием от 11 до 16 лет [4].

Мы пришли к выводу, что на протяжении подросткового возраста происходят динамические прогрессивные изменения всех структурных компонентов личностной саморегуляции: внутренней активности, базовых ценностей и рефлексии, что свидетельствует о качественных сдвигах в её развитии и повышающихся возможностях подростков в плане регуляции. Это обеспечивает к старшему подростковому возрасту смещение регуляции вовнутрь и позволяет считать подростковый возраст сензитивным к её развитию. Благодаря личностному регулированию в подростковый период закладываются основы социально-нравственного поведения, формируется общая направленность нравственных представлений и установок, обеспечивается становление нравственной активности и в целом социального развития подростка, что обуславливает поступательное развитие его как личности [5]. Развитие личностной саморегуляции не ограничивается подростковым возрастом, так как в систему регуляции недостаточно интегрированы важные составляющие: уверенность в себе, саморукводство и ценность-Я, кроме того, значительного усложнения структурных компонентов личностной саморегуляции к окончанию подросткового онтогенеза не происходит, что отражает дальнейшие возможности развития данной функции в юношеском возрасте.

Становление личностной саморегуляции носит процессуальный характер, динамика развития её показателей указывает на связь с этапами подросткового онтогенеза. В соответствии с точкой зрения К. Н. Поливановой, в развитии личностной саморегуляции можно выделить стабильный период (11–12 лет) и кризисный период (13–16 лет), что соответствует хронологии подросткового возраста [6].

Стабильный период совпадает с младшим подростковым возрастом. Личностная саморегуляция характеризуется ведущими показателями активности: открытостью младших подростков во взаимоотношениях с самим собой, мотивацией социального одобрения в регуляции поведения, при этом у части подростков уже доминирует ориентация на себя. Но младшие подростки не ощущают себя уверенными, самостоятельными и волевыми, следовательно, ещё не могут осуществлять саморукводство и саморегуляцию в полном объёме, они во многом зависят от средовых влияний. Несмотря на достаточно развитые базовые ценности и рефлексии, у младших подростков преобладают внешние регуляторы поведения. В нравственных представлениях младших подростков звучит зависимость от взрослых, а ответственность в этом возрасте ещё не является смыслообразующей ценностью, хотя уже включена в структуру регуляции.

Анализ своеобразия личностной саморегуляции подростков в кризисный период обнаруживает следующие характеристики. Прогрессивное развитие временно приостанавливается, доминируют противоречия: нежелание раскрывать себя сочетается с повышением уверенности в себе, способность к самоконтролю сочетается со склонностью подчиняться средовым влияниям; в отношениях с самим собой, в саморукводстве, в отражённом самоотношении выражена избирательность. Ценность ответственности не приводит к ответственному поведению, а усложняющиеся нравственные представления не являются значимыми регуляторами.

Развитие совершает больше разрушительную, чем созидательную работу: повышается закрытость подростков, причины трудностей, заключающиеся в самом подростке, отрицаются, переживание «Я» сопровождается внутренним напряжением, ожидаются негативные чувства от окружающих по отношению к себе. Но к концу кризисного периода, к 15–16 годам, подростки изменяются, появляются новообразования: личность становится источником ак-

тивности, проявляется сила «Я», возрастают регулирующие возможности «Я», формируется внутренний стержень личности, ответственность становится ведущей ценностью, свидетельствующей о социальной зрелости старших подростков, совершенствуется личностная рефлексия. Ведущими механизмами регуляции становятся рефлексия и ценностные ориентации.

Таким образом, кульминационной точкой в формировании личностной саморегуляции подростков является возраст 15–16 лет, в этом возрасте происходит качественный сдвиг в её развитии, связанный с формированием возрастных новообразований. Центр тяжести регуляции смещается извне вовнутрь. Личность подростка на основе внутренней активности становится способной регулировать свою внешнюю активность.

Проанализированные нами особенности и тенденции развития личностной саморегуляции являются показателем психологического взросления подростков с задержанным психическим развитием. Тесная взаимосвязь личностной саморегуляции с этапами подросткового онтогенеза доказывает, что данный возраст сензитивен к её развитию. Подростки с ЗПР внутренне изменяются, выходя на качественно новый личностный уровень. Положительно то, что к 15–16 годам по ряду структурных компонентов личностной саморегуляции подростки с ЗПР выравниваются относительно нормы, это свидетельствует о достаточных возможностях подростков в плане личностного регулирования.

Высказанные соображения служат для нас отправной точкой для рассмотрения проблем саморазвития подростков с задержкой психического развития в процессе образования.

В парадигме современного образования XXI в. всё большую роль играет личностно-ориентированное образование, оно рассматривает механизмы личностного регулирования и развития – рефлексия, смыслотворчество, избирательность, ответственность, автономность и др. – как самоцель образования, достижению которой, в конечном счете, подчинены его содержательные и процессуальные компоненты. Эффективность усвоения при этом собственно предметного содержания возрастает благодаря тому что это содержание обретает качественно новый личностный смысл, выступает как содержание и среда становления личностного опыта ученика.

С целью оптимизации становления личностной саморегуляции у подростков с задержкой психического развития в образовательном процессе необходимо учитывать следующие положения:

1. ЗПР затрагивает всю психическую сферу ребёнка и, по существу, является системным дефектом. Поэтому процесс формирования личностной саморегуляции должен выстраиваться с позиций системного подхода. С дошкольного возраста необходимо формировать полноценный базис для становления личностных структур, участвующих в регуляции. Для этого важно обеспечивать специальные психолого-педагогические условия для их формирования в дошкольном и младшем школьном возрасте:

– в дошкольном возрасте – развитие познавательной активности, формирование всех видов детской деятельности; повышение самостоятельности и автономности ребёнка, развитие личной позиции; привитие нравственных ориентиров в деятельности и поведении; воспитание положительных личностных качеств;

– в младшем школьном возрасте – формирование общей способности к учению, самоконтроль в учебной деятельности; умение анализировать свою активность; закреплять осознание социальной роли школьника;

– формирование предпосылок к становлению личностной саморегуляции должно осуществляться параллельно с развитием когнитивных способностей детей с ЗПР, так как они напрямую связаны с уровнем интеллектуального развития.

Эффективность реализации данных условий будет зависеть от аналитико-диагностической и контрольно-оценочной составляющей педагогического процесса и пронизывать все направления педагогической деятельности.

2. Развитие личностной саморегуляции детей и подростков с ЗПР должно строиться по принципу «замещающего онтогенеза», суть которого в доформировании каждой психической функции, участвующей в регуляции с учётом их взаимодействия и взаимовлияния, прежде всего рефлексии и всех видов активности.

Данные задачи эффективно решать как на каждом образовательном занятии, так и на специальных и индивидуальных занятиях. Кроме того, коррекционно-развивающие задачи,

направленные на развитие личностной саморегуляции, могут планироваться и осуществляться в свободной или специально спроектированной деятельности, а также в режимных моментах.

3. Формирование личностной саморегуляции подростков должно идти поэтапно с учетом возрастных возможностей и зоны ближайшего развития:

– На этапе младшего подросткового возраста уделять внимание развитию показателям внутренней активности, так как они составляют регуляторный механизм поведения подростков в 11–12 лет. Когнитивный компонент активности личности следует направлять на создание позитивного образа индивидуальных качеств, способностей, внешности и социальной значимости подростка. Эмоциональный компонент – на формирование самоуважения. Оценочно-волевой – на повышение самооценки, авторитетности и саморуководства. Мотивационный компонент направлять на осознанный выбор линии поведения и ответственности за него. Поведенческий компонент определяется внешней стороной активности.

Процесс формирования активности подростков с ЗПР неоднороден на разных возрастных этапах, но основной путь развития – это участие в общественно полезной деятельности с последующей рефлексией, анализом себя, умений, способностей, а также регулярные и систематические, индивидуальные и групповые занятия-тренинги с психологом «Познай себя», направленные не только на преодоление закрытости, но и на позитивное самовосприятие:

– в 13–14 лет на основе предпосылок к абстрактно-логическому мышлению следует уделять внимание развитию рефлексивных способностей подростков, а также критичности к себе и окружающим. Уроки нравственности для подростков с ЗПР позволят активизировать развитие нравственных представлений, нравственного самосознания и поведения и послужат базой для профилактики девиантного поведения;

– на каждом возрастном этапе основой регуляции являются ценностные ориентации. Включение подростка в социальные процессы во многом определяется информационным полем, в котором он находится, поэтому успех формирования ценностных ориентаций зависит от того, в какой степени формируемые ценности утвердились в системе отношений конкретного образовательного учреждения, присутствуют ли они реально в поведении педагогов, в характере осуществляемой деятельности. Образовательная среда должна соответствовать декларируемым и реально действующим ценностям. От этого зависит эффективность воспитательного процесса в школе. При этом необходимо учитывать факторы социального окружения подростка, семью и личные усилия подростка.

В развитии ценностных ориентаций необходимо обращать внимание на формирование базовых, смыслообразующих ценностей подросткового возраста:

– внутренним стимулом для подростков с ЗПР является ценность познания. Познавать значит обретать собственный внутренний опыт. Необходимо, чтобы у подростков была возможность успешно действовать в образовательной среде, что создаст в познавательном процессе устойчивый положительный эмоциональный фон, укрепит внутреннюю мотивацию обучения и желание образовывать себя. Важно, чтобы создавались педагогические условия, при которых подросток чувствует себя первооткрывателем знания, обнаруживает новое в знакомой информации, вовлекается в эксперимент, эмоционально переживает процесс познания: радость, удивление, интерес. Подросток должен быть субъектом познавательного поиска.

Формируя ценность познания, следует учитывать психологические особенности подростков с ЗПР, прежде всего избирательное отношение к познавательной деятельности и зависимость от эмоционального аспекта процесса познания. Поэтому учёба должна эмоционально приниматься подростком, вызывать интерес и положительные эмоции, а конкретные знания – быть осмысленными и востребованными деятельностью. В учебной деятельности следует поощрять инициативу и самостоятельность;

– особое внимание необходимо уделять становлению ценности-Я. Развитие ценностного отношения к себе ориентирует на самоактуализацию, активизацию возможностей организма, самостоятельность и личностный рост. Я-ценность обретается посредством формирования позитивного отношения к себе, целостного восприятия себе как индивидуальности, положительной Я-концепции. В образовательном учреждении должны быть созданы условия для познания учащимися собственного Я, своих индивидуальных характеристик; развития потребности в признании; возникновения интереса к своей жизни и стремления преобразовывать себя, выражать себя; развития потребности воплотить в жизнь свой личностный потенциал.

Ценность-Я эффективно развивать через включение подростков с ЗПР в спортивно-соревновательную, творческую, интеллектуальную деятельность в соответствии с индивидуальными способностями в форме коллективных общешкольных мероприятий, классных вечеров, клубной деятельности;

– у подростков с ЗПР выражена ценность Другого, которая важна для принятия окружающих, но в условиях задержанного развития она является несовершенным механизмом саморегуляции, мешая развитию регулирующих возможностей «Я». Поэтому в ценности другого надо развивать критичность и одновременно следует создавать условия для осознания значимости другого человека, принятия его индивидуальности и осознания причастности к поступкам окружающих для взаимопонимания в межличностном взаимодействии. Действенным фактором совершенствования ценности другого является «Школа общения», проводимая психологом в форме социально-психологического тренинга;

– общественно полезная деятельность является значимой для подростков с ЗПР. Стимулирование социальной активности возможно через различные формы социально значимой деятельности и целенаправленное участие подростков в доступном преобразовании окружающего мира;

– наиболее проблемной у подростков с ЗПР является ценность ответственности. Её можно развивать через включение подростка в сложную систему разнообразных отношений, коллективной зависимости в какой-либо совместной деятельности. Условием воспитания ответственных форм поведения, по Л. И. Божович, является продуманная организация поведения подростков, обеспечение тех мотивов, при которых ответственное поведение становится фактом, поскольку ответственность важна не только перед другими, но и перед собой [7]. Необходимо обучать подростков способам организации поведения. Целенаправленное формирование ответственного поведения предполагает профилактику и преодоление социального инфантилизма, это предполагает выработку ряда важных способностей: принимать решения и оценивать их последствия, критически мыслить, самовыражаться приемлемыми способами, осознанно делать выбор и взвешивать свои возможности. Ответственность – это главная составляющая социальной зрелости, необходимо поощрять самостоятельность и поддерживать инициативу. Педагогические усилия должны быть направлены на переориентацию подростков с экстернального на интернальный контроль через развитие рефлексивных способностей;

– в старшем подростковом возрасте работу по развитию структур, участвующих в саморегуляции, следует продолжить, но на более сложном уровне жизненного самоопределения, целеполагания, проектирования будущего и формирования осознанных мировоззренческих установок.

4. Составной частью формирования личностной саморегуляции подростков с ЗПР должна стать профилактика вредных привычек и зависимостей: курения, токсикомании, нецензурной лексики, грубости, пивного алкоголизма. Они ослабляют личность подростка, приводя к становлению неадаптивных регуляторных механизмов и, как следствие, к девиантному поведению.

Можно сделать вывод, что развитие потребности в личностном регулировании представляет процесс качественных изменений мотивационно-ценностных структур, усложнения их системного взаимодействия и, как следствие, механизмов саморазвития. В процессе взросления происходит изменение структуры, компонентов и функциональных возможностей саморазвития личности подростка путем реализации на каждой новой возрастной стадии задач внешней и внутренней активности, ценностно-смысловых ориентаций, рефлексивных способностей. Обозначенные нами средства активности могут быть использованы для стимуляции саморазвития в подростковом возрасте.

Примечания

1. Конопкин О. А. Психологические механизмы регуляции деятельности. М., 1980. С. 110.
2. Миславский Ю. А. Саморегуляция и активность личности в юношеском возрасте. М.: Педагогика, 1991. С. 54.
3. Божович Л. И. Личность и её формирование в детском возрасте. М.: Просвещение, 1968. С. 324.
4. Матанцева Т. Н., Смирнова С. И. Психология саморегуляции и самооценки подростков с задержкой психического развития. Киров: Изд-во ВятГУ, 2010. С. 163.
5. Матанцева Т. Н. Возрастные и специфические особенности личностной саморегуляции подростков с задержкой психического развития // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2012. № 1(1). С. 162–166.

6. Поливанова К. Н. Психология возрастных кризисов. М.: Изд. центр «Академия», 2000. С. 32.

7. Божович Л. И. Указ. соч.

Notes

1. Konopkin O. A. *Psichologicheskie mekhanizmy regulyacii deyatel'nosti* [Psychological mechanisms of regulation of activity]. Moscow. 1980. P. 110.

2. Mislavskiy Y. A. *Samoregulyaciya i aktivnost' lichnosti v yunosheskom vozraste* [Self-regulation and activity of personality in adolescence]. Moscow. Pedagogika. 1991. P. 54.

3. Bozhovich L. I. *Lichnost' i eyo formirovanie v detskom vozraste* [Identity and its formation in childhood]. Moscow. Prosveschenie. 1968. P. 324.

4. Matantseva T.N., Smirnova S. I. . *Psihologiya samoregulyacii i samoocenki podrostkov s zaderzhkoj psicheskogo razvitiya* [Psychology of self-regulation and self-esteem of adolescents with mental retardation]. Kirov. VyatSHU Publ. 2010. P. 163.

5. Matantseva T. N. *Vozrastnye i specificheskie osobennosti lichnostnoj samoregulyacii podrostkov s zaderzhkoj psicheskogo razvitiya* [Age and specific features of personal self-regulation of adolescents with mental retardation] // Herald of the Vyatka State University of Humanities. 2012, No. 1(1), pp. 162-166.

6. Polivanova K. N. *Psihologiya vozrastnyh krizisov* [Psychology of age crises]. Moscow. Publ. center "Academiya". 2000. P. 32.

7. Bozhovich L. I. Op. cit.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АВЕРЬЯНОВА Анастасия Валерьевна – студентка II курса магистратуры факультета гуманитарных наук НГПУ им. К. Минина. 603950, г. Нижний Новгород, ул. Ульянова, д. 1.
E-mail: slastia_91@mail.ru

АЛИКИН Виктор Анатольевич – кандидат философских наук, доцент по кафедре менеджмента Новочеркасской инженерно-мелиоративной академии Донского государственного аграрного университета. 346428, Ростовская область, г. Новочеркасск, ул. Пушкинская, д. 111.
E-mail: ludosopher@yandex.ru

БАЖИН Константин Сергеевич – кандидат педагогических наук, доцент по кафедре практической психологии ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.
E-mail: pedfak@vshu.kirov.ru

БОГАТКИНА Мария Сергеевна – преподаватель кафедры общего и стратегического менеджмента Национального исследовательского университета Высшей школы экономики. 101000, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20.
E-mail: mbogatkina@hse.ru

БЫХОВСКАЯ Ирина Марковна – доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой культурологии, социокультурной антропологии и социальных коммуникаций Российского государственного университета физической культуры, спорта, молодежи и туризма (РГУФКСМиТ) (Москва). 105122, г. Москва, Сиреневый бульвар, д. 4.
E-mail: bykirina@gmail.com

ВОЛОКИТИНА Надежда Александровна – кандидат культурологии, доцент по кафедре культурологии и педагогической антропологии Сыктывкарского государственного университета. 167031, г. Сыктывкар, Октябрьский просп., д. 55.
E-mail: anjis@rambler.ru

ГВОЗДЕВА Екатерина Владимировна – кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.
E-mail: kaf_gpd@vshu.kirov.ru

ДЕМИДОВА Марина Владимировна – кандидат философских наук, доцент по кафедре философии Поволжского института управления имени П. А. Столыпина – филиала РАНХ и ГС при Президенте РФ, г. Саратов. 410031, г. Саратов, ул. Соборная, д. 23/25.
E-mail: demidovamv@rambler.ru

ДОМРАЧЕВ Дмитрий Гарриевич – кандидат юридических наук, зав. кафедрой государственно-правовых дисциплин ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.
E-mail: kaf_gpd@vshu.kirov.ru

ДУДОЛАДОВА Мария Михайловна – преподаватель кафедры культурологии Пермской государственной академии искусства и культуры. 614000, г. Пермь, ул. Газеты «Звезда», д. 18.
E-mail: mari-marchi@rambler.ru

ЗДОРОВЕНКО Марина Юрьевна – кандидат физико-математических наук, доцент по кафедре прикладной математики и информатики Вятского государственного университета. 610000, г. Киров, ул. Московская, д. 29.
E-mail: zdorovenko.s@mail.ru

ЗЕЛЕНИНА Наталья Алексеевна – кандидат педагогических наук, доцент по кафедре фундаментальной и компьютерной математики ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: sezel@mail.ru

ЗОЛотоВА Татьяна Аркадьевна – доктор филологических наук, зав. кафедрой русской и зарубежной литературы Марийского государственного университета. 424000, г. Йошкар-Ола, пл. Ленина, д. 1.

E-mail: zolotova_tatiana@mail.ru

ИВАНОВ Фёдор Николаевич – кандидат исторических наук, доцент по кафедре истории России и зарубежных стран Сыктывкарского государственного университета. 167031, г. Сыктывкар, Октябрьский просп., д. 55.

E-mail: fedor-ivanoff@mail.ru

КАЛАШНИКОВА Елена Михайловна – доктор философских наук, профессор по кафедре философии и общественных наук Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. 614990, г. Пермь, ул. Сибирская, д. 24.

E-mail: krauze@pspu.ru

КОЗЛОВ Евгений Васильевич – преподаватель муниципального бюджетного общеобразовательного учреждения «Средняя общеобразовательная школа с углублённым изучением отдельных предметов № 62 имени А. Я. Опарина» города Кирова (МБОУ СОШ № 62 г. Кирова). 610008, г. Киров, ул. Советская (Нововятск), д. 48.

E-mail: jevbassvggu@bk.ru

КОХАНОВ Константин Анатольевич – кандидат педагогических наук, доцент, докторант кафедры физики и методики обучения физике ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: kokhanovka@mail.ru.

КРАШЕНИННИКОВА Юлия Андреевна – кандидат филологических наук, зав. сектором Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. 167982, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26.

E-mail: krashennnikova@rambler.ru

КРУТИХИНА Марина Викторовна – кандидат педагогических наук, доцент по кафедре фундаментальной и компьютерной математики ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: krumarvik@mail.ru

КУЗЬМИН Александр Юрьевич – кандидат исторических наук, доцент, декан исторического факультета Московского педагогического государственного университета. 119421, г. Москва, просп. Вернадского, д. 88/3.

E-mail: kuzmin282@yandex.ru

КУЗЬМИНА Валентина Петровна – кандидат психологических наук, доцент, зав. кафедрой общей и специальной психологии ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: kaf_psihologii@vshu.kirov.ru

ЛОБАНОВА Людмила Сергеевна – научный сотрудник Института языка, литературы и истории Коми научного центра РАН. 167982, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26.

E-mail: sergejluda@mail.ru

МАКАРОВА Ольга Александровна – аспирант кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации Поволжской государственной социально-гуманитарной академии. 105064, г. Москва, ул. Земляной Вал, д. 7.

E-mail: macolga@newmail.ru

МАКУТЧЕВ Александр Валерьевич – кандидат исторических наук, доцент по кафедре правовых дисциплин Тульского государственного педагогического университета им. Л. Н. Толстого. 300026, г. Тула, просп. Ленина, д. 125.

E-mail: mackutcheve@yandex.ru

МАСЛОВА Марина Арнольдовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры классической и современной литературы НГПУ им. К. Минина. 603950, г. Нижний Новгород, ул. Ульянова, д. 1.

E-mail: maslova.m.a@mail.ru

МАТАНЦЕВА Надежда Вадимовна – студентка III курса юридического факультета ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: sozonovagalina@ya.ru

МАТАНЦЕВА Татьяна Николаевна – кандидат психологических наук, доцент по кафедре общей и специальной психологии ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: tatiana.matantsewa@yandex.ru

МЕРКЕЛЬ Елена Владимировна – кандидат филологических наук, зав. кафедрой русской филологии, зам. директора по учебной работе Технического института (филиала) «Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова» в г. Нерюнгри. 678960, г. Нерюнгри, ул. Кравченко, д. 16.

E-mail: merkel-e@yandex.ru

МИНЕМУЛЛИНА Анна Романовна – аспирант кафедры русского языка ВятГГУ, преподаватель филиала ВятГГУ в г. Вятские Поляны. 612961, Кировская область, г. Вятские Поляны, ул. Советская, д. 13.

E-mail: anna_savozkaya@mail.ru

МИХАЙЛЕНКО Елена Николаевна – кандидат филологических наук, доцент по кафедре зарубежной литературы и художественной культуры Башкирского государственного университета. 450074, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Заки Валиди, д. 32.

E-mail: mikhaylenko71@bk.ru

МИХАЙЛОВ Валерий Михайлович – кандидат географических наук, доцент по кафедре инженерной экологии техносферы Московского государственного технического университета радиотехники, электроники и автоматики. 119454, г. Москва, Проспект Вернадского, д. 78.

E-mail: valery2m@rambler.ru

МУРАТОВА Наталья Геннадьевна – доктор медицинских наук, профессор, проректор по лечебной работе и последипломному образованию Кировской государственной медицинской академии. 610027, г. Киров, ул. К. Маркса, д. 112.

E-mail: priemnaya@kirovgma.ru

НАГОВИЦЫНА Марина Петровна – кандидат филологических наук, доцент по кафедре философии и культурологии Вятского государственного университета. 610000, г. Киров, ул. Московская, д. 36.

E-mail: nagovicynamp@yandex.ru

ОКУЛОВ Станислав Михайлович – доктор педагогических наук, профессор по кафедре прикладной математики и информатики ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: okulov@fimif.ru

ПЕЧЕНКИН Александр Алексеевич – доктор исторических наук, член Академии военных наук РФ, зав. кафедрой всеобщей и российской истории Вятского государственного университета. 610000, г. Киров, ул. Московская, д. 36.

E-mail: kaf_vseob_istoria@vyatsu.ru

ПЛОТНИКОВА Галина Николаевна – старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: sozonovagalina@ya.ru

ПОВАЛЯЕВА Ольга Николаевна – кандидат педагогических наук, доцент по кафедре педагогики Елецкого государственного университета им. И. А. Бунина. 399770, Липецкая область, г. Елец, ул. Коммунаров, д. 28.

E-mail: elpavlik@rambler.ru

ПОЗДЕЕВ Вячеслав Алексеевич – доктор филологических наук, профессор по кафедре русской и зарубежной литературы ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: slava@pozd.kirov.ru

ПОЗОЛОТИНА Марина Павловна – аспирант кафедры физики и методики обучения физике ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: mpozolotina@mail.ru

РЕДИКУЛЬЦЕВА Елена Николаевна – кандидат юридических наук, зав. кафедрой трудового и социального права ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: elena.red@inbox.ru

РЫСЕВА Ульяна Алексеевна – аспирант кафедры русского языка ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: ulyana-ryseva@rambler.ru

САУРОВ Юрий Аркадьевич – доктор педагогических наук, профессор по кафедре физики и методики обучения физике ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: sya@physics2.kirov.ru

СИМОНОВА Галина Ивановна – доктор педагогических наук, зав. кафедрой педагогики ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: kaf_pedagogiki@vshu.kirov.ru

СОЗА Лилия Нисоновна – кандидат исторических наук, доцент Московского государственного областного социально-гуманитарного института (Коломна). 140410, г. Коломна, ул. Зеленая, д. 30.

E-mail: livaso@list.ru

СТАРОДУБЦЕВА Юлия Викторовна – ассистент кафедры трудового и социального права ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: starodubtseva.iulia@yandex.ru

СУЧКОВ Андрей Викторович – старший следователь следственного отделения Кировского ЛО МВД России на транспорте, майор юстиции, аспирант кафедры уголовного процесса и криминалистики юридического факультета ННГУ им. Н. И. Лобачевского заочной формы обучения. 610001, г. Киров, ул. Горького, д. 67.

E-mail: ansuchkov@rambler.ru

ТАЕВА Наталья Евгеньевна – кандидат юридических наук, доцент по кафедре конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доцент, докторант. 103001, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9.

E-mail: tayeva@mail.ru

ТАРАСОВ Александр Витальевич – аспирант кафедры отечественной истории ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.
E-mail: otechhistory@vshu.kirov.ru

ТОЛКАЧЕВА Ирина Николаевна – студентка магистратуры факультета менеджмента, аналитик проектно-учебной лаборатории «Управление инновационными системами» Национального исследовательского университета Высшей школы экономики. 101000, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20.
E-mail: itolkacheva@hse.ru

ХОДЫРЕВА Елена Анатольевна – доктор педагогических наук, профессор, проректор по учебной работе ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.
E mail: ur@vshu.kirov.ru

ЧАПАЙКИНА Ирина Геннадьевна – преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин Кировского филиала федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», 610004, г. Киров, ул. Ленина, д. 25.
E-mail: irisha-pravo@yandex.ru

ШЕШУНОВ Игорь Вячеславович – доктор медицинских наук, профессор, ректор Кировской государственной медицинской академии. 610027, г. Киров, ул. К. Маркса, д. 112.
E-mail: priemnaya@kirovgma.ru

INFORMATION ABOUT AUTHORS

VERYANOVA A. V. – second-year student of magistracy in the Faculty of Humanities of NSPU of K. Minin. 1 Ulyanov St., 603950 Nizhny Novgorod.
E-mail: slastia_91@mail.ru

ALIKIN Victor Anatovievich – Candidate of Philosophy, Associate professor in the Department of management of Novochoerkassk Engineering- Soil-reclamation Academy of the Don State Agrarian University. 111 Pushkinskaya St., 346428, Rostov region, Novochoerkassk.
E-mail: ludosopher@yandex.ru

BAZHIN Konstantin Sergeevich – Candidate of Pedagogical sciences, Associated professor of the Department of Practical psychology of Vyatka State University of Humanities. 26, Krasnoarmejskaya St., 610002 Kirov.
E mail: pedfak@vshu.kirov.ru

BOGATKINA Mariia Sergeevna – lecturer at the Department of general and strategical management of National Research University of Higher School of Economics (HSE). 20 Myasnitskaya St., 101000, Moscow.
E-mail: mbogatkina@hse.ru

BYKHOVSKAYA Irina Markovna – Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of cultural anthropology, sociocultural anthropology, and social communications of the Russian State University of physical culture, sport, youth and tourism (RSUPCSYT) (Moscow). 4 Sirenevyy Boulevard, 105122 Moscow.
E-mail: bykirina@gmail.com

VOLOKITINA Nadezhda Aleksandrovna – Candidate of Culturology, Associate professor of the Department of cultural studies and pedagogical anthropology of Syktyvkar State University. 55 Oktyabrskiy Ave., 167031 Syktyvkar.
E-mail: anjis@rambler.ru

GVOZDEVA Ekaterina Vladimirovna – Candidate of Legal sciences, Associate professor of the Department of state and legal disciplines of Vyatka State University of Humanities. 26, Krasnoarmejskaya St., 610002 Kirov.
E-mail: kaf_gpd@vshu.kirov.ru

DEMIDOVA Marina Vladimirovna – Candidate of Philosophy, Associate professor of Stolypin Volga Institute of Administration – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Saratov. 23/25, Sobornaya St., 410031 Saratov.
E-mail: demidovamv@rambler.ru.

DOMRACHEV Dmitriy Garrievich – candidate of Legal sciences, Head of the Department of state and legal disciplines of Vyatka State University of Humanities. 26, Krasnoarmejskaya St., 610002 Kirov.
E-mail: kaf_gpd@vshu.kirov.ru

DUDOLADOVA Mariya Mihailovna – lecturer at the Department of culture of the Perm State Academy of Art and Culture. 18 Gazety "Pravda" St., 614000 Perm.
E-mail: mari-marchi@rambler.ru

ZDOROVENKO Marina Yuryevna – Candidate of Physics-mathematical sciences, Associate professor in the Department of applied mathematics and Informatics of Vyatka State University. 29 Moscovskaya St., 610000 Kirov.
E-mail: zdorovenko.s@mail.ru

ZELENINA Natalia Alekseevna – Candidate of Pedagogical sciences, Associate professor in the Department of fundamental and computational mathematics of Vyatka State University of Humanities. 26, Krasnoarmejskaya St., 610002 Kirov.

E-mail: sezel@mail.ru

ZOLOTOVA Tatyana Arkadjevna – Doctor of Philology, Head of the Department of Russian and foreign literature of the Mari State University. 1 Lenin Sqr., 424000 Yoshkar-Ola.

E-mail: zolotova_tatiana@mail.ru

IVANOV Fedor Nikolayevich – Candidate of Historical sciences, Associate professor in the Department of history of Russia and foreign countries of Syktyvkar State University. 55 Oktyabrsky Ave., 167031 Syktyvkar.

E-mail: fedor-ivanoff@mail.ru

KALASHNIKOVA Elena Mikhailovna – PhD, Professor of the Chair of Philosophy and Social Sciences of Perm State Humanitarian Pedagogical University. 24 Sibirskaya St., 614990 Perm.

E-mail: krauze@pspu.ru

KOZLOV Evgeny Vasilyevich – teacher of municipal budget educational institution "Secondary school with in-depth study of specific subjects №62 named after A.J. Oparin" of the city of Kirov (MBEI secondary school №62 of Kirov). 48 Sovetskaya St. (Novovyatsk), 610013 Kirov.

E-mail: jevbassvggu@bk.ru

KOKHANOV Konstantin Anatolyevich – Candidate of Pedagogical sciences, Associate professor, doctoral candidate of the Department of physics and methods of teaching physics of Vyatka State University of Humanities. 26, Krasnoarmejskaya St., 610002 Kirov.

E-mail: kokhanovka@mail.ru.

KRASHENINNIKOVA Yuliya Andreevna – Candidate of Philology, Head of sector of the Institute of language, literature and history of Komi Scientific Center of Ural branch of the Russian Academy of Sciences. 26 Kommunisticheskaya St., 167982 Syktyvkar.

E-mail: krasheninnikova@rambler.ru

KRUTIKHINA Marina Viktorovna – Candidate of Pedagogical sciences, Associate professor in the Department of fundamental and computational mathematics of Vyatka State University of Humanities. 26, Krasnoarmejskaya St., 610002 Kirov.

E-mail: krumarvik@mail.ru

KUZMIN Alexander Yuryevich – Candidate of Historical sciences, Associate professor, Dean of the Faculty of History of Moscow Pedagogical State University. 88/3 Vernadskiy Ave., 119421 Moscow.

E-mail: kuzmin282@yandex.ru

KUZMINA Valentina Petrovna – Candidate of Psychological sciences, Professor, Head of the Department of general and special psychology of Vyatka State University of Humanities. 26, Krasnoarmejskaya St., 610002 Kirov.

E-mail: kaf_psihologii@vshu.kirov.ru

LOBANOVA Ludmila Sergeevna – researcher of the Institute of language, literature and history of Komi Scientific Center of Ural branch of the Russian Academy of Sciences. 26 Kommunisticheskaya St., 167982 Syktyvkar.

E-mail: sergejluda@mail.ru

MAKAROVA Olga Aleksandrovna – postgraduate student of the Department of English philology and intercultural communication of Volga State Socially-humanitarian Academy. 7 Zemlyanoy Val St., 105064 Moscow.

E-mail: macolga@newmail.ru

MAKUTCHEV Alexander Valeryevich – Candidate of Historical sciences, Associate professor in the Department of legal disciplines of the Tula State Pedagogical University of L. N. Tolstoy. 125 Lenin Ave., 300026 Tula.

E-mail: mackutcheve@yandex.ru

MASLOVA M. A. – Candidate of Philology, Associate professor of classical and modern literature of NSPU of K. Minin. 1 Ulyanov St., 603950 Nizhny Novgorod.

E-mail: maslova.m.a@mail.ru

MATANTSENA Nadezhda Vadimovna – student of the III grade of the faculty of law of Vyatka State University of Humanities. 26, Krasnoarmejskaya St., 610002 Kirov.

E-mail: sozonovagalina@ya.ru

MATANTSEWA Tatyana Nikolaevna – Candidate of Psychological sciences, Associate professor of the Department of general and special psychology of Vyatka State University of Humanities. 26, Krasnoarmejskaya St., 610002 Kirov.

E-mail: tatiana.matantsewa@yandex.ru

MERKEL Elena Vladimirovna – Candidate of Philology, Head of the Department of Russian Philology, Deputy Director on educational work of the Technical Institute (branch) of "North-Eastern Federal University of M. K. Amosov" in Neryungri. 16 Kravchenko St., 678960 Neryungri.

E-mail: merkel-e@yandex.ru

MINEMULLINA Anna Romanovna – postgraduate student of the Department of Russian language of VyatSHU, lecturer of the branch of VyatSHU in Vyatskie Polyany. 13 Sovetskaya St., 612961 Kirov region, Vyatskie Polyany.

E-mail: anna_savozkaya@mail.ru

MIKHAYLENKO Elena Nicolaevna – candidate of Philological sciences, Associate professor in the Department of foreign literature and art culture of the Bashkir state University. 32 Zaki Validi St., 450076 Ufa, Republic of Bashkortostan.

E-mail: mikhaylenko71@bk.ru

MIKHAILOV Valeriy Mikhailovich – Candidate of Geographical sciences, Associate professor of engineeringecology of technosphere of Moscow State Technical University of Radioengineering, Electronics and Automation. 78 Vernadsky Ave., 119454 Moscow.

E-mail: valery2m@rambler.ru

МУРАТОВА Наталья Геннадьевна – Doctor of Medical sciences, Professor, Vice-rector for clinical work and postgraduate education of the Kirov State Medical Academy. 112 K. Marx St., 610027 Kirov.

E-mail: priemnaya@kirovgma.ru

NAGOVITSYNA Marina Petrovna – Candidate of Philology, Associate professor of the Department of philosophy and cultural studies of Vyatka State University. 36 Moscovskaya St., 610000 Kirov.

E-mail: nagovicynamp@yandex.ru

OKULOV Stanislav Mikhaylovich – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor at the Department of Applied Mathematics and Computer Science in Vyatka State University of Humanities. 26, Krasnoarmejskaya St., 610002 Kirov.

E-mail: okulov@fimif.ru

PECHENKIN Aleksandr Alekseevich – Doctor of Historical sciences, member of the Academy of Military Sciences of the Russian Federation, Head the Department of General and Russian history of Vyatka State University. 36 Moscovskaya St., 610000 Kirov.

E-mail: kaf_vseob_istoria@vyatsu.ru

PLOTNIKOVA Galina Nikolaevna – senior lecturer of the Department of state and legal disciplines of Vyatka State University of Humanities. 26, Krasnoarmejskaya St., 610002 Kirov.

E-mail: sozonovagalina@ya.ru

POVALYAEVA Olga Nikolaevna – Candidate of Pedagogical sciences, Associate professor in the Department of Pedagogics of Yelets State University of I. A. Bunin. 28 Communary St., 399770, Lipetsk region, Elets.

E-mail: elpavlik@rambler.ru

POZDEEV Vyacheslav Alekseevich – Doctor of Philology, Professor of Russian and foreign literature of Vyatka State University of Humanities. 26, Krasnoarmejskaya St., 610002 Kirov.

E-mail: slava@pozd.kirov.ru

POZOLOTINA Marina Pavlovna – postgraduate student of the Department of physics and methods of teaching physics of Vyatka State University of Humanities. 26, Krasnoarmejskaya St., 610002 Kirov.

E-mail: mpozolotina@mail.ru

REDIKULTSEVA Elena Nikolaevna – candidate of Legal sciences, Head of the Department of employment and social rights of Vyatka State University of Humanities. 26, Krasnoarmejskaya St., 610002 Kirov.

E-mail: elena.red@inbox.ru

RYSEVA Ulyana Alekseevna – postgraduate student of the Department of Russian language of Vyatka State University of Humanities. 26, Krasnoarmejskaya St., 610002 Kirov.

E-mail: ulyana-ryseva@rambler.ru

SAUROV Yuri Arkadyevich – Doctor of Pedagogical sciences, Professor in the Department of physics and methods of teaching physics of Vyatka State University of Humanities. 26, Krasnoarmejskaya St., 610002 Kirov.

E-mail: sya@physics2.kirov.ru

SIMONOVA Galina Ivanovna – Doctor of Pedagogical sciences, Head of the Department of Pedagogy of Vyatka State University of Humanities. 26, Krasnoarmejskaya St., 610002 Kirov.

E-mail: kaf_pedagogiki@vshu.kirov.ru

SOZA Liliya Nisonovna – Candidate of Historical sciences, Associate professor of Moscow State Regional Social-humanitarian Institute (Kolomna). 30 Zelenaya St., 140410 Kolomna.

E-mail: livaso@list.ru

STARODUBTSEVA Julia Viktorovna – assistant of the Department of labor and social rights of Vyatka State University of Humanities. 26, Krasnoarmejskaya St., 610002 Kirov.

E-mail: starodubtseva.iulia@yandex.ru

SUCHKOV Andrey Victorovich – senior investigator of the Investigation Department of the Kirov Linear Dept. of the Russian Interior Ministry of transport, major of justice, postgraduate student of the Department of criminal procedure and criminalistics of Faculty of Law of Nizhniy Novgorod State University of N. I. Lobachevsky, correspondence courses. 67 Gorky St., 610001 Kirov.

E-mail: ansuchkov@rambler.ru

TAEVA Natalya Evgenyevna – Candidate of Legal science, Associate Professor of the Department of the Constitutional and Municipal Law of Moscow State University of Law named after O. E. Kutafin, Associate professor, doctoral candidate. 9 Sadovaya-Kudrinskaya St., 103001 Moscow.

E-mail: tayeva@mail.ru

TARASOV Aleksander Vitalievich – postgraduate student of the chair of Russian history of Vyatka State University of Humanities. 26, Krasnoarmejskaya St., 610002 Kirov.

E-mail: otechhistory@vshu.kirov.ru

TOLKACHEVA Irina Nickolaevna – graduate student of management faculty, analyst of project-learning laboratory “Management of innovative systems” of National Research University of Higher School of Economics (HSE). 20 Myasnitskaya St., 101000, Moscow.

E-mail: itolkacheva@hse.ru

KHODYREVA Elena Anatolyevna – Doctor of Pedagogical sciences, Professor, Vice-rector for Education of Vyatka State University of Humanities. 26, Krasnoarmejskaya St., 610002 Kirov.

E mail: ur@vshu.kirov.ru

CHAPAYKINA Irina Gennadyevna – lecturer at the Department of state and legal disciplines of the Kirov branch of Federal State Budgetary Educational Institution of higher professional education "Russian Academy of National Economy and State Service under the President of the Russian Federation", 25 Lenin St., 610004 Kirov.

E-mail: irisha-pravo@yandex.ru

SHESHUNOV Igor Vyacheslavovich – Doctor of Medical sciences, Professor, Rector of the Kirov State Medical Academy. 112 K. Marx St., 610027 Kirov.

E-mail: priemnaya@kirovgma.ru

Вестник
Вятского государственного гуманитарного университета
Научный журнал № 11 (2014)

Подписано в печать 24.10.2014 г.
Формат 60x84 ¹/₈. Бумага офсетная. Гарнитура Cambria.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 34,0. Тираж 1000. Заказ № 170.

Издательство
Вятского государственного гуманитарного университета,
610002, г. Киров, ул. Красноармейская, 26
(8332) 673-674

Отпечатано
в полиграфическом цехе Издательства ВятГГУ,
610002, г. Киров, ул. Ленина, 111, т. (8332) 673-674